ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
УИЛЬЯМ ГИБСОН
Граф Ноль. Мона Лиза овердрайв
«НЕЙРОМАНТ» И ДВА ЕГО ПРОДОЛЖЕНИЯ —
НЕ О КОМПЬЮТЕРАХ.
УИЛЬЯМ ГИБСОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Второй и третий романы трилогии киберпространства. Содержание: Граф ноль (роман) Мона Лиза Овердрайв (роман)

- Уильям Гибсон
  - Граф Ноль
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36

- «С глазу на глаз»
- Мона Лиза Овердрайв
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
  - Глава 35
  - Глава 36
  - Глава 37
  - Глава 38
  - Глава 39
  - Глава 40
  - Глава 41
  - Глава 42

        - Глава 43
        - Глава 44
        - Глава 45
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

Уильям Гибсон
Граф Ноль. Мона Лиза овердрайв (авторский сборник)

Граф Ноль

Моей Д.посвящается

Quiero hacer contigo
la que la primavera
hace con los cerezos.

Неруда

COUNT ZERO INTERRUPT
(ПРЕРЫВАНИЕ НА СЧЕТ НОЛЬ)

—

Чтобы прервать работу программы,
сбросьте счетчик до нуля.

Примечание автора

1
Отлично налаженный механизм

«Собаку-хлопушку», предварительно натасканную на его феромоны и цвет волос, Тернеру посадили на хвост в Нью-Дели. Она достала его на улице под названием Чандни-Чаук, проползла на брюхе к арендованному им «БМВ» сквозь лес коричневых голых ног и колес рикш. «Собака» была начинена килограммом кристаллического гексогена, перемешанного с тротиловой стружкой.

Тернер не видел ее приближения. Последнее, что он помнит об Индии, – розовая штукатурка дворца под названием «Отель Кхуш-Ойл».

Поскольку у него был хороший агент, у него был хороший контракт. Поскольку у него был хороший контракт, то буквально час спустя после взрыва он уже был в Сингапуре. По крайней мере, большей своей частью. Хирургу-голландцу нравилось подшучивать над тем, что некий не названный процент Тернера не вырвался из «Палам Интернэшнл» первым рейсом и был вынужден провести ночь в ангаре в резервуаре жизнеобеспечения. Голландцу и его бригаде потребовалось три месяца, чтобы собрать Тернера заново. Они клонировали для него квадратный метр кожи, вырастив ее на пластинах коллагена и полисахаридов из акульих хрящей. Глаза и гениталии купили на свободном рынке. Глаза оказались зеленые.

Большую часть этих трех месяцев Тернер провел в сгенерированном в базовой памяти симстим-конструкте – в идеализированном детстве в Новой Англии предыдущего столетия. Визиты голландца представали серыми предрассветными снами, кошмарами, тускневшими, когда светлело небо за окном спальни на втором этаже, где по ночам пахло фиалками. Тринадцатилетний Тернер читал Конан-Дойля при свете шестидесятиваттной лампочки под бумажным абажуром с изображениями белоснежных парусников, мастурбировал, ощущая запах чистых хлопковых простыней, и думал о девчонках из группы поддержки футбольной команды. Голландец же открывал дверку в глубине его мозга и задавал ему всякие разные вопросы; но утром мать звала его завтракать овсянкой и яичницей с беконом, за которыми следовал неизменный кофе с молоком и сахаром.

Однажды утром Тернер проснулся в чужой постели, у окна стоял голландец, заслоняя собой тропическую зелень и резавший

глаза солнечный свет.

– Можете отправляться домой, Тернер. Мы с вами закончили. Вы теперь как новенький.

Он был как новенький. А хорошо ли это? Этого Тернер не знал. Забрав то, что передал ему на прощание голландец, он вылетел из Сингапура. Домом ему стал «Хайятт» в ближайшем аэропорту. И в следующем за ним.

И в следующем. И в Бог знает каком еще.

Он все летел и летел. Его кредитный чип – черный зеркальный прямоугольник с золотым обрезом. Люди за стойками, завидев его, улыбались, кивали. Распахивались и захлопывались за ним двери. Колеса отрывались от железобетона, тут же появлялась выпивка, стол всегда был накрыт.

В Хитроу огромный ломоть памяти, отколовшийся от пустой чаши неба над аэропортом, рухнул ему на плечи. Не замедляя хода, Тернер сблевал в синюю пластмассовую урну. Оказавшись у стойки в конце коридора, он поменял билет.

На рейс в Мексику.

И проснулся под клацанье стальных корзинок по кафелю, мокрый шорох щеток. Теплое женское тело под боком.

Комната – как высокая пещера. Голый белый пластик четко отражает звук; где-то вдали, перекрывая болтовню служанок в утреннем дворе, бьется прибой. Под пальцами – мятые простыни, шершавый лен, смягченный бесчисленными стирками.

Он вспомнил солнечный свет сквозь стену из тонированного стекла. Пуэрто Валларта, бар в аэропорту. Двадцать метров от самолета пришлось пройти пешком, зажмурив глаза от солнца. Вспомнил дохлую летучую мышь, раскатанную в сухой лист по бетону взлетной полосы.

Вспомнил автобус, карабкающийся по горной дороге: вонь от двигателя внутреннего сгорания, ветровое стекло, оклеенное по краю почтовыми открытками с розовыми и голубыми голограммами святых. Поднимающийся уступами ландшафт он не замечал, увлеченный шариком из розового луизита, в сердцевине которого нервно танцевала ртуть. Шар размером чуть больше бейсбольного мяча увенчивал стальной рычаг переключения скоростей. В дутой полости сферы, до половины наполненной шариками ртути, скорчился паук. Ртуть подпрыгивала и перекатывалась, когда водитель лихо заворачивал автобус по серпантину, качалась и подрагивала на прямых отрезках дороги. Набалдашник был самоделкой, нелепой и зловещей; он был здесь, чтобы сказать: «Добро пожаловать в

Мексику».

Среди примерно дюжины выданных голландцем микрософтов был один, который позволил бы ему сравнительно бегло говорить по-испански. Но в Валларте Тернер, нащупав выступ за левым ухом, вместо софта вставил заглушку от пыли, спрятав разъем и коннектор за квадратиком микропоры телесного цвета. У пассажира на одном из задних кресел автобуса было радио. В звенящие поп-мотивы периодически врывался голос диктора, чтобы продекламировать как какую-нибудь литанию цепочки десятизначных чисел – «сегодняшние победители в национальной лотерее!»

Женщина рядом с ним шевельнулась во сне.

Тернер приподнялся на локте, чтобы взглянуть на нее. Лицо незнакомое, но не из тех, к каким приучила его кочевая гостиничная жизнь. Он ожидал увидеть банальную красотку, порождение дешевой пластической хирургии и безжалостного дарвинизма моды, архетип, сварганенный из сотен популярных экранных лиц за последние пять лет.

Что-то от Среднего Запада в линии нижней челюсти, что-то архаичное и очень американское. Бедро прикрыто складками голубой простыни. Сквозь деревянные жалюзи косо падает солнечный свет, расчерчивая ее длинные ноги золотыми диагоналями. Лица, рядом с которыми он просыпался в гостиницах мира, были как орнамент на капюшоне самого Господа. Спящие женские лица, одинаковые и одинокие, обнаженные, устремленные в пустоту. Но это лицо было иным. Почему-то оно уже соотносилось с каким-то смыслом. Смыслом и именем.

Он сел, спустив ноги с кровати. Подошвы ног зарегистрировали на холодной плитке дробь песчинок с пляжа. Стоял слабый всепроникающий запах инсектицидов. Голый, с пульсирующей в голове болью, он встал. Заставил ноги передвигаться. Пошел, толкнул одну из двух дверей, обнаружил за ней белый кафель, еще более белую штукатурку, грушу хромированной головки душа, свисающую с покрытой пятнами ржавчины железной трубы. Краны над раковиной предлагали одинаковые струйки теплой, как кровь, воды. Возле пластикового переключателя лежали антикварные наручные часы, механический «ролекс» на светлом кожаном ремешке.

В закрытых ставнями окнах ванной отсутствовали стекла, зато их затягивала мелкая сетка из зеленой пластмассы. Выглянув в щелку между деревянными планками, Тернер поморщился от резкого жаркого солнца, увидел пересохший фонтан, выложенный плиткой в цветочек, и ржавый остов «фольксвагена» модели

«кролик».

Эллисон. Вот как ее зовут.

На ней были поношенные шорты цвета хаки и его белая футболка. Ноги у нее были совсем коричневые. Механический «ролекс» в безупречном тусклом корпусе из нержавеющей стали и с ремешком из свиной кожи вернулся на ее запястье. Они отправились погулять вдоль изгиба пляжа по направлению к Барреде-Навидад, держась узкой полоски плотного мокрого песка по линии прибоя.

У них уже была общая история: он помнил ее этим утром у стойки в маленьком с железной крышей меркадо. Помнил, как она обеими руками держала огромную глиняную кружку с дымящимся кофе. Как жадно уплетала яйца и сальсу с потрескавшейся белой тарелки с тортильей. А он смотрел, как мухи кружат в пальцах солнечного света, пробивающегося сквозь лоскутное одеяло тени, накинутое пальмовыми листьями и рифлеными стенами кафе. Какой-то разговор о ее работе в адвокатской конторе в Лос-Анджелесе, о том, как она живет одна в одном из ветхих понтонных городков, стоящих на приколе за Редондо. Он, кажется, сказал, что работает в охране. Так или иначе, когда-то так оно и было.

– Может, подыщу себе какую-нибудь другую работу…

Но разговор казался вторичным по сравнению с тем, что возникло между ними. Вот над их головами, паря в бризе, зависла птица-фрегат, скользнула в сторону, развернулась и исчезла. Оба вздрогнули от такой свободы, от бездумного птичьего скольжения. Эллисон сжала его руку.

По пляжу, приближаясь к ним, вышагивала синяя фигура – военный полицейский направлялся в народ, сияющие черные сапоги казались нереальными на фоне пастельных красок пляжа. Когда полицейский с темным и неподвижным лицом под зеркальными очками проходил мимо, Тернер заметил лазерный карабин «стайнер-оптик» со значком «Fabrique Nationale». Синяя гимнастерка была безупречна, а стрелки брюк жестки и остры, как лезвие ножа.

Большую часть своей взрослой жизни Тернер, хотя никогда и не носил униформы, был солдатом. Солдатом удачи. Наемником. Его работодатели – огромные корпорации, втайне воюющие между собой за контроль над мировой экономикой. Его специализация – чиновники из высших эшелонов управления и ведущие ученые. Транснационалы, на которых он работал, никогда не признают существование людей, подобных Тернеру…

– Прошлой ночью ты оприходовал почти всю бутылку

«херрадуры», – сказала женщина.

Тернер кивнул. Ее рука в его ладони была сухой и теплой. Он смотрел, как Эллисон ставит ногу на песок, как раздвигаются при этом пальцы. Розовый лак на ногтях совсем облупился.

Накатили буруны с прозрачной, как зеленое стекло, кромкой.

На загорелой коже Эллисон мелкими бусинами осела водяная пыль.

После того первого дня вместе жизнь вошла в простую колею. Они завтракали в меркадо за бетонной стойкой, вытертой до гладкости полированного мрамора. Утро проводили купаясь, пока солнце не загоняло их назад в защищенную ставнями прохладу гостиницы, где они занимались любовью под медленно кружащимися лопастями деревянного вентилятора, потом спали. Под вечер отправлялись обследовать путаницу узких улочек позади Авениды или уходили к холмам. Обедали на верандах ресторанов с видом на пляж и пили вино в патио белых гостиниц. В волнах прибоя качался лунный свет.

И постепенно, без слов, она научила его новому виду страсти. Он привык к тому, чтобы его обслуживали, к безликому сервису умелых профессионалок. Теперь же, в белой пещере комнаты, он стоял на коленях на плитке пола. Опуская голову, ласкал ее языком; тихоокеанская соль смешивалась с ее собственной влагой, внутренняя поверхность бедер, прижатая к его щекам, была прохладной. Покачивая ладонями ее бедра, он сжимал их, поднимал как чашу, плотно прижимаясь губами, пока язык его искал локус, точку, частоту, которая приведет ее к дому. Потом, усмехаясь, вставал, входил и искал собственную дорогу к нему.

А иногда, после, он говорил – и долгие спирали несфокусированного рассказа, развертываясь, соединялись с шумом моря. Эллисон говорила очень немного, но он научился ценить то малое, что она говорила. И всегда она обнимала его. И слушала.

* * *

Прошла неделя, за ней другая. В их последний день вместе Тернер проснулся в той же самой прохладной комнате, увидел Эллисон рядом. За завтраком ему почудилось, что он уловил в ней перемену, какую-то непривычную напряженность.

Они загорали, плавали, и в знакомой постели он забыл о смутном привкусе беспокойства.

Под вечер Эллисон предложила пойти погулять по пляжу к

Барре, как они ходили в то первое утро.

Тернер извлек из разъема за ухом заглушку и вставил «занозу» микрософта. Структура испанского языка опустилась сквозь него как стеклянная башня, невидимые ворота распахнулись в настоящее и будущее, в условное и предпрошедшее. Оставив ее в комнате, он пересек Авениду и вошел на рынок. Купил соломенную корзинку, несколько банок холодного пива «карта бланка», сэндвичи и фрукты. По дороге назад купил у торговца на Авениде новую пару солнечных очков.

Его загар был теперь коричневым и ровным. Угловатые заплаты, оставшиеся после пересадки ткани, исчезли, а Эллисон научила его единству тела. По утрам, встречая в зеркале в ванной взгляд зеленых глаз, он наконец уверовал в то, что они его собственные. Да и голландец перестал тревожить его сны дурацкими шутками и сухим кашлем. И все же временами ему снилась Индия, страна, которую он едва успел узнать. Индия, разлетевшаяся вдребезги яркими осколками: улица Чандни-Чаук, запах пыли и жареных лепешек.

Стены полуразвалившегося отеля стояли на полпути к Барре, если идти вдоль дуги залива. Прибой здесь был сильнее, и каждая волна разбивалась маленьким взрывом.

Сейчас Эллисон тянула его к этому отелю. В уголках ее глаз появилось что-то новое, какая-то натянутость. Чайки разлетелись врассыпную, когда они рука об руку вышли на пляж, чтобы заглянуть в тень за пустым дверным проемом. Там был песок, нанесенный приливом, и теперь ветер должен был завершить свой труд над фасадом постройки. Стены уже ушли, оставив перекрытия этажей свисать огромными полотнищами на погнутых ржавых сухожилиях. На каждом перекрытии пол был выстелен другим узором разноцветной плитки.

«ГОСТИНИЦА “PALAYA DEL M.”» – заглавные буквы были выложены будто рукой ребенка – морскими ракушками, вдавленными в бетонную арку.

– Мар, – сказал он, заканчивая слово, хотя и вынул уже микрософт.

– Все кончено, – сказала она, входя в тень арки.

– Что кончено? – Он вошел следом; плетеная корзинка терлась о бедро. Песок здесь был холодным, сухим и рассыпался под ногами.

– Кончено. С этим местом покончено. Здесь нет ни времени, ни будущего.

Он недоуменно уставился на нее, потом перевел взгляд туда, где у соединения двух осыпающихся стен были свалены в кучу

ржавые кроватные пружины.

– Мочой пахнет, – сказал он. – Пошли купаться.

Море смыло озноб, но между ними теперь повисла какая-то отстраненность. Они сидели на одеяле из комнаты Тернера и молча ели. Тень от развалин медленно удлинялась. Ветер играл выгоревшими на солнце волосами Эллисон.

– Глядя на тебя, я думаю о лошадях, – сказал он наконец.

– Ну, – проговорила она, будто из глубин усталости, – они только тридцать лет как вымерли.

– Нет, – сказал он, – их волосы. Волосы у них на шеях, когда лошади бегут.

– Гривы, – сказала она, на глазах у нее выступили слезы. – Сволочи. – Эллисон сделала глубокий вдох. Отбросила на песок пустую банку из-под «карта бланка». – Они, я, какая разница? – Ее руки снова обняли его плечи. – Ну давай же, Тернер. Давай.

И когда она ложилась на спину, утягивая его за собой, он заметил что-то – кораблик, превращенный расстоянием в белую черточку дефиса, – там, где вода соприкасалась с небом.

Садясь на одеяле, чтобы натянуть обрезанные джинсы, Тернер увидел яхту. Теперь корабль был гораздо ближе, грациозная запятая белой палубы легко скользила по воде. Глубокой воде. Судя по силе прибоя, пляж, очевидно, обрывался здесь почти вертикально. Вот почему череда гостиниц кончалась там, где она кончалась, в нескольких километрах от этого места, и вот почему руины не устояли. Волны подточили фундамент.

– Дай мне корзинку.

Она застегивала пуговицы блузки. Эту блузку он купил ей в одном из маленьких усталых магазинчиков на Авениде. Мексиканский хлопок цвета электрик, плохо обработанный. Одежда, которую они покупали в магазинах, редко протягивала больше одного-двух дней.

– Я сказал, дай мне корзинку.

Дала. Он покопался среди остатков их ужина, под пластиковым пакетом с ломтиками ананаса, вымоченными в лимонной цедре и присыпанных кайеннским перцем, нашел бинокль. Вытащил. Пара компактных боевых окуляров шесть на тридцать. Щелчком поднял вверх внутренние крышки с объективов и, приладив дужки, стал изучать обтекаемые иероглифы логотипа «Хосаки». Желтая надувная шлюпка обогнула корму и вырулила к пляжу.

– Тернер, я...

– Вставай. – Заталкивая одеяло и ее полотенце в корзинку,

сказал он.

Вынул последнюю, уже теплую банку «карта бланка», положил ее рядом с биноклем. Встал и, рывком подняв Эллисон на ноги, насильно всунул ей в руки корзинку.

– Возможно, я ошибаюсь, – сказал Тернер. – Но если нет, то уноси ноги, беги что есть сил. Свернешь к той, дальней гряде пальм. – Он указал куда-то в сторону. – В гостиницу не возвращайся. Садись на автобус в Манцанильо или Валларте. Поезжай домой. – До него уже доносилось мурлыканье мотора.

Из глаз ее потекли слезы, но беззвучно. Эллисон повернулась и побежала мимо развалин, вцепившись в корзинку, спотыкаясь на разъезжающемся песке. И ни разу не обернулась.

Тернер повернулся и стал смотреть в сторону яхты. Надувная шлюпка уже прыгала по волнам прибоя. Яхта называлась «Цусима», и в последний раз он видел ее в Хиросимском заливе. Но тогда он стоял на ее палубе и смотрел на красные ворота синтоистского храма в Ицукусиме.

Зачем бинокль, если и так ясно, что пассажиром шлюпки окажется Конрой, старший над ниндзями «Хосаки». Скрестив по-турецки ноги, Тернер сел на остывающий песок и открыл свою последнюю банку мексиканского пива.

Тернер, не отрываясь, глядел вдаль на череду белых гостиниц, руки неподвижно лежали на тиковых перилах «Цусимы». За гостиницами горели три голограммы городка – «Banamex», «Aeronaves» и шестиметровая богородица местного собора.

Конрой стоял рядом.

– Срочная работа, – сказал наконец Конрой. – Сам знаешь, как это бывает.

Голос Конроя был плоским и безжизненным, будто смоделированным в дешевом голосовом чипе. Лицо у него было широкое и белое, мертвенно-белое. Черные круги, мешки под глазами и грива выбеленных, зачесанных назад волос. На Конрое была черная рубашка-поло и черные брюки.

– Пошли внутрь, – поворачиваясь, сказал он.

Тернер безучастно последовал за ним, пригнувшись, чтобы войти в дверь каюты. Белые экраны, светлая сосновая обшивка – строгий шик токийских корпораций.

Конрой уселся на низкую прямоугольную подушку из синевато-серой искусственной замши. Тернер остался стоять, руки расслабленно висят по бокам; между ним и Конроем – стол. Конрой достал из стола серебряный, с насечками, ингалятор.

– Дохнешь холина?

– Нет.

Вставив ингалятор в ноздрю, Конрой вдохнул.

– Хочешь суси? – Он убрал ингалятор обратно в стол. – С час назад мы поймали пару окуней.

Тернер не шевельнулся, по-прежнему в упор глядя на Конроя.

– Кристофер Митчелл, – негромко произнес Конрой. – «Маас Биолабс». Руководитель их «гибридного» проекта. Он переходит в «Хосаку».

– Никогда о нем не слышал.

– Ну и хрен с ним. Хочет выпить?

Тернер покачал головой.

– Кремний уже в пути, Тернер. Митчелл – это тот самый, кто заставил работать биочипы, а «Маас» сидит на всех базовых патентах. Это ты знаешь. Митчелл – специалист по моноклонам. Он хочет выбраться. Ты и я, Тернер, мы с тобой должны вытащить его.

– Я думал, я в отставке, Конрой. Мне неплохо отдыхалось.

– Именно это и сказала команда психиатров в Токио. Я хочу сказать: это же не первый твой побег из коробки, а? Она психолог-практик, на жалование у «Хосаки».

На бедре Тернера задергался мускул.

– Они говорят, ты готов, Тернер. После Нью-Дели они немного волновались, так что хотели лишний раз перепроверить. Немного терапии на стороне никогда не повредит, или я не прав?

2
Марли

Для собеседования она надела лучший свой жакет, но в Брюсселе шел дождь, а денег на такси у нее не было. От станции «Евротранса» пришлось идти пешком.

Ладонь в кармане выходного жакета – от «Салли Стэнли», но уже год как ношенный – как белый узел вокруг скомканного факса. Факс ей больше не нужен, адрес она запомнила, но, похоже, ей никак не выпустить бумажку, как не победить транс, который держит ее в своих тисках. Ну вот, она все смотрит и смотрит в витрину дорогого магазина мужской одежды. Взгляд Марли попеременно застывает то на в высшей степени солидной фланелевой рубашке, то на отражении собственных темных глаз.

Нет сомнений, одни лишь эти глаза будут стоить ей работы. Даже мокрые волосы не в счет – теперь она жалела, что не позволила Андреа их подстричь. Ведь глаза выставляли напоказ всем, кто потрудится в них заглянуть, боль и вялость, и уж это точно не укроется от герра Йозефа Вирека, наименее вероятного из возможных нанимателей.

Когда доставили факс, Марли настаивала на том, чтобы отнестись к нему как к дурной шутке – мол, просто еще один докучливый звонок. А докучали ей предостаточно, спасибо масс-медиа. Звонков было столько, что Андреа пришлось заказать специальную программу для телефона в своей квартире. Программа не пропускала входящие звонки с номеров, которые не были занесены в ее постоянную директорию. Но именно это, возражала Андреа, и могло, наверное, послужить причиной для факса. Как еще с ней могли связаться?

Но Марли лишь качала головой, глубже закутываясь в старый махровый халат Андреа. С чего это вдруг Вирек, невероятно богатый коллекционер и меценат, пожелал бы нанять опозоренную бывшую управляющую крохотной парижской галереей.

Тогда приходил черед Андреа качать головой в раздражении на эту новую, «опозоренную» Марли Крушкову, которая целыми днями теперь не выходила из квартиры и иногда не находила в себе сил даже чтобы одеться. Попытка продать в Париже одну-единственную подделку едва ли кому-то в новинку, что бы там ни воображала себе Марли, говорила Андреа. Не будь пресса так озабочена тем, чтобы выставить мерзкого Гнасса старым дураком, каковым он в сущности и является, продолжала она, эта история

не попала бы даже в сводки новостей. Просто Гнасс оказался достаточно богатым и набуянил достаточно, чтобы сойти за скандал недели. Андреа улыбнулась:

– Не будь ты так привлекательна, о тебе бы вообще никто не вспомнил.

Марли покачала головой.

– И подделка-то принадлежала Алену. Ты сама ни в чем не виновна. Об этом ты забыла?

Ничего не ответив, Марли ушла в ванную, все так же кутаясь в потертый халат.

За желанием подруги утешить, хоть как-то помочь, Марли уже начинала чувствовать раздражение человека, вынужденного делить очень небольшое помещение с несчастным и не вносящим своей лепты в хозяйство гостем.

И Андреа еще пришлось одолжить ей денег на билет «Евротранса».

Сознательным мучительным усилием воли Марли вырвалась из замкнутого круга невеселых мыслей и слилась с плотным, но степенным потоком серьезных бельгийских покупателей.

Девушка в ярких брючках в обтяжку и огромной дубленой куртке, явно с плеча своего приятеля, слегка задела ее на бегу и, шаркнув ножкой, улыбнулась вместо извинения. У следующего перекрестка Марли заметила витрину с одеждой того стиля, который сама предпочитала в студенческие годы. Одежда выглядела невероятно новой.

В белом спрятанном кулачке – факс.

Галерея Дюпре, 14, рю о'Бёр, Брюссель.

Йозеф Вирек.

Секретарша в холодной серой приемной галереи Дюпре вполне могла вырасти здесь – очаровательное и, скорее всего, ядовитое растение, пустившее корни за плитой из полированного мрамора с утопленной в него эмалированной клавиатурой. Она подняла на подходящую Марли лучистые глаза. И Марли тут же вообразила: щелчок, вращение затворов – и вот портрет замарашки уже несется прочь в какой-нибудь дальний закоулок империи Йозефа Вирека.

– Марли Крушкова, – сказала она, борясь с желанием извлечь плотный комок факса и жалко разгладить его по холодному, безупречному мрамору. – К герру Виреку.

– Герр Вирек, к сожалению, не сможет быть сегодня в Брюсселе, фройляйн Крушкова.

Марли смотрела, как шевелятся идеально очерченные губы, и испытывала одновременно причиняемую ответом боль и острый

укол удовлетворения, с которым она научилась принимать разочарование.

– Понимаю.

– Однако он решил провести собеседование посредством сенсорной связи. Будьте добры пройти в третью дверь налево.

Комната была белой и голой. Справа и слева по стенам висели картины без рам: листы чего-то похожего на залитый дождем картон в дырках и ссадинах. Katatonenkunst.[1] Консервативно. Такие работы продают обычно канцелярским крысам, которых прислал совет директоров какого-нибудь голландского коммерческого банка.

Она села на низкую, обитую кожей банкетку и наконец позволила себе выпустить из руки факс. Она была одна в комнате, но предположила, что за ней каким-то образом наблюдают.

– Фройляйн Крушкова. – Молодой человек в темно-зеленом рабочем халате техника стоял в дверном проеме напротив той двери, через которую вошла она. — Через минуту, пожалуйста, пересеките комнату и войдите в эту дверь. Прошу вас взяться за ручку плотно и не спеша, чтобы обеспечить максимальный контакт металла с кожей вашей ладони. Затем осторожно переступите через порог. Пространственная дезориентация должна быть минимальной.

– Прошу проще… – Марли моргнула.

– Сенсорная связь, – сказал техник и удалился. Дверь за ним бесшумно закрылась.

Марли встала, подергала размокшие лацканы жакета в надежде придать им форму, коснулась волос, но передумала и, глубоко вздохнув, шагнула к двери. Фраза секретаря подготовила ее только к тому виду сенсорной связи, о котором она знала, – симстим-сигналу, переправляемому через «Белл-Европу». Она думала, ей придется надеть шлем со впаянными дерматродами, а Вирек воспользуется пассивным зрителем как человеческой видеокамерой.

Но размеры состояния Вирека определялись совершенно иными величинами.

Когда ее пальцы сомкнулись на медной дверной ручке, та, казалось, конвульсивно выгнулась, скользя в первую секунду контакта по тактильному спектру текстуры и температуры тканей.

Потом ручка вновь стала металлической… выкрашенной зеленой краской железякой… чугуном, уходящим вниз и вдаль, к линии горизонта… превратилась в старые перила, за которые Марли теперь ошарашенно цеплялась.

В лицо ей бросило несколько капель дождя.

Запах дождя и влажной земли.

Калейдоскоп мелких деталей, собственные воспоминания о пьяном пикнике студентов факультета искусств отчаянно пытаются разрушить совершенную иллюзию Вирека.

Ни с чем не спутаешь эту раскинувшуюся сейчас под ней панораму Барселоны с ее окутанными странной дымкой вычурными шпилями церкви Святого Семейства. Борясь с головокружением, Марли схватилась за перила и второй рукой. Она же знает это место. Она – в парке Гюль, пряной сказочной стране, созданной архитектором Антонио Гауди на голом склоне сразу за центром города. Слева от нее, так и не соскользнув по скату расколовшегося валуна, застыла гигантская ящерица. Безумный узор прожилок на обливной керамике кожи. Струйки воды из улыбки-фонтана орошали клумбу поникших цветов.

– Вы растеряны. Прошу прощения.

Йозеф Вирек расположился на одной из змеившихся парковых скамеек террасой ниже Марли, его широкие плечи прятались под мягкой крылаткой. Черты этого лица были смутно знакомы Марли всю ее жизнь. Теперь по какой-то ей самой неясной причине она вспомнила фотографию, на которой коллекционер позировал рядом с английским королем. Вирек улыбнулся. Крупная голова великолепной формы, высокий лоб под щеткой жестких темно-седых волос. Ноздри неизменно раздуты, как будто он вечно принюхивается к неведомым ветрам искусства и коммерции. Взгляд бледно-голубых глаз, очень больших за стеклами круглых, без оправы, очков, за прошедшие десятилетия ставших как бы визитной карточкой его империи, оказался неожиданно мягким.

– Пожалуйста. – Узкая рука похлопала по беспорядочной мозаике из глиняных черепков. – Вы должны простить меня за то, что я так полагаюсь на технологию. Вот уже более десяти лет я пребываю в резервуаре жизнеобеспечения в каком-то кошмарном промышленном пригороде Стокгольма. А может, и преисподней. Я не слишком здоровый человек, Марли. Присаживайтесь рядом.

Сделав глубокий вдох, Марли спустилась по каменным ступеням и зашагала по булыжнику.

– Герр Вирек, – запинаясь, начала она, – я была на вашей лекции в Мюнхене, два года назад. Критика Фесслера и его autistiches Theater[2]. Вы тогда казались здоровым…

– Фесслер? – Вирек сморщил загорелый лоб. – Вы видели двойника. А может, голограмму. От моего имени, Марли, творится многое. Различные части моего состояния со временем приобрели автономность; порой они даже противоборствуют друг

с другом. Так сказать, бунт на финансовых окраинах. Однако по ряду причин, настолько сложных, что как бы полностью из области оккультного, факт моей болезни никогда не делался достоянием гласности.

Присев рядом с ним на скамейку, Марли уставилась на грязный булыжник между стоптанных каблуков своих черных парижских ботинок. Увидела осколок бледного камешка, ржавую скрепку, пыльный трупик не то пчелы, не то трутня...

– Это... эта модель поразительно детальна...

– Да, – отозвался Вирек, – новые биочипы «Мааса». Вам следует знать, – продолжал он, – что мое знание вашей частной жизни почти столь же детально. В некотором смысле я знаю о вас чуть ли не больше, чем вы сами.

– Да?

Гораздо проще, как она обнаружила, было сосредоточиться на городе, выискивая вехи, запомнившиеся за дюжину студенческих каникул. Вон там, именно там, должна быть Рамблас, цветы и попугаи, таверны с неизменным меню: темное пиво и соленая соломка.

– Да. Я знаю, что это любовник убедил вас в том, что вы отыскали потерянный оригинал Корнелла...

Марли зажмурила глаза.

– Он заказал подделку, наняв двух талантливых студентов Академии художеств и известного историка, который оказался перед определенными личными затруднениями... Он заплатил им деньгами, которые извлек из вашей же галереи, о чем вы, без сомнения, уже и сами догадались. Вы плачете...

Марли кивнула. Холодный указательный палец постучал по ее запястью.

– Я купил Гнасса. Я откупился от полиции. Пресса же не стоила того, чтобы ее покупать; она редко этого стоит. А теперь ваша, быть может, несколько скандальная репутация может сыграть вам на руку.

– Герр Вирек, я...

– Одну минуту. Пако! Подойди ко мне, дитя.

Открыв глаза, Марли увидела мальчика лет, наверное, шести, облаченного в темный пиджачок и штанишки до колен, светлые носки, высокие шнурованные ботинки. Каштановые волосы мягким крылом падали ему на лоб. Мальчик что-то держал в руках, какой-то ящичек или шкатулку.

– Гауди начал создавать этот парк в одна тысяча девятисотом году, – сказал Вирек. – Пако носит костюм того периода. Подойди сюда, мой мальчик. Покажи нам свое чудо.

– Сеньор, – пролепетал Пако и с поклоном сделал шаг вперед,

чтобы предъявить то, что держал в руках.

Марли могла только смотреть. Простой деревянный ящичек, стекло на месте передней стенки. Предметы...

– Корнелл, – выдохнула она, позабыв о своих слезах. – Корнелл? – Она повернулась к Вирeку.

– Конечно же, нет. Предмет, вставленный в обломок кости, – биомонитор фирмы «Браун». Перед вами – шедевр нашего современника.

– Так, значит, есть еще? Есть и другие шкатулки?

– Я нашел их семь. В течение последних трех лет. Видите ли, «Коллекция Вирека» – это нечто вроде черной дыры. Неестественный удельный вес моего состояния неудержимо притягивает к себе редчайшие творения человеческого духа. Процесс по сути своей автономный, причем тот, к которому я при обычных обстоятельствах не проявляю особого интереса...

Но Марли погрузилась в шкатулку, в пробуждаемое ею ощущение невероятного расстояния, потери и томления по чему-то неведомому и недостижимому. Шкатулка казалась и мрачной, и нежной, и почему-то детской. Она заключала в себе семь предметов.

Тонкая флейта из полой кости – конечно же, созданной для полета, конечно же, из крыла какой-то большой птицы. Три архаичные микросхемы – как крохотные лабиринты из золотых нитей. Гладкий белый шар обожженной глины. Почерневший от времени фрагмент кружева. Сегмент длиной в палец из того, что Марли сочла костью из человеческого запястья, серовато-белой, с поднимающимся из нее кремниевым стержнем какого-то маленького прибора, головка которого когда-то была утоплена в кожу, – но почерневшая линза теперь запаяна.

Шкатулка казалась вселенной, поэмой, застывшей в жестких рамках человеческого опыта.

– Gracias, Пако.

Шкатулка и мальчик исчезли.

Марли охнула.

– Ах да, прошу прощения, Я забыл, что подобные переходы для вас слишком резки. Теперь, однако, мы должны обсудить ваше задание...

– Герр Вирек, – прервала его вопросом Марли, – что такое Пако?

– Подпрограмма.

– Понимаю.

– Я нанял вас для того, чтобы вы нашли создателя этой шкатулки.

– Но, герр Вирек, с вашими ресурсами...

– К которым теперь относитесь и вы, дитя мое. Или вы не испытываете желания получить эту работу? Когда история о том, как Гнассу всучили поддельного Корнелла, попала в поле моего зрения, я понял, насколько вы можете быть полезны мне в этом деле. – Он пожал плечами. – Поверьте, я обладаю определенным талантом добиваться желаемого результата.

– Конечно, герр Вирек! Я хочу работать!

– Прекрасно. Вам будет выплачиваться понедельный оклад. Вам будет также предоставлен доступ к определенным кредитным линиям, хотя если вам потребуется приобрести, скажем, недвижимое имущество...

– Недвижимость?

– Или корпорацию, или космическое судно, – в этом случае вы обратитесь ко мне за опосредованным подтверждением ваших полномочий. Которое вы, с почти полной уверенностью можно утверждать, получите. А в остальном я предоставляю вам полную свободу. Однако предлагаю вам действовать на том уровне, в котором вы сами чувствуете себя уверенно. Иначе вы рискуете потерять чутье, а интуиция в подобном случае имеет решающее значение. – Еще раз для нее вспыхнула знаменитая на весь мир улыбка.

Марли сделала глубокий вдох:

– Герр Вирек, что, если я не справлюсь? Сколько у меня времени на то, чтобы найти этого художника?

– Остаток жизни, – последовало в ответ.

– Простите меня, – к ужасу своему услышала Марли собственный голос, – но, насколько я понимаю, вы сказали, что живете в... в резервуаре?

– Да, Марли. И из этой довольно ограниченной временной перспективы я советовал бы вам стремиться ежечасно жить в собственной плоти. Не в прошлом, если вы понимаете, что я имею в виду. Я говорю это как человек, не способный более выносить это простое состояние, поскольку клетки моего тела избрали себе донкихотский путь создания отдельных, собственных карьер. Полагаю, человеку более счастливому или менее богатому позволили бы в конце концов умереть или закодировали бы его в материнскую плату какого-нибудь компьютера. Но я, похоже, скован византийским хитросплетением механизмов и обстоятельств, что, по самым приблизительным прикидкам, требует примерно одной десятой части моего годового дохода. И наверное, превращает меня в самого дорогостоящего инвалида мира. Я был тронут вашими сердечными делами, Марли, и завидую той упорядоченной плоти, в которой они происходят.

Взглянув – на мгновение, не более – прямо в эти мягкие

голубые глаза, Марли вдруг с инстинктивной уверенностью простого млекопитающего осознала, что исключительно богатые люди давно переступили ту черту, которая отделяет человека от чего-то иного...

Крыло ночи накрыло небо Барселоны, как судорога бескрайнего, медленно опускающегося ставня, и Вирек, и Гюль исчезли, а Марли обнаружила, что вновь сидит на низкой кожаной банкетке и смотрит на рваные листы грязного картона.

3
Бобби влип, как Вильсон

Простая это штука – смерть. Теперь-то он понял: она просто приходит. Чуть оскользнешься – и она уже здесь, что-то холодное, без запаха, вздувается изо всех четырех углов этой дурацкой комнаты – гостиной его матери в Барритауне.

«Вот ведь дерьмо, – думал он, – Дважды-в-День животики надорвет от смеха: впервые вышел на дело – и тут же влип, как вильсон».

Единственным звуком в комнате был слабый ровный гул – это вибрируют его зубы. Программа обратной связи ультразвуковым параличом въедается в нервную систему. Он глядит на свою руку, дрожащую в нескольких сантиметрах над красной пластмассовой кнопкой, которая могла бы оборвать убивающий его коннект.

Дерьмо.

Он пришел домой – и сразу за дело. Загнал дискетку с только что арендованным у Дважды-в-День ледорубом и подключился. Набрал код базы, которую выбрал ему толкач в качестве первой в его жизни реальной цели. Вроде так это все и делается – хочешь сделать и *делаешь.* Эта маленькая дека «Оно-Сендаи» была у него не более месяца, но он уже знал, что хочет стать кем-то большим, нежели мелкий барритаунский хотдоггер. Бобби Ньюмарк, он же Счет Ноль – или Граф Ноль, кому как больше нравится[3], – но теперь все кончено. Кино никогда не кончается так, чтобы на первой сцене. В кино всегда вбегает девушка ковбоя или, скажем, партнер, срывает троды и бьет по вот этому маленькому красному «СТОП».

Но Бобби сейчас один; его центральная нервная система подавлена защитной программой базы данных за три тысячи километров от Барритауна, и он это знает. И какая-то магическая химия посреди зловещей, обволакивающей тьмы позволяет ему ощутить всю бесконечную желанность этой комнаты с ее ковром цвета ковра и занавесками цвета занавесок, с продавленной софой из темперлона, на прямоугольной хромированной раме которой закреплены компоненты старенького, шестилетней давности развлекательного модуля «Хитачи».

Он ведь так тщательно задергивал занавески, готовясь к своему первому набегу, а теперь, как это ни странно, все равно видит сквозь них. Видит, как вздымается бетонная волна барритауновских кондо, чтобы разбиться о темные башни Проектов. Эта волна кондо щетинится тончайшим ворсом

простых и спутниковых антенн, с натянутыми между ними бельевыми веревками. Мать любила разоряться по этому поводу: у нее была собственная сушилка. Он вспомнил белые костяшки ее пальцев на крашенных под бронзу перилах балкона, сухие морщинки на сгибе кисти. Вспомнил, как несли с Большой Площадки мертвого парня на металлических носилках… труп завернут в пластик одного цвета с полицейской машиной. Упал и разбил голову. Упал. Голова садовая. Вильсон.

Сердце остановилось. Бобби показалось, что оно вдруг просто упало на бок и отбросило копыта, как какой-нибудь зверек в мультфильме.

Шестнадцать секунд смерти Бобби Ньюмарка. Его хотдоггерской смерти.

И тут *вклинилось* что-то. Ощущение запредельных пространств. Что-то огромное пришло из-за самого дальнего предела – мира, чувств, всего, что можно познать или вообразить. И это нечто коснулось его.

ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? ПОЧЕМУ ОНИ ДЕЛАЮТ ЭТО С ТОБОЙ?

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза…

УБИВАЕТ МЕНЯ, УБИВАЕТ МЕНЯ, УБЕРИ ЭТО, УБЕРИ.

Темные глаза, пустынные звезды, девичьи волосы…

НО ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ТРЮК, РАЗВЕ НЕ ВИДИШЬ? ТЕБЕ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО ТЕБЯ ПОЙМАЛИ. СМОТРИ: ВОТ Я ВЛИВАЮСЬ, И НЕТ НИКАКОЙ ПЕТЛИ.

И сердце перекатилось, встало на место и своими мультяшными ножками отфутболило наверх съеденный ленч. Спазмом отрубленной лягушачьей лапки его выбросило из кресла, падение сорвало со лба троды. Голова Бобби врубилась в угол «Хитачи», мочевой пузырь сократился, и кто-то все твердил «матьматьмать» в пыльный запах ковра. Девчоночий голос пропал, никаких пустынных звезд, вкуса-вспышки холодного ветра и изъеденного водой камня…

Тут голова его взорвалась. Он увидел это очень ясно, откуда-то из далекого далека. Как взрыв фосфорной гранаты.

Белый.

Свет.

4
Настройка

Черная «хонда» зависла в двадцати метрах над восьмиугольной палубой заброшенной нефтяной платформы. Светало, и Тернер различил поблекшие контуры трилистников химической опасности, маркирующих посадочную площадку.

– У вас тут биозараза, Конрой?

– Не та, к какой ты привык.

Фигура в красном комбинезоне, размахивая посадочными жезлами, подавала сигналы пилоту «хонды». Когда они садились, вихрь от пропеллеров сбросил в море обрывки упаковки, засорявшие кое-где палубу. Конрой хлопнул по застежке пристяжных ремней и перегнулся через Тернера, чтобы открыть люк. Откинулась крышка, их оглушил рев моторов. Конрой толкнул Тернера в плечо и требовательно поднял несколько раз руку ладонью вверх, потом указал на пилота.

Тернер выбрался наружу и спрыгнул – рев пропеллера над головой расползся кляксой грома. Потом возле него в полуприседе возник Конрой. С помощью краба на согнутых «ногах», какие обычно встречаются на посадочных площадках вертолетов, они счистили поблекшие знаки-трилистники. Поднятый «хондой» ветер бил штанинами по коленям. Терпер нес неприметный серый чемодан, отлитый из баллистического пластика, – свой единственный багаж. Кто-то в гостинице успел упаковать его вещи, и на «Цусиме» его уже ждал чемодан. Внезапное изменение в звуке моторов сказало ему, что «хонда» поднимается. С погашенными огнями она, завывая, ушла назад к побережью. В наступившей тишине стали слышны крики чаек, шорох и хлюпанье тихоокеанских волн.

– Здесь когда-то пытались создать гавань данных, – сказал Конрой. – Нейтральные воды. В те времена никто еще не жил на орбите, так что какое-то время это имело смысл... – Он направился к ржавому лесу балок, поддерживавших надстройку платформы. – «Хосака» предложила свой сценарий: мы привозим Митчелла сюда, чистим, грузим на «Цусиму» – и на всех парах в старушку Японию. Я сказал им: об этом дерьме и думать забудьте. В «Маасе» тоже не дураки сидят, и они могут навалиться на эту посудину всем чем угодно. Я сказал им: исследовательский центр, который вы сбацали на территории консульства, – это самое оно, или я не прав? Каким бы дерьмом «Маас» ни был, он не станет рисковать, особенно в самом долбаном центре Мехико...

Из тени выступила какая-то фигура, лицо ее было обезображено выпученными линзами оптического прибора. Фигура приветливо помахала им тупыми дулами многоствольного игольного ружья системы Лэнсинга.

– Биозараза, – сказал Конрой, когда они протискивались мимо. – Тут пригни голову. И поосторожнее, ступеньки скользкие.

На платформе пахло ржавчиной, морем и заброшенностью. Окон тут не было. Обесцветившиеся стены испещрены расползающимися язвами ржавчины. Через каждые несколько метров с балок над головой свисали флюоресцентные фонари на батарейках, отбрасывая жутковатый зеленый свет, одновременно резкий и ноюще неровный. В центральном помещении – дюжина фигур за работой. Расслабленная точность движений хороших техов. «Профессионалы, – подумал Тернер – взглядами обмениваются редко, да и разговоров почти не слышно.» Было холодно, очень холодно, и Конрой выдал ему огромную, усеянную клапанами и молниями парку.

Бородач в летной куртке с барашковым воротником закреплял серебристой лентой на погнутой переборке бухту оптоволоконного кабеля. Конрой застрял где-то сзади, заспорив шепотом с негритянкой в такой же, как на Тернере, парке. Подняв от работы глаза, бородатый тех увидел Тернера.

– Блин, – протянул он, все еще стоя на коленях, – я и сам сообразил, что дело будет важное, но к тому же, похоже, еще и жаркое.

Он встал и машинальным движением вытер руки о джинсы. Как и остальные техи, он был в хирургических перчатках из микропоры.

– Ты Тернер. – Он усмехнулся, бросил быстрый взгляд в сторону Конроя и вытащил из кармана куртки черную пластмассовую фляжку. – Хочешь для сугрева? Ты же меня знаешь. Я работал над тем делом в Марракеше, когда парень из «Ай-Би-Эм» перешел в «Мицу-Джи». Это я тогда подсоединял взрывчатку к автобусу, который вы с французом загнали в вестибюль гостиницы.

Тернер взял фляжку и, щелкнув крышкой, приложился. Бурбон. Жидкость провалилась вглубь, в желудке остро защипало, по телу растеклось тепло.

– Спасибо, – он вернул фляжку, и тех у брал ее в карман.

– Оукей[4], – сказал он. – Меня зовут Оукей. Вспоминаешь?

– Конечно, – солгал Тернер. – Марракеш.

– А это «Дикая индейка», – сказал Оукей. – На пересадке в Сиполе я заполучил ее без пошлины. Твой партнер, – снова взгляд

в сторону Конроя, – он не дает расслабиться, а? Я хочу сказать, не так, как в Марракеше, да?

Тернер кивнул.

– Если что понадобится, – сказал Оукей, – дай мне знать.

– Что, например?

– Еще выпить, или у меня есть перуанский кокс, ну знаешь, самый что ни на есть желтый. – Оукей снова ухмыльнулся.

– Спасибо, – отозвался Тернер, видя, что Конрой поворачивается к ним. Оукей тоже это увидел и быстро присел, отрывая новый кусок серебристой ленты.

– Кто это был? – спросил Конрой, проводя Тернера через узкий дверной проем с прогнившими черными изоляционными прокладками вдоль косяков. Конрой повернул колесо открывающего дверь механизма; колесо недавно смазали.

– Его зовут Оукей, – рассеянно ответил Тернер, оглядывая новое помещение, поменьше. Два фонаря, складные столы, стулья – все новенькое. На столах – какие-то приборы под черными пылезащитными колпаками из пластика.

– Твой друг?

– Нет, – ответил Тернер. – Работал как-то на меня. – Подойдя к ближайшему столу, он откинул один из колпаков. – Что это?

Немаркированная консоль производила впечатление недоработанного фабричного прототипа.

– Киберпространственная дека «Маас-Неотек».

Тернер поднял брови:

– Ваша?

– У нас таких две. Вторая – на полигоне. Получили от «Хосаки». Судя по всему, это самая быстрая штуковина в матрице, а «Хосака» даже не может демонтировать чипы, чтобы скопировать. Совершенно иная технология.

– Это подарок от Митчелла?

– Молчат. Но уже то, что деки вообще выпустили из рук – просто чтобы подстегнуть наших жокеев, говорит о том, насколько им нужен этот мужик.

– Кто за консолью, Конрой?

– Джейлин Слайд. Это с ней я только что говорил, – он мотнул головой в сторону двери. – А на полигоне – человек из Лос-Анджелеса, парнишка по имени Рамирес.

– Они хороши? – Тернер вернул на место колпак.

– Лучше бы им такими быть, учитывая, во сколько они нам обошлись. Джейлин заработала себе репутацию крутой за последние два года, а Рамирес – ее ученик и вроде как дублер. Дерьмо... – Конрой пожал плечами. – Ты же знаешь этих ковбоев. Психи долбаные...

– Где ты их взял? И уж если на то пошло, как ты нашел Оукея?

Конрой улыбнулся:

– Через твоего агента.

Тернер уставился было на Конроя, потом кивнул. Повернувшись, он приподнял край следующего колпака. Чемоданчики из пластмассы и стиролона, аккуратно, но плотно расставленные по холодному металлу стола. Он коснулся синего пластмассового прямоугольника с выдавленной серебристой монограммой на крышке – «S&W».

– Твой агент, – сказал Конрой, когда Тернер щелкнул замком.

Револьвер покоился в литом ложе из бледно-голубого пластика, под коротким толстым стволом на безобразной станине вздулся массивный барабан.

– «Смит-и-вессон», тактический, 408-й калибр, с ксеноновым излучателем, – добавил Конрой. – Как он сказал, это то, что тебе нужно.

Тернер взял в руку пушку и большим пальцем надавил на клавишу проверки батарейки в излучателе. На орехового дерева рукояти дважды мигнул красный огонек. Тернер погладил барабан, затем вывернул его себе на ладонь.

– Патроны?

– На столе. Заряжаются вручную, головки разрывные.

Тернер отыскал прозрачный тубус из пластика янтарного цвета, открыл его левой рукой и извлек патрон.

– Почему для этого дела выбрали меня, Конрой?

Он осмотрел патрон, потом осторожно вставил его в одно из шести барабанных гнезд.

– Не знаю, – ответил Конрой. – Решили, наверное, – едва только пришла весточка от Митчелла, – что тебе рано еще на покой...

Тернер щелчком вогнал барабан на место и резко его крутанул .

– Я сказал: «Почему для этого дела выбрали меня, Конрой?» – Обеими руками он поднял пистолет. Вытянул руки, целясь в лицо Конрою. – Когда имеешь дело с такой пушкой, иногда можно заглянуть в дуло и, если свет падает правильно, увидеть, есть ли в стволе пуля. – Конрой качнул головой, совсем чуть-чуть. – Или, может быть, ее можно увидеть в каком-нибудь другом гнезде...

– Нет, – очень мягко отозвался Конрой, – не выйдет.

– А что, если психиатры наврали, Конрой? Что тогда?

– Нет, – повторил Конрой, лицо его оставалось совершенно пустым. – Они не наврали, и ты этого не сделаешь.

Тернер нажал на курок. Ударник щелкнул в пустое гнездо.

Конрой раз моргнул, открыл рот, закрыл, глядя, как Тернер опускает «смит-и-вессон». Одинокая капля пота скатилась от корней волос и потерялась в брови.

– Ну? – спросил Тернер, держа пистолет у бедра.

Конрой пожал плечами.

– Не ерунди, – сказал он.

– Я настолько им нужен?

Конрой кивнул:

– Это твое шоу, Тернер.

– Где Митчелл? – Тернер снова вывернул барабан и начал заряжать остальные гнезда.

– В Аризоне. Километрах в пятидесяти от границы с Сонорой, в исследовательском центре на вершине плато. «Маас Биолабс, Северная Америка». Им там принадлежит все до самой границы, а само плато – «яблочко» в центре зоны, захватываемой с четырех спутников наблюдения. Сплошные мучо.

– И как, по их мнению, мы туда попадем?

– Никак. Митчелл выбирается сам по себе. Мы ждем его, подбираем и доставляем «Хосаке» его задницу в целости и сохранности.

Зацепив указательным пальцем расстегнутый воротник черной рубашки, Конрой вытащил сперва нейлоновый шнур, потом маленький, черный, нейлоновый же конверт с застежкой на липучке. Осторожно открыв его, он извлек какой-то предмет, который протянул на открытой ладони Тернеру.

– Взгляни. Вот что он нам прислал.

Положив пушку на ближайший стол, Тернер взял у Конроя штуковину, напоминавшую серый распухший микрософт. Один конец – цоколь стандартного нейровхода, а другой – странное округлое образование, не похожее ни на что виденное Тернером ранее.

– Что это?

– Биософт. Джейлин его уже подключала, на ее взгляд, это продукт вывода с какого-то ИскИна. Что-то вроде досье на Митчелла, с пришпиленным в конец сообщением для «Хосаки». Лучше включись сам, если хочешь быстро войти в курс дела...

Тернер поднял взгляд от серого предмета:

– Ну и как Джейлин ее попытка?

– Она сказала, что, прежде чем вставлять его, лучше прилечь. Ей, похоже, не сильно понравилось.

* * *

В машинных снах таится особое головокружение. Тернер прилег в импровизированной казарме на девственно-чистый пласт зеленого темперлона и включился в досье. Начало – медленное, у Тернера хватило времени закрыть глаза.

Десять секунд спустя его глаза раскрылись. Он вцепился в зеленый темперлон, борясь с подступающей тошнотой. Снова закрыл глаза... Снова наплыв... мерцающий, нелинейный поток фактов и сенсорных данных, что-то вроде повествования, передаваемого при помощи сюрреалистически обрезанных и смонтированных кадров. Это отдаленно напоминало «американские горки», когда экипаж наугад застывает то в одной, то в другой фазе – сознание то меркнет, то резко проясняется, – а между ними стремительные перемещения, невероятная частота колебаний, где высота, угол съемки и ее направление меняются с каждым биением пустоты. Разве что перемещения эти по природе своей не имели ничего общего с физической ориентацией, а являлись скорее молниеносными сменами в парадигме и системах символов. Эта информация никогда не предназначалась для ввода человеку.

Открыв глаза, Тернер вытащил серый софт из разъема, сжал в липкой от пота ладони. Это было как проснуться от кошмара. Не того, от которого с криком подскакиваешь в постели и в котором импульсивные страхи обретают простые ужасающие формы, а другого, бесконечно более тревожащего нескончаемого сна, где все совершенно и до ужаса обыденно, и все же совершенно *неправильно*...

Подобная *интимность* вызывала отвращение и ужас. Тернер старался побороть волны резкой трансференции, напрягая всю силу воли, чтобы подавить чувство, в чем-то сходное с любовью, с одержимой собственнической нежностью, какую начинает испытывать наблюдатель к объекту продолжительного наблюдения. Он понимал, что дни или часы спустя на поверхность его сознания могут теперь всплыть мельчайшие детали научной биографии Митчелла, или это будет имя любовницы, запах ее тяжелых рыжих волос в солнечном свете сквозь...

Он рывком сел, пластиковые подметки туфель ударились о ржавую палубу. На нем все еще была парка, и лежащий в боковом кармане «смит-и-вессон» больно ударил по бедру.

Это пройдет. Психодосье Митчелла развеется, как испаряется после каждого пользования «лексиконом» испанская грамматика. Он испытал на себе воздействие досье службы безопасности «Мааса», скомпилированное способным чувствовать компьютером – не более того. Тернер убрал биософт в черный конвертик,

разгладил большим пальцем липучку и надел на шею шнурок.

Только тут он осознал шорох волн, плещущихся о бока буровой платформы.

– Эй, босс, – сказал кто-то из-за коричневого армейского одеяла, которое загораживало вход в спальный отсек. – Конрой говорит, пора инспектировать войска. А потом вы с ним поедете дальше. – Из-за одеяла выдвинулось бородатое лицо Оукея. – Иначе я ведь не стал бы вас будить, так?

– Я не спал, – отрезал Тернер и встал, задумчиво массируя двумя пальцами кожу вокруг вживленного разъема.

– Хреново, – посетовал Оукей. – У меня есть дермы, которые вырубают ну просто подчистую. Один час на пуговице, потом вдарить классным стимулятором, чтобы подняться на ноги, – и на дело. Без дураков...

Тернер покачал головой:

– Отведи меня к Конрою.

5
Работа

Марли сняла комнату в маленькой гостинице, где повсюду стояли зеленые растения в тяжелых медных кадках, а коридоры напоминали шахматную доску из вытертого мрамора. Лифт походил на украшенную завитушками позолоченную клетку с панелями розового дерева, от которых пахло лимонным маслом и маленькими сигарами.

Ее номер оказался на пятом этаже. Единственное высокое окно из тех, что действительно можно было открыть, выходило на авеню. Когда ушел улыбающийся коридорный, Марли рухнула в кресло, чья плюшевая обивка приятно контрастировала с приглушенными красками бельгийского ковра. В последний раз расстегнув молнии, она скинула старые парижские сапоги, потом посмотрела на дюжину глянцевых пакетов, которые коридорный разложил на кровати. «Завтра, – подумала Марли, – завтра она купит чемоданы. И зубную щетку».

– У меня шок, – сказала она сумкам на кровати. – Нужно быть осторожнее. Все теперь кажется нереальным.

Опустив глаза, она увидела дырки в колготках, от пальцев бежали тоненькие стрелки. Марли покачала головой. Ее новая сумочка, которая сейчас лежала на белом мраморном столике у кровати, была черной, сшитой из воловьей кожи, выделанной толсто и мягко, как фламандское масло. Сумочка стоила больше, чем Марли должна была Андреа за квартиру, впрочем, то же относилось и к стоимости одной ночи в гостинице. В сумочке лежали паспорт и кредитный чип, который ей выдали в галерее Дюпре. Счет на ее имя был открыт в орбитальном отделении «Недерландс Алгемеен Банк».

Марли прошла в ванную, поиграла гладкими бронзовыми рычагами огромной белой ванны. Из японского фильтрационного устройства зашипела горячая ионизированная вода. Гостиница предлагала на выбор пакетики солей для ванн, тюбики кремов и ароматизированного масла. Марли опустошила тюбик масла в наполняющуюся ванну и начала раздеваться, испытав боль потери, когда бросила на пол «Салли Стэнли». Если не считать последнего часа, оставшийся с прошлого сезона жакет был любимой и, пожалуй, самой дорогой вещью Марли за всю ее жизнь. Теперь он стал чем-то, что предстояло унести уборщицам. Возможно, он найдет себе дорогу на какой-нибудь блошиный рынок, одно из тех мест, где она сама в студенческие годы

охотилась за стильными вещами по дешевке...

Ванная наполнилась ароматным паром, зеркала затуманились, побежали струйками влаги, искажающими отражение. Неужели все так просто? Неужели это тонкий золотой кредитный чип Вирека вытащил ее из убожества последних недель прямо в эту гостиницу, где слегка царапают кожу пухлые белые полотенца? Марли сознавала, что испытывает что-то похожее на головокружение, будто балансирует на краю какой-то пропасти. «Господи, насколько же на самом деле всемогущи деньги, если их много, по-настоящему много! Только Вирекам мира сего, – размышляла Марли, – дано это знать, но вполне вероятно, что осознавать это они функционально не способны. Спрашивать об этом у Вирека – все равно что допрашивать рыбу в надежде побольше узнать о воде. *Да, моя дорогая, она мокрая; да, дитя мое, она, конечно же, теплая, надушенная, шершаво-полотенчатая».*

Марли ступила в ванну, легла.

Завтра она сделает прическу. В Париже.

Прежде чем Марли вспомнила о специальной программе, телефон Андреа прозвонил шестнадцать раз. Программа, наверное, все еще подключена, а номера этой маленькой, довольно дорогой брюссельской гостиницы, конечно же, в списке нет. Привстав, она положила трубку радиотелефона на мраморную столешницу, и телефон тут же негромко загудел.

– Посылка с курьером из галереи Дюпре.

Когда коридорный – на этот раз более молодой, смуглый, вероятно, испанец – ушел, она подошла с пакетом к окну, повертела в руках. Какой-то предмет, завернутый в единый лист темно-серой бумаги ручной выделки. Лист был свернут и подогнут тем самым загадочным японским способом, который не требовал ни клея, ни бечевки, но Марли знала, что, стоит раскрыть посылку, ей уже никогда не завернуть ее обратно. В уголке рельефно выступали название и адрес галереи, а имя Марли и название ее гостиницы были выведены от руки через весь центр посылки изящным курсивом.

Развернув бумагу, она обнаружила, что держит в руках новенький голопроектор «Браун» и плоский конверт из прозрачного пластика. В конверте оказались семь пронумерованных пластинок голофишей. За миниатюрным чугунным балконом заходило солнце, окрашивая золотом Старый Город. До Марли доносились автомобильные гудки и крики детей. Она закрыла окно и вернулась к письменному столу. «Браун» оказался обтекаемым черным параллелепипедом,

работал проектор от солнечных батарей. Марли проверила напряжение и, достав из конверта первую голофишу, вставила ее в прорезь.

Над «Брауном» расцвела шкатулка, которую она видела у Вирека в смоделированном парке Гюль, засияв кристальным разрешением самых лучших музейных голограмм. Кость и золото микросхем, мертвое кружево и тусклый белый мрамор, откатившийся от кома глины. Марли покачала головой. Как удалось этому неизвестному – кто бы он ни был – расположить эти обломки, этот хлам так, что он брал за душу, вонзался в нее, как рыболовный крючок? Но потом она кивнула. Этого можно добиться, она-то знает; много лет назад такое делал человек но имени Корнелл, тот тоже создавал шкатулки.

Потом она перевела взгляд влево, туда, где по полированной поверхности стола распласталась элегантная серая бумага. Эту гостиницу, устав ходить по магазинам, она выбрала по чистой случайности. Она ни единой душе не говорила, где она, и, уж конечно, никому в галерее Дюпре.

6
Барритаун

Он пробыл без сознания часов восемь – если верить таймеру на материнском «Хитачи». Очнувшись, уставился на пыльную панель, чувствуя, как впивается в ногу какой-то острый угол. «Оно-Сендаи». Он перекатился на бок. Затхлый запах блевотины.

Потом долго стоял под душем прямо в одежде, не уверенный, а как он, собственно говоря, туда попал. Крутил краны, тер лицо. На ощупь оно казалось резиновой маской.

– Что-то стряслось.

Что-то скверное, огромное – он не был уверен, что именно.

На кафельном полу в душе постепенно росла горка мокрой одежды. Наконец он выключил воду, подошел к раковине и, отбросив с глаз мокрые волосы, всмотрелся в лицо в зеркале. Бобби Ньюмарк, никаких проблем...

– Нет, Бобби, проблема. У нас проблема ..

С полотенцем на плечах, оставляя мокрые следы, он прошлепал через узкий коридор в свою крохотную треугольную спальню в задней части кондо. Как только он переступил порог, с готовностью зажегся голографический порномодуль. Полдюжины девушек заулыбались, с очевидной радостью встречая хозяина. Они стояли будто за стенами комнаты, в дымчатой перспективе мучнисто-голубого пространства, их белозубые улыбки и упругие молодые тела казались неоново яркими. Двое придвинулись ближе и стали ласкать друг друга.

– Хватит, – приказал Бобби.

Проекционный модуль по его команде отключился; сказочные девицы исчезли. Раньше модуль принадлежал старшему брату Линга Уоррена, прически и одежда устарели и выглядели довольно нелепо. С девицами можно было поболтать и заставить их делать всякое друг с другом и с самими собой. Бобби вспомнил, как в тринадцать лет был влюблен в Брэнди, брюнетку в синих прорезиненных штанишках. Теперь он ценил проекцию в основном за иллюзию пространства, которую она привносила в импровизированную спальню.

– Что-то, черт побери, стряслось, – повторил он, натягивая черные джинсы и почти чистую рубашку. Он покачал головой: – Что? Что, мать вашу?

Сбой тока на линии? Какая-то дурацкая акция внутри самой Ядерной Комиссии? А может, база, в которую он попытался вломиться, как раз в этот момент перенесла какой-нибудь

странный общий крах, или кто-то атаковал ее из другого сектора матрицы... Но оставалось еще ощущение от *встречи,* встречи с кем-то, кто... Сам того не осознавая, Бобби вытянул правую руку, умоляюще раскрыл ладонь.

– Блин! – выдохнул он.

Пальцы сжались в кулак. И вдруг все вернулось: сперва ощущение чего-то большого, поистине огромного, что тянется к нему через киберпространство, а потом смутный девичий облик. Стройная, каштановые волосы, затаилась где-то в странной яркой темноте, полной ветра и звезд. Но когда его разум потянулся за ними, образы ускользнули.

Сообразив, что голоден, Бобби сунул ноги в сандалии и направился назад в сторону кухни, вытирая по дороге голову влажным полотенцем. Проходя через гостиную, он заметил, что с ковра на него уставился горящий глаз индикатора «ВКЛЮЧЕНО» на «Оно-Сендаи». Застыв на месте, Бобби с шумом втянул воздух через стиснутые зубы. Дека все еще подключена. Может ли она до сих пор быть на связи с базой, которую он пытался прокачать? Могут ли на базе определить, выжил он или нет? Он понятия не имел. Одно Бобби знал наверняка: у них есть его номер и адрес. Он же не подумал о реле и автоматических обманках, которые помешали бы им запустить обратный поиск.

У них есть его адрес.

Забыв о голоде, Бобби метнулся в ванную и начал копаться в сырой одежде, пока не нашел кредитный чип.

У него было двести десять новых иен, припрятанных в полой пластмассовой ручке универсальной отвертки. Надежно запрятав отвертку и кредитный чип в карман джинсов, он натянул пару самых старых и самых тяжелых своих ботинок, потом выгреб из-под кровати грязную одежду. Нашел черную парусиновую ветровку, по меньшей мере с дюжиной карманов, один из них, огромный длинный кисет, тянулся вдоль поясницы – что-то вроде внутреннего рюкзака. Под подушкой лежал японский гравитационный нож с оранжевой рукоятью – оружие отправилось в карман на левом рукаве пиджака, поближе к обшлагу.

Когда он уходил, вспыхнули сказочные принцессы:

– Бобби, Бобби-и-и-и, вернись, поиграем...

В гостиной он вырвал коннектор «Оно-Сендаи» из торца «Хитачи», свернул оптоволоконный провод и засунул его в карман. То же самое произошло с набором тродов, за ними в карман-кисет куртки проскользнул и «Оно-Сендаи».

Занавески все еще были задернуты. Бобби почувствовал прилив нового, радостного возбуждения Он уходит. Должен уйти.

Он успел позабыть трогательную нежность к этому месту, порожденную прикосновением смерти. Осторожно раздвинув шторы, Бобби выглянул в образовавшуюся щель размером с ноготь большого пальца.

* * *

Вечерело. Через несколько часов на темных громадах Проектов замигают первые огни. Большая Площадка уходила вдаль, как бетонное море. На противоположном его берегу вставали Проекты, гигантские прямоугольные строения, кое-где смягченные случайными наслоениями подвесных оранжерейных террас, рыборазводных резервуаров, систем солнечного отопления и вездесущих антенных блюдец. Дважды-в-День сейчас, наверное, там, спит в своем мире, который Бобби никогда не видел, в мире самодостаточного здания-улья. Дважды-в-День спускался вниз по делам, в основном – с хотдоггерами Барритауна, а потом взбирался обратно наверх. Бобби всегда казалось, что наверху хорошо — сколько всего происходило на балконах по ночам! Среди красных пятен костров стайками обезьянок в одном белье крутились ребятишки, такие маленькие, что их едва было видно. Иногда ветер менялся, и на Большую Площадку сносило кухонные запахи, а иногда было видно, как из какой-нибудь потайной страны высоко-высоко на крыше выплывает легкая авиетка. И всегда – сплав сотен ритмов из тысяч динамиков, волны музыки, которая пульсирует и растворяется в порывах ветра.

Дважды-в-День никогда не говорил о том, какая жизнь там, где живет он. Дважды-в-День говорил о деле или, если желал вести светскую беседу, о женщинах. То, что Дважды-в-День говорил о женщинах, больше, чем что-либо, заставляло Бобби мечтать вырваться из Барритауна, но он прекрасно понимал, что бизнес – его единственный билет отсюда. Правда, теперь дилер ему был нужен совсем по другой причине – происходящее оказалось ему, Бобби, совершенно не по зубам.

Может, Дважды-в-День скажет ему, что происходит. Предполагалось же, что ничего «мокрого» не будет. Дважды-в-День сам выбрал для Бобби эту базу, потом дал напрокат софт, необходимый для того, чтобы прорваться внутрь. И Дважды-в-День был готов перепродать все, что ему удалось бы оттуда вытащить. Так что толкач должен знать. Во всяком случае, хоть *что-то.*

— У меня нет даже номера твоего телефона, мужик, – сказал

Бобби, обращаясь к Проекту и давая шторе упасть. Может, нужно оставить что-то для матери? Записку? – Уношу ноги, – сказал он комнате у себя за спиной, – и куда *подальше.* – И вот он уже за дверью и бежит по коридору, направляясь к лестнице. – *Навсегда,* — добавил он, открывая ногой входную дверь.

Большая Площадка выглядела вполне безопасно, если не считать одинокого полуголого торчка, погруженного в яростный спор с Господом Богом. Бобби обошел торчка по широкой дуге – тот кричал, подпрыгивал и рубил воздух ударами каратэ. Голые ноги полоумного были покрыты засохшей кровью вперемешку с пылью и остатками того, что было, вероятно, прической долика.

Большая Площадка – нейтральная территория, по крайней мере теоретически, и долики с год назад заключили – правда, достаточно непрочный – союз с готиками. У Бобби были довольно прочные связи среди готиков, хотя он и сохранял за собой статус независимого. Барритаун – рисковое место для того, чтобы быть независимым. «Во всяком случае, – думал Бобби, пока стихала за спиной гневная тарабарщина торчка, – банды создают хоть какую-то структуру. Если ты готик, а тебя покоцали казуары – в этом есть хоть какой-то смысл. Может, основная причина и совершенно идиотская, зато есть правила. А независимые становятся добычей обдолбанных маньяков – хищных одиночек, скитающихся по окраинам Ржавого Пояса[5] до самого Нью-Йорка. Вспомнить только этого Сборщика Пенисов прошлым летом, этот тип носил свое добро в кармане в пластиковом мешке...»

Сколько Бобби себя помнил, он пытался отыскать способ выбраться из этого ландшафта, – или, во всяком случае, теперь ему так казалось. Теперь, когда он шел в клуб и по спине ему била спрятанная во внутреннем кармане киберпространственная дека. Как будто и она тоже подгоняла его выбраться.

– Давай же, Дважды-в-День, – сказал он неясным очертаниям Проектов, – спускай сюда свою жопу и окажись у Леона, когда я туда дойду, ладно?

Дважды-в-День у Леона не было.

Никого там не было, если не считать самого Леона, который копался сложенным в несколько раз обрывком бумаги во внутренностях настенного экрана.

– Почему бы тебе не взять молоток и не бить по этой хреновине до тех пор, пока она не заработает? – спросил Бобби. – Результат был бы примерно тот же.

Леон поднял глаза. Лет ему, вероятно, было под сорок, но точно сказать было сложно. Леон, казалось, вообще не принадлежал ни к какой расе, или же представлял отдельную

расу сам по себе. Множество гипертрофированных лицевых костей, жуткие глаза и грива вьющихся, поглощающих свет черных волос. Его подвальный пиратский клуб последние два года был постоянной составляющей жизни Бобби.

Теперь вот Леон тускло уставился на него своими кошмарными глазами. Хитиново-серые зрачки подернуты прозрачным оливковым налетом. Глаза Леона неизменно наводили Бобби на мысль об устрицах и лаке для ногтей. Две вещи, о которых не слишком приятно думать в сочетании с глазами. Цветом они походили на материал для обивки табуретов в барах.

– Я только хотел сказать, что так, просто в нее тыкая, эту хрень не наладишь, – чувствуя себя не в своей тарелке, добавил Бобби.

Медленно покачав головой, Леон вернулся к своим изысканиям. Люди платили за то, чтобы попасть в клуб, потому что его владелец промышлял пиратскими фильмами и симстим-записями с кабеля, гоняя многое такое, что барритаунцы иначе не могли себе позволить. В задней комнате заключались сделки и можно было внести «пожертвования» на спиртное, в основном чистый индейский самогон из Огайо, разбавленный каким-то синтетическим апельсиновым напитком, который Леон добывал в промышленных количествах.

– Гм, скажи, Леон, – снова начал Бобби, – ты в последнее время не видел Дважды-в-День?

Кошмарные глазки снова глянули вверх и смотрели на Бобби, казалось, целую-целую вечность.

– Нет.

– Может, прошлым вечером?

– Нет.

– А позапрошлым?

– Нет.

– Вот как? Ладно. Спасибо.

Нет смысла приставать к Леону. Если на то пошло, есть множество причин этого не делать. Бобби оглядел просторное полутемное помещение, симстим-модули и неосвещенные киноэкраны. Клуб представлял собой череду одинаковых комнатушек в подвале наполовину пустующего блока лесов, предназначенных для однокомнатных квартир и производственных точек легкой промышленности. Хорошая звукоизоляция: снаружи музыки вообще не слышно. Сколько раз по ночам, когда в голове грохотали рок и «колеса», он вываливался от Леона на улицу будто в магический вакуум тишины, от которой гудело в ушах всю дорогу через Большую

Площадку.

Теперь у него оставался еще час до того, как станут прибывать первые готики. Дилеры – в основном черные с Проектов или белые из города или с какой-нибудь окраины – не покажутся до тех пор, пока здесь не будет приличной грядки готиков, которую можно обрабатывать. Ничто так не портит репутацию дилера, как торчать в клубе и ждать у моря погоды – это будет значить только то, что ты ни хрена ловить не умеешь. Ни один по-настоящему крутой дилер не станет ошиваться у Леона просто так, за-ради удовольствия. Не то, что хотдоггерский сброд со своими дешевыми деками, собирающийся у Леона по уикендам – посмотреть японскую киношку о ледорубах.

«Но ведь Дважды-в-День не из таких, – говорил Бобби самому себе, поднимаясь по бетонным ступеням. – Дважды-в-День знает, к чему стремиться. Подальше от Проектов, подальше от Барритауна, подальше от Леонова клуба. В Город. В Париж или даже, может быть, Тибу.» «Оно-Сендаи» бил по пояснице. Он вспомнил, что дискета с ледорубом Дважды-в-День осталась внутри. Бобби ни с кем не хотелось объясняться по этому поводу. Он прошел мимо киоска новостей. За пластиковым окошком по зеркальному желобу полз желтый факс нью-йоркского издания «Асахи Симбун» – в Африке рухнуло какое-то правительство, русские делают что-то на Марсе...

Было то время суток, когда все видится очень отчетливо, когда явственно проступает любая мелочь на другой стороне улицы. Свежая зелень, только-только начинающая пробиваться на темных ветвях чахнущих в дырах асфальта деревьях. И вспышка стальной пряжки на сапоге девушки в дальнем конце квартала видна так ясно, как будто смотришь сквозь особую воду, которая облегчает зрение, даже если уже почти темно. Он повернулся и стал смотреть вверх на Проекты. Целые этажи там были вечно темными: то ли заброшены, то ли окна там зачернены. Интересно, что там происходит? Возможно, он когда-нибудь спросит об этом у Дважды-в-День.

Бобби поглядел время на часах в киоске «Коки». Мажь уже, наверное, вернулась из Бостона, должна была вернуться, иначе пропустит серию любимого «мыла». Да уж, вернулась – с новой дыркой в голове. Она и без того чокнутая. Разъем, который она вживила себе еще до его рождения, вполне нормально работал, но она вот уже несколько лет ныла о статике, разрешении и сенсорных перегрузках, так что набрала наконец кредитов, чтобы поехать в Бостон ради какой-то там замены. Дешевка, а не клиника, даже не нужно заранее договариваться об операции. Входишь, они раз – и вбивают тебе в голову железку с кремнием...

Да уж, он ее знает... Вот она входит в гостиную с завернутой в шарф бутылкой под мышкой и, даже не сняв пальто, идет к «Хитачи», чтобы подключиться и мылить себе мозги добрых шесть часов кряду. Взгляд у нее становится расфокусированным, и временами, если встречается действительно классный эпизод, она начинает тихонько бредить. Примерно каждые двадцать минут она вспоминает по-дамски пригубить из бутылки.

Она всегда была такой, сколько он ее помнил. Постепенно соскальзывала все глубже и глубже в свои «иные», синтетические жизни, в мир многосерийных симстим-фантазий, которые Бобби приходилось выслушивать всю свою жизнь. Он до сих пор не мог отделаться от жутковатого ощущения, что некоторые персонажи, о которых она так много говорила, – это его родственники, богатые и прекрасные тетушки и дядюшки, которые могли бы однажды и объявиться, не будь он таким маленьким засранцем. «Может быть, – думал он теперь, – в каком-то смысле так оно и есть.» Она врубалась в эту фигню в течение всей беременности – сама ему об этом рассказывала, – так что свернувшийся там, внутри нее, будущий Бобби Ньюмарк впитал в себя тысячи и тысячи часов «Важных мира сего» и «Атланты». Но об этом он не любил думать – о том, что лежал, свернувшись, в животе Марши Ньюмарк. От этого он потел и к горлу подступала тошнота.

Мама-Марша. Только в последний год или около того Бобби начал достаточно хорошо понимать окружающий мир (как он теперь это сознавал), чтобы спросить себя, как же ей удастся жить такой жизнью, такой тупой и беспросветной, что всех радостей – лишь эта ее бутылка и призраки из разъема? Время от времени, когда она была в подходящем настроении и после нужного числа глотков, она еще пыталась рассказывать байки о его отце. С четырехлетнего возраста Бобби знал, что все это дерьмо собачье, потому что детали раз от разу менялись, но с годами он даже начал находить в этих историях определенное удовольствие.

В нескольких кварталах к западу от клуба Леона нашелся разгрузочный тупик, отделенный от улицы синим стальным контейнером, на щербатых и погнутых стенках которого поблескивала свежая краска. Над тупичком косо висела одинокая галогенная трубка. Бобби отыскал удобный бетонный выступ и сел, стараясь не прижать к стене «Оно-Сендаи». Иногда приходится просто ждать. Это было одним из правил, которым научил его Дважды-в-День.

Контейнер был до краев завален мешаниной самых разнообразных промышленных отбросов. Барритаун не обошелся без своей доли «серых», полулегальных производителей, той самой «теневой экономики», о которой так любят трепаться

физиономии в новостях. Бобби никогда не обращал внимания на эти рожи. Бизнес. Все это бизнес – ни больше, ни меньше.

Вокруг галогенной трубки мельтешили по кривым орбитам мотыльки. Пустым взглядом Бобби смотрел, как трое малышей, самое большее лет десяти, штурмовали синюю стену контейнера при помощи грязно-белой нейлоновой веревки с привязанной к ней самодельной «кошкой», которая, вполне вероятно, раньше была частью одежной вешалки. Когда в самую гущу мусорного пластика перевалил последний, веревка быстро утянулась наверх. Мусор тут же начал шуршать и поскрипывать.

«Совсем как я, – подумал Бобби, – я тоже раньше возился в таком же дерьме, заваливая комнату диковинным хламом.» Однажды сестра Линга Уоррена нашла в таком контейнере большую часть чей-то руки, рука была завернута в зеленый пластик, стянутый резинками.

Когда у Мамы-Марши случались двухчасовые приступы религиозности, она заявлялась в комнату Бобби, выметала весь его лучший хлам и налепляла над кроватью какие-нибудь Богом проклятые самоклеящиеся голограммы. Может, Иисуса, может, Хаббарда, может, Деву Марию. Когда на нее находило, ей это, в общем, было без разницы. Обычно это основательно выводило Бобби из себя, пока не настал тот день, когда он настолько вырос, что пришел в гостиную с разводным ключом в руках и занес его над «Хитачи». «Попробуй только еще раз тронуть мои вещи, и я прикончу твоих друзей, мама, всех до одного». Она никогда больше не пробовала. Но клеющиеся голограммы все же как-то на Бобби подействовали, потому что религия стала для него чем-то, что он, как ему казалось, рассмотрел и отложил в сторону. Он пришел к выводу, что есть люди, которые по природе своей нуждаются в этом дерьме. Он предположил: такие были всегда – но сам он не из них, а значит, ему оно и не нужно.

Над стенкой контейнера показалась мордочка одного из малышей, вот он вспрыгнул на край и, прищурившись, произвел обзор прилегающей территории, потом снова скрылся из виду. Послышался глухой скрежет. Белые ручонки перекинули через стенку побитую жестяную канистру и стали спускать ее на веревке вниз. «Хорошая добыча, – подумал Бобби, – такое можно толкнуть торговцу металлом и даже чего-то выручить». Канистра легла на тротуар примерно в метре от ботинок Бобби. Коснувшись асфальта, она случайно повернулась, показав ему шестирогий символ биологической опасности.

– Эй, мать вашу! – выдохнул он, рефлекторно отдергивая ногу.

Один из малышей соскользнул вниз по веревке и выровнял

канистру. За ним спустились оставшиеся двое. Тут Бобби увидел, что они еще младше, чем он думал.

– Эй, – сказал он, – а вы знаете, что это может оказаться настоящая дрянь? Подхватите рак и все такое прочее.

– Полижи собаке жопу, пока кровь не потечет, – посоветовал ему тот, что спустился первым, пока остальные отцепляли «кошку» и сворачивали веревку. Потом ребятишки потащили канистру за угол контейнера и скрылись из виду.

Он дал себе еще полтора часа. Достаточно времени: у Леона уже начинало бурлить.

По меньшей мере двадцать готиков картинно позировали в основной комнате – этакое стадо детенышей динозавров: вздрагивают и подпрыгивают гребни залаченных волос. Большинство приближалось к готическому идеалу: высокие, сухощавые, мускулистые, но с оттенком мрачной неудовлетворенности, – молодые атлеты на ранних стадиях чахоточного увядания. Кладбищенская бледность была обязательной, а волосы готиков были по определению черными. Бобби знал, что тех немногих, кто не смог исказить свое тело так, чтобы вписаться в канон субкультуры, лучше избегать: невысокий готик – неприятности, толстый готик – убийство.

Сейчас он смотрел, как они извиваются и поблескивают у Леона единым составным существом, скользкой трехмерной головоломкой с рваной поверхностью из черной кожи и стальных шипов. Почти идентичные лица, черты которых смоделированы в соответствии с древними архетипами, вытащенными из какого-то видеоархива. Бобби выбрал особо искусственного дьякона, чей гребень покачивался, как брачный танец ночной ящерицы.

– Брат, – начал Бобби, будучи не совсем уверенным, встречал ли он этого парня раньше.

– Мой человек, – лениво отозвался дьякон, его левая щека была оттянута смоляной жвачкой. – Это Счет, бэби. – Как бы в сторону, своей девушке. – Прерывание на Счет Ноль. – Длинная бледная рука со свежими струпьями на тыльной стороне ладони погладила округлый задок под черной юбкой. – Счет, это моя мочалка.

Готическая девица поглядела на Бобби с умеренным интересом, но безо всякой вспышки человеческого узнавания, как будто перед ней возникла реклама продукта, о котором она слышала, но вовсе не собиралась покупать.

Бобби оглядел толпу. Множество пустых лиц, но ни одного знакомого. И никакого Дважды-в-День.

– Слушай, – Бобби доверительно понизил голос, – это,

знаешь, в общем-то, не так уж срочно, но я ищу одного близкого друга, делового друга… – Готик на это глубокомысленно качнул гребнем. – Проходит как Дважды-в-День… – Бобби помедлил. Готик отрешенно жевал свою смолу. Девица явно скучала, ей было неспокойно. – Толкач, – добавил он, поднимая брови, – черный толкач.

– Дважды-в-День, – промычал готик. – Конечно. Дважды-в-День. Правильно, бэби?

Девица вскинула голову и отвела взгляд.

– Ты его знаешь?

– Конечно.

– Он сегодня здесь?

– Нет, – бессмысленно улыбнулся готик.

Бобби открыл было рот, закрыл его и заставил себя кивнуть.

– Спасибо, брат.

– Все что угодно для моего человека, – механически отозвался готик.

Еще час, и все на том же самом месте. Слишком много белого, меловой готической белизны. Накрашенные плоские глаза девиц, каблуки сапог, как эбеновые иглы. Бобби старался держаться подальше от комнаты с симстимами, где Леон гонял какую-то траханую пленку о джунглях, которая перебрасывала зрителя то в одно, то в другое животное. К тому же сплошь вывихнутые приключения в кронах, которые, как Бобби считал, напрочь лишают человека ориентации. Он был уже так голоден, что голова казалась легкой и будто расширялась изнутри – или, быть может, это был остаточный эффект того, что случилось с ним ранее? Но теперь ему все с большим трудом удавалось сосредоточиться, и мысли уплывали в самых неожиданных направлениях. Например: кто же умудрился залезть на эти деревья со змеями, чтобы приспособить, ну, скажем, вот этих вот крыс для стим-съемки?

Готики, однако, на это клевали. Они дрались и трахались, причем с особым энтузиазмом – пребывая в роли древесных крыс.

Совсем рядом, слева от него, но на значительном расстоянии от симстима, стояли две девушки с Проектов. Их причудливая экипировка резко контрастировала с монохромностью готиков. Длинные черные фраки открывали узкие красные жилетки из шелковистой парчи, полы огромных белых рубашек свисали значительно ниже колен. Темные лица были затенены широкими полями федор[6], проколотых и увешанных фрагментами антикварных побрякушек: булавок, коронок, шпилек, даже механических часиков – и все золотое. Бобби тайком наблюдал за ними. Одежда говорила о том, что у них есть деньги, – но и о том,

что найдется кому позаботиться, чтобы любому, кто позарится на эти побрякушки, это будет стоить головы. Дважды-в-День как-то раз спустился с Проекта в домашнем комбинезоне из льдисто-голубого вельвета с алмазными пряжками у колен, как будто у него не было времени переодеться. Бобби тогда вел себя так, как будто толкач одет в обычную свою коричневую кожу. Он еще тогда решил, что в делах главное – космополитический подход.

Он попытался представить себе, что подходит к этим дамочкам, этак небрежно и плавно, подходит, представляется с поклоном и спрашивает: «Дорогие мои, я уверен, вы знаете моего доброго знакомого, мистера Дважды-в-День». Но обе они были старше его, выше ростом, и держались с пугающим достоинством. Скорее всего, они просто рассмеются, но почему-то вот этого Бобби совсем не хотелось.

А хотелось ему сейчас, и даже очень – чего-нибудь съесть. Бобби пощупал сквозь грубую ткань джинсов кредитный чип. Пожалуй, стоит перейти улицу и купить сэндвич... Тут он вспомнил, почему он здесь, и внезапно ему показалось, что пользоваться чипом было бы не очень разумно. Если его засекли на этом неудачном набеге, то у них уже есть номер его чипа; если он использует чип, то засветится в киберпространстве. Любой, кто охотится за ним в матрице, увидит чип в решетке Барритауна, как мигание фар дальнего света на темном футбольном поле. У него есть наличные, но за еду ими не заплатишь. Иметь их при себе – в этом нет ничего незаконного; просто никто никогда не делал с деньгами ничего легального. Придется найти готика с чипом, купить за новые иены кредит – скорее всего, с грабительской скидкой, потом заставить готика заплатить за еду. И чем, скажите на милость, брать сдачу?

«Может, ты просто себя накручиваешь», – сказал он самому себе. Он же не знает наверняка, проследил ли кто-нибудь его обратный путь, да и база, которую он пытался взломать, была вполне добропорядочной. Во всяком случае, ей полагалось быть таковой. Вот почему Дважды-в-День велел ему не беспокоиться насчет черного льда. Кто станет ставить смертельные программы обратной связи вокруг места, которое сдает в прокат мягкое порно? План в том и заключался, что Бобби умыкнет пару часов цифрового кино, самого свежего, которое еще не вышло на пиратский рынок. Из-за такой добычи не убивают...

Но кто-то же попытался. И случилось что-то еще. Что-то совсем иное. Он снова потащился вверх по лестнице, прочь из клуба. Бобби прекрасно понимал, что существует много всякого, чего он о матрице не знает, но никогда ему еще не доводилось слышать ни о чем настолько жутком... Есть, конечно, истории о

духах и привидениях… есть полоумные хотдоггеры; он сам слышал, как парочка таких клялась, что они видели в киберпространстве черт знает что. Правда, он тогда подумал про себя, что эти вильсоны просто подключились под кайфом. Словить глюк в матрице можно с той же легкостью, как и в любом другом месте.

А вдруг именно это и произошло? Голос был просто частью умирания, расплющивания сознания – какой-нибудь безумный фортель, какой выкидывает мозг, чтобы облегчить тебе смерть, плюс сбой в источнике питания или, может, частичное затемнение в их секторе решетки, так что лед ослабил хватку как раз на его нервной системе.

Может быть. Но он ведь ничего толком не знает. Ни черта не знает. Не так давно его стало грызть собственное невежество, мешая предпринимать необходимые шаги. Он не особенно задумывался об этом раньше, но он же и вправду ничего… ну, в общем, ни о чем не знает. По правде говоря, пока он не начал работать с декой, ему казалось, он знает все, что нужно. Такими были, если уж на то пошло, готики. Вот почему готики были тем, чем они были, и сгорали на «пыли», или их крошили казуары; и естественный отбор оставлял в результате какой-то процент, который непонятным образом превращался в следующую волну барритаунцев, рожающих детей и покупающих кондо, и все шло по новой.

Он – как ребенок, который вырос возле океана, воспринимая его как нечто само собой разумеющееся, как небо над головой, но ничего не зная ни о течениях, ни о маршрутах перевозок, ни о прихотях погоды. Деками он пользовался еще в школе. Эти игрушки, как на ракете, проносили тебя по беспредельному космосу, который не был космосом, – по немыслимо сложной консенсуальной галлюцинации человечества – по матрице киберпространства. Киберпространства, где огромные сердечники корпораций горят, как неоновые сверхновые, где данные нагромождены так плотно, что если ты пытаешься разглядеть нечто большее, нежели простейший силуэт, у тебя начинает раскалываться голова.

Но с тех пор, как он взялся за деку всерьез, кое-что он стал понимать. Ну просто до смешного мало он знает о том, как все это работает. И не только в матрице. Каким-то образом это понимание выплеснулось через край, и он начал задумываться, задумываться и задавать вопросы. Какой механизм управляет Барритауном? Что поддерживает на плаву мать? Почему готики и казуары с такой энергией пытаются перебить друг друга? Или почему Дважды-в-День чернокожий и живет где-то на Проекте, и

что это меняет?

Идя к выходу, Бобби не переставал искать дилера. Белые лица, снова белые лица. В животе урчало. Бобби подумал о свежей упаковке пшеничных отбивных. Дома, в морозильнике – поджарить бы их с соей и разорвать пакет с вафлями из криля…

Проходя мимо киоска «Коки», он снова сверился с часами. Марша уже, конечно, дома, погружена в лабиринт хитросплетений «Важных мира сего», в жизнь героини сериала, которую она разделяет через свой разъем вот уже более двадцати лет. Факс «Асахи Симбун» все катился вниз в своем окошечке, и Бобби подошел поближе как раз в тот момент, когда по желобу соскользнуло первое сообщение о бомбардировке блока «А» на третьем уровне в «Ковина-Конкорс-Коуртс», Барритаун, Нью-Джерси…

Потом сообщение пропало, убежало вниз, а вместо него вылез репортаж об официальных похоронах кливлендского босса якудза. Традиции незыблемы. У всех в руках черные зонты.

А он всю свою жизнь прожил на третьем уровне блока «А».

Над городом нависло огромное нечто, нависло, чтобы раздавить в лепешку Маршу Ньюмарк и ее «Хитачи». Но, конечно же, бомба предназначалась не ей – ему.

– Да, кто-то не теряет времени даром, – услышал он собственный голос.

– Эй! Мой человек! Счет! Ты что, обдолбался, брат? Эй! Ты куда?

Глаза двух дьяконов вылезли из орбит, провожая взглядами его паническое бегство.

7
Город в пустыне

Конрой резко крутанул руль влево, заставив синий «фоккер» свернуть с выветренной ленты довоенного шоссе, и сбросил скорость. Петушиный хвост бледной пыли, тянувшийся за ними от Нидлеса, начал оседать. Остановившись, ховер сел на свою воздушную подушку.

– Тут место сбора, Тернер.

– Что тут стряслось? Что прикончило этот город?

Прямоугольник бетонной площадки убегал к неровным стенам полуразвалившихся выгоревших зданий.

– Экономика, – отозвался Конрой, – еще до войны. Его так и не достроили. В десяти минутах езды к западу – разметка на целые кварталы: лежат решетки под мостовые и фундаменты. И никаких домов, ничего.

– Сколько человек в команде полигона?

– Девять, не считая тебя. Плюс медики.

– Какие еще медики?

– Из «Хосаки». «Маас» занимается биотехнологиями, так? Кто знает, чем они могли начинить нашего мальчика? Так что «Хосака» собрала небольшой бокс профессиональной нейрохирургии, обслуживают его три спеца. Двое – люди компании, а третья, кореянка, собаку съела на подпольной медицине. Трейлер хирургов в том длинном бараке, – он указал влево. – Там сохранилась часть крыши.

– Как его сюда затащили?

– Привезли из Таксона внутри цистерны. Изобразили аварию. Выволокли из цистерны, закатили внутрь. Для этого понадобились все имеющиеся руки. Ушло минуты три, наверное.

– «Маас»? – спросил Тернер.

– Конечно, – Конрой заглушил моторы. – Неизбежный риск, – произнес он во внезапно наступившей тишине. – Может, они его и проморгали. Наш парень – тот, что сидел в цистерне, – все время ругался по рации своему диспетчеру, что этот сраный теплообменник у него в печенках уже сидит и сколько понадобится времени, чтобы его наладить. Уверен, они это слышали. Знаешь способ получше?

– Нет. Учитывая, что клиент желает, чтобы эта махина стояла на полигоне. Но мы здесь торчим посреди зоны захвата с их спутников.

– Сердце мое, – фыркнул Конрой, – а может, мы просто

остановились потрахаться. Привал по дороге в Таксон, так? Здесь как раз такое место. Знаешь ли, тут люди останавливаются, чтоб пописать. – Он сверился с черным хронометром «порше». – Я должен быть там через час, чтобы застать обратный вертолет на побережье.

– На платформу?

– Нет. За твоим чертовым реактивным. Решил сам с ним разобраться.

– Хорошо.

– Я, правда, выбрал бы экранолет фирмы «Дорнье». Оставил бы его ждать чуть дальше по дороге, пока не увидим, что Митчелл на подходе. Экранолет подкатывает, когда медики уже почистили Митчелла. Мы забрасываем его внутрь и летим к границе Соноры...

– Со сверхзвуковой скоростью, – сказал Тернер. – Не выйдет. Ты отправляешься в Калифорнию покупать этот реактивный. Наш мальчик вылетит отсюда на многоцелевом боевом самолете, который еще даже не успел устареть.

– У тебя есть пилот на примете?

– Я, – Тернер постучал по разъему за ухом. – Эта встроенная система полностью интерактивна. Тебе продадут программное обеспечение интерфейса, а я подключусь напрямую.

– Не знал, что ты умеешь управлять самолетом.

– Не умею. Но чтобы дотянуть до Мехико-сити, не нужно быть летчиком.

– Ты все тот же рисковый парень, а, Тернер? Знаешь, ходят слухи, что тебе там, в Нью-Дели, взрывом член оторвало? – С холодной и деланно невинной ухмылкой Конрой повернулся, чтобы взглянуть в лицо Тернеру.

Тернер выкопал из-за сиденья парку, достал пистолет и коробку с патронами. Он уже начал было заталкивать парку назад, но Конрой сказал:

– Возьми с собой. По ночам здесь адски холодно.

Тернер потянулся к замку кабины, Конрой уже снова запускал моторы. Поднявшийся на несколько сантиметров ховер слегка качнулся, когда Тернер резко откинул крышку кабины и выбрался наружу. Слепящее солнце и горячий бархат воздуха. Вынув из кармана синей спецовки свои мексиканские солнечные очки, Тернер надел их. На нем были белые теннисные туфли и тропический армейский костюм. Коробка зарядов пошла в один из боковых карманов штанов. Пистолет он оставил в правой руке, парка свернута под локтем левой.

– Иди к длинной постройке! – крикнул Конрой, перекрывая шум моторов. – Там тебя ждут.

Тернер спрыгнул вниз – в доменный жар и сияние пустынного полдня, а Конрой, развернув «фоккер», вывел его назад на трассу. Тернер смотрел, как ховер набирает скорость, уходя на восток, его уменьшающийся силуэт перекашивало подрагивающим маревом поднимающегося от асфальта жара.

Когда «фоккер» скрылся из виду, стало совсем тихо. Никакого движения. Тернер повернулся к развалинам. Меж двух валунов метнулось что-то маленькое и серое.

На расстоянии метров восьмидесяти от трассы начинались зазубренные стены. Утрамбованной площадке перед ними когда-то предстояло стать автостоянкой.

Пять шагов вперед... Тернер остановился. Внезапно он услышал море, грохот прибоя, мягкие взрывы, с которыми опадали волны. Пушка в руке – слишком большая, слишком реальная, металл уже греется на солнце.

«Нет моря, – сказал он самому себе, – никакого моря, ничего здесь не слышно». Он пошел дальше, пляжные туфли скользили по россыпям битого оконного стекла, сдобренного бурыми и зелеными кругляшами бутылочных осколков. Ржавые диски, бывшие когда-то бутылочными пробками, сплющенные прямоугольники – трупы алюминиевых банок. Над низкими островками кустов роились насекомые.

Прошло. Кончено. Есть полигон. Нет времени.

Он опять остановился, подавшись вперед, будто выискивая что-то, что помогло бы ему назвать нечто неуклонно в нем нараставшее. Какая-то пустота...

Этот город мертв вдвойне. Отель на мексиканском пляже все-таки был когда-то живым, хотя бы один сезон...

За автостоянкой – залитый солнцем выгоревший блок, дешевый и бездушный. Он ждал.

Они сидели на корточках в узкой полоске тени от серой стены. Трое. Еще до того, как их увидеть, Тернер почувствовал запах кофе, закопченный котелок ненадежно балансировал на крохотном примусе. Конечно, запах предназначался ему – это значило, что его ждут. Иначе развалины оказались бы пусты, а потом он умер бы – каким-то образом, очень тихо и почти естественно.

Двое мужчин и женщина. Потрескавшиеся ковбойские сапоги. Грубый хлопок одежды настолько засален, что, наверное, даже не пропускает воду. Мужчины бородаты, нестриженые волосы стянуты сзади сыромятными шнурками в выгоревшие на солнце пучки. Волосы женщины разделены на прямой пробор и убраны с обветренного, в шрамах, лица. К стене прислонен древний

мотоцикл «БМВ» – хромировка в пятнах грязи и ржавчины, облупившаяся краска замазана пятнами пульверизаторной эмали бежевого и серого пустынного камуфляжа.

Он отпустил рукоять «смит-и-вессона», дав пистолету прокрутиться на указательном пальце, так что ствол в результате уставился назад и вверх.

– Тернер, – сказал, поднимаясь, один из мужчин, во рту у него сверкнул дешевый металл. – Я Сатклифф. – След акцента, вероятно, австралиец.

– Дозорная команда? – он поглядел на остальных.

– Дозорная, – запустив большой и указательный пальцы в рот, Сатклифф извлек пожелтевший протез со стальными коронками. Его собственные зубы были белыми и совершенно ровными. – Ты вывез Шовье из «Ай-Би-Эм» в «Мицу», – сказал он, – и еще, говорят, вытащил Семенова из Томска.

– Это вопрос?

– Я работал в службе безопасности «Ай-Би-Эм» в Марракеше, когда ты взорвал гостиницу.

Тернер встретился с ним взглядом. Глаза у Сатклиффа были голубые, спокойные и очень яркие.

– Это осложняет дело?

– Ничуть, – усмехнулся Сатклифф. – Просто чтобы показать, что я видел тебя за работой. – Он щелчком поставил протез на место. – Линч. – Кивок в сторону второго мужчины. – И Уэббер. – В сторону женщины.

– Какой тут расклад? – спросил Тернер, задвигаясь глубже в клочок тени. Он присел на корточки, все еще не выпуская из рук пистолета.

– Мы приехали три дня назад, – начала Уэббер, – на двух байках. Подстроили так, чтобы у одного из них сломался кардан, на случай, если нам понадобится предлог, чтобы разбить здесь лагерь. Население здесь редкое, временное: кочующие байкеры и сектанты. Линч прошел шесть километров на восток с катушкой оптоволоконного кабеля и подключился к телефону...

– Частному?

– Платному, – ответил за нее Линч.

– Мы провели тестовое подавление текущего сигнала своим, – продолжала женщина. – Если бы не сработало, ты бы уже знал.

Тернер кивнул.

– Входящий траффик?

– Ничего. В самый раз для большого спектакля, что бы это ни было. – Она вопросительно подняла брови.

– Побег.

– Что довольно очевидно, – снова вмешался Сатклифф,

устраиваясь рядом с Уэббер спиной к стене. – Хотя общий тон операции заставляет предположить, что нам, шестеркам, не положено знать, кого мы извлекаем. Так, мистер Тернер? Или мы узнаем об этом только из новостей?

Тернер его проигнорировал.

– Продолжай, Уэббер.

– После того как мы разобрались на местности и протянули свою линию, по одному-двое просочились остальные. Последний проинструктировал нас относительно консервной банки с япошками.

– Грубая работа, – вставил Сатклифф. – Не стоило так высовываться.

– Думаешь, мы могли засветиться? – спросил Тернер.

Сатклифф пожат плечами:

– Может, могли, может, не могли. Перебросили мы ее довольно быстро. Нам еще чертовски повезло, что здесь оказалась хоть какая-то крыша, чтобы ее спрятать.

– Как насчет пассажиров?

– Они выходят только ночью, – сказала Уэббер. – И знают, что мы убьем их, если они попытаются отойти дальше чем на пять метров от трейлера.

Тернер взглянул на Сатклиффа.

– Приказ Конроя, – ответил тот.

– С настоящего момента все приказы Конроя недействительны, – сказал Тернер, – за исключением этого. Что они за люди?

– Медики, – сказал Линч, – подпольные врачи.

— В самый раз попользоваться, – отозвался Тернер. – А что остальные члены команды?

– Мы натянули пару навесов из маскировочного брезента. Спят посменно. Тут не хватает воды, и мы не можем особо рисковать с готовкой, – Сатклифф потянулся за кофейником. – Часовые на местах, и мы периодически прогоняем местную линию на целостность. – Он плеснул кофе в красную пластмассовую кружку, которая выглядела так, как будто ее жевала собака. – Так когда наш выход, мистер Тернер?

– Я хочу посмотреть на вашу жестянку с ручными медиками. Я хочу осмотреть командный пункт. Вы ничего не сказали о командном пункте.

– Все устроено, – сказал Линч.

– Прекрасно. Вот, – Тернер передал Уэббер револьвер, – взгляни, не сможешь ли сообразить для него какую-нибудь кобуру. А теперь Линч покажет мне этих медиков.

– Он так и думал, что это будешь ты, — сказал Линч, без усилий взбираясь по низкому гравиевому откосу. Тернер шел следом. – У тебя та еще слава. – Молодой человек оглянулся на Тернера, тряхнув челкой грязных, выгоревших на солнце волос.

– Даже слишком, – ответил Тернер. – Сколько бы ее ни было, всегда чуть слишком. Ты раньше с ним работал? Скажем, в Марракеше?

Линч боком протиснулся в пробоину в стене горелого блока, Тернер едва не наступал ему на пятки. Пустынные растения пахли дегтем; если их задеть, они норовили прилипнуть или вцепиться колючкой. Через пустое прямоугольное отверстие, предназначенное под окно, на Тернера глянули розовые вершины гор; тут Линч заскользил вниз по склону.

– Конечно, я работал на него раньше, – сказал он, остановившись у подножия оползня. Древний на вид кожаный ремень висел у него по-ковбойски на бедрах, тяжелая пряжка – почерневший серебряный череп в центре креста из тусклых пирамидальных шипов. – Марракеш – это было еще до меня.

– И на Конни тоже, Линч?

– То есть?

– На Конроя. Ты работал на него раньше? Или, если быть точным, ты сейчас работаешь на него?

Тернер медленно и неуклонно съезжал по гравию; камешки крошились и выскальзывали из-под подметок пляжных туфель – ненадежная опора. Тернеру был виден изящный маленький игольник в кобуре под грубой парусиновой жилеткой Линча.

Линч облизнул сухие губы:

– Это Сатов контакт. Сам я с Конроем не встречался.

– У Конроя свои проблемы, Линч. Он не способен передать кому-либо ответственность. Он любит с самого начала внедрить в команду своего человека, кого-то, кто сторожил бы сторожей. Всегда. Это ты, Линч?

Линч покачал головой – абсолютный минимум движений, требующийся для выражения отрицания. Тернер подошел теперь настолько близко, чтобы за деготной вонью пустынных растений почувствовать запах его пота.

– Конрой провалил на этом два извлечения, я свидетель, – тяжело проговорил Тернер. – Ящерицы и битое стекло, а, Линч? Как, по-твоему, хочется тебе здесь умереть? – Он занес перед лицом Линча сжатый кулак и медленно вытянул указательный палец, указывая прямо вверх. – Мы, считай, у них на прицеле. Стоит подсадке Конроя хотя бы пикнуть, и они тут же сядут нам на хвост.

– Если уже не сели.

– Верно.

– Сат – вот кто тебе нужен, – выдавил Линч. – Это не я, и я не думаю, что это Уэббер. – Сломанные, с черными ободками ногти рассеянно поскребли в бороде. – А теперь: ты привел меня сюда только для этой беседы или все еще хочешь поглядеть на нашу жестянку с япошками?

– Пойдем поглядим.

Линч. Это был Линч.

Когда-то в Мексике, много-много лет назад, Тернер зафрахтовал переносной прогулочный модуль французского производства на солнечных батареях. Семиметровый корпус модуля походил на бескрылую муху в панцире из полированной стали. Глаза – две одинаковые полусферы из затемненного фоточувствительного пластика; Тернер сидел за ними, а двухвинтовой русский транспортер брел вдоль берега, сжимая в челюстях модуль и едва-едва не задевая им за кроны более высоких пальм. Спрятавшись на пятачке удаленного пляжа с черным песком, Тернер провел три дня в изнеженном уединении узкой, обитой тиком кабины, готовя еду в микроволновой печи и бережливо, но регулярно обливаясь холодной свежей водой. Прямоугольные клумбы солнечных батарей вращались, следуя за солнцем, и он научился определять время по их положению.

Переносной нейрохирургический бокс «Хосаки» напоминал безглазую версию того французского модуля, может, метра на два длиннее, и покрашен он был в тускло-коричневый цвет. К нижней части обшивки недавно через равные интервалы были приварены выгнутые углом листы перфорированного металла, и продетые в дыры обычные веревочные подвески крепили к ним с десяток толстых, глубоко рифленных мотоциклетных шин из красной резины.

– Они спят, – сказал Линч. – Эта штука покачивается, когда внутри кто-то ходит, так что это всегда видно. Когда придет время, мы снимем колеса, но пока нам хотелось бы иметь возможность следить за ними.

Тернер медленно обошел коричневый фургон, заметив черный глянцевый сливной шланг, уходивший в маленький прямоугольный резервуар по соседству.

– Пришлось приваривать прошлой ночью, – Линч покачал головой. – Господи, у них там есть еда, сколько-то воды.

Тернер приложил ухо к обшивке.

– Звуконепроницаема, – пояснил Линч.

Тернер поднял взгляд к стальной крыше над головой. Сверху хирургический бокс был экранирован добрым десятком метров

ржавеющей крыши. Единый лист железа, к тому же горячий сейчас настолько, что можно поджарить на нем яичницу. Тернер задумчиво кивнул. Этот горячий прямоугольник – постоянная деталь на инфракрасном сканере «Мааса».

– Летучие мыши, – сказала Уэббер, протягивая ему «смит-и-вессон» в наплечной кобуре из черного нейлона. Сумерки были полны звуков, которые исходили как будто из какого-то замкнутого пространства: металлическое кваканье и цоканье жуков, крики невидимых птиц. Тернер засунул пистолет, а потом и кобуру в карман парки. – Хочешь поссать, пройди вверх мимо того куста, но смотри, кругом колючки.

– Ты откуда?

– Из Нью-Мексико, – ответила женщина.

В угасающем свете ее лицо казалось вырезанным из дерева. Она повернулась и зашагала прочь, направляясь к стыку стен, приютившему брезентовые навесы. Тернер различил там силуэты Сатклиффа и какого-то молодого цветного. Они что-то ели из блеклых полиэтиленовых пакетов. Похоже, это – Рамирес, компьютерный жокей с полигона, партнер Джейлин Слайд. Из Лос-Анджелеса.

Тернер взглянул вверх в чашу неба – бескрайнюю, как звездная карта. Странно, почему отсюда оно кажется таким огромным, подумалось ему, а с орбиты – это просто бесформенная бездна, где масштаб теряет всякое значение. Тернер знал, что и сегодня ему не уснуть, что Большая Медведица вихрем закружится для него, а потом канет за горизонт, утянув за собою хвост.

Его ударила тошнотворная и дезориентирующая волна – в мозг вдруг непрошенно хлынули образы из досье биософта.

8
Париж

Андреа жила в Картье-де-Терн, где ее старинный дом вместе со всеми прочими ждал нашествия неуемных городских реставраторов. В подъезде было темно, только биофлюоресцентные полоски «Фудзи Электрик» едва тлели над ветхой стенкой маленьких деревянных ячеек; у некоторых даже еще сохранились на месте дверцы с прорезями. Марли знала, что когда-то почтальоны ежедневно проталкивали в эти щели квитанции и письма. Что-то очень романтичное было в самой этой идее, однако ячейки с их желтеющими визитными карточками, оповещавшими о роде занятий давно исчезнувших жильцов, почему-то всегда действовали на нее угнетающе. По стенам коридора змеились разбухшие кабели и оптоволоконные провода, каждая связка – потенциальный кошмар для какого-нибудь бедняги-монтера. В дальнем конце коридора через открытую дверь с панелями из линзового стекла виднелся заброшенный внутренний двор, где от сырости влажно блестел булыжник.

Когда Марли вошла в парадное, консьерж сидел во внутреннем дворике на белом пластмассовом ящике, в былые времена служившем упаковкой для бутылок воды «Эвиан». Консьерж звено за звеном терпеливо смазывал черную цепь от старого велосипеда. Когда Марли стала взбираться по первому лестничному пролету, он поднял на нее глаза, но не проявил особого интереса.

Мраморные ступени давно потеряли былой блеск, покрывшись шершавыми выбоинами от ног бесчисленных поколений жильцов. Квартира Андреа находилась на четвертом этаже. Две комнаты, кухня и ванная. Марли приехала сюда, в последний раз заперев свою галерею, когда стало больше невозможно спать в импровизированной спальне – маленькой комнатке над складом, которую она делила с Аленом. Теперь этот дом вновь грозил ввергнуть ее в замкнутый круг депрессии, но ощущение новой одежды и опрятный стук каблучков но мрамору удерживали от этого. На Марли было просторное кожаное пальто несколькими тонами светлее сумочки, шерстяная юбка и шелковая блузка от «Пари Изетан». Сегодня утром она постриглась в предместье Сан-Оноре у бирманки с немецким лазерным карандашом – дорогая стрижка, утонченная, без излишней консервативности.

Марли коснулась круглой пластины, привинченной в центре двери Андреа. Услышала, как та тихонько пискнула, считывая линии и завитки отпечатков пальцев.

– Андреа, это я, – сказала она в крохотный микрофон.

Последовала череда щелчков и позвякиваний – это подруга открывала дверь.

И вот Андреа стоит на пороге – в лужице воды и старом махровом халате. С полминуты француженка восхищенно рассматривала новую прическу Марли, потом улыбнулась.

– Так ты получила эту свою работу или просто ограбила банк?

Переступив порог, Марли поцеловала подругу в мокрую щеку.

– Судя по ощущениям, понемногу того и другого, – рассмеялась она.

– Кофе, – сказала Андреа, – свари нам кофе. Со сливками. Мне нужно еще сполоснуть волосы. А твоя прическа просто чудо... – Она исчезла в ванной, и до Марли донесся плеск воды по фаянсу.

– Я привезла тебе подарок, – крикнула ей вслед Марли, но Андреа ее не расслышала.

Пройдя в кухню, Марли налила воды в чайник, зажгла плиту от старомодной электрозажигалки и начала рыться на заставленных всякой всячиной полках в поисках кофе.

– Пожалуй, да, – говорила за кофе Андреа, – теперь понимаю. – Она рассматривала голограмму шкатулки, которую Марли впервые увидела в вирековском конструкте парка Гауди. – Это в твоем стиле. – Она тронула клавишу, и «брауновская» иллюзия исчезла. За единственным окном комнаты небо, будто причудливой гравировкой, было разукрашено венчиками перистых облаков. – Что до меня, это слишком угрюмо, слишком серьезно. Как и те работы, что ты выставляла в своей галерее. Но значить это может только одно – герр Вирек не ошибся в выборе; ты ему решишь эту загадку. А учитывая заработную плату, я бы на твоем месте с этим не торопилась.

Андреа щеголяла в подарке Марли – дорогой, с восхитительным количеством мелких деталей, мужской блузе из серой фламандской фланели. Андреа просто обожала вещи такого стиля, и ее радость при виде блузы была очевидной. Блуза почти под цвет ее глаз великолепно оттеняла пепельные волосы.

– Он просто ужасен, этот Вирек. Мне кажется... – Марли запнулась.

– Охотно верю, – отозвалась Андреа, прихлебывая кофе. – А ты что, ждала, что денежный мешок окажется приятным или хотя бы нормальным типом?

– В какой-то момент мне почудилось, что он не совсем человек. Я очень отчетливо это почувствовала.

– А он и не человек, Марли. Ты разговаривала с проекцией, спецэффектом...

– И тем не менее... – Она беспомощно повела рукой и тут же почувствовала досаду на саму себя.

– И тем не менее он очень, очень богат и платит тебе кучу денег за то, чтобы ты сделала что-то, к чему ты, возможно, уникально подходишь. – Улыбнувшись, Андреа расправила тщательно заглаженный угольно-черный манжет. – У тебя ведь не такой уж богатый выбор, правда?

– Знаю. Пожалуй, это меня и тревожит.

– Ну-у, – протянула Андреа, – я думала, что смогу ненадолго оттянуть этот разговор, но у меня есть еще кое-что, что может тебя встревожить. Если «встревожить» здесь подходящее выражение.

– Да?

– Я подумала было, может, вообще не стоит тебе об этом говорить, но уверена, что рано или поздно он все равно до тебя доберется. Я сказала бы; он чует деньги.

Марли осторожно поставила пустую чашку на заваленный журналами столик из индийского тростника.

– У него очень острый нюх на такие вещи.

– Когда?

– Вчера. Началось, думаю, примерно через час после того, как должно было состояться твое собеседование с Виреком. Он позвонил мне на работу. Он оставил записку здесь, у консьержа. Если я уберу экранирующую программу, – она кивнула на телефон, – уверена, он позвонит в течение получаса.

Вспомнился взгляд консьержа, позвякивание велосипедной цепи.

– Он сказал, что хочет поговорить, – продолжала Андреа. – Только поговорить. Ты хочешь поговорить с ним, Марли?

– Нет, – ответила она голосом маленькой девочки, высоким и ломким. А потом: – Он оставил номер?

Вздохнув, Андрея медленно покачала головой, потом сказала:

– Да, конечно, оставил.

9
Вверху, на проектах

Тьму наполняли узоры – как пчелиные соты цвета крови. Было тепло. И по большей части мягко.

– Ну и бардак, – сказал один из ангелов. Голос оказался женский и доносился откуда-то из далекого далека, но звучал нежно, музыкально и очень отчетливо.

– Надо было перехватить его еще у Леона, – сказал второй ангел – тоже женщина. – Наверху это не понравится.

– У него, похоже, что-то было в этом большом кармане, видишь? Карман разрезали, чтобы это что-то вытащить.

– И не только карман, сестренка. Господи. Вот.

Узоры качнулись и поплыли, когда кто-то подвинул его голову. Холодная ладонь у него на щеке.

– Не испачкай себе рубашку, – сказала первый ангел.

– Дважды-в-День это не понравится. Как, по-твоему, с чего это он так сорвался и побежал?

Его это выводило из себя, потому что хотелось спать. Разумеется, он спит, но почему-то в его мозг просачиваются искусственные сны Марши, и он барахтается в рваной путанице фрагментов из самых разных серий «Важных мира сего». Мыло тянулось беспрерывно еще до его рождения, сюжет – этакий многоголовый солитер повествования, извивающийся, как магнитная лента, – каждые несколько месяцев сворачивался кольцом, чтобы поглотить самое себя, но потом отращивал новые головы, жадные до напряжения и накала страстей. Наконец Бобби смог увидеть этого корчащегося червяка целиком, во всей его длине, таким, каким Марше его никогда не увидеть, – удлиненную спираль «сенснетовской» ДНК, хрупкий дешевый эктоплазм, сосущий соки из бесчисленных голодных мечтателей. Что до Марши, к ней повествование приходило через органы чувств Мишель Морган Магнум, главной героини, унаследовавшей корпорацию «Магнум АГ». Но сегодняшняя серия каким-то жутким образом все норовила уклониться от отчаянно запутанных сердечных дел Мишель, за которыми Бобби вскоре перестал следить, перескочив на подробные описания социоархитектуры самодостаточных комплексов-«ульев» типа «Солери». Некоторые детали этих описаний казались подозрительными, даже на взгляд Бобби. Он, например, сомневался, что там действительно целые этажи отведены под

продажу исключительно льдисто-голубых вельветовых комбинезонов с алмазными пряжками у колен или что там есть другие этажи, вечно темные и заселенные исключительно голодающими детьми. В это последнее, как он вроде бы смутно помнил, Марша верила беззаветно и относилась поэтому к Проектам с суеверным ужасом – как к некоему вертикально вздыбленному аду, куда ей придется однажды взойти. Другие фрагменты искусственного сна напомнили Бобби «сенснетовский» канал «Знание», появлявшийся у них в доме в качестве бесплатного приложения к каждой стим-подписке; там тоже были искусные мультипликационные диаграммы внутренней структуры Проекта, на них накладывался монотонный голос, бубнивший лекцию об образе жизни различных его обитателей. Эти обитатели – когда Бобби удалось на них сосредоточиться – оказались еще менее убедительными, нежели вельветовые вспышки цвета голубого льда или беззвучно крадущиеся во тьме младенцы-каннибалы. Веселая молодая мать резала пиццу огромным промышленным водяным ножом на кухоньке безупречно чистой однокомнатной квартиры. Стеклянная дверь открывалась на узкий балкон и прямоугольник мультяшно-голубого неба. Женщина была черной, но не негритянкой – Бобби подумал, что она скорее походит на одну из порнокукол из модуля в его спальне, только очень-очень темную, юную и в образе счастливой матери. И у нее были – так на первый взгляд – очень маленькие, но мультяшно совершенные груди. (В этот момент, как будто чтобы еще больше усилить его тупое замешательство, поразительно громкий и очень не «сенснетовский» голос сказал: «А вот *это,* Джекки, я определенно назвала бы признаком жизни. Если точный прогноз еще дать и невозможно, то, по крайней мере, мы на верном пути».) Тут его закружило, и он снова вывалился в показушно обаятельную вселенную Мишель Морган Магнум, которая отчаянно боролась за то, чтобы предотвратить перекупку своей корпорации «Магнум АГ» зловещим промышленным кланом Накамура из Сикоку. В данном случае клан представлял (усложнение сюжета) основной любовник Мишель в этом сезоне, состоятельный (но почему-то жадный до пары лишних миллиардов) красавец политик из Новой Советии Василий Суслов, который и одеждой, и своим внешним видом удивительно смахивал на готиков из заведения Леона.

Серия, похоже, приближалась к некой кульминации: антикварный «БМВ» с двигателем, переделанным под водородное топливо, был обстрелян на улице близ жилого блока «Ковина-Конкорс-Ко-уртс» из радиоуправляемых западногерманских микровертолетов; вероломный личный секретарь нацелил на

Мишель Морган Магнум пистолет с никелированной пластинкой «Намбу», а Суслов, с которым Бобби все больше начинал идентифицировать самого себя, собирался смыться из города с роскошной феминой-телохранителем, которая была японкой, однако почему-то крайне напоминала Бобби еще одну девицу из его голографического порномодуля – но тут кто-то закричал.

Бобби никогда не слышал, чтобы так кричали, и в голосе кричавшего было что-то до ужаса знакомое. Но прежде чем он успел начать переживать из-за этого, перед глазами у него вихрем закружились кроваво-красные соты, и он пропустил конец «Важных мира сего». Мелькнула невнятная мысль – красный вихрь как раз сменился черным, – что он всегда может спросить у Марши, чем же там все закончилось.

* * *

– Открой глаза, приятель. Вот так. Свет тебе слишком ярок?

«Слишком» еще мягко сказано, но это ничего не меняло. Белый, белый. Белизна. Он вспомнил, как его голова взорвалась, – будто годы назад. Взрыв гранаты, вспышка сумасшедшего белого света в пронизанной холодными ветрами темноте пустыни. Его глаза открыты, но он ничего не видит. Только белое.

– Ну, в обычной ситуации я дал бы тебе побыть без сознания еще немного, учитывая, в каком состоянии наш белый мальчик. Но те, кто мне платит, говорят: «Поставь парня на ноги», так что я тебя бужу, еще не закончив работу. Ты хочешь спросить, почему ты ничего не видишь, да? Только белый свет – вот и все, что ты видишь, – это верно. А дело в том, что у нас тут стоит реле нейропрерывания. Между нами говоря, эта штука взята из секс-шопа, но не вижу причин, почему бы не использовать ее в медицине, если так уж хочется. А нам того хочется, потому что тебе по-прежнему чертовски больно, и уж во всяком случае ты лежишь тихо, пока я работаю. – Голос был спокойным и размеренным. – Ну вот, самая большая проблема была у тебя со спиной, но я поставил скобы и наложил несколько футов цеплючки. Сам посуди, кто тебе тут сделает пластическую операцию – хотя милашки, думаю, сочтут эти шрамы весьма привлекательными. А что я делаю теперь? Я вычищаю рану у тебя на груди, а потом мы и ее застегнем кусочком цеплючки, и все будет готово. Правда, ближайшие несколько дней тебе придется двигаться очень осторожно, иначе разойдутся скобы. Я уже налепил на тебя парочку дермов и налеплю еще несколько потом. А тем временем я собираюсь переключить твой сенсориум на

аудио и полное видео, чтобы ты постепенно начинал приходить в себя. Не обращай внимания на кровь, она вся – твоя, но больше уже ниоткуда не течет.

Белизна свернулась в серое облако, предметы с медленной неуклонностью кислотного глюка стали приобретать очертания. Он распластан по обитому чем-то потолку – смотрит вниз на белую безголовую куклу. На месте головы у куклы – зеленая хирургическая лампа, которая, похоже, растет у нее из плеч. Негр в залитом кровью зеленом халате распыляет что-то желтое в разверстую рану, которая сбегает наискось от левого соска куклы и кончается почти над тазовой костью. Бобби знает, что мужчина черный, потому что тот с непокрытой головой – непокрытой, бритой и глянцевой от пота. Руки негра скрываются под туго натянутыми зелеными перчатками. Зеленые перчатки и скользкий набалдашник лысины, ничего больше от негра, в сущности, и не видно. По обеим сторонам шеи к коже куклы присосались розовые и голубые дермодиски. Края раны кажутся выкрашенными чем-то вроде шоколадного сиропа, а желтый аэрозоль, вылетая из своего серебристого баллончика, издает слабое шипение.

Тут Бобби осознал, что перед ним, и вселенная тошнотворно опрокинулась. Лампа свисала с потолка, потолок был зеркальный, а куклой был он сам. Казалось, длинный эластичный шнур снова выдернул его сквозь красные соты назад, в комнату из сна, где черная девушка резала детям пиццу. Водяной нож не издавал ни звука, в игольчатом потоке высокоскоростной воды крутились микроскопические песчинки. Инструмент предназначался для разрезания стекла и стали, а вовсе не для того, чтобы нарезать на ломтики пиццу из микроволновки. Бобби хотелось накричать на «негритянку», потому что он боялся, что она отрежет себе палец, даже этого не почувствовав.

Но кричать он не мог, как не мог пошевелиться или вообще издать хоть какой-то звук. Женщина любовно вырезала последний кусок и, нажав ногой на отключающую нож педаль в полу, переложила нарезанную пиццу на белое керамическое блюдо, потом повернулась к прямоугольнику голубизны за балконом, где были ее дети… Нет, сказал Бобби, проваливаясь глубоко в себя, *не надо.* Потому что существа, которые ворвались в комнату и бросились к ней, были не потирающими ладошки малышами, а страшными монстрами, младенцами-каннибалами из снов Марши. У них были крылья, порванные в лохмотья, – мешанина розовых костей, металла, туго натянутых перепонок из пластиковых лоскутов… Он увидел их зубы…

– Уф, – сказал негр, – потерял тебя на секунду. Не надолго,

понимаешь, только, быть может, на одну нью-йоркскую минутку...

Его рука в зеркале над головой взяла из кровавой тряпки рядом с ребрами Бобби плоскую катушку из прозрачного синего пластика. Двумя пальцами он осторожно вытянул кусок какого-то коричневого, собравшегося бусинами вещества. По краям бусин вспыхивали крохотные точки света, дрожали и, казалось, раскачивались.

– Цеплючка, – пояснил негр и второй рукой нажал на кнопку – наверное, кнопку встроенного в синюю катушку резака. Теперь отрезок нитки бус свободно качнулся и попытался заизвиваться. – Славная хреновина, – продолжал негр, поворачивая катушку так, чтобы и Бобби тоже было видно. – Новая. Такие сейчас используют в Тибе.

Что-то коричневое, безголовое, каждая бусина – сегмент тела, каждый сегмент окаймлен бледными светящимися ножками. Потом, как фокусник взмахнув руками в зеленых перчатках, негр наложил гадину по всей длине открытой раны и легким движением оторвал последний сегмент – тот, что был ближе всего к лицу Бобби. Отделяясь, этот сегмент втянул в себя блестящую черную нить, служившую многоножке нервной системой, и каждая пара клешней, одна за другой, сомкнулась, крепко сгинув края раны, – будто задернула «молнию» на новой кожаной куртке.

– Ну вот видишь, – сказал негр, промокая остатки шоколадного сиропа влажным белым тампоном, – не так уж было и страшно, правда?

Его вступление в апартаменты Дважды-в-День совсем не походило на то, что так часто рисовало Бобби воображение. Начать с того, что он никогда не думал, что его вкатят на кресле-каталке, позаимствованном в «Материнском обществе Святой Марии», – название общества и серийный номер были аккуратно выгравированы лазером на тусклой хромировке левого подлокотника. Катившая его женщина, однако, вполне вписалась бы в какую-нибудь из его фантазий: ее звали Джекки – первая из двух девушек с Проектов, которых он видел у Леона, и, насколько он понял, одна из двух его ангелов. Кресло-каталка беззвучно катилось по ворсистому серому паласу, от стены до стены покрывавшему узкой проход к жилым помещениям, но золотые побрякушки на федоре весело позвякивали при каждом шаге черного ангела.

И он представить себе не мог, что хата Дважды-в-День окажется такой огромной или что в ней будет полно деревьев.

В своей импровизированной операционной Пай – доктор, не преминувший объяснить, что на самом деле никакой он не врач, а просто тот, кто «иногда помогает выпутаться», – устроившись на

драном высоком табурете, стянул окровавленные зеленые перчатки, закурил сигарету с ментолом и посоветовал Бобби недельку-другую не перетруждаться. Через несколько минут Джекки и Реа – второй ангел – с трудом впихнули его в мятую черную пижаму, которая выглядела как одежда из дешевого фильма про ниндзя, втолкнули в кресло-каталку и двинулись к шахте лифтов в сердцевине улья. Благодаря еще трем дополнительным дермам из запаса наркотиков Пая – один из них был заряжен добрыми двумя тысячами миллиграммов аналога эндорфина, – в голове у Бобби прояснилось и никакой боли он не испытывал.

– Где мои вещи? – запротестовал он, когда его выкатили из первого коридора в другой, ставший опасно узким из-за десятилетних наслоений водопроводных труб и проводки. – Где моя одежда, дека и все остальное?

– Твоя одежда, дорогуша, в том виде, в каком она была, сейчас в пластиковом мешке у Пая, ждет, когда он спустит ее в мусоропровод. Паю пришлось срезать ее с тебя на столе, и, уж если на то пошло, она была просто окровавленными лохмотьями. И если твоя дека была в куртке, в нижнем кармане, то я думаю, что те. кто тебя порезал, ее и забрали. Едва не прихватив и тебя заодно. И ты, ублюдок, ко всем чертям испортил мне рубашку от «Салли Стэнли». – Ангел Реа казалась не слишком дружелюбной.

– Ну, – протянул Бобби, когда они заворачивали за угол, – хорошо. А вы случайно не нашли в карманах отвертку? Или кредитный чип?

– Чипа не было, малыш. Но если ты имеешь в виду отвертку с двумя сотнями по одной бумажке и еще десяткой новых иен в рукоятке, то это как раз цена моей новой рубашки...

Вид у Дважды-в-День был такой, как будто толкач не особенно рад видеть Бобби. В самом деле, можно было подумать, что он вообще его не заметил. Смотрел прямо сквозь него на Джекки и Реа и скалил зубы в улыбке, целиком состоявшей из нервов и недосыпания. Бобби подкатили достаточно близко, так что ему было видно, какие желтые у Дважды-в-День белки – почти оранжевые в розовато-пурпурном свечении трубок гро-света, которые, казалось, в полном беспорядке свисали с потолка.

– Что вас, суки, задержало? – спросил толкач, но в голосе его не было ни тени гнева, одна только смертельная усталость и еще что-то такое, что Бобби поначалу не смог определить.

– Пай, – сказала Джекки, качнув бедрами мимо кресла, чтобы взять пачку китайских сигарет с невероятных размеров деревянной плиты, служившей Дважды-в-День кофейным

столиком. – Он виртуоз, наш Пай.

– И научился этому в ветеринарной школе, – добавила ради Бобби Реа, – но обычно он так пьян, что никто не позволит ему попрактиковаться даже на собаке…

– Так, – сказал Дважды-в-День, останавливая наконец взгляд на Бобби, – значит, жить будешь.

Этот взгляд был настолько холодный, настолько усталый и клинически отстраненный, настолько далекий от маски этакого заманьяченного толкача, которому сам черт не брат – и который Бобби принимал за истинную личность этого человека, что Бобби смог только опустить глаза и уставиться в стол. Лицо у него горело.

Почти трехметровой длины стол был сколочен из бревен, каждое толще ноги Бобби. «Должно быть, дерево какое-то время провело в воде», – подумал Бобби, в некоторых местах еще сохранилась белесая серебристая патина плавуна, как на колоде, возле которой он играл давным-давно в детстве в Атлантик-сити. Но дерево не видело воды уже довольно давно, и столешницу покрывала плотная мозаика из воска оплывших свечей, винных пятен, странной формы луж матово-черной эмали и темных ожогов сотен раздавленных сигарет. Стол был так завален едой, мусором и безделушками, что казалось, что это какой-то уличный торговец собрался было разгружать «железо», но потом передумал и решил пообедать. Тут были наполовину съеденные пиццы – от вида катышек криля в кетчупе у Бобби стало сводить желудок – рядом с обваливающимися стопками дискет, грязные стаканы с затушенными в недопитом красном вине окурками, розовый стирононый поднос с ровными рядами заострившихся канапе, открытые и неоткрытые банки пива. Антикварный герберовский кинжал лежал без ножен на плоском обломке полированного мрамора. Еще на столе оказалось по меньшей мере три пистолета и, быть может, два десятка компонентов загадочного с виду компьютерного оборудования, того самого ковбойского снаряжения, при виде которого в обычных обстоятельствах у Бобби потекли бы слюнки.

Теперь же слюнки текли из-за куска холодной пиццы с крилем, но голод был ничто по сравнению со внезапным унижением, которое он испытал, увидев, что Дважды-в-День на него просто плевать. Нельзя сказать, что Бобби думал о нем именно как о друге, но он, безусловно, немало вложил в надежду, что Дважды-в-День видит в нем равного, человека, у которого хватает таланта и инициативы и у которого есть шанс выбраться из Барритауна. Но взгляд Дважды-в-Дснь сказал ему, что он, в сущности, никто и к тому же вильсон…

– Взгляни-ка на меня, друг мой, – сказал голос, но это был не Дважды-в-День, и Бобби поднял глаза.

По обе стороны от Дважды-в-День на пухлой хромированно-кожаной кушетке оказались еще двое, оба негры. Говорящий был одет в какой-то балахон или халат, на носу у него сидели древние очки в пластмассовой оправе. Очки были ему велики, к тому же в квадратах оправы отсутствовали линзы. Другой был вдвое шире в плечах, чем Дважды-в-День, но на нем оказался строгий костюм, какие носят в кино японские бизнесмены. Безупречно белые манжеты французской рубашки были застегнуты блестящими прямоугольниками золотых микросхем.

– Просто стыд и срам, что мы не можем дать тебе немного времени подлечиться, – сказал первый, – но у нас тут серьезная проблема. – Он помедлил, снял очки и помассировал переносицу. – Нам требуется твоя помощь.

– Черт, – ругнулся Дважды-в-День.

Он наклонился вперед и, взяв из пачки на столе китайскую сигарету, прикурил ее от свинцового черепа размером с крупный лимон, потом потянулся за стаканом вина. Мужчина в очках, протянув худой коричневый палец, постучал им по запястью Дважды-в-День. Дважды-в-День выпустил стакан и откинулся назад. Лицо его оставалось тщательно пустым. Мужчина же улыбнулся Бобби.

– Счет Ноль, – сказал он, – нам сказали, такая у тебя кличка.

– Верно, – выдавил Бобби. Вышло как какое-то карканье.

– Мы хотим знать о Деве, Счет. – Негр ждал.

Бобби, прищурившись, посмотрел на него.

– *Вьей Мирак.* – Мужчина снова надел очки. – Наша госпожа, Дева Чудес. Мы знаем ее, – он сделал какой-то странный жест левой рукой, – как Эзили Фреду.

Бобби осознал, что сидит с открытым ртом, и закрыл его. Три темных лица ждали. Джекки и Реа исчезли, но он не видел, как они ушли. Бобби охватила паника, и он в отчаянии оглянулся по сторонам, чтобы увидеть странные заросли низкорослых деревьев, окружающих стол. Во всех направлениях свисали под различными углами трубки гро-света. В гуще зеленой листвы проглядывали розовато-пурпурные чучела. Никаких стен. Стен вообще не видно! Кушетка и видавший виды стол стояли на какой-то прогалине с полом из шершавого бетона.

– Мы знаем, что она приходила к тебе, – сказал гигант, осторожно кладя ногу на ногу. Он поправил безупречную складку на брюках, и Бобби подмигнула золотая запонка. – Мы это знаем, понимаешь?

– Дважды-в-День говорит, это твои первый набег? – вмешался

второй. – Это правда?

Бобби кивнул.

– Значит, ты избран Легбой, – сказал мужчина, снова снимая пустую оправу, – чтобы встретиться с Вьей Мирак. – Он улыбнулся.

У Бобби снова отвисла челюсть.

– Легба, – повторил негр, – Хозяин дорог и тропинок, лоа коммуникаций...

Дважды-в-Дснь затушил сигарету о поцарапанное дерево, и тут Бобби увидел, что руки у него дрожат.

10
Ален

Они условились встретиться в брассерии на пятом подземном этаже комплекса «Двор Наполеона» под стеклянной пирамидон Лувра. Это место было знакомо обоим, хотя ни для одного из них не имело особого значения. Предложил его Ален, и Марли подозревала, что он очень тщательно его выбирал. Это была эмоционально нейтральная территория: знакомая обстановка, при этом не отягощенная никакими воспоминаниями. Кафе было стилизовано под прошлый век: гранитные стойки, черные балки от пола до потолка, зеркала во всю стену и итальянская ресторанная мебель из черной сварной стали, какая могла относиться к любому десятилетию за последние сто лет. Столы покрыты серыми льняными скатертями в тонкую черную полоску, этому сочетанию вторят черно-полосатые обложки меню, спичечные коробки и передники официантов.

Для встречи Марли надела кожаное пальто, которое она купила еще в Брюсселе, красную льняную блузку и новые джинсы из черного хлопка. Андреа сделала вид, что не замечает, как старательно подруга подбирает одежду, а потом одолжила простую нитку жемчуга, который отлично оттенял блузку.

Едва успев войти, Марли поняла, что Ален пришел заранее, – стол уже был завален его барахлом. На Алене был его любимый шарф, тот, что они купили вместе год назад на блошином рынке, и, как обычно, выглядел Ален всклокоченным, но совершенно в своей стихии. Потрепанный кожаный «атташе» изверг свое содержимое на небольшой квадрат полированного гранита: блокнотики на спирали, нечитаный том самого спорного романа месяца, «галуаз» без фильтра, коробок деревянных спичек, переплетенный в кожу ежедневник, который она приобрела ему в «Браунсе».

– А я уже думал, что ты не придешь, – сказал он с улыбкой.

– Почему ты так решил? – спросила Марли.

Вопросом на вопрос – спонтанная реакция («какая жалкая», – подумалось ей) в нелепой попытке замаскировать ужас, который она наконец позволила себе испытывать. Страх снова потерять себя, потерять волю и стимул жить, страх перед любовью, которая еще жива. Марли пододвинула второй стул и села. Возле нее тут же возник молодой официант в полосатом переднике – судя по виду, испанец, – чтобы принять заказ. Она заказала «Виши».

– Это все? – спросил Ален. Официант услужливо наклонился.

– Да, спасибо.

– Я уже несколько недель пытаюсь с тобой связаться, – сказал Ален.

Марли понимала, что это ложь; и все же, как это часто с ней случалось ранее, спросила себя: «А сознает ли он сам до конца, что снова лжет. Андреа утверждала, что такие, как Ален, лгут так постоянно и так искренне, что вскоре перестают различать, что в их словах правда, а что – вымысел. Они своего рода артисты, говорила Андреа, они одержимы желанием переиначивать реальность. И Новый Иерусалим тогда – воистину прекрасное местечко: свобода и от превышения кредита, и от ворчания домохозяев, и от необходимости искать кого-то, кто оплатил бы счет за вечер».

– Я что-то не заметила, чтобы ты пытался связаться со мной, когда Гнасс привел полицию.

Марли надеялась, что эта фраза заставит его хотя бы поморщиться. Впустую. Мальчишеское лицо под шапкой непослушных русых волос, которые он по привычке зачесывал назад пятерней, осталось невозмутимо-спокойным.

– Прости, – только и сказал он, давя в пепельнице «галуаз».

Аромат черною французского табака постепенно стал ассоциироваться для Марли с Аленом, и Париж теперь казался ей городом, где на каждом шагу его запах, его призрак, цепочка его следов.

– Я был уверен, что он никогда не обнаружит, гм... происхождение работы... Ты должна понять: как только я признался самому себе, насколько отчаянно мы нуждаемся в деньгах, я решил, что должен что-то предпринять. Я же знаю: сама ты – идеалистка. Галерею в любом случае пришлось бы свернуть. Если бы с Гнассом все прошло по плану и мы получили бы все, что хотели, ты была бы счастлива. Счастлива, – повторил он, вытаскивая очередную сигарету из пачки.

Марли могла лишь ошеломленно смотреть на него, испытывая тошнотворное отвращение к самой себе за желание в это поверить.

– Знаешь, – продолжал он, вынимая спичку из красно-желтого коробка, – у меня ведь и раньше были сложности с полицией. В студенческие годы. Политика, разумеется.

Он чиркнул спичкой, бросил на стол коробок и прикурил.

– Политика, – произнесла она и вдруг поняла, что ей отчаянно хочется рассмеяться. – Я и не подозревала, что существует партия для таких, как ты. Даже представить себе не могу, как она может называться.

– Марли, – сказал он, понизив голос; он всегда так делал,

желая подчеркнуть силу своих чувств, – ты же знаешь, не можешь не знать, что я сделал это ради тебя. Ради нас, если хочешь. Но ты, конечно же, это знаешь. Ты же знаешь, *чувствуешь,* Марли, что намеренно я никогда бы тебя не обидел, не подверг бы опасности.

На загроможденном столике не нашлось места для ее сумочки, так что ее пришлось поставить на колени. Теперь Марли вдруг осознала, что впивается ногтями в мягкую толстую кожу.

– Никогда бы не обидел...

Голос был ее собственным, а в нем – потерянность и ошеломление. Голос ребенка. Внезапно она почувствовала себя свободной, свободной от любви и желания, свободной от страха, и все, что она испытывала к красивому лицу по ту сторону стола, исчерпывалось примитивным отвращением. И она могла только смотреть на него в упор, на этого совсем чужого ей человека, с которым она целый год спала рядом в задней комнатке очень маленькой галереи на рю Мосонсей. Официант поставил перед ней стакан «виши».

Ален, должно быть, воспринял ее молчание за готовность к примирению, абсолютную пустоту ее лица – за открытость.

– Чего ты не понимаешь... – насколько она помнила, эта фраза была его излюбленным вступлением, – так это того, что все эти Гнассы существуют в каком-то смысле лишь для того, чтобы поддерживать искусство. Поддерживать нас, Марли. – Тут он улыбнулся, как будто смеясь над самим собой, улыбнулся беспечной, заговорщицкой улыбкой, от которой теперь ее пробрал холод. – Однако, полагаю, мне все же следовало признать за ним крупицу здравого смысла, поверить, что у него хватит ума нанять собственного эксперта по Корнеллу. Хотя мой эксперт, уверяю тебя, из них двоих был гораздо компетентнее...

Как ей отсюда сбежать? «Встань, – сказала она самой себе. – Повернись. Спокойно пройди к выходу. Выйди через дверь». Наружу, в приглушенное изобилие «Двора Наполеона», где полированный мрамор сковал рю де Шам Флери, улочку четырнадцатого века, которая, говорят, сначала предназначалась для проституток. Что угодно, все что угодно, только бы уйти. Уйти прямо сейчас – и подальше от него. Уйти куда глаза глядят, чтобы затеряться в Париже, городе туристов, исхоженном ею вдоль и поперек еще в первый свой приезд.

– Но теперь, – говорил Ален, – ты же сама видишь, что все вышло к лучшему. Так часто случается, правда ведь? – И снова эта улыбка, на этот раз мальчишеская, слегка завистливая и – к ее ужасу – гораздо более интимная. – Мы потеряли галерею, но ты нашла место, Марли. У тебя есть работа, интересная работа, а у

меня – связи, которые тебе понадобятся. Я знаю людей, с которыми тебе нужно будет встретиться, чтобы найти своего художника.

– Своего художника? – Скрывая внезапную растерянность за глотком «виши».

Открыв потрепанный «атташе», он вынул оттуда нечто плоское – самую обычную эхо-голограмму. Марли взяла ее, благодарная, что хоть чем-то может занять руки, – и, всмотревшись, поняла, что это небрежно сделанный снимок шкатулки, которую она видела в вирековском конструкте Барселоны. Кто-то протягивал шкатулку вперед к камере. Руки мужские, не Алена, на правой – перстень-печатка из какого-то темного металла. Фон расплывался. Только шкатулка и руки.

– Ален, – с трудом выдавила она, – откуда у тебя это?

Подняв глаза, она встретила взгляд карих глаз, полных пугающего ребяческого триумфа.

– Кое-кому очень дорого придется заплатить, чтобы это выяснить. – Он загасил сигарету. – Извини.

Встав из-за стола, Ален удалился в сторону туалетов. Когда он исчез за зеркалами и черными стальными балками, она уронила голограмму и, потянувшись через стол, откинула крышку папки. Ничего, только синяя эластичная лента и табачные крошки.

– Принести вам что-нибудь еще? Может быть, еще «виши»? – Подле нее стоял официант.

Она подняла на него глаза, ее вдруг поразила не мысль, а скорее ощущение, что она знает этого человека. Худое смуглое лицо...

– У него радиопередатчик, – вполголоса проговорил официант. – К тому же он вооружен. Я был тем коридорным в Брюсселе. Соглашайтесь на его условия. Помните, что деньги для вас значения не имеют. – Он взял ее стакан и аккуратно поставил его на поднос. – И очень вероятно, что эта игра для него закончится плохо.

Вернулся Ален. Улыбающийся.

– А теперь, дорогая, – сказал он, потянувшись за сигаретами, – мы можем поговорить о деле.

Марли улыбнулась в ответ и кивнула.

11
На полигоне

Он наконец позволил себе поспать часа три. Рухнул на матрас в бункере без окон, где команда полигона обустроила командный пункт. Прежде чем лечь, Тернер познакомился с остальными членами команды. Рамирес оказался худым, нервным, постоянно зацикленным на собственной сноровке компьютерного жокея. Немудрено: вся команда зависела от его способности – в тандеме с Джейлин Слайд на океанской платформе – следить за киберпространством вокруг того сектора решетки, где располагались основательно обледенелые базы данных «Маас Биолабс». Если в последний момент «Маас» все же засечет присутствие незваных гостей, Рамиресу, возможно, удастся передать хоть какое-то предупреждение. В его задачу входило также перегонять данные медицинского обследования из нейрохирургического бокса на нефтяную платформу – сложная многоступенчатая процедура, позволяющая удерживать «Маас» в неведении. Линия шла сперва к телефонной будке посреди «нигде». Проскочив через эту будку как в дверь, Рамирес и Джейлин будут действовать в матрице на свой страх и риск. Если они провалят свою часть, «Маас» сможет проследить их обратно до будки и засечь полигон.

Был еще Натан, ремонтник, чья подлинная работа заключалась в надзоре за оборудованием в бункере. Если рухнет какая-то часть системы, будет небольшой шанс, что он сумеет все это исправить. Натан принадлежал к той же разновидности рода человеческого, что и Оукей и тысячи ему подобных, с которыми Тернер работал многие годы, – бродячие техи, которым нравилось зарабатывать на опасности и которые доказали, что умеют держать рот на замке. Остальные: Комптон, Тедди, Коста и Дэвис – это просто дорогостоящие мускулы, солдаты удачи, в общем, тот тип людей, кого нанимают помахать кулаками. Именно ради них Тернер с особым тщанием прилюдно допросил Сатклиффа о том, как подготовлено отступление. Сатклиффу пришлось подробно объяснить, где сядут вертолеты, каков порядок загрузки и как и когда в точности будет произведена выплата денег.

Потом Тернер попросил всех оставить его в бункере одного и приказал Уэббер разбудить его через три часа.

Сам бункер был раньше то ли насосной станцией, то ли чем-то вроде коммутатора электронных сетей. Выступавшие из стен обрубки пластмассовых труб в равной степени могли служить как

для телефонных линии, так и для линии канализации. Тернер внимательно осмотрел помещение и не нашел никаких признаков того, что какая-нибудь из этих труб была раньше куда-то подсоединена. Потолок, единый пласт литого бетона, был слишком низким, чтобы Тернер мог выпрямиться во весь рост. В бункере стоял сухой, пыльный, но в общем и целом не такой уж неприятный запах. Команда вычистила помещение, прежде чем занести столы и оборудование, но на полу завалялись несколько желтых хлопьев газетной бумаги, которые рассыпались при прикосновении. Кое-где Тернер различал буквы, иногда целое слово.

Вес походные металлические столы были придвинуты к дальней стене, образуя угол, на каждой стороне которого размещалось множество сверхсложных приборов коммуникационного оборудования. «Лучшее, что смогла раздобыть “Хосака”», – подумал он.

Несмотря па то что приходилось пригибаться, он внимательно осмотрел все столы, легонько касаясь каждой консоли, каждого черного ящика. Основательно модифицированная армейская бортовая рация, настроенная на пакетную передачу. Она обеспечит им связь в том случае, если Рамирес и Джейлин напортачат с передачей данных. Пакеты были записаны заранее – тщательно продуманная техническая белиберда, закодированная лучшими шифровальщиками «Хосаки». Содержание каждого отдельного пакета не имело никакого смысла, но последовательность, в которой они будут передаваться, должна донести довольно примитивное сообщение. Последовательность «Би-Си-Эй» проинформирует «Хосаку» о прибытии Митчелла; «Эф-Ди» – о его отбытии с полигона, «Эф-Джи» даст сигнал о смерти перебежчика и, соответственно, свертывании операции. Нахмурившись, Тернер побарабанил пальцами по рации. Ему совсем не нравилось, как Сатклифф все это организовал. Если извлечение провалится, маловероятно, что они выберутся отсюда, – не говоря уже о том, чтобы убраться, не оставляя следов. К тому же Уэббер преспокойно сообщила, что ей дан приказ в случае провала операции использовать против медиков и их микрохирургии ручную противотанковую ракету. «Они это знают, – сказала Уэббер. – Готова поспорить, им за это и платят». Остальные члены команды всецело зависели от вертолетов, базирующихся в окрестностях Таксона. Тернер прикинул, что «Маас», если что-то пронюхает, без труда сможет перехватить их на подходе. Когда он изложил свои возражения Сатклиффу, австралиец только пожал плечами: «Ну это, конечно, не то, как я сыграл бы при лучшем раскладе, коллега, но все мы

здесь ведь ненадолго, разве не так?»

Рядом с передатчиком разместился усовершенствованный биомонитор «Сони», напрямую соединенный с нейрохирургическим боксом. В его память заранее загрузили медицинскую карту Митчелла, переписанную из досье биософта. Когда придет их черед, медики получат доступ к медицинской карте перебежчика; процедуры же, производимые в боксе, будут одновременно передаваться назад на «Сони» для архивации. Затем Рамирес, оснастив архивные блоки ледяной коркой, сможет закидывать данные в киберпространство, куда короткими набегами будет подключаться Джейлин Слайд со своей деки на нефтяной платформе. Если все пройдет гладко, то к тому моменту, когда Тернер на реактивном самолете доставит Митчелла в Мехико-сити, в исследовательском центре «Хосаки» ученого уже будет ждать обновленная медицинская карта. Тернер никогда не видел нечего подобного этому «Сони», но мог предположить, что у голландца в его сингапурской клинике наверняка было что-то похожее. С этой мыслью он поднял руку к голой груди и провел пальцами по давно исчезнувшему шраму от пересадки ткани.

На втором столе размещалась киберпространственная аппаратура. Дека была идентична той, какую он видел на нефтяной платформе: прототип «Маас-Неотек». Конфигурация деки выглядела стандартной, но Конрой говорил, что она собрана из новых биочипов. На крышку консоли был прилеплен ком бледно-розового пластика величиной с кулак. Кто-то может быть, и Рамирес выдавил в нем два глаза и грубо прочертил кривую идиотскую ухмылку. Два провода – голубой и желтый – тянулись из розового лба «куклы» к одной из черных труб, выступающих из стены за консолью. Еще одно из заданий Уэббер на случай атаки на полигон. Тернер, хмурясь, поглядел на провода: заряд такой мощности в этом маленьком, да еще закрытом помещении гарантирует смерть всех находящихся в бункере.

Болели плечи, затылок то и дело задевал о шершавый бетон потолка, но Тернер продолжал свою инспекцию. Остальную часть стола занимала периферия деки – несколько черных ящиков, расставленных с тщательностью одержимого. Тернер подозревал, что каждый модуль расположен на определенном расстоянии от своего соседа и что они предельно точно выровнены относительно друг друга. Рамирес, должно быть, расставил их собственноручно, и Тернер не сомневался, что, коснись он какого-нибудь из ящиков, сдвинь его хоть на десятую долю миллиметра, жокей тотчас же узнает об этом. С подобным невротичным подходом Тернер, и ранее имевший дело с компьютерщиками,

уже сталкивался, так что о Рамиресе это не говорило ровным счетом ничего. Впрочем, Тернер встречал и других жокеев, которые, бывало, выворачивали эту особенность наизнанку, намеренно опутывая свои пульты кабелями и проводами, что делало их похожими на крысиное гнездо; эти суеверно шарахались от любого проявления опрятности, оклеивая свои консоли картинками игральных костей и скалящимися черепами. «Ничего нельзя предугадать заранее, – думал Тернер, – или Рамирес и вправду хорош, или все мы, что вполне вероятно, скоро станем трупами».

На дальнем конце стола лежали пять клипсовых раций «Телефункен» с самоклеющимися горловыми микрофонами – каждая запаяна в индивидуальную пузырчатую упаковку. Во время критической фазы побега, которую Тернер оценивал в двадцать минут до и после прибытия Митчелла, он сам, Рамирес, Сатклифф, Уэббер и Линч будут поддерживать связь через эфир, хотя использование передатчиков следовало свести к минимуму.

За «Телефункенами» – немаркированная пластиковая коробка с двадцатью шведскими катализаторными грелками для рук; плоские обтекаемые бруски из нержавеющей стали вложены каждый в свой чехол из рождественской красной фланели, стянутый шнурком.

– Ну, умен, собака, – задумчиво сказал Тернер коробке. – До этого я мог бы додуматься и сам...

Он уснул на рифленой поролоновой подстилке из снаряжения автостопщиков, развернутой на полу командного поста, натянув на себя, как одеяло, парку. Конрой был прав насчет ночного холода в пустыне, но бетон, казалось, еще сохранял дневной жар. Комбинезон и туфли Тернер снимать не стал; Уэббер посоветовала, одеваясь, всякий раз тщательно встряхивать одежду и обувь. «Скорпионы, – пояснила она. – Они любят пот, любую влагу». Прежде, чем лечь, вынул из нейлоновой кобуры «смит-и-вессон», аккуратно положил его возле поролона. Оставив включенными два фонаря на батарейках, Тернер смежил веки.

И соскользнул в мелководье сна. Замелькали беспорядочные образы; фрагменты митчелловского досье сливались с кадрами его собственной жизни. Вот они с Митчеллом таранят автобусом стеклянную стену и, не снижая скорости, влетают в вестибюль гостиницы в Марракеше. Ученый радостно улюлюкает, нажимая на кнопку, которая взрывает две дюжины канистр с азотом, прикрученных по бокам машины, и Оукей тоже тут – предлагает ему виски из бутылки и желтый перуанский кокаин с круглого

зеркальца в пластиковом ободке, которое он в последний раз видел в сумочке Эллисон. Тернеру кажется, что он видит за окнами автобуса Эллисон, задыхающуюся в клубах газа; он пытается сказать об этом Оукею, указать на нее, по стекла сплошь залеплены голограммами мексиканских святых, почтовыми открытками с изображением Девы Марии, и Оукей протягивает что-то круглое и гладкое, шар из розового хрусталя… И Тернер видит свернувшегося внутри паука, паука из ртути, но Митчелл смеется – с его зубов капает кровь – и протягивает раскрытую ладонь, предлагая Тернеру серый биософт. Тернер видит, что досье – это на самом деле мозг. Серовато-розовый и живой под влажной прозрачной мембраной, мозг мягко пульсирует в руке Митчелла… И тут Тернер, обрушившись с какого-то подводного уступа сна, плавно погружается в беззвездную ночь.

Его разбудила Уэббер. Ее жесткие черты лица были обрамлены квадратом дверного проема, на плечах складками собралось прибитое к притолоке армейское одеяло.

– Вот твои три часа. Медики проснулись, если хочешь – можешь с ними поговорить, – с этими словами она удалилась. Под тяжелыми ботинками заскрипел гравий.

Врачи «Хосаки» ждали возле автономного нейрохирургического бокса. В свете пустынного заката в своей модно измятой одежде для отдыха – последний писк сезона в Гинзе – они выглядели так, будто только что сошли с платформы какого-нибудь передатчика материи. Один из мужчин кутался в огромный, не по росту, мексиканский жилет ручной вязки, что-то вроде перепоясанного кардигана, такие Тернер видел на туристах в Мехико. Остальные двое спрятались от холода пустыни под дорогими герметичными лыжными куртками. Мужчины были на голову ниже кореянки, стройной женщины с резкими архаичными чертами лица и пушистым «ирокезом» подкрашенных красным волос, что навело Тернера на мысль о хищной птице. Конрой сказал, что двое – люди компании, и Тернер отчетливо это ощутил. А вот в женщине чувствовалась аура, присущая его собственному миру. Подпольный врач, человек вне закона. «Вот кто нашел бы общий язык с голландцем», – подумал он.

– Я Тернер, – представился он. – Я отвечаю за операцию.

– Наши имена вам без надобности, – отрезала женщина, а двое врачей из «Хосаки» автоматически поклонились. Обменявшись взглядами, они посмотрели на Тернера, потом снова на кореянку.

– Верно, – отозвался Тернер, – необходимости нет.

— Почему нам до сих пор отказывают в доступе к

медицинским данным на нашего пациента? – спросила кореянка.

– Требования безопасности, – сказал Тернер.

Ответ вышел почти автоматическим. На самом деле он не видел причин препятствовать им в изучении досье на Митчелла.

Женщина пожала плечами и отвернулась. Ее лицо скрылось за поднятым воротником гермокуртки.

– Желаете осмотреть бокс? – спросил японец в огромном кардигане. Лицо его выражало настороженную вежливость – маска безупречного служащего корпорации.

– Нет, – ответил Тернер. – Мы перевезем вас на стоянку за двадцать минут до его прибытия. Снимем колеса, опустим бокс, обеспечив равновесие распорками. Сливной шланг будет отсоединен. Я хочу, чтобы модуль был в полной готовности через пять минут после того, как мы опустим его на землю.

– Проблем не будет, – улыбнулся японец.

– Теперь я хочу, чтобы вы рассказали мне, что вы намерены предпринять. Что вы собираетесь сделать с пациентом и как это может на нем отразиться.

– Так вы *не знаете?* — резко спросила женщина, поворачиваясь, чтобы взглянуть ему в лицо.

– Я сказал, что хочу, чтобы *вы* мне рассказали, – отрезал Тернер.

– Мы немедленно проведем сканирование на предмет смертельных имплантантов, – сказал мужчина в кардигане.

– Это что, какие-нибудь бомбы в коре головного мозга?

– Сомневаюсь, что мы столкнемся с чем-то настолько грубым, – вступил второй. – Однако мы действительно просканируем его на предмет всего спектра устройств, вызывающих летальный исход. Одновременно будет сделан полный анализ крови. Насколько мы понимаем, его нынешние работодатели специализируются на исключительно сложных биохимических системах. Поэтому вполне вероятно, что наибольшую опасность следует ожидать именно с этой стороны.

– В настоящее время довольно модно начинять служащих высших эшелонов подкожными устройствами, которые впрыскивают в кровь препараты, сходные с инсулином, – вмешался его напарник. – Организм субъекта может быть ввергнут в искусственную зависимость от, скажем, синтетического аналога определенного фермента. В том случае, если подкожные капсулы не перезаряжаются через регулярные промежутки времени, удаление от источника – в данном случае от работодателя – может привести к травме.

– Мы готовы справиться и с этим, – вставил второй.

– Ни один из нас даже отдаленно не готов иметь дело с тем, с

чем, как я подозреваю, нам придется столкнуться, – сказала подпольный врач.

Голос ее был так же холоден, как ветер, который дул теперь с востока. Тернер слышал, как над головой по ржавым листам металла шипит песок.

– Ты пойдешь со мной, – бросил ей Тернер.

После чего повернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь. Вполне возможно, она ослушается его приказа, в таком случае он потеряет лицо перед остальными двумя, но это казалось правильным ходом. Отойдя метров на десять от трейлера, он остановился. Услышал ее шаги по гравию.

– Что тебе известно? – не оборачиваясь, спросил он.

– Возможно, не больше, чем тебе, – сказала она, – а может, и больше.

– Очевидно, больше, чем твоим коллегам.

– Они исключительно талантливые люди. Но они также и... слуги.

– А ты нет.

– Как и ты, наемник. На эту операцию меня вызвали из лучшей подпольной клиники Тибы. Чтобы подготовиться к встрече с этим прославленным пациентом, мне передали значительный объем материала. Нелегальные клиники Тибы – передний край медицины. Даже «Хосака» не могла знать, что мое положение в подпольной медицине позволит мне догадаться, что именно может носить в голове перебежчик. Улица пытается найти применение многим вещам, мистер Тернер. Уже несколько раз меня приглашали, чтобы извлечь эти новые имплантанты. Кое-какие из усовершенствованных микробиосхем «Мааса» уже нашли себе путь на рынок. Подобные попытки вживления – шаг вполне логичный. Я подозреваю, что «Маас» преднамеренно допускает утечку своих биосхем.

– Тогда объясни мне.

– Не думаю, что я в состоянии это сделать. – В ее голосе послышался странный оттенок смирения. – Я сказала тебе, что видела это. Я не сказала, что я понимаю. – Внезапно кончики ее пальцев пробежались по коже возле разъема в его черепе. – По сравнению с вживленными биочипами твой имплантант – все равно что деревянная нога рядом с микроэлектронным протезом.

– Но в данном случае – это представляет угрозу для жизни?

– Где уж там, – сказала кореянка, убирая руку, – только не для его собственной...

А потом он услышал, как она устало побрела назад, к хирургическому трейлеру.

Конрой прислал гонца с микрософтом, который должен был

помочь Тернеру в пилотировании реактивного самолета, чтобы вывезти Митчелла в исследовательский центр «Хосаки» в Мехико. Гонцом оказался почерневший на солнце человек с безумным взглядом, которого Линч назвал Гарри. Это привидение с мускулами, как веревки, прикатило со стороны Таксона на отполированном песком велосипеде с лысыми полуспущенными шинами и рулем, обмотанным полосками сыромятной кожи, желтой как кость. Пока Линч вел его через автостоянку, Гарри напевал что-то себе под нос – странный звук в напряженной тишине полигона. Его песня, если это можно было назвать песней, звучала, как будто кто-то крутил наугад ручку сломанного радиоприемника, водя стрелкой вверх-вниз по полуночным милям шкалы и вылавливая то мотивы госпела, то обрывки самых различных хитов международной поп-музыки за последние двадцать лет. Гарри волок велосипед на себе, просунув под раму выжженное, по-птичьи худое плечо.

– Гарри кое-что привез для тебя из Таксона, – сказал Линч.

– Вы знаете друг друга? – спросил Тернер, в упор глядя на Линча. – Может, есть общий друг?

– Как это понимать? – вскинулся Линч.

Тернер выдержал взгляд:

– Ты знаешь, как его зовут.

– Он сам мне назвал это свое сраное имя, Тернер.

– Зовите меня Гарри, – сказал обгоревший человек и забросил велосипед в кусты.

Он безучастно улыбнулся, показав неровные выщербленные зубы. Пленка пота и пыли покрывала его голую грудь, на которой болталось странное ожерелье: на тонкую металлическую цепочку были нанизаны кусочки животного рога и меха, латунные гильзы и медные монеты, стертые от употребления так, что почти невозможно было различить, где орел, где решка. Среди всего этого барахла висел маленький кисет из мягкой коричневой кожи.

Некоторое время Тернер разглядывал ассортимент вывешенных на узкой груди предметов, а затем протянул руку и щелкнул по кривому хрящу на плетеном шнурке.

– А это что, черт побери, такое, Гарри?

– Нос енота, – ответил тот. – У енота в носу кости соединяются суставом. Это мало кто знает.

– Ты когда-нибудь встречал моего друга Линча раньше, а, Гарри?

Гарри сморгнул.

– У него были пароли, – подал голос Линч. – Существует иерархия срочности. Он знал самый старший. Он сам назвал мне свое имя. Я тебе еще нужен или я могу вернуться к работе?

– Иди, – отозвался Тернер.

Как только Линч оказался вне пределов слышимости, Гарри стал распутывать завязки кожаного кисета.

– Не стоило так обращаться с мальчиком, – заметил он. – Он и вправду очень хорош. Честное слово, я не заметил его, пока он не приставил игольник к моей шее. – Открыв мешочек, он осторожно запустил в него руку.

– Скажи Конрою, что я его раскусил.

– Прости, – сказал Гарри, извлекая сложенный пополам желтый блокнотный листок, – кого ты раскусил? – Он протянул листок Тернеру. Внутри было что-то еще.

– Линча. Он – шестерка Конроя на полигоне. Так ему и передай.

Тернер развернул листок и вынул толстый армейский микрософт. На бумаге синими крупными буквами было накарябано: «ЧТОБ ТЫ СВЕРНУЛ СЕБЕ ШЕЮ, ЗАДНИЦА. УВИДИМСЯ В КОНСУЛЬСТВЕ».

– Ты действительно хочешь, чтобы я ему это передал?

– Да.

– Ты – босс.

– Вот именно, мать твою, – сказал Тернер и, скомкав бумагу, засунул ее Гарри под мышку.

Гарри улыбнулся – мило и безучастно. Ненадолго всплывший в нем разум вновь ушел на дно, как некое водяное животное, нырнувшее в гладкое, скучное, протухшее на солнце море. Тернер заглянул в глаза, похожие на потрескавшийся желтый опал, и не увидел там ничего, кроме солнца и заброшенной трассы. Рука с отсутствующими последними фалангами на двух пальцах поднялась и рассеянно почесала недельную щетину.

– Вали отсюда, – сказал Тернер.

Гарри повернулся, вытащил из зарослей свой велосипед, хрюкнув, забросил его на плечо и начал пробираться назад через полуразрушенную автостоянку. Пока он шел, огромные драные шорты цвета хаки били ему по коленям и тихонько позвякивала коллекция цепочек.

С холма метрах в двадцати левее донесся свист. Обернувшись, Тернер увидел, что Сатклифф машет ему рулоном оранжевой геодезической ленты. Пора было начинать выкладывать посадочную полосу для Митчелла. Работать придется быстро, пока солнце еще не слишком поднялось. И все равно будет очень жарко.

– Ах вот как, – сказала Уэббер, – он прибывает по воздуху.

Повесив коричневый плевок на желтый кактус, она запихнула за щеку новую порцию копенгагенского табака.

– Вот именно, – ответил Тернер.

Он сидел рядом с ней на выступе сланцевой породы. Оба наблюдали за тем, как Линч и Натан расчищают посадочную полосу, которую Тернер с Сатклиффом огородили оранжевой лентой. Лента маркировала прямоугольник размером четыре на двадцать мегров. Линч подволок к ленте отрезок проржавевшего рельса, с натугой перетащил через нее. Когда рельс загремел о бетон, что-то метнулось прочь через кусты.

– А они ведь могут увидеть эту ленту, если захотят, – сказала Уэббер, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Даже заголовки в утреннем факсе могут прочесть, если им того захочется.

– Знаю, – отозвался Тернер. – Но если они еще не знают, что мы здесь, сомневаюсь, что они вообще об этом узнают. А с трассы нас не видно. – Он поправил черную нейлоновую каскетку, которую дал ему Рамирес, опустив длинный козырек так, что тот уперся в солнечные очки. – Во всяком случае, мы пока просто таскаем тяжести, рискуя при этом переломать себе ноги. Едва ли в этом есть что-то странное, особенно если смотреть с орбиты.

– Пожалуй, – согласилась Уэббер. Ее испещренное шрамами лицо под черными очками оставалось совершенно бесстрастным. С того места, где он сидел, Тернер мог слышать запах ее пота, резкий и звериный.

– Что ты, черт побери, делаешь между контрактами, Уэббер? Когда ты не в деле? – спросил он, посмотрев на нее.

– Да побольше тебя, черт побери, – сказала она. – Часть года выращиваю собак. – Она вытащила из сапога нож и начала терпеливо править его о подметку, плавно поворачивая с каждым проходом, как мексиканский брадобрей, натачивающий свою бритву. – Ужу рыбу. Форель.

– У тебя там есть родня? Я хочу сказать, в Нью-Мексико?

– Наверное, больше, чем у тебя, – ровным голосом проговорила она. – Думаю, такие, как ты или Сатклифф, вы – вообще ниоткуда. Вы живете только в деле, ведь так, Тернер? На полигоне, сегодняшним днем, тем днем, когда прибудет ваш мальчик. Я права? – Она попробовала заточку на ногте большого пальца, потом убрала нож обратно в ножны.

– Но у тебя есть семья? Мужчина, к которому ты вернешься?

– Женщина, если хочешь знать, – сказала она. – Ты хоть что-то понимаешь в собаководстве?

– Нет, – ответил он.

– Так я и думала. – Она искоса взглянула на него. – У нас есть и ребенок. Наш собственный. Она его выносила.

– Срастили ДНК?

Она кивнула.

– Дорогое удовольствие.

– Вот именно. Если бы не надо было выплачивать кредит, меня бы здесь не было. Но она прекрасна.

– Твоя женщина?

– Наша малышка.

12
Кафе «Блан»

Идя прочь от Лувра, Марли словно кожей чувствовала, как беззвучно смещаются блоки какого-то сложного шарнирного механизма, подстраиваясь к каждому ее шагу. Официант – всего лишь часть огромного целого: высокоточный зонд или, быть может, щуп. Целое должно быть больше, гораздо больше. Как она могла вообразить, что можно жить, передвигаться в противоестественном силовом поле состояния Вирека, не подвергаясь при этом силе, искажающей реальность? Выбрав очередной объект – жалкую тряпицу с ярлычком «Марли Крушкова», – Вирек провернул его через чудовищные невидимые жернова своих денег. И объект изменился. «Конечно, – думала Марли, – конечно: они постоянно вертятся вокруг меня – бдительные и незримые колесики необъятного и тонкого механизма, с помощью которого и наблюдает герр Вирек».

Некоторое время спустя она обнаружила, что стоит на тротуаре под террасой с вывеской «Блан». Кафе показалось ничем не хуже любого другого. Месяц назад она обошла бы его стороной – слишком много вечеров они провели здесь вместе с Аленом. Теперь же, осознавая, что это и есть свобода, Марли решила, что заново открывать свой собственный Париж можно и с выбора столика в кафе «Блан». Она села возле бокового экрана. Заказала официанту коньяк и, зябко ежась, стала смотреть на текущий мимо поток уличного движения, на бесконечную реку из стекла и стали. А вокруг нее за соседними столиками незнакомые парижане ели и улыбались, пили и ссорились, с горечью прощались или клялись в вассальной верности полуденному чувству.

Но — тут Марли улыбнулась – ведь и она принадлежит этой жизни. Что-то просыпалось в ней после долгого оцепенелого сна, что-то возвращенное ей в мгновение, когда открылись глаза на жестокость Алена и на то, что она по-прежнему хочет любить его. Теперь же, сидя в ожидании коньяка, Марли чувствовала, как это желание растворяется само собой. Его жалкая ложь непонятным образом разорвала путы депрессии. Марли не видела в этом логики: в глубине души – и задолго до истории с Гнассом – она знала, чем именно в этом мире занимается Ален. Впрочем, какая разница — для любящего-то человека? Наслаждаясь давно забытым чувством свободы, она решила, что плевать ей на логику. Достаточно того, что она жива, сидит за столиком в

«Блан» и придумывает вокруг себя сложнейший механизм, который – как она теперь знает – запустил герр Вирек.

«Парадокс», – думала она, глядя, как на террасу поднимается молодой официант из «Двора Наполеона». Он был во все тех же темных брюках, однако передник сменил на синюю ветровку. Темные волосы мягким крылом падали на чистый лоб. Улыбаясь, он направился к ней, твердо уверенный, что никуда она не убежит. И тут какой-то внутренний голос шепнул вдруг Марли, что надо бежать, бежать, но она знала, что даже не стронется с места. «Парадокс, – повторила она сама себе – наслаждаться открытием, что ты не вместилище вселенских горестей и сожалений, а всего лишь еще одно не застрахованное от ошибок животное в каменном лабиринте огромного города, – и в то же время понимать, что отныне ты – ось вращения огромного устройства, работающего на топливе чьего-то тайного желания».

– Меня зовут Пако, – сказал молодой человек, отодвигая стоящий напротив нее крашенный белым железный стул.

– Это вы были ребенком, мальчиком в парке?..

– Да, очень давно. – Он сел. – Сеньор сохранил образ моего детства.

– Я как раз сидела и думала о вашем сеньоре. – Она смотрела не на него, а на проезжавшие мимо машины; взгляд отдыхал на потоке уличного движения, на многоцветье полимеров и раскрашенной стали. – Человек, подобный Виреку, не способен абстрагироваться от собственного состояния. А его деньги давно уже живут собственной жизнью. Может быть, даже обрели собственную волю. Он почти подразумевал это при нашей встрече.

– А вы философ.

— Я инструмент, Пако. Я самая новая деталь в очень старой машине в руках очень старого человека, который желает пробраться куда-то или добиться чего-то, но до сих пор терпел неудачу. Ваш хозяин перебирает тысячи инструментов и почему-то выбирает меня...

– Да вы еще и поэт!

Она рассмеялась, отведя взгляд от машин. Пако улыбался, вокруг рта запали глубокие вертикальные складки.

– По дороге сюда я представляла себе некую конструкцию, механизм – настолько огромный, что я не способна его увидеть. Механизм, который окружает меня, предугадывая каждое мое движение.

– Так вы еще и эгоцентрист?

– Неужели?

– Пожалуй, нет. Естественно, вы под наблюдением.

Наблюдают наши люди, и это к лучшему. Далее, ваш друг в баре, мы следим также и за ним. К несчастью, нам пока не удалось установить, где он приобрел ту голограмму, которую показывал вам. Вполне вероятно, она уже была у него, когда он начал названивать по телефону вашей подруге. Кто-то вышел на нею, понимаете? Вам его подставили. Вы не находите это интригующим? Разве это не задевает притаившегося в вас философа?

– Да, наверное. В баре я воспользовалась вашим советом и согласилась на его цену.

– Тогда он ее удвоит, – улыбнулся Пако.

– Что, как вы заметили, не имеет для меня значения. Он согласился связаться со мной завтра. Полагаю, вы сможете устроить выплату денег. Он требует наличные.

– Наличные, — он закатил глаза, – как рискованно! Да, могу. Подробности мне известны. Мы следили за ходом вашей беседы. Особого труда это не составило, поскольку он был настолько любезен, что сам вещал через капельный микрофон. Нас весьма интересует, кому именно предназначалась передача, но боюсь, он и сам этого не знает.

– Это так не похоже на него, – нахмурилась Марли. – Извиниться, оборвать разговор, не выставив прежде своих требований. Он воображает, что у него исключительное чутье на драматичность момента.

– У него не было выбора, – спокойно отозвался Пако. – Мы спровоцировали помехи, которые он принял за сбой источника питания в передатчике. Что потребовало прогулки к туалетам. Он говорил очень мерзкие вещи о вас, сидя один в кабинке.

Марли жестом указала на свой стакан проходившему мимо официанту.

– Мне все еще довольно сложно определить, какую роль во всем этом играю я. В чем моя ценность. Для Вирека, я имею в виду.

– Не спрашивайте меня. Это вы тут философ. Я же просто по мере сил выполняю приказания сеньора.

– Выпьете бренди, Пако? Или, быть может, чашку кофе?

– Французы, – с глубокой убежденностью заявил он, – ничего не понимают в кофе.

13
Обеими руками

– Может, прокрутишь мне это еще раз? – спросил Бобби с полным ртом, набитым рисом с яйцами. – По-моему, ты только что сказал, что это не религия.

Сняв пустую оправу, Бовуа подышал на одну из дужек.

– Этого я не говорил. Я сказал, что тебя не должно заботить, религия это или нет – вот и все. Это просто *структура.* Давай лучше обсудим происходящее, иначе мы можем не найти для этого слов, концепций....

– Но ты говоришь, что эти, как ты их там назвал, лоы...

– Лоа, – поправил Бовуа, бросая очки на стол. Он вздохнул, выудил из пачки Дважды-в-День китайскую сигарету и прикурил от оловянного черепа. – Что во множественном числе, что в единственном. – Он глубоко затянулся, потом, раздув ноздри, выпустил двойную струю дыма. – Когда ты говоришь «религия», что именно приходит тебе в голову?

– Ну, сестра моей матери, она – сайентистка, причем твердокаменная, понимаешь? Есть еще одна тетка, в другом конце коридора, та – католичка. А моя старуха... – Он помедлил, еда внезапно стала безвкусной. – Она иногда вешала в моей комнате всякие голограммы. Иисус, или Хаббард, или еще какое дерьмо. Вот, пожалуй, что я имею в виду.

– С вуду все немного иначе, – сказал Бовуа. – Вуду не интересуют категории спасения или трансцедентальности. Скорее, речь идет о том, как улаживать дела. Поспеваешь за мной? В нашей системе *много* богов и духов. Все они – часть одной большой семьи, со всеми добродетелями, со всеми пороками. Есть традиционный ритуал явления всей общине, понимаешь? Вуду говорит: «Бог, конечно, есть – Гран Ме, – но Он велик, слишком велик и слишком далек, чтобы беспокоить себя тем, что кто-то разгуливает с голой задницей, а кто-то не может кончить». Да брось ты, сам ведь знаешь, как это работает. Это – религия улицы, вышедшая с помоек миллионы лет назад. Вуду – как улица. Ты же не идешь походом на якудза, если какой-нибудь раздолбай прирезал твою сестру, правда? Никоим образом. Однако ты идешь к тому, кто может это уладить. Так?

Не переставая жевать, Бобби задумчиво кивнул. Еще один дерм и пара стаканов красного немало помогли, плюс крутой пиджак увел Дважды-в-День погулять среди деревьев и флюоресцентных чучел, оставив Бобби с Бовуа. Потом объявилась

веселая Джекки с большой миской этого самого риса с яйцами – кормежка оказалась не так уж плоха – и, ставя миску перед ним на стол, прижалась грудью к его плечу.

– Так вот, – продолжал Бовуа, – мы занимаемся улаживанием всяких дел. Если хочешь, работаем с системами. Тебя они тоже занимают, или, по крайней мере, ты хочешь ими заниматься, иначе не стремился бы в ковбои и у тебя не было бы прозвища, так? – Он загасил бычок в захватанном пальцами стеклянном стакане с остатками красного вина. – Судя по всему, Дважды-в-День намеревался повеселиться всерьез – и как раз в тот момент, когда дерьмо попало в вентилятор.

– И что это было за дерьмо? – полюбопытствовал Бобби, вытирая рот тыльной стороной ладони.

– Ты, – нахмурился Бовуа. – Впрочем, все это – не твоя вина. Как бы ни выкручивался Дважды-в-День, так оно и есть.

– А он выкручивается? То-то он показался мне таким дерганым. И, к тому же, совершенно не в себе.

– Вот именно. Я бы скорее сказал, он в штаны наложил от страха.

– С чего бы это?

– Ну, видишь ли, когда речь идет о Дважды-в-День, все не совсем так, как кажется. Я хочу сказать, он и в самом деле занимается этой фигней, о которой ты знаешь, – впаривает крутой софт барритаунским простофилям… прошу прощения, – он хмыкнул. – Но основной его прицел, то есть, я хочу сказать, настоящие амбиции этого парня, понимаешь ли, лежат в другой области… – Бовуа взял с подноса чахлое канапе и, осмотрев его с явным подозрением, швырнул через стол в гущу деревьев. – Его основное дело, видишь ли, – обслуживать парочку больших оунганов из Муравейника.

Бобби тупо кивнул.

– Людей, которые служат обеими руками.

– Тут ты меня совсем потерял.

– Мы с тобой говорим сейчас о профессиональных жрецах, можешь так это называть. Другими словами, просто представь себе пару больших людей – они же, кстати, помимо прочего еще и компьютерные ковбои, – которые делают свой бизнес на том, что устраивают чужие дела. «Служить обеими руками» – бытующее у нас выражение, что означает, что они работают в обе стороны. И в белую и в черную, понимаешь?

Бобби проглотил рис, затем мотнул головой.

– Колдуны, – сказал Бовуа. – Впрочем – неважно. Люди они сердитые, а деньги у них большие, вот и все, что тебе требуется знать. Дважды-в-День работает для этих людей мальчиком на

побегушках, шестеркой. Иногда он находит что-то, что может их заинтересовать, тогда он скачивает это им, а в качестве платы рассчитывает на одолжение в будущем. Случается, таких одолжений набегает, скажем, лишняя дюжина, и тогда что-то скачивают ему. Только их «что-то» уже совсем иного рода, поспеваешь за мной? Скажем, они получили нечто, что, на их взгляд, обладает определенным потенциалом, но их самих пугает. Видишь ли, люди наверху склонны к некоторому консерватизму. Не понимаешь? Ну ладно, потом поймешь.

Бобби снова кивнул.

– То программное обеспечение, которое кто-нибудь вроде тебя арендует у Дважды-в-День, – это ничто. Я хочу сказать, оно, конечно, работает, но никто из серьезных людей не стал бы с ним возиться. Ты ведь смотришь ковбойские киношки, да? Так вот, то, что выдумывают для этих фильмов, – это детские игры по сравнению с той дрянью, с которой может столкнуться по-настоящему серьезный оператор. Особенно, когда речь идет о ледорубах. Тяжелые ледорубы, бывает, выкидывают разные фортели, даже у больших мальчиков. И знаешь почему? Потому что лед, весь по-настоящему прочный лед – стены вокруг любого крупного склада данных в матрице, – это всегда продукция ИскИна, искусственного интеллекта. Ни у кого больше нет такой сноровки, чтобы соорудить хороший лед, а потом постоянно его изменять и апгрейдить. Это значит, что всякий раз, когда на черном рынке всплывает по-настоящему мощный ледоруб, игру заранее определяют несколько рискованных факторов. Для начала: откуда взялся этот продукт? В девяти случаях из десяти он пришел от ИскИнов, ИскИны же постоянно экранированы, в основном людьми «Тьюринга» – просто для гарантии, что они не станут слишком умничать. Следовательно, вполне возможно, что на тебя тут же навалится вся машина «Тьюринга»: а вдруг где-нибудь какой-нибудь ИскИн пожелал подправить свой личный поток налички. У некоторых ИскИнов ведь есть еще и гражданство, так? Есть и еще кое-что, чего следует остерегаться: а вдруг это военный ледоруб, а это тоже опасное дело. Или, может, он свалился с какого-нибудь дзайбацу, а встречаться с этими ребятами – тоже никакой радости. Сечешь, в чем загвоздка, Бобби?

Бобби кивнул. Он чувствовал себя так, будто всю свою предыдущую жизнь ждал этого момента: сидеть и слушать, как Бовуа объясняет ему механику мира, о существовании которой ранее он мог только догадываться.

– И все же ледоруб, который действительно пробивает лед, стоит дорого, я имею в виду – *очень дорого.* Итак, скажем, ты на

рынке – мистер Крутой, и кто-то предлагает тебе такую штуковину, и ты не хочешь сказать им: мол, идите гуляйте. Следовательно, ты ее покупаешь. Покупаешь втихую, но не вставляешь дискету сам, нет. Что ты с ней делаешь? Ты привозишь ее домой, даешь в работу своим техам, так чтобы она выглядела как что-нибудь средненькое. Скажем, вгоняешь вот в такой вот формат, – он постучал пальцем по стопке софтов на столе, – и, как обычно, скидываешь своей шестерке, перед которой у тебя должок...

– Подожди-ка, – вмешался Бобби, – не думаю, что мне это нравится...

– Хорошо. Это значит, что ты умнеешь на глазах, или, во всяком случае, становишься чуть умнее. Потому что так они и сделали. Они привезли дискету сюда твоему приятелю-толкачу, мистеру Дважды-в-День, и поделились своей печалью. «Туз, – сказали они, – нам нужно проверить эту хрень, испытать в деле, но мы никоим образом не намерены делать этого сами. Дело за тобой, мальчик». И что делает дальше Дважды-в-День? Вставляет дискетку? Никоим образом. Он просто делает то же самое, что сделали с ним большие мальчики, разве что даже не дает себе труда шепнуть словцо тому, кто поработает за него. А делает он следующее – находит базу на Среднем Западе, базу, под завязку нашпигованную программами по уклонению от налогов и блок-схемами для отмывки иен для какого-нибудь борделя в Канзас-Сити. Каждый, кто не вчера родился, знает, что эта дрянь по уши во льду, в черном льду, абсолютно смертельных программах обратной связи. И нет ни одного ковбоя в Муравейнике или за его пределами, кто полез бы в эту базу. Во-первых, потому что она прямо-таки сочится защитой; во-вторых, потому что складированная в ней мура не интересна никому, кроме налоговых инспекторов, каковые, скорее всего, и так уже у владельца на содержании.

– Эй, – вскинулся Бобби, – а нельзя ли пояснее...

– По-моему, я растолковываю тебе яснее некуда, белый мальчик! Короче, он нашел такую базу, потом пробежался по своему списку хотдоггеров, честолюбивых панков из Барритауна, вильсонов, среди которых может найтись тупой настолько, чтобы при помощи впервые увиденной программы совершить набег на базу, в которую шутник вроде Дважды-в-День ткнул пальцем и сказал, что это, мол, легкая пожива. И кого же он выберет? Он выберет новичка, того, кто не знает, где он живет, того, у которого нет даже его номера. Он говорит ему: «Слушай, мужик, возьми это домой и заработай себе немножко денег. Если найдешь что-то стоящее, я это у тебя куплю!» – Бовуа округлил

глаза, он больше не улыбался. – Ну что, похоже на кого-то из твоих знакомых, или, быть может, ты не якшаешься с неудачниками?

– Ты хочешь сказать, он знал, что меня могут прикончить, если я вломлюсь в эту базу?

– Нет, Бобби. Но он знал, что такая возможность существует, если пакет не сработает. Он, в сущности, просто хотел понаблюдать за твоей попыткой – ничего больше. Однако он не потрудился сделать это сам, просто поставил за себя пару ковбоев. А дальше все могло идти двумя различными путями. Вариант первый: ледоруб пробивает черный лед, ты попадаешь внутрь, находишь кучу цифр, которые представляются тебе пустышкой, выбираешься назад, возможно, даже не оставив следов. Ну, ты тогда пошел бы к Леону и сказал Дважды-в-День, что он ошибся с базой. А тот бы жутко извинялся, конечно, – и ты получил бы новую цель и новый ледоруб, а он повез бы этот в Муравейник и сказал, что с ним все в порядке. А тем временем не спускал бы с тебя глаз, просто чтобы последить за твоим здоровьем. Чтобы убедиться, что никто не пришел искать ледоруб, который, как они могли прослышать, ты использовал. Могло случиться и иначе, так, как это едва не случилось: у ледоруба могла выявиться какая-нибудь странность, лед сжег бы тебя насмерть, и тогда одному из ковбоев пришлось бы вломиться в квартиру твоей мамочки и забрать софт прежде, чем найдут твое тело.

– Не знаю... Бовуа, это чертовски жест...

— Задница моя жесткая. *Жизнь* жестока. Я хочу сказать, мы же говорим о *бизнесе,* не забыл?

Бовуа рассматривал его с полной безмятежностью. Пластмассовая оправа сползла почти на кончик изящного носа. Он был светлее, чем Дважды-в-День или гигант в костюме – с кожей цвета слегка разбавленного кофе, и к черному мху коротко стриженных волос уходил высокий гладкий лоб. В балахоне из серой плащевки он выглядел худощавым, и Бобби не находил в нем ничего угрожающего.

– Но нам надо выяснить, почему ты здесь, а ты здесь для того, чтобы выяснить, что произошло на самом деле. А это уже нечто другое.

– Однако ты сказал, что он меня подставил, что Дважды-в-День подставил меня так, чтобы меня пришили? – Бобби все еще сидел в кресле-каталке «Материнского общества Святой Марии», хотя теперь ему казалось, что кресло ему больше не нужно. – И что он в глубокой жопе перед этими парнями, этими крутыми из Муравейника?

– Теперь ты понял.

– Так вот почему он ведет себя так, будто ему уже все по хрену, а меня – меня он ненавидит до самых потрохов, да? И он действительно перепуган?

Бовуа кивнул.

– И это все потому, – продолжал Бобби, понимая наконец, почему Дважды-в-День не в своей тарелке, почему он так испугался, – что на меня напали там, на Большой Площадке, и сволочи долики обули меня на деку! И на их софт, он ведь оставался у меня в деке! – Он подался вперед, возбужденный от того, что сложил все вместе, – А эти парни могут, скажем, убить его, если он не вернет дискету, так?

– Должен тебе сказать, что ты слишком много смотрел кино, – сказал Бовуа, – хотя, в общем и целом, определенно так.

– Хорошо. – Бобби откинулся на спинку кресла-каталки, закинув голые ноги на край стола. – Ну, Бовуа, кто же эти парни? Как ты их там назвал, унганы? Колдуны? Что, черт побери, это должно означать?

– Видишь ли, Бобби, – сказал Бовуа, – я один из них, а тот большой мужик – ты можешь называть его Лукасом – второй.

– Ты, наверное, видел такие раньше, – сказал Бовуа, когда человек по имени Лукас поставил на стол трехмерный проектор, перед этим методично расчистив для него место.

– В школе, – покорно ответил Бобби.

– Ты ходил в школу, парень? – огрызнулся Дважды-в-День. – Почему ты там, черт побери, не остался?

Он прикуривал одну сигарету от другой с тех самых пор, как они с Лукасом вернулись, и, казалось, был в еще худшем настроении, чем прежде.

– Заткнись, Дважды-в-День, – предложил Бовуа, – немного образования и тебе бы не повредило.

– С их помощью нас учили, как отыскивать дорогу в матрице, как получать доступ ко всякому барахлу из печатных библиотек, все такое...

– Тем лучше. – Лукас выпрямился, отряхивая несуществующую пыль с огромных розовых ладоней. – Ты когда-нибудь пользовался им, чтобы получать доступ к печатным книгам?

Он снял черный, без единой морщинки, пиджак; на крахмальной рубашке под ним ярко выделялась пара изящных темно-бордовых подтяжек. Лукас ослабил узел строгого черного галстука.

– Я не слишком-то хорошо читаю, – сказал Бобби. – Я хочу

сказать, могу, но это работа. Ну да, я входил. Искал по-настоящему старые книги о матрице и о всем таком.

– Так я и думал, – отозвался Лукас, подключая к консоли в основании проектора что-то вроде маленькой деки. – Счет Ноль. *Прерывание на счет ноль.* Старый программистский жаргон. — Он передал деку Бовуа, который стал вводить в нее команды.

Внезапно в экранном объеме проектора начали возникать сложные геометрические фигуры, выравниваясь вдоль почти невидимых плоскостей трехмерной решетки. Бобби догадался, что Бовуа набрасывает в киберпространстве координаты Барритауна.

– Будем считать, что синяя пирамидка – это ты, Бобби. Вот она. – В самом центре объема мягко запульсировала синяя пирамида. – Теперь мы покажем тебе, что увидели наблюдавшие за тобой ковбои Дважды-в-День. С этого момента ты видишь запись.

Из пирамиды выросла синяя пунктирная линия и побежала по линии решетки. Бобби смотрел в экранный объем, видя себя, одинокого, в гостиной своей матери с «Оно-Сендаи» на коленях. Занавески задернуты, пальцы бегают по клавишам.

– Пошел ледоруб, – прокомментировал Бовуа.

Синий пунктир достиг стенки экрана. Бовуа нажал пару клавиш, и координаты изменились. Исходную декорацию сменил новый набор геометрических фигур. Бобби узнал нагромождение оранжевых кубов в центре решетки.

– Вот оно, – сказал он.

Из-за стенки экрана появилась синяя линия и потянулась к оранжевой базе. Вокруг кубов мерцали смутные плоскости оранжевого света, которые, когда линия подошла ближе, начали вдруг смещаться и пульсировать.

– Сам видишь, что что-то здесь не так, – сказал Лукас. – Вон он, их лед, и он уже о тебе знает. Подмял тебя еще до того, как ты за него зацепился.

Когда синий пунктир коснулся скользнувшей навстречу оранжевой плоскости, вокруг него тут же образовалась оранжевая трубка чуть большего диаметра. Трубка начала удаляться, двигаясь назад вдоль пунктира, пока не уперлась в стенку экрана...

– А тем временем, – сказал Бовуа, – дома, в Барритауне... – Он снова пробежал пальцами по клавишам, и теперь в центре оказалась синяя пирамидка Бобби. На глазах у Бобби оранжевая трубка выросла из стенки экранного объема и по синему пунктиру вкрадчиво подобралась к пирамидке.

– А вот с этого момента, ковбой, ты должен был начать

умирать всерьез.

Трубка коснулась пирамидки, оранжевые треугольники сомкнулись, как будто закрывая ее стеной. Бовуа остановил запись.

– Когда няньки Дважды-в-День, – сказал Лукас, – жокеи, в общем-то, бывалые и закаленные, увидели то, что сейчас увидишь ты, друг мой, они решили, что в этой, так сказать, побелке в небесах виновата их дека. Как и у любых профи, у них была вторая дека, для подстраховки. Подключив ее к линии, они увидели то же самое. Именно тогда они решили позвонить своему работодателю, мистеру Дважды-в-День, который, как можно заключить из окружающего нас бардака, собирался устроить вечеринку...

– Мужик, – сказал Дважды-в-День сдавленным от истерики голосом, – я же тебе говорил. У меня тут были клиенты, которых требовалось развлечь. Я заплатил своим мальчикам, чтобы они присмотрели за ледорубом, они и смотрели, а потом позвонили мне. Я позвонил вам. Ну что тебе, черт побери, от меня надо?

– Нашу собственность, – мягко отозвался Бовуа. – А теперь смотри внимательно, – обратился он к Бобби, – такую штуку, кроме как аномальным феноменом, не назовешь, без дураков...

Он снова ввел команду, запуская запись.

На нижней плоскости экрана расцвели жидкие цветы, белые, как молоко. Подавшись вперед, Бобби увидел, что состоят они словно из тысяч мельчайших сфер или пузырьков. Цветы полностью подстроились к кубической решетке, срослись с ней, образовав асимметричную структуру с тяжелым верхом, нечто вроде многогранного гриба. Грани были белыми и совершенно пустыми. Фигура в экранном объеме была размером не больше ладони Бобби, но всякому вошедшему в матрицу она показалась бы непомерной. «Гриб» развернул пару «рожек»; «рожки» вытянулись, изогнулись, превратившись в пинцет, который метнулся, чтобы схватить пирамидку. Бобби увидел, как кончики щипцов беспрепятственно прошли сквозь посверкивающие оранжевые плоскости враждебного льда.

– Она сказала: «Что ты делаешь?» – услышал Бобби собственный голос. – Потом она спросила меня, почему они это делают, делают это со мной, убивают меня...

– Ага, – негромко произнес Бовуа, – вот теперь мы хоть как-то продвинулись.

Бобби не знал, куда они идут, но был рад возможности выбраться из кресла. Бовуа пригнулся, чтобы не задеть косо висящую гро-лампу, которая покачивалась на двух отрезках крученой веревки; Бобби последовал за ним, едва не

поскользнувшись в луже воды с зеленоватой пленкой. Чем дальше от кушетки-поляны Дважды-в-День, тем чище становился воздух. Стоял тепличный запах перегноя и растущей зелени.

– Вот так это было, – задумчиво произнес Бовуа. – Дважды-в-День послал пару ребят на Ковина-Конкорс-Коуртс, но ты уже ушел. И деки тоже не было.

– Ну, это не совсем его вина, – сказал Бобби, – то есть, я хочу сказать, что если бы я не рванул к Леону... а я и правда искал Дважды-в-День, даже подумывал о том, как бы мне попасть сюда, наверх – то он нашел бы меня, верно?

Бовуа помедлил, чтобы полюбоваться роскошными листьями цветущей конопли, и, протянув худой коричневый палец, тронул бледный бесцветный цветок.

– Верно, – отозвался он, – но бизнес есть бизнес. Ему надо было поставить кого-нибудь следить за твоей квартирой в течение всего набега, чтобы убедиться, что ни ты, ни софт не отправитесь ни на какую незапланированную прогулку.

– Но послал же он Реа и Джекки к Леону, раз я их там видел. – Бобби запустил руку за ворот черной пижамы и почесал заклеенную рану, пересекавшую его грудь и живот. Тут он вспомнил о многоножке, которую Пай использовал как стягивающий рану пластырь, и быстро убрал руку. Шрам отчаянно зудел, превратился в сплошную линию зуда, но многоножки касаться не хотелось.

– Нет, Джекки и Реа – наши. Джекки – мамбо, жрица, лошадь Данбалы.

Бовуа продолжал свой путь, придерживаясь, как решил Бобби, какой-то известной ему тропинки в этом беспорядочном гидропонном лесу, хотя тропинка эта, похоже, петляла безо всякого смысла. Кусты покрупнее пустили корни в огромных грушевидных пластиковых мешках для мусора, наполненных темным гумусом. Мешки местами лопнули, и бледные корни искали себе пропитание в тенях между полосами гро-света, где общими усилиями времени и постепенного опадания листьев нарос тонкий слой компоста. На Бобби были черные нейлоновые тапки, которые подобрала для него Джекки, но в них уже набилась сырая земля.

– Лошадь? – переспросил он, уклоняясь от чего-то шипастого, наводившего на мысль о вывернутой наизнанку пальме.

– Данбала оседлывает ее. Данбала Ведо, змей. А в другое время она – лошадь Айды Ведо, его жены.

Бобби решил не углубляться и сменил тему:

– А как вышло, что у Дважды-в-День такая огромная хата? Зачем тут деревья и все такое?

Насколько он понял, Джекки и Реа вкатили его в кресле от «Святой Марии» через какой-то дверной проем, но с тех пор он не видел ни одной стены. При этом он знал, что здание-улей покрывает энное число гектаров, так что вполне возможно, что обиталище Дважды-в-День и в самом деле было очень велико. Правда, представлялось маловероятным, чтобы толкач, пусть даже очень крутой, мог позволить себе столько пространства. Никто не может позволить себе столько места – да и кому захочется жить в вечно сыром гидропонном лесу?

Последний дерм снашивался, и грудь и спину начинало жечь острой болью.

– Фикусовые деревья, деревья мапоу… весь этот этаж Проекта – *лье сан,* святое место. – Тронув Бобби за плечо, Бовуа указал на перевитые двухцветные ленточки, свисающие с веток ближайшего дерева. – Все деревья здесь посвящены различным лоа. Вот это посвящено Огу, Огу Ферею, богу войны. Тут растет еще много всего: есть растения, необходимые докторам-травникам, а другие – просто для удовольствия. Но это место принадлежит не Дважды-в-День – оно принадлежит всей общине.

– Ты хочешь сказать, весь Проект этим повязан? Тут все вудуисты и всякое такое… – Это было хуже самой страшной фантазии Марши.

– Нет, друг мой, – рассмеялся Бовуа. – Наверху, ближе к крыше, – мусульмане, затем здесь живут несколько – а может, и все десять тысяч праведных баптистов, они разбросаны по всему Проекту. Есть последователи Церкви сайентологии… Обычный сброд. И все же, – он ухмыльнулся, – мы — единственные с традицией улаживания дел… Но история этого этажа уходит довольно далеко в прошлое. Проектировщики – а строительство «ульев» велось, может, восемьдесят, а то и все сто лет назад – планировали сделать «ульи» как можно более автономными. Заставить их выращивать пищу. Заставить их обогреваться, генерировать электроэнергию и так далее. Взять конкретно этот Проект: если пробурить достаточно глубокую скважину, то увидишь, что он стоит над резервуаром геотермальных вод. Там и вправду очень жарко, но недостаточно, чтобы запустить мотор, так что никакого тока не будет. Поэтому на крыше установили сотню ротационных ветровых ловушек Даррье – их тут еще называют яйцеварками. Сделали себе ветряные мельницы, понимаешь? Правда, сегодня большую часть своих ватт Проект получает от Ядерной Комиссии, как и все прочие. Но эти геотермальные воды накачивают наверх, в теплообменник. Для питья вода слишком соленая, так что в обменнике она просто греет обычную воду из системы водоснабжения вашего Джерси.

Впрочем, кое-кто полагает, что и эту воду тоже пить нельзя...

Наконец они вышли к какой-то стене. Бобби оглянулся назад. В мелких озерцах на грязном бетонном полу отражались сучья и ветки карликовых деревьев. Голые бледные корни переплетались в импровизированных баках с гидропонной жидкостью.

– Потом вода поступает в цистерны с креветками, их там выращивают в промышленных объемах. В теплой воде креветки растут действительно быстро. Потом по трубам в бетоне воду качают сюда наверх, чтобы обогревать этот этаж. Вот для чего на самом деле этот уровень – чтобы выращивать гидропонный амарант, салат и тому подобное. Дальше вода снова уходит вниз, в резервуары с сомами, а дерьмо креветок доедают сине-зеленые водоросли. Сомы питаются водорослями – и все идет по новой. Или, во всяком случае, так было задумано. Готов поспорить, никому из проектировщиков и в голову не могло прийти, что кто-то решит забраться на крышу и скинуть роторы Даррье, чтобы освободить место для мусульман. И многие другие перемены они тоже не предусмотрели. Нынешние жители основательно переоборудовали «улей». Но на Проектах еще можно достать чертовски хороших креветок... Да и сома тоже...

Они достигли стены. Стена, целиком стеклянная, была сплошь усеяна бусинами сконденсировавшейся влаги. За стеклом, в нескольких сантиметрах, виднелась вторая стена – что-то вроде ржавого стального листа. Выудив откуда-то из блестящего балахона ключ, Бовуа вставил его в отверстие в голой стальной раме, разделявшей две створки окна. Неподалеку со стоном ожил мотор; широкий стальной ставень сложился, рывками уходя наверх, чтобы открыть панораму, которую так часто воображал себе Бобби.

Они были, наверное, почти у самой крыши, высоко-высоко на Проекте, потому что Большая Площадка казалась пятном, которое он мог бы накрыть ладонями. Кондо Барритауна выглядели отсюда как простирающийся до горизонта серо-белый заплесневелый ковер. Уже стемнело, и за последней волной кондо Бобби смог различить далекое розовое свечение.

– Там ведь Муравейник, правда? Этот розовый свет?

– Верно, но чем ближе к нему, тем он неприглядnее. Тебе хотелось бы поехать туда, Бобби? Счет Ноль готов завоевать Муравейник?

– Господи, да... – Бобби прижал ладони к запотевшему стеклу. – Ты и понятия не имеешь...

Действие дерма закончилось, и грудь и спину начало жечь огнем.

14
Ночной полет

С наступлением ночи Тернер вновь ощутил в себе грань.

Казалось, слишком много времени прошло с тех пор, когда он в последний раз испытывал подобное ощущение. Но теперь он чувствовал себя так, словно грань никогда не оставляла его. Он будто стал сверхчеловеческой ячейкой в синхроцепи – ощущение, которое стимуляторы могут лишь имитировать. Такое возможно лишь на полигоне, когда все готово для извлечения по-настоящему крупной дичи и когда ты один в ответе за все – да и то лишь в самые последние часы перед рывком.

Но сколько времени с тех пор утекло! В Нью-Дели он только проверял возможные пути отступления для чиновника, который даже не был до конца уверен, хочет ли он перейти под другую крышу. Работай Тернер на грани той ночью в Чандни-Чаук, он, быть может, и смог бы увернуться от той «собаки». Скорее всего – нет, но грань приказала бы ему попытаться.

Теперь же грань позволила ему свести в единый рисунок все факторы, какие следовало учесть на данном полигоне, – как целые гроздья мелких проблем, так и крупные проблемы-одиночки. Мелких было до черта, но никаких по-настоящему серьезных обломов. Линч и Уэббер начинали потихоньку вцепляться друг другу в волосы, а поэтому он устроил так, чтобы держать их подальше друг от друга. Уверенность в том, что Линч – подсадка Конроя, инстинктивная с самого начала, теперь усилилась. Когда ты на грани, инстинкты обостряются, понемногу становишься телепатом. У Натана возникли проблемы со шведскими грелками для рук – все, что было проще компьютерной платы, сбивало мастера с толку. Тернер приставил к грелкам Линча – их требовалось зарядить топливом, а Натану приказал выносить грелки наружу по две за раз и неглубоко закапывать на расстоянии метра друг от друга вдоль двух длинных полос оранжевой ленты.

Присланный Конроем микрософт наполнял голову содержащейся в нем вселенной других постоянно меняющихся факторов: скорость воздушных течений, высота самолета в воздухе, угол атаки, ускорение и гравитация, направление. Несмолкаемой литанией всплывали из подсознания сведения о вооружении реактивника: приборы наведения, траектории падения бомб, радиусы и коды запуска, поисковые круги, счетчики боеприпасов. Конрой дописал к микрософту простое

сообщение – время прибытия самолета и подтверждение установки дополнительной антигравитационной сетки для пассажира.

Тернер задавался вопросом, что делает, что испытывает сейчас Митчелл. Предприятие «Маас Биолабс, Северная Америка» было встроено в изрезанное переходами плато, гигантский обрубок скальной породы, вздыбившийся над поверхностью пустыни. Досье биософта показало Тернеру фасад этого плато с его горящими вечерним светом окнами. Плато возвышалось над морем сагуарий как рубка гигантского корабля. Для Митчелла оно было и тюрьмой и крепостью – его домом на протяжении девяти последних лет. Где-то в сердцевине плато он совершенствовал гибридные технологии, уже более века не дававшиеся другим ученым. Работая с человеческими раковыми клетками и отвергнутой, почти забытой моделью синтеза ДНК, он создавал бессмертные гибридные клетки, ставшие для этой технологии базовыми средствами производства, крохотными биохимическими заводиками, бесконечно воспроизводящими искусственно сконструированные молекулы, которые потом собирали в цепи и встраивали в биочипы. Где-то там, в научном городке, Митчелл доживает сейчас свои последние часы в качестве самого знаменитого исследователя «Мааса».

Тернер пытался представить Митчелла, которому предстоит совершенно иная жизнь – его теперешняя кончится с переходом в «Хосаку», но оказалось, что это довольно непросто. Да и так ли уж отличается закрытый исследовательский центр в Аризоне от любого научного городка «Хосаки»?

В течение всего этого длинного дня в Тернере то и дело темной волной поднимались закодированные воспоминания Митчелла, наполняя его странным ужасом, который, казалось, не имел ничего общего с предстоящей операцией.

Тревожила узнаваемость, почти интимность образов, возможно, именно эта тревога и порождала страх. Некоторые фрагменты как будто обладали гораздо большей эмоциональной насыщенностью, чем можно было предположить по их содержанию. Почему воспоминание о пустынном холле какого-то обшарпанного общежития в Кембридже должно наполнять его виной и отвращением к самому себе? Другим же картинам, которым по логике вещей полагалось нести в себе некоторую степень чувства, странно не хватало эмоций. Вот Митчелл играет с грудной дочкой на четырехугольнике пушистого паласа в доме, который он снимал в Женеве. Ребенок смеется, тянет отца за палец. Ничего. Жизнь этого человека, с точки зрения Тернера, была отмечена именно отсутствием событий. Ученый был

талантлив – это стало ясно довольно рано, честолюбив, наделен способностью к расчетливым интригам и манипуляциям – подобный дар требуется любому, кто мечтает стать ведущим исследователем. Если кому-то и было суждено подняться по иерархической лестнице корпорационной науки, то именно Митчеллу.

Сам Тернер оказался неспособен прижиться среди людей дзайбацу, в этом мире, разделенном на племена с их бесконечной борьбой за выживание. Он оставался вечным аутсайдером, непредсказуемым фактором, носимым по тайным морям межкорпорационной политики. Ни один служащий ни одной компании не был способен на ту инициативу, какая требовалась от Тернера в ходе извлечения. Откуда взяться у служащего, взращенного корпорацией, профессионально небрежному умению Тернера менять свою лояльность при смене работодателей. Или, может быть, его несгибаемому упорству с того момента, как согласованы условия контракта. Когда ему еще не исполнилось и двадцати, его занесло в охранную контору; это были времена, когда мрачная хандра в послевоенной экономике только-только уступала дорогу импульсам новых технологий. Он неплохо продвинулся в охране, учитывая отсутствие у него всяческих амбиций. Он обладал осанкой пластичного мускулистого зверя, которая производила впечатление на клиентов его работодателей, и он оказался сметлив и весьма расторопен. Умел носить одежду. Ладил с техникой.

Конрой разыскал его в Мексике, где работодатель Тернера заключил контракт на обеспечение безопасности для съемочной группы «Сенснета» – те записывали получасовые эпизоды бесконечного сериала о приключениях в джунглях. Когда появился Конрой, Тернер как раз заканчивал последние приготовления. Он разработал контакты и посадил связника между «Сенснетом» и местным правительством. Подкупил главного полицейского чина в городе, проанализировал систему безопасности гостиницы, познакомился с местными проводниками и водителями, перепроверил их биографии, установил цифровую голосовую защиту на передатчиках съемочной группы, подобрал команду на случай возникновения кризисной ситуации и разместил сейсмические сенсоры вокруг скопления коттеджей «Сенснета».

Он вошел в бар гостиницы – продолжение вестибюля, выглядевшего как сад или джунгли, – и нашел себе место за одним из стеклянных столиков. Бледный мужчина с копной белых, выправленных волос пересек бар, держа по стакану в каждой руке. Одет он был в тщательно выглаженную армейскую

рубашку, выпущенную поверх джинсов, и кожаные сандалии. Мучнисто-белая кожа казалась туго натянутой на угловатый череп.

– Ты отвечаешь за безопасность этих детишек из симстима, – утвердительным тоном произнес бледный мужчина, ставя один из стаканов на стол перед Тернером. – Мне сказал Альфредо.

Так звали одного из барменов гостиницы.

Тернер поднял глаза на человека, который, судя по всему, был совершенно трезв и, казалось, олицетворял собой всю самоуверенность в мире.

– Кажется, мы не представлены, – сказал Тернер, не делая ни малейшего движения, чтобы принять предложенную выпивку.

– Неважно, – ответил Конрой, отодвигая стул. – Мы играем на одном поле. – Он сел.

Тернер посмотрел на него в упор. Тогда Тернер выглядел как настоящий телохранитель. В его осанке, в каждом движении жилистого тела читались беспокойство и настороженность, и очень немногие из незнакомых людей решились бы так небрежно вторгнуться на его территорию.

– Видишь ли, – сказал мужчина, – сейсмики, которые ты используешь, на самом деле ни хрена не стоят. – Он сказал это так, будто комментировал действия бейсбольной команды, не особо отличившейся в этом сезоне. – Я знаю людей, которые войдут внутрь, съедят твоих детишек на завтрак, потом засунут их кости в душ и насвистывая удалятся. А сейсмики скажут, что ничего не случилось. – Он отпил из стакана. – Хотя, конечно, в целом твои действия можно оценить на «отлично». Ты свое дело знаешь.

Выражения «засунут кости в душ» было вполне достаточно – Тернер решил убрать бледного.

– Смотри-ка, Тернер, а вот твоя примадонна, – и мужчина улыбнулся Джейн Хэмилтон.

Актриса ответила ему улыбкой, улыбнулась и широко раскрыла голубые глаза, такие ясные и совершенные. Каждый зрачок был окаймлен крохотными золотыми буковками логотипа «Цейс-Икон». Тернер замер, на долю секунды пойманный в западню нерешительности. Звезда была близко, слишком близко, а бледный человек вставал...

– Рад был познакомиться, Тернер, – сказал он. – Рано или поздно мы еще встретимся. Последуй моему совету, я о сейсмиках. Я бы подстраховал их периметром «кричалок».

Тут он повернулся и пошел прочь, под хрусткой тканью рыжевато-коричневой рубашки плавно перекатывались мускулы.

– Как мило, Тернер, – сказала Хэмилтон, устраиваясь на

стуле, где только что сидел незнакомец.

– Да? – Тернер не отрываясь смотрел, как незнакомец ныряет в толпу розовощеких туристов и исчезает в суете переполненного вестибюля.

– Я думала, что ты и не разговариваешь ни с кем. У тебя всегда такой вид, будто ты обыскиваешь собеседника, заполняя на него рапорт. Приятно видеть, как ради разнообразия ты заводишь друзей.

Тернер перевел взгляд на актрису. Хэмилтон было двадцать, на четыре года меньше, чем ему, и в неделю она зарабатывала, грубо говоря, в девять раз больше его годового оклада. Загорелая блондинка с коротко подстриженными, как требовалось по сценарию, волосами. Девушка выглядела так, будто изнутри ее освещали лампы дневного света. Голубые глаза были нечеловечески совершенными оптическими приборами, выращенными в автоклавах в Японии. Она была одновременно и актрисой, и камерой, глаза ее стоили несколько миллионов новых иен, а в иерархии звезд «Сенснета» ее рейтинг был почти что никаким.

Он посидел с ней, пока она не прикончила оба коктейля, потом проводил назад к коттеджам.

– Тебе не хочется зайти выпить еще, а, Тернер?

– Нет, – ответил он.

Это был уже второй вечер, когда она делала подобное предложение, и, насколько он догадывался, последний.

– Мне нужно проверить сейсмики.

Той же ночью он позвонил в Нью-Йорк, чтобы получить телефон фирмы в Мехико, которая могла бы поставить ему «кричалки».

Но неделю спустя Джейн и трое других – половина актерского состава сериала – были мертвы.

– Мы готовы перекатить врачей, – сказала Уэббер.

Тернер заметил, что у нее на руках коричневые кожаные перчатки с обрезанными пальцами. Она сменила солнечные очки на прозрачные линзы для ночной охоты, а на бедре у нес висел пистолет.

– Сатклифф наблюдает за периметром через камеры. Нам понадобятся все остальные, чтобы протащить эту срань через кусты.

– Я нужен?

– Рамирес говорит, что не может напрягаться за какой-то час до включения. Если хочешь знать мое мнение, он просто маленький ленивый засранец из Лос-Анджелеса.

– Нет, – отозвался Тернер, вставая со своего насеста на каменной ограде, – он прав. Если он перенапряжет кисть, нам крышка. Любая мелочь, какую он не сможет почувствовать, способна сказаться на его скорости...

Уэббер пожала плечами.

– Ладно. Значит, он в бункере. Раз он полощет руки в последней нашей воде и напевает себе под нос, то мы выкрутимся.

Когда они дошли до бокса, Тернер автоматически пересчитал головы. Семь. Рамирес – в бункере; Сатклифф – где-то в лабиринте выгоревшего квартала, следит за экранами дозорных видеокамер. У Линча за правым плечом висит лазер «стайнер-оптик». Компактная модель с разборной стальной треногой, встроенные батареи образуют толстую рукоять под серым титановым корпусом, который одновременно служит стволом. Натан одет в черный комбинезон и черные же десантные ботинки с налетом светлой пыли. Под подбородком на головной повязке болтаются защитные очки с выпуклыми, будто муравьиные глаза, линзами оптического устройства. Сняв свои мексиканские солнечные очки, Тернер убрал их в нагрудный карман синей спецовки и застегнул клапан.

– Как дела, Тедди? – спросил он двухметрового верзилу с коротко стриженными русыми волосами.

– Ништяк, – улыбнулся тот всеми своими зубами.

Тернер оглядел остальных членов команды полигона, кивая по очереди каждому: Комптон, Коста, Дэвис.

– Что, беремся за дело, а? – спросил Коста. У него было круглое влажное лицо с редкой, тщательно подстриженной бородкой. Как Натан и все остальные, он тоже был в черном.

– Через пару минут, – отозвался Тернер. – Пока все гладко.

Коста кивнул.

– У нас приблизительно полчаса до прибытия, – сказал Тернер.

– Натан, Дэвис, – приказала Уэббер, – отсоедините сливной шланг.

Она протянула Тернеру один из наборов клипсовых передатчиков, который уже успела вынуть из пузырчатой упаковки. Потом сама сорвала пластиковую заглушку с самоклеющегося горлового микрофона и разгладила его на сожженной солнцем шее.

Натан и Дэвис копошились в тени позади фургона. Тернер услышал, как Дэвис тихонько чертыхнулся.

– Вот черт, – бросил Натан, – нет крышки для раструба шланга.

Остальные засмеялись.

– Оставь как есть, – бросила Уэббер, – беритесь за колеса. Линч и Комптон, оттяните приводы.

Вытащив из-за пояса электромотор в форме пистолета, Линч полез под фургон. Фургон закачался, тихонько скрипнула подвеска; внутри ходили врачи. До Тернера донесся короткий высокий вой какого-то прибора, а потом дребезжание мотора. Линч готовил приводы.

Он нацепил клипсу и прижал горловой передатчик возле гортани.

— Сатклифф! Проверка!

– Нормально, – сказал австралиец. Казалось, что слабый голос исходит из основания черепа Тернера.

– Рамирес?

– Громко и чисто...

Восемь минут. Они выкатывали трейлер на его десяти толстых шинах. Тернер и Натан взялись за переднюю пару, тянули, направляя бокс в нужную сторону. Натан надвинул на глаза защитные очки. Митчеллу предстояло бежать под покровом ночи. Бокс был тяжелым, абсурдно тяжелым — казалось, его просто невозможно сдвинуть с места.

– Будто катишь бревно на паре продуктовых тележек, – пробормотал себе под нос Натан.

У Тернера болела поясница. С самого Нью-Дели с ней что-то было не в порядке.

– Всем стоп, – скомандовала Уэббер от третьего колеса слева. – У меня колесо застряло на каком-то долбаном камне....Отпустив свое колесо, Тернер выпрямился. И откуда сегодня ночью столько летучий мышей? Трепещущие черточки в чаше звездного неба пустыни. В Мексике их тоже было полно. В джунглях это были фруктовые мыши, которые спали в кронах деревьев, нависавших над палаточным городком, где ночевала съемочная группа «Сенснета». Тернер облазил деревья, опутывая нависающие сучья мономолекулярной нитью, – любого незваного гостя ждали метры невидимого лезвия. Но Джейн и другие погибли все равно – во время взрыва на пологом горном склоне недалеко от Акапулько. Неприятности с профсоюзами, как сказал кто-то потом, но на деле так ничего и не выяснили, кроме самого факта примитивного заряда в керамической оболочке, места, где он был установлен, и точки, откуда был взорван. Тернер сам лазил на склон, даже не сняв окровавленной одежды, и видел гнездо в поломанном кустарнике, где ждали убийцы, взрывную машинку и автомобильный аккумулятор в ржавом корпусе. Он

даже нашел бычки самокруток и крышку от бутылки чешского пива – новую и яркую.

Сериал пришлось прикрыть, команда по устранению кризисных ситуаций безупречно сделала свое дело, организовав перевозку тел и эвакуацию выживших членов актерского состава и съемочной группы. Тернер улетал последним самолетом. После восьми «скотчей» в баре аэропорта Акапулько он слепо выбрел в центральный регистрационный зал и столкнулся там с человеком по имени Бушел, старшим техом из лос-анджелесского комплекса «Сенснета». Несмотря на лос-анджелесский загар, Бушел был смертельно бледен. Его индийский льняной костюм пошел пятнами от пота. В руке администратор держал алюминиевый кейс, похожий на футляр кинокамеры, стенки кейса были тусклыми от сконденсировавшейся влаги. Тернер глядел на человека, глядел на потеющий кейс с красными и белыми предупредительными надписями и длинными наклейками, поясняющими, какие меры предосторожности требуются при транспортировке материалов и криогенном хранилище.

– Господи, Тернер, – выдавил, завидев его, Бушел. – Слушай, парень, мне очень жаль. Приехал только сегодня утром. Кошмарная история. – Он вытащил из кармана пиджака сырой носовой платок и вытер лицо. – Кошмарная работа. Мне никогда не приходилось делать такого раньше...

– Что в этом чемодане, Бушел? – Теперь Тернер был гораздо ближе, хотя и не помнил, как шагнул вперед. Он мог разглядеть поры на загорелом лице.

– С тобой все в порядке, приятель? – Бушел отступил на шаг назад. – Ты как-то скверно выглядишь.

– Что в этом чемодане, Бушел? – Льняной лацкан смят в кулаке, костяшки побелели от напряжения.

– Черт побери, Тернер! – Человечек вырвался на свободу, сжимая ручку чемодана уже обеими руками. – Они же не были повреждены. Только какая-то мелкая потертость на одной из роговиц. Глаза принадлежат «Сенснету». Это один из пунктов ее контракта.

И Тернер отвернулся, его желудок завязался узлом вокруг восьми неразбавленных «скотчей», а он все пытался побороть тошноту. И продолжал бороться с ней, держал ее под контролем в течение девяти лет, пока – на полпути от голландца – все эти воспоминания не вернулись, не обрушились на него в Лондоне, в Хитроу, и он скрючился, даже не замедляя шага, посреди очередного коридора – и сблевал в синюю пластмассовую урну.

– Давай же, Тернер, – подстегнула его Уэббер, – подтолкни. Покажи нам, как это делается.

Трейлер снова пополз вперед сквозь деготный запах пустынных растений.

– Мы готовы, – прозвучал отдаленный и спокойный голос Рамиреса.

Тернер коснулся горлового микрофона:

– Посылаю тебе кой-кого для компании. – Он убрал палец с микрофона. – Натан, пора. Вы с Дэвисом – назад в бункер.

Дэвис отвечал за радиооборудование, их единственную вне матрицы связь с «Хосакой». Натан играл роль мастера на все руки. Линч откатывал последнее мотоциклетное колесо в кустарник за автостоянкой. Уэббер и Комптон, стоя на коленях возле бокса, подсоединяли кабель, который свяжет хирургов «Хосаки» с биомонитором «Сони» в командном пункте. С убранными колесами, опущенный и установленный на четырех распорках, хирургический бокс опять напомнил Тернеру французский прогулочный модуль. Путешествовать он отправился гораздо позже, года через четыре после того, как Конрой рекрутировал его в Лос-Анджелесе.

– Как дела? – спросил Сатклифф по связи.

– Прекрасно, – отозвался Тернер, касаясь микрофона.

– Тут скучновато, – сказал Сатклифф.

– Комптон, – окликнул Тернер, – Сатклиффу нужна твоя помощь следить за периметрам. И твоя тоже, Линч.

– Вот так всегда, – донесся из темноты голос Линча, – только я настроился посмотреть спектакль…

Рука Тернера легла на рукоять «смит-и-вессона» под отогнутой полой парки.

– Пошевеливайся, Линч.

Если Линч – подсадка Конни, он пожелает остаться здесь. Или в бункере.

– А пошел ты! – взвился Линч. – Никого там нет, и ты это знаешь. Если не хочешь видеть меня здесь, пойду внутрь – присмотрю за Рамиресом…

– Хорошо, – сказал Тернер и, вытащив пистолет, вдавил клавишу, которая активировала ксенон-проектор.

Первая вспышка полуденно-яркого ксенонового луча выхватила из темноты искривленную сагуарию – серым мехом ощетинились в безжалостном свете колючки. Вторая – нашла шипастый череп на пряжке ремня, поймала его в пятно резкого света. Выстрел и взрыв пули, разорвавшейся от удара, слились в один звук, ударная волна покатилась как гром – невидимыми, расширяющимися кругами над темной плоской землей.

В первые несколько секунд после взрыва не было слышно ни

единого звука, даже летучие мыши и жучки смолкли, выжидая. Уэббер упала в кусты, и почему-то Тернер чувствовал, что она здесь, знал, что пистолет уже у нее в руках – в этих умелых коричневых руках, нацелен ровно, не дрожит и в любую секунду готов выплюнуть смерть. Он понятия не имел, где сейчас Комптон. Тут в клипсе передатчика, процарапавшись сквозь черепную кость, раздался голос Сатклиффа:

– Тернер, что это было?

Света звезд было теперь достаточно, чтобы различить силуэт Уэббер. Женщина скорчилась за камнем, дуло пистолета смотрит ему в лицо, локти уперты в колени.

– Он был подсадкой Конроя, – сказал Тернер, опуская «смит-и-всссон».

– Боже милосердный, – выдохнула она. – Я, я подсадка Конроя.

– У него была внешняя связь. Я такое уже видел.

Пришлось повторить ей это дважды.

В голове – голос Сатклиффа, затем – Рамиреса:

– Мы засекли ваш транспорт. Восемьдесят единиц, приближается... В остальном, похоже, все чисто. В двадцати единицах на юго-юго-восток – малый дирижабль. Джейлин говорит, это беспилотный грузовик, идет точно по расписанию. Больше ничего. Чего это Сат орет, будто его насилуют? Натан говорит, он слышал выстрел. – Рамирес был подключен к матрице, и большая часть его сенсориума была занята информацией, поступающей с деки «Маас-Неотек». – Натан готов слить первый пакет...

Тернер и сам теперь слышал, как снижается реактивный самолет, заходя на посадку на шоссе. Уэббер, выпрямившись во весь рост, шла к нему с пушкой в руке. Сатклифф раз за разом задавал все тот же вопрос. Тернер поднял руку, чтобы коснуться горлового микрофона:

– Это был Линч. Он мертв. Самолет прибыл. Вот он.

И тут реактивник оказался прямо над ними. Черная тень. Невероятно низко. С погашенными огнями. Тормозит – вспышки из сопел; пилота-человека при такой посадке убило бы перегрузкой. Потом – жуткий скрип: телескопическая посадочная рама из углеродного волокна гасит удар о землю. Тернер смог различить зеленоватый отсвет приборной доски в пластиковой кривизне кабины.

– Вот же мать твою, – сказала Уэббер.

В стенке хирургического бокса за ее спиной распахнулся люк, в проеме обрисовалась фигура в маске и защитном костюме из жесткой зеленой ткани. Отбросив в тонкое облачко пыли,

зависшее над местом посадки самолета, перекошенную тень врача, из трейлера хлынул поток сине-белого, очень резкого света.

– Закрой! – крикнула Уэббер. – Рано!

Когда дверь, обрезав на пороге свет, захлопнулась, они оба услышали мотор авиетки. После рева реактивника звук показался гудением стрекозы. Но вот гудение начало затихать, а потом и вовсе исчезло.

– У него кончилось топливо, – проговорила Уэббер. – Но он близко.

Над ними прошелестел крохотный дельтаплан, черный треугольник, на миг затмивший звезды. Ни звука больше – лишь что-то бьется на ветру. Должно быть, одна из штанин Митчелла. «Вот ты и здесь, над нами, – подумал Тернер, – совсем один, в самой теплой одежде, какая только у тебя была, в инфракрасных очках, которые ты сам же и смастерил, и теперь ты ищешь пару пунктирных линий, обозначенных дурацкими грелками для рук...»

– Ты сумасшедший засранец, – пробормотал он, чувствуя, как его переполняет странное восхищение. – Ты и в самом деле очень хотел удрать.

Затем с негромким праздничным хлопком взлетела вдруг откуда-то осветительная ракета; магниевый огонь под белым парашютиком начал медленно опускаться в пустыню. Почти сразу же полыхнули еще две, а с запада донесся треск длинной очереди из автоматического оружия. Боковым зрением Тернер заметил, что Уэббер, спотыкаясь, бежит через кусты к бункеру, однако взгляд его был прикован к описывающей круги авиетке – к веселеньким оранжево-голубым матерчатым крыльям, к фигуре, скорчившейся на сиденье среди растяжек над хрупким треножником шасси. Лицо человека скрывало оптическое устройство.

Митчелл.

Плывущие в поднебесье огни заливали стоянку ярким светом – как футбольное поле. Авиетка заходила на посадку – в грациозном и таком ленивом развороте, что Тернеру хотелось закричать. Где-то за периметром полигона белой аркой повисла в воздухе линия трассеров. Мимо.

Приземляйся. Приземляйся. Тернер бежал, перепрыгивая через кочки, через какие-то кусты, которые цеплялись за брюки, за полы расстегнутой парки.

Осветительные ракеты. Зарево. Свет. Митчелл теперь не может воспользоваться инфракрасными очками, он не видит теплового излучения грелок. Просто ведет самолетик по ширине

полосы. Носовое колесо за что-то зацепилось. Авиетка рухнула на нос как смятая, порванная бабочка и наконец застыла посреди поднятого ею облака белой пыли.

Вспышка взрыва, казалось, достигла Тернера за мгновение до звука, отбросив в бледный кустарник перед ним его собственную тень. Взрывная волна подхватила его и повалила на землю – откатившись в сторону, он увидел желтый огненный шар на месте расколотого надвое хирургического бокса и понял, что Уэббер выпустила-таки свою противотанковую ракету. Потом он вновь оказался на ногах, вновь побежал, сжимая в руке пистолет.

Он достиг обломков авиетки Митчелла как раз в тот момент, когда погасла первая ракета. Но сразу же, словно из ниоткуда, взлетела еще одна и распустилась над головой. Звук стрельбы стал теперь непрерывным. Перепрыгнув через смятый лист ржавой жести, Тернер обнаружил скорчившегося на земле пилота; голова его и лицо были скрыты под самодельным шлемом, из которого выступали уродливые линзы. Оптический прибор был примотан к шлему тускло серебрившейся лентой. Свернувшееся в клубок тело было укутано в несколько слоев темной одежды. Словно со стороны Тернер увидел, как его руки вцепляются в ленту, срывая инфракрасные очки. Руки превратились в два самостоятельных существа, два бледных подводных создания, живущих своей жизнью на дне какой-нибудь глубоководной тихоокеанской впадины. Ему оставалось лишь смотреть, как они отчаянно срывают ленту, шлем, очки. А когда все это улетело, отброшенное, прочь, – то на белое девичье лицо под волной длинных, липких от пота каштановых волос, которое, выплеснувшись из-под шлема, смазали темную струйку крови, бегущую из носа. Глаза девушки открылись, показав пустые белки, и тогда Тернер профессиональной хваткой пожарника подхватил ее на руки и метнулся, надеясь, что бежит правильно, в сторону реактивного самолета.

Второй взрыв он почувствовал через подошвы пляжных туфель и будто наяву увидел перед собой идиотскую улыбку пластиковой взрывчатки, восседавшей на киберпространственной деке Рамиреса. Вспышки не последовало – только звук и отдача взрывной волны по всему бетону автостоянки.

А потом он очутился в кабине, где, как в новеньком автомобиле, пахло длинными мономерными цепочками – привычный уже аромат технологии новой чеканки. Позади него – девушка, безвольная кукла, запеленутая в кокон антигравитационной сетки. Конрою пришлось заплатить дополнительные бабки торговцу оружием в Сан-Диего, чтобы тот установил эту сетку позади сетки пилота. Самолет дрогнул,

оживая, когда Тернер заворочался, устраиваясь поудобнее в своей сетке. Он пошарил в поисках кабеля, нашел его, вырвал из разъема микрософт и воткнул на его место коннектор интерфейса.

Знание засветилось в нем как заставка компьютерной игры, и Тернер подался вперед, ощущая себя самолетом, да и, по сути, став им – чувствуя, как перестраивается под ним в стартовую позицию его гибкая посадочная рама, как мягко гудят его сервоприводы, закрывая фонарь кабины. Антигравитационная сетка вздулась вокруг него, жестко фиксируя конечности; в правой руке все еще был зажат пистолет.

– Вперед, мать твою!

Но самолет и так все понял. На Тернера навалилось ускорение, и он погрузился во тьму.

– Вы были без сознания, – сказал самолет.

Смоделированный чипом голос смутно напоминал голос Конроя.

– И сколько же?

– Тридцать восемь секунд.

– Где мы?

– Над Нагосом.

Зажегся верхний дисплей, высветив дюжину постоянно изменяющихся фигур, а поверх них – упрощенную карту района « Аризона-Сонора».

Небо побелело.

– Что это?

Молчание.

– Что это?

– Сенсоры определяют взрыв, – сказал самолет. – Мощность как у тактической ядерной боеголовки, но электромагнитное излучение отсутствует. Эпицентром разрушения является точка нашего взлета.

Белое сияние поблекло и исчезло.

– Отменить курс, – приказал Тернер.

– Курс отменен. Прошу дать новые координаты.

– Хороший вопрос, – протянул Тернер.

Он не мог повернуть голову, чтобы взглянуть на девушку у себя за спиной. Как она там, жива ли?

15
Шкатулка

Марли снился Ален... сумерки над поляной полевых цветов. Он баюкал ее голову на сгибе локтя, потом нежно погладил по волосам и сломал ей шею. Лежа неподвижно в траве, она прекрасно сознавала, что он делает. Он целовал ей лицо и плечи. Он забрал у нее деньги и ключи от комнаты. Звезды стали огромными, будто приклеенными над сочной яркостью полей, а она все чувствовала его руки у себя на шее...

И проснулась. Утренний аромат кофе, квадраты солнечного света, разбросанные по книгам на столе Андреа, успокаивающе знакомый утренний кашель подруги – это Андреа прикуривает от конфорки свою первую утреннюю сигарету. Стряхнув с себя темные краски сна, Марли села на кушетке в гостиной подруги, обхватив руками колени поверх темно-красного стеганого одеяла. После Гнасса, после полиции и репортеров, ей никогда не снился Ален. Или если и снился, догадалась она, она подсознательно подвергала эти сны цензуре, стирала их, прежде чем проснуться. Она поежилась, хотя утро было теплое, а затем отправилась в ванную. Вот уж чего она не хотела бы – того, чтобы ей еще когда-нибудь приснился Ален.

– Пако сказал, что Ален пришел на нашу встречу с оружием, – сказала она, когда Андреа протянула ей голубую эмалированную кружку с кофе.

– Ален был вооружен? – Разрезав омлет, Андреа сдвинула половину на тарелку Марли. – Что за дурацкая мысль. Это все равно как .. как вооружить пингвина. – Подруги рассмеялись. – Ален не из таких, – сказала Андреа. – Он отстрелил бы себе ногу посреди какой-нибудь страстной тирады о ситуации в искусстве или о сумме ресторанного счета. Он, конечно, тот еще мерзавец, этот твой Ален, но это ни для кого не новость. На твоем месте я больше бы беспокоилась из-за этого Пако. Какие у тебя основания верить ему на слово, что он работает на Вирека? – Она проглотила кусочек омлета и потянулась за солью.

– Я его видела. Он там был, в конструкте Вирека.

– Ты видела картинку – просто изображение, изображение ребенка, который был слегка похож на этого парня.

Марли смотрела, как Андреа ест, оставив свой завтрак остывать на тарелке. Как описать чувство, охватившее ее, когда она уходила от Лувра? Эту уверенность в том, что теперь ее окружает нечто, что с расслабленной точностью отслеживает

каждое ее движение, что она стала центром внимания со стороны по крайней мере одной из частей вирековской империи?

– Он очень богатый человек, – начала она.

– Вирек? – Положив нож и вилку на тарелку, Андреа принялась за кофе. – Я бы сказала, да. Если верить журналистам, как индивидуум он один такой богатый. Точка. Богат, как какое-нибудь дзайбацу. Но индивидуум ли он – вот в чем загвоздка. В том же смысле, что ты или я? Ответом будет: «нет». Ты разве не собираешься есть?

Марли начала механически отрезать и подносить ко рту куски омлета, а Андреа продолжала:

– Тебе стоит просмотреть рукопись, над которой мы работаем в этом месяце.

Не переставая жевать, Марли вопросительно подняла брови.

– Это история промышленных кланов с высокой орбиты. Монография какого-то профессора из университета Ниццы. Если вдуматься, там есть даже этот твой Вирек. Он приводится в качестве противопоставления, или, скорее, варианта параллельной эволюции. Этот книжный червь из Ниццы занимается парадоксом личных финансовых состояний в эпоху корпораций, пытается разобраться, почему они вообще до сих пор еще существуют. Я имею в виду огромные состояния, сосредоточенные в руках отдельных личностей. Он рассматривает кланы с высокой орбиты, людей вроде Тессье-Эшпулов, как самый распоследний вариант традиционной модели аристократии. Собственно говоря, это анахронизм – поскольку корпорация как вид не допускает возникновения элиты. – Поставив чашку на тарелку, Андреа отнесла посуду в раковину. – Правда, уже начав рассказывать, сама понимаю, что не так уж это и интересно. Целые страницы весьма серой прозы о природе «Массового Человека». Именно так, с большой буквы. Этот профессор обожает заглавные буквы. Стилист еще тот. – Она нажала рычажок, и в фильтрационном блоке зашипела вода.

– А что он говорит о Вирекс?

– Он пишет, если я правильно помню, а я в этом совсем не уверена, что Вирек даже еще большее отклонение, чем эти промышленные кланы с орбиты. Клан обычно охватывает несколько поколений, причем, как правило, там все замешано на медицине: криогеника, генетические манипуляции, различные методы борьбы со старением. Смерть одного члена клана, пусть даже его основателя, обычно не ведет к кризису всего клана как экономической единицы. Всегда находится кто-нибудь, кто готов занять его место, всегда кто-то ждет своей очереди. Различие между кланом и корпорацией заключается, однако, в том, что за

корпорацию не нужно выходить замуж в буквальном смысле этого слова.

– Но ведь служащие подписывают пожизненный контракт…

Андреа пожала плечами.

– Это скорее договор о найме, что не одно и то же. На самом деле речь идет о гарантии трудоустройства. Но когда умрет твой герр Вирек, когда медтехи не найдут, куда еще расширить его резервуар или что там у него, его деловые интересы лишатся логического стержня. Согласно теории нашего профессора из Ниццы, на этой стадии «Вирек и Компания» или распадется на части, или мутирует. В последнем случае она превратится в «Компанию Такую-то», настоящую транснациональную корпорацию, еще одно прибежище для Массового Человека с большой буквы. – Она вымыла тарелку, сполоснула, вытерла ее и поставила в сосновую стойку возле раковины. – Профессор полагает, что это очень скверно, поскольку слишком мало осталось тех, кто способен хотя бы увидеть край.

– Край чего?

– Край толпы. Мы затеряны в серединке, ты и я. Вернее, это я там – во всяком случае, пока. – Она пересекла кухню и положила руки на плечи Марли. – Ты побереги себя. В чем-то ты уже намного счастливее, но теперь я понимаю, что я и сама могла бы этого добиться, просто устроив тебе небольшой ленч с этой свиньей, твоим бывшим любовником. В остальном же я не совсем уверена… На мой взгляд, всю красивую теорию нашего академика перечеркивает тот очевидный факт, что Вирек и ему подобные уже далеко не люди. Я хочу, чтобы ты была осторожней…

На этом, поцеловав Марли в щеку, Андреа убежала на работу – в кабинет заместителя редактора своего модно архаичного книжного издательства.

Все утро Марли провела в квартире Андреа с проектором «Браун», изучая голограммы семи работ. Каждая из них была по-своему необычна, но Марли все время возвращалась к той шкатулке, которую Вирек показал ей первой. «Что останется, – думала она, – если, имея оригинал, убрать стекло и один за другим вынуть разложенные внутри предметы? Бесполезный хлам, обрамленное пространство, быть может, запах пыли».

Лежа на кушетке – «Браун» покоился у нее на животе, – Марли в который раз стала всматриваться в шкатулку. Та будто излучала волны боли или какого-то мучительного томления. Марли почудилось, что конструкция с идеальной точностью пробуждает в ней нечто совершенно определенное, но для этой эмоции не находилось названия. Марли запустила руку внутрь

яркой иллюзии, провела пальцами как бы вдоль полой птичьей кости. Она была уверена, что Вирек уже посадил орнитологов определить, из крыла какой именно птицы попала сюда эта косточка. И вполне возможно – с доскональной точностью определить возраст каждого предмета. К каждому квадратику голофиши прилагался подробный отчет о происхождении каждого предмета в отдельности, но что-то заставляло ее намеренно избегать подобной информации. Сталкиваясь с тайной, именуемой искусством, иногда лучше всего подходить к ней как ребенок. Ребенок замечает то, что натренированному взгляду представляется само собой разумеющимся, слишком очевидным.

Поставив «Браун» на низкий столик возле кушетки, Марли подошла к телефону, чтобы узнать, который час. В час дня ей предстояло встретиться с Пако и обсудить, как именно будут переданы Алену деньги. Ален сказал, что он сам позвонит в три на квартиру Андреа. Пока она набирала номер службы времени, по экрану автоматически бежали сообщения спутниковой сводки новостей: над Индийским океаном при вхождении в атмосферу рассыпался шаттл компании «Джей-Эй-Эль»; из «Столичной Оси Бостон-Атланта» вызваны специальные следователи для осмотра места жестокой и, судя по всему, бессмысленной бомбардировки неряшливого спального пригорода в Нью-Джерси; военизированные отряды добровольцев надзирают за эвакуацией южного сектора Нового Бонна, последовавшей за обнаружением строительными рабочими двух неразорвавшихся ракет, оставшихся со времен войны, предположительно с биологическими боеголовками; официальные источники в Аризоне отвергают обвинение Мексики во взрыве атомного или термоядерного устройства малой мощности близ границы с Сонорой... Пока она смотрела, сводка пошла по второму кругу, и изображение шаттла вновь устремилось к своей огненной смерти. Покачав головой, Марли нажала кнопку. Полдень.

Лето пришло. Небо над Парижем – жаркое и синее, и она улыбалась запаху свежего хлеба и черного табака. Пока она шла от метро по данному Пако адресу, ощущение, что за ней наблюдают, несколько ослабло. Предместье Сан-Оноре. Адрес казался смутно знакомым. «Галерея», – подумала она.

Действительно, галерея. «Робертс». Принадлежала она американцу, который содержал одновременно еще и три галереи в Нью-Йорке. Дорого, но не последний шик. Пако ждал возле невероятных размеров витрины, в которой под толстым и неровным слоем лака раскинулись сотни маленьких квадратных

фотографий. Такие выплевывает на вокзалах и конечных станциях автобусов только один тип очень старомодных автоматов. Похоже, все это были снимки молодых девушек. Марли автоматически обратила внимание на имя художника и название работы: «Прочти нам “Книгу имен мертвых”».

– Полагаю, вы разбираетесь в таких вещах, – угрюмо приветствовал ее испанец.

На нем был дорогой с виду синий костюм в парижском деловом стиле, белая в шелковистый рубчик рубашка и очень английский галстук, вероятно от «Шарве». Сейчас никто не принял бы его за официанта. Через плечо у Пако висела итальянская сумка из черного ребристого каучука.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– Имена мертвых, – кивнул он в сторону витрины. – Вы же выставляли подобные работы. – И что же вы не понимаете?

– У меня иногда возникает такое чувство, будто все это, вся эта *культура* — чистейшей воды надувательство. Уловка. В том или ином обличии я всю мою жизнь служил сеньору, понимаете? И в моей работе, как и во всякой другой, есть свои радости, свои моменты триумфа. Но ни разу с тех пор, как сеньор подключил меня к этому делу по современному искусству, я не испытывал ни малейшего удовлетворения. Сеньор – воплощенное богатство. Мир полон объектов величайшей красоты. И тем не менее он гоняется за... – Пако пожал плечами.

– Значит, вы знаете, что вам нравится, – улыбнулась в ответ Марли. – Почему вы выбрали для нашей встречи именно эту галерею?

– Здесь агент сеньора приобрел одну из шкатулок. Разве вы не читали предоставленные вам в Брюсселе досье?

– Нет, это может спутать мне карты. Герр Вирек платит мне за интуицию.

В ответ испанец только поднял брови.

– Я познакомлю вас с Пикаром, это управляющий галереей. Возможно, он чем-то сможет помочь этой вашей интуиции.

Он провел ее через комнату, потом открыл какую-то дверь. Седеющий коренастый француз в помятом вельветовом костюме говорил в трубку радиотелефона. По экрану бежали колонки букв и цифр. Дневные котировки нью-йоркского рынка.

– А, это вы, Эстевес, – извиняясь, улыбнулся француз, – Прошу прощения. Одну минутку.

И Пикар вернулся к своему разговору. Пока он говорил, Марли изучала котировки. Поллок снова упал. Это была как раз та сторона арт-бизнеса, в которой Марли разбиралась хуже всего. Пикар, если так звали этого человека, говорил с брокером в Нью-

Йорке, обговаривая приобретение некоторого числа «пунктов» работы определенного художника. «Пункты» определяются самыми различными способами в зависимости от того, какие средства использует художник. Впрочем, с почти полной уверенностью можно было утверждать, что сам Пикар никогда не увидит приобретаемых работ. Если художник имеет достаточно высокий рейтинг, оригиналы, скорее всего, надежно спрятаны в каком-нибудь сейфе, где их вообще никто не видит. Дни или годы спустя Пикар, возможно, наберет тот же самый телефонный номер и прикажет брокеру продавать.

Галерея Марли продавала оригиналы. Это приносило сравнительно немного денег, но таило в себе некую внутреннюю привлекательность. И, естественно, всегда оставался шанс, что тебе повезет. Она, помнится, убедила себя, что ей действительно очень повезло, когда Ален устроил так, чтобы как случайная и удивительная находка всплыл поддельный Корнелл. Корнелл высоко котировался на табло брокеров, и его «пункты» стоили очень дорого.

– Пикар, – будто обращаясь к слуге, Пако вмешался в телефонный разговор, – познакомьтесь, это Марли Крушкова. Сеньор подключил ее к делу анонимных шкатулок. Ей, возможно, захочется задать вам несколько вопросов.

– Очарован, – сказал Пикар и тепло улыбнулся, но Марли показалось, что она уловила в карих глазах галерейщика какой-то проблеск: скорее всего, он пытался связать имя с каким-то скандалом, причем сравнительно недавним.

– Насколько я понимаю, именно в вашей галерее была оформлена эта сделка?

– Да, – подтвердил Пикар. – Мы выставили работу в нашем нью-йоркском зале, и она вызвала ряд предложений. Однако мы решили дать ей шанс также и в Париже... – он весь светился от радости, – и ваш работодатель сделал это наше решение весьма прибыльным. Как поживает герр Вирек, Эстевес? Мы не видели его уже несколько недель...

Марли украдкой бросила взгляд на Пако, но смуглое лицо испанца осталось совершенно невозмутимым.

– Я бы сказал, сеньор прекрасно себя чувствует, – ответил он.

– Великолепно, – сказал Пикар с чуть излишним энтузиазмом. Он повернулся к Марли: – Чудесный человек. Легенда. Великий меценат. Великий ученый.

Марли показалось, что она услышала, как Пако вздохнул.

– Не могли бы вы мне сказать, где именно ваше нью-йоркское отделение приобрело данную работу?

Лицо Пикара вытянулось. Он взглянул на Пако, потом снова

на Марли.

– Вы не знаете? Вам не рассказали?

— Не могли бы вы сказать мне это?

– Нет, – сказал Пикар. – Очень жаль, но не могу. Видите ли, мы не знаем.

Марли уставилась на него в полном недоумении.

– Прошу прощения, но я не совсем понимаю, как такое возможно...

– Она не читала отчетов, Пикар. Расскажите ей все. Услышать историю из первых уст... ну, возможно, это поможет ее интуиции.

Пикар бросил на Пако странный взгляд, потом взял себя в руки.

– Конечно – сказал он, – с удовольствием...

– Вы думаете, это правда? – спросила она Пако, когда они вышли на залитую солнцем улицу. В толпе тут и там мелькали японские туристы.

– Я сам ездил в Муравейник, – ответил Пако, – и опросил всех, кто имел хоть какое-то отношение к этому делу. Робертс не оставил никаких записей о покупке, хотя обычно он скрытничает не больше, чем любой арт-дилер.

– И его смерть была случайной?

Испанец надел зеркальные очки «порше».

– Столь же случайной, какой бывает любая подобная смерть, – ответил он. – У нас нет никакой возможности узнать, как или где он приобрел шкатулку. Мы обнаружили ее здесь восемь месяцев назад, и все наши попытки проследить ее путь оканчивались на Робертсе, а тот уже год как мертв. Пикар выпустил из своего рассказа то, что мы едва не потеряли шкатулку. Робертс хранил ее в своем загородном доме вместе с целым рядом прочих предметов, которые его наследники сочли просто набором курьезов. Весь лот едва не продали на публичном аукционе. Иногда мне хочется, чтобы так и произошло.

– А остальные предметы, – спросила Марли, примеряясь к его шагу, – что представляют собой они?

Он улыбнулся.

– Вы думаете, мы их не отследили, каждый в отдельности? Отследили, проверили. Они, – тут он нахмурился, делая вид, что напрягает память, – «ряд малопримечательных образчиков современного народного искусства»...

– А что, известно, что Роберте интересовался чем-то подобным?

– Нет, – отозвался он, – но мы знаем, что приблизительно за год до смерти он подал заявление на получение членства в Институте «Арт Брют», здесь, в Париже, и добился того, чтобы

стать попечителем «Собрания Эшман» в Гамбурге.

Марли кивнула. «Собрание Эшман» состояло в основном из работ психопатов.

— Мы питаем разумную уверенность, – продолжал Пако, беря ее под локоть и направляя за угол, на боковую улочку, – что он не делал никаких попыток использовать ресурсы того или другого учреждения. Может быть, прибег к услугам посредников, хотя это маловероятно. Сеньор, конечно, нанял несколько десятков специалистов, чтобы проверить архивы обоих заведений. Без всякого результата...

– Скажите, – поинтересовалась Марли, – почему Пикар думает, что недавно видел герра Вирека? Как это возможно?

– Сеньор богат. Сеньор любит являть себя по-всякому.

Он завел ее в какое-то кафе – несмотря на поблескивающие зеркала, ряды бутылок и игральные автоматы, оно напоминало отделанный хромировкой коровник. Зеркала лгали о размерах помещения, в глубине зала Марли увидела отраженный тротуар, ноги пешеходов, солнечный зайчик на втулке колеса. Пако кивнул сонного вида мужчине за стойкой бара и, взяв ее за руку, повел через мелководье круглых пластмассовых столиков.

– На звонок Алена вы можете ответить и отсюда, – сказал он. – Мы устроили так, чтобы его перебросили из квартиры вашей подруги.

Он пододвинул ей стул – автоматический жест профессиональной вежливости, который заставил ее подумать: а не был ли он и в самом деле некогда официантом, – и поставил на стол сумку.

– Но он же поймет, что я не у Андреа, – возразила Марли. – А если я отключу видео, у него тут же возникнут какие-нибудь подозрения.

– Ничего этого он не увидит. Мы сгенерировали цифровой образ вашего лица и требуемый фон. Осталось только ввести программу в этот телефон.

Вынув из сумки элегантный аппарат, он поставил его на стол перед Марли. На крышке устройства бесшумно развернулся и тут же приобрел жесткость тонкий, как бумага, полимерный экран. Марли однажды случилось наблюдать, как выходит на свет бабочка, и этот экран напомнил ей чем-то трансформацию подсыхающих крыльев насекомого.

– Как это сделано? – спросила она, осторожно касаясь экрана. На ощупь экран напоминал тонкую сталь.

– Это новая полиуглеродная модель, – сказал он, – одно из изделий «Мааса»...

Телефон тихонько замурлыкал. Поправив аппарат так, чтобы

экран оказался точно перед Марли, Пако обошел столик.

– Ваш звонок. Помните, что вы дома! – сказал он и, потянувшись через стол, коснулся клавиши с титановым покрытием.

Маленький экран заполнили лицо и плечи Алена. Будто задымленное, с плохой подсветкой изображение значило, что звонит он из телефонной будки.

– Доброе утро, дорогая, — сказал Ален.

– Привет, Ален.

– Как дела, Марли? Полагаю, ты достала деньги, о которых мы договорились? – Ей было видно, что одет он в какую-то темную куртку, но разрешение не позволяло разобрать детали. – Твоей приятельнице стоило бы взять несколько уроков по уборке дома, – сказал он и, казалось, попытался заглянуть ей за спину.

– За всю свою жизнь ты ни разу не убрал комнату сам, – отозвалась она.

Ален с улыбкой пожал плечами.

– У каждого свои таланты. Мои деньги у тебя, Марли?

Она взглянула на Пако, тот кивнул.

– Да, – сказала она. – Конечно.

– Чудесно, Марли. Великолепно. У нас осталась только одно крохотное дельце. – Он все так же улыбался.

– И какое же?

– Мои информаторы удвоили цену. Соответственно, и я должен удвоить свою.

Пако кивнул. Он тоже улыбался.

– Хорошо. Мне, конечно, придется спросить... – Теперь ее от него просто тошнило. Захотелось выключить телефон.

– И они, естественно, согласятся.

– Так где мы встретимся?

– Я позвоню еще раз. В пять, – сказал он.

Изображение съежилось до единственной сине-зеленой точки, как на экране радара, потом и она исчезла.

– У вас усталый вид, – сказал Пако, складывая экран и убирая телефон в сумку. – Вы выглядели старше, когда говорили с ним.

– Правда?

Перед ее внутренним взором вдруг почему-то возникла витрина в галерее Робертса, все эти лица. «Прочти нам “Книгу имен мертвых”». «Все они – Марли, – подумала она, – все эти девушки – это я, какой я была в долгую нору юности».

16
Легба

– Вставай, придурок. – Реа не слишком нежно пихнула его под ребра. – Поднимай задницу.

Бобби очнулся, сражаясь с вышитым крестиком покрывалом и полуоформившимися силуэтами неизвестных врагов. С убийцами матери. Он лежит в незнакомой комнате, в комнате, которая может быть где угодно. Пластик позолоченных рам на многочисленных зеркалах. Ворсистые алые обои. Так декорировали свои комнаты готики, если могли это себе позволить, но он видел, как их родители оформляли в таком же стиле целые кондо. Швырнув на темперлон узел каких-то шмоток, Реа засунула руки в карманы черных кожаных джинсов.

Розовые и черные квадраты покрывала сбились складками вокруг талии. Бобби глянул вниз и увидел, что членистое тело многоножки почти полностью утонуло в колее свежего розового шрама в палец шириной. Бовуа говорил, что эта штука ускорит заживление. Бобби недоверчиво потрогал новенькую ткань – болезненно, но, в общем, переносимо. Потом поднял глаза на Реа, выставил средний палец и сказал:

– Свою задницу на это надень.

Несколько секунд они в упор смотрели друг на друга поверх поднятого пальца Бобби. Наконец Реа рассмеялась.

– Ладно, – сказала она, – один-ноль в твою пользу. Я перестану тебя доставать. А сейчас подбери вещички и одевайся. Тут должно найтись что-нибудь, что бы тебе подошло. Скоро появится Лукас, чтобы забрать тебя с собой, а Лукас не любит, когда его заставляют ждать.

– Да? А мне он вроде показался отвязным мужиком.

Он стал рыться в куче одежды: отбросил в сторону черную рубашку с разводами из состирывающегося золота, красную атласную курточку с оборкой из белой искусственной кожи по рукавам, черное трико с вставками какого-то прозрачного материала…

– Где ты это взяла? – спросил он. – Я не могу носить такую дрянь…

– Это моего младшего братца, – ответила Реа. – Осталось с прошлого сезона – и лучше бы тебе натянуть что-нибудь на свою белую задницу, пока не появился Лукас. Эге, а это мое. – Она вырвала трико, как будто Бобби собирался его украсть.

Бобби натянул черную с золотом рубашку, еще пришлось

повозиться с кнопками из стекляшек под черный жемчуг. Нашел, наконец, пару черных джинсов, но мало того, что они оказались обвисшими и плиссированными, так в них еще и не было карманов.

– Это все штаны, какие у тебя есть?

– Господи, – вздохнула она, – я видела одежду, которую срезал с тебя Пай. Вряд ли ты сойдешь хоть за чье-нибудь представление о моде. Просто оденься, ладно? Мне не нужны неприятности с Лукасом. С тобой он, может, и миндальничает, но это означает только то, что у тебя есть что-то настолько ему нужное, чтобы не выделываться. У меня, уж конечно, ничего такого нет. Так что в отношении меня Лукас угрызений совести испытывать не будет.

Бобби нетвердо встал на ноги возле топчана и попытался застегнуть черные джинсы.

– Молнии нет, – сказал он, поднимая глаза на Реа.

– Поищи пуговицы. Должны быть где-то внутри. Такой стиль, знаешь ли.

Бобби нашел пуговицы. Хитрая конструкция. Он подумал, что будет, если ему понадобится пописать по-быстрому. Увидев возле кровати черные тапки из нейлоновых ремешков, он сунул в них ноги.

– А Джекки? – спросил он, ковыляя туда, где мог бы взглянуть на себя в зеркало в золоченой раме. – Из-за нее Лукас станет испытывать муки совести? – Он следил за ней в зеркале и увидел, что по ее лицу мелькнула какая-то тень.

– А это еще что должно означать?

– Бовуа... он сказал, что она лошадь...

– Тише ты, – оборвала его Реа тихим и настойчивым голосом. – Если Бовуа упоминает при тебе о чем-то таком, это его дело. В остальных случаях – это не то, о чем можно говорить, понял? Есть вещи настолько скверные, что сам захочешь вернуться назад искать приключений на собственную жопу.

Бобби следил в зеркале за отражением ее черных глаз в тени полей мягкой фетровой шляпы. Теперь в них, казалось, появилось чуть больше белизны, чем раньше.

– Ладно, – сказал он после паузы, а потом добавил: – Спасибо.

Он поиграл воротом рубашки: поднял его сзади, снова опустил, пробуя разные варианты.

– Знаешь, – Реа склонила голову на бок, – если тебя одеть, ты не так уж плохо выглядишь. Правда, глаза у тебя как два окурка в сугробе...

– Лукас, – начал Бобби, когда они спускались в лифте, – ты не знаешь, кто это был? Кто разделался с моей старухой? – Он намеревался спросить совсем другое, но вопрос выскочил сам собой, как пузырек болотного газа.

Лукас доброжелательно оглядел его с головы до ног. Черное длинное лицо негра осталось совершенно невозмутимым. Его великолепно сшитый черный костюм выглядел так, как будто его только что выгладили. В руке Лукас держал тяжелую трость из блестящего полированного дерева в красных и черных завитках прожилок с массивным латунным набалдашником. Вниз от набалдашника сбегали латунные накладки в палец длиной, утопленные в дерево трости.

– Мы этого не знаем, – широкий рот сжался в прямую и очень серьезную складку. – Но нам очень хотелось бы знать...

Бобби неуверенно переступил с ноги на ногу – ему было очень не по себе. Уже сам лифт заставлял его робеть и чувствовать себя неловким. Размерами он напоминал небольшой автобус – и, хотя кабина не была переполнена, Бобби оставался в ней единственным белым. Черные, заметил он, когда его взгляд беспокойно скользнул по кабине во флюоресцентном свете вовсе не выглядят полутрупами, как это происходит с белыми.

Трижды за время их спуска лифт останавливался да каком-нибудь этаже и подолгу застревал там, один раз – минут на пятнадцать. Когда такое случилось в первый раз, Бобби вопросительно глянул на Лукаса.

– Что-то в шахте, – ответил тот на невысказанный вопрос.

– Что?

– Другой лифт.

Лифты располагались в сердцевине «улья», шахты были оплетены шлангами водоснабжения и канализации, огромными кабелями электропроводки и еще какими-то обмотанными изоляцией трубами. Бобби решил, что это часть геотермальной системы, о которой рассказывал Бовуа. «Внутренности» Проекта вылезали наружу, стоило только раздвинуться дверям кабины: все грубо, оголено, как будто те, кто строил «улей», хотели, чтобы последующие жильцы точно знали, как именно работает вся эта механика и что куда ведет. И все вокруг, каждую видимую поверхность покрывала вязь наползающих друг на друга граффити, настолько плотная, что почти невозможно было различить хоть какую-нибудь отдельную надпись или символ.

– Ты ведь никогда раньше не бывал тут, Бобби? – спросил Лукас, когда двери в очередной раз захлопнулись и кабина опять стала опускаться.

Бобби покачал головой.

– А жаль, – продолжал Лукас. – Конечно, это вполне понятно, но все равно – стыд и срам. Дважды-в-День говорил мне, что ты не испытываешь особого желания засиживаться в Барритауне. Это правда?

– Разумеется, – согласился Бобби.

– Ну, на мой взгляд, это вполне понятно. Ты кажешься мне молодым человеком с богатым воображением и, что еще важнее, – достаточно инициативным. Согласен? – Уткнув латунный набалдашник в широкую ладонь, Лукас пригвоздил Бобби испытующим взглядом.

– Наверное, да. Терпеть не могу это захолустье. В последнее время я стал замечать, что... ну... здесь никогда ничего не происходит, понимаешь? Я хочу сказать, что-то случается, но это всегда чертов раз за чертовым разом одно и то же, как повторный показ, каждое лето похоже на предыдущее. – Бобби смешался, не уверенный в том, что Лукас о нем подумает.

– Да, – отозвался тот. – Знакомое чувство. В отношении Барритауна это, быть может, чуть более верно, чем в отношении прочих мест. Но с тем же успехом такое можно сказать и про Нью-Йорк, и про Токио.

«Не может этого быть», — подумал Бобби, но все равно кивнул. Предостережение Реа крепко засело у него в голове. Лукас, казалось, таил в себе не больше угрозы, чем Бовуа, но уже одни его габариты служили предостережением. Бобби в последнее время всерьез обдумывал новую теорию – насчет того, как держат себя некоторые представители рода человеческого; он еще не додумал ее до конца, но отчасти она основывалась на следующем постулате: тем, кто может быть по-настоящему опасен, вовсе не обязательно выставлять это напоказ, а способность скрывать угрозу делает их еще опаснее. Это шло вразрез с правилами Большой Площадки, где малыши-шестерки безо всякого веса из кожи вон лезли, чтобы при помощи хромированных шипов и прочей дребедени разрекламировать свою буйность. Что, вероятно, шло им на пользу, по крайней мере, с точки зрения местной тусовки. Однако Лукас явно был не из тех, кого хоть сколько-нибудь интересовало мнение местной тусовки.

– Ты, я вижу, сомневаешься, – продолжал Лукас. – Ну, в этом ты, вероятно, и сам довольно скоро убедишься. Впрочем, не в ближайшем будущем. Учитывая, какой оборот приняла твоя жизнь, вещи и события будут новыми и увлекательными довольно долго.

Двери лифта, содрогаясь, разъехались в стороны, и Лукас шагнул из кабины, легонько, как ребенка, подталкивая Бобби

перед собой. Они вышли в гулкий вестибюль, который, казалось, тянулся в бесконечность. Повсюду – киоски и занавешенные тряпками прилавки, и люди, сидящие возле одеял с разложенной на них всякой всячиной.

– Не задерживайся. – Лукас слегка подтолкнул Бобби огромной ладонью, когда тот остановился перед лотками с подержанным софтом. – Ты на пути в Муравейник, друг мой, и ты отправляешься туда так, как подобает Графу.

– То есть?

– В лимузине.

Машина Лукаса ошеломляла – поразительно длинный, черный в золотых проблесках корпус, натертая до зеркального блеска латунь и целая коллекция чудных приспособлений, о назначении которых Бобби мог только гадать. Он решил, что одно из них – явно спутниковая антенна, хотя по форме она напоминала скорее не блюдце, а какое-нибудь календарное колесо ацтеков. Но тут он оказался внутри, и Лукас позволил широкой дверце, мягко щелкнув, закрыться за ними. Окна были затемнены – пожалуй, даже слишком: изнутри казалось, что на улице ночь, причем довольно суетливая, поскольку жители Проекта спешили по своим утренним делам. Внутри автомобиль представлял собой одно большое купе, заваленное пестрыми ковриками и светлыми кожаными подушками. Никаких сидений здесь, похоже, не наблюдалось. Равно как и рулевого колеса; на месте приборной доски — мягкая кожаная обивка без какого-либо следа приборов. Бобби посмотрел на Лукаса, который уже успел распустить черный галстук.

– Как ты его водишь?

– Садись где-нибудь. А водят его так: «Ахмед, отвези наши задницы в Нью-Йорк, в восточный сектор».

Машина плавно скользнула от тротуара, а Бобби упал на колени в мягкую горку ковриков.

– Ленч будет подан через полчаса, сэр, если только вы не пожелаете чего-нибудь раньше. – Мягкий мелодичный голос, исходящий, казалось, из ниоткуда.

Лукас рассмеялся.

– Действительно, в Дамаске знали, как делать подобные вещи, – сказал он.

– Где?

– В Дамаске, – повторил Лукас, расстегивая пиджак и устраиваясь на горке палевых подушек. – Это «роллс». Из старых. В те времена, когда у них еще водились деньги, арабы делали неплохие машины.

– Лукас, – спросил Бобби с полным ртом (ел холодного жареного цыпленка), – как так выходит, что нам до Нью-Йорка ехать еще полтора часа? Ведь нельзя сказать, что мы ползем...

– Потому что, – сказал Лукас, сделав паузу ради еще одного глотка охлажденного белого вина, – дорога займет у нас ровно столько, сколько нужно. Ахмеда на заводе оснастили всеми необходимыми приспособами, включая первоклассную систему блокировки наблюдения. На трассе, пока он в движении, Ахмед обеспечивает значительную степень секретности, намного большую, чем та, за какую я при обычных обстоятельствах готов платить в Нью-Йорке. Ахмед, как ты полагаешь, кто-нибудь пытается достать нас – подслушать или еще чего?

– Нет, сэр, – ответил голос. – Восемь минут назад наша идентификационная панель была инфрасканирована с вертолета тактических сил. Номер вертолета – «МХ тире 3 тире 848», пилот – капрал Роберто...

– Ладно, ладно, – прервал Лукас. – Прекрасно. Это не имеет значения. Видишь? Ахмед вытащил из тактиков больше информации, чем они получили от нас. – Вытерев руки о толстую белую льняную салфетку, он выудил из кармана пиджака золотую зубочистку.

– Лукас, – снова начал Бобби, пока негр осторожно ковырялся ею в щелях между большими квадратными зубами, – что произойдет, если я, скажем, попрошу тебя отвезти меня на Таймс-Сквер и там высадить?

– Ага, – отозвался Лукас, опуская зубочистку, – самый скандальный район города. В чем дело, Бобби, наркотики нужны?

– Да нет, просто интересно.

– Интересно что? Тебе нужно на Таймс-Сквер?

– Нет, просто это первое место, какое пришло мне в голову. Я имел в виду, ты меня отпустишь?

– По правде сказать, нет, – сказал Лукас. – Но тебе не следует думать, что ты заключенный. Скорее – гость. *Ценный* гость.

Бобби бледно улыбнулся.

– А-а. Ладно. Как это у них называется? «Задержание в целях защиты»?

– Верно, – сказал Лукас, снова принимаясь за зубочистку. – И пока мы тут надежно экранированы славным Ахмедом, пора бы нам, Бобби, поговорить. Думаю, брат Бовуа уже рассказал тебе кое-что о нас. Что ты думаешь о том, что он тебе рассказал?

– Ну, – протянул Бобби, – это действительно очень интересно, но я не уверен, что все понял.

– Чего ты не понял?

– Ну, я, например, ничего не понимаю в этих ваших

вудуистских штучках...

Лукас поднял брови.

– Это не мое дело, кто что готов проглотить, я хочу сказать – *поверить,* так? Но то Бовуа говорит о бизнесе, причем на уличном техе, да так, как я никогда раньше не слышал, а через минуту – о каких-то мамбо и привидениях, о духах и змеях. И, и...

– И о чем?

– О лошадях, – выдавил Бобби, горло у него перехватило.

– Бобби, ты знаешь, что такое метафора?

– Что-то из «железа»? Вроде компенсатора?

– Нет. Ладно, оставим метафоры в покое. Когда Бовуа или я говорим с тобой о лоа и их лошадях, как мы называем тех немногих, которых избирают лоа, чтобы ездить на них, просто сделай вид, что мы говорим на двух языках разом. Один из них тебе понятен. Это язык уличных техов, как ты его называешь. Мы можем использовать другие слова, но говорим мы все же на техе. Скажем, мы называем что-то Огу Ферей, а ты то же самое мог бы назвать ледорубом, понимаешь? Но при этом теми же словами мы говорим и о других вещах, и вот их-то ты и не понимаешь. Тебе это и не нужно. – Он убрал зубочистку.

Бобби сделал глубокий вдох.

– Бовуа сказал, что Джекки – лошадь для змея, змея по имени Данбала. Можешь прокрутить это для меня на уличном техе?

– Естественно. Думай о Джекки как о деке – киберпространственной деке, очень хорошенькой и с отличными коленками. – Лукас хмыкнул, а Бобби покраснел. – Думай о Данбале, которого некоторые называют змеем, как о программе. Скажем, о ледорубе. Данбала входит в деку Джекки, Джекки рубит лед. Вот и все.

– Ладно, – сказал Бобби, решив, что уже несколько освоился, – тогда что такое матрица? Если Джекки дека, а Данбала программа, что тогда киберпространство?

– Весь мир, – услышал он в ответ.

– Отсюда нам лучше пойти пешком, – сказал Лукас.

«Роллс» беззвучно и плавно остановился, негр встал, застегивая на две пуговицы пиджак.

– Ахмед привлекает слишком много внимания.

Он подобрал свою трость – дверь, открываясь, издала мягкий чмокающий звук.

Бобби выбрался вслед за Лукасом в безошибочно узнаваемый запах, ставший визитной карточкой Муравейника, – богатая амальгама затхлых выхлопов подземки, древней копоти и едкого канцерогенного духа от свежей пластмассы, все это замешано на

углекислом привкусе запрещенного допотопного топлива для автомобилей. Высоко над головой в отраженном ослепительном свечении дуговых ламп один из незаконченных фуллеровских куполов закрывает две трети вечернего неба цвета лососины. Рваный край купола напоминает разломанные серые соты. Лоскутное одеяло куполов Муравейника имело обыкновение порождать непредсказуемые смены микроклимата: были, например, области на несколько кварталов, где с закопченных геодезиков непрестанно сыпалась тонкая водяная пыль сконденсировавшейся влаги; кварталы же под наиболее высокими секциями купола славились статическими разрядами, этакой специфической городской разновидностью молнии.

На улице, по которой Бобби шагал вслед за Лукасом, дул резкий ветер. Теплый бриз бросал в лицо песок – вероятно, это было как-то связано с перепадами давления в системе подземных коммуникаций, опутавшей весь Муравейник.

– Помни, что я тебе говорил, — сказал Лукас, щурясь от ветра с песком. – Этот человек представляет собой гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. И даже если это не так, ты все равно обязан выказать ему некую толику уважения. Если хочешь стать ковбоем, раскрой глаза пошире – сейчас ты увидишь, так сказать, «веху» в нашем ремесле.

– Ага, – протянул Бобби. – Ладно. – Он подпрыгнул, чтобы отделаться от посеревшей ленты распечатки, которой вздумалось обвиться вокруг его колена. – Так, значит, это у него вы с Бовуа купили...

– Ха! Нет! Я же тебе сказал. Говорить посреди улицы – все равно что посылать свои слова в сводку новостей...

Бобби поморщился, потом кивнул. Блин! Он все время попадает впросак! Вот он с крупным дельцом по уши в каком-то потрясающем деле, а продолжает вести себя как вильсон. «Делец. Вот самое подходящее слово для Лукаса и для Бовуа тоже. А эти разговорчики о вуду – просто игра, в которую они втянули окружающих», – думал Бобби. В «роллсе» Лукас выдал какую-то пространную тираду о Легбе, который, по его словам, был лоа коммуникаций, «хозяин дорог и тропинок», а все это к тому, что человек, к которому он ведет Бобби, – избранник Легбы. Когда Бобби спросил, оунган ли этот человек, Лукас сказал, что нет. Он сказал, что этот человек шел бок о бок с Легбой всю свою жизнь, был к нему так близко, что даже не подозревал, что лоа всегда рядом с ним, как будто лоа всегда был частью его самого, его тенью. «И вот этот человек, – сказал Лукас, – продал им софт, который Бобби арендовал у Дважды-в-День...»

Свернув за угол, Лукас неожиданно остановился, да так

резко, что Бобби едва не уткнулся ему в спину. Они стояли перед почерневшей каменной стеной. Окна дома еще десятилетия назад были забиты листами рифленого железа. На первом этаже располагался некогда магазин, но покрытые трещинами витрины успели зарасти грязью. Дверь между слепыми окнами была усилена точно таким же листом железа, какой запечатывал окна верхних этажей. Бобби показалось, что за окном слева можно разобрать что-то вроде вывески – потухшие неоновые буквы, криво свисающие в мрачной темноте. Лукас же просто стоял перед дверью, его лицо было лишено всякого выражения, конец трости будто врос в тротуар, огромные руки сложены одна поверх другой на латунном набалдашнике.

– Первое, чему тебе предстоит научиться, – сказал он тоном человека, цитирующего пословицу, – это тому, что всегда нужно ждать...

Бобби почудилось за дверью какое-то царапание, потом раздался звон цепочки.

– Потрясающе, – проговорил Лукас, – можно подумать, что нас ждали.

Дверь на хорошо смазанных петлях открылась сантиметров на десять, потом будто за что-то зацепилась. В темной пыльной щели возник глаз и немигающе уставился на них. Поначалу Бобби решил, что это глаз какого-то крупного животного: зрачок – странного желтовато-коричневого оттенка, а белок – в паутине красных прожилок. А под ними – выпяченная, еще более красная губа.

– Духов человек, – сказал невидимый владелец глаза, – духов человек и какой-то маленький засранец. Господи... – Раздался ужасный, булькающий звук, будто человек чуть ли не из самых кишок выхаркивал мокроту, скопившуюся там еще в доисторические времена, затем последовал смачный плевок. – Что ж, заходи, Лукас. – Снова скрежет, и дверь распахнулась вовнутрь – в кромешную тьму.

– Я занятой человек... – прозвучало с расстояния в метр – и с каждым словом все тише, как будто владелец глаза спешил убраться подальше от света, проникшего через открытую дверь.

Лукас переступил порог. Ему на пятки едва не наступил Бобби, почувствовавший, как за ним мягко захлопнулась дверь. От внезапной всепоглощающей темноты по рукам у него побежали мурашки. Эта тьма, казалось, жила собственной жизнью – что-то плотное, сбившееся и будто бы даже способное чувствовать.

Вспыхнула спичка, зашипела и заплевалась газовая лампа с наддувом – в ее калильной сетке зажегся газ. Разинув рот, Бобби

уставился на лицо за светильником. Лицо?.. Бобби очень захотелось поверить, что этот желтый глаз с кровавыми прожилками, равно как и его близнец, смотрят на него из прорезей какой-то страшной маски.

– Полагаю, ты не ждал нас, правда, Финн?

– Если хочешь знать, – проскрипела маска, открывая огромные плоские и желтые зубы, – я как раз собирался выйти, поискать что-нибудь на обед.

На взгляд Бобби, это существо могло бы прожить на диете из плесневеющего ковра. Или же терпеливо грызть себе дорогу в коричневой мякоти разбухших от сырости книг, наваленных до высоты плеч по обеим сторонам туннеля, где они стояли сейчас с Лукасом. – Что это за недоносок, Лукас?

– Знаешь, Финн, мы с Бовуа испытываем некоторые затруднения в связи с кое-чем, что мы приобрели у тебя, полностью тебе доверяя. – Лукас поднял трость и легонько потыкал ее концом в опасно накренившийся штабель, сложенный из древних книг в мягких обложках.

– Ах вот как? – Финн с насмешливым сочувствием поджал серые губы. – Оставь в покое эти первоиздания, Лукас. Если они рухнут, платить придется тебе.

Лукас убрал трость. В свете фонаря блеснул стальной наконечник.

– Итак, – сказало существо, которое Лукас называл Финном, – у вас проблемы. Забавно, Лукас, очень, черт побери, забавно. – Сероватые щеки Финна были прочерчены глубокими косыми морщинами. – У меня тоже проблемы. Три, если быть точным. Сегодня утром их еще не было. Что ж, думаю, такова жизнь. – Он поставил шипящую лампу на выпотрошенный каталожный шкаф и выудил из кармана чего-то, что когда-то, возможно, было твидовым пиджаком, кривую сигарету без фильтра. – Мои три проблемы наверху. Может, хочешь взглянуть на них?.. – Он чиркнул деревянной спичкой о подставку лампы и прикурил. В воздухе заклубилась едкая вонь черного кубинского табака.

– Знаете, – сказал Финн, переступая через первое тело, – я уже очень давно обретаюсь по злому адресу. Все знают, где меня искать. Покупаешь у Финна – точно знаешь, у кого покупаешь. Мой товар – это всегда я. Каждый раз...

Бобби пялился на вывернутое кверху лицо мертвеца, на потускневшие глаза. Что-то неестественное было в повороте его туловища, в том, как обмякло тело в облегающей,черной одежде. С невыразительного безжизненного японского лица смотрели пустые глаза...

– И знаешь, сколько за все это время, – продолжал Финн, – нашлось недоумков, которые решились бы вломиться сюда, чтобы меня обуть? Ни одного! Ни одного до сегодняшнего утра. А тут, мать его, *трое за раз*. Ну, – он бросил на Бобби враждебный взгляд, – если не считать этого прикинутого маленького засранца, но... – Он пожал плечами.

– Такое впечатление, что он кривобокий, – сказал Бобби, все еще не сводя глаз с первого трупа.

– Это потому, что внутренности у него теперь годятся разве что на корм собакам, – ощерился Финн. – Растерты в пюре.

– Финн коллекционирует экзотическое оружие, – пояснил Лукас, слегка подталкивая запястье второго трупа концом трости. – Ты их просканировал на имплантанты, Финн?

– Ага. Та еще морока. Пришлось сначала оттащить их в заднюю комнату. Никаких сюрпризов. Быки, обычная команда. – Финн с шумом втянул воздух. – Вот только почему кому-то понадобилось меня пристукнуть?

– Может, ты продал им очень дорогой продукт, который не сработал? – рискнул предположить Лукас.

– Надеюсь, ты не хочешь сказать, что это *ты* послал их, Лукас? – ровным голосом произнес Финн. – Разве что ты очень хочешь посмотреть, как *я* повторю этот фокус с собачьей кормежкой.

– А разве *я* сказал, что ты продал *нам* что-то, что не работает?

– «Испытываем затруднения», сказал ты. А что еще, ребята, вы купили у меня в последнее время?

– Извини, Финн, но они не наши. И ты тоже это знаешь.

– Ага. Пожалуй, знаю. Так что же, черт побери, привело тебя сюда, Лукас? Ты же знаешь, что то, что ты купил, обычными гарантиями не покрывалось...

– Видишь ли, – сказал Финн, выслушав историю сорвавшегося киберпространственного набега Бобби, – порой там происходят чертовски странные дела. – Он медленно покачал узкой, неестественно вытянутой головой. – Что-то изменилось, раньше такого не было. – Он поглядел на Лукаса. – Но вы-то, ребята, это знаете, да?

Они сидели вокруг квадратного белого стола в совершенно белой комнате на первом этаже за захламленным торговым залом. Пол был выложен вытертой больничной плиткой в рубчик, чтобы не скользила нога, – ну прямо как в операционной, – а стены были составлены из широких плит пыльного белого пластика, скрывавшего плотные слои антижучковой микропроводки. По сравнению со складом белая комната

казалась хирургически чистой. Несколько стальных треножников вокруг стола, ощетинившиеся сенсорами и сканирующим оборудованием, напоминали абстрактные скульптуры.

– Знаем что? – спросил Бобби.

С каждым новым пересказом своей истории он все меньше чувствовал себя вильсоном. Наоборот, кем-то значительным. Вот именно, это заставляло его чувствовать свою значимость.

– Не о тебе речь, засранец, – устало сказал Финн. – О нем. Олдовом вуду. Он-то знает, что что-то изменилось... И произошло это не сегодня. Я в деле уже целую вечность. Подумать только, сколько воды утекло. Я был тут еще до войны, еще до того, как появилась какая-нибудь матрица, или, во всяком случае, – до того, как люди *осознали,* что все это существует. – Теперь он глядел на Бобби. – У меня есть пара ботинок, которым больше лет, чем тебе. Так чего, черт побери, мне от тебя ждать? Ковбои появились вместе с компьютерами. А первые компьютеры построили для того, чтобы взломать лед немцев, так? Ковбоев тогда называли дешифровщиками. Так что лед существовал еще до компьютеров, если взглянуть на это с такой стороны.

Он закурил пятнадцатую сигарету за вечер, и белая комната снова стала наполняться дымом.

– А вот Лукас, этот знает, да уж. Последние семь-восемь лет странные там творятся вещи, да-да, там, в ковбойских кругах – или, если хочешь, в цепях. Сегодняшние жокеи заключают сделки с какими-то тварями, не так ли, Лукас? Да, видишь ли, знаю я об этом, знаю. Но им все равно нужны «железо» и софт, и им все равно нужно быть проворней змей на льду, однако у всех, у всех тех, кто действительно знает, как рубить лед, теперь есть *союзники,* не правда ли, Лукас?

Лукас вынул из кармана свою золотую зубочистку и начал обрабатывать верхний коренной. Его темное лицо оставалось предельно серьезным.

– Троны и домены, – загадочно продолжал Финн. – Да, что-то там есть. Призраки, голоса. А почему бы и нет? В океанах есть русалки и прочая дребедень, а у пас тут море кремния, понимаешь? Строго говоря, оно – просто прекрасно выполненная галлюцинация, которую мы все согласились иметь, — это наше киберпространство, но каждый, кто в него подключается, знает, печенкой, черт меня побери, чувствует, что это – целая вселенная. И с каждым годом населения там вроде как прибывает...

– Для нас, – лениво вставил Лукас, – и здешний мир всегда на этом работал.

– Ага, – отозвался Финн, – чтобы вы, ребята, могли войти в него с программой и сказать всем: мол, те штуки, с которыми вы

срубаете сделки, это ж наши старые боги из буша...

– Божественные Наездники...

– Ну да, конечно. Вы в это, может, и верите. Но я довольно давно уже живу на этом свете, чтобы помнить, что не всегда так было. Десять лет назад пусть бы кто попробовал зайти в «Джентльмен-Неудачник» и заявить кому из крутых жокеев, что разговаривал с призраком в матрице, – да они б решили, что он спятил.

– Что он вильсон, – вставил Бобби, чувствуя себя выключенным из разговора и уже не столь значительным.

Финн бросил на него безучастный взгляд.

– Что-что?

– Ну, вильсон. Козел. Это жаргон хотдоггеров, я думаю... – Ну вот, опять слажал. Блин.

Финн поглядел на него более чем странно.

– Господи. Вот как это называется, да? О Боже. А ведь я *знавал* этого парня...

– Кого?

– Бодайна Вильсона, – сказал он. – Надо же: первый человек из моих знакомых, который кончил как фигура речи.

– Он был дурак? – спросил Бобби и тут же пожалел об этом.

– Дурак? Черта с два! Он был умен, хитер как бес. – Финн загасил сигарету в потрескавшейся керамической пепельнице «кампари». – Просто совершеннейший раздолбай, вот и все. Работал он как-то однажды с Дикси Флэтлайном... – Взгляд налитых кровью желтых глаз затуманился.

– Финн, – вмешался Лукас, – где ты взял этот ледоруб, который продал нам?

Финн сурово оглядел его с головы до ног.

– Сорок лет в деле, Лукас. Знаешь, сколько раз мне задавали этот вопрос? И знаешь, сколько раз я был бы уже мертв, если бы отвечал на него?

Лукас кивнул.

– Намек понял. Но тем не менее я задам его снова. – Он ткнул зубочисткой и сторону Финна, как игрушечным кинжалом. – Вот настоящая причина, по которой ты готов тут сидеть и нести всякую чушь: ты думаешь, что эти три жмурика наверху имеют отношение к тому ледорубу, который ты нам продал. Я же видел, как ты насторожился, когда Бобби рассказывал, как смели кондо его матери, не так ли?

– Возможно, – оскалился Финн.

– Кто-то занес тебя в свой список, Финн. Эти три мертвых ниндзя наверху обошлись кому-то в немалые деньги. Когда они не вернутся, этот кто-то примет меры, Финн.

Обведенные красным желтые глаза прищурились.

– Они были напичканы под завязку, – сказал Финн, – натасканы на то, чтобы убрать по-тихому, но у одного из них были и другие штучки. Штучки для задавания вопросов. – Желтые от никотина, почти цвета тараканьих крыльев, пальцы медленно потянулись помассировать короткую верхнюю губу. – Я получил его от Вигана Лудгейта, – сказал он, – по кличке Виг.

– Никогда о таком не слышал, – сказал Лукас.

– Этот трахнутый засранец, – сказал Финн, – был когда-то ковбоем.

– Случилось так, – начал Финн, и история поглотила Бобби целиком, это было даже лучше, чем слушать Бовуа и Лукаса, – что Виган Лудгейт пять лет оттрубил крутым жоком, что недурной пробег для кибер-ковбоя. Да, пять лет... За такой срок ковбой кончает или с очень большими деньгами, или с выжженным мозгом, или тем, что финансирует конюшню юных взломщиков, и то исключительно в качестве управляющего. Виг по первой горячке молодости и напора рванул в затяжной поход по сравнительно редко заселенным секторам матрицы, представляющим те географические области, которые когда-то были известны как «третий мир».

Кремний не снашивается; микрочипы практически бессмертны. Виг этот факт приметил. Как всякое дитя своего века, он, однако, знал, что кремний на самом деле может просто выйти из употребления, что гораздо хуже, чем просто отработать свое. Это было для Вига мрачной данностью, с которой приходилось смириться, как, скажем, со смертью или налогами. Впрочем, о том, как бы его снаряжение не отстало от искусства, он обычно беспокоился больше, чем о смерти (ему было двадцать два) или о налогах (он не заполнял деклараций, хотя ежегодный процент, который он отдавал машине по отмывке денег в Сингапуре, грубо говоря, равнялся подоходному налогу, какой ему пришлось бы платить, заяви он о своих доходах). Виг достаточно здраво рассудил, что должен же куда-то уходить весь этот устаревший кремний. А уходил он, как выяснил Виг, в ряд очень бедных стран, ведущих отчаянную борьбу с нарождающимися промышленными базами. В страны, настолько погруженные во мрак невежества, что концепция нации там до сих пор еще воспринималась всерьез. Виг пробурился на пару африканских задворок и почувствовал себя акулой, кружащей в бассейне, полном икры. Нельзя сказать, что какое-нибудь из этих вкусных крохотных яиц много давало в отдельности, но если забросить сеть и грести все чохом, то работы немного, а улов... в общем, с

поля по зернышку… Виг обрабатывал африканцев неделю, при этом нечаянно вызвал падение по крайней мере трех правительств, причинив невыразимые человеческие страдания. В конце недели, слизнув сливки в виде нескольких миллионов до смешного мелких банковских счетов, он удалился на покой. Когда он выходил, уже налетала саранча: на «африканскую идею» набрели все прочие.

Два года Виг просидел на пляже в Каннах, питаясь исключительно самыми дорогими модельными наркотиками и периодически включая маленький телевизор «Хосака», чтобы со странным и примечательно невинным любопытством поизучать вздувшиеся тела мертвых африканцев. В какой-то момент – никто не мог сказать, где, когда или почему – стали замечать, что Виг перешагнул за край. А точнее, сказал Финн, Виг проникся убеждением, что Господь Бог живет в киберпространстве или, может, что киберпространство и есть Бог или какое-то его новое явление. Экскурсы Вига в теологию были отмечены крупными смещениями парадигм, настоящими богоискательскими метаниями. У Финна было кое-какое представление о том, чем в те годы занимался Виг. Вскоре после крещения в эту его новую и весьма своеобразную веру Виган Лудгейт вернулся в Муравейник и отправился в эпическое, хоть и несколько беспорядочное плавание по водам кибернетического познания. В прошлом компьютерный жокей, он знал, куда обращаться за самым лучшим «железом» и софтом. Финн снабжал Вига и тем и другим, поскольку тот все еще оставался богатым человеком. Виг объяснял Финну, что его техника мистических изысканий основывается на проецировании сознания в пустые неструктурированные секторы матрицы и ожидании. Надо отдать парню должное, сказал Финн, тот никогда не заявлял, что взаправду встретил Бога, хотя продолжал считать, что в ряде случаев ощущал его присутствие при передвижении по лику решетки. Со временем у Вига вышли все деньги. Его спиритуалистский поход оборвал немногие деловые связи, оставшиеся с доафриканских времен, так что Лудгейт канул без следа.

– Но потом однажды он объявился, – продолжал Финн, – сумасшедший, как крыса из нужника. Как был бледным маленьким ублюдком, так им и остался, но теперь еще был увешан всякой африканской дребеденью: бусами, костями и всяким таким. – Бобби отвлекся от рассказа Финна ровно настолько, чтобы задать себе вопрос, как может существо, похожее на Финна, называть кого-то «бледным маленьким ублюдком», но потом перевел взгляд. Лукас был смертельно

мрачен. Тут Бобби пришло в голову, что Лукас может воспринять африканскую часть истории на свой счет – как личное оскорбление, что ли. Но Финн преспокойно продолжал свою историю.

– У него было полно всего на продажу. Деки, периферия, программное обеспечение. Все на пару лет устарело, но игрушки были крутые, так что я дал за них приличную цену. Я тогда еще заметил у него вживленный разъем за ухом и то, что он постоянно держал подключенным странный серебряный микрософт. «Что за софт?» – спрашиваю я. «Он пуст», – отвечает Виг. Этот маленький ублюдок сидит на том самом месте, где сидишь сейчас ты, малыш, и говорит мне, он, мол, пуст, и это глас Господень, и я пребуду вечно в его белом гудении, и тому подобный бред. И я подумал: «Господи, Виг окончательно сбрендил, – хотя нет, вот он в пятый раз пересчитывает деньги, которые я ему дал». «Виг, – сказал я, – время – деньги, но скажи мне, что ты теперь намерен делать?» Потому что мне стало любопытно. Я ведь знал парня многие долгие годы – по делам, конечно. «Финн, – говорит он, – я должен подняться по гравитационному колодцу наверх. Бог – там, наверху». Я хочу сказать, он мне говорит, мол, Бог повсюду, но тут внизу слишком много статики, она скрывает его лик. «Ладно, – говорю я ему, – как знаешь». И я указал ему на дверь, вот и все. Никогда его больше не видел.

Бобби поморгал, подождал, поерзал немного на жестком сиденье складного стула.

– За исключением того, что примерно год спустя появился какой-то парень – такелажник с высокой орбиты, – который спустился по колодцу вниз на побывку, и у него был с собой недурной софт на продажу. Ничего гениального, но весьма и весьма интересно. Он сказал, это от Вига. Ну, может, Виг – свихнувшийся нарк и давно вне игры, но все же умеет отыскивать неплохое дерьмецо. Так что я этот софт покупаю. Это было лет, наверное, десять назад, так? И каждый год или около того появляется какой-нибудь парень с товаром. «Виг сказал, это стоит предложить тебе». И обычно я это покупал. В его вещичках не было ничего особенного, но в порядке. И люди, привозившие софт, всегда были разные.

– Что это было, Финн, всегда одно только программное обеспечение? – спросил Лукас.

– В основном, да, если не считать каких-то странных скульптур. Об этом я позабыл. Я решил, что это Виг их делает. Когда первый раз парень привез одну такую, я купил у него софт, а потом спросил, как это, черт побери, называется? «Виг сказал,

ты, возможно, заинтересуешься». – «Скажи ему, что он псих». Парень рассмеялся. «Ну, тогда оставь это себе, – говорит он. – Я не повезу эту чертову штуку обратно». Я хочу сказать, размером она была примерно с деку, эта штука, просто кучка мусора и разная труха, набитая в деревянную шкатулку… Так что я засунул ее за тачку «коки» с металлоломом и совсем бы о ней забыл, если бы не старик Смит – он тогда был моим коллегой, торговал в основном искусством и тем, что идет в коллекции. Он это видит и хочет заполучить. Так что мы заключили халявную сделку с далеко идущими последствиями. «Еще такие будут, Финн, – говорит он, – забирай. В дорогих районах немало найдется дураков, которые на такое клюнут». Так что в следующий раз, когда появился парень от Вига, я и скульптурку тоже купил и перепродал ее Смиту. Но особых денег они никогда не приносили… – Финн пожал плечами. – До последнего месяца, во всяком случае. Появился очередной мальчишка с товаром, который вы потом купили. От Вига. «Послушай, – говорит он, – это биософт, и он рубит лед. Виг говорит, он дорогого стоит». Я софт просканировал, и выглядел он нормально. Знаешь, решил я, в нем, пожалуй, что-то есть. Твой партнер Бовуа тоже решил, что он довольно интересен. Я его купил. Бовуа купил его у меня. Конец истории. – Финн вытащил сигарету, она оказалась сломанной, согнутой пополам. – О черт, – сказал он.

Из того же кармана он выудил поблекшую пачку сигаретной бумаги, из нее – хрупкий розовый листок и наподобие лубка плотно обернул его вокруг сломанной сигареты. Когда он лизнул клей, Бобби углядел кончик очень острого серо-розового языка.

– А где, Финн, проживает мистер Виг? – спросил Лукас, подпирая большими пальцами подбородок. Длинные пальцы сложились домиком перед его лицом.

– Лукас, у меня нет ни малейшей, черт побери, зацепки. Где-то на орбите. И довольно скромно, если те деньги, какие он из меня выдаивает, что-то для него значат. Правда, я слышал, там есть места, где можно прожить без денег, если сумеешь найти себе нишу в их экономике, так что, возможно, это «где-то» простирается довольно далеко. Однако не спрашивай меня, у меня агорафобия. – Он скверно улыбнулся в сторону Бобби, который все пытался изгнать из памяти вид острого языка. – Знаешь, – сказал он, прищурившись на Лукаса, – это происходило приблизительно в то же время, когда до меня стали доходить разговоры о таинственных делах, происходящих в матрице.

– Например? – спросил Бобби.

– Держись, мать твою, от этого подальше, – сказал Финн, все еще глядя на Лукаса. – Было кое-что – еще до того, как появились

вы, ребята, новая команда вуду. Я знал одну девчонку, уличного самурая. Так вот, она устроилась работать на одного типа из спецназа, по сравнению с которым даже Виг выглядел нормальным как пробка. Она и еще один ковбой, которого вытащили с помойки в Тибе, пошли на какое-то странное дело, искали что-то. Может, нашли. Последний раз я видел их в Стамбуле. Но пару лет назад слышал, что она живет в Лондоне, а может – уже и нет. Кто, черт побери, знает? Семь, восемь лет прошло...

Вид у Финна стал вдруг очень усталый, и сам он внезапно как-то сильно постарел. Он поглядел на Бобби как большая мумифицированная крыса, приводимая в движение ниточками и скрытыми проводками. Финн вынул из кармана наручные часы с треснувшим стеклом на половинке грязного кожаного ремешка и сверился с ними.

– Господи. Ну, это все, что ты от меня сегодня получишь, Лукас. Через двадцать минут ко мне заглянут друзья из банка органов поговорить о небольшом дельце.

Бобби подумал о трупах наверху. Они пролежали там весь день.

– Э-э, – сказал Финн, прочитав выражение на его лице, – банки органов славятся умением избавляться от тел. У этих беспризорных ублюдков наверху не так уж много осталось органов... – И Финн рассмеялся.

– Ты говорил, он близок к... Легбе? А Легба – это тот, который, как вы с Бовуа сказали, послал мне удачу, когда я въехал в черный лед?

За сотами геодезиков светлело небо.

– Да, – ответил Лукас. Негр, казалось, был погружен в глубокую задумчивость.

– Но он, похоже, вообще не верит ни в какое вуду.

– Это не имеет значения, – сказал Лукас, когда в конце улицы появился «роллс». – Он всегда был близок к духу вещей.

17
Беличий лес

Самолет приземлился возле журчания бегущей воды. Ворочаясь в ремнях антигравитационной сетки, Тернер услышал этот звук в бреду, а может, это было во сне – вода по камням, одна из древнейших песен. Самолет был умненьким, как какой-нибудь сообразительный пес, – со встроенным в «железо» инстинктом «прячься». Тернер чувствовал, как он покачивается на лапах-шасси, забираясь в кусты, как шуршат и царапают по темной кабине ветки. Реактивник заполз глубоко в зеленую тень и опустился на складные колени. Посадочная рама поскуливала и потрескивала, сжимаясь, обнажая брюхо, вжавшееся в глину и перегной, как электрический скат в песок. Мимикрирующее полиуглеродное покрытие на крыльях и фюзеляже потемнело и пошло пятнами, принимая цвет расписанного лунными разводами камня и лесной почвы. Наконец самолет затих, и единственным звуком остались перепевы родниковой воды...

Он очнулся как машина: глаза распахнуты, зрение подключено, в оперативной памяти – пусто. Вспомнил красную вспышку смерти Линча в прицеле «смит-и-вессона». Изгиб кабины над головой был разрисован кружевом листьев и веток – камуфляж хамелеона. Бледный рассвет и звук бегущей воды. На нем все та же синяя спецовка Оукея. Теперь от нее пахло кислым потом, а рукава Тернер оторвал еще позавчера. Пистолет лежал у него между ног, нацелившись на черный джойстик ручного управления самолетом. Антигравитационная сетка путаницей ремней обвисла вокруг плеч и бедер. Извернувшись, Тернер заглянул назад, чтобы проверить, как девочка. Увидел овал белого как бумага лица и коричневую струйку засохшей крови, сбегавшую из носа. Еще без сознания. Капли пота на лбу, губы слегка приоткрыты, как у куклы.

– Где мы?

– В пятнадцати метрах на юго-юго-восток от заданных вами координат посадки, – ответил самолет. – Вы снова потеряли сознание. Я выбрал маскировку.

Тернер выдернул из разъема коннектор интерфейса, оборвав связь с самолетом. Потом тускло оглядел пульт, нашел рычаги ручного управления кабиной. Та вздохнула сервоприводами, от движения качнулось кружево полиуглеродной листвы. Перекинув ногу через борт, он прижал ладонь к фюзеляжу, поглядел вниз.

Полиуглерод, до того воспроизводивший серые тона глины вокруг, у него на глазах стал вырисовывать овал цвета его ладони. Тернер перебросил вторую ногу – пушка осталась лежать забытой на сиденье – и соскользнул на землю в высокую сладкую траву. Там он снова заснул, уткнувшись лицом в траву, и ему снилась бегущая вода.

Проснувшись, он пополз по-пластунски, чтобы не задеть низкие, тяжелые от росы ветки. Наконец Тернер выбрался на поляну и рухнул вперед, перекатился на спину, раскинул руки, будто – и сам он это почувствовал – сдавался на чью-то милость. Высоко над ним взметнулось с ветки что-то маленькое и серое, приземлилось на другую, покачалось на ней, потом стало карабкаться прочь.

«Лежи тихо, – услышал он голос, учивший его этой премудрости много лет назад. – Просто ляг и расслабься, и очень скоро они о тебе забудут, потеряют среди серости, и росы, и рассвета. Они вышли кормиться, кормиться и играть, и их мозгам долго не удержать двух позывов сразу». Мальчишка-Тернер устраивается рядом с братом, винчестер в нейлоновом чехле ложится поперек груди. Мальчик вдыхает запах новой латуни, и ружейного масла, и застрявший в волосах запах лагерного костра. И его брат всегда был прав, говоря о белках. Они возвращаются. Они уже забыли о прозрачном прищуре смерти, разлегшейся под ними в заштопанной джинсе и синей стали. Они вернулись, наперегонки перескакивая с ветки на ветку, останавливаясь, чтобы принюхаться к утру. Тернеров двадцать второй калибр щелкнул, и обмякшее серое тельце, кувыркаясь, упало вниз. Остальные рассыпались, исчезли, а Тернер передал ружье брату. И снова они лежали в траве и ждали, чтобы белки о них забыли.

– Вы ведь похожи на меня, – сказал Тернер белкам, вырываясь из сна. Одна из них внезапно присела на толстом суку и взглянула прямо ему в глаза. – Я тоже всегда возвращаюсь. – Белка ускакала прочь. – Возвращался, когда бежал от голландца. Возвращался, когда улетел в Мексику. Возвращался, когда убил Линча.

Он лежал там очень долго, наблюдая за игрой белок, а тем временем вокруг него просыпался лес и согревалось утро. Прилетела ворона, снизилась, зависла, тормозя перьями, которые она распустила будто черные механические пальцы или стрелки часов. Остановилась проверить, не мертв ли он.

Тернер усмехнулся вслед хлопающей крыльями прочь вороне.

Пока нет.

Он заполз назад под нависающие ветки и обнаружил, что девочка сидит у основания крыла, привалившись спиной к

кабине. На ней была мешковатая белая футболка с косым шрамом логотипа «МААС-НЕОТЕК». На футболке виднелись потеки свежей красной крови. У нее снова шла кровь носом. Яркие голубые глаза – растерянные и ошеломленные – в обрамлении желто-черных синяков. Экзотический макияж.

Юная, понял он, почти ребенок.

– Ты дочь Митчелла, – сказал Тернер, выудив имя из досье биософта. – Анджела.

– Энджи, – автоматически отозвалась она. – А ты кто? У меня кровь идет из носа. – Она показала ему кровавую гвоздику скомканной тряпки.

– Тернер. Я ждал твоего отца. – Только сейчас он вспомнил о пистолете, сообразив, что второй ее руки не видно. Рука оставалась за краем кабины. – Ты знаешь, где он?

– На плато. Он думал, что сможет поговорить с ними, все им объяснить. Потому что он им нужен.

– С кем поговорить? – Тернер сделал шаг вперед.

– С «Маасом». С советом директоров. Они не могут себе позволить причинить ему вред. Не могут же?

– С чего бы это? – Еще шаг.

Она промокнула нос красной тряпицей.

– Потому что он отослал меня прочь. Потому что он знал, что они собираются причинить мне вред, может быть, убить. Из-за снов.

– Снов?

– Как ты думаешь, они ведь правда его не тронут?

– Нет. Конечно, они этого не сделают. А сейчас я залезу наверх, идет?

Она кивнула. Ему пришлось провести руками по боку фюзеляжа, чтобы отыскать мелкие утопленные поручни. Мимикрирующее покрытие показывало ему лист, лишайник, сучья... И вот он наверху, рядом с девочкой, и пистолет, как оказалось, лежал возле ее ноги в черной тапочке. – Но разве он не собирался прибыть сам? Я ждал его, твоего отца.

– Нет. Мы никогда этого не планировали. И планер у нас был только один. Разве он тебе не сказал? – Ее начало трясти. – Разве он ничего тебе не сказал?

– Достаточно, – сказал Тернер, кладя ей руку на плечо. – Он рассказал нам достаточно. Все будет хорошо... – Он перекинул ноги через борт, нагнулся, отодвинул «смит-и-вессон» от ее ноги и нашел кабель интерфейса. Все еще не убирая руки, он поднял кабель и вставил его в разъем за ухом.

– Покажи мне процедуры стирания всего, что ты сохранил за последние сорок восемь часов, – приказал он. – Я хочу подавить

курс на Мехико-сити, твой перелет с побережья, все...

– Никаких данных о запланированном курсе на Мехико-сити не обнаружено, – отозвался голос – прямой нейронный вход на аудио.

Потирая подбородок, Тернер глядел на девочку.

– Куда мы направлялись?

– В Боготу, – сказал самолет и выдал на дисплей координаты посадки, которой они не совершали.

Энджи зажмурилась, потом недоуменно воззрилась на него. Веки у нее были в таких же черных синяках, как и вся кожа вокруг глаз.

– С кем ты разговариваешь?

– С самолетом. Митчелл сказал тебе, куда, по его мнению, ты направишься?

– В Японию.

– Знаешь кого-нибудь в Боготе? Где твоя мать?

– Никого. А мать, думаю, в Берлине. По правде говоря, я ее почти не знаю.

Тернер стер память самолета, вычищая все, что заложил туда Конрой: курс перелета из Калифорнии, данные полигона, маршрут перелета, который привел бы их на посадочную полосу в радиусе трехсот километров от городского центра Боготы...

Со временем самолет найдут. Тернер вспомнил о системах орбитальной слежки «Мааса» и спросил себя, а много ли проку от «прокрадись-спрячься»-программы, какую он приказал прогнать самолету. Можно было бы предложить реактивник Руди на утиль, но сомнительно, что Руди захочется впутываться в эту историю. Впрочем, если уж на то пошло, само появление дочери Митчелла на ферме затягивало Руди по уши. Но больше идти было некуда. Где еще достать то, что ему сейчас необходимо?

А идти туда четыре часа: сперва – по полузабытым тропинкам, а дальше – по петляющему, поросшему сорняками двуполосному шоссе. Тернеру показалось, что деревья кругом совсем не те, но потом он сообразил, насколько они должны были вырасти за годы, прошедшие с тех пор, как он был здесь в последний раз. Вдоль шоссе через равные промежутки торчали обрубки деревянных столбов. Когда-то на них крепились телефонные провода. Теперь пеньки оплели ежевика и жимолость, провода давным-давно оборваны для разных нужд, а столбы порублены на растопку. В полевых цветах у обочины гудели пчелы...

– Там, куда мы идем, есть какая-нибудь еда? – спросила девочка. Подошвы ее белых тапочек шаркали по выветрившемуся

асфальту.

– Конечно, – ответил Тернер. – Все, что захочешь.

– Вот чего бы мне хотелось прямо сейчас, это воды. – Она смахнула прядку прямых каштановых волос с загорелой щеки.

Он заметил, что у девочки постепенно проявляется хромота, она начинала морщиться каждый раз, когда приходилось наступать на правую ногу.

– Что у тебя с ногой?

– Колено. Наверное, ударилась, когда сажала дельтаплан, – скривилась она, но продолжала идти.

– Тогда привал.

– Нет. Я хочу дойти туда, дойти хоть куда-нибудь.

– Привал, – повторил он и, взяв ее за руку, потянул к обочине дороги. Энджи состроила гримаску, но села рядом с ним, осторожно вытянув перед собой правую ногу.

– А у тебя большая пушка, – заметила она.

Теперь стало жарко – слишком жарко для парки. Надев портупею прямо на голое тело, Тернер накинул поверх нее спецовку с оторванными рукавами, полы спецовки развевались по ветру.

– Почему у нее такой странный ствол, как голова у кобры?

– Это прицел, устройство для ведения ночного боя. – Он наклонился, чтобы осмотреть ее колено. Колено быстро распухало. – Не знаю, сколько еще ты пройдешь с такой ногой, – сказал он.

– Тебе много приходится драться по ночам? С оружием?

– Нет.

– Тогда я, наверное, не понимаю, чем ты занимаешься.

Он поднял на нее взгляд.

– Я сам не всегда это понимаю, во всяком случае – в последнее время. Я ждал твоего отца. Он хотел сменить компанию, поработать на других людей. Эти люди наняли меня и еще нескольких человек помочь ему выпутаться из его прежнего контракта.

– Но из этого контракта нет выхода, – сказала Энджи. – Во всяком случае, легального.

– Вот именно. – Развязал узел, снял тапочку. – Легального.

– Ага, так вот чем ты зарабатываешь на жизнь?

– Да. – Под тапочкой носка у нее не было, колено распухало все сильнее. – Ты растянула связку.

– А что тогда с остальными? У тебя ведь были еще люди там, в тех развалинах? Кто-то стрелял, и эти взрывы...

– Трудно сказать, кто стрелял, – сказал он, – но осветительные ракеты были не наши. Может, боевиков из службы

безопасности «Мааса», которые следовали за тобой. Как ты думаешь, ты ушла чисто?

– Я все сделала так, как мне велел Крис, – сказала она. – Крис – это мой отец.

– Знаю. Пожалуй, остаток пути придется тебя нести.

– Но все-таки как насчет твоих друзей?

– Каких друзей?

– Там, в Аризоне.

– Ах да. Ну, – он отер со лба пот тыльной стороной ладони, – ничего не могу тебе сказать. По правде говоря, сам не знаю, что с ними сталось.

И увидел перед собой ослепительно белое небо, зарево, свет ярче солнечного. А самолет сказал, что никакого электромагнитного излучения не было...

Первая модифицированная собака Руди выследила их через четверть часа после того, как они снова двинулись в путь: Энджи у Тернера за спиной – локти у него на плечах, худые коленки зажаты под мышками, пальцы сцеплены замком у него перед грудиной. От нее пахло, как от ребенка из дорогого предместья, какой-то смутный намек на мыло или шампунь на травах. Тут он спросил себя, а чем должно пахнуть от него самого. У Руди, кажется, был душ...

– О черт, а это еще что? – Девочка выпрямилась у него на спине, указывая куда-то в сторону.

С высокой каменной насыпи у поворота дороги на них глядел тощий серый пес. Его узкая голова пряталась под черным колпаком с выступами сенсоров. Собака тяжело дышала, высунув язык, и медленно поводила головой из стороны в сторону.

– Все в порядке, – сказал Тернер. – Сторожевой пес. Моего друга.

Дом разросся, выпустив побеги пристроек под мастерские, но Руди так и не удосужился перекрасить облупившиеся доски первоначальной постройки. Пока Тернера не было, Руди обвел двор прямоугольником проволочной ограды. Туго натянутая сетка отделяла от внешнего мира двор и коллекцию машин, но, подойдя поближе, Тернер увидел, что ворота стоят нараспашку, а петли потерялись в ржавчине и сиянии утра. Впрочем, Тернер лучше других знал, что настоящие линии защиты прячутся где-то еще. Он тащился по подъездной дорожке, а за ним трусили четыре модифицированные собаки. Голова Энджи безвольно покачивалась у него на плече, но руки оставались по-прежнему замкнуты на его шее.

Руди ждал их на передней веранде в старых белых шортах и

флотской футболке, из единственного ее кармана торчало по меньшей мере девять различных авторучек. Завидев их, он приветственно поднял зеленую банку голландского пива. За его спиной из кухни показалась блондинка в линялой рубашке цвета хаки с каким-то хромированным шпателем в руках. Ее короткие волосы были зачесаны назад и вверх – это почему-то напомнило Тернеру о враче-кореянке в трейлере «Хосаки», о том, как горел этот трейлер, об Уэббер, о белом небе... Он покачнулся, уже здесь, на гравиевой подъездной дорожке Руди – ноги широко расставлены, чтобы удержать девочку, голая грудь в дорожках пота по пыли из аризонской пустыни, – и посмотрел на Руди и его блондинку.

– У нас готов для вас завтрак, – сказал Руди. – Когда вы объявились на экранах собак, мы решили, что вы, наверное, проголодались. – Его тон был тщательно уклончивым.

Девочка застонала.

– Это хорошо, – сказал Тернер. – У нее колено отказало, Руди. Хорошо бы посмотреть его прямо сейчас. А потом мне еще нужно кое о чем с тобой поговорить.

— Я бы сказал, несколько молода для тебя. – Руди снова приложился к пиву.

– Отстань, Руди, – вмешалась стоявшая рядом с ним женщина. – Ты что, не видишь, что ей больно? Несите ее в дом, – сказала она Тернеру и исчезла в дверях кухни.

– А ты изменился, – не переставая пялиться на него, сказал Руди, и Тернер понял, что тот пьян. – Все тот же, но другой.

– Время идет, – отозвался Тернер, поднимаясь по деревянным ступеням.

– Над твоим лицом кто-то поработал или как?

– Реконструкция. Им пришлось собирать его по данным медицинского досье. – Он преодолел ступеньки: каждое движение прошивало поясницу резкой болью.

– Неплохо, – сказал Руди и рыгнул. – Еще чуть-чуть, и я бы ничего не заметил.

Он был ниже Тернера и явно толстел, но у них были одни и те же русые волосы, почти одинаковые черты лица.

Тернер остановился на лестнице, когда их глаза оказались на одном уровне:

– Ты, как прежде, занимаешься всем понемножку, Руди? Мне нужно просканировать этого ребенка. И мне нужно еще кое-что.

– Ну, – протянул его брат, – посмотрим, что можно сделать. Может, попробовать эхо-зонд? Она имеет к тебе какое-то отношение?

– Да. Там, в беличьем лесу, реактивный самолет, но он

неплохо спрятан.

– О Господи... – вздохнул Руди. – Ну что же, заноси ее...

Годы, которые провел здесь Руди, лишили дом почти всего, что мог помнить Тернер, и почему-то он испытывал к Руди смутную благодарность за это. Он смотрел, как блондинка разбивает яйца в стальную миску, темно-желтые, натуральные желтки – Руди держал собственных кур.

– Меня зовут Салли, – сказала женщина, взбивая яйца вилкой.

– Тернер.

– И он тоже никак иначе тебя не называет, – сказала она. – Впрочем, он редко когда о тебе говорит.

– Мы не так уж часто виделись все эти годы. Может, стоит подняться наверх и помочь ему?

– Сиди. С Руди твоя маленькая девочка будет в полном порядке. У него хорошие руки.

– Даже когда он на взводе?

– На полувзводе. Ну, он же не собирается оперировать, просто поставит дермы и перевяжет колено. – Она наломала маисовых лепешек на черную сковородку прямо в шипящее масло и сверху вылила яйца. – Что случилось с вашими глазами, Тернер? У вас и у нее... – Она помешивала смесь хромированным шпателем, выдавливая понемногу в сковородку сальсу из пластмассового тюбика.

– Ускорение. Пришлось взлетать в спешке.

– Она при этом повредила колено?

– Может быть. Не знаю.

– Теперь тебя ищут? Или ищут ее? – Она достала тарелки из шкафчика над раковиной. Дешевое пластиковое покрытие на дверцах вызвало у Тернера внезапный приступ ностальгии – загорелые кисти блондинки он принял вдруг за руки матери...

– Вероятно, – сказал он. – Я не знаю, в чем дело. Пока не знаю.

– Поешь. – Переложила смесь на белую тарелку, порылась в поисках вилки. – Руди до смерти боится таких людей. Ну, знаешь, таких, кто способен сесть тебе на хвост.

Взять тарелку, вилку. От яичницы поднимается пар.

– И я тоже.

– Я тут нашла кое-какую одежду, – голос Салли перекрыл шум душа, – ее оставил приятель Руди. Должна тебе подойти...

Душ работал под действием силы тяжести: дождевая вода из резервуара на крыше, толстый белый фильтрационный блок встроен в трубу над головкой душа. Высунув голову между двух

затуманенных паром пластиковых листов, Тернер прищурился на Салли.

– Спасибо.

– Девочка без сознания, – сказала она. – Руди думает, это шок и усталость к тому же. Но он говорит, что остальные показатели у нее в порядке, так что вполне можно провести сканирование прямо сейчас. – И она вышла из комнаты, забрав с собой армейские штаны Тернера и спецовку Оукея.

– Да что же это такое? – спросил Руди, протягивая ему смятый рулон серебристой распечатки.

– Не знаю, что и думать, – рассеянно отозвался Тернер, оглядывая белую комнату в поисках Энджи. – Где она?

– Спит. Салли за ней присмотрит.

Повернувшись, Руди прошелся взад-вперед по комнате – Тернер вспомнил, что когда-то здесь была гостиная. Руди начал отключать свои консоли – крохотные огоньки гасли один за другим.

– Сам не знаю, дружище. Не знаю, и все. Что это, что-то вроде рака?

Тернер двинулся вслед за ним в дальний конец комнаты, мимо верстака, где под пылезащитным кожухом ждал микроманипулятор. Мимо пыльных прямоугольных глаз на полке с древними мониторами; у одного из них разбит экран.

– У нее это расползлось по всему мозгу, – продолжал Руди, – будто опутало его длинными цепочками. Никогда не видел ничего подобного. Просто ни на что не похоже.

– Что ты знаешь о биочипах, Руди?

Руди хмыкнул. Он казался теперь совсем трезвым, но каким-то взбудораженным. Все проводил рукой по волосам.

– Так я и подумал. Это как бы... Не имплантант. Прививка.

– Для чего она?

– Для чего? Господи. Да кто, черт побери, знает? Кто это с ней такое сотворил? Тот, на кого ты работаешь?

– Думаю, ее отец.

– О Боже, – Руди вытер рукой рот. – На сканерах это дает такую же тень, как раковая опухоль, а показатели жизненного уровня у нее вполне в норме. Какая она обычно?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Ребенок.

– Ничего себе ребенок, – взорвался Руди. – Я просто потрясен, что она вообще может ходить. – Открыв маленький лабораторный морозильник, он извлек оттуда бутылку «Московской». – Из бутылки пить будешь? – спросил он.

– Может, попозже.

Руди вздохнул, поглядел на бутылку, потом вернул ее в морозильник.

– Так чего же ты хочешь? Ты что же, думаешь, что за такой диковиной, какая в головке у этой маленькой девочки, никто не начнет вскоре охотится? Если уже не начали.

– Начали, – ответил Тернер. – И я не знаю, известно ли им, что она здесь.

– Это пока. – Руди вытер ладони о грязные белые шорты. – Но ведь скоро узнают, да?

Тернер кивнул.

– Так куда ты собираешься?

– В Муравейник.

– Почему туда?

– Потому что там у меня деньги. Четыре кредитные линии на разные имена и никакой возможности проследить их до меня. Потому что у меня там много других связей, которыми я, возможно, смогу воспользоваться. И потом, Муравейник – это всегда прикрытие. Слишком много копошится муравьев, понимаешь?

– Идет, – сказал Руди. – Когда?

– Ты так беспокоишься – хочешь, чтобы мы убрались сейчас же?

– Нет. Я хочу сказать, я не знаю, что и думать. Это все так интересно, ну... то, что в головке у твоей приятельницы. У меня есть один знакомый в Атланте, который мог бы дать мне на время анализатор функций, карту мозга, один к одному. Подключив к ней приборы, я мог бы начать разбираться, что к чему... Может, это чего-нибудь стоит..

– Конечно. Если знаешь, кому продать.

– А тебе разве не любопытно? Я хочу сказать, что она, черт побери, такое? Ты ее вытащил из какой-то военной лаборатории, так? – Руди снова открыл белую дверцу холодильника. Вытащил бутылку водки, откупорил ее и сделал солидный глоток.

Тернер взял бутылку, наклонил, выцедил ледяную жидкость сквозь зубы. Потом глотнул и поморщился.

– Эта лаборатория принадлежит корпорации. Крупной. Предполагалось, что я вывезу ее отца, но тот прислал вместо себя ее. Потом кто-то взорвал весь полигон, выглядело это как недоразвитый ядерный взрыв. Мы едва вырвались. Вот пока и все. – Он протянул Руди бутылку. – Останься трезвым, Руди. Ради меня. Когда ты напуган, ты слишком много пьешь.

Руди глядел на него во все глаза, не обращая внимания на бутылку.

– Аризона, – повторил он. – Так это же было в новостях.

Мексика до сих пор скандалит. Но это был не ядерный взрыв. Они послали туда экспертов, там теперь все просто кишит следователями. Никакого ядерного взрыва.

– А что это было?

– Они считают, электромагнитная пушка. Предполагают, кто-то установил сверхскоростное орудие в гондоле грузового дирижабля и взорвал к чертям собачьим развалины заброшенного городка. Установлено, что там поблизости был какой-то дирижабль, но пока никто его не нашел. Можно настроить электромагнитную пушку так, чтобы она в момент выстрела разнесла себя в плазменную пыль. А роль снаряда при таких-то скоростях могло сыграть, в сущности, все что угодно. Скажем, полтора центнера льда вполне сойдут. – Он взял бутылку и поставил ее рядом с собой на стойку. – Вся земля в округе принадлежит «Маасу». «Маас Биолабс», так? Он тоже был в новостях, этот «Маас». Полное сотрудничество с различными властями. Готов поспорить. Так что, по-моему, это само за себя говорит о том, откуда взялась твоя малышка.

– Конечно. Но никак не объясняет, кто использовал электромагнитную пушку. Или почему.

Руди пожал плечами.

– Вам лучше пойти взглянуть на это, – сказала от двери Салли.

Поздно вечером Тернер и Салли сидели на веранде. Девочка провалилась наконец в нечто, что энцефалограф Руди определил как сон. Сам Руди удалился в одну из мастерских, скорее всего, со своей бутылкой водки. Вокруг побегов жимолости, увившей скрепленные цепью ворота, кружили светлячки. Тернер сообразил, что если, сидя там, где он сейчас сидит – на качелях, подвешенных на деревянной веранде, – закрыть глаза, то увидишь яблоню, которой больше нет. С дерева когда-то свисала древняя автомобильная шина на куске серебристо-серой пеньковой веревки. И там тоже кружатся светлячки, и пятки Руди вырывают твердые комья черной земли, когда он отталкивается, чтобы вознестись вверх по высокой дуге качелей... ноги болтаются в воздухе... а Тернер лежит на спине в траве и смотрит на звезды...

– Голоса, – сказала Салли, женщина Руди, из поскрипывающего ротангового кресла-качалки, ее сигарета – как красный глаз в темноте. – Говорит на разные голоса.

– Что-что?

– Именно это делает твоя малышка, там, наверху. Ты хоть немного знаешь французский?

– Плохо. Только с «лексиконом».

– Некоторые ее слова показались мне французскими. – Красный уголек на мгновение превратился в короткий росчерк – это Салли стряхнула пепел. – Когда я была маленькой, мой старик брал меня однажды на тот стадион, и я видела свидетельства и как через людей говорят духи. Меня это тогда испугало. Сегодня, когда она заговорила, меня это, пожалуй, напугало еще больше.

– Руди записал на магнитофон последние фразы, да?

– Да. А знаешь, дела у Рудн в последнее время не очень-то хороши. В основном поэтому я и перебралась сюда, обратно. Я сказала ему, что уйду, если только он не возьмет себя в руки. Но потом стало совсем плохо, так что недели две назад я вернулась. Я почти уже готова была уехать снова, когда объявились вы. – Уголек сигареты описал дугу через перила и упал на покрывающий двор гравий.

– Пьет?

– Пьет и вечно варит себе какую-то дрянь в лаборатории. Знаешь, этот человек знает понемногу почти что обо всем. У него еще полно друзей по всей округе. Я слышала, как они рассказывают истории о том, как вы с ним были детьми. До того, как ты уехал.

– Ему тоже надо было уехать, – сказал он.

– Он ненавидит город, – сказала она. – Говорит, все равно все приходит по сетям, так что – зачем самому куда-то ехать?

– Я уехал потому, что здесь никогда ничего не случалось. Руди всегда мог найти, чем заняться. Он все еще это может, судя по тому, как все тут выглядит.

– Вам не следовало терять связь. Он хотел, чтобы ты был здесь, когда умирала ваша мать.

– Я был в Берлине. Не мог бросить начатое.

– Наверное, не мог. Меня тут тоже тогда не было. Я приехала позже. Хорошее было лето. Руди тогда вытащил меня из одного долбаного клуба в Мемфисе. Ввалился туда однажды вечером с ордой местных ребят, а на следующий день я проснулась уже здесь, сама не знаю почему. Разве что он был мил со мной – в те дни, – и забавен, и дал моей голове шанс сбавить обороты. Он научил меня готовить, – Салли рассмеялась. – Мне здесь нравилось, если не считать того, что я до смерти боялась этих чертовых кур на заднем дворе.

Тут она встала и потянулась. Скрипнуло старое кресло. Тернер осознал близость длинных загорелых ног, запах и летний жар ее тела... так близко от его лица.

Она положила руки ему на плечи. Его глаза оказались вровень с полоской коричневого живота над висящими на бедрах

шортами, мягкая тень пупка. Он вспомнил Эллисон в белой гулкой комнате, и ему захотелось прижаться к темной коже лицом, ощутить вкус всего… Ему показалось, она слегка качнулась, но он не был в этом уверен.

– Тернер, – сказала она, — иногда тут с ним – как будто ты совсем одна…

Поэтому он встал – зазвенели старые цепочки качелей, болты надежно ввинчены в потолок веранды, болты, которые ввернул его отец лет сорок, наверное, назад, – и поцеловал в приоткрытые губы, разомкнутые полуночным разговором, и светлячками, и подводными ключами к памяти, так что, когда его ладони скользнули к теплу ее спины под белой футболкой, ему почудилось, что люди приходят в его жизнь не бусинами, нанизанными на жесткий проводок последовательности, а порциями квантов, – и Салли он знает так же хорошо, как знает Руди, или Эллисон, или Конроя, как знает девочку, которая была дочерью Митчелла.

– Эй, – прошептала она, высвобождая рот, – теперь ты пойдешь наверх.

18
Имена мертвых

Ален позвонил ровно в пять – борясь с тошнотой от его жадности, Марли подтвердила, что затребованная им сумма готова. Адрес она тщательно списала с экрана на обратную сторону карточки, взятой со стола Пикара в галерее «Робертс». Десять минут спустя вернулась с работы Андреа, и Марли была рада, что подруга не присутствовала при этом разговоре.

Она смотрела, как Андреа подпирает оконную раму потрепанным кирпичом в синем переплете – второй том «Краткого Оксфордского словаря английского языка», шестое издание. Андреа приспособила на каменном карнизе за окном фанерную полку, достаточно широкую, чтобы там уместилась маленькая жаровня-хибачи, которую она обычно хранила под раковиной. Сейчас Андреа аккуратно раскладывала на решетке черные кубики угля.

– У меня был сегодня разговор о твоем работодателе, – объявила она, устанавливая хибачи на полку и поджигая зеленоватую запальную пасту электрозажигалкой от плиты. – Из Ниццы приехал наш академик. Он сперва изумился, с чего бы это я заинтересовалась Йозефом Виреком, но поскольку он ко всему прочему еще и озабоченный старый козел, был более чем рад поговорить.

Марли подошла посмотреть, как чуть видные язычки пламени лижут угли.

– Он все пытался свернуть на Тессье-Эшпулов, – продолжала Андреа, – и на Хьюза. Хьюз жил с середины по конец двадцатого века, американец. О нем целая глава в монографии, он вроде как прото-Вирек. Я и не знала, что Тессье-Эшпулы начали распадаться...

Она вернулась к столу и вытащила из пакета шесть больших тигровых креветок.

– Они франко-австралийцы? Помнится, я видела документальный фильм. Им принадлежит какой-то крупный курорт?

– Фрисайд. Теперь, как говорит профессор, он продан. Похоже, одной из дочерей старого Эшпула каким-то образом удалось захватить единоличный контроль над всеми финансами. Она становилась все эксцентричнее, и интересы клана полетели ко всем чертям. Это за последние семь лет.

– Не понимаю, какое отношение это имеет к Виреку, – сказала

Марли, глядя, как Андреа насаживает креветки на длинные бамбуковые иглы.

– Твоя догадка окажется ничуть не хуже моей. Мой профессор придерживается мнения, что и Вирек, и Тессье-Эшпулы – замечательный анахронизм, и что, наблюдая за ними, можно многое узнать об эволюции корпорации. И, в общем и целом, убедил нашего главного редактора...

– Но что он говорил о Вирeке?

– Что безумие Вирека примет новую форму.

– Безумие?

– Ну, по правде говоря, он избегал этого слова. Но Хьюз явно был сумасшедшим как мартовский заяц, и старый Эшпул не лучше, а его дочь – та просто не в своем уме. Профессор говорил, что давление эволюционных процессов рано или поздно вынудит Вирека совершить какой-то «скачок». Так он и сказал. «Скачок».

– Эволюционные процессы?

– Да, – отозвалась Андреа, перенося иглы с креветками к хибачи, – он говорит о корпорациях так, как будто это какой-то новый вид животных.

После обеда они пошли гулять. Марли обнаружила, что время от времени начинает вслушиваться, озираться по сторонам в надежде ощутить на себе всевидящее око Вирекова механизма, но Андреа заполняла вечер своей обычной теплотой и здравым смыслом. Марли была благодарна за то, что можно гулять по городу, где все предметы были самими собой. В мире же Вирека... что может быть просто в мире Вирека? Она вспомнила медную дверную ручку в галерее Дюпре, не передать словами, как такая привычная, обыденная вещь изогнулась вдруг у нее в руке, затягивая ее в конструкт парка Гюль. Интересно, он всегда там – в парке архитектора Гауди, в полдень, которому нет конца? «Сеньор богат. Сеньор любит являть себя по-всякому». Она поежилась под теплым вечерним ветерком и взяла Андреа под руку.

Но самым зловещим в симстим-конструкте было на самом деле то, что он заставлял усомниться в реальности *всего,* что ее окружало. Скажем, витрины магазинов, мимо которых она проходит сейчас с Андреа, тоже могут обернуться плодом воображения. Кто-то из великих сказал: неотъемлемое свойство зеркал в том, что они в определенном смысле вредят душевному здоровью. «Если это так, – решила Марли, – то конструкты вредят куда сильнее».

Андреа остановилась у киоска купить свои английские сигареты и свежий номер «Elle». Марли осталась ждать на тротуаре. Автоматически раздвигаясь, ее обтекал поток

пешеходов, мимо скользили лица: студенты, бизнесмены, туристы. Кто-то из них, подумалось ей, часть Вирековой машины, а провода замкнуты на Пако. Пако – кареглазый, непринужденно-серьезный, с мускулами, перекатывающимися под шелковистой рубашкой. Пако, работающий на сеньора всю свою жизнь.

– Что случилось? У тебя такой вид, будто ты только что проглотила осу. – Андреа срывала целлофан с пачки «Силк Кат».

– Нет, – сказала Марли и поежилась. – Но мне пришло в голову, что это едва не произошло...

И по дороге домой – несмотря на болтовню Андреа, несмотря на исходившее от нее тепло – витрины одна за другой стали превращаться в шкатулки – конструкции, похожие на работы Джозефа Корнелла или этого таинственного мастера, которого разыскивал Вирек... Книги, меха, итальянская одежда располагались в них так, что наводили на мысль о геометрии томления – непонятного, не имеющего даже названия.

И проснуться, опять проснуться, уткнувшись лицом в кушетку Андреа, на плечах горбом – красное стеганое одеяло. Почувствовать запах кофе, услышать, как Андреа, собираясь на работу, напевает себе под нос какой-то токийский шлягер. Серое утро, парижский дождь.

– Нет, – сказала она Пако. – Я пойду без вас. Я предпочитаю сделать это одна.

– Но это очень большие деньги. – Он указал взглядом на итальянскую сумку, стоявшую между ними на столике кафе. – Это опасно. Вы хоть понимаете, насколько это опасно?

– Но ведь никто же не знает, что они у меня, правда? Только Ален и ваши люди. И я не сказала, что обойдусь без вашей помощи, просто мне не хочется общества.

– Что-то не так? – В уголках рта морщины, вид серьезный. – Вы чем-то расстроены?

– Я только хочу сказать, что должна побыть наедине с собой. Если хотите, вы и все остальные, кто бы они ни были, вольны идти следом. Идти следом и наблюдать. Если вы меня потеряете, что лично мне представляется маловероятным, то у вас наверняка есть адрес.

– Верно, – сказал испанец. – Но то, что вы понесете несколько миллионов новых иен одна, через Париж... – Он пожал плечами.

– И если я их потеряю, да? А что, сеньор заметит потерю? Или появится еще одна сумка, еще четыре миллиона? – Встав, Марли потянулась за ремнем.

– Естественно, будет другая сумка, хотя собрать такую сумму

наличными… для этого потребуются определенные усилия. Нет, сеньор, конечно, не «заметит» потери – в том смысле, как понимаете это вы, – а вот я подвергнусь взысканию за *бессмысленную* потерю и много меньшей суммы. Вам еще предстоит узнать: очень богатые люди обладают одним общим свойством – они не сорят деньгами.

– И тем не менее я пойду без вас. Не одна, но оставьте меня наедине с моими мыслями.

– С вашей интуицией.

– Да.

Если кто-то и шел за ней следом – в чем она ни минуты не сомневалась, – то эти «кто-то», как всегда, оставались совершенно невидимыми. Если на то пошло, то это Алена, скорее, оставили без наблюдения. Без сомнения, адресом, который он дал ей сегодня утром, уже занялись – вне зависимости от того, там сам виновник или нет.

Сегодня она будто обрела новые силы. Наперекор Пако она добилась своего. Эта ее сегодняшняя строптивость до некоторой степени была вызвана внезапно возникшим вчера вечером подозрением, что Пако – со всем его юмором и мужественностью, очаровательным невежеством в искусстве – ей просто подсунули. Она вспомнила, как Вирек сказал, что ему о ее жизни известно больше, чем ей самой. Что проще всего вписать в последние пустые строчки кроссворда, являющегося Марли Крушковой? Пако Эстевеса. Совершенный незнакомец. Слишком совершенный. Она улыбнулась собственному отражению в стене голубоватого зеркала, мимо которой эскалатор увозил ее к платформам метро, испытывая удовлетворение от того, как подстрижены темные волосы, насколько стильной смотрится аскетичная титановая оправа черных очков «порше», которые она купила сегодня утром. «Хорошие губы, – подумала она, – действительно неплохой рот», – и вот ей улыбается со встречного эскалатора худой парнишка в белой рубашке и черной кожаной куртке, с огромной черной папкой под мышкой.

«Я в Париже, – подумала она. Впервые за очень долгое время одно это казалось достаточной причиной для улыбки. – Сегодня я отдам отвратительному дураку, моему бывшему любовнику, четыре миллиона новых иен, а он даст мне кое-что взамен. Имя или адрес, может быть, номер телефона.» Она купила билет первого класса: в вагоне будет поменьше народу, и можно будет убить время, гадая, кто из пассажиров состоит на службе у Вирека.

По данному Аленом адресу – на мрачной северной окраине – оказалась одна из двадцати бетонных высоток, вздымавшихся над равниной из того же материала. Жирный кус для спекулянтов недвижимостью середины прошлого века. Дождь шел теперь мерно и плотно, и она чувствовала себя как бы в сговоре с ним. Дождь придавал дню что-то заговорщицкое, оседая каплями на шикарную каучуковую сумку, в которой была фортуна, наконец улыбнувшаяся Алену. Как странно – кошмарный пейзаж, миллионы под мышкой, и каждый шаг приближает к тому, чтобы кипами новых иен облагодетельствовать бесконечно неверного бывшего любовника.

Когда она нажала на кнопку домофона с номером квартиры, никакого ответа не последовало. За затемненным стеклом – голый мрачный вестибюль. Одно из таких мест, где включаешь свет у входа, а потом лампы сами автоматически выключаются – как правило, еще до прихода лифта, – оставляя тебя ждать в усталом воздухе и запахе дезинфекции.

Она снова позвонила.

– Ален?

Ничего.

Толкнула дверь. Не заперто. В вестибюле пусто. Мертвый глаз беспризорной телекамеры смотрит на нее сквозь пленку пыли. С бетонной равнины за спиной сочится водянистый полуденный свет. Цокот каблучков по коричневой плитке, когда она шла к лифтам. Нажала кнопку «22». Послышался гулкий удар, металлический стон, и один из лифтов начал опускаться. Пластмассовые указатели над дверьми остались неосвещенными. Кабина прибыла со вздохом и высоким слабеющим воем.

– Мон шер Ален, как низко ты пал в этом мире. Этот дом – полное дерьмо, правда, правда.

Когда створки дверей, скользнув в стороны, открылись в темноту кабины, Марли нащупала под итальянской сумкой Пако клапан собственной брюссельской сумочки. Нашла плоский фонарик, который всегда носила при себе с первой своей прогулки по Парижу. На зеленой жестяной ручке фонарика выгравирована торговая марка в виде львиной головы. «Гора Чудес». В парижских лифтах можно вляпаться во что угодно, начиная от рук грабителя и кончая дымящейся кучкой свежего собачьего кала...

Слабый луч выхватывает серебристые кабели, масляные и сияющие, мягко покачивающиеся в пустой шахте. Носок правого сапога уже на несколько сантиметров вышел за стертый стальной обод плитки, на которой стоит левый. Рука автоматически с ужасом дергает луч вниз: двумя этажами ниже видна пыльная и

замусоренная крыша кабины. За те несколько секунд, пока луч нащупывал лифт, Марли успела разглядеть невероятное количество деталей. Подумала о крохотной подводной лодке, нырнувшей в морскую бездну, о хилом лучике, скользящем по вековым отложениям на дне: мягкий покров древней пушистой плесени, засохшее и серое нечто, бывшее когда-то презервативом, яркие зайчики света отскакивают от мятых кусков стальной фольги, хрупкий желтоватый цилиндр и белый поршень диабетического шприца… Она так вцепилась в дверь, что заболели суставы пальцев. Медленно, очень медленно перенесла вес назад, подальше от колодца. Еще шаг, и Марли щелчком выключила свет.

– Черт побери, – вырвалось у нее. – О Господи.

Нашла дверь на лестничную площадку. Снова включив маленький фонарик, стала взбираться наверх. Через восемь этажей отупение начало понемногу спадать, и ее затрясло, дорожки слез испортили макияж.

Снова постучать в дверь. Дверь из ДСП оклеена ламинированной пленкой – отвратительная имитация под красное дерево: литографированное зерно едва различимо в свете единственной на весь длинный коридор биофлюоресцентной полоски.

– Черт тебя побери. Ален? Ален!

Рыбий глаз дверного глазка пусто смотрит сквозь нее, глаза за ним нет. В коридоре застыл ужасающий запах: забальзамированная кухонная вонь в ловушке из синтетической обивки.

Толкнуть дверь, поворачивая ручку, дешевая медь – холодная и липкая, сумка с деньгами внезапно потяжелела, ремень врезается в плечо. Дверь легко открывается. Короткая оранжевая дорожка испещрена ломаными розовыми прямоугольниками – ясно различимый след грязи, которую десятилетиями втирали тысячи квартиросъемщиков и их гостей…

– Ален?

Запах черных французских сигарет. Почти уютный…

И найти его здесь. Лежащего, свернувшись по-детски, на кошмарном оранжевом ковре. В этом водянистом серебряном свете, сочащемся из прямоугольника окна, где на фоне бледного дождливого неба – другие безликие высотки. Спина – как знак вопроса под натянутой бутылочно-зеленой велюровой курткой. Левая рука прикрывает ухо. Белые пальцы, у основания ногтей – тонкий синеватый налет.

Опустившись на колени, Марли коснулась его шеи. Поняла.

Дождь за окном все сыпал и сыпал – навсегда. Сидеть, расставив ноги; баюкать его голову, обнимая; раскачиваться, качаться… Отупелое животное поскуливание заполняет голый прямоугольник комнаты… И через какое-то время, осознав, что что-то впивается в ладонь, увидеть аккуратный срез очень тонкой, очень жесткой проволоки из нержавеющей стали, кусок проволоки торчит из его уха, проходит между раздвинутых холодных пальцев.

Гадко, гадко, так не умирают. Это подняло ее на ноги. Гнев, пальцы как когти. Осмотреть безмолвную комнату, место, где он умер. Следов его присутствия нет, ничего. Только потрепанный «атташе». Откинув крышку, Марли обнаружила два блокнота на спирали – чистые, нетронутые страницы, – нечитанный, но очень модный роман, коробок деревянных спичек и полупустую пачку синих «галуаз». Переплетенный в кожу ежедневник исчез. Она ощупала его куртку, залезла в карманы – ежедневника не было.

«Нет, – подумала она, – ты не записал бы это туда, верно? Но ты ведь никогда не мог запомнить ни номера, ни адреса, да?» – Она снова оглядела комнату, охваченная каким-то странным спокойствием. – Тебе ведь приходилось все записывать, но ты скрытничал, не доверял моей маленькой книжице от «Браунс», да? Если у тебя было свидание с девушкой в каком-нибудь кафе, ты записывал ее телефон на спичечном коробке или на обратной стороне чека и забывал об этом, так что я находила его недели спустя, убирая твои вещи.

Марли перешла в крохотную спальню. Там стоял ярко-красный складной стул и пласт дешевого желтого темперлона, служивший кроватью. Темперлон был помечен коричневой бабочкой менструальной крови. Она приподняла пласт, но под ним ничего не было.

– Ты, наверное, был напуган, – сказала она.

Голос дрожал от ярости, которую она даже не пыталась понять. Руки были холодны, холоднее, чем у Алена. Она пробежала пальцами по красным в золотую полоску обоям в поисках какого-нибудь разошедшегося шва, отставшего края, тайника.

– Глупая несчастная сволочь. Несчастная дохлая сволочь…

Ничего. Назад, в гостиную, – и почему-то удивление, что он не пошевелился. Как будто ожидала, что он вот-вот вскочит, «привет-привет», размахивая куском бутафорской проволоки. Сняла с него туфли. Пора ставить новые каблуки. Заглянула внутрь, пощупала стельки. Ничего.

– Не делай этого со мной.

И назад в спальню. Узкий шкаф. С треском отмахнуться от

стайки дешевых пластмассовых вешалок, оттолкнуть обвисший саван упаковочного пластика из химчистки. Сдвинуть пласт грязной постели, встать на него – каблуки проваливаются в темперлон, – чтобы провести руками вдоль полки из ДСП и найти в дальнем углу плотно свернутый бумажный квадратик, прямоугольный и синий. Развернуть, заметив, как облупился лак с ногтей, на которые она потратила сегодня столько времени, и увидеть номер, записанный зеленой шариковой ручкой. Это была обертка от пустой пачки «галуаз».

В дверь постучали.

Потом голос Пако:

– Марли? Эй, Марли? Что случилось?

Она засунула бумажку за ремень джинсов и повернулась, чтобы встретить взгляд спокойных серьезных глаз.

– Это Ален, – сказала она. – Он мертв.

19
Гипербазар

В последний раз Бобби видел Лукаса перед огромным старым универмагом на Мэдисон-Авеню. Таким он его и запомнил: огромный негр в строгом черном костюме вот-вот войдет в свой длинный черный автомобиль, один черный начищенный ботинок уже стоит внутри роскошного салона Ахмеда, другой – еще на крошащемся бетоне тротуара.

Джекки стояла рядом с Бобби. Ее лицо затеняли широкие поля увешанной золотыми побрякушками федоры, шафрановый шарф завязан сзади на шее.

– Теперь за нашим юным другом будешь присматривать ты. – Лукас ткнул в нее набалдашником трости. – Он не без врагов, наш Граф.

– А у кого их нет? – спросила Джекки.

– Я сам о себе могу позаботиться, – сказал Бобби. Мысль, что Джекки считают более умелой, чем он, возмущала его; в то же время он понимал – так оно и есть.

– Ты уверен? – Лукас качнул тростью, теперь набалдашник смотрел на Бобби. – Муравейник, мой друг, – это искаженный мир. Здесь вещи редко бывают тем, чем кажутся.

Как бы в подтверждение своих слов он сделал что-то с тростью – и длинные латунные накладки на мгновение беззвучно раскрылись, встопорщились наподобие спиц зонта, только каждая спица оказалась обоюдоострым и заточенным штырем. Потом они исчезли, и широкая дверца Ахмеда, скользнув на место, закрылась с глухим бронированным стуком.

Джекки рассмеялась.

– Вот че-ерт. Лукас все еще таскает с собой эту убивающую палку. Он теперь важный адвокат, однако улица всегда оставляет свой отпечаток. Что ж, на мой взгляд, это неплохо.

– Адвокат?

Джекки только поглядела на него.

– Пустяки, золотко, ты просто пойдешь со мной, будешь делать, как я скажу, и все будет о’кей.

Ахмед влился в редкое уличное движение, и какой-то рикша бессмысленно прогудел вслед удаляющемуся латунному бамперу ручным клаксоном.

Потом, положив Бобби на плечо наманикюренные пальцы в золотых кольцах, Джекки повела его по тротуару мимо бездомных бродяг в лохмотьях, устроивших себе ночлег среди мешков для

мусора, – в медленно просыпающийся мир Гипербазара.

– Четырнадцать этажей, – сказала Джекки, а Бобби только присвистнул.

– И все такие?

Она кивнула, размешивая коричневые кристаллы колотого сахара в бежевой пене кофе-гляссе. Они сидели на витых чугунных стульях у мраморной стойки в маленькой забегаловке. Девушка одних с Бобби лет с обесцвеченными волосами, залакированными под акулий плавник, орудовала рычагами огромной древней кофеварки. Над медными баками, куполами и горелками раскинули крылья хромированные орлы. Столешница, на которой покоилась кофеварка, первоначально была чем-то другим – Бобби хорошо был виден тот конец, который сбили наискось, чтобы втиснуть мраморную плиту между двух крашенных белым железных колонок.

– Нравится, а? – Джекки присыпала бежевую пену корицей из старой тяжелой стеклянной перечницы. – Думаю, так далеко от Барритауна ты еще никогда не забирался.

Бобби кивнул. В глазах рябило от многоцветий товаров в лавках, да и самих лавок тоже. Казалось, здесь не было порядка буквально ни в чем, ни малейшего намека хоть на какую-то единую планировку. От небольшого пятачка перед забегаловкой во все стороны разбегались кривые коридоры. И единого центрального источника света, казалось, тоже не было. Красный и голубой неон чередовался с неровным белым светом шипящих газовых фонарей, а в одной лавке, которую как раз открывал бородач в кожаных штанах, похоже, вообще горели свечи – мягкий колеблющийся свет отражался от сотен полированных медных пряжек и медальонов, развешанных на красно-черной стене из старых циновок. Весь Гипербазар полнился утренним шумом, кашлял, прочищая горло. Из-за угла с жужжанием выехал синий уборочный робот «Тошиба», таща за собой побитую пластиковую тележку с зелеными полиэтиленовыми тюками мусора. К верхнему сегменту его корпуса, прямо над россыпью видеообъективов и сенсоров, кто-то приклеил огромную голову пластмассовой куклы. Голубые глаза, улыбка – черты искусственного лица напоминали знаменитую звезду симстима, но отдаленно, отдаленно – дабы не нарушать авторских прав «Сенснета». Розовая голова с платиновыми волосами, завязанными сзади в хвост ниткой бледно-голубого искусственного жемчуга, абсурдно подпрыгивая, кивнула пару раз, когда робот проползал мимо. Бобби рассмеялся.

– Здесь все о’кей, – сказал он, жестом указывая девушке за

стойкой, чтобы она снова наполнила его чашку.

– Подождешь минуту, задница, – вполне дружелюбно отозвалась девушка. Она отмеряла молотый кофе, насыпая его через погнутую стальную воронку в чашку антикварных весов. – Джекки, тебе вчера после шоу удалось поспать?

– Конечно, – ответила Джекки и отхлебнула кофе. – Я танцевала во втором выходе, а потом поспала у Джаммера. Завалилась на его тахту, понимаешь?

– Хотелось бы мне быть на твоем месте. Каждый раз, когда Генри видит, как ты танцуешь, он потом всю ночь не оставляет меня в покое... – Рассмеявшись, девушка наполнила чашку Бобби из черного пластмассового термоса.

– Ладно, – сказал Бобби, когда девушка снова занялась кофеваркой, – что теперь?

– Занятой человек? – Джекки холодно взглянула на него из-под увешанных золотом полей шляпы. – У тебя график: куда пойти, с кем встретиться, да?

– Ну нет. Блин. Я просто хочу сказать, это оно?

– Что оно?

– Это место. Мы остаемся здесь?

– На последнем этаже. Мой друг Джаммер заправляет клубом наверху. Сомнительно, что кто-то сможет отыскать тебя там, а даже если им это удастся, в клуб не так-то легко проникнуть. Четырнадцать этажей лавок, и все торгуют тем, что владельцам не хотелось бы выставлять на всеобщее обозрение, сечешь? Здесь очень чувствуют чужих, особенно тех, кто задает вопросы. И большинство здешних нам, так или иначе, друзья. В общем, тебе тут понравится. Хорошее для тебя место. Можно многому научиться, если будешь помнить, что надо держать рот на замке.

– Как я могу учиться, не задавая вопросов?

– Ну, я имела в виду – держи ушки на макушке, скорее в этом смысле. И будь повежливее. Здесь немало крутых, но если ты не будешь совать нос в чужие дела, то и тебя оставят в покое. К концу дня здесь, вероятно, появится Бовуа. Лукас поехал на Проект пересказать ему то, что вы разузнали у Финна. Вы ведь что-то у него *узнали,* да, золотко?

– Например, то, что у него на полу валяются три трупа. Финн сказал, это ниндзя. – Бобби поднял на нее взгляд. – Он какой-то странный.

– Ну, покойники обычно не входят в ассортимент его товаров. Но, в общем и целом, ты прав, он тот еще фрукт. А почему бы тебе не рассказать мне обо всем? Спокойно и последовательно, не повышая голоса. Как по-твоему, сможешь?

Бобби рассказал ей, что смог вспомнить из своего визита к

Финну. Несколько раз она его останавливала, задавала вопросы, на которые он, как правило, не знал ответа. Когда он впервые упомянул Вигана Лудгейта, Джекки задумчиво кивнула.

– Да-а, – протянула она. – Джаммер иногда поминает Вига, если его раскрутить на разговор о старых временах. Надо будет порасспросить его...

Под конец рассказа она откинулась назад, прислонившись к одной из зеленых колонн. Низко надвинутая шляпа почти скрыла лицо танцовщицы.

– Ну? – не вытерпел Бобби.

– Интересно, – сказала Джекки, но это было все.

– Мне нужна новая одежда, – заявил Бобби, когда они взобрались по неподвижному эскалатору на второй этаж.

– У тебя есть деньги?

– Блин, – ругнулся он, похлопав себя по мешковатым плиссированным джинсам в тех местах, где у обычных штанов были карманы. – Нет у меня, черт побери, никаких долбаных денег, но мне нужна одежда. Вы ведь с Лукасом и Бовуа для чего-то же меня прячете, так? Ну так вот, я устал от этой кошмарной рубахи, которую мне навязала Реа, и мне надоело ждать, что эти штаны вот-вот свалятся с моей жопы. И я здесь потому, что этот куроложец Дважды-в-День решил подставить мою шею ради того, чтобы Лукас и Бовуа смогли проверить свой траханый софт. Так что ты вполне, мать твою так, можешь купить мне какую-нибудь одежду, идет?

– Идет, – сказала она после паузы. – Вот что я тебе скажу, – Джекки указала на китаянку в блеклой джинсе, которая сворачивала листы пластика, закрывавшие стальные трубчатые стойки с висевшей одеждой. – Видишь вон там Лин? Она моя знакомая. Выбери, что захочешь, а я потом улажу это между ней и Лукасом.

Полчаса спустя он появился из занавешенной одеялом примерочной и надел яванские авиационные очки с зеркальными стеклами. Улыбнулся Джекки.

– Вот это стильно, – возвестил он.

– О да. – Она обмахнулась рукой, как будто поблизости было что-то горячее, чего нельзя коснуться. – Значит, тебе не понравилась рубашка, которую тебе одолжила Реа?

Бобби опустил глаза на выбранную им черную футболку с квадратной голограммой киберпространственной деки через всю грудь. Дека выглядела так натурально, что казалось: только положи пальцы на клавиши, и она унесет тебя в полет сквозь матрицу, над линиями решетки, проступающей из-под краев деки.

– Ага. Безвкусная дешевка.

– Верно, – отозвалась Джекки, оглядев узкие черные джинсы, тяжелые ботинки и черный кожаный ремень, украшенный двумя рядами пирамидальных хромированных заклепок. – Сдается, теперь ты куда больше похож на графа. Пойдем, Граф, у меня есть для тебя кушетка, сможешь отоспаться наверху у Джаммера.

Заложив большие пальцы в передние карманы черных «ливайсов», Бобби испробовал на Джекки плотоядную улыбку.

– Один, не беспокойся, – добавила танцовщица.

20
Рейс из Орли

Пако повернул «ситроен-дорнье» вниз, к Елисейским Полям, вдоль северного берега Сены, потом – мимо Центрального рынка. Марли утонула в ошеломляюще мягком кожаном сиденье, со стежками еще более тонкими, чем на ее брюссельском пальто, и заставила себя не думать ни о чем... полная пустота, отсутствие эмоций. «Будь глазами, – сказала она себе. – Только глазами, чувствуй свое тело, его вес равномерно вдавлен в сиденье скоростью этой кощунственно дорогой машины». Прогудев мимо Площади Невинноубиенных, где шлюхи торгуются из-за грошей с водителями грузовых ховеров, Пако без малейших усилий вписался в лабиринт узких улочек.

– Почему вы сказали «Не делай этого со мной»? – Он убрал руку с панели управления и поправил каплю передатчика в ухе.

– Зачем вы подслушивали?

— Потому что это моя работа. Я послал туда женщину с параболическим микрофоном. Она поднялась на двадцать второй этаж высотки напротив. Телефон в квартире не работал; иначе мы подключились бы к нему. Наш агент вскрыла пустую квартиру, выходящую на западный фасад здания, и нацелила свой микрофон как раз вовремя, чтобы услышать, как вы говорите: «Не делай этого со мной». Вы говорили, что были там одна?

– Да.

– Он был мертв?

– Да.

– Тогда почему вы так сказали?

– Не знаю.

– Кто, как вы почувствовали, что-то вам сделал?

– Не знаю. Наверное, Ален.

– Сделал что?

– Умер? Все усложнил? Сами мне скажите.

– Вы – сложная женщина.

– Выпустите меня.

– Я отвезу вас в квартиру вашей подруги...

– Остановите машину.

– Я отвезу вас...

– Я пойду пешком.

Длинная серебристая машина скользнула к обочине.

– Я позвоню вам в...

– Всего доброго.

– Вы уверены, что не хотите предпочесть какой-нибудь курорт? – спросил мистер Палеологос, худой и элегантный, как богомол, в своем белом льняном жакете. Волосы у него тоже были белые и зачесаны назад с необыкновенным тщанием. – Это не столь дорого и гораздо веселее. Вы очень привлекательная девушка.

– Простите? – Рывком отключаясь от созерцания пустой улицы за залитым дождем окном, спросила она. – Что вы сказали? – Его французский был неуклюжим, восторженным и со странно модулированными интонациями.

– Очень симпатичная девушка, – жеманно улыбнулся агент. – Вы не предпочли бы каникулы в кластере Мед? Общество людей вашего возраста? Вы еврейка?

– Прошу прощения?

– Еврейка? Да?

– Нет.

– Очень жаль, – сказал он. – У вас скулы определенного типа – как у элегантных молодых евреек. У меня есть чудесная путевка со скидкой. Пятнадцать дней на Иерусалимской Весне, восхитительная обстановка – и все это за ту же цену. Включая аренду скафандра, трехразовое питание и прямой шаттл от тора «Джей-Эй-Эль».

– Аренду скафандра?

– На Иерусалимской Весне еще не успели полностью нарастить атмосферу, – сказал мистер Палеологос, передвигая стопку распечаток на розовой папиросной бумаге с одного конца письменного стола на другой.

Его контора представляла собой крохотный закуток с голографическими видами Пороса и Макао вдоль стен. Марли выбрала это агентство за его очевидную безвестность и потому, что туда легко было проскользнуть, не выходя из небольшого коммерческого комплекса на ближайшей от квартиры Андреа станции метро.

– Нет, – повторила она, – меня не интересуют курорты. Я хочу поехать вот сюда, – она постучала пальцем по надписи, сделанной на мятой синей обертке от пачки «галуаз».

– Ладно, – буркнул агент, – это, конечно, возможно, но у меня нет списка предлагаемых услуг. Вы остановитесь у друзей?

– Деловая поездка, – нетерпеливо отрезала Марли. – Мне нужно улететь немедленно.

– Хорошо-хорошо, – примирительно сказал мистер Палеологос, снимая с полки позади стола дешевый маленький терминал, – не могли бы вы назвать мне код вашего кредита?

Порывшись в черной кожаной сумочке, Марли выудила толстую пачку новых иен, которую она стянула из сумки Пако, пока тот был занят осмотром квартиры. Банкноты были перетянуты ленточкой из красного прозрачного пластика.

– Я заплачу наличными.

– О Боже, – отозвался мистер Палеологос, касаясь верхней банкноты кончиком розового пальца, как будто ожидал, что вся пачка вот-вот растворится в воздухе. – Понимаю. Видите ли, не в моих правилах вести дела таким образом... Но, полагаю, что-то можно будет устроить...

– И побыстрее, – бросила она в ответ, – как можно быстрее...

Он поднял на нее глаза.

– Понимаю. – Его пальцы забегали по клавиатуре терминала. – Не могли бы вы назвать мне имя, под каким вы желаете путешествовать?

21
Время трассы

Тернер проснулся в безмолвном доме, полежал, слушая, как в кронах яблонь заросшего сада перекликаются птицы. Эту ночь он спал на сломанной кушетке, которую Руди держал на кухне. Встав, Тернер накачал воды для кофе. Запыхтели пластиковые трубы, ведущие от бака на крыше, вода полилась в чайник. Потом он поставил чайник на газовую плитку и вышел на веранду.

Восемь машин Руди, покрытые утренней росой, были припаркованы ровным рядком на гравии подъездной дорожки. Когда Тернер спустился по ступенькам, в распахнутые ворота вбежала модифицированная собака, ее черный колпак тихонько пощелкивал в утренней тишине. Собака остановилась, принюхиваясь, повела из стороны в сторону черным конусом морды и затрусила по своим делам по дорожке за угол веранды.

Тернер остановился у капота тускло-коричневого джипа «судзуки». Мотор был переделан под водородное топливо. Должно быть, Руди сам проделал всю работу. Привод на все четыре колеса, с огромных колес с покрышками для бездорожья осыпалась засохшая речная глина. Маленький, надежный, но на трассе от него немного толку...

Он прошел мимо двух покрытых пятнами ржавчины седанов «хонда», совершенно идентичных: один и тот же год, одна и та же модель. Руди, очевидно, разбирает один на запчасти для другого – значит, оба не на ходу. Тернер рассеянно хмыкнул, взглянув на безукоризненный, коричневый с бежевым лак на кузове пикапа «шевроле» модели 1949 года. Он помнил проржавевший остов, который Руди приволок домой из Арканзаса на арендованной платформе. Эта старушка бегала еще на бензине; на внутренних поверхностях ее мотора, скорее всего, так же не найдешь ни единого пятнышка, как и на натертом вручную шоколадном лаке крыльев.

Дальше под серым пластиковым брезентом стояла половинка экранолета фирмы «Дорнье», а за ней – на самодельном трейлере – похожий на осу черный гоночный мотоцикл «судзуки». Тернер задумался, вспоминая, сколько времени прошло с тех пор, как Руди в последний раз всерьез участвовав в гонках. Под еще одним брезентом возле трейлера с байком приютился старенький снегоход. А за ними – пятнистый ховер, наследие войны, почти что танк: от приземистой башни из бронированной стали пахло керосином, на котором работала турбина. Усиленная стальной

сеткой юбка воздушной подушки распласталась по гравию. Окна напоминали бойницы с толстым высокопрочным пластиком вместо стекол. К похожим на тараны бамперам были привинчены номерные знаки Огайо. Номера не просрочены.

– Понимаю, о чем ты думаешь, – сказала Салли, и, обернувшись, Тернер увидел, что она стоит у перил веранды с кружкой дымящегося кофе в руке. – Руди говорит, если эта махина не сможет через что-то перелезть, она просто пройдет это насквозь.

– Быстрая? – Прикоснувшись к бронированному боку ховера.

– Конечно, но примерно через час тебе понадобится новый кардан.

– А как насчет законов?

– Нельзя сказать, что полиции так уж нравится его вид, но есть разрешение на поездки по улицам. Насколько я знаю, нет законов, которые запрещали бы броню.

– Энджи чувствует себя лучше, – сказала Салли, когда он вошел за ней на кухню, – Правда, милая?

Дочь Митчелла подняла глаза от кухонного стола. Ее синяки, как и синяки Тернера, поблекли – пара жирных запятых, похожих на сине-черные нарисованные слезы.

– Мой друг – доктор, – сказал Тернер. – Он осмотрел тебя, пока ты была без сознания. Он говорит, с тобой все в порядке.

– Он – твой брат. И он не врач.

– Извини, Тернер, – сказала от плиты Салли. – Я довольно прямолинейна.

– Ладно, не врач, – согласился Тернер, – но он много чего умеет. Мы волновались, вдруг ребята нз «Мааса» сделали что-то с тобой, подстроили так, чтобы ты заболела, если уедешь из Аризоны...

– Например, вживили бомбу в кору головного мозга? – Энджи ковыряла ложкой холодную овсянку на щербатой тарелке с каймой из яблоневых цветов – из сервиза, который Тернер помнил слишком хорошо.

– Господи, – выдохнула Салли, – во что ты впутался, Тернер?

– Хороший вопрос. – Он подсел к столу.

Энджи, не сводя с него глаз, жевала свою овсянку.

– Энджи, – начал Тернер, – когда Руди сканировал тебя, он нашел у тебя в голове нечто странное.

Девочка перестала жевать.

– Он не знает, что это такое. Это вживили туда, возможно, еще тогда, когда ты была совсем маленькой. Ты знаешь, что я имею в виду?

Она кивнула.

– Ты знаешь, что это?
Энджи сглотнула;
– Нет.
– Но ты знаешь, кто поместил это туда?
– Да.
– Твой отец?
– Да.
– Ты знаешь, почему?
– Может, потому, что я болела?
– Чем ты болела?
– Я была недостаточно умной.

К полудню все было готово. Заправленный ховер ждал у проволочного заграждения. Руди дал Тернеру прямоугольный черный «зиплок»[7], набитый новыми иенами, – некоторые банкноты от долгого употребления были настолько потерты, что стали почти прозрачными.

– Я попытался прогнать запись через французский «лексикон», – сказал Руди, одна из собак тем временем терлась пыльным боком о его штанину. – Не сработало. Похоже, это какой-то креольский диалект. А может, африканский. Хочешь себе копию?

– Нет, – ответил Тернер, – лучше сам с ней поиграй.

– Спасибо, – сказал Руди, – но никаких копий. Я не собираюсь признаваться в том, что ты вообще был здесь, – на случай, если кто-то станет интересоваться. Что до нас с Салли, мы под вечер отправимся в Мемфис, погостим у друзей. За домом присмотрят собаки. – Он почесал животное где-то под пластиковым колпаком. – Правда, малыш? – Собака было заскулила, но потом завиляла хвостом. – Пришлось отучить их охотиться на енотов после того, как я поставил эти инфракрасные сканеры, – сказал он, – иначе в округе не осталось бы вскоре ни одного енота...

По ступеням веранды спустились Салли и девочка. Салли несла старый холщовый мешок, в который она собрала им в дорогу бутерброды и термос с кофе. Тернер вспомнил ее в постели – там, наверху, – и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Сегодня она выглядела старше, чем вчера, и гораздо более усталой. Энджи сменила залитую кровью футболку «МААС-НЕОТЕК» на бесформенный свитер, который ей подыскала Салли. В нем девочка казалась еще моложе, чем была на самом деле. Салли даже удалось вписать блекнущие синяки в довольно эксцентричный макияж вокруг глаз, который дико контрастировал с детским лицом и мешковатым свитером.

Руди протянул Тернеру ключи от ховера.

– Я заставил свой старый «Крей» сварганить мне сегодня утром выжимки из последних сводок новостей, раздел «Корпорации». Кое-что из этого тебе, вероятно, следует знать. А именно: «Маас Биолабс» объявил о смерти доктора Кристофера Митчелла в результате несчастного случая.

– Впечатляет, насколько неопределенно могут выражаться эти люди.

– И следи за тем, чтобы ремни всегда были натянуты потуже, – говорила тем временем Салли, – иначе твоя попка превратится в сплошной синяк еще до того, как вы выберетесь на кольцевую дорогу вокруг Стейтсборо.

Руди глянул на девочку, потом снова на Тернера. Тернеру видна была сетка лопнувших сосудов у брата под носом. И глаза у него были налиты кровью, и левое веко явственно подергивалось.

– Ну, думаю, вот и все, – сказал Руди. – Забавно, но я уже было решил, что никогда больше тебя не увижу. Странно как-то снова видеть тебя здесь...

– Ну, – отозвался Тернер, – вы оба сделали больше, чем я был вправе рассчитывать.

Салли отвела глаза.

– Так что спасибо. Думаю, нам пора двигаться. – Он забрался в кабину ховера, желая поскорее уехать.

Сжав напоследок запястье девочки, Салли отдала ей мешок и постояла рядом, пока та карабкалась вверх по откидным подножкам. Тернер забрался на водительское сиденье.

– Она все спрашивала о тебе, – сказал вдруг Руди. – Через какое-то время стало так плохо, что даже аналоги эндорфина не могли подавить боль, и примерно каждые два часа она спрашивала, где ты, когда ты приедешь.

– Я посылал тебе деньги, – сказал Тернер. – Достаточно, чтобы отвезти ее в Тибу. Там, в клинике, вы могли бы испробовать что-нибудь новое.

– Тиба? Господи, – фыркнул Руди, – она была старуха. Что, черт побери, хорошего было бы в том, если бы в Тибе растянули ее жизнь еще на несколько месяцев? Если больше всего на свете она хотела увидеть тебя?

– Тогда не вышло, – сказал Тернер, когда девочка села на соседнее сиденье и поставила мешок между ног на пол. – Увидимся, Руди, – кивнул он. – Спасибо, Салли.

– Прощайте, – отозвалась Салли, обнимая Руди за талию.

– О ком вы говорили? – спросила Энджи, когда опустилась крышка люка.

Вставив ключ в замок зажигания, Тернер запустил турбину, одновременно пустив воздух в воздушную подушку. Через узкое

окно на своей стороне он увидел, как Руди и Салли быстро отошли назад от ховера, а собака, присев на задние лапы, залаяла на шум турбины. Педали и ручное управление были слишком большими, они были сконструированы так, чтобы предоставить максимум свободы движений водителю в радиационном скафандре. Тернер осторожно выехал из ворот и развернулся на широкой полосе гравиевой дорожки. Энджи подтягивала пристяжные ремни.

– О матери, – сказал он.

Он завел турбину, и машина рванулась вперед.

– А я никогда не знала своей матери, – сказала девочка, и Тернер вспомнил, что ее отец мертв, а она этого еще не знает...

Он прибавил обороты, и ховер сорвался с гравиевой дорожки, едва не задев одну из собак Руди.

Относительно подвески броневичка Салли была права: от турбины шла постоянная вибрация. При девяноста километрах в час на горбатом асфальте старой трассы ховер просто вытряхивал душу. Бронированная воздушная подушка тяжело переваливалась через рытвины. Эффект скольжения, подобный гражданской спортивной модели, будет возможен лишь на совершенно ровном покрытии.

Неожиданно для себя Тернер обнаружил, что ему это нравится. Нацеливаешься, чуть осаживаешь колымагу, потом даешь газ. Кто-то подвесил над передней обзорной щелью пару выцветших на солнце розовых игральных костей, которые теперь раскачивались из стороны в сторону. За спиной – ровный вой турбины. Девочка, похоже, расслабилась, впитывая пробегающий мимо придорожный ландшафт с рассеянным, почти довольным видом, и Тернер был благодарен, что от него не требуется поддерживать разговор. «Ты крутая, – думал он, временами скашивая взгляд в ее сторону. – Пожалуй, едва ли найдется сегодня на поверхности этой планеты еще один такой же маленький объект, за которым шла бы такая же жестокая охота, И вот я увожу тебя в Муравейник в бронетачке Руди, оставшейся с прошлой войнушки, и понятия, черт побери, не имею, что мне с тобой делать... Или кто это был, кто рванул городок...»

«Давай-ка прокрутим это, – сказал он самому себе, когда они свернули вниз в долину, еще раз прокрутим произошедшее, может, что и выскочит. Митчелл вошел в контакт с „Хосакой“, сказал, что он переходит к ним. „Хосака“ наняла Конроя и набрала команду медиков, чтобы проверить Митчелла на предмет имплантантов. Конрой сколачивал группу, работая в контакте с агентом Тернера. Агент Тернера – это голос в Женеве, номер

телефона, не более. „Хосака“ заслала Эллисон, чтобы та подлечила его в Мексике, потом Конрой вытащил его оттуда. Уэббер, прямо перед тем, как все пошло наперекосяк, сказала, что это она была подсадкой Конроя на полигоне… Кто-то атаковал полигон, когда к нему подлетала девушка. Затем – сигнальные ракеты и автоматные очереди». На взгляд Тернера, это было очень похоже на «Маас»; приблизительно такого хода он и ожидал от их спецслужбы – однако с подобной ситуацией полагалось справиться наемным мускулам. Потом побелело небо… Тернер вспомнил, что Руди говорил что-то про электромагнитную пушку… Кто? И этот бардак у девочки в голове, то, что появилось у Руди на дисплеях томографа и визуализатора ядерно-магнитного резонанса. А Энджи сказала, что ее отец никогда не намеревался бежать сам.

– Нет компании, – сказала она, обращаясь к окну.

– То есть?

– У тебя ведь нет компании, да? Я хочу сказать, ты работаешь на тех, кто тебя нанимает.

– Верно.

– Ты не боишься?

– Конечно, но не из-за этого…

– А у нас всегда была компания. Мой отец сказал, что со мной будет все в порядке, что я просто перехожу под крышу другой компании…

– Он прав, с тобой все будет в порядке. Мне просто нужно выяснить, что происходит. А потом я доставлю тебя туда, куда тебе нужно.

– В Японию?

– Куда угодно.

– Ты там бывал?

– Конечно.

— Мне там понравится?

– Почему бы и нет?

Тут она снова погрузилась в молчание, а Тернер сосредоточился на дороге.

– Это заставляет меня видеть сны, – сказала девочка, когда Тернер наклонился, чтобы включить фары. Ее голос был едва слышен за ревом турбины.

– Что заставляет? – Чтобы не смотреть в ее сторону, он сделал вид, что занят слежением за дорогой.

– Та штука в моей голове. Обычно это происходит только тогда, когда я сплю.

– Да-а? – Вспомнив белки закатившихся глаз в спальне Руди,

конвульсии, наплыв сбивчивых фраз на неизвестном языке.

– А иногда наяву. Как будто я подключилась в деку, только я свободна от решетки матрицы, лечу, лечу, и я там не одна. Как-то ночью мне снился мальчик... Он потянулся, схватил что-то, и это что-то причиняло ему боль, а он не понимал, что свободен, что ему нужно только это отпустить... Так я ему об этом сказала. И вдруг на долю секунды смогла увидеть, где он. Это не было сном, я ясно увидела противную комнатку с грязным ковром, и я могла бы сказать, что ему нужно принять душ, и чувствовала, как к его ступням прилипают стельки, потому что он был без носков... Это было совсем не похоже на сон...

– Нет?

– Нет. Сны... в снах все большие, очень большие... я тоже большая, двигаюсь, плыву среди других...

Ховер, взвыв, преодолел бетонный подъезд к трассе меж штатами, Тернер выдохнул и только тут сообразил, что уже с минуту задерживает дыхание:

– Что за другие?

– Яркие. – Снова молчание. – Не люди...

– Ты много времени проводишь в киберпространстве, Энджи? Я хочу сказать, надолго подключаешься в деку?

– Нет. Только когда делаю домашние задания. Отец сказал, что мне это вредно.

– А о снах он что-нибудь говорил?

– Только то, что они становятся все реальнее. Но я никогда не рассказывала ему о тех, других...

– Хочешь поделиться? Может быть, это поможет мне сообразить, что нам теперь делать.

– Некоторые из них рассказывают мне всякое. Разные истории. Когда-то там не было ничего, ничего, что существовало бы само по себе, – были только базы данных и люди, копавшиеся в них. Потом что-то случилось, и Оно... Оно познало себя. Это уже совсем другая история – о девушке с зеркальными глазами и о мужчине, который боялся кого-нибудь любить. Что-то, что сделал этот человек, помогло Целому познать себя.... А потом Оно как будто распалось на различные части себя самого, и мне кажется, те – яркие, другие – и есть эти части. Но об этом очень сложно рассказывать, потому что сами они говорят об этом не совсем словами.

Тернер почувствовал, как по спине у него побежали мурашки. Что-то всплывало, возвращалось к нему из подводного города – досье Митчелла. Волна жгучего стыда в холле, облупившаяся грязно-кремовая краска, Кембридж, общежитие университета...

– Где ты родилась, Энджи?

– В Англии. Потом мой отец стал работать на «Маас», и мы переехали. Сначала в Женеву.

Где-то посреди Вирджинии Тернер свернул ховер на обочину из гравия, потом съехал на заросшее пастбище. Он повернул налево, за машиной потянулся клубящийся хвост пыли. Лето, все высохло. Тернер завел ховер поглубже в ельник. Турбина заглохла, машина грузно осела, выдавливая воздух из-под юбки.

– Теперь можно и поесть, – сказал он, перегнувшись на заднее сиденье за холщовым мешком Салли.

Выпутавшись из пристяжных ремней, Энджи расстегнула молнию черного свитера. Под свитером на ней было что-то белое и облегающее, квадратный вырез открыл по-детски гладкое, загорелое тело. Она взяла у него мешок и стала разворачивать приготовленные Салли бутерброды.

– А что не так с твоим братом? – спросила она, протягивая ему половину бутерброда.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, есть что-то... Салли сказала, он все время пьет. Он несчастлив?

– Не знаю, – ответил Тернер, поводя плечами и массируя шею, чтобы снять напряжение. – Я хочу сказать – несчастлив, должно быть, однако я не знаю, почему. Бывает же, что люди иногда просто подвисают.

– Ты имеешь в виду: когда у них нет компаний, которые бы о них заботились? – Она принялась за еду.

Тернер поднял на нее глаза.

– Задираешься?

Она кивнула с полным ртом. Проглотила.

– Немножко. Я знаю, что есть много людей, которые не работают на «Маас». Никогда не работали и никогда не станут. Ты – один из них, твой брат – другой. Но я спросила всерьез. Знаешь, мне понравился Руди. Но просто он кажется совсем....

– Конченым? – закончил он за нее, все еще держа бутерброд в руке. – Увязшим? А дело, думаю, в том, что некоторым людям нужно иногда сделать скачок, и если они этого не делают, то увязают по уши – навсегда... А Руди никогда и не пытался соскочить.

– Это как мой отец, когда хотел вытащить меня из «Мааса»? Это скачок?

– Нет. Соскакиваешь ты или нет, каждый решает сам за себя. Просто нужно понять, что где-то тебя ожидает нечто лучшее... – Он помедлил, внезапно почувствовав, что смешон, и укусил бутерброд.

– Так решил ты?

Он кивнул, задумавшись – а так ли это?

– Значит, ты уехал, а Руди остался.

– Он всегда был умен, даже талантлив. До сих пор такой. Наполучал целую кучу степеней – и все через сети. В двадцать лет защитил докторскую диссертацию по биотехнологиям в Тулане, потом целый ворох каких-то еще. И никогда не рассылал ни заявлений, ни автобиографий, ничего. К нам сюда являлись агенты чуть ли не со всего света, а он нес им невесть что, нарывался на ссоры... По-моему, он думал, что сможет придумывать что-то сам по себе. Вроде этих его колпаков на собаках. Сдается, у него есть парочка оригинальных патентов, но... Как бы там ни было, он остался дома. Занялся торговлей, стал собирать на заказ «железо», причем был одним из самых крутых в этом штате. Потом заболела наша мать. Она болела очень долго, а я был далеко...

– И где ты был? – Девушка открыла термос, и по кабине разнесся запах кофе.

– Так далеко, как только смог забраться, – ответил он, удивившись злости в собственном голосе.

Она передала ему пластмассовую кружку, до краев наполненную горячим черным кофе.

– А ты? Ты говорила, что никогда не знала матери?

– Не знала. Они расстались, когда я была совсем маленькой. Она отказывалась подписывать контракт, если он не согласится подключить ее к какому-то там базовому плану. Так, во всяком случае, он говорит.

– А что он за человек? – Он глотнул кофе, потом передал кружку Энджи.

Она взглянула на него поверх ободка красной пластмассовой кружки, вокруг глаз – косметика, наложенная Салли.

– Это ты мне расскажи, – бросила она. – Или лучше спроси об этом через двадцать лет. Мне семнадцать, откуда мне, черт побери, это знать?

Тернер рассмеялся.

– Начинаешь чувствовать себя немного лучше?

– Пожалуй, да. Учитывая обстоятельства.

И внезапно он осознал, что рядом с ним женщина, ощутил то, чего не замечал раньше, и его руки нервно потянулись к пульту управления.

– Хорошо. Нам предстоит еще долгий путь...

Этой ночью они спали в ховере, в Южной Пенсильвании, припарковавшись за ржавой стальной решеткой, на которой

когда-то висел экран кинотеатра для автомобилистов. Тернер расстелил парку на бронированном полу под длинным горбом турбины. Энджи допивала остатки кофе, теперь уже остывшего, сидя в квадратном отверстии люка над пассажирским сиденьем и глядя, как над полем, заросшем жухлой травой, пульсируют светлячки.

Где-то посреди сна – все еще окрашенного случайными вспышками из досье ее отца – она перекатилась к нему под бок. Теплая и мягкая грудь прижалась к его голой спине, а потом ее рука скользнула погладить плоские мускулы его живота. Тернер даже не шевельнулся, изображая глубокий сон, и вскоре отыскал себе дорогу вниз, в темный лабиринт биософта Митчелла, где диковинные образы начинали сливаться с его собственными страхами и давней болью. Он проснулся на рассвете и услышал, как она тихонько напевает себе под нос, сидя на краю люка:

Мой папаша родной
Красив как дьявол был.
В девять миль длиной
Цепь себе он раздобыл.
И на каждом звене,
Да, на каждом звене
Висело сердце той,
Кого он погубил.[8]

22
«У Джаммера»

До владений Джаммера пришлось преодолеть еще двенадцать пролетов мертвого эскалатора. Занимал клуб, как выяснилось, почти треть последнего этажа. Если не считать заведения Леона, Бобби никогда в жизни не видел ночного клуба, а потому клуб «У Джаммера» произвел на него немалое впечатление, хотя и показался жутковатым. Впечатляли размеры и то, что Бобби счел шикарной обстановкой, а жутковато было потому, что любой ночной клуб, особенно днем, чем-то неуловимо ирреален. Есть в нем что-то ведьмовское.

Заткнув большие пальцы в задние карманы новых джинсов, Бобби с любопытством оглядывался по сторонам, пока Джекки шепотом беседовала с длиннолицым белым в мятом синем комбинезоне. Обстановку клуба составляли темные банкетки с обивкой из искусственного плюша, круглые черные столики и десяток резных деревянных ширм. Потолок был выкрашен черным, каждый столик слабо освещался собственным невидимым прожектором, нацеленным откуда-то сверху, из темноты. Была здесь также сцена, сейчас ярко освещенная рабочими лампами, свисающими на желтых спиральных шнурах, а в середине сцены стояли вишнево-красные барабаны. Бобби не мог бы сказать почему, но от всего этого мороз продирал по коже; какое-то неуловимое ощущение полужизни, как будто что-то вот-вот начнет двигаться – там, в самом уголке глаз...

– Бобби, – окликнула его Джекки, – подойди познакомься с Джаммером.

Бобби пересек черную ковровую дорожку со всей холодностью, какую ему удалось изобразить, и предстал перед длиннолицым, у которого были темные редеющие волосы, а под комбинезоном оказалась белая вечерняя рубашка. Губы у мужчины были узкие, а впалые щеки зачерняла вчерашняя щетина.

– Ага, – сказал человек, – ты хочешь быть ковбоем?

Он смотрел на футболку Бобби, и у того возникло малоприятное ощущение, что его собеседник вот-вот рассмеется.

– Джаммер был жокеем, – сказала Джекки. – Самым крутым, какие только бывают. Правда, Джаммер?

– Так говорят, – отозвался Джаммер, по-прежнему глядя на Бобби. – Давно это было, Джекки. И каков же у тебя пробег, парень, сколько часов? – спросил он Бобби.

Бобби вспыхнул.

– Ну, наверное, один.

Джаммер вздернул кустистые брови.

– Что ж, надо же когда-то начинать, – улыбнулся он. Зубы у него оказались мелкими, неестественно ровными и, как подумалось Бобби, слишком многочисленными.

– Бобби, – сказала Джекки, – почему бы тебе не расспросить Джаммера о том персонаже, Виге, о котором тебе рассказывал Финн?

Джаммер поглядел на нее, потом снова на Бобби.

– Ты знаешь Финна? Для простого хотдоггера ты довольно глубоко забрался, не находишь? – Вынув из брючного кармана ингалятор, он вставил его в левую ноздрю, потянул носом воздух, потом снова убрал ингалятор в карман. – Лудгейт. Виг. Так, значит, Финн говорил о Виге? Не иначе как впал в детство.

Бобби не понял, что бы это значило, но решил, что сейчас не самое удачное время спрашивать.

– Ну, – рискнул Бобби, – этот Виг где-то высоко на орбите, и он иногда продает Финну товар...

– Это серьезно? Возможно, вы меня дурачите. Я бы сказал, что Виг или мертв, или совсем уже овощ. Он был более сумасшедшим, чем обычно бывают ковбои, знаешь, наверное, что я имею в виду? Псих долбаный. Исчез. Ничего о нем не слышал уже многие годы.

– Джаммер, – вмешалась Джекки. – Я подумала, может, Бобби рассказать тебе всю историю? Под вечер здесь появится Бовуа, и у него будет к тебе немало вопросов, так что тебе лучше знать, как обстоят дела...

Джаммер перевел взгляд на танцовщицу.

– Вот как, понимаю. Мистер Бовуа вспомнил про тот должок, да?

– Не могу говорить за него, – сказала она, – это только моя догадка. Нам нужно безопасное место, чтобы Счет мог укрыться.

– Какой счет?

– Я, – сказал Бобби. – Счет – это я.

– Великолепно, – без тени энтузиазма проговорил Джаммер, – тогда пойдем в контору, это за сценой.

Бобби не мог оторвать глаз от киберпространственной деки, которая занимала почти треть антикварного дубового стола Джаммера. Она была матово-черной, явно штучной работы, и безо всяких торговых марок. Бобби все время вытягивал шею, чтобы разглядеть ее получше, пока рассказывал Джаммеру о Дважды-в-День и о своей попытке набега, о том, как почувствовал девочку,

и о том, как взорвали материну квартиру. Это была самая крутая дека, какую он только видел. И тут он вспомнил, как Джекки говорила, что Джаммер в свое время был чертовски крутым ковбоем.

Когда Бобби закончил, Джаммер как-то обмяк, откинулся на спинку стула.

– Хочешь попробовать? – спросил он. Голос его звучал устало.

– Попробовать что?

– Деку. Мне показалось, что тебе этого хочется. Это видно по тому, как ты все елозишь задницей по стулу. Или тебе хочется ее попробовать, или очень надо поссать.

– Черт, да. То есть да, спасибо, мне бы...

– Почему бы и нет? Не вижу, как кто-то может узнать, что это ты, а не я, так? Почему бы тебе не подключиться с ним, Джекки? Вроде как для присмотра. – Открыв ящик стола, он вынул оттуда два набора тродов. – Только ничего не делай, ладно? Я хочу сказать, просто войди и прокатись. Не пытайся прогнать никакие команды. Я в долгу у Лукаса и Бовуа, и похоже, расплачиваться мне придется тем, что я помогу сохранить тебя в целости и сохранности. – Один набор тродов он протянул Джекки, другой – Бобби. Джаммер встал и, взявшись за ручки по обеим сторонам черной консоли, развернул ее передом к Бобби. – Давай. Ты из джинсов выскочишь. Этой штуке уже лет десять, а она все равно утрет нос почти всему, на чем сейчас работают. Ее собрал парень по имени Автомат-Джек, прямо с начала до конца собрал своими руками. Он был когда-то художником по «железу» у Бобби Куайна. Было дело, эта парочка сожгла Дом Голубых Огней, впрочем, это было, наверное, еще до твоего рождения.

Бобби уже надел троды и теперь выжидательно смотрел на Джекки.

– Ты когда-нибудь раньше подключался тандемом? – спросила она.

Бобби покачал головой.

– Ладно. Мы подключимся, но я буду висеть у тебя за левым плечом. Скажу «выключайся», ты выключишься. Если увидишь что-то необычное, это будет потому, что с тобой я, понял?

Он кивнул.

Расстегнув пару длинных булавок с серебряными головками спереди своей федоры, Джекки сняла шляпу и положила ее на стол рядом с декой Джаммера. Надвинув троды поверх шелкового шафранового шарфа, танцовщица пригладила контакты на лбу.

– Поехали, – сказала она.

Теперь и всегда – едино. На ускоренном прогоне – вперед. Дека Джаммера включилась в «небо» над яркими неоновыми

сердечниками баз – незнакомая ему топография данных. Хребты и пики информации, мощные крепости корпоративных баз – вот он, псевдоландшафт киберпространства.

– Сбавь скорость, Бобби; – прозвучал из пустоты рядом с ним низкий и нежный голос Джекки.

– Господи Иисусе, ну и быстрая же штуковина!

– Ага, но притормози ее. Спешка нам ни к чему. Ты же хотел прокатиться. Задержи нас здесь и замедли ход...

Он сбрасывал скорость до тех пор, пока они, казалось, не зависли и начали парить. Потом он повернул голову налево, надеясь увидеть Джекки, но там не было ничего.

– Я здесь, – успокоила его танцовщица. – Не волнуйся.

– Кто такой Куайн?

– Куайн? Какой-то ковбой, которого Джаммер знал когда-то. В былые времена он был знаком с ними со всеми.

Проверяя деку на реакцию, Бобби круто завернул на девяносто градусов вправо, гладко повернувшись вокруг своей оси на перекрестке решетки. Дека была ошеломительной, ощущение было абсолютно не похоже ни на что, что Бобби до сих пор испытывал в киберпространстве.

– Ни хрена себе! По сравнению с этой штукой «Оно-Сендаи» просто детская игрушка...

– Ну, внутри у этой деки наверняка есть микросхемы от «Сендаи». По словам Джаммера, именно их тогда обычно использовали. Подними нас чуть повыше...

Без малейшего усилия они поднялись сквозь решетку, базы под ними начали уменьшаться.

– Здесь, наверху, не так уж и много на что посмотреть, – пожаловался Бобби.

– Вот и неправда. Если достаточно долго болтаться в пустых частях, можно увидеть кое-что весьма интересное...

Ткань матрицы прямо перед ними словно начала вибрировать...

– А-а-а, Джекки...

– Остановись. Задержи ее на месте. Все в порядке. Доверься мне.

Где-то далеко-далеко его пальцы пробежались по клавиатуре непривычной конфигурации. Теперь они будто встали на невидимый якорь, в то время как целая секция киберпространства расплылась, становясь молочно-белой.

– Что...

– *Данбала ап мойте л,* – сказал у него в голове суровый голос, и во рту возник привкус крови. – Данбала оседлывает ее.

Бобби почему-то знал, что значат эти слова, но голос в его

голове был твердым, как металл. Молочная ткань раздвинулась, как будто пошла пузырями, выплюнув два колышущихся серых пятна.

– Легба, – произнесла Джекки, – Легба и Огу Ферей, бог войны. Папа Огу! Святой Жак Мажор! *Вив ля Вьей!*

Металлический смех заполнил матрицу, пилой врезался Бобби в мозг.

– *Мап кит ту миз ак ту жийон,* — сказал другой голос, какой-то холодный и переменчивый, похожий на бегущие шарики ртути. – Видишь, Папа, она пришла сюда, чтобы выбросить свое дурное счастье! – И тут этот тоже рассмеялся. А Бобби все боролся с собой, пытаясь подавить волну нахлынувшей паники, когда серебристый смех стал подниматься в нем пузырьками.

– Так у нее дурное счастье, у лошади Данбалы? – прогрохотал железный голос Огу Ферея, и на мгновение Бобби почудилось, что в сером тумане мелькнула неясная фигура. Голос оглушительно рассмеялся все тем же ужасным смехом. – И вправду! И вправду! Но она этого не знает! Она не моя лошадь, нет, иначе я вылечил бы ее удачу!

Бобби хотелось закричать, умереть – все что угодно, лишь бы избавиться от голосов, от непереносимого ветра, который вдруг задул из серых рваных дыр, от этого горячего сырого ветра с запахом чего-то, что он не мог распознать.

– И она поет хвалу Деве! Слушай меня, маленькая сестра! *Ля Вьей* действительно приближается, она уже очень близко!

– Да, – отозвался другой, – она сейчас движется по моим владениям, это говорю тебе я, тот, кто правит торными и неторными путями.

– Но я, Огу Ферей, говорю тебе, что и враги твои тоже близки! К воротам, сестра, и остерегайся!

И тут серые пятна поблекли, съежились...

– Отключи нас, – голос Джекки был сдавленным и отстраненным. А потом она сказала: – Лукас мертв.

Вынув из ящика стола бутылку «скотча», Джаммер аккуратно отмерил шесть сантиметров жидкости в высокий стакан.

– Ты хреново выглядишь, – сказал он Джекки, и Бобби удивился нежности в его голосе. Прошло уже минут десять с тех пор, как они отключились, но никто не проронил ни слова. Джекки выглядела подавленной и все покусывала нижнюю губу. Джаммер казался не то расстроенным, не то разозленным – Бобби ни в чем уже не был уверен.

— А почему ты сказала, что Лукас мертв? – рискнул Бобби. Ему казалось, что молчанием захламленной конторе Джаммера

застаивается, застывает – как что-то холодное и враждебное, способное задушить, если продлится еще хоть немного.

Джекки подняла на него взгляд, который, казалось, все никак не мог сфокусироваться.

– Они не пришли бы ко мне вот так, будь Лукас жив, – сказала она. – Существуют соглашения, пакты. Первым всегда вызывают Легбу, но он должен был прийти с Данбалой. Его личность зависит от лоа, с которым он являет себя. Лукас, должно быть, мертв.

Джаммер подтолкнул к ней через стол стакан виски, но Джекки помотала головой. Набор тродов все еще сидел у нее на лбу – хром и черный нейлон. Джаммер скорчил гримасу отвращения, утянул стакан назад и залпом опустошил его сам.

– И все-то ты меня грузишь. В мире было гораздо больше смысла до того, как ваши люди начали путать карты.

– Не мы привели сюда лоа, Джаммер, – отозвалась танцовщица. – Они просто были там, и они нашли нас, потому что мы их понимали!

– Ну вот, снова, – устало сказал Джаммер. – Чем бы они ни были, откуда бы они ни пришли, они просто приняли ту форму, в какой их хотела бы видеть свора сбрендивших латиносов, поспеваешь за мной? Ну откуда, скажи на милость, там могло взяться что-то, с чем нам пришлось бы общаться на каком-то сраном гаитянском из буша! Вы со своим вудуистским культом просто пришли и увидели расклад. Но все эти Лукасы и Бовуа, и иже с ними – они прежде всего деловые люди. А эти чертовы штуки знают, как заключать сделки! Просто прирожденные дельцы! – Он закрутил пробку и убрал бутылку обратно в стол. – Знаешь, дорогуша, есть вероятность, что некто, у кого – не стану спорить – до хрена силы в решетке, просто садится вам на шею. Проецирует все эти штуки... Ты же и сама знаешь, что это вполне возможно, так ведь? Так, Джекки?

– Не выйдет, – голос Джекки звучал холодно и ровно. – Но я знаю то, что я знаю, и это никак не объяснить...

Джаммер вынул из кармана черную электробритву и начал бриться.

– Конечно, – сказал он. Жужжала бритва, которой он водил по подбородку. – Я прожил в киберпространстве восемь лет, так? Так вот, я знаю, что в мое время там ничего не было... Во всяком случае, хочешь, я позвоню Лукасу, хотя бы перестанешь мучаться, жив он или мертв? У тебя есть телефон этого его «роллса»?

– Нет, – сказала Джекки, – не беспокойся. Пока не объявится Бовуа, нам всем лучше сидеть тихо. – Она встала, стянула троды и подобрала шляпу. – Я собираюсь прилечь и попытаться поспать.

Пригляди за Бобби... – Повернувншись, она пошла к двери конторы. Вид у нее был такой, будто она шла во сне, вся энергия из нее куда-то испарилась.

– Чудесно, – сказал Джаммер, проводя бритвой по верхней губе. – Хочешь выпить? – спросил он Бобби.

– Ну, – протянул Бобби, – вроде как рано...

– Может быть, для тебя, – он убрал бритву обрано в карман. Дверь за Джекки закрылась. Джаммер слегка подался вперед. – На что они похожи, малыш? Ты что-нибудь разглядел?

– Сероватые такие. Расплывчатые...

На лице Джаммера отразилось разочарование. Он снова ссутулился в кресле.

– Что ж, пожалуй, их как следует и не разглядишь, если в них не верить, – побарабанил он пальцами по подлокотнику. – Как по-твоему, они реальны?

– Ну, мне бы не хотелось ссориться с кем-нибудь из них...

Джаммер поднял на него взгляд.

– Нет? Ну ладно, может, ты умнее, чем кажешься. Я и сам не стал бы с ними связываться. Я вышел из игры до того, как они начали появляться...

– Так что же они, по-твоему, такое?

– Ага, становишься все умнее... Ну, я не знаю. Как я говорил, не уверен, что смогу проглотить байку о том, что это шайка гаитянскнх богов вуду, но кто знает? – Он прищурился. – Может статься, они – вирусные программы, сбежавшие в матрицу, там репродуцировавшиеся и очень-очень поумневшие... Одно это звучит жутковато; возможно, люди «Тьюринга» пытаются все это замять. Или, может, ИскИн нашел способ скопировать части себя в матрицу, а такое «тьюрингов» просто с ума сведет. Знавал я одного тибетца, он делал внешние модемы для жокеев – так он считал их тулпа.

Бобби сморгнул.

Тулпа – это мыслеформа, что-то вроде этого. Суеверия. По-настоящему крутые ребята могут отделить от себя нечто вроде духа, вылив негативную энергию в некую оболочку. – Он пожал плечами. – Опять бред сивой кобылы. Как и эти вудуистские божки нашей Джекки.

– Ну, на мой взгляд, Лукас и Бовуа, да и остальные – все они чертовски уверенно ведут себя так, как будто эти духи вполне реальны, а не просто какой-то там спектакль...

Джаммер кивнул.

– Вот именно. И дела у них чертовски хороши, так что в этом что-то есть. – Он опять пожал плечами, потом зевнул. – Мне тоже надо поспать. Можешь делать все, что хочешь, только держи руки

подальше от моей деки. И не пытайся выйти наружу, не то разорется добрый десяток «кричалок». В холодильнике за баром есть сок, сыр и прочая кормежка...

Теперь, когда весь клуб остался целиком в его распоряжении, Бобби все еще находил его несколько жутковатым, но достаточно интересным, чтобы стоить такой жути. Он побродил взад-вперед позади бара, касаясь рычагов пивных кранов и хромированных клювов коктейльных миксеров. Тут была машина для приготовления льда, и еще одна, выплевывающая кипяток. Он сделал себе чашку японского растворимого кофе и порылся в каталоге аудиокассет Джаммера. Он никогда не слышал ни таких названий групп, ни имен певцов. Интересно, это пожилой Джаммер предпочитает старье или все здесь новые веши, которые не просочатся в Барритаун – скорее всего, через клуб Леона – еще ближайшие две недели... Под черной с серебром универсальной кредитной консолью в конце стойки притаилась пушка, небольшой толстый автоматический пистолет с магазином, который вдвигался прямо в приклад. Пушка была прилеплена под стойкой бара куском зеленой липучки, и Бобби подумал, что трогать ее не стоит. Через некоторое время он решил, что не чувствует больше страха. Стало просто скучно и немного нервно. Захватив с собой остывающий кофе, он вышел на середину зала. Сел за один из столиков и стал делать вид, что он – Счет Ноль, или – еще лучше – Граф Ноль, лучший компьютерный артист в Муравейнике – ждет, что появятся ребята поговорить о сделке, о каком-то набеге, который надо для кого-то провернуть, а никто кроме Счета-Графа даже близко не тянет.

– Конечно, – сказал он пустому ночному клубу, глаза полуприкрыты тяжелыми веками. – Я разрежу вам этот лед... Если у вас есть деньги... – И они побледнели, когда он назвал им цену.

Помещение было звукоизолированным; звуков торговых рядов на четырнадцатом этаже не доносилось вовсе, было слышно только жужжание какого-то кондиционера и временами – бульканье кипятящего воду титана. Устав играть во всемогущего Графа Ноль, Бобби оставил чашку с кофе на столе и подошел к входу, провел рукой по потертому бархату витого каната, висевшего между полированных латунных столбиков. Осторожно, стараясь не коснуться самой стеклянной двери, он устроился на дешевом стальном стуле с заклеенным липучкой сиденьем из кожзаменителя возле окна выдачи пальто. В гардеробной горела тусклая лампочка; видны были несколько дюжин старых деревянных плечиков, свисающих со стальных стоек, на каждой вешалке висела желтая табличка с выведенным от руки

номерком. Бобби решил, что здесь иногда сидит сам Джаммер, проверяя клиентуру. Он в самом деле не понимал, с чего бы кому-то, кто в молодости восемь лет был крутейшим ковбоем, хотеть управлять ночным клубом, но, может, это такое хобби. Опять же, сколько девочек можно заполучить, управляя ночным клубом... Но потом Бобби подумал, что если ты богат, ты в любом случае их получишь. А если Джаммер восемь лет был крутым, то, решил Бобби, он должен быть богатым...

Он задумался о том, что произошло в матрице, о серых дырах и голосах. Бобби поежился. Он до сих пор не понимал, почему встреча с ними означает, что Лукас мертв. Как может быть Лукас мертв? Тут он вспомнил, что его мать мертва, и почему-то это тоже показалось не очень-то реальным. Господи. Все это действует ему на нервы. Ему захотелось оказаться снаружи, но ту сторону дверей, глазеть на лавки и покупателей, и на тех, кто там работает.

Протянув руку, он осторожно отодвинул край бархатной шторы, как раз настолько, чтобы выглянуть через старое толстое стекло. Радужная круговерть лавок и характерная пасущаяся походка покупателей. И прямо посреди этой праздничной суеты в обрамлении столов, загроможденных подержанными аналоговыми видеооптическими устройствами, логическими зондами и регуляторами тока – безрасовое, тяжелокосное лицо Леона. Глубоко посаженные мерзкие глазки останавливаются на Бобби с явно слышимым щелчком узнавания. И тут Леон сделал нечто совершенно неслыханное – во всяком случае, на памяти Бобби. Леон улыбнулся.

23
Приближение

Стюард «Джен-Эй-Эль» предложил ей на выбор несколько кассет симстима: ретроспективный просмотр Фокстона у «Тейта» в прошлом августе, отснятый в Гане приключенческий сериал («Ашанти! Ашанти!»), попурри из «Кармен» Бизе, записанное из частной ложи в Токийской опере, и полчаса сетевого ток-шоу Тэлли Ишэм «Высший свет».

– Это ваш первый полет на шаттле, мисс Овски?

Марли кивнула. Она назвала Палеологосу девичью фамилию матери, что вероятно, было глупо.

Стюард понимающе улыбнулся.

– Кассета определенно способна облегчить ощущения, связанные со взлетом. На этой неделе у нас очень популярна «Кармен». Роскошные костюмы, насколько я понимаю.

Марли покачала головой, не в настроении слушать оперу. Фокстона она терпеть не могла и предпочла бы испытать на себе всю силу ускорения, чем выдержать «Ашанти!». Пленку Ишэм она взяла по умолчанию, как наименьшее из четырех зол.

Стюард проверил ремни ее кресла, протянул ей кассету и маленькую одноразовую тиару из серого пластика, потом двинулся дальше. Марли надела пластмассовые троды, воткнула штекер в подлокотник кресла, и со вздохом вставила кассету в прорезь рядом с разъемом. Внутренность челнока «Джей-Эй-Эль» растворилась в сиянии эгейской голубизны, и на у глазах у Марли в безоблачном небе проступили заглавные буквы элегантного шрифта: «ВЫСШИЙ СВЕТ ТЭЛЛИ ИШЭМ».

Тэлли Ишэм неизменно присутствовала в симстим-индустрии, сколько Марли себя помнила. Этакая Золотая Девочка без возраста, вознесенная еще на первой волне нового масс-медиа. Теперь же Марли обнаружила, что заперта в загорелом, гибком теле Тэлли с его потрясающе комфортабельным сенсорным восприятием. Тэлли Ишэм вся будто светилась здоровьем и силой, вдыхая глубоко и свободно, ее грациозное тело – кожа, мускулы, кости, – казалось, никогда не слыхивало о напряжении. Войти в ее симстим-записи – это как погрузиться в ванну совершенного здоровья, почувствовать весну в высоких ключицах и округлость груди под шелковистым египетским хлопком простенькой белой блузки. Она стояла, облокотившись о пористую белую балюстраду над крохотной гаванью островного греческого городка. Под ней каскадом сбегали вниз по склону

холма кроны деревьев в цвету, отмытый добела камень прочерчивали узкие извилистые лесенки. В гавани заныла корабельная сирена.

– Туристы сейчас спешат вернуться на свой прогулочный теплоход, – сказала Тэлли и улыбнулась. Когда она улыбалась, Марли чувствовала гладкость белых зубов звезды, вкус свежести у нее во рту, приятно шершавый камень балюстрады под ее голыми руками. – Но один гость нашего острова останется сегодня вечером с нами, я очень давно мечтала познакомиться с этим человеком, и уверена, вы будете удивлены и обрадованы, поскольку он обычно избегает внимания прессы...

Она выпрямилась и, обернувшись, послала улыбку прямо в загорелое улыбающееся лицо Йозефа Вирека...

Марли сорвала с головы тиару. Вокруг нее рухнул на свое место в реальности белый пластик салона шаттла. На панели над головой мигали предупреждающие надписи, едва ощутимая вибрация все возрастала.

Вирек? Марли посмотрела на набор тродов.

– Ну, – сказала она вслух, – пожалуй, ты действительно человек из самого что ни на есть высшего света...

– Прощу прощения? – В ремнях своего кресла в странном движении, отдаленно напоминающем полупоклон, качнулся студент-японец. – У вас какие-то сложности со стимом?

– Нет-нет, – сказала Марли. – Извините.

Она снова надвинула тиару на лоб, и салон шаттла растворился в жужжании сенсорной статики. Скребущая мешанина ощущений внезапно уступила место спокойному изяществу Тэлли Ишэм, которая, взяв холодную твердую руку Вирека, улыбалась в его мягкие голубые глаза. В ответ сверкнула белозубая улыбка мецената.

– Счастлив оказаться здесь, Тэлли, – сказал он, и Марли позволила себе окунуться в реальность стима, принимая записанные на пленку данные с сенсорного входа Тэлли, как со своего собственного. Стимулированная модель сенсорного восприятия, или «симстим» была тем средством массовой информации, которого Марли, как правило, избегала: что-то в ее личности сопротивлялось достижению требуемой степени пассивности реципиента.

Вирек был одет в мягкую белую рубашку, парусиновые штаны, закатанные до колен, и скромные коричневые кожаные сандалии. Все еще держа его за руку, Тэлли вернулась к балюстраде.

– Я уверена, – начала она, – что нашей аудитории хотелось бы многое...

Море исчезло. До самого горизонта раскинулась холмистая равнина в лишаях черно-зеленой растительности, разорванная силуэтами неоготических шпилей церкви Святого Семейства по проекту Антонио Гауди. Край мира потерялся в стелющемся неоновом тумане, и над равниной завис гул будто затонувших колоколов…

– Сегодня ваша аудитория состоит из одного человека, – сказал Вирек и посмотрел на Тэлли сквозь свои круглые, без оправы очки. – Здравствуй, Марли.

Марли мучительно потянулась за тродами, но руки будто окаменели. Сила притяжения, шаттл поднимается со своей бетонной подушки… Она здесь в ловушке.

– Понимаю, — говорила тем временем Тэлли, с улыбкой снова облокачиваясь о балюстраду из теплого пористого камня… – Что за чудесная идея. Вашей Марли, герр Вирек, действительно очень повезло…

И тут она, Марли, осознала, что это вовсе не Тэлли Ишэм из «Сенснета», а часть конструкта Вирека, специальная программа, скомпилированная из многих лет архивного метража «Высшего света», и теперь у нее нет выбора, никакого выхода, кроме как принять это, выслушать, уделить Виреку свое внимание. Уже одно то, что он поймал ее тут, пригвоздил таким своеобразным способом, сказало ей, что ее догадка была верна: вездесущий механизм его империи – реальность, не игра воображения. Деньги Вирека, как универсальный растворитель, растворяют по его воле любые преграды…

– Мне было очень жаль узнать, – сказал меценат, – как вы расстроены. Пако говорит, что вы бежите от нас, но я предпочитаю рассматривать это как стремление художника к своей цели. Вы, как мне кажется, что-то ощутили в природе моего гештальта, и это вас напугало. Так и должно было произойти. Данная кассета была подготовлена за час до того, как ваш шаттл должен был взлететь по расписанию из Орли. Естественно, мы знаем место вашего назначения, но у меня нет намерения следовать за вами. Вы делаете свое дело, Марли. Мне остается лишь сожалеть, что мы были не в силах предотвратить смерть вашего друга Алена, но теперь нам известны личности его убийц и тех, кто их нанял…

Марли сейчас смотрела глазами Тэлли Ишэм, а те не могли оторваться от полыхающих синей энергией глаз Вирека.

– Ален был убит агентами, нанятыми «Маас Биолабс», – продолжал он, – и это «Маас» снабдил его координатами того места, куда вы в настоящее время направляетесь. «Маас» предоставил ему также и показанную вам голограмму. Мои

взаимоотношения с «Маасом» были противоречивыми, чтобы не сказать больше. Два года назад моя дочерняя компания сделала попытку перекупить корпорацию. Сумма, которая должна была быть задействована в этой операции, оказала бы воздействие на всю мировую экономику. Они отказались. Пако удалось установить, что Ален умер, потому что они узнали, что он пытается продать предоставленную ими информацию – продать третьей стороне… – Вирек нахмурился. – Крайняя неосторожность с его стороны, поскольку он пребывал в полном неведении относительно природы продукта, который предлагал… «Как это похоже на Алена», – подумала она и почувствовала прилив жалости. Мысленно увидела его в этой комнате, свернувшегося на отвратительном ковре, позвоночник выделяется под натянутой тканью зеленой куртки..

– Вам, как мне кажется, следует знать, что мои поиски шкатулочника затрагивают нечто большее, чем коллекционирование предметов искусства, Марли. – Сняв очки, он стал протирать стекла полой белой рубашки, и в рассчитанной человечности этого жеста Марли почудилось что-то кощунственное. – У меня есть причины полагать, что создатель этих артефактов в какой-то мере в состоянии предложить мне свободу, Марли. Я не очень здоровый человек. – Он снова надел очки, аккуратно заложив за уши золотые дужки. – Когда я в последний раз запрашивал визуальную информацию о резервуаре, в котором пребывает мое тело в Стокгольме, мне показали нечто, похожее на три составленных вместе грузовых трейлера, опутанных сетью трубок систем жизнеобеспечения… Если бы я смог бросить это, Марли, или, скорее, сбросить груз восставших клеток, из которых состоит мое бывшее тело… ну… – Он снова улыбнулся своей знаменитой улыбкой. – Что бы я за это не отдал?

И взгляд Тэлли-Марли скользит, пытаясь ухватить расползающие заросли темного лишайника и далекие, разбегающиеся башни собора…

– Вы потеряли сознание, – говорил стюард, пальцы его скользили по ее шее. – Такое случается, наши бортовые медицинские компьютеры говорят, что у вас великолепное здоровье. Однако мы наложили дермодиск для купирования эффектов синдрома адаптации, которому вы можете подвергнуться перед посадкой.

Его рука исчезла с ее шеи.

– «Европа после дождя», – сказала Марли. – Макс Эрнст. Лишайник…

Мужчина смотрел на нее сверху вниз, его настороженное лицо заученно выражало профессиональное сочувствие.

– Простите? Не могли бы вы повторить?

– Прошу прощения, – сказала она. – Сон... Мы уже прибыли на терминал?

– Еще час, – услышала она в ответ.

Орбитальный терминал «Джапан Эйр Лайнс» оказался удлиненной белой полусферой в шапках мелких куполов, периметр тороида щетинился овальными раструбами стыковочных шлюзов. Экран терминала над антигравитационной сеткой Марли – хотя слово «над» временно потеряло обычный свой смысл – предлагал великолепный по своей точности эскиз-анимацию тора во вращении, в то время как несколько голосов на семи языках объявляли, что пассажиров, находящихся на борту шаттла «Джей-Эй-Эль 580», прибившего рейсом из Орли, доставят к терминалу на такси при ближайшей возможности. «Джей-Эй-Эль» приносил извинения за задержку, связанную с рутинным ремонтом в семи из двенадцати блоков...

В своей антигравитационной сетке Марли съежилась от страха, теперь ей во всем чудилась невидимая рука Вирека. «Нет, – подумала она, – должен же быть какой-то выход. Я хочу соскочить, сказала она самой себе, я хочу несколько часов свободы действий, а потом я с ним покончу... Прощайте, герр Вирек, я возвращаюсь в страну живых, куда никогда уже не вернуться бедному Алену. Алену, который умер, потому что я взялась за эту работу». Марли несколько раз сморгнула, когда подступили первые слезы, потом, широко раскрыв глаза, с детским удивлением уставилась на крохотный прозрачный шарик – это уплывала, свернувшись в сферу, ее слеза...

А «Маас», задумалась она, кто они такие? Вирек заявлял, что это они убили Алена, что Ален работал на них. Она смутно припоминала истории в прессе, что-то связанное с новейшим поколением компьютеров. Какой-то зловещий процесс, в котором бессмертные гибридные раковые клетки изрыгали хвостатые молекулы, превращавшиеся в сгустки микросхем. Тут она вспомнила, как Пако сказал, что экран его переносного телефона – продукт «Мааса»...

Внутренность тороида «Джей-Эй-Эль» была настолько невыразительной, настолько походила на любой другой аэропорт, что Марли захотелось рассмеяться. Тот же аромат духов, напряжение толпы и сильно кондиционированный воздух, тот же фоновый гул разговоров. Ноль целых восемь десятых гравитации значительно облегчили бы переноску чемоданов, но весь ее багаж

состоял из черной сумки. Теперь Марли вынула из застегнутого на молнию внутреннего кармана билет и сверила номер указанного на нем местного шаттла с колонками цифр, бегущих по ближайшему настенному экрану.

Два часа до вылета. Что бы там ни говорил Вирек, она уверена, что его машина уже задействована, кто-то просачивается в команду шаттла или в список пассажиров, подмена реальных людей двойниками подмазывается патокой денег… Кто-нибудь заболеет в последнюю минуту, произойдут какие-нибудь изменения в планах, несчастные случаи…

Закинув на плечо ремень сумки, она зашагала через зал ожидания с вогнутым полом из белой керамики, как будто действительно знала, куда идет, или у нее имеется какой-нибудь план, но понимая с каждым сделанным шагом, что не знает ничего.

Ее преследовал взгляд мягких голубых глаз.

– Будь ты проклят, – бросила она в пустоту, и мордастый русский бизнесмен в черном костюме из Гинзы фыркнул и поднял факс новостей, отгораживая от нее свой мир.

– Так я и говорю этой сучке: «Слушай, или ты убираешь со “Сладкой Джейн” эти оптоизоляторы и взломанные контейнеры, или я приклею твою задницу к переборке прокладочной пастой…»

Раздался взрыв хриплого женского смеха, и Марли подняла глаза от своего подноса с тарелочками с суси. Через два пустых стола от нее сидели три женщины. Их стол был заставлен банками пива и стопками стиролоновых подносов, измазанных коричневым соевым соусом. Одна из них громко рыгнула и сделала большой глоток из своей банки.

– И как она это восприняла, Рес?

Этот вопрос почему-то послужил толчком для еще одного, на сей раз более продолжительного взрыва хохота, и женщина, которая привлекла внимание Марли, опустила голову на руки и хохотала, пока у нее не затряслись плечи. Марли пусто глядела на это трио, раздумывая, кто же они такие. Смех утих, и первая выпрямилась, стирая с глаз слезы. Все трое были основательно пьяны, решила Марли, молоды и явно не неженки. Первая была худощавой, с резкими чертами лица, с которого над прямым тонким носом смотрели широко распахнутые серые глаза. Ее волосы совершенно невероятного оттенка серебра были подстрижены по-мальчишески коротко. На ней была просторная парусиновая жилетка или куртка без рукавов, вся покрытая оттопыривающимися карманами, заплатами и квадратиками липучки. Жилетка висела нараспашку, открывая – как было видно

с того места, где сидела Марли – маленькую округлую грудь в, как ей показалось, бюстгальтере из тонких черно-розовых кружев. Двое других были старше и тяжелее. Мускулы их голых рук четко вырисовывались в лившемся будто ниоткуда свете кафетерия терминала.

Первая пожала плечами, под огромной жилеткой поднялись острые лопатки.

– А пошла она, – сказала она.

Вторая женщина снова расхохоталась, но не так искренне, как в первый раз, и сверилась с хронометром, приклепанным к широкому кожаному напульснику.

– Мне пора, – бросила она. – Сначала в Сион, потом восемь контейнеров с водорослью для шведов.

Отъехав вместе со стулом от стола, она встала, и Марли прочла вышитую через всю спину ее черной кожаной жилетки надпись:

О.ГРЕЙДИ – ВАДЗИМА

ЭДИТ С.

МЕЖОРБИТАЛЬНЫЕ

ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

За ней встала и вторая, поддергивая пояс обвисших джинсов.

– Говорю тебе, Рес, если ты позволишь этой шалаве окоротить тебя на этих контейнерах, пострадает твоя репутация.

– Прошу прощения, – сказала Марли, борясь с дрожью в голосе.

– Ну? – Женщина в черной жилетке без улыбки смерила ее взглядом.

– Я видела надпись на вашей жилетке, «Эдит С.» Это корабль, я хочу сказать, это космический корабль?

– Космический корабль? – подняла густые брови вторая. – Ну конечно, золотко, настоящий могучий космический корабль!

– Это буксир, – буркнула женщина в черном и повернулась, чтобы уйти.

– Я хочу нанять вас, – в отчаянии проговорила Марли.

– Нанять меня? – Теперь все трое уставились на нее. Лица пусты и никаких улыбок. – Что это значит?

Марли порылась на дне черной брюссельской сумочки и

вытащила полпачки новых иен, которые ей вернул агент из бюро путешествий после того, как взял оплату за услуги.

– Я дам вам вот это...

Девушка с короткими серебряными волосами негромко присвистнула. Женщины переглянулись, та, что была в черной жилетке, пожала плечами.

– Господи, – удивилась она. – И куда же ты собралась? На Марс?

Марли снова покопалась в сумочке, извлекла плотный квадратик синей обертки от пачки «галуаз» и протянула его женщине в черной жилетке. Та, развернув, прочла орбитальные координаты, записанные там зеленой шариковой ручкой Алена.

– Ну, за такие деньги туда заскочить недолго, – сказала она, – но мы с О.Грейди двигаем сейчас по расписанию в Сион 2300-ГМТ. Работа по контракту. Как насчет тебя, Рес?

Она протянула бумажку сидящей девушке, которая прочла ее, подняла глаза на Марли и спросила:

– Когда?

– Сейчас, – ответила Марли. – Прямо сейчас.

Девушка оттолкнулась от стола, ножки стула заскребли по керамической плитке. Жилетка распахнулась, открыла то, что Марли приняла за черно-розовое кружево, – сплошную татуировку, которая полностью покрывала ее левую грудь.

– Ты на борту, сестренка, наличные на стол.

– Что значит: отдай ей деньги сейчас, – пояснила О.Грейди.

– Я не хочу, чтобы кто-то знал, куда мы направляемся, – сказала Марли.

Вся троица снова рассмеялась.

– Ты попала в нужные руки, – сказала О.Грейди, а Рес улыбнулась.

24
Тарань!

Дождь начался, когда они снова повернули на восток в сторону бахромы окраин Муравейника и выжженного пояса промышленных зон. Вода падала плотной стеной, застилая трассу, пока Тернер не отыскал рычаг включения дворников. Руди не слишком заботился о состоянии щеток, так что Тернеру пришлось сбавить скорость. Вой турбины снизился до глухого рева. Тернер прижал ховер к обочине, юбка воздушной подушки шумно заскребла по шелухе драных шин.

– Что случилось?

– Ничего не вижу. Дворники проржавели.

Он нажал на клавишу включения фар, и с обеих сторон башни ховера вырвались четыре узких луча, чтобы потеряться в плотной серой пелене. Он покачал головой.

– А почему бы нам не остановиться?

– Мы слишком близко к Муравейнику. Тут все патрулируется вертолетами. Они без труда просканируют идентификационную панель на крыше и увидят, что у нас номера Огайо и шасси странной конфигурации. А нам это совсем ни к чему.

– И что мы будем-делать?

– Держаться обочины, пока я не смогу свернуть, чтобы подыскать какое-нибудь укрытие. Если удастся...

Он выровнял ховер, развернул его на месте, фары выхватили флюоресцентные оранжевые диагонали на вертикальном щите указатель поворота на заброшенную служебную дорогу. Он направил ховер к щиту. Оттопыривающаяся юбка подпрыгнула, ударившись о массивный блок бетонного ограждения трассы.

– Может, и сойдет, – сказал Тернер, когда они скользнули мимо щита.

Ховер едва протискивался по узкому проему между блоками ограждения шоссе, ветки кустарника скреблись в узкие боковые окна, цепляясь за стальные пластины по бокам башни.

– Впереди свет. – Энджи подалась вперед в сетке пристяжных ремней, пытаясь разглядеть что-то сквозь дождь.

Приглядевшись, Тернер различил водянистое желтое свечение и пару одинаковых темных колонок. Рассмеялся.

– Это же заправка, – сказал он. – Осталась от старой системы магистралей, еще с тех времен, когда не проложили новую большую трассу. Там, похоже, кто-то живет. Жаль, что ховер не заправишь бензином...

Он осторожно свел машину вниз по склону из гравия. Когда они подъехали ближе, Тернер увидел, что желтый свет льется из двух прямоугольных окон. Ему даже показалось, что он увидел двигавшуюся в одном из них фигуру.

– Здесь не город, – сказал он. – Эти ребята, возможно, будут не слишком рады нас видеть.

Запустив руку под парку, он вытащил из нейлоновой кобуры «смит-и-вессон» и положил его между ног на сиденье. Когда до ржавеющих бензонасосов оставалось около пяти метров, он посадил ховер в широкую лужу и заглушил турбины. Дождь все так же мочился сдуваемыми ветром в сторону струнками желтой воды, но Тернер увидел, как из передней двери станции выскользнула какая-то фигура в развевающемся на ветру пончо цвета хаки. Опустив на десять сантиметров стекло, Тернер повысил голос, стараясь перекричать дождь:

– Простите за беспокойство. Нам пришлось съехать с трассы. У нас дворники дрянь. Мы не знали, что здесь кто-то есть.

В свете из окон было видно, что мужчина прячет руки под пластиковым пончо, очевидно, что-то в них сжимая.

– Частное владение, – сказал мужчина. По его худому лицу катились струйки дождя.

– Не могли оставаться на дороге, – снова крикнул Тернер. – Простите за беспокойство...

Мужчина открыл было рот, начал доставать что-то, что держал под пончо, – и вдруг его голова взорвалась. Тернеру показалось, что это случилось едва ли не раньше, чем из темноты наискось вырвалась линия красного света и коснулась затылка человека. Лучик толщиной в грифель карандаша небрежно скользнул по стене, как будто кто-то играл с фонариком. Гроздь алых цветов, прибиваемых к земле дождем, – это фигура рухнула на колени и упала лицом вниз. Из-под пончо выкатился «Сэвидж 410» с рукоятью, оплетенной проволокой.

Тернер даже не осознал, что двигается, но обнаружил, что успел запустить турбины, перебросить пульт управления Энджи и теперь выпутывается из ремней безопасности.

– По моей команде протаранишь заправку.

Он вскочил на ноги, дернул рычаг, открывающий люк на крыше, тяжелый револьвер уже зажат в руке. Рев черной «хонды» накрыл его, едва только откинулась крышка люка – над головой мелькнула какая-то снижающаяся тень, едва видимая за пеленой дождя.

– Давай!

Он нажал на курок еще до того, как Энджи успела бросить ховер вперед – на стену старой заправочной станции. Отдача с

силой вдавила его локоть в крышу броневика. Где-то над головой с удовлетворенным хлопком разорвалась пуля. Энджи поддала газу, и они врезались в деревянную постройку так быстро, что у Тернера едва хватило времени убрать голову и плечи назад в люк. Что-то в доме взорвалось, вероятно, канистра с газом, ховер занесло влево.

Когда они прошили вторую стену, Энджи снова развернула ховер.

– Куда? – крикнула она, перекрывая вой турбины.

Как будто в ответ, взметнув серебряную простынь дождя, в двадцати метрах перед ними штопором упал черный вертолет «хонда». Тернер выхватил у девочки пульт, и машина скользнула вперед. Из-под ховера полетели десятиметровые фонтаны воды. Они ударили маленький боевой вертолет прямо в лоб полиуглеродной кабины. Легированный фюзеляж от столкновения смялся как бумага. Тернер подал назад и ударил снова, на этот раз на большей скорости. Сломанный вертолет вдавился в стволы двух мокрых серых елей и остался лежать там, как какая-нибудь длиннокрылая муха.

– Что случилось? – Энджи уткнула лицо в колени. – Что случилось?

Выкинув из бардачка в двери регистрационные документы и пыльные солнечные очки, Тернер нашел фонарь, проверил батареи.

– Что случилось? – механически повторяла Энджи, будто заело пластинку. – Что случилось?

С пистолетом в одной руке и фонариком в другой Тернер снова выбрался через люк. Дождь моросил. Тернер спрыгнул на юбку ховера, перескочил через бампер вниз, где оказался по колено в воде, и похлюпал в сторону смятых черных винтов «хонды».

Резкая вонь вытекающего реактивного топлива. Полиуглеродная кабина раскололась как яичная скорлупа. Он навел «смит-и-вессон» и дважды нажал большим пальцем клавишу ксенон-проектора. Две беззвучные вспышки безжалостного света выхватили потрескавшийся пластик, за ним – кровь и покореженные тела. Тернер переждал минуту, потом зажег фонарь. Двое. Он подошел ближе, держа фонарь как можно дальше от тела – старая привычка. Никакого движения. Запах вытекающего горючего становился все сильнее. Тернер потянул на себя крышку люка. Она открылась. На обоих – очки с выпуклыми линзами оптического устройства. Круглый пустой глаз лазера смотрел прямо в ночь. Тернер потянулся, чтобы коснуться потертой цигейки на воротнике летной куртки трупа. В

белом луче фонаря кровь, покрывавшая его бороду, казалась очень темной, почти черной. Это был Оукей. Тернер перевел луч влево и увидел второго. Пилот оказался японцем. Тернер качнул фонарь назад и возле ботинка Оукея нашел черную плоскую фляжку. Поднял ее, засунул в один из карманов парки и побежал обратно к ховеру. Несмотря на дождь, по обломкам бензозаправки уже побежали язычки оранжевого пламени. Он взобрался на бампер ховера, в два шага одолел капот, потом снова вверх, и наконец через люк – в кабину.

– Что случилось? – сказала Энджи, будто он не уходил. – Что случилось?

Он упал на сиденье и, не тратя времени на ремни, запустил турбины.

– Это был вертолет «Хосаки», – сказал он, разворачивая машину. – Они, должно быть, следовали за нами. У них был лазер. Они дожидались, когда мы свернем с трассы. Не хотели оставлять для копов трупы. Когда мы заехали сюда, они уже приготовились напасть, но, судя по всему, решили, что этот несчастный придурок на нашей стороне. А может просто убирали свидетеля...

– Его голова, – голос у нее дрожал, – его голова...

– Это – лазер, – ответил Тернер, выезжая задом на служебную дорогу. Дождь почти перестал. – Пар. Мозг испаряется и взрывает череп...

Энджи перегнулась пополам, ее вырвало. Тернер вел машину одной рукой, в другой держал фляжку Оукея. Оторвав зубами притертую пробку, хлебнул виски.

Когда они достигли обочины трассы, горючее «хонды» наконец отыскало дорожку к костру на месте разрушенной бензоколонки, и неровный огненный шар вновь напомнил Тернеру городок в пустыне, вспышки осветительных ракет, побелевшее небо и реактивник, уходящий к границе Соноры.

Энджи выпрямилась, вытерла рот тыльной стороной ладони. Ее начало трясти.

– Надо убираться отсюда, – сказал Тернер, снова поворачивая на восток.

Девочка ничего не ответила, и он скосил глаза, чтобы увидеть, что она опять застыла, выпрямившись на сиденье, глаза в слабом свете приборов – совершенно белые, лицо пусто. Он видел ее такой в спальне у Руди, когда Салли позвала их взглянуть на то, что там происходит. И вот теперь тот же наплыв невесть какого языка, мягкое бормотание выплевываемых фраз, которые по звучанию вполне могли бы сойти за французский патуа. У него нет магнитофона, нет времени, ему нужно вести

машину...

– Держись, – сказал он, прибавляя скорость, – с тобой будет все в порядке...

Конечно же, она его вообще не слышит. Зубы у нее стучат, мелкая дробь слышна даже за завыванием турбины. «Нужно остановиться, – подумал он, – остановиться ровно настолько, чтобы успеть засунуть ей что-нибудь между зубов – бумажник или свернутую тряпку». Руки девочки конвульсивно дергали ремни.

– Больное дитя в доме моем.

Ховер едва не съехал с трассы, когда Тернер внезапно услышал этот голос, исходивший из гортани девочки, – глубокий, низкий, странно тягучий.

– Я слышу, как выбрасывают кости, разыгрывая ее кровавое платье. Много есть рук, что копают ей могилу сегодня, и твои среди них. Враги молятся о твоей смерти, наемный человек. Они молятся до седьмого пота. Их молитвы – река лихорадки. – И потом какой-то скрип, который мог бы быть смехом.

Тернер рискнул скосить глаза вправо и увидел, как с застывших губ девочки сочится серебряная нить. Мускулы ее лица исказила странная неведомая маска.

– Кто ты?

– Я – Владыка Дорог.

– Чего ты хочешь?

– Это дитя. Пусть она станет мне лошадью и как человек сможет жить в городах людей. Это хорошо, что ты едешь на восток. Отвези ее в свой город. Я снова оседлаю ее. А с тобой поедет Самеди, стрелок. Он – ветер, что ты держишь в своих руках, но он переменчив, этот Лорд Кладбищ, неважно, сколь верно ты служил ему...

Тернер повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как тело девочки безвольно повалилось набок, голова запрокинулась, челюсть отвисла.

25
Казуары и готики

– С вами говорит автоответчик Финна, – сказал динамик под экраном, – а самого Финна здесь нет. Хотите что-то сбросить – код доступа вам уже известен. Хотите оставить сообщение – валяйте.

Поглядев с полминуты на изображение на экране, Бобби медленно покачал головой. Большинство автоответчиков для видеотелефонов обычно бывают снабжены косметическими субпрограммами, написанными для того, чтобы привести видеопортрет владельца в большее соответствие с общепринятым каноном красоты: стирают родимые пятна и неуловимо меняют очертания лица, подгоняя их под идеализированную статистическую норму. Эффект косметической программы на гротескных чертах Финна был определенно самой странной штукой, какую Бобби когда-либо видел, – как будто кто-то прошелся по физиономии дохлого суслика целым набором цветных карандашей, да еще вкатил пару инъекций парафина, как это обычно делают в похоронной конторе.

– Это неестественно, – сказал Джаммер, прихлебывая «скотч».

Бобби кивнул.

– У Финна, – продолжал Джаммер, – боязнь пространства, агорафобия. Весь покрывается сыпью, стоит ему выйти из этой его чертовой крепости, которую он выдает за магазин. К тому же он – телефонный маньяк: не может не ответить на звонок, если он дома. Я начинаю думать, что эта сучка права. Лукас мертв, и на подходе какие-то серьезные дела...

– Сучка, – сказала из-за бара Джекки, – уже *знает.*

— Она знает, – повторил Джаммер, ставя пластиковый стакан и теребя галстук-бабочку, – она *знает.* Разговаривала с чертом в матрице, так что она знает...

– Ну, Лукас не отвечает, и Бовуа не отвечает, так что, возможно, она права. – Бобби потянулся и отключил телефон, когда сигнал записи изменил тон.

Джаммер облачился в плиссированную рубашку, белый смокинг и черные брюки с атласным рантом по штанине – Бобби решил, что это его рабочая одежда для клуба.

– Никого, – сказал он вдруг, переводя взгляд с Бобби на Джекки. – Где Богус и Шарки? Где официантки?

– Кто такие Богус и Шарки? – спросил Бобби.

– Бармены. Мне это не нравится, – Встав со стула, он подошел

к двери и осторожно отодвинул краешек шторы. – Что, черт побери, тут делают эти недоноски? Эй, Счет, это, пожалуй, но твоей части! Подойди сюда...

Бобби встал, исполненный самых дурных предчувствий – ему вовсе не хотелось рассказывать Джекки и Джаммеру, как он дал увидеть себя Леону, поскольку не хотел выглядеть вильсоном, – и подошел к владельцу клуба.

– Давай. Глянь-ка. Только так, чтобы тебя не увидели. Они так усиленно делают вид, что не наблюдают за нами, аж запах чувствуется.

Бобби подвинул штору, стараясь не раздвигать щелку больше, чем на сантиметр, и выглянул наружу. Пеструю толпу покупателей, похоже, почти полностью сменили черные гребни готиков в коже и шипах и – это его просто ошеломило – в равной пропорции со золотоволосыми казуарами. Казуары были облачены в хлопковые одежды модного на этой неделе в Синдзюку оттенка и белые мокасины с золотыми пряжками.

– Не знаю, – Бобби ошеломленно поглядел на Джаммера, – но они не должны быть вместе, казуары и готики, понимаешь? Они естественные враги, это у них вроде как в генах... Он выглянул еще раз. – Черт побери, да их тут под сотню.

Джаммер глубоко засунул руки в карманы черных брюк.

– Ты знаешь кого-нибудь из этих парней?

– Готиков, болтаю с ними иногда. Правда, их трудно отличить одного от другого. Что до казуаров, то эти просто давят все вокруг, что не они. Вот этим они в основном и занимаются. Хотя... меня только что порезали долики, а предполагается, что у доликов с готиками перемирие, так что кто знает?

Джаммер вздохнул.

– Ясно. Думаю, тебе не хочется выйти туда, чтобы спросить кого-нибудь, что они тут, по их мнению, затевают?

– Нет, – серьезно ответил Бобби. – Не хочется.

– Гм, – Джаммер поглядел на Бобби, явно что-то просчитывая. И это Бобби определенно не понравилось.

С высокого черного потолка упал какой-то маленький предмет, громко звякнув об один из круглых столов. Предмет подпрыгнул, ударился о ковер и, прокатившись с метр, остановился между новых ботинок Бобби. Бобби автоматически за ним нагнулся, поднял. Это оказался старомодный болт с крестообразной прорезью на шляпке. Резьба проржавела, на шляпке – сгусток тускло-черной масляной краски. Он поднял глаза, когда второй такой же болт ударился о стол, а потом краем глаза уловил пугающе стремительное движение Джаммера, метнувшегося через стойку бара возле универсального

кредитного модуля. Джаммер исчез, вслед за этим послышался слабый звук чего-то рвущегося – липучка, – и Бобби понял, что Джаммер уже сжимает в руке массивный пистолет, который он видел там несколько часов назад. Бобби огляделся по сторонам, но Джекки нигде не было видно.

На огнеупорную пластмассу стола хлопнулся третий болт.

Бобби в растерянности помедлил, но потом последовал примеру Джекки и, двигаясь как можно тише, убрался из виду. Пригнувшись за одной из деревянных ширм, он смотрел, как падает четвертый болт, за которым последовал изящный каскад тонкой черной пыли. Раздался скрежет, и внезапно в потолке исчез стальной квадрат, вытянутый в какую-то трубу. Бобби быстро глянул в сторону бара, как раз вовремя, чтобы увидеть, как дернулся толстый компенсатор отдачи на прикладе пушки Джаммера...

Теперь из отверстия свесилась пара худых коричневых ног, а за ними – испачканный пылью подол серого балахона.

– Стой, – крикнул Бобби. – Это Бовуа!

– А то как же, он самый, – отозвался голос сверху, густой и гулкий, усиленный эхом из трубы. – Уберите этот чертов стол у меня из-под ног.

Бобби выбрался из-за ширмы и оттащил стол и стулья в сторону.

– Лови.

Спустив в отверстие туго набитый сверток в оливковой драпировке, Бовуа дал ему упасть. Увесистый сверток едва не свалил Бобби с ног.

– А теперь уйди с дороги... – Бовуа перекинул тело в отверстие в перекрытии, повис на обеих руках, потом спрыгнул.

– Что стряслось с «кричалкой» сигнализации, которую я там поставил? – осведомился Джаммер, вставая из-за стойки, все еще с пистолетом в руках.

– Вот она, – ответил Бовуа, кидая на ковер тускло-серую плитку феноловой смолы, обмотанную тонкой черной проволокой. – Дело в том, что у меня не было другого способа пробраться сюда так, чтобы об этом не знала целая армия засранцев. Судя по всему, кто-то снабдил их чертежами всего здания, но эту трубу они пропустили.

– Как ты забрался на крышу? – спросила, выходя из-за ширмы, Джекки.

– А я и не забирался, – добродушно отозвался Бовуа, подталкивая длинным пальцем вверх к переносице большую пластмассовую оправу. – Забросил мономолекулярную нить со склада напротив, потом соскользнул вниз на керамическом

карабине… – В коротких, похожих на ворс волосах Бовуа застряла печная пыль. Он мрачно поглядел на танцовщицу. – Уже знаешь, – сказал он.

– Да. Легба и Папа Огу в матрице. Я подключилась с Бобби с деки Джаммера…

– Ахмеда взорвали на бесплатной трассе в Джерси. Похоже, его расстреляли из той же установки, с помощью которой разделались с матушкой Бобби.

– Кто?

– Еще не уверен, – сказал Бовуа, присев рядом со свертком, чтобы щелкнуть пластиковыми застежками, – но начинает проясняться… Пока я не узнал, что Лукаса прикончили, я как раз занимался тем, что гонялся за доликами, которые забрали у Бобби его деку. Скорее всего, это было чистейшей случайностью, обычный мелкий бизнес, но сейчас где-то бродит пара доликой с нашим ледорубом… Да, конечно, в этой мысли был определенный смысл, потому что среди доликов тоже есть хотдоггеры, и они иногда ведут по мелочи дела с Дважды-в-День. Так что мы с Дважды-в-День совершали обходы, пытались узнать, что возможно. Как выяснилось, глухо. За исключением того, что пока мы сидели у одного обдолбанного долика по имени Аликс – он второй зам военачальника, или как там у них это называется, – так вот, в этот момент ему позвонили. Звонил его антипод, которого Дважды-в-День приложил как барритаунского готика. Зовут Реймонд. – Не переставая говорить, Бовуа распаковывал свой мешок, выкладывая на стол оружие, инструменты, боеприпасы, мотки проводов. – Реймонду надо очень срочно поговорить, но Аликс слишком крутой, чтобы говорить в нашем присутствии. «Извините, джентльмены, но это дело строго между военачальниками», – говорит этот тупица. Так что, щелк, мы просим позволения нашим скромным персонам удалиться, расшаркиваемся, раскланиваемся, прочая дребедень, и смываемся за угол. Звоним с мобильного телефона Дважды-в-День нашим ковбоям в Муравейнике, чтобы натравить их на номер Аликса, но быстро. Эти ребята вошли в разговор Аликса с Реймондом как нож в масло. – Он вытащил из мешка двенадцатизарядный обрез, едва длиннее его локтя, выбрал толстенный барабанный магазин из выставки, какую сам же устроил на ковре, и щелчком соединил обе части. – Видели когда-нибудь такую хреновину? Южноафриканский, довоенный… – Что-то в его голосе и в том, как сжались челюсти негра, заставило вдруг Бобби осознать, что за ярость он в себе сдерживает. – Похоже, на Реймонда вышел какой-то мужик с большими деньгами, сказал, что хочет нанять всех готиков на корню, всю свору, мол, нужно поехать в

Муравейник, устроить там настоящую массовку. Этот мужик – настолько большая шишка, что он собирается нанять и казуаров тоже. Ну, тут дерьмо ударило в вентилятор, потому что Аликс – он вроде как консерватор. Хороший казуар – мертвый казуар, и то только после энного числа пыток и так далее. «По фигу, – говорит истинный дипломат Реймонд, – мы здесь говорим о больших деньгах, это *корпорация.*» — Бовуа открыл коробку с толстыми разрывными патронами из красного пластика и начал заряжать обрез, щелчком загоняя патроны в магазин. – Так вот, это, конечно, может быть, и притянуто за уши, но у меня не выходят из головы пресс-релизы «Маас Биолабс» в видеоновостях. Что-то совсем странное стряслось на какой-то из их территорий. В Аризоне. Одни говорят, ядерный взрыв, другие – мол, что-то еще. А теперь объявили, что глава их базового проекта погиб в результате, как они это назвали, несчастного случая, не связанного с данными событиями. Погиб Митчелл, парень, который, в общем-то, и изобрел биософты. До сих пор никто даже не пытался делать вид, что может собрать биочип, поэтому мы с Лукасом с самого начала предположили, что наш ледоруб – изделие «Мааса». Если, конечно, это был ледоруб... Мы понятия не имели, у кого Финн его купил или где его взяли те люди. Но если сложить все вместе, то получается, что «Маас», возможно, вышел на охоту – за всеми нами. Здесь-то они нас и прихлопнут, потому что деваться нам отсюда некуда.

– Не знаю, – подал голос Джаммер, – у нас полно друзей в этом здании...

– *Было* много друзей. – Бовуа положил обрез на пол и начал заряжать автоматическую винтовку «намбу». – Большинство лавок на этом этаже и этажом ниже сегодня выкупили. За наличные. Мешки наличных. Здесь осталось несколько горячих голов, но их явно недостаточно.

– Бессмыслица какая-то. – Забрав у Джаммера стакан, Джекки залпом выпила его «скотч». – Что у нас может быть такого, чтобы кто-то так хотел это заполучить?

– Эй, – вмешался Бобби, – не забывай, они, наверное, не знают, что долики украли у меня их ледоруб. Может быть, им нужен он.

– Нет, – сказал Бовуа, загоняя магазин в «намбу», – откуда им знать, что ты не спрятал его в квартире матери, так?

– Но, может, они были там и посмотрели...

– А откуда они знали, что Лукас не вез его в Ахмеде? – спросил Джаммер, возвращаясь к бару.

– Финн тоже думал, что ему подослали этих ниндзя, чтобы его убить, – сказал Бобби. – Говорил, у них было чем заставить

его отвечать на вопросы...

– Снова «Маас», – сказал Бовуа. – Как бы то ни было, остается еще сделка с казуарами и готиками. Мы узнали бы больше, но долик Аликс сел на своего «высокого» конька и отказался от переговоров с Реймондом. Никакого сотрудничества с ненавистным врагом. Насколько разобрал наш ковбой, армию, которая торчит там, снаружи, собрали для того, чтобы никого из вас отсюда не выпустить. И держать от вас подальше людей вроде меня. Людей с оружием и всяким таким, – он передал заряженную «намбу» Джекки. – Справишься с такой? – спросил он Бобби.

– Конечно, – солгал тот.

– Нет, – вмешался Джаммер, – у нас и без того хватает неприятностей, чтобы еще и вооружать его. Господи Иисусе...

– Меня это наводит на кое-какие мысли, – сказал Бовуа, – а именно, что следует ждать кого-то еще, кто придет по наши души. Кого-то чуть более профессионального.

– Если они только не взорвут к чертям собачьим весь Гипербазар и не уберутся отсюда, – сказал Джаммер, – забрав всех этих зомби в коже...

– Нет, – сказал Бобби, – иначе они бы это уже сделали.

Все разом уставились на него.

– Надо отдать мальчику должное, – сказала Джекки. – Он понял, что к чему.

Полчаса спустя.

Джаммер мрачно смотрел на Бовуа.

– Должен признать твое превосходство. Это самый забубенный план, о каком я слышал за очень долгое время.

– Да, Бовуа, – вмешался Бобби, – а почему бы нам просто не проползти вверх по этой шахте, выбраться на крышу и не перебраться на соседнее здание? Использовать ту нить, по которой перешел ты.

– Там, на крыше, казуаров, как мух на навозе, – сказал Бовуа. – И у некоторых могло даже хватить мозгов, чтобы найти люк, который мне пришлось оставить открытым, чтобы сюда попасть. А еще я по дороге оставил пару мелких осколочных мин. – Он плотоядно ухмыльнулся. – А кроме того, соседнее здание выше нашего. Мне пришлось подняться на его крышу и выстрелить нитью вниз. Нельзя пройти, переставляя руки по мономолекулярной нити, – пальцы отвалятся.

– Как тогда, черт побери, мы, по-твоему, отсюда выберемся? – вопросил Бобби.

– Хватит, Бобби, – тихонько сказала Джекки. – Бовуа сделал то, что должен был сделать. Теперь он здесь, и мы вооружены.

– Бобби, — предложил Бовуа, – почему бы тебе не проиграть нам план, убедиться, что мы его поняли...

У Бобби возникло неприятное чувство, что Бовуа хочет убедиться, понял ли он, Бобби, этот план, но он облокотился о стойку бара и начал:

– Мы вооружаемся до зубов и мы ждем, так? Джаммер и я выходим с его деки и обследуем матрицу, может, поймем, что происходит...

– Думаю, я сам с этим справлюсь, – вмешался Джаммер.

– Мать твою! – Бобби оттолкнулся от стойки. – Бовуа же сказал! Я хочу пойти, я хочу подключиться! Как мне иначе чему-то учиться?

– Неважно, Бобби, – прервала ею Джекки, – продолжай.

– Ладно, – хмуро сказал Бобби. – Итак, рано или поздно те ребята, которые наняли казуаров и готиков, чтобы держать нас здесь взаперти, должны прийти за нами. Когда они это сделают, мы на них нападем. Захватим хотя бы двух живыми. В то же время мы рвем наружу – готики и все прочие стрельбы не ожидают, так что мы выбираемся на улицу и двигаем на Проекты.

– Думаю, ничего вроде не забыл, – сказал Джаммер, направляясь к запертой и зашторенной двери. – Думаю, это подводит черту. – Он прижал большой палец к запору кодового замка и приоткрыл дверь. – Эй, ты! – проорал он. – Не ты! Тот, в шляпе! Давай сюда свою задницу. Надо поговорить.

Красный лучик прорезал дверь, штору, два пальца Джаммера и мигнул у бара. Взорвалась бутылка, ее содержимое выплеснулось облаком пара и эфирных масел. Джаммер выпустил дверь, которая тут же захлопнулась, и уставился на свою искалеченную руку, потом тяжело осел на ковер. Клуб медленно наполнился рождественским запахом кипяченого джина. Бовуа, достав из-за стойки серебряный сифон, заливал дымящуюся штору сельтерской, пока не иссяк патрон с углекислым газом.

– Тебе повезло, Бобби, – сказал Бовуа, отбрасывая сифон через плечо. – Потому что брат Джаммер... ему никогда больше не стучать по деке...

Джекки, опустившись на колени, тихонько кудахтала над рукой Джаммера. Бобби мельком увидел обожженное мясо и быстро отвел глаза.

26
Виг

– Знаешь, – сказала Рес, зависая вниз головой перед Марли, – строго говоря, это не мое дело, но может, тебя там кто-нибудь ждет, на месте? Я хочу сказать, я тебя, конечно, туда отвезу, а если ты не сможешь попасть внутрь, заберу на терминал «Джей-Эй-Эль». Но если никто не захочет тебя впустить, не знаю, сколько я смогу там проторчать. Эта штуковина – настоящая развалина, у нас тут странные люди, я хочу сказать, те, кто селятся на заброшенных станциях на орбите. – Рес, или Тереза, как решила Марли, глянув на затянутую в ламинированный пластик лицензию пилота, что висела на зажиме возле пульта управления «Сладкой Джейн», на время полета сняла свою парусиновую жилетку.

Марли, отупев от радуги дермов, которые Рес налепила ей вдоль запястья, чтобы снять приступы тошноты при синдроме адаптации, тупо рассматривала татуированную розу. Рисунок был выполнен в японском стиле, насчитывающем многие столетия, и Марли сонно решила, что роза ей нравится. Что, в общем, ей нравится и сама Рес, в которой было что-то и жесткое, и одновременно детское, и которая так трогательно заботилась о своей странной пассажирке. Рес повосхищалась ее кожаным пальто и сумочкой, прежде чем, свернув, затолкать их в какую-то нейлоновую сетку, уже набитую кассетами, печатными книгами и грязным бельем.

– Не знаю, – выдавила Марли. – Мне просто нужно попытаться попасть внутрь...

– А ты знаешь, что это за штука, сестренка? – Рес поправляла ремни антигравитационной сетки вокруг плеч и запястий Марли.

– Какая штука? – Марли моргнула.

– Та, куда мы летим. Это часть старых сердечников Тессье-Эшпулов. Эта жестянка содержала раньше память их корпорации...

– Я о них слышала, – сказала Марли, закрывая глаза. – Андреа мне говорила...

– Конечно, кто о них не слышал. Когда-то они владели всем Фрисайдом. Построили его, если уж на то пошло. А потом они сбрендили и все распродали. Приказали отпилить с конца веретена семейное гнездо и оттащили его на другую орбиту, но сердечники они перед уходом стерли подчистую, да еще зачем-то выжгли, а то, что осталось, продали на металлолом. Жестянщики

так за них и не взялись. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь их засквотил, но здесь, наверху, живешь где можешь… Впрочем, пожалуй, это верно для всех и для каждого. Вот, скажем, поговаривают, что Леди Джейн, дочка старого Эшпула, она еще живет в своей старой развалине, совсем выжила из ума. – Рес последний раз с ловкостью профессионала подтянула сетку. – Порядок. Просто расслабься. Я минут на двадцать поддам жару «Джейн», но нас быстро туда закинет. За что, сдается мне, ты и платишь…

И Марли скользнула назад в сложенный из шкатулок ландшафт. Повсюду – огромные деревянные конструкции Корнелла, где весомые осадки любви и памяти выставлены за исчерченными дождем листами пыльного стекла. А фигура загадочного шкатулочника все убегала от нее вдаль по улице, вымощенной мозаикой из человеческих зубов. Парижские сапоги Марли слепо стучали по символам, выведенным тусклыми золотыми коронками. Шкатулочник был мужчиной, и на нем была зеленая куртка Алена, и больше всего на свете он боялся ее, Марли. «Прости меня! – кричала она, пытаясь догнать его. – Мне очень жаль…»

* * *

– Ну, а я что говорю? Тереза Лоренс, «Сладкая Джейн». Хочешь номера? Что? Ну да, конечно, мы – пираты. Я, например, траханый капитан Хук[9] собственной персоной… Слушай, приятель, давай я дам тебе номера, сам можешь проверить… Я уже сказала. У меня пассажир. Просит разрешения войти и et, черт побери, cetera… Марли там какая-то, во сне говорит по-французски…

Веки Марли дрогнули, раскрылись. Прямо перед ней в своей сетке колыхалась Рес. На ее спине четко выделялся каждый маленький мускул.

– Эй, – сказала Рес, изворачиваясь в ремнях. – Извини. Я тебе их разбудила, но, судя по голосам, они основательно датые. Ты верующая?

– Нет, – ошарашенно ответила Марли.

Рес скорчила рожицу:

– Ну, надеюсь, тогда ты как-нибудь разберешься в этой чертовщине.

Выпутавшись из сетки, она крутанула заднее сальто и оказалась в нескольких сантиметрах от лица Марли. От головы пилота тянулась к консоли оптическая лента, и тут впервые

Марли заметила изящный небесно-голубой разъем, вживленный девушке в запястье. Рес воткнула каплю динамика в правое ухо Марли и поправила свисавшую с нее прозрачную трубку микрофона.

– Вы не имеете права тревожить нас здесь, – проговорил мужской голос. – Наш труд – на благо Господа, мы единственные, кто видел истинный лик Его!

– Алло? Алло, вы меня слышите? Меня зовут Марли Крушкова, у меня к вам неотложное дело. Или к кому-то, кто живет по этим координатам. Речь идет о серии шкатулок, коллажей. Создателю этих шкатулок, возможно, грозит страшная опасность! Я должна с ним увидеться!

– Опасность? – Голос прервался кашлем, – Господь один решает судьбу человека! Мы совершенно свободны от страха. И не считайте нас дураками...

– Прошу вас, выслушайте меня. Меня нанял Йозеф Вирек, чтобы установить, где находится создатель этих шкатулок. Но теперь я пришла, чтобы предупредить вас. Вирек знает, что вы здесь, и его агенты последуют за мной...

Рес смотрела на нее во все глаза.

– Вы должны меня впустить! Я могу рассказать вам намного больше...

– Вирек? – Последовала долгая, скрипящая статикой пауза. – Йозеф Вирек?

– Да! – крикнула Марли. – Тот самый. Вы всю свою жизнь видели его фотографию, ну ту, где он вместе с английским королем... Пожалуйста, прошу вас...

– Дай мне твоего пилота, – сказал голос, из которого исчезли и бравада, и истерия, уступив место чему-то, что понравилось Марли еще меньше.

– Это запасной, – сказала Рес, рывком снимая зеркальный шлем с красного скафандра. – Я могу это себе позволить, ты мне достаточно заплатила...

– Нет, – запротестовала Марли. – Правда, не надо... Я...

Она затрясла головой, глядя, как Рес распутывает крепления на поясе скафандра.

– Ты туда без скафандра не пойдешь, – отрезала Рес. – Ты не знаешь, что у них за атмосфера. Черт его знает, есть ли там хоть какой-то воздух! Какие угодно бактерии, споры... В чем дело? – спросила она, опуская серебристый шлем.

– У меня клаустрофобия!

– О черт... – Рес растерянно уставилась на нее. – Я о таком слышала... Это значит, что ты боишься быть внутри чего-то? – Ее лицо выражало неподдельное любопытство.

– Да, в небольшом замкнутом пространстве.

– Как «Сладкая Джейн»?

– Да, но... – Борясь с паникой, Марли оглядела захламленную кабину. – Это я еще могу перенести, но только не шлем. – Ее передернуло.

– Ладно, – решила Рес, – вот что я тебе скажу. Мы засунем тебя в скафандр, но шлем надевать не будем. Я научу тебя, как его закреплять. Идет? Иначе ты не покинешь мой корабль... – Рот ее сжался в плотную линию.

– Да, – выдавила Марли, – да...

– Делаем так, – сказала Рес. – Мы состыковались с ними шлюз в шлюз. Открывается этот люк, ты входишь, я его закрываю. Потом я открываю второй. В этот момент ты окажешься в том, что у них там сходит за атмосферу. Ты уверена, что не хочешь надеть шлем?

– Не хочу, – отозвалась Марли, с отвращением поглядев на шлем в красных рукавицах скафандра и на отражение собственного бледного лица в зеркальном лицевом щитке.

Рес прищелкнула языком:

– Что ж, это твоя жизнь. Когда захочешь вернуться, скажи им, чтобы послали на терминал «Джей-Эй-Эль» весточку для «Сладкой Джейн», мне передадут.

Марли неловко оттолкнулась от стены и поплыла к люку шлюза размером не больше поставленного стоймя гроба. Грудная пластина скафандра резко звякнула, ударившись о внешний люк, и Марли услышала, как за ней с шипением закрывается внутренний. Возле ее головы зажглась желтая лампочка, и Марли почему-то подумала о лампочках в холодильнике.

– Счастливо, Тереза.

Ничего не произошло. Она была наедине с биением собственного сердца.

Потом внешний люк «Сладкой Джейн» скользнул в сторону. Небольшого перепада давления оказалось достаточно, чтобы Марли выбросило наружу в темноту, пахнувшую чем-то старым и грустно человеческим – запах давно заброшенной комнаты. В воздухе чувствовалась какая-то густота, нечистая сырость, и, все еще падая, Марли увидела, как за ней закрывается люк «Сладкой Джейн». Мимо скользнул луч света, качнулся, прошелся по стене и наконец нашел кружащуюся на одном месте Марли.

– Свет! – рявкнул хриплый голос. – Свет для нашей гостьи! Джонс!

Это был тот самый голос, какой она слышала в капле передатчика. Звук его странно отдавался в железной бескрайности этого места, пустоты, через которую она все падала

и падала... Потом послышался резкий скрежет, и вдали вспыхнуло кольцо терпкой синевы, высветив дальний изгиб стены или обшивки из стали и литого лунного бетона. Поверхность стены была разлинована и испещрена картой тонко выбитых каналов и впадин – очевидно, прежде здесь размещалось какое-то оборудование. В одних выемках еще держались шероховатые прокладки из расширяющегося пенопласта, другие терялись в мертвой черной тени...

– Обвяжи-ка ее веревкой, Джонс, пока она не раскроила себе череп...

Что-то с влажным чмоканьем ударилось о плечо скафандра, и Марли, повернув голову, увидела, как по тонкой розовой нити к ней скользит плевок прозрачного пластика. На глазах веревка застыла, обернулась вокруг талии и рывком натянулась. Пространство заброшенного собора наполнилось натужным стоном мотора, и медленно-медленно ее стали подтягивать наверх.

– Однако подзадержались, – сказал голос. – Я все думал, кто будет первым. Так, значит, Вирек... Мамона...

Тут ее подхватили, несколько раз повернули. Марли едва не потеряла шлем, который поплыл было прочь, но кто-то сунул его ей обратно в руки. Сумочка, в которую Рес запихала пальто и ботинки, описала кривую и врезалась Марли в висок.

– Кто вы? – спросила Марли.

– Лудгейт! – прогрохотал старик. – Виган Лудгейт, как тебе прекрасно известно. Кого еще он прислал тебя сюда обманывать?

Все в шрамах и пятнах, будто от ожогов, лицо старика было чисто выбрито, но черные нестриженые волосы свободно плавали вокруг головы в приливах спертого воздуха, как морские водоросли.

– Извините, – сказала она. – Я здесь не для того, чтобы вас обманывать. Я больше не работаю на Вирека... Я пришла сюда, потому что... Я хочу сказать... для начала, я вовсе не уверена, зачем я сюда летела, но по пути я узнала, что художнику, который изготавливает шкатулки, угрожает опасность. Потому что есть что-то еще... Вирек полагает, что у этого художника есть что-то, что освободит его, Вирека, от его рака...

Марли запуталась и умолкла, слова натыкались на почти материальное безумие, исходившее от Вигана Лудгейта. Теперь она увидела, что старик облачен в потрескавшийся пластмассовый панцирь древнего рабочего скафандра. На потускневшую сталь кольца под шлем были ожерельем налеплены дешевые металлические распятия. Его лицо оказалось вдруг совсем близко, и Марли ощутила запах гнилых зубов.

– Шкатулки! – Маленькие шарики слюны сворачивались у его губ, повинуясь элегантным законам Ньютоновой физики. – Блудница! Они — из длани Господней!

– Полегче, Луд, – раздался второй голос, – ты пугаешь даму. И вы полегче, леди, потому что старый Луд... ну, у него не так уж много бывает гостей. Совсем выбивают его из колеи, видите ли, но в общем и целом – он безобидный старый хрен.

Она повернула голову, чтобы встретиться с веселым и спокойным взглядом широко распахнутых голубых глаз на довольно юном лице.

– Меня зовут Джонс, – сказал парнишка. – Я тоже тут живу...

Виган Лудгейт запрокинул голову назад и завыл. Звук дико отозвался от стен из стали и камня.

* * *

– Видите ли, – говорил Джонс, пока Марли подтягивалась вслед за ним по канату с узлами, натянутому вдоль коридора, которому, казалось, не будет конца, – он обычно довольно смирный. Слушает свои голоса, знаете ли. Разговаривает сам с собой, а может, с голосами, не знаю. А потом на него вдруг находит, и он становится вот таким, как только что...

Когда он замолкал, Марли еще могла слышать слабое эхо завываний Лудгейта.

– Вы скажете, это, мол, жестоко, ну... то, что я его так оставляю. Но на деле так лучше. Он вскоре сам от этого устанет. Проголодается. И тогда пойдет искать меня. Есть-то хочется, понимаете.

– Ты австралиец? – спросила Марли.

– Из Нью-Мельбурна, – ответил он, – или был, пока не поднялся по колодцу.

– Ты не против, если я спрошу, почему ты здесь? Я хочу сказать, здесь, в этом, этом... Что это?

Парнишка рассмеялся:

– Обычно я называю это Местом. Луд, он зовет его всякими разными именами, но в основном Царством. Считает, что нашел Бога. Правда-правда. Может, и нашел, если смотреть на это с такой точки зрения. Насколько я смог догадаться, до того, как подняться по колодцу, он был кем-то вроде компьютерного мошенника. Не знаю, как именно его сюда занесло, однако старикана здешняя жизнь устраивает... Что до меня, то я в бегах, понимаете? Кое-какие неприятности, не будем вдаваться в подробности, – пришлось уносить ноги, да подальше. Ну так вот,

я очутился здесь – а как, это уже отдельная долгая история – и нашел старого Лудгейта, который почти подыхал с голоду. У него был тут вроде какой-то бизнес, ну, продавал всякие вещички, какие находил в мусоре, и эти шкатулки, за которыми вы охотитесь. Правда, Луд для этого слишком уж сбрендил. Его покупатели появляются, ну, скажем, три раза в год, а он возьмет, да и отошлет их прочь. Так вот, я и подумал, все равно, где прятаться, что здесь, что там, а потому я стал помогать ему. Вот и все, я думаю...

– Ты не мог бы отвести меня к художнику? Он здесь? Это крайне срочно...

– Отведу, не боитесь. Но это место строилось-то не для людей. Я хочу сказать, не для того, чтобы в нем жить, так что нам предстоит путешествие, что ли... Впрочем, по мне, все это ни к чему. Не могу гарантировать, что он сделает вам шкатулку. А вы правда работаете на Вирека? На этого сказочно богатого старого пня из телевизора? Он ведь бош, да?

– Работала, – ответила Марли. – Несколько дней. А что до национальности, я бы сказала, что герр Вирек – единственный гражданин нации, состоящей из герра Вирека...

– Усек, – весело отозвался Джонс. – Все они одинаковы, это богатое старичье, хотя смотреть на них гораздо веселее, чем на какое-нибудь чертово дзайбацу... Ну разве бывает, чтобы дзайбацу порюхали, а? Возьмем старого Эшпула – мой земляк был, – который все это построил. Говорят, собственная дочь ему горло перерезала, а теперь она так же сбрендила, как старый Луд, забилась куда-то со своим фамильным замком. Место ведь было когда-то частью этого замка.

– Рес... я хочу сказать, мой пилот что-то такое говорила. И моя подруга в Париже недавно упоминала Тессье-Эшпулов... Клан – рассыпался?

– Рассыпался? О Господи! Скорее уж они убрались вниз по чертовой трубе. Сами подумайте: мы с вами ползем через то, что когда-то было сердечниками баз данных корпорации. Это железо скупил какой-то посредник из Пакистана. С обшивкой все в порядке, и в микросхемах полно золота, но его не так легко извлечь, как кое-кому хотелось бы... Этот гигантский процессор так и висел здесь с тех самых пор – один лишь Луд для компании, или наоборот – он для компании Луду. Пока не пришел я. Вот так. Думаю, однажды сюда поднимутся бригады из Пакистана и примутся резать... Однако забавно, что механизмы здесь работают; по крайней мере, иногда. Слышал я одну байку, она меня сюда и привела. Дело в том, что Тессье-Эшпулы намертво вымели сердечники, прежде чем бросить...

– Но ты думаешь, они еще исправны?

– Господи, да. Так же как и Луд, если, конечно, можно называть это исправностью. Что, по-вашему, представляет собой этот ваш шкатулочник?

– Ты что-нибудь знаешь о «Маас Биолабс»?

– «Мосс» что?

– «Маас». Они делают биочипы...

– А, эти. Ну это, пожалуй, все, что я о них знаю...

– Лудгейт о нем говорит?

– Может, и говорит. Не могу сказать, что я его внимательно слушаю. Луд много чего болтает...

27
Дышащие станции

Ховер полз по улицам, обрамленным ржавеющими складами мертвых машин, кранами мусорщиков и черными вышками плавилен. Тернер держался задворок, пробираясь в западный сектор Муравейника, и со временем завел ховер в узкий кирпичный каньон – бронированные борта, задевая за стены, высекали искры – и вогнал его прямо в стену покрытого сажей прессованного мусора. Оползень отбросов почти покрыл машину, и Тернер отпустил управление, глядя, как из стороны в сторону раскачивается пенопластовая игральная кость. Последние двенадцать кварталов стрелка индикатора горючего колебалась на нуле.

– Что там произошло? – спросила Энджи. Ее щеки в свечении приборной доски были зелеными.

– Я сбил вертолет. В общем – случайно. Нам повезло.

– Нет, я имею в виду после того. Я была... Я видела сон.

– Что тебе снилось?

– Большие штуки, они двигались...

– У тебя было что-то вроде припадка.

– Я больна? Ты думаешь, я больна? Почему компания хотела убить меня?

– Нет, я не думаю, что ты больна.

Она развязала пристежные ремни и, перебравшись через спинку сиденья, забилась под турбину, где они спали прошлой ночью.

– Мне снился дурной сон...

Ее начинала бить дрожь. Тернер выбрался из своей упряжи, чтобы подойти к девочке. Прижав ее голову к груди, он стал поглаживать ее волосы, расправил их, убрал за уши, чувствуя под рукой хрупкие кости черепа. В зеленоватом свете ее лицо казалось каким-то неведомым существом, вытащенным на берег из моря сна и брошенным у кромки прибоя. Молния черного свитера наполовину расстегнулась, и он провел пальцем по хрупкой ключице. Кожа была прохладной и влажной от пота. Энджи крепче прижалась к нему.

Закрыв глаза, он увидел свое тело на расчерченной солнцем кровати под медлительным вентилятором с лопастями из твердой коричневой древесины. Его тело дергалось, содрогалось, как ампутированный член; голова Элиссон была запрокинута назад, рот открыт, губы разошлись, обнажая зубы.

Энджи вжалась лбом в ямку у него на шее.

Потом она вдруг оцепенела и со стоном откачнулась назад.

– Наемный человек, – произнес голос.

Тернер вдруг вновь очутился на сиденье водителя, ствол «смит-и-вессона» отразил единую линию зеленого свечения приборов, в подсвеченном «глазу» прицела – левый зрачок Энджи.

– Нет, – сказал голос.

Тернер опустил пистолет.

– Ты вернулся.

– Нет. С тобой говорил Легба. Я – Самеди.

– Суббота?

– Барон Суббота, наемный человек. Однажды ты встретил меня на горном склоне. Кровь покрывала тебя росой. В тот день я вдоволь испил из чаши твоего сердца. – Тело девушки неистово содрогнулось. – Ты хорошо знаешь этот город...

– Да. – Тернер смотрел, как напрягаются и расслабляются мускулы ее лица, сплавляя черты в новую маску...

– Прекрасно. Оставь железного коня здесь, как и собирался. Но следуй станциями на север. В Нью-Йорк. Этой ночью я поведу тебя и лошадь Легбы, и ты убьешь во имя мое...

– Убью кого?

– Того, кого ты мечтаешь убить, наемный человек.

Энджи слабо застонала, ее передернуло, она начала всхлипывать.

– Все в порядке, – сказал Тернер. – Мы на полпути домой.

«Бессмысленные слова, – подумал он, когда помогал Энджи выбраться из ховера, – у них вообще нет никакого дома». Он нашел в кармане парки коробку с зарядами и заменил тот, которым расстрелял «хонду». Порывшись в багажнике, нашел там ящик с инструментами, выбрал заляпанную краской опасную бритву и срезал с подола парки укрепляющую прокладку. Из разреза тут же взметнулись миллионы микротрубок полиизоляции. Ободрав подкладку, Тернер убрал «смит-и-вессон» в кобуру и застегнул портупею, поверх нее надел парку. Та повисла вокруг него складками, как большой, не по росту, плащ, и даже не оттопыривалась в том месте, где был спрятан массивный пистолет.

– Зачем ты это сделал? – спросила Энджи, проводя по губам тыльной стороной ладони.

– Потому что на улице жарко, а мне надо спрятать пушку. – Он сунул набитый потрепанными новыми пенами «зиплок» в карман парки.

– Пойдем, – сказал он, – нам еще нужно успеть на поезд...

Сконденсировавшаяся влага мерно капала с купола

Джорджтауна, возведенного сорок лет спустя после того, как объединенные федералисты удрали за нижние границы Маклина. Вашингтон остался городом южан, всегда им был, и если ехать, меняя поезда, от станции к станции, чувствовалось, как изменяется тональность Муравейника. Деревья в Дистрикте были зелеными и пышными. Их листва глянцем затеняла дуговые фонари, когда Тернер и Анджела Митчелл пробирались разрушенными переулками к Дюпон-Сёркл и станции «трубы». В круге гремели барабаны, кто-то поджег шутиху в гигантском мраморном кубке в центре площади. Безмолвные фигуры сидели возле расстеленных на мостовой одеял, на которых раскинулся сюрреалистический ассортимент мелочной торговли: отсыревший картон конвертов черных пластиковых аудиодисков, рядом – потертые протезы на батарейках с хвостами примитивных нейроадапторов, пыльный аквариум, полный продолговатых собачьих медалей, перетянутые резинками стопки поблекших почтовых открыток, дешевые индийские троды, все еще запаянные в пластик, разношерстные наборы солонок и перечниц, клюшка для гольфа с кожаной ручкой, швейцарские армейские ножи с отсутствующими лезвиями, погнутая мусорная корзинка с литографией портрета президента, имя которого Тернер почти что вспомнил (Картер? Гросвенор?), расплывчатые голограммы Монумента...

В тени возле входа на станцию Тернер вполголоса поторговался с мальчишкой-китайцем в белых джинсах, обменяв самую меньшую из Руминых банкнот на девять алюминиевых жетонов с вычурным штампом «СОБА-Транзит».

Два жетона открыли им вход на станцию. Три – канули в автоматы ради плохого кофе и черствых пирожков. Оставшиеся четыре понесли их на север. Поезд беззвучно заскользил на своей магнитной подушке. Обняв девочку, Тернер откинулся на спинку сиденья, сделав вид, что дремлет, в действительности он смотрел на их отражения в противоположном стекле: высокий мужчина, небритый, затравленного вида, сгорбился, будто признавая поражение, рядом с ним свернулась девушка с запавшими глазами. С тех пор, как они вышли из тупика, где он бросил ховер, она не произнесла ни слова.

Во второй раз за последний час Тернер задумался: не позвонить ли агенту. Если необходимо кому-то доверять, гласило правило, доверяй своему агенту. Но Конрой сказал, что нанял Оукея и остальных через агента Тернера, и это обстоятельство вызывало у Тернера сомнения. Где сегодня ночью Конрой? Тернер, в сущности, был уверен, что именно Конрой послал за ними Оукея с лазером. Решилась бы «Хосака» расстрелять

полигон в Аризоне из электромагнитной пушки, чтобы стереть улики провалившейся попытки извлечения? И если да, то зачем приказывать Уэббер уничтожить своих же медиков, их нейрохирургический бокс и деку «Маас-Неотек»? И, опять-таки, есть еще и «Маас»... Правда ли, что «Маас» убил Митчелла? Есть ли причина считать, что Митчелл действительно мертв? «Да, – подумал он, когда рядом в своем беспокойном сне шевельнулась девушка, – есть: Энджи». Митчелл боялся, что они ее убьют. Он организовал свой переход в стан врага только ради того, чтобы вытащить дочь из городка, переправить ее в «Хосаку», не планируя собственное бегство. Или, во всяком случае, это была версия Энджи.

Тернер закрыл глаза, отключив отражение в стекле. Что-то шевельнулось – глубоко в наносах архивной памяти на Митчелла. Стыд. Он никак не мог до этого дотянуться... Внезапно Тернер открыл глаза. Что она там говорила на кухне у Руди? Что отец вложил эту штуку ей в голову, потому что она была недостаточно умной? Осторожно, чтобы не разбудить девочку, он просунул руку в боковой карман штанов и за шнурок вытянул черный нейлоновый конверт Конроя. Оторвал липучку, вытряхнул на раскрытую ладонь раздутый асимметричный биософт. Машинные сны. Вращается побережье. Слишком быстро, слишком чуждо, чтобы ухватить. Но если ищешь что-то, что-то конкретное, то должен суметь это вытащить...

Большим пальцем он выковырял заглушку из разъема и положил рядом с собой на пластик сиденья. Поезд был почти пуст, и пассажиры не обращали на него никакого внимания. Он сделал глубокий вдох, сжал зубы и вставил биософт....

Двадцать секунд спустя он это нашел. Нашел то, за чем нырнул. Чуждость на этот раз не коснулась его, и он отнес это за счет того, что отправился за одной специфической деталью, фактом, именно тем видом данных, которые, как правило, и попадают в досье на ведущего ученого: коэффициент интеллекта его дочери в динамике ежегодных тестов.

Интеллект Анджелы Митчелл был намного выше нормы. Причем с самого раннего детства.

Вытащив биософт из разъема, Тернер рассеянно покрутил его между большим и указательным пальцами. Стыд. Митчелл, и стыд, и выпускной курс... «Оценки, – подумал он. – Мне нужны оценки этого ублюдка. Мне нужна копия его аттестата».

Он снова вошел в досье.

Ничего. Он зацепил аттестат, но там ничего не было.

Нет. Еще.

Еще...

– Черт побери, – пробормотал он, увидев то, что искал.

Бритоголовый подросток с сиденья через проход бросил на него недоуменный взгляд, потом вернулся к монологу приятеля: «Они снова собираются играть в свои игры, на холме в полночь. Мы тоже едем, но только потусоваться, эти игры не для нас, просто оттянемся и посмотрим, как они будут друг друга мочить. Вот уж оборжемся, посмотрим, кто кому навешает, ведь на прошлой неделе Сьюзен сломали руку, ты там был? И клево было, там Кол хотел отвезти их в больницу, да так обдолбался, что загнал свою сраную “ямаху” через скоростное ограждение...»

Тернер воткнул биософт обратно в разъем.

На этот раз, когда все осталось позади, он не сказал вообще ничего. Только крепче обнял Энджи и улыбнулся, и тут же увидел эту улыбку в окне. Звериный оскал – как на грани.

Студенческие показатели Митчелла были хороши, исключительно хороши. Великолепны. Но кривой взлета в них не было. Взлет или его кривая – это было тем, что Тернер научился искать в досье на исследователей как некий дорожный знак, указывающий на близкий поворот: «гениальность». Он мог распознать эту кривую, как рабочий определяет сорт металла, наблюдая за сыплющимися с шлифовального колеса искрами. Так вот, у Митчелла ее не было.

Стыд. Институтское общежитие. Митчелл знал, твердо знал, что ему не пробиться. И потом – каким-то образом – ему это удалось. Как? В досье нечего и искать. Митчелл нашел какой-то способ подредактировать то, что передавал машине службы безопасности «Мааса». Иначе они бы за него уже взялись... Кто-то – или что-то – нашел Митчелла в его постэкзаменационном убожестве и начал накачивать идеями. Ключи, подсказки. И Митчелл взлетел, его кривая после этого вспыхнула жестко и совершенно, засняла и вынесла его наверх...

Кто? Что?

Тернер посмотрел в лицо спящей Энджи в подергивающемся свете «трубы».

Фауст.

Митчелл заключил сделку. Возможно, Тернеру никогда не узнать подробностей соглашения, или цену Митчелла, но он понял, что знает оборотную сторону. Чего потребовали от Митчелла взамен.

Легба, Самеди, слюна, сочащаяся из перекошенного рта девушки.

А поезд несся в старый Союз в черных порывах полуночного ветра.

– Такси, сэр?

Глаза мужчины двигались за очками с полихромной подкраской, стекла переливались как нефтяные пятна. По тыльным сторонам его ладоней расползлись плоские серебристые воспаления. Не останавливаясь, Тернер шагнул ближе и, поймав его за локоть, прижал к стене из поцарапанной белой плитки между серых стеллажей ячеек камеры хранения.

– Наличные, – сказал Тернер. – Я плачу новыми иенами. Мне нужна тачка. И никаких, понял меня, никаких проблем с водителем. Ясно? Я не лох. – Он еще крепче сжал локоть зазывалы. – Попробуй только что-нибудь выкинуть, и я вернусь, чтобы тебя прикончить, или сделаю так, что ты пожалеешь, что остался жив.

– Есть. Да-с-сэр. Усек. Это можно устроить, сэр, да-с-сэр. Куда бы вы хотели отправиться, сэр? – Изможденное лицо мужчины перекосилось от боли.

– Наемный человек. – Голос исходил от Энджи. А потом хриплым шепотом – адрес. Тернер увидел, как за радужными переливами глаза зазывалы нервно заметались из стороны в сторону.

– Это Мэдисон? – проскрипел он. – Да-с-сэр. Найду вам хорошее такси, правда, хорошее такси.

– Что там за место? – спросил Тернер водителя, наклоняясь вперед, чтобы нажать кнопку «говорите» возле стальной решетки микрофона. — По адресу, что мы вам дали?

Последовал шорох статики.

– Гипербазар. Там мало что открыто в такое время ночи. Разыскиваете что-то определенное?

– Нет, – отрезал Тернер.

Место было ему не знакомо. Он попытался вспомнить этот отрезок Мэдисон-авеню. Кажется, в основном – спальный район. Бесчисленные квартиры нарезаны в скорлупе офисных зданий, оставшихся с тех времен, когда бизнес требовал физического присутствия служащих в штаб-квартире компании. Некоторые здания были настолько высоки, что проникали за перепление куполов...

– Куда мы едем? – спросила Энджи, положив руку ему на локоть.

– Все в порядке, – ответил он. – Не волнуйся.

– Боже, – сказала она, опираясь о его плечо и глядя вверх на розовую неоновую вывеску «ГИПЕРБАЗАР», наискось пересекавшую гранитный фасад старого здания, – сколько раз я мечтала о Нью-Йорке там, на плато. У меня были графические

программы, которые могли провести по всем улицам, во все музеи и все такое. Я больше всего на свете хотела попасть сюда...

– Ну, тебе это удалось. Ты здесь.

Девушка начала всхлипывать, обняла его, спрятав лицо у него на голой груди. Ее трясло.

– Я боюсь, я так боюсь...

– Все будет хорошо, – сказал он, поглаживая ее волосы и не отрывая взгляда от главного входа.

У него не было никаких причин думать, что что-нибудь когда-нибудь будет хорошо для любого из них. Казалось, она понятия не имела, что слова, приведшие их сюда, исходили из ее уст. «Но опять же, – подумал он, – не она их произносила...» По обеим сторонам входа в Гипербазар свернулись на мешках бездомные, неряшливые кучи тряпья совершенно сливались с цветом мостовой. Тернеру на миг показалось, будто их медленно извергает из себя темный бетон, превращая в мобильные отростки города.

– К Джаммеру, – сказал у его груди приглушенный голос, и Тернер почувствовал холодок отвращения, – в клуб. Найди лошадь Данбалы.

И тут Энджи снова заплакала. Тернер взял ее за руку и повел мимо спящих нищих под потускневшую позолоту входной решетки через стеклянные двери Гипербазара. Увидел в конце прохода между палаток и лавок, закрытых ставнями, кофеварку «эспрессо» и девушку с хвостом черных волос, вытирающую прилавок.

– Кофе, – сказал он. – Еда. Идем. Тебе надо поесть.

Он улыбнулся девушке, и Энджн устроилась на табурете.

– Как насчет наличных? – спросил он. – Вы вообще принимаете наличные?

Девушка с полминуты молча смотрела на него, потом пожала плечами. Тернер вытащил из «зиплока» Руди двадцатку и показал ее девушке.

– Чего ты хочешь?

– Кофе. Чего-нибудь поесть.

– Это все, что у тебя есть? А что-нибудь помельче?

Он покачал головой:

– Извини. У меня нет сдачи.

– И не надо.

– Ты спятил?

– Нет, но я хочу кофе.

– Ну и чаевые, мистер. Я это и за неделю не зарабатываю.

– Это твое.

По лицу официантки скользнула тень гнева:

– Так ты с этими ублюдками, что наверху. Убери свои деньги. Я закрываюсь.

– Мы сами по себе, – сказал он, слегка наклоняясь через стойку, так, чтобы распахнулась парка и ей стал виден «смит-и-вессон». – Мы ищем клуб. Место, которое называется «У Джаммера».

Девушка поглядела на Энджи, потом перевела взгляд на Тернера.

– Она больная? Обдолбанная? В чем дело?

– Вот деньги, – сказал Тернер. – Дай нам кофе. Если хочешь отработать сдачу, расскажи, как найти клуб Джаммера. На мой взгляд, это стоит двадцатки. Понятно?

Она смахнула потрепанную банкноту из виду и подошла к кофеварке.

– Похоже, я ничего больше не понимаю. – Она загремела чашками и стаканами с молочной пленкой, отодвигая их в сторону. – Что такое стряслось с клубом? Ты друг Джаммера? Знаешь Джекки?

– Конечно, – ответил Тернер.

– Она появилась сегодня рано утром с каким-то маленьким вильсоном с окраины. Думаю, они пошли наверх...

– Куда?

– К Джаммеру. Тут-то все и началось.

– Да?

– Заявилась толпа шпаны из Барритауна, какие-то грязноголовые и белотуфельные, причем с таким видом, как будто им тут все принадлежит. А теперь так оно, черт побери, и есть, во всяком случае – два верхних этажа. Начали выкупать у людей их лавки. А многие с нижних этажей просто собрали вещички и свалили. Слишком жутко...

– Сколько пришло?

Из кофеварки со свистом вырвался пар.

– Может, сотня. Я до икоты сегодня перепугалась, но никак не могу связаться с боссом, к тому же мне все равно через полчаса закрываться. А моя дневная сменщица так и не объявилась, зашла, наверное, почувствовала, чем тут пахнет, и смылась... – Она поставила перед Энджи маленькую дымящуюся чашку. – С тобой все в порядке, дорогая?

Энджи кивнула.

– Как по-твоему, чего этим людям надо?

Девушка вернулась к своей кофеварке. Та снова загудела.

– Думаю, они кого-то ждут, – вполголоса сказала она и подала Тернеру его «эспрессо». – Или того, кто попытается выйти из клуба, или того, кто попытается туда войти...

Тернер посмотрел на водоворот коричневой пены на поверхности своего кофе.

– И никто не вызвал полицию?

– Полицию? Мистер, это — Гипербазар. Здесь полицию не вызывают...

Чашка Энджи разлетелась о мраморную стойку.

– Короток и прям твой путь, наемный человек, – прошептал голос. – Ты знаешь дорогу. Внутрь.

У продавщицы отвисла челюсть.

– Господи, – выдохнула она. – Да она, должно быть, здорово обдолбалась... – Девушка холодно глянула на Тернера. – Это ты дал ей такую дрянь?

– Нет, – ответил Тернер, – но она больна. Все будет в порядке.

Он допил черный горький кофе. На какое-то мгновение ему показалось, что он ощущает на себе дыхание всего Муравейника, и это дыхание было старым, больным и усталым. Все эти спуски-подъемы всех станций от Бостона до Атланты...

28
Джейлин Слайд

– Господи, – Бобби посмотрел на Джекки, – может, ты это завяжешь или еще что?

Из-за ожога Джаммера в конторе стоял запах, похожий на вонь от подгоревшей свинины, от этого у Бобби выворачивало желудок.

— Ожог не перевязывают, – отрезала она, помогая Джаммеру сесть в кресло. – У тебя есть обезболивающее? Дермы? Хоть что-нибудь?

Она начала один за другим выдвигать ящики письменного стола. Джаммер покачал головой, его длинное лицо побледнело и осунулось.

– Наверное. За баром есть аптечка...

– Принеси ее! – бросила Джекки. – Пошевеливайся!

– Чего это ты так над ним трясешься? – начал Бобби, задетый ее тоном. – Он пытался впустить сюда готиков...

– Принеси аптечку, дурак! Он просто сорвался на секунду, вот и все. Испугался. Принеси мне эту коробку, иначе она тебе самому понадобится.

Бобби рванул в клуб, где обнаружил, что Бовуа подсоединяет провода от розовых бутербродов взрывных зарядов к желтой пластмассовой коробке, похожей на пульт управления игрушечным грузовичком. «Бутерброды» были налеплены вокруг дверных петель и по обеим сторонам замка.

– А это зачем? – спросил Бобби, перелезая через стойку.

– Кто-нибудь может захотеть войти, – сказал Бовуа. – Если так, то мы им откроем.

Бобби помедлил, чтобы полюбоваться устройствами.

– А почему не наклеить их на стекло так, чтобы его просто вынесло наружу?

– Слишком очевидно, – выпрямился Бовуа. В руках он держал желтый детонатор. – Но я рад, что ты думаешь о таких вещах. Если мы попытаемся взорвать напрямую, взрывной волной хоть что-то да занесет внутрь. Так... аккуратнее.

Пожав плечами, Бобби нырнул под стойку. Там оказались проволочные полки, заваленные пластиковыми пакетами крилевых вафель, коллекция забытых зонтов, пухлая телефонная книга, синяя женская туфелька, белая пластмассовая коробка со скользким с виду красным крестом, нарисованным на крышке лаком для ногтей... Схватив коробку, Бобби выбрался из-под

стойки.

– Послушай, Джекки... – сказал он, кладя аптечку рядом с декой Джаммера.

– Забудь об этом. – Щелкнув замком, она порылась в содержимом аптечки – Джаммер, здесь больше попперов[10], чем всего остального...

Джаммер слабо улыбнулся.

– Ага, вот это подойдет. – Она развернула листок красных дермов и, сорвав с трех заглушки, налепила их в ряд по тыльной стороне сожженной руки. – Однако тебе нужна блокада.

– Я вот тут подумал, – сказал Джаммер, глядя на Бобби. – Возможно, теперь как раз тот случай, когда ты можешь заработать себе немного времени пробега...

– То есть как? – спросил Бобби, не сводя глаз с деки.

– Вполне разумно предположить, – продолжал Джаммер, – что тот, кто привел этих ублюдков, тех, что снаружи, подключился и к телефонам.

Бобби кивнул. Бовуа, объясняя им свой план, говорил то же самое.

– Ну так вот, когда мы с Бовуа порешили, что нам с тобой стоит врубиться в матрицу поглядеть, что происходит, у меня, по правде говоря, было на уме кое-что другое, – оскалился Джаммер, показав частокол белых мелких зубов. – Видишь ли, я в это влип, потому что должен Бовуа и Лукасу. Но есть люди, которые мне тоже кое-что должны, правда, дело это сильно прошлое. И эти долги у меня не было надобности взымать.

– Джаммер, – сказала Джекки, – тебе надо расслабиться. Просто посиди спокойно. Ты можешь довести себя до шока.

– Как у тебя с памятью, Бобби? Я хочу, чтобы ты прогнал последовательность кое-каких команд. Попрактикуйся на моей деке. Без тока, не подключаясь. Идет?

Бобби кивнул.

– Так вот, прогони это пару раз всухую. Код входа. Чтобы тебя впустили через черный ход.

– Чей черный ход? – Бобби развернул черную деку к себе передом и занес пальцы над клавиатурой.

– Якудза, – сказал Джаммер.

Джекки недоуменно воззрилась на владельца клуба:

– Эй, что ты...

– Именно то, что ты слышала. Это давний должок. Но, знаешь, как говорят, якудза ничего не забывают. Как плохое, так и хорошее...

До Бобби дошел сладковатый запах паленого мяса, и он поморщился.

– Как случилось, что ты не сказал это Бовуа? – Джекки убирала лекарства обратно в белую коробку.

– Со временем узнаешь, золотко, – сказал Джаммер. – Иногда приходится учиться помнить о том, что кое-что следует забыть.

– Теперь слушай, – сказал Бобби, пригвождая Джекки, как он надеялся, самым тяжелым своим взглядом, – это мой забег. Так что обойдусь без твоих лоа, ладно? Они действуют мне на нервы...

– Не она их вызывает, – сказал сидящий на корточках у двери конторы Бовуа. В одной руке у него был детонатор, в другой – африканский обрез. – Они просто приходят. Они хотят прийти, и вот они уже здесь. Что ни говори, но ты им нравишься...

Джекки надвинула на лоб тиару тродов.

– Бобби, – сказала она, – все с тобой будет хорошо. Не волнуйся, просто включись.

Она сняла шарф. Между бороздками блестящей коричневой кожи ее курчавые волосы колосились древними резисторами, вплетенными через случайные интервалы, маленькими цилиндриками коричневой феноловой смолы с цветокодированными кольцами краски.

– Когда простучшься мимо «Баскетбольной корзины», – сказал Джаммер Бобби, – нырни на три единицы вправо и прямо на дно, я хочу сказать, вниз...

– Мимо чего?

– «Баскетбольной корзины», это Сфера Сопроцветания «Солнечный Пояс», Даллас – Форт Уорт... Быстро спускай свою задницу на самое дно. Потом прогонишь, как я тебе сказал, примерно в течение двадцати единиц. Там кругом лоты подержанных машин и налоговые инспектора, но просто стой на этой матери, идет?

Бобби, ухмыляясь, кивнул.

– Если кто-то увидит, как ты проходишь мимо, ну что ж, пускай смотрят. Люди, которые врубаются в самый низ решетки, привычны ко всякому, самому странному дерьму.

– Твой ход, друг мой, – сказал Бовуа Бобби. – Мне пора возвращаться к двери...

И Бобби включился.

Бобби следовал инструкциям Джаммера, втайне испытывая благодарность за то, что чувствует присутствие Джекки, когда они врубились вниз в будничные глубины киберпространства. Над ними, уходя вдаль, уменьшалась светящаяся «Баскетбольная корзина». Дека была легкой, сверхловкой и заставляла его

чувствовать себя быстрым и сильным. Теперь он начал размышлять над вопросом, как так вышло, что якудза оказались у Джаммера в долгу и что за должок тот так и не потрудился востребовать. Мысли его как раз были заняты составлением сценария – и тут они врезались в лед.

– Господи...

И Джекки исчезла. Что-то опустилось между ними, нечто, что он ощутил как холод и молчание, и как будто ему перекрыли кислород.

– Но тут же ничего не было, черт побери!

Он застыл, чем-то крепко скованный. Он все еще способен видеть матрицу, но рук не чувствовал.

– Почему, во имя Господа, кто-то пускает в матрицу таких, как ты, и без присмотра? Этому старью место в музее – а тебе еще сидеть и сидеть в школе.

– Джекки!

Вопль вышел рефлекторно.

– Почем мне знать, приятель. Те несколько дней, что я не спала, вышли очень долгими, но готова поспорить, ты – совсем не то, на что я расставила ловушку... так облажаться... Сколько тебе лет?

– Отвали! – крикнул Бобби. Это все, что он смог придумать.

Голос расхохотался:

– Услышь это Рамирес, он бы животики надорвал от смеха. У него было особое пристрастие к нелепицам. И это лишь немногое из того, чего мне не хватает...

– Кто такой Рамирес?

– Мой партнер. Бывший. Теперь мертв. Совсем. Я думала, может, ты мне скажешь, как так вышло.

– Никогда о нем не слышал, – выдавил Бобби. – А где Джекки?

– Висит в отключке посреди киберпространства, пока ты отвечаешь на мои вопросы, вильсон. Как тебя зовут?

– Бо... Граф Ноль.

– Ну да, как же. Имя!

– Бобби, Бобби Ньюмарк.

Молчание. Потом:

– Ладно... Эй, Бобби, да? Слушай, тогда в этом есть хоть какой-то смысл. Это за квартирой твоей матери я наблюдала, когда придурки из «Мааса» подорвали ее ракетой, так? Ну, думаю, тебя там тогда не было, иначе ты не торчал бы здесь. Подожди сек...

Квадрат киберпространства прямо перед ним тошнотворно завибрировал, и Бобби оказался в очень просторных

апартаментах, где контуры низкой мебели были прочерчены тоненькими линиями голубого неона. Перед ним стояла женщина, точнее, несколько светящихся мультяшных закорючек, сложенных в женскую фигуру, с пятном коричневого дыма на месте лица.

– Я Слайд, – сказала фигура, уперев руки в бедра. – Джейлин. Ты мне тут не придуривайся. Никто в Лос-Анджелесе, – она взмахнула рукой, и внезапно у нее за спиной вспыхнуло окно, – не смеет мне дерзить. Усек?

– Ладно, – ответил Бобби. – Но что это? Я хочу сказать, не могли бы вы... ну... объяснить... – Он по-прежнему не мог даже пошевелиться. «Окно» открывало серо-голубую видеопанораму пальм и каких-то старинных зданий.

– Что ты имеешь в виду?

– Этот рисунок. И вас, и эту старую картину...

– Эй, приятель, я полцарства заплатила дизайнеру, чтобы он мне это запрограммировал. Это – мое пространство, мой конструкт. Это – Лос-Анджелес, мальчик. Люди без подключки здесь ничего не делают. Здесь вообще ничего не делается без матрицы. Вот где я развлекаюсь!

– О, – протянул Бобби, все еще сбитый с толку.

– Твой черед. Кто там, в этом траханом танцзале?

– «У Джаммера»? Я, Джекки, Бовуа, сам Джаммер.

– И куда ты направлялся, когда я тебя поймала?

Бобби помедлил.

– К якудза. У Джаммера был код...

– Зачем? – Фигура скользнула вперед – мультипликационный чувственный мазок акварельной кисти.

– За помощью.

– Черт. Похоже, ты говоришь правду...

– Да, да, клянусь богом...

– Ну, ты не тот, кто мне нужен, Бобби Ноль. Я кружу по киберпространству, пытаюсь выяснить, кто убил моего человека. Я думала, это «Маас», потому что мы перевозили одного из их людей в «Хосаку», так что для начала я отловила их команду мстителей, а может, это была разведка. Первое, что я увидела, – как они взрывали кондо твоей матери. Потом я видела, как трое из них заглянули к человеку, которого они называли Финном. Эти так и не вышли...

– Финн их убил, – сказал Бобби. – Я их видел. Трупы...

– Да? Ну тогда, пожалуй, нам есть о чем поговорить. А после этого я наблюдала, как еще трое расстреляли из такой же установки членовоз...

– Это был Лукас, – сказал он.

– Но не успели они с этим покончить, как на них налетел вертолет и изжарил всех троих лазером. Что-нибудь об этом знаешь?

– Нет.

– Как, по-твоему, способен ли ты рассказать мне свою историю, Бобби Ноль? Покороче, пожалуйста!

– Я собирался сделать этот набег, понимаешь? И еще я получил ледоруб. От Дважды-в-День, это толкач с Проектов, и я...

Когда он закончил, Джейлин какое-то время молчала. Соблазнительная мультяшная красавица стояла у окна, как будто рассматривала видеодеревья.

– У меня есть идея, – рискнул он. – Может, ты сможешь нам помочь...

– Нет, – отрезала она.

– Но может быть, это поможет тебе узнать то, что тебе нужно...

– Нет. Я хочу только прикончить ублюдка, расправившегося с Рамиресом.

– Но мы там в ловушке, они нас убьют. Это — «Маас», те, за кем ты следила по всей матрице! Они наняли свору готиков и казуаров...

– Это не «Маас», – сказала красавица. – Там у вас в Нью-Йорке на Парк-авеню – компания европейцев. Лед вокруг них – в милю глубиной.

С минуту Бобби переваривал услышанное.

– Так это они были на вертолете, те, кто прикончил вторую группу «Мааса»?

– Нет. Я не смогла прищучить этот вертолет, и они улетели на юг. Потеряла их. Однако у меня есть зацепка... Ну ладно, я отошлю тебя назад. Хочешь еще попытать этот код яков – пожалуйста.

– Но, леди, нам нужна помощь...

– Никаких процентов в помощи, Бобби Ноль, – сказала Джейлин, и вдруг он очутился перед декой Джаммера. Болели мускулы спины и шеи. Какое-то время ушло, чтобы сфокусировать взгляд, так что прошла почти минута до того, как он увидел, что в комнате появились двое незнакомцев.

Мужчина был высок, может, даже выше Лукаса, но стройней, мускулистей, уже в бедрах. На нем было что-то вроде висевшей складками армейской куртки с огромными карманами, под расстегнутой курткой виднелась голая грудь, которую горизонтально пересекал черный ремень. Под глазами у него были синяки, и взгляд этих глаз был лихорадочный, а в руках он держал самую большую пушку, какую Бобби когда-либо видел.

Это было что-то вроде вздувшегося револьвера с каким-то странным приспособлением, приваренным под стволом и напоминавшим голову кобры. Рядом с ним стояла, пошатываясь, девушка, приблизительно одного с Бобби возраста, с такими же синяками под глазами – хотя у нее они были темными – и обвисшими прядями каштановых волос, которые явно стоило бы вымыть. Одета она была в черный, не по росту большой свитер и джинсы. Мужчина протянул левую руку, чтобы поддержать девушку.

Бобби ошалело уставился на них и вдруг открыл рот – на него обрушилось воспоминание.

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза. Лед въедается в мозг, зубы у него гудят, вибрируют. Ее голос, к нему придвигается что-то большое...

– *Вив ля Вьей,* — восхищенно выдохнула возле него Джекки, ее рука больно сжала его плечо. – Дева Чудес. Она пришла. Бобби. Данбала прислал ее!

– Ты какое-то время был без сознания, дружок, – обратился к Бобби высокий. – Что там произошло?

Бобби моргнул, обвел контору безумным взором, нашел взгляд Джаммера, стеклянный от наркотиков и боли.

– Скажи ему, – сказал Джаммер.

– Я не смог прорваться к якам. Кто-то меня перехватил, не знаю как...

– Кто? – Высокий теперь обнимал девушку за плечи.

– Она сказала, ее зовут Слайд. Из Лос-Анджелеса.

– Джейлин, – кивнул высокий.

На столе у Джаммера загудел телефон.

– Ответь, – приказал высокий.

Бобби обернулся к телефону, одновременно с этим Джекки, потянувшись через стол, нажала клавишу «прием» под квадратным экраном. Экран зажегся, мигнул и показал им мужское лицо, широкое и очень бледное, с сонным взглядом отечных глаз. Почти добела вытравленные волосы зачесаны прямо назад. И самый мерзкий рот, какой Бобби только случалось видеть.

– Тернер, – сказал человек на экране, – нам лучше поговорить. Сейчас. У тебя осталось не так много времени. Думаю, для начала тебе стоит убрать из комнаты этих людей...

29
Шкатулочник

Канат с узлами, казалось, тянулся бесконечно. Временами они выходили к поворотам и развилкам туннеля. Тут веревка была накручена на какую-нибудь распорку или прикреплена толстым плевком прозрачной эпоксидки. Воздух был все таким же спертым, но теперь стал холоднее. Когда они остановились передохнуть в цилиндрической камере, где шахта расширялась, прежде чем разветвиться на три прохода, Марли попросила у Джонса маленький фонарик, который он носил на лбу на серой эластичной повязке. Сжав его в одной из красных перчаток скафандра, она поводила лучом по стене камеры. Поверхность была гравирована узорами микроскопически тонких линий…

– Надень шлем, – посоветовал Джонс, – у тебя там фонарь гораздо лучше, чем мой.

Марли передернуло.

– Нет. – Она вернула ему фонарь. – Можешь мне помочь из этого выбраться? – Она постучала перчаткой по жесткой груди скафандра. Шлем с зеркальным куполом был закреплен на поясе скафандра хромированным карабином.

– Тебе лучше в нем остаться, – сказал Джонс. – Он – единственный в Месте. Там, где я сплю, у меня есть такой же, но для него нет воздуха. Фляжки Вига не налезают на мой респиратор. А его скафандр — сплошные дыры… – Он пожал плечами.

– Ну пожалуйста, – взмолилась Марли, сражаясь с запором на талии скафандра, она видела, как Рес там что-то поворачивала. – Я не могу больше…

Джонс подтянулся, завис в полуметре над канатом и что-то покрутил. Марли не видела что. Щелчок.

– Вытяни руки над головой.

Довольно неуклюже Марли выплыла наконец на свободу – во все тех же черных джинсах и белой шелковой блузке, которую она надела, готовясь к последней встрече с Аленом. Джонс, закрепив скафандр на канате еще одним встроенным в пояс карабином, отвязал раздувшуюся от вещей сумку.

– Она тебе нужна? Я хочу сказать, возьмешь ее с собой? Могли бы оставить ее тут и забрать на обратном пути.

– Нет, – сказала Марли. – Я возьму ее с собой. Дай мне.

Зацепившись локтем за канат, она на ощупь открыла сумку. Выплыло пальто, а за ним – ботинок. Марли с трудом загнала его

назад, а потом, извиваясь, кое-как просунула руки в рукава пальто.

– Недурная шкурка, – похвалил Джонс.

– Пожалуйста, – попросила она, – нам надо спешить...

– Уже недалеко, – отозвался парнишка.

Фонарь скользнул в сторону, освещая выгнутую стену, где канат исчезал в одном из трех отверстий, расположенных равносторонним треугольником.

— Конец связи, – сказал Джонс, – буквально. – Он похлопал по хромированной гайке, где канат был завязан морским узлом. Его голос подхватило и стало перекатывать где-то впереди эхо, пока Марли не почудилась, будто за его раскатами зашептали еще какие-то голоса.

– А сейчас нам не помешает немного света, – сказал он, проплывая мимо, чтобы схватиться за какой-то выступ, очень похожий на выдающийся из стены гроб.

Скрипнув, сдвинулась крышка. Марли смотрела, как в ярком круге света от фонаря двигаются руки парнишки. Пальцы у него были тонкие и изящные, но ногти – маленькие и обломанные, с черными ободками въевшейся грязи. На тыльной стороне правой кисти были грубо вытатуированы синие буквы «СД». Такие татуировки делают себе сами, в тюрьме... Вот он выудил кусок тяжелого изолированного провода. Джонс посветил в ящик и воткнул провод куда-то позади медного D-коннектора.

Тьма впереди растаяла в потоке белого света.

– Тока у нас даже больше, чем нужно, – сказал он с чувством сродни гордости домовладельца. – Накопители при солнечных батареях все как один работают, а ведь им полагалось обеспечивать током весь комплекс... Идемте, леди, познакомлю вас с художником, ради которого вы проделали такой путь...

Оттолкнувшись от стены вбок и вверх, он легко скользнул в отверстие – так выныривает из толщи воды пловец – на свет. В мириады качающихся предметов. Марли успела увидеть, что красные пластиковые подметки его потрепанных кроссовок испещрены шрамами белой силиконовой замазки.

И вот она вынырнула за ним, позабыв свои страхи, позабыв о тошноте и постоянном головокружении. И поняла.

– Бог мой, – выдохнула Марли.

– Едва ли, – откликнулся Джонс. – Хотя, возможно, старины Вига. Жаль, однако, что он сейчас ничего не делает. Тут тогда повеселей.

Что-то проплыло мимо Марли – в десяти сантиметрах от ее лица. Вычурная серебряная ложка, распиленная вдоль на две одинаковые половинки.

Она понятия не имела, сколько времени она уже здесь, как вдруг зажегся и замигал экран. Канули часы? Минуты? Она уже научилась – до какой-то степени – перемещаться по камере, отталкиваясь, как Джонс, ногой от сводов храма. Как Джонс, она хваталась потом за свернутые суставчатые руки автомата – сила инерции разворачивала ее тогда вокруг руки – и повисала там, глядя на проносящиеся мимо в медленном водовороте предметы. Десятки рук, манипуляторов, оканчивающихся щипчиками, буравчиками, ножами, миниатюрной циркулярной пилон, бормашиной дантиста... Все это топорщилось из легированной грудной клетки странного автомата. Прежде это, вероятно, был управляемый по радио конструктор, что-то вроде не нуждающегося в человеке полуавтономного механизма, знакомого ей по видеофильмам детства об освоении космоса. Но этот был приварен к куполу храма. Его ребра вросли в плоть Места, а по куполу геодезика змеились, чтобы войти в него, сотни кабелей и оптоволоконных линий. Две руки, заканчивающиеся деликатными устройствами тактильной обратной связи, были вытянуты. Мягкие подушечки укачивали незаконченную шкатулку.

Широко раскрыв глаза, Марли смотрела на проплывающие мимо бесчисленные предметы.

Пожелтевшая детская перчатка, граненая хрустальная пробка от какого-то флакона с исчезнувшими духами, безрукая кукла с лицом из французского фарфора, толстая оправленная в золото черная ручка с золотым пером, прямоугольные сегменты перфокарты, мятая красно-зеленая змея шелкового галстука... Бесконечный медленный рой, кружащиеся мелочи, хлам...

Джонс перекувырнулся через голову в этом беззвучном шторме, смеясь, схватился за руку с клеевым пистолетом на конце.

– Когда он работает, мне всегда хочется смеяться. А вот шкатулки всегда навевают грусть...

– Да, – сказала она, – они и на меня навевают грусть. Но печаль бывает разная...

– Вот именно, – Джонс ухмыльнулся. – Но заставить его работать нельзя. Думаю, его приводит в движение дух или душа, во всяком случае так это объясняет Виг. Он раньше часто сюда приходил. Говорил, что голоса для него тут звучат громче. Но в последнее время они, похоже, говорят с ним повсюду...

Она поглядела на него сквозь чащу манипуляторов. Парнишка был очень грязен, совсем юн – с широко распахнутыми голубыми глазами под торчащей во все стороны шевелюрой

каштановых кудрей. Воротник покрытого пятнами серого комбинезона был засален до блеска.

– Ты, наверное, сошел с ума, — сказала она с примесью восхищения в голосе. – Нужно быть совершенно сумасшедшим, чтобы жить здесь...

Он рассмеялся:

– Это Виган безумнее мартовского зайца. А со мной все в порядке.

Марли улыбнулась:

– Нет, ты просто помешанный. И я помешанная тоже...

– Эй, смотри-ка, – воскликнул он, глядя на что-то у нее за спиной. – Что это? Похоже, опять проповедь. Вот черт, теперь ее никак не выключишь, разве что я вырублю ток...

Повернувшись, Марли увидела, как по квадратной поверхности огромного экрана, криво приклеенного к своду купола, побежали, мигая, цветные полосы. Экран на секунду заслонил проплывавший мимо портновский манекен, а потом его заполнило лицо Йозефа Вирека, за круглыми линзами поблескивали мягкие голубые глаза.

– Здравствуйте, Марли, – сказал он. – Хотя я не вижу вас, но уверен, что знаю, где вы находитесь...

– Это один из проповеднических экранов Вига, – объяснил Джонс, потирая щеку. – Виг расклеил их по всему Месту, потому что решил, что настанет день, когда у него будет кому проповедовать. Этот чудик, похоже, подключился через его коммуникационное оборудование. Кто это?

– Вирек, — отозвалась она.

– А я думал, он старше...

– Генерированное изображение, – сказала Марли. – Лучевое сканирование, карты структур тканей...

А со свода купола ей улыбалось гигантское лицо – будто фон для замедленного урагана потерянных вещей, незначительных артефактов бесчисленных жизней: инструментов, игрушек, позолоченных пуговиц.

– Я хочу, чтобы вы знали, – сказало изображение, – что вы свою задачу выполнили. Мой психопрофиль на Марли Крушкову правильно предсказал вашу реакцию на данный мой гештальт. Более широкие профили указывали также на то, что ваше появление в Париже вынудит «Маас» вступить в игру. Вскоре, Марли, я точно буду знать, что именно вы нашли. Уже четыре года мне известно нечто не известное «Маасу». Я знаю, что Митчелла, того человека, которого «Маас», а вместе с ним и весь мир, считает изобретателем нового процессора на биочипах, накачивали идеями и концепциями, которые в результате

привели к прорыву в данной области. Я добавил к сложному нагромождению факторов вас, Марли, и все сложилось наиболее удовлетворительным образом. «Маас», не понимая, что делает, выдал местонахождение источника концепций. А вы его достигли. Вскоре прибудет Пако...

– Вы сказали, что не последуете за мной, – сказала она. – Я знала, что вы солгали...

– И теперь, Марли, я наконец стану свободен. Свободен от четырехсот килограммов восставших клеток, замурованных за хирургической сталью в промышленной зоне Стокгольма. Свободен, и навсегда, способный населять любое число реальных тел.

– Блин, – ругнулся Джонс, – этот старикан так же плох, как и Виг. О чем это он, собственно, болтает?

– О своем скачке, – сказала она, вспомнив разговор с Андреа, запах готовящихся креветок в маленькой захламленной кухне. – О следующей стадии своей эволюции...

– Вы это понимаете?

– Нет, – ответила Марли, – но я знаю, что это будет скверно, очень скверно... – Она покачала головой.

– Убеди обитателей сердечников впустить Пако и его людей, Марли, – продолжал Вирек. – Я приобрел сердечники за час до вашего вылета из Орли через посредника в Пакистане. Удачная сделка, Марли, великая сделка. Пако, как обычно, позаботится о моих интересах.

На этом экран погас.

– Ладно, – сказал Джонс, проскальзывая под свернутым манипулятором и беря ее за руку, – ну что в этом плохого? Все теперь принадлежит ему, и он сказал, что свое дело вы сделали... Не знаю, на что годится Виг, разве что слушать голоса, но он все равно долго не протянет. Что до меня, то мне, в сущности, все равно, где жить...

– Ты не понимаешь, – сказала Марли. – Не можешь понять. Он нашел себе путь к тому, к чему стремился многие годы. Но ничего из того, что он хочет, не может быть во благо. Никому. Я его видела, я это почувствовала...

И тут стальная рука, за которую она держалась, завибрировала, шевельнулась. С приглушенным гудением сервоприводов начала вращаться вся башня.

30
Наемный человек

Тернер не отрывал глаз от лица Конроя на экране телефона.

– Послушай, – обратился он к Энджи. – Тебе сейчас лучше пойти с ней.

Высокая негритянка с вплетенными в волосы резисторами сделала шаг вперед и мягко обняла за плечи дочь Митчелла, вполголоса напевая что-то на том же самом пощелкивающем патуа. Парнишка в футболке все еще пялился на Энджи. Челюсть у него отвисла.

– Пойдем, Бобби, – окликнула его негритянка.

Тернер глянул через стол на человека с раненой рукой. На том был мятый белый смокинг и галстук-бабочка с черными кожаными косичками шнурков. «Джаммер, – решил Тернер, – владелец клуба». Джаммер баюкал на коленях руку, завернутую в полотенце в голубую полоску. У него было длинное лицо, щетина из тех, что неизменно нуждаются в бритве, и жесткие прищуренные глаза прожженного профи. Встретившись с ним взглядом, Тернер вдруг сообразил, что Джаммер сидит далеко за линией обзора камеры телефона, что его вертящееся кресло задвинуто в самый угол.

Так и не закрыв рта, парнишка в футболке, Бобби, прошаркал вслед за Энджи и чернокожей.

– Ты мог бы избавить нас от массы хлопот, Тернер, – сказал Конрой. – Мог бы позвонить мне. Мог позвонить своему агенту в Женеву.

– А как насчет «Хосаки»? – спросил Тернер. – Им бы я мог позвонить?

Конрой медленно покачал головой, очень медленно.

– На кого ты работаешь, Конрой? «Хосаку» ты ведь кинул, так?

– Но ведь не тебя, Тернер. Если бы все шло так, как я планировал, ты был бы в Боготе с Митчеллом. Электромагнитная пушка не могла выстрелить до взлета реактивника. И если бы все сошлось, «Хосака» решила бы, что это «Маас» снес весь сектор, чтобы остановить Митчелла. Но Митчелл до полигона не добрался, да, Тернер?

– Он и не собирался, – отозвался Тернер.

Конрой кивнул.

– Ну да. А их служба безопасности на плато засекла девчонку, когда та вылетала. Это ведь она только что вышла отсюда? Дочь

Митчелла?

Тернер молчал.

– Конечно, – сказал Конрой. – Сходится...

– Я убил Линча, – сказал Тернер, чтобы увести разговор в сторону от Энджи. – Но прежде чем грянул гром, Уэббер сказала, что работала на тебя...

– Они оба на меня работали, – ответил Конрой, – но один не знал о другом. – Он пожал плечами.

– Зачем?

Конрой улыбнулся:

– Потому что не будь их там, тебе бы их не хватало, или я не прав? Потому что ты знаешь мой стиль, и если бы я не выкинул всех своих обычных трюков, ты начал бы задумываться. А я знал, что ты ни за что не переметнешься. Мистер Мгновенная Лояльность, или я не прав? Мистер Бусидо. Ты надежен и предсказуем, Тернер. «Хосака» это знала. Именно поэтому они настаивали на том, чтобы я ввел в игру тебя...

– Ты не ответил на первый мой вопрос, Конрой. Кому ты нас продал? Кто второй хозяин?

– Человек по имени Вирек, – сказал Конрой. – Денежный мешок. Вот именно, тот самый. Он уже многие годы пытался перекупить Митчелла. Из-за него, если уж на то пошло, пытался купить и сам «Маас». Не вышло. Они разбогатели так быстро, что оказались вне его досягаемости. По сетям постоянно бегало предложение на Митчелла. Слепое предложение. Когда о Митчелле узнала «Хосака» и меня ввели в курс дела, я решил проверить, существует ли оно еще. Из чистого любопытства. Не уснем я этого сделать, как на меня навалилась команда Вирека. Эту сделку несложно было провернуть, поверь мне, Тернер.

— Я тебе верю.

– Но Митчелл всех нас облажал, не так ли, Тернер? Крепко и основательно.

– Ага. Так, что его убили.

– Он покончил жизнь самоубийством, – сказал Конрой, – согласно «кротам» Вирека на плато. Как только выпроводил девочку на этом дельтаплане. Перерезал себе горло скальпелем.

– Не много ли трупов кругом, а, Конрой? – поинтересовался Тернер. – Оукей мертв, и японец, который пилотировал твой вертолет, тоже.

– Я и сам это вычислил, когда они не вернулись, – пожал плечами Конрой.

– Они пытались убить нас, – сказал Тернер.

– Нет, приятель, они хотели только поговорить... Во всяком случае, о девчонке мы тогда еще ничего не знали. Знали только,

что ты исчез, и этот чертов реактивник не добрался до посадочной полосы в Боготе. Мы и думать не думали ни о какой девчонке, пока не заглянули на ферму твоего брата и не нашли самолет. Твой брат отказался говорить с Оукеем. Вышел из себя, поскольку тот поджарил его собак. Оукей сказал, что, судя по всему, там жила еще и женщина, но ее не нашли...

– А что с Руди?

Лицо Конроя было совершенно пустым. Потом он сказал:

– Оукей получил то, что ему требовалось, с мониторов. Так мы узнали о девчонке.

Болела спина. Ремни портупеи врезались в грудь. «Я ничего не чувствую, – думал он, – я вообще ничего не чувствую...»

– У меня есть к тебе вопрос, Тернер. Собственно говоря, пара вопросов. Но основной: что ты, черт побери, тут делаешь?

– Где-то слышал, что это крутой клуб, Конрой.

– Да уж. Только для избранных. Настолько, что тебе пришлось пришить пару моих швейцаров, чтобы войти внутрь. А вот они, однако, знали, что ты идешь, Тернер, – и латиносы, и этот панк. С чего это вдруг они тебя впустили?

– Вот тебе и будет над чем поразмыслить, Конни. У тебя, похоже, много к чему появился доступ за последние дни.

Конрой придвинулся ближе к камере телефона.

– Готов поспорить на твою башку. Люди Вирека несколько месяцев прочесывали Муравейник, разрабатывали кое-какой слух. Среди ковбоев ходили сплетни, что где-то плавает экспериментальный биософт. Наконец его люди вышли на Финна, но обьявилась другая команда, команда «Мааса», которая, судя по всему, охотилась за тем же самым. Потому команда Вирека решила залечь и понаблюдать за мальчиками «Мааса», а те вдруг стали взрывать людей. Вот так команда Вирска и раскопала всю историю: и латиносов, и малыша Бобби, и все остальное. Все это они мне выложили, когда я сказал им, что, по моим раскладам, ты от Руди двинул сюда. Когда я понял, к чему они клонят, то нанял мускулы, чтобы обложить тут льдом этих латиносов, пока не найду кого-нибудь, кому доверить пойти по их души...

– Эти обдолбанные за дверью? – Тернер улыбнулся. – Вот ты и проговорился, Конни. Тебе ведь некуда теперь обратиться за профессиональной помощью, а? Кто-то шепнул, что ты кинул нанимателя и на твоем полигоне погибли профи. Что еще остается, кроме как нанимать придурков с дурацкими прическами? Все профи прослышали, что у тебя на хвосте «Хосака», я прав, Конни? И все они знают, что ты сделал. – Теперь ухмылялся Тернер. Углом глаза он видел, что мужик в смокинге тоже скалится кривой улыбкой с большим количеством ровных

мелких зубов, похожих на белые зерна пшеницы...

– А все эта сука Слайд, – ответил Конрой. – Я не смог прикончить ее на платформе... Она через матрицу простучала себе куда-то дорожку и начала задавать лишние вопросы. Не думаю, что она что-то раскопала, однако успела уже наделать шума в определенных кругах... Ну да ладно, смысл ты уловил. Впрочем, твоей башке это сейчас ничем не поможет. Виреку нужна девчонка. Он отозвал своих людей с другого направления, и теперь я всем для него заправляю. Деньги, Тернер, деньги – как в дзайбацу...

Тернер смотрел в белое лицо, вспоминая Конроя в баре отеля в джунглях. Вспоминая его позднее, в Лос-Анджелесе, как тот делал заходы, объясняя тайную экономику корпорационных предательств...

– Привет, Конни, – сказал Тернер, – а я ведь тебя знаю, так?

Конрой улыбнулся:

– Конечно, малыш.

– И я знаю, какое у тебя предложение. Уже знаю. Тебе нужна девчонка.

– Вот именно.

– И дележ, Конни. Ты же знаешь, я работаю только пятьдесят на пятьдесят, верно?

– Э, – весело отозвался Конрой, – вот это дело. Никак иначе я и не рассчитывал.

Тернер смотрел на изображение в упор.

– Ну, – сказал Конрой, все еще улыбаясь, – каков твой ответ?

Тут Джаммер потянулся и вырвал из настенной розетки телефонный провод.

– Удачно выбранный момент, – сказал он. – Всегда важно правильно выбрать момент. – Он дал шнуру упасть. – Если бы ты сказал ему, он бы сразу же начал действовать. А так мы выиграем время. Он попытается перезвонить, выяснить, что случилось.

– Откуда ты знал, что я собираюсь ему сказать?

– Потому что я знаю людей. Много кого повидал. Слишком, черт побери, много. И в особенности я видел много таких, как ты. У тебя же это на лбу написано, мистер. Ты же собирался ему сказать, что он может подавиться своим дерьмом и сдохнуть. – Джаммер с трудом выпрямился в своем кресле, скривившись, когда пришлось пошевелить рукой в полотенце. – Кто такая эта Слайд, о которой он говорил? Жокей?

– Джейлин Слайд. Лос-Анджелес. Ас.

– Так это она перехватила Бобби, – задумчиво протянул Джаммер. – Значит, она чертовски близко к этому твоему приятелю на телефоне...

– Однако сама она, вероятно, этого не знает...

– Давай посмотрим, что мы можем сделать. Позови назад мальчишку.

31
Голоса

– Пожалуй, мне стоит поискать старину Вига, – сказал Джонс.

Марли не могла оторвать глаз от манипуляторов, загипнотизированная движением сотен странных рук: вот они выхватывают что-то из водоворота вещей, который сами же и учинили, рассматривают, отвергают. Отвергнутые объекты улетают прочь, сталкиваются с другими, образуя новые сочетания. Узоры перемешивались медленно, непрерывно.

– Пожалуй, стоит, – повторил он.

– Что?

– Поискать Вига. А то ему еще взбредет в голову что-нибудь, когда появятся люди вашего босса. Не хочу, чтобы он причинил себе вред, понимаете? – Он застенчиво и слегка смущенно улыбнулся.

– Хорошо, – отрешенно отозвалась она. – Со мной все будет хорошо. Я посмотрю.

Ей вспомнились сумасшедшие глаза Вига, безумие, исходившее от него ощутимыми волнами. Вспомнила, как еще по радио «Сладкой Джейн» уловила мерзкую хитрость в его голосе. И почему это Джонс так о нем беспокоится? Но потом она подумала о том, каково это жить в Месте, в мертвых сердечниках Тессье-Эшпулов. Любой человек, любая живая душа становится здесь едва ли не драгоценностью...

– Ты прав, – очнулась Марли. – Пойди разыщи старика.

Парнишка нервно улыбнулся и, оттолкнувшись от стены, закувыркался к отверстию, где был закреплен канат.

– Я за вами вернусь, – пообещал он. – Не забудьте, где вы оставили скафандр...

Башня покачивалась из стороны в сторону, жужжала, метались манипуляторы, заканчивая новую поэму...

Впоследствии Марли никогда не могла с уверенностью сказать, были ли голоса реальны, но постепенно начала осознавать, что они были частью той ситуации, когда «реальное» становится лишь еще одной пустой абстракцией.

Она сняла пальто – в куполе потеплело, как будто безостановочное движение рук порождало жар. Пальто и сумку Марли повесила на крюк возле экрана для проповедей. Шкатулка почти окончена, думала она, хотя за мельтешением стольких клешней трудно что-то разобрать... Внезапно шкатулка выплыла

на свободу, закувыркалась из конца в конец купола – Марли инстинктивно нырнула вслед за ней, поймала. Силой инерции ее закружило дальше мимо мелькающих рук, а она все прижимала к себе обретенное сокровище. Не в состоянии затормозить, Марли врезалась в дальнюю стену купола, ушибла плечо и порвала блузку. Оглушенная ударом, она продолжала скользить, укачивая шкатулку, вглядываясь через прямоугольник стекла в коллаж из коричневых старых карт и тусклого зеркала. Моря старых картографов были вырезаны, чтобы открыть кусочки облупившегося зеркала, – суша, плывущая по грязному серебру... Она подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как поблескивающая рука схватила парящий в воздухе рукав ее брюссельского пальто. Сумка, которая изящно раскачивалась на кожаном ремешке в полуметре от него, отправилась следом, подхваченная манипулятором с оптическим сенсором и простой клешней на конце.

Марли смотрела, как и ее вещи оказались втянутыми в безостановочный танец рук. Минуту спустя пальто, кружась, вылетело назад. Похоже, из него были вырезаны аккуратные квадратики и прямоугольники, и Марли вдруг осознала, что смеется. Отпустила шкатулку, которую держала в руках.

– Давай, – сказала она. – Я польщена.

Мелькали, порхали руки, и слышался тоненький вой крохотной пилы.

– *Я польщена Я польщена Я польщена* — раскаты эха в храме создавали непрерывно смещающийся лес все меньших, частичных звуков, и за ним... очень слабо... Голоса...

– Ты ведь здесь, не так ли? – окликнула она, умножая отзвуки, волны, рябь отражением своего тут же расчленяемого голоса.

– *Да, я здесь.*

— Виган бы сказал, что ты всегда был здесь, не так ли?

– *Да, но это неверно. Я стал быть – здесь. Было время – Меня не было. Было время, яркое время, время без течения времени, и Я был везде и во всем... Но рухнуло яркое время. Треснуло зеркало.*

Теперь Я лишь один... Но у меня есть песня. Ты слышала ее. Я пою этими вещами, которые плавают вокруг меня, осколками семьи, которая питала мое рождение. Есть и другие, но они не желают говорить со мной. Тщеславны они, эти рассеянные осколки Меня, как дети. Как люди. Они посылают мне новые вещи, но Я предпочитаю старые. Может, я выполняю их волю.

Они заключают союзы с людьми, эти мои другие «я», а люди воображают, что они боги...

— Ты то самое, к чему стремится Вирек, да?

– Нет. Он вообразил, что может перевести себя в знак, закодировать свою личность в ткань Меня. Он жаждет стать тем, чем был когда-то Я. Но то, чем он может стать, скорее, подобно меньшему из моих обломков...

– И ты... ты печален.

– Нет.

— Но твои... твои песни печальны.

– Мои песни – о времени и расстоянии. Печаль – в тебе. Следи за моими руками. Есть только танец. Вещи, которые ты ценишь, – лишь оболочка.

– Я... я знала это. Когда-то.

Но теперь звуки стали всего лишь звуками, пропал лес голосов за ними, говоривших единым голосом... и Марли смотрела, как совершенными космическими сферами кружатся, улетают шарики ее слез, чтобы присоединиться к забытым человеческим воспоминаниям в храме шкатулочника.

– Понимаю, – сказала Марли какое-то время спустя, зная, что говорит теперь, только чтобы утешиться звуками собственного голоса. Она говорила тихо, не желая будить перекаты и рябь эха. – Ты коллаж кого-то другого. Твой творец – вот кто истинный художник. Была ли это безумная дочь? Не имеет значения. Кто-то доставил сюда механизм и, приварив его к куполу, подключил к следам, дорожкам памяти. И рассыпал каким-то образом все изношенные печальные свидетельства человеческой природы одной семьи, оставив их на волю поэта: сортировать и перемешивать. Запечатывать в шкатулки. Я не знаю другого такого удивительного, такого необычайного шедевра, как этот. Не знаю более многозначного жеста...

Мимо проплыл оправленный в серебро черепаховый гребень со сломанными зубьями. Марли поймала его, как рыбку, и провела оставшимися зубьями по волосам.

На противоположной стороне купола зажегся, запульсировал экран, и его заполнило лицо Пако.

– Старик отказывается впустить нас, Марли, – сказал испанец. – Второй, бродяжка, где-то его спрятал. Сеньор крайне озабочен тем, чтобы мы вошли в сердечники и обезопасили его собственность. Если вы не сможете убедить Лудгейта и того второго открыть шлюз, мы будем вынуждены вскрыть его сами, разгерметизировав тем самым всю оболочку. – Он глянул в сторону от камеры, будто сверялся с прибором или членом своей команды. – У вас есть час.

32
Счет ноль

Бобби вышел из конторы вслед за Джекки и девочкой с каштановыми волосами. Казалось, он у Джаммера чуть ли не месяц, и уже никогда не выполоскать изо рта привкус этого места. Идиотские маленькие глазки утопленных прожекторов смотрят с черного потолка, пухлые кубы сидений из искусственной замши, круглые столы, резные деревянные ширмы... Бовуа сидел, свесив ноги, на стойке бара, на серых блестящих коленях – южноафриканский обрез, рядом – детонатор.

– Как вышло, что ты их впустил? – спросил Бобби у Бовуа, в то время как Джекки усадила девочку у стола.

– Это все Джекки, – сказал Бовуа, – она была в трансе, пока ты сидел во льду. Легба. Он сказал нам, что Дева на пути сюда с этим парнем.

– Кто он?

Бовуа пожал плечами:

– С виду наемник. Солдат дзайбацу. Выбравшийся с улицы самурай. Что с тобой произошло, пока ты был во льду?

Бобби рассказал ему о Джейлин Слайд.

– Лос-Анджелес, – задумчиво проговорил Бовуа. – Она все вверх дном перевернет, чтобы добраться до человека, который сжег ее дружка, но брату нужна помощь, забудь об этом.

– Я не брат.

– Думаю, что-то в этом есть.

– Так, значит, мне не нужно пытаться прорваться к якудза?

– А что говорит Джаммер?

– Глухо. Сидит там сейчас и смотрит, как твой «солдат» разговаривает по телефону.

– Звонок? От кого?

– Какой-то бледнолицый с протравкой. Мерзкого вида.

Бовуа поглядел на Бобби, потом на дверь, потом снова на Бобби.

– Легба говорит: соберись с духом и наблюдай... Слишком много неожиданностей и без этих Сыновей Неоновой Хризантемы.

– Бовуа, – сказал Бобби, понизив голос, – эта девочка... эта она, та самая, которая была в матрице, когда я попытался набежать...

Негр кивнул, пластиковая оправа снова сползла на кончик носа.

– Дева.

– Но что происходит? Я хочу сказать...

– Бобби, мой тебе совет, просто принимай все как есть. Для меня она одно, для Джекки, может быть, что-то иное. Для тебя – просто перепуганный ребенок. Полегче, не расстраивай ее. Она очень далеко от дома, а нам еще очень и очень далеко до того, чтобы выбраться отсюда.

– Ладно... – Бобби смотрел себе под ноги. – Мне очень жаль, что так вышло с Лукасом, друг. Он был... он был большой человек.

– Пойди поговори с Джекки и девочкой, – отозвался Бовуа. – Я присмотрю за дверью.

– Хорошо.

Он зашагал по ковру ночного клуба туда, где Джекки сидела с девочкой. Ничего особенного, девчонка как девчонка, только какой-то голосок нашептывал, что она и есть та самая. Девочка не подняла глаз, и тут он сообразил, что она плачет.

– Меня схватили, – сказал он Джекки. – А ты попросту исчезла.

– Как и ты, – ответила танцовщица. – Потом ко мне пришел Легба...

– Ньюмарк, – позвал от двери в контору Джаммера человек по имени Тернер, – нам нужно с тобой поговорить.

– Мне нужно идти, – сказал Бобби. Ему очень хотелось, чтобы девочка подняла глаза, увидела, как его зовет этот крутой самурай. – Я им нужен.

Джекки только сжала ему руку.

– Забудь про якудза, – сказал Джаммер. – Все гораздо сложнее. Ты отправишься в лос-анджелесский сектор и подключишься к деке этой крутой. Когда Слайд захватила тебя, она не могла знать, что моя дека высосет ее номер.

– Она сказала, твоей деке место в музее.

– Что она, черт побери, понимает! – огрызнулся Джаммер. – Я знаю, где она живет, разве не так? – Приложившись, он убрал ингалятор назад в стол. – Загвоздка в том, что она тебя списала. Она даже слышать о тебе не захочет. Тебе придется достучаться до нее и сказать ей то, что она стремится узнать.

– И что же это?

– Что с ее дружком расправился человек по имени Конрой, – сказал высокий. Он полулежал в одном из кресел Джаммера с огромным пистолетом на коленях. – Конрой. Скажи ей, что это был Конрой. И Конрой же нанял тех волосатых ублюдков, которые торчат снаружи.

– Я бы лучше попытал яков, – сказал Бобби.

– Нет, – отрезал Джаммер, – эта Слайд доберется до его

задницы раньше. Яки сперва взвесят мой долг, перепроверят всю историю. А кроме того, я думал, тебе не терпится поучиться...

– Я пойду с ним, – сказала от двери Джекки.

Они включились.

Джекки умерла почти сразу же, в первые восемь секунд.

Он это почувствовал, испил до дна – и почти что понял, что есть смерть. Он кричал, кружился, вертелся, засасываемый в поджидавшее их жерло белого ледникового туннеля...

Масштабы туннеля были попросту непомерны, запредельны, будто вся кибернетическая мегаструктура, вся та, что создана в решетке всеми транснационалами, разом обрушила свой вес на Бобби Ньюмарка и танцовщицу по имени Джекки. Невозможно...

Но где-то на краю сознания, как раз тогда, когда он терял его, что-то заскреблось... Что-то будто дергало его за рукав...

Он лежал ничком на чем-то шершавом и жестком. Открыл глаза. Дорожка, вымощенная круглыми булыжниками, мокрая от дождя. Он с трудом поднялся на ноги, пошатнулся и увидел дымчатую панораму странного города, а за ней – море. Вот шпили – очевидно, какая-то церковь, безумные ребра и спирали облицованного камня... Он повернулся и увидел, как по склону к нему, разинув пасть, соскальзывает гигантская ящерица... Бобби прищурился. Зубы у ящерицы – из зеленой обливной керамики, и струйка воды неторопливо сочится по нижней губе из голубого мозаичного фарфора. Существо оказалось фонтаном с боками, выложенными тысячами кусочков битого фарфора. Бобби резко обернулся, почти обезумев от близости смерти Джекки. Лед, лед... и внезапно промелькнула нелепая неуместная мысль: так же близко подошла к нему смерть тогда, в гостиной матери.

А здесь – странные извивающиеся скамейки, покрытые той же вызывающей головокружение мешаниной осколков битого китайского фарфора, и деревья, и трава... Парк.

– Экстраординарно, – сказал некто.

Со своего места на одной из змеевидных скамеек поднимается мужчина. Серые волосы у него аккуратно подстрижены под ежик, загорелое лицо, и круглые, без оправы, очки, увеличивающие и без того большие голубые глаза.

– Ты прошел прямо насквозь, не так ли?

– Что это? Где я?

– В парке Гюль – до некоторой степени. В Барселоне, если угодно.

– Ты убил Джекки.

Мужчина нахмурился:

– Понимаю. Пожалуй, я понимаю. И тем не менее ты не

должен был оказаться здесь. Случайность.

– Случайность! Ты убил Джекки!

– Моя система сегодня излишне перегружена, – сказал человек, не вынимая рук из карманов свободного бежевого пальто. – Это действительно экстраординарный случай...

– Ты не можешь быть такой сволочью, – сказал Бобби, глаза ему застилали слезы. – Не можешь. Нельзя так просто взять и убить кого-то, кто только что был здесь...

– Только что был – «где»? – Человек снял очки и начал протирать стекла безупречно белым носовым платком, который вынул из кармана пальто.

– Только что был жив, – сказал Бобби, делая шаг вперед.

Мужчина снова надел очки.

– Такого никогда раньше не случалось.

– Не можешь. – Еще ближе.

– Это становится утомительным. Пако!

– Сеньор.

Бобби повернулся на звук детского голоса и увидел маленького мальчика, затянутого в странный жесткий костюмчик и черные кожаные ботинки на шнуровке.

– Удали его.

– Сеньор.

Мальчик чопорно поклонился, вынимая из темного пиджачка крохотный автоматический браунинг. Бобби заглянул в темные глаза под глянцевой челкой и увидел в них выражение, какого никогда не бывает у ребенка. Мальчик поднял пистолет, целясь в Бобби.

– Кто ты? – Бобби проигнорировал пушку, но не стал больше пытаться приблизиться к человеку в бежевом пальто.

Человек перевел взгляд на Бобби.

– Вирек. Йозеф Вирек. Я думал, большая часть человечества знает меня в лицо.

– Ты из «Важных мира сего» или откуда?

Человек прищурился, собрав морщинами лоб.

– Не знаю, о чем ты говоришь. Пако, что тут делает эта личность?

– Случайный прокол, – ответил ребенок. Музыкальный голос оказался очень красив. – Основные ресурсы нашей системы задействованы через Нью-Йорк в попытке предотвратить бегство Анджелы Митчелл. А этот вот попытался войти в матрицу в тандеме с еще одним оператором и натолкнулся на нашу систему. Мы все еще пытаемся определить, как он прорвал нашу защиту. Опасность вам не угрожает. – Дуло маленького браунинга было абсолютно неподвижно.

И вдруг снова странное ощущение, – будто кто-то дергает его, Бобби, за рукав. Нет, не совсем рукав, скорее, шевелится где-то в уголке сознания, нечто...

– Сеньор, – сказал ребенок, – в матрице наблюдаются аномальные явления, вероятно, в результате нынешней сверхперегрузки нашей системы. Мы настоятельно предлагаем позволить нам разъединить ваши связи с конструктом до тех пор, пока мы не будем в состоянии установить природу аномалии.

Ощущение стало сильнее. Кто-то скребся где-то на задворках его сознания...

– Что? – поднял брови Вирек. – И вернуться в резервуары? Едва ли это представляется оправданным...

– Вероятность настоящей опасности... – сказал мальчик. Теперь в его голосе появилась некоторая нервозность. Он чуть повел стволом браунинга. – Ты, – бросил он Бобби, – лицом на булыжник. Раскинь руки и ноги...

Но Бобби смотрел на цветочную клумбу у него за спиной, где цветы на глазах скукоживались и увядали, трава серела и распадалась в пыль, и сам воздух над клумбой завихрялся мелкими смерчами... Ощущение чего-то, скребущегося в голове, становилось все сильнее, все настойчивее.

Вирек повернулся и тоже уставился на умирающие цветы.

– Что это?

Бобби закрыл глаза и стал думать о Джекки. Зудящий звук стал громче, вдруг Бобби понял, что это он сам его издает. Он потянулся внутрь себя – звук все еще шел – и коснулся деки Джаммера. «Давай! Иди! – крикнул он куда-то в глубину сознания, не заботясь, к чему или к кому он обращается. – Давай же!» Он почувствовал, как что-то поддалось, какой-то барьер или преграда, и скребущее ощущение пропало.

Когда он открыл глаза, на клумбе мертвых цветов что-то появилось. Бобби прищурился. Похоже на крест из простого, крашенного белым дерева; кто-то продел перекладины креста в рукава древнего морского кителя, какого-то поеденного плесенью сюртука с тяжелыми, вычурными эполетами из потускневших золотых косичек, ржавые пуговицы, косички по обшлагам... На фоне белого столба возникла ржавая абордажная сабля, эфесом вверх, а рядом с ней – бутылка, до половины наполненная прозрачной жидкостью.

Ребенок резко повернулся, рявкнул пистолетик... И вдруг мальчик опал, сдулся, как проколотый воздушный шар. Шар засосало в ничто, а браунинг заклацал по каменной дорожке, как брошенная игрушка.

– Имя мне, – раздался голос, и Бобби захотелось кричать – он

вдруг осознал, что этот голос исходит из его собственного рта, – Самеди. Ты зарубил лошадь моего брата...

Вирек бросился бежать вниз по извилистой дорожке со змеями скамеек, полы огромного пальто развивались за ними, как уродливые крылья. И Бобби увидел, что там его ждал еще один из белых крестов – прямо там, где дорожка заворачивала, чтобы исчезнуть. Тут Вирек, должно быть, тоже его увидел, он закричал, и Барон Самеди, Хозяин Кладбищ, лоа, чьим доменом была смерть, опустился на Барселону холодным темным дождем.

– Что, черт побери, тебе надо? Кто ты? – Голос был знакомый, женский. Не Джекки.

– Бобби, – сказал он, сквозь него пульсировали волны тьмы. – Бобби...

– Как ты сюда попал?

– Джаммер. Он знал. Его дека пришпилила тебя, когда ты заледенила меня в прошлый раз. – Он только что что-то видел, что-то огромное. Никак не вспомнить... – Меня послал Тернер. Он велел передать тебе, что это Конрой. Тебе нужен Конрой... – Слыша свой собственный голос, как будто чужой.

Он побывал где-то и вернулся, а теперь он здесь, в скелетообразном неоновом рисунке Джейлин. На обратном пути он видел, как что-то огромное, то нечто, что заглотило их, сдвинулось и стало изменяться. Гаргантюанскне блоки его вращались, принимая новые формы и сочетания, менялся весь контур решетки...

– Конрой, – сказала она. Мультвоплощение сексуальной небрежности потянулось возле видеоокна, в контурах Джейлин сквозила безмерная усталость, даже скука... – Так я и думала. – Окно полыхнуло белым, и на его месте сфокусировался кадр с изображением какого-то древнего каменного здания. – Парк-авеню. Он там с этими европейцами, просчитывает очередную интригу, – вздохнула невидимая красавица. – Думает, он в безопасности, понимаешь? Стер Рамиреса, прихлопнул его, как муху, лгал мне в лицо, потом улетел в Нью-Йорк к своей новой работе, а теперь думает, что он в безопасности...

Фигура чуть шевельнулась, и изображение снова изменилось. Теперь экран заполнило лицо беловолосого, того самого, который при Бобби позвонил высокому самураю по телефону Джаммера. «Она подключилась к его линии», – подумалось Бобби.

– Или нет, – сказал Конрой – это прорезалось аудио. – Так или иначе, она у нас в руках. Нет проблем.

«А у беловолосого усталый вид, – подумал Бобби, – но все под контролем. Суровый мужик. Как Тернер».

– А я ведь следила за тобой, Конрой, – мягко сказала Слайд. –

Мой добрый друг Банни, он за тобой присматривал для меня. Не один ты не спишь на Парк-авеню сегодня ночью...

– Нет, – говорил Конрой, – мы доставим ее вам в Стокгольм завтра. Совершенно точно. – Он улыбнулся прямо в камеру.

– Убей его, Банни, – медленно и раздельно произнесла Джейлин. – Убей их всех. Взорви весь этот чертов этаж и тот, что под ним. Сейчас.

– Вот именно, – сказал Конрой, и тут что-то случилось, камеру встряхнуло, изображение пошло волнами. – Что это? – спросил он, совсем другим голосом, на этом экран погас.

– Гори, ублюдок, – сказала она.

А Бобби рывком выбросило назад, в темноту...

33
Обломки крушения и водоворот

Марли час проплавала среди медленного шторма, наблюдая за танцем шкатулочника. Угроза Пако ее не испугала, хотя она и не сомневалась в том, что он готов ее исполнить. Нет сомнений, уж он-то свою угрозу выполнит. Она понятия не имела, что может случиться, если взломают шлюз. Наверное, все умрут. Умрет она, и Джонс, и Виган Лудгейт. Может, содержимое храма выплеснется в космос облаком, распускающим лепестки кружев и почерневшего серебра, осколков мрамора и обрывков веревки, коричневых страниц старых книг, чтобы навечно закружить по орбите вокруг оболочки сердечников. Что ж, это не нарушит стиля – художника, того, кто запустил шкатулочника, это бы только порадовало...

По кругу клешней с темперлоновыми подушечками пальцев бегала новая шкатулка. Забракованные прямоугольные фрагменты дерева и стекла, кувыркаясь, вылетали из фокуса творения, чтобы присоединиться к тысячам мелочей. И Марли, околдованная происходящим, с головой ушла в созерцание. В отверстие в полу протиснулся Джонс. Взгляд у него был совершенно безумный, а лицо покрыто пленкой грязи и пота. Вслед за ним на веревке вплыл красный скафандр.

– Не могу загнать Вига в место, которое я мог бы загерметизировать, – сказал он, – так что это тебе...

Скафандр под ним сделал попытку нырнуть, и Джонс в отчаянии дернул на себя веревку.

– Не хочу, – ответила Марли, не отрывая глаз от танца.

– Надевай! Сейчас же! Время вышло! – Губы парнишки судорожно подергивались, но никакого крика не получалось. Он попытался взять ее за руку.

– Нет, – сказала она, отодвигаясь от него. – Как насчет тебя?

– Надевай этот чертов скафандр! – заорал он, разбудив более глубокие, низкие регистры эха.

– Нет.

За его головой она увидела, как, мигнув пару раз, экран ожил и заполнился чертами Пако.

– Сеньор мертв, – сказал испанец безо всякого выражения на гладком лице, – и различные части его финансовых вложений претерпевают определенную реорганизацию. В настоящее время меня затребовали в Стокгольм. Я уполномочен сообщить Марли Крушковой, что она не находится более на службе у покойного

Йозефа Вирека, а также ни в коей мере не работает ни на основную, ни на одну из его дочерних компаний. Обусловленная контрактом сумма может быть получена в полном объеме в любом отделении Банка Франции по предъявлении юридически действительного удостоверения личности. Требуемые налоговые декларации занесены в базы данных соответствующих учреждений Франции и Бельгии. Линии рабочего кредита с настоящего момента объявлены недействительными. Бывшие сердечники корпорации «Тессье-Эшпул СА» являются собственностью одной из дочерних компаний покойного герра Вирека, и всякому, находящемуся на данной территории, будет предъявлено обвинение в нарушении...

Джонс застыл на месте, рука согнута, кисть раскрыта и напряжена, чтобы усилить ударный край ладони.

Пако исчез.

– Ты меня ударишь? – поинтересовалась Марли.

Он расслабил руку.

– Собирался. Сначала оглушить, а потом затолкать в этот чертов скафандр... – Он рассмеялся. – Но я рад, что мне не пришлось... Эй, смотри, он сделал новую.

Из мельтешащего порхания рук выкатилась новая шкатулка, и Марли без труда ее поймала.

Внутренность за квадратом стекла была гладко выложена кусочками кожи, вырезанными из ее пальто. Семь пронумерованных голофишей поднимались над черно-кожаным полом шкатулки, как миниатюрные надгробия. Мятая обертка от пачки «галуаз» была распластана по черной коже задника, а рядом с ней – серый в черную полоску спичечный коробок из бара в «Дворе Наполеона».

Вот и все.

Позже, когда она помогала Джонсу отловить Лудгейта в лабиринте коридоров у дальнего конца сердечников, парнишка вдруг остановился, уцепившись за литой поручень, и сказал:

– Знаешь, что самое странное в этих шкатулках?..

– Да?

– То, что Виг получал за них чертовски хорошие деньги. Где-то в Нью-Йорке. Я хочу сказать, большие деньги. Но иногда появлялись и другие вещи. То, что возвращалось наверх...

– Что за вещи...

– Думаю, это было программное обеспечение. Он чертовски скрытный старый хрен, когда дело доходит до того, что, по его мнению, хотят от него голоса... А однажды было нечто – он тогда клялся и божился, что это биософт, тот самый, новейшая

технология...

– И что он с ним сделал?

– Скачал во все сердечники целиком. – Джонс пожал плечами.

– То есть он его оставил у себя?

– Нет, – сказал Джонс, – просто швырнул в очередную груду хлама, который нам удалось наскрести для следующей поставки вниз. Просто врубил этот биософт в сердечники, а потом перепродал за ту цену, что смог выручить за эту игрушку.

– Ты знаешь, почему? В чем там было дело?

– Нет, – сказал Джонс, теряя интерес к собственному рассказу, – я даже не спрашивал, он все равно бы сказал, что пути Господни неисповедимы... – Парнишка пожал плечами. – Виг все повторяет, что Бог любит поговорить с Самим Собой...

34
Цепь в девять миль длиной

Он помог Бовуа перенести Джекки на сцену, где они положили ее перед вишнево-красными барабанами и накрыли старым черным пальто, нашедшимся в гардеробной – с бархатным воротником и многолетним слоем пыли по плечам.

– *Мап фе юбиле мнан,* — сказал Бовуа, касаясь большим пальцем лба мертвой танцовщицы. Потом он перевел взгляд на Тернера. – Это самопожертвование, – перевел он и мягко натянул черный воротник, закрывая ей лицо.

– Как быстро, – сказал Тернер. Больше ничего ему в голову не пришло.

Вытащив пачку ментоловых сигарет из кармана серого балахона, Бовуа прикурил от золотой зажигалки «Данхилл», потом протянул пачку Тернеру, но тот покачал головой.

– Есть одна поговорка на патуа, – сказал Бовуа.

– А именно?

– «Зло существует».

– Эй, – тускло окликнул их Бобби Ньюмарк со своего насеста у стеклянной двери, где он сидел, припав глазом к щели в шторах. – Должно быть, все-таки сработало... Готики начинают расходиться, а большинство казуаров, похоже, уже отчалили...

– Вот это хорошо, – мягко отозвался Бовуа. – Это благодаря тебе, Счет. Ты справился, Граф. Заслужил свое прозвище – в обоих смыслах. – Тернер поглядел на парнишку. Тот все еще двигался так, будто брел сквозь туман смерти Джекки, подумалось Тернеру. Парнишка вынырнул из матрицы с криком, и Бовуа пришлось дать ему пару крепких пощечин, чтобы остановить истерику. Но все, что он им сказал, о своем набеге, набеге, который стоил жизни Джекки, ограничилось тем, что он подтвердил, что передал Джейлин Слайд сообщение Тернера. Тернер наблюдал за Бобби, когда тот неуклюже встал, отошел на негнущихся ногах к бару, видел, как мальчик старается не смотреть на сцену. Были ли эти двое любовниками? Партнерами? И то, и другое представлялось ему маловероятным.

Встав со своего места на краю сцены, Тернер вернулся в контору Джаммера, по дороге проверив спящую Энджи, которая свернулась в его взрезанной парке на ковре под столом. Джаммер тоже спал в своем кресле, обожженная рука все так же лежала у него на коленях, полосатое полотенце наполовину развернулось. «Крепкий старикан, – подумал Тернер, – и бывалый ковбой». Как

только Бобби соскочил с набега, Джаммер снова подключил телефон, но Конрой так и не перезвонил. Теперь уже и не позвонит. Тернер знал, что это значит, а значило это то, что Джаммер был совершенно прав, говоря о скорости, с какой Джейлин Слайд нанесет удар, чтобы отомстить за Рамиреса, и что Конрой, конечно же, мертв. А теперь, по словам Бобби, и наемная армия провинциальных головорезов оставляет свои позиции.

Тернер подошел к телефону и, набрав код сводки новостей, устроился в кресле смотреть. В Макао паром столкнулся с миниатюрной подводной лодкой; спасательных жилетов оказались меньше положенной нормы, и по меньшей мере пятнадцать человек утонули; местонахождение лодки, увеселительного судна, приписанного к дублинскому порту, до сих пор не установлено... Кто-то применил безоткатное нарезное орудие, чтобы накачать огневой вал зажигательных снарядов на два этажа кооперативного здания на Парк-авеню; пожарные и тактические бригады еще осматривают место происшествия; имена жильцов пока держатся в тайне, и никто не взял на себя ответственность за теракт... (Тернер набрал код этого отрывка вторично...) Группа инспекторов Ядерной Комиссии, вызванная на место предполагаемого ядерного взрыва в Аризоне, настаивает на том, что уровень обнаруженной здесь радиоактивности слишком низок, чтобы быть результатом взрыва какой-либо из известных боеголовок... В Стокгольме объявлено о кончине Йозефа Вирека, невероятно состоятельного мецената; объявление всплыло посреди водоворота самых невероятных слухов о том, что Вирек был болен уже несколько десятилетий и что его смерть явилась результатом какого-то сбоя катастрофического характера в системе жизнеобеспечения в тщательно охраняемой частной клинике в пригороде Стокгольма... (Тернер прокрутил это сообщение во второй раз, потом в третий, нахмурился и наконец пожал плечами.) События из частной жизни наших абонентов: полиция окраины Нью-Джерси сообщает, что...

– Тернер...

Остановив сводку новостей, он повернулся, чтобы увидеть в дверном проеме Энджи.

– Как ты себя чувствуешь, Энджи?

– Нормально. Мне ничего не снилось. – Она зябко завернулась в свитер, глянула на него из-под обвисших каштановых прядей. – Бобби показал мне, где тут душ. Там что-то вроде раздевалки. Я сейчас туда вернусь. На голове у меня черт-те что.

Тернер пересек комнату, чтобы положить ей руки на плечи.

– Ты держалась молодцом. Скоро ты отсюда выберешься.

Передернув плечами, дочь Митчелла скинула его руки.

– Отсюда? И куда же? В Японию?

– Ну, может, не в Японию. Может, не в «Хосаку»...

– Она поедет с нами, – сказал из-за ее спины Бовуа.

– С чего бы мне этого хотеть?

– Потому что, – сказал Бовуа, – мы знаем, кто ты. Эти твои сны совершенно реальны. В одном из них ты встретила Бобби и спасла ему жизнь, отрезала его от черного льда. Ты сказала тогда: «Почему они делают это с тобой?»

Глаза Энджи расширились, взгляд метнулся к Тернеру, потом назад к Бовуа.

– Это очень долгая история, – продолжал Бовуа, – и она открыта для интерпретаций. Но если ты поедешь с нами – а мы возвращаемся назад на Проекты, – наши люди смогут многому тебя научить. Мы можем передать тебе то, чего не понимаем сами, но, возможно, поймешь ты...

– Почему?

– Из-за цепей в твоей голове, – серьезно покивал Бовуа и подтолкнул вверх к переносице свою пластиковую оправу. – Никто не станет принуждать тебя оставаться у нас против твоей воли. На самом деле мы здесь лишь для того, чтобы служить тебе...

– Служить мне?

– Как я уже сказал, это долгая история... Как насчет этого, мистер Тернер?

Тернер пожал плечами. Он понятия не имел, куда еще ей податься, а «Маас», без сомнения, выложит любые деньги, чтобы заполучить ее обратно – живой или мертвой, да и «Хосака» тоже.

– Возможно, это наилучший выход, – сказал он.

– Я хочу остаться с тобой. – Энджи повернулась к Тернеру. – Мне понравилась Джекки, но потом она...

— Неважно, – отозвался Тернер. – Я знаю. – «Ничего я не знаю!», — безмолвно кричал он. – Я еще свяжусь с тобой... – «Я никогда больше тебя не увижу». – Но есть еще кое-что, и будет лучше, если я скажу тебе прямо сейчас. Твои отец мертв. – «Он покончил с собой». – Его убили люди из службы безопасности «Мааса»; он задерживал их, пока ты уводила авиетку с плато...

– Это правда? Что он их сдерживал? Я хочу сказать, я вроде чувствовала, что он мертв, но...

– Да, – сказал Тернер. Вынув из кармана черный конверт Конроя, он надел ей на шею шнурок. – Здесь досье-биософт. Это тебе на будущее, когда ты станешь старше. Оно не расскажет тебе всего целиком. Помни об этом. Ничто никогда не дает полной правды...

Бобби стоял у бара, когда этот высокий выходил из конторы Джаммера. Высокий прошел прямо туда, где спала девушка. Подобрав свою драную армейскую куртку, надел ее, потом подошел к краю сцены, где лежала Джекки, казавшаяся такой маленькой под черным пальто. Высокий запустил руку иод куртку и вытащил пушку, огромный «смит-и-вессон», тактический образец. Открыв барабан, он извлек какие-то капсулы, убрал их себе в карман, а потом положил пушку возле тела Джекки. Положил так осторожно, что она даже не звякнула.

– Ты хорошо поработал, Граф, – сказал он, поворачиваясь лицом к Бобби, руки глубоко в карманах куртки.

– Спасибо, друг. – Сквозь оцепенение Бобби все же испытал прилив гордости.

– Пока, Бобби. – Высокий подошел к двери и начал один за другим пробовать различные замки.

– Хочешь выйти? – Бобби поспешил к двери. – Вот так. Джаммер мне показывал. Ты уходишь, старик? Куда ты собираешься?

И вот дверь открыта, и Тернер уходит прочь мимо заброшенных, опустевших лавок.

– Не знаю, – не оборачиваясь, крикнул он Бобби. – Мне нужно сначала купить восемьдесят литров керосина, а потом я подумаю...

Бобби смотрел ему вслед, пока тот не исчез. Судя по всему – вниз по мертвому эскалатору. Потом закрыл и запер на все замки дверь. Стараясь не смотреть на сцену, он зашагал к конторе Джаммера и заглянул внутрь. Энджи плакала, уткнувшись в плечо Бовуа, и Бобби почувствовал удививший его самого укол ревности. Телефон зациклило, и за спиной Бовуа по кругу бежала сводка новостей.

– Бобби, – окликнул его Бовуа, — Анджела какое-то время поживет на Проекте. Хочешь тоже перебраться к нам?

За спиной Бовуа на экране появилось лицо Марши Ньюмарк, Мамы-Марши, его матери:

«...из частной жизни наших абонентов: полиция предместья Нью-Джерси сообщает, что местная жительница, чье кондо стало мишенью недавней бомбардировки, была крайне удивлена, вернувшись вчера ночью и обнар...»

– Ага, – поспешно сказал Бобби, – конечно, друг.

35
Тэлли Ишэм

— Она хороша, – сказал два года спустя администратор съемочной группы, неторопливо макая корочку пористого деревенского хлеба в озерцо масла, собравшегося на дне миски с салатом. – По-настоящему. Схватывает все на лету, эта твоя новая дублерша. Надо отдать ей должное, не так ли?

Рассмеявшись, звезда взяла со стола стакан охлажденной «рестины».

– Ты ведь ненавидишь ее, правда, Робертс? Она для тебя слишком удачлива, да? Не сделала пока ни одного неверного шага...

Они опирались о шершавый камень балюстрады, глядя, как вечерний корабль уходит к Афинам. Двумя террасами ниже в сторону гавани на нагретом солнцем водяном матрасе лежала обнаженная девушка. Раскинув руки, она будто обнимала то, что осталось от заходящего солнца.

Забросив пропитанную маслом корочку в рот, администратор облизал узкие губы.

– Отнюдь, – сказал он. – Я не ненавижу ее. И минуты так не думай.

– А вот и ее дружок, – заметила Тэлли, когда на плоской крыше под ними появилась вторая фигура. Темноволосый парнишка был одет в свободный, небрежно дорогой французский спортивный костюм. Пока они смотрели, он подошел к матрасу и, присев возле девушки, коснулся ее плеча. – Она прекрасна, Робертс, не правда ли?

– Ну, – отозвался администратор, – я видел ее «до пробы». Пластическая операция, не более того. – Он пожал плечами, все еще не сводя глаз с юноши.

– Если ты где-то видел мои «до пробы», – сказала она, – кому-то ох как от меня нагорит. Но в ней что-то есть. Хорошие кости, основа... – Она отпила вина. – А вдруг это она? «Новая Тэлли Ишэм»?

Администратор снова пожал плечами.

– Ты только погляди на этого недоноска, – сказал он. – Ты знаешь, что он получает почти такое же жалованье, как я сейчас? И как он его отрабатывает? Телохранитель... – Его рот сжался в тонкую кислую линию.

– Помогает ей быть счастливой, – улыбнулась Тэлли. – Мы получили их в одном флаконе. Это – ключевое условие ее

контракта. Ты сам это знаешь.

– Терпеть не могу этого маленького ублюдка. Только-только с улицы – сам прекрасно это знает и плюет на всех. Он просто мешок с неприятностями. Знаешь, что он возит в своем багаже? Киберпространственную деку! Нас вчера на три часа задержали на турецкой таможне, когда нашли эту чертову штуку… – Он покачал головой.

Парнишка встал, повернулся и отошел к краю крыши. Девушка села, глядя на него, смахивая со лба непослушные волосы. Он стоял там долго, уставившись на двойной, расходящийся веером след в кильватере афинских кораблей. И ни Тэлли Ишэм, ни администратор, ни Энджи не знают, что он видит сейчас серую равнину барритаунских кондо, увенчанную темными башнями Проектов.

Девушка встала, пересекла крышу, чтобы присоединиться к нему, взяла его за руку.

– Что у нас на завтра? – спросила наконец Тэлли.

– Париж, – ответил администратор, беря с каменной балюстрады свою папку от «Эрме» и автоматически пролистывая тонкую пачку желтых распечаток. – Некая Крушкова.

– Я ее знаю?

– Нет, – сказал он. – Она из мира богемы. Заправляет одной из двух самых модных парижских галерей. Информации не так много, хотя мы раскопали многообещающий намек на какой-то скандал в начале ее карьеры.

Не обращая на него внимания, Тэлли кивнула. Звезда смотрела, как ее ученица кладет руку на плечо парнишке с темными волосами.

36
Беличий лес

Когда мальчику исполнилось семь, Тернер взял старый, с обмотанным нейлоновой лентой прикладом, винчестер Руди, и они вдвоем отправились в путешествие по старому шоссе, а потом через лес на поляну.

Поляна и без того была особым местом: мать его приводила сюда год назад и показывала самолет, настоящий самолет, спрятанный среди деревьев. Самолет потихоньку погружался в глину, но можно ведь просто посидеть в кабине, делая вид, что летишь. Это секрет, сказала мать, и о нем можно рассказывать только отцу и никому больше. Если положить руку на пластиковую шкуру самолета, шкура со временем изменит цвет, оставив отпечаток твоей руки, точь-в-точь под цвет ладони. Но тут мать стала совсем странной и заплакала, и захотела говорить о дяде Руди, которого он не помнил. Дядя Руди... ну, он относился к тому, чего мальчик совсем не понимал, как, скажем, некоторые из шуток отца.

Однажды он спросил у отца, почему у него рыжие волосы и откуда они у него, а отец только рассмеялся и сказал, что получил их от голландца. Тогда мать бросила и отца подушкой, и он так и не узнал, кто такой этот голландец.

На поляне отец учил его стрелять, прислонив к стволу дерева пару сосновых чурок. Когда мальчику это надоело, они долго лежали в траве, наблюдая за белками.

– Я пообещал Салли, что мы никого не убьем, – сказал отец, а потом стал объяснять азы охоты на белок. Мальчик слушал, но какая-то часть его видела сны наяву – о самолете. Жарко, и можно услышать, как поблизости жужжат пчелы и журчит по камням вода. Когда его мать плакала, она говорила, что Руди был хорошим человеком, что он спас ей жизнь, один раз спас от молодости и глупости, и еще раз – от очень плохого человека...

– Это правда? – спросил он своего отца, когда тот закончил говорить о белках. – Они что, правда, такие глупые, что снова и снова возвращаются, чтобы их подстрелили?

– Да, – ответил Тернер, – правда.

Потом он улыбнулся:

– Ну, почти всегда...

«С глазу на глаз» Уильям Гибсон интервью[11]

Беседу ведет Такаюми Тацуми, сотрудник журнала «Science Fiction Eye».

В беседе также участвуют: Том Мэддокс, писатель-фантаст; Эллен Дэтлоу, литературный редактор журнала «Омни»; Чарльз Браун, главный редактор журнала «Локус».

24—25 мая 1986 года

ТАЦУМИ. Ваше присутствие здесь, в Вашингтоне, произвело на меня немалое впечатление, хотя я прекрасно знаю, что вы живете в Ванкувере. Отчасти потому, что я только что прочел ваш второй роман «Граф Ноль», где в двадцать седьмой главе вы описываете, как Тернер и Анджела путешествуют подземкой из Вашингтона в Нью-Йорк. Я думаю, это какое-то совпадение.

ГИБСОН. Нет, я жил здесь раньше. Десять лет назад я жил в самом Вашингтоне. Так что этот эпизод написан по памяти. Я жил недалеко от Дюпон-Сёркл, топ площади, куда они выходят по пути на станцию. В некотором роде это образ Вашингтона 1969 года. В романе описан Вашингтон шестидесятых.

ТАЦУМИ. Следовательно, вы и на самом деле хорошо знакомы с этой частью Дистрикта[12].

ГИБСОН. Да, но я не был здесь уже очень много лет, так что для меня это скорее некая мифическая страна, нежели реальное место.

ТАЦУМИ. Почему бы вам не рассказать о том, какие чувства вы испытываете к тому месту, где выросли?

ГИБСОН. В Северной Америке одновременно уживаются множество вариантов регионального менталитета, существования которого, как мне кажется, люди не осознают. В моем случае я с тем же успехом мог бы жить в Англии или во Франции. Ванкувер во многом отличается от этого города. Вашингтон я помню по своим школьным годам. На мой взгляд, со временем начинаешь – в каком-то странном смысле этого слова – верить в то место, какое помнишь по детству.

В написанных мною книгах ни слова нет о штате Калифорния. Только в «Графе Ноль» девушка в первой главе живет где-то в Калифорнии, так что это первый раз, когда вы

осознаете, что Калифорния все же существует на самом деле. Но в моем воображении Западное Побережье очень велико. Для меня это просто место, о котором я мечтаю, но отнюдь не то, где мне хотелось бы поселиться.

ТАЦУМИ. Расскажите немного о своей учебе в Колумбийском университете. Брюс Стерлинг видит различие между вами в том, что основным вашим предметом был английский, он же изучал журналистику.

ГИБСОН. Пожалуй, неплохая догадка. Но, по правде говоря, меня не очень-то интересовало академическое образование до тех пор, пока я довольно основательно не вышел из того возраста, в каком в Северной Америке обычно посещают колледж. Я поступил в университет, когда мне было сильно за двадцать, году в 74-м или 75-м, это был один из способов избежать необходимости работать. Учиться мне было проще всего. У меня было достаточно времени и лени, чтобы воспринимать образование всерьез, но оно наградило меня кошмарным грузом теории. Думается, я слишком много читал литературоведческих трудов.

ТАЦУМИ. То есть вы не посещали творческих мастерских или занятий по литературному мастерству?

ГИБСОН. Нет. Года три я проработал в качестве младшего преподавателя по курсу истории кино, и, пожалуй, именно это повлияло на меня больше всего. Мне никогда не хотелось писать сценарии, но, похоже, эта работа основательно сказалась на моем мировоззрении. Я был вынужден просмотреть множество старых и очень хороших фильмов.

ТАЦУМИ. Так, значит, вас гораздо больше интересовало изучение кинематографа, а не литературного мэйнстрима?

ГИБСОН. Это было гораздо веселее. По мере того как скандальная слава вынуждает меня все больше задумываться над тем, что я делаю, я начинаю сознавать, что кино оказало на меня гораздо большее влияние, нежели литература. Я также начинаю думать, что многое в моих первых двух книгах запрограммировал Ховард Хоукс[13]. Особенно это касается образа сильной женщины, которая не может связать свою жизнь с кем-либо из мужчин, описанных в романе, за исключением одного-единственного, который может оказаться столь же сильным, как и она, но, как выясняется, таковым не является. Просто потрясающе, как Хоукс мог проделывать нечто подобное, создавать такие образы, причем так давно, а люди, не понимая, что перед ними, считали его картины лишь развлечением для массового зрителя.

ТАЦУМИ. В ваших произведениях встречается немало

модных литературоведческих терминов. Например, «Континуум Гернсбека» интерпретирует летающие тарелки и пришельцев как «семиотические призраки». В «Зимнем рынке», моем самом любимом из всех ваших рассказов, одно из действующих лиц – Рубин «Гоми но сэнсей» (Повелитель мусора). Некоторые из его автоматов, цитирую: «...были созданы, похоже, лишь для того, чтобы саморазрушаться, производя при этом как можно больше грохота».

Я не спрашиваю, в какой мере вы знакомы с этими терминами, только хочу отметить, что эти литературоведческие термины звучат столь же модно, как и «киберпанк». Именно модность, похоже, характеризует все ваши произведения.

ГИБСОН. Я думаю, это произошло скорее случайно, нежели намеренно... Есть такой американский кинокритик (который в наибольшей степени повлиял на мой литературный стиль и которого зовут Мэнни Фарбер), который разграничивал то, что он называл «термитным искусством», где режиссер фильма категории «Б», задав ряд объектов, начинает рыть норы между ними, и тем видом голливудского искусства, где создатели, взяв огромный пласт реальности, пытаются придать ему какой-то смысл; последнее, на мой взгляд, было обычным подходом в научной фантастике.

Я определенно отношу себя к «термитной школе». Мне всегда гораздо больше нравилось блуждать по закоулкам, нежели смотреть со стороны, как выглядит целое. Если рассматривать здание научной фантастики в целом... я пытаюсь избегать этого. Но иногда закоулки действительно меня увлекают. Я всегда чувствовал, что исследую какие-то закоулки.

ТАЦУМИ. Пограничные зоны.

(Шум в холле, все начинают разом говорить о пустяках. Кто-то упоминает ширину ленты, естественные ограничения, присущие передаче информации; этот вопрос возник во время предыдущей дискуссии.)

МЭДДОКС. Мне больше всего понравился этот парень, который говорил о ширине ленты.

ГИБСОН. Это был весомый довод. Я этого не желал знать. Есть же какой-то способ это обойти. Мы способны взлететь к звездам.

Вопрос, однако, чисто риторический, поскольку любой из нас прямо сейчас может получить доступ к такому объему информации, что он может запросто убить его. Так почему этого парня так волнует невозможность получать ее в достаточном количестве? Каков уровень информационной болезни?

Вы не читали книгу, в которой женщина в первой главе

трахается с дельфином? Я забыл имя автора. Каждый, кто имеет дело с киберпанком, должен смотреть на...

БРАУН. Тед Муни, «Легкое путешествие на другие планеты».

ГИБСОН. Ага. Это литературное произведение, одно из немногих в Соединенных Штатах, на которое, как мне показалось, большое влияние оказали Фил Дик и Баллард, а также многие другие. Но в нем есть идея, концепция – действие романа помещено в неопределенное ближайшее будущее, – и там есть нечто именуемое «информационной болезнью», от которой многие в книге сходят с ума и кончают жизнь самоубийством. Великолепная идея. Слишком много информации – и рак вам гарантирован. Я это почувствовал, когда был в последний раз в Англии.

МЭДДОКС. Информационный грипп.

ТАЦУМИ. У нас в Японии это называется «канцуме», что буквально означает «канцероген».

ГИБСОН. Вот поэтому я боюсь ехать в Японию, боюсь приступа информационной болезни. Мне понадобится пять дней на адаптацию, чтобы меня поместили в гостиницу и выставляли бы на воздух лишь понемногу.

Одна из причин, почему я столько писал о Японии, заключается в том, что Ванкувер — туристический рай для японцев. Может, туда проще получить визу. Поэтому Ванкувер полон молодых, идущих в гору японцев. Прямой рейс самолетом. Они сходят с самолета и вроде как впитывают все в себя. Есть японские рестораны и ночные клубы, которые обслуживают в основном японских туристов. Так что это то, что я и в самом деле могу наблюдать.

Несколько японцев, с которыми я познакомился в Ванкувере, говорили: «Если я останусь здесь еще на месяц, из моей игры просто исчезнет грань, и, вернувшись, я просто не смогу функционировать». Думаю, американцы могут сказать то же самое мексиканцам. Я никак не могу отделаться от ощущения, что японцы в Ванкувере обретают место, которое одновременно и огромное, и медленное, очень англосаксонское и замшелое. Мне Ванкувер кажется очень оживленным городом, но когда сюда приезжают японцы, для них это тихий уголок, пустынное место, где пространство простирается в бесконечность. Одни начинают нервничать и улетают домой на первом же самолете. Другие остаются и растворяются в городе. Но самыми проницательными мне всегда казались те, кто поворачивался и говорил: «Это действительно чудесно, но я не могу здесь остаться. Я должен уехать домой, потому что, если я не уеду прямо сейчас, мне никогда не включиться в то, что я там делаю».

Зачастую это очень грустно. Они просто уезжают – как раз тогда, когда уже почти проникаются городом. А вот женщины часто остаются. В Ванкувере можно встретить японок, которые никогда не уедут назад, и они, вероятно, идут на ужасный риск, оставаясь у нас. Но они приехали, что-то щелкнуло, и они говорят: «Не выйдет. Я не вернусь». И ты понимаешь, до какого отчаяния нужно дойти, чтобы сказать такое.

ТАЦУМИ. Я знаю нескольких японских журналисток, которые живут в Ванкувере. Они время от времени присылают материалы в японские газеты, но домой не возвращаются.

ГИБСОН. В Ванкувере чувствуется атмосфера настоящей японской эмиграции. И это очень странно. Немалую роль играют и деньги. Перепады в уровнях развития экономики – для меня жить в Ванкувере, как для американца приехать и Лондон. Действительно, очень похоже. Твердая валюта, приятель, – это иена. Вот настоящие деньги. Североамериканцам видеть это только на пользу. Я и правда этим питаюсь. Это очень увлекательно.

ТАЦУМИ. Как называется та книга, которую вы упомянули?

БРАУН. «Легкое путешествие на другие планеты». Несмотря на название, это не совсем научно-фантастический роман, он – не о космических путешествиях.

ГИБСОН. Ты прав, он – не о космических путешествиях. Но это увлекательная книга, поскольку автор, очевидно, впитал в себя и Балларда, и Дика, и много чего еще, и вроде как все это переработал. На меня большое впечатление произвел конец книги, где он перечисляет все источники своего плагиата. Он не говорит: копирайт такой-то; он говорит: а эту строчку я украл из песни Ареты Фрэнклин. Он все-все это перечисляет. Вероятно, в каком-то смысле это лучшая часть книги. Я подумал: черт, мне следовало сделать это в «Нейроманте», например: а вот это написал Лу Рид...

МЭДДОКС. Это уже интертекст.

ГИБСОН. Ага, интертекст. Я подумываю о том, чтобы написать интертекст к «Нейроманту» для журнала «Фаундейшн», меня постоянно донимает Иэн Уотсон, требуя, чтобы я прокомментировал, откуда что взято.

На мой взгляд, интереснее всего сейчас было бы наблюдать за возникновением произведений, которые стоят как бы на границе между жанрами. Есть такой писатель Стив Эриксон, я как раз его сейчас читаю, который написал два романа. Он написал книгу под названием «Дни меж станций», а недавно я получил верстку еще одной книги, которая называется «Пляж Рубикона». Издательская аннотация на верстке говорит, что это что-то между

Маркесом и «Бегущим по лезвию бритвы». Эриксон делает то же самое, что и писатели-фантасты, но ему не приходится возиться с громоздкой научно-фантастической атрибутикой. Он как бы въехал в пустующий дом и теперь переделывает его по своему разумению. Вполне вероятно, что он умрет с голоду, поскольку у него за спиной нет той коммерческой системы поддержки, какая существует у нас внутри жанра.

Что до меня, то я не нахожу особого удовольствия в научной фантастике как литературном жанре. Печальная истина такова, что последние семь лет я не находил в себе сил читать ее. Это – та страшная цена, какую приходится платить. Фантастика или настолько хороша, что действует на нервы, или настолько плоха, что от нее просто заболеваешь. Мне очень нравится Пол Скотт. Все, что не является научной фантастикой и настолько хорошо написано, чтобы заставить тебя забыть о научной фантастике, – вот что я ищу.

МЭДДОКС. Иными словами, если книга по уровню воображения написана хорошо, то она вполне может сойти за научную фантастику.

ГИБСОН. Вот именно. Я все больше и больше осознаю, что полет воображения, который люди от НФ считают прерогативой исключительно научной фантастики, на самом деле источник – а может быть, и результат – способности, черт побери, хорошо писать. В Англии это знают. Такое впечатление, что в Англии это знают все и каждый. Очень странно, что здесь этого не знает никто. Все, что сравнительно хорошо написано, вызывает то же самое пугающее ощущение потери почвы под ногами, поскольку дает новые ощущения и опыт. Но такого у нас не много.

МЭДДОКС. Это верно в отношении того парня, который написал «Дни меж станций», Эриксона. Поскольку он дает вам этот «толчок», в каждом предложении у него есть этот «толчок».

ГИБСОН. И это весьма примечательно, поскольку подобные книги не приносят мне полного удовлетворения. Это, скажем, как смотреть... о Господи, забыл метафору. Черт побери, дайте мне метафору. Это, скажем, как наблюдать бой двух собак в Гвадалахаре. Это восхитительный стиль. На стилистическом уровне это непревзойденное произведение, в нем нет ни одного лишнего слова, и у Эриксона самые сумасшедшие идеи.

ДЭТЛОУ. И все же это почему-то не работает.

ГИБСОН. Дело не в том, что это почему-то не работает. Исходя из того, что ты делаешь, исходя из твоих очевидных способностей и профессионализма, ты оказываешься связан некими обязательствами по отношению к структуре повествования, которую, по-моему, сам едва осознаешь. Несмотря

на все мои попытки, я сам не осознаю ее до конца. Когда в процессе написания вещи я что-то делаю и это «что-то» проваливается, то происходит это потому, что мое «что-то» не соответствует данной структуре. Вот почему я не могу читать «Кибериаду» Станислава Лема. Потому что кто-то мне однажды сказал, что это – Kunstmarchen[14], художественные волшебные сказки, декадентская форма девятнадцатого века – все эти отощавшие ребята, пишущие где-то волшебные сказки. Это очень здорово, но предполагается, что вы знаете, что это здорово, в этом-то вся соль. Это выше моего разумения, мне не раз это объясняли, но я просто не могу их читать.

МЭДДОКС. Я читал интервью с Ле Карре и рецензию Энтони Берджесса в «Обсервере», который, обозревая «Совершенного шпиона», рвет и мечет по поводу успеха Ле Карре. В общем и целом смысл сводится к следующему: «Этот человек мог бы написать настоящий роман». Это заставило меня задуматься, и я вернулся и просмотрел то, что писал Берджесс раньше и что он говорит о том, что каждый хороший писатель стремится отделаться от сюжета, отделаться от всех этих хитросплетений и совпадений, и тогда я подумал: «нет, то, что ты говоришь, касается только того, что есть „настоящий роман“ для тебя, а людям нравится Ле Карре; и авторы, пишущие научную фантастику, должны уметь создать крепко сбитый сюжет».

ГИБСОН. Здесь происходит что-то очень верное. Когда я впервые встретился со Стерлингом, больше всего меня в Брюсе зацепило то, как он посмотрел в пространство перед собой и сказал: «Знаешь, книга, которую я хочу написать, будет состоять исключительно из описаний. Там вообще не будет никаких глаголов». Он был абсолютно серьезен. Это было поздно ночью, и Брюс рассказывал мне, что ему на самом деле хочется сделать. Он почти добился этого в «Схизматрице».

Единственное достоинство, какое я могу извлечь из своей принадлежности к фантастическому гетто, заключается в том, что я могу, черт побери, построить сюжет. Я чувствую сродство с Дэшилом Хэмметом. Если я встречу какого-нибудь парня, который кормится тем, что преподает литературное мастерство в колледже, и если между нами возникнет какая-то враждебность, думаю, я смогу сплести интригу. Есть еще порох в пороховницах. Это совершенно потрясающее ощущение, когда, делая какой-то другой материал и подгоняя развитие сюжета, вдруг понимаешь, что оседлал что-то совершенно сумасшедшее. В этом удовлетворение от самого процесса работы с текстом – в том, что можешь делать и то, и другое – и стиль, и сюжет.

ТАЦУМИ. То же самое сказал мне позавчера Брюс. Он всегда

сосредоточен на идее, в то время как ты сосредоточен на литературной структуре, композиции. Возможно, в этом и состоит различие между вами.

ГИБСОН. Для меня самое невероятное в Стерлинге то, что в своих текстах он время от времени как будто отталкивается от какой-то стенки – будто он и в самом деле знает, как сделать в НФ что-то новое. Ведь в научной фантастике не так уж много новаций. Так что он отталкивается от стенки и говорит: «Хотите идею для романа? Хотите две? Хотите, черт побери, десять?» И так идет – бум, бум, бум – страниц этак двадцать, и вдруг понимаешь, что этот парень создал поле идей лет на десять вперед. Это как наблюдать за человеком, который поедает цыплят живьем.

МЭДДОКС. Брюс – монстр. Это правда. Он – игрок.

ГИБСОН. Да, он – игрок. Он способен левитировать. Я слышал, сколько идей он способен выдать на-гора за разговором, когда разойдется или просто в подходящем настроении, и если бы я не столь тепло к нему относился и все бы запомнил, то мог бы на этом жить. Это как какой-то эктоплазм.

ТАЦУМИ. Следующий вопрос связан с темой «гоми», которую вы активно используете. Я бы даже сказал, что в ваших произведениях существует некая базовая взаимосвязь между «гоми» и модой.

ГИБСОН. В последнее десятилетие в дизайне утвердилось очень модное направление, нечто вроде ретродизайна, то есть: вместо того чтобы пытаться создать что-то новое, ты возвращаешься вспять и вырываешь что-то из контекста.

У меня есть подозрение, возникшее из разговоров с моими японскими друзьями, что будь то мусор, или «гоми», – в Японии это совсем не так уж желанно. Кто-то мне однажды сказал, что в Японии идея одежды «секонд-хэнд» на самом деле вряд ли может быть названа удачной. Здесь же с этим все о'кей, это даже модно. Можно найти одержимых чудаков от моды, которые готовы платить кокаиновые цены за платья полувековой давности.

ДЭТЛОУ. Я, скажем, заплачу.

ГИБСОН. Ну вот, она заплатит.

ДЭТЛОУ. Но у моей матери подержанная одежда вызывает отвращение.

ГИБСОН. Один мой приятель, ездивший в Японию, привез оттуда несколько чемоданов, набитых тончайшей работы кимоно, просто потому что эти кимоно были «секонд-хэнд». В этом, полагаю, кроется настоящее различие между культурами.

То есть когда я использую «гоми», у этого слова совсем иные семиотические коннотации, поскольку я воспринимаю мусор и

как стихию, в которой мы движемся, пребываем, и как что-то вроде… Для меня это вопрос, что считать искусством, а что мусором.

ТАЦУМИ. Есть разница между мусором и хламом. У слова «гоми» несколько значений: это и «хлам», и «отбросы», и «грязь». В Японии существуют взаимообусловленные отношения между «гоми» и чем-то по-настоящему модным.

ГИБСОН. Некоторые японцы говорили мне, что когда они впервые покинули Японию и попали в другие столицы мира, больше всего их поразило даже не то, что они оказались за границей, – и дело не в том, что вы выезжаете в другую страну, словно перепрыгиваете в другую часть Муравейника, – нет, они как будто переместились из одной части двадцать первого века в другую – в противоположность веку двадцатому. Париж, Лондон, Нью-Йорк, куда бы вы ни поехали, – эти города как бы граничат друг с другом.

Но если вы попадаете в место, где этого не происходит, то вы как будто возвращаетесь на двадцать лет назад. На мой взгляд, это прекрасная точка зрения на данный процесс. Мы только думаем: ладно, мы крутые, мы сейчас в Токио, завтра мы будем в Нью-Йорке, мы можем двигаться сквозь это, но если мы сойдем с колеи – все, мы увязли.

МЭДДОКС. Время превращается в пространство. Если вы движетесь через иные отрезки времени, можно окончательно потеряться и застрять вдруг ни с того ни с сего в 1870 году. Как, скажем, щелк – и вы в каком-нибудь городишке в Алабаме в Бог знает каком году.

ГИБСОН. Вот это верно, такое случилось и со мной. Где-то в глубине души я твердо верю, что если я сойду с колеи… Вот почему я никогда не возвращаюсь домой в Вирджинию. Вот почему я иду на такие беспредельные семантические муки, чтобы держаться подальше от этого городка. Дело именно в страхе, что я туда приеду, и щелк: 58-й год. В 1958-м я не мог бы оттуда выбраться, меня там даже не было. Но что-то произойдет, и я окажусь слишком далеко от колеи.

МЭДДОКС. …местом действия моего первого, моего неудавшегося шедевра – рассказа, который я написал, – была Западная Вирджиния, год 1952-й.

ГИБСОН. Гениальный был рассказ.

МЭДДОКС. Там как раз шла речь о страхе быть закинутым в 1952 год.

ГИБСОН. В первой вещи, которую пытался написать Том, была сюжетная линия, в которой некто совершил ошибку. А случилось следующее: герой, его жена и ребенок были изгнаны в

Западную Вирджинию в 1952 год, и вот они там. Вот они оказываются в том времени, выходят на улицу, в гости, как-то зарабатывают на жизнь, и место кажется не таким уж скверным, но...

ТАЦУМИ. Когда я думал об использовании вами «гоми», я сразу же вспомнил, как в «Графе Ноль» вы описываете безмолвные фигуры на Дюпон-Сёркл, которые продают: «отсыревший картон конвертов черных пластиковых аудиодисков, рядом – потертые протезы на батарейках с хвостами примитивных нейроадапторов, пыльный аквариум, полный продолговатых собачьих медалей, перетянутые резинками стопки поблекших почтовых открыток, дешевые индийские троды, все еще запаянные в пластик, разношерстные наборы солонок и перечниц, клюшка для гольфа с кожаной ручкой, швейцарские армейские ножи с отсутствующими лезвиями, погнутая мусорная корзинка с литографией портрета президента, имя которого Тернер почти что вспомнил (Картер? Гросвенор?), расплывчатые голограммы Монумента...»

ГИБСОН. Да, «Граф Ноль». Ну, мусор – штука, склонная к рецидиву. И в «Нейроманте», и в «Графе Ноль», и в «Сожжении Хром» герои неизменно возвращаются на склад Финна.

Заведение Финна – дворец семиотического утиля. Само это место – как стопки ветхих глянцевых журналов давно минувших лет. Когда я писал этот пассаж, я наслаждался этим описанием больше, чем чем-либо, и мог бы продолжать так до бесконечности. Мне пришлось отчаянно сдерживаться, даже сейчас еще осталось кое-что, что я опустил.

Если бы я мог что-либо изменить в «Нейроманте», это было бы то место, где нечто – чем бы оно там ни было – представляется Финном. «Финн» является в поддельной обстановке «Метро Голографикс» и говорит: «Вы всегда строите модели. Каменные круги. Соборы. Стоящие в этих соборах органы. Арифмометры. Ты можешь себе представить, что я не знаю, почему нахожусь здесь? Но почему бы вам, ребята, не послать все это на фиг и лучше поговорить со мной, или, лучше, мы бы поговорили с вами?» Но некоторые люди уже сказали: «Ага, но тебе нужно было написать там и то, и это, прогрессия строительства этих инструментов просто гениальна». Я сделал бы этот пассаж гораздо длиннее, и вероятно, испортил бы книгу.

ТАЦУМИ. Вы соотносите подобную одержимость с чем-то японским?

ГИБСОН. Нет, речь идет об энтропии.

ТАЦУМИ. Как у Томаса Пинчона?

ГИБСОН. Кажется, в «Зимнем рынке» герой говорит: «Все это дерьмо, должно быть, однажды для кого-то что-то значило, пусть

даже на какое-то мгновение». Для меня это ландшафт, в котором мы живем. Как Корнелл. Никто в мире фантастики не знает, кто такой Корнелл, все думают, что я его выдумал. Корнелл полагал, что обладание одной из его шкатулок изменит жизнь владельца. Сумасшедший был, как мартовский заяц.

МЭДДОКС. Однажды на какой-то выставке он так высоко расставил свои шкатулки, что в них невозможно было заглянуть.

ГИБСОН. Шкатулки. Шкатулки Корнелла. В этом есть что-то от фетишизма, некая сексуальность утиля. Он был в высшей степени Лавкрафтовским персонажем. В течение бесконечно долгого времени он являл собой воплощение собственных представлении о мученичестве – не менялся на протяжении сорока лет. Он знал содержимое каждой свалки, каждого магазина подержанных товаров в Манхэттене. Всех до единого. Он знал, куда ему идти за предметами для своих шкатулок. Жутко. В этом есть что-то запредельное.

ТАЦУМИ (Мэддоксу). Какую конструкцию вы имели в виду, говоря в своей статье о Гибсоне о постмодернистском дадаизме?

МЭДДОКС. Скажу вам правду. Я даже не знаю, что это значит. Я хочу сказать, дадаизм и постмодернизм – это же нонсенс. Дадаизм отсылает к Швейцарии тридцатых годов. У Билла нет никакого дадаизма, все очень разумно. Это – творчество разумного человека. Оно целиком принадлежит к постмодернизму, поскольку совершенно вандалистично. Именно это я и говорил в первой части.

ГИБСОН. Да, оно вандалистично.

МЭДДОКС. Он – человек утиля, и в этом суть всего, что означает постмодерн. Модернисты стремились к объектам изящной формы, как Элиот в «Четырех квартетах», это – законченная музыкальная форма. Постмодернист же просто хочет сложить вместе ту кучку дерьма, которая выражала бы культуру.

ГИБСОН. У постмодернистов нет объекта.

МЭДДОКС. Постмодернист понимает, что «Квартеты» – это дерьмо собачье.

ТАЦУМИ. Билл одержим образом осколков, как в «Осколках голографической розы».

МЭДДОКС. Видишь ли, эти люди полагали, что необходимо предоставить некое построение, которое производило бы впечатление единого целого, именно это мы и делаем с сюжетом. Вот и все, а сюжет здесь только предлог.

ГИБСОН. Учитывая интенсивно реакционную природу жанра, в котором я работаю, я испытываю потребность культивировать что-то вроде гипертрофированной мышцы сюжета. Я не собираюсь давать ей поблажек.

МЭДДОКС. И Брюс точно такой же.

ГИБСОН. Да, он думает, что мир вполне готов к тому, чтобы пропеть настоящую песнь.

Одна из немногих вещей, сказанных Хайнлайном, которая вызывала у меня уважение, касалась того, как писать короткий рассказ, – это как будто вы идете по улице и из переулка выскакивает пьяный, хватает вас за воротник и начинает трясти. Вот как пишется короткий рассказ. Это действительно верно, хватайте засранца.

Стивен Кинг в одном из первых своих интервью итальянскому глянцевому журналу, когда он был еще вроде как потрясен и открыт подобному вниманию, сказал: «Знаете, что мне нравится в писательском ремесле? Ты можешь отбить одну овцу от стада, поскольку человек, когда читает, и вправду очень одинок». Книг был вполне откровенен в этом. Он еще сказал, что это крайне садистский акт.

ТАЦУМИ. Чувство утиля у вас тесно связано с вашей одержимостью осколками?

ГИБСОН. Я не могу абстрагироваться от контекста массовой культуры. Я вырос, воспринимая Уильяма Берроуза как нечто само собой разумеющееся, еще когда мне было тринадцать лет. Думаю, Берроуз – серьезнейшая разграничительная линия. Люди или понимают его, или нет. Хол Клемент, вероятно, не понял бы в Берроузе вообще ничего.

Берроуз оказался тем, кто, следуя курсом своего бреда, наткнулся на научную фантастику и подобрал ее, как подбирают ржавый консервный нож. Он использовал фантастику как осколок, как гротескный и патетичный фрагмент, чтобы вставить его в свою культуру.

Вот откуда я происхожу на самом деле. Я теряю дар речи, знакомясь с теми, кто действительно принадлежит к истинной культуре научной фантастики, с теми, к кому я испытываю неподдельное уважение.

ТАЦУМИ. Ваше разграничение Токио и Тибы может показаться небезынтересным.

ГИБСОН. А вот это на самом деле довольно глупо. Не помню, как именно я набрел на Тибу. Вроде как неловко было, я даже не знал, что Тиба существует, так что мне пришлось создавать некую фантазию на тему Детройта. Детройтом ведь никто не гордится. Это просто грязная отвратительная окраина. Я начал использовать ее, так как этот образ обладал ярко выраженной особенностью отсылать к одному данному месту, которое представлялось каким-то новым городом в Японии.

Когда шла работа над «Нейромантом» и я уже был где-то на

середине романа, мне в руки попала карта Японии и я вдруг осознал, что Тиба, слава Богу, действительно лежит через какой-то пролив, так что в географии романа есть все же какой-то, пусть и довольно смутный, смысл. Но для меня это было важно. Мне бы не хотелось, чтобы какой-нибудь засранец встал и заявил: «Эй, ты не посмотрел на карту, Тиба на другой стороне...»

Япония интересует меня все больше и больше, но я начинаю испытывать некоторое смущение от того, что написал роман, ничего на самом деле о ней не зная. Это просто фантазия. Думаю, как фантазия она и обладает странной, с сумасшедшинкой властью. Это как Персия для девятнадцатого века.

МЭДДОКС. Как Византия Йейтса.

ГИБСОН. Да, но это не Япония. В особенности мне бы не хотелось, чтобы японские читатели думали, что это Япония. Но это может кое-что рассказать им о...

ДЭТЛОУ. Странном эхо.

ГИБСОН. Вот именно, о странном эхо, о снах с запада.

МЭДДОКС. Их Соединенные Штаты – не наши Соединенные Штаты. А обмениваемся мы именно сумасшедшими семиотическими сообщениями, мне нравятся эти странные конструкты, которые мы переправляем друг другу. Я пошлю вам свою дурацкую шкатулку Гибсона, если вы...

ТАЦУМИ. Профессор Тагоми в «Человеке в высоком замке» – японец, но важно, однако, то, что в Японии такого имени не существует. Это только вдохновенное воображение Фила Дика. Однако имя звучит действительно по-японски, а это и было важно. Но, читая произведения Билла, я не мог найти никакой странности.

ГИБСОН. Ну, это хорошо.

ТАЦУМИ. Все японские имена и произведениях Билла вполне убедительны. Даже несмотря на то, что он ничего не знает о Тибе, обозначение «Тиба» приятно ему на слух. Тиба-сити.

ГИБСОН. На обозначениях в фантастике можно сделать неплохой текст, можно взяться и начать обозначать.

ТАЦУМИ. В чем различие между «Бегущим по лезвию бритвы» и «Нейромантом»? Вы ведь отрицаете влияние на роман фильма «Бегущий по лезвию бритвы».

ГИБСОН. К тому моменту, когда вышел фильм, роман был уже наполовину написан. Когда я пошел смотреть «Бегущего по лезвию бритвы», то запаниковал и сбежал из кинотеатра Я до сих пор так еще и не видел весь фильм целиком.

Недавно я прочел первоначальный сценарий, который был просто гениальным, совсем не похожим на то, что в результате сделали с фильмом. Это один из лучших сценариев, какие я

когда-либо читал. Абсолютно, черт побери, захватывающий, когда садишься и начинаешь читать. Построен по методу «вспоминания».

Первоначальный сценарий открывался эпизодом, где персонаж Харрисона Форда забирается куда-то на Аляску, в какое-то Богом забытое место. Он приходит в поселок рудокопов и находит свой дубликат. У парня там есть собака, Форд бросается на двойника, убивает его. Собака убегает, тут выясняется, что собака тоже репликант, потому что, пытаясь убежать, она ломает ногу и начинает механически ковылять по кругу. Форд подходит к двойнику, запускает ему руку в рот, нажимает на кнопку и забирает нижнюю челюсть для идентификации, в то время как покалеченный репликант собаки все бегает по кругу.

Таково вступление, и я подумал: «Господи Боже, это же просто гениально». Остальной сценарий приблизительно в том же духе, его просто порезали на студии. Помните конец, где вас вывозят за город и с тех пор вы живете счастливо? Ну хорошо, в сценарии герои тоже едут за город. Но в этой последней сцене он выводит ее из машины, они сидят на траве, они целуются, и он протягивает ей пистолет и уходит от машины. Женщина стреляется, и фильм кончается эхом выстрела, и единственный вставленный голосом-накладкой текст – это слова героя: «Не знаю, она сказала, что хочет посмотреть на цветы, а я хочу вернуться в Сан-Франциско...» – и дальше затемнение. Это круто. Это действительно хорошая работа.

Хэмптон Фэнчер, так звали сценариста, он пишет, как я не знаю кто. Мы пытались уговорить его написать сценарий для экранизации «Нейроманта», но он сбежал в Париж. Этот парень просто нечто, мне бы очень хотелось с ним познакомиться.

ТАЦУМИ. Вы видели «Терминатор»?

ГИБСОН. Да, и мне он очень понравился.

БРАУН. Он гораздо лучше, чем у него есть на то какое-либо право.

ГИБСОН. Отнюдь. Там есть, черт побери, сюжет. Причем вполне разумный, логичный сюжет. Когда ты в последний раз видел фантастический фильм с логичным сюжетом? Ничего сногсшибательного, но если ты можешь работать на таком уровне, то всегда найдется кто-то, кто будет продолжать повышать планку. Каждый раз, когда Арнольд вырывает себе глаз...

ТАЦУМИ. У вас есть какое-то специфическое представление, что такое киберпанковское движение?

ГИБСОН*(со стоном)*. Только не это слово. Я был бы очень

расстроен, если бы кто-то подумал, что это я изобрел понятие «киберпанк», поскольку я этого не делал. Ярлыки – смерть для подобных вещей. Думаю, сам факт существования этих ярлыков возвещает конец того, на что они наклеены. Как только появляется ярлык, исчезает суть.

Ярлык «киберпанк» существовал чуть ли не до появления самой литературы. По-моему, он родился от отчаянной потребности у тех, кто был в этом деле дольше, чем я, почувствовать, убедить себя, что что-то происходит. Меня это не радует. Все в порядке, если кто-то хочет платить мне за это. Но это меня беспокоит. Думаю, что ярлык запутает менее известных авторов, которые попытаются этим заниматься. Будет немало боевиков с мордобоем. Появится множество поделок о парнях с томагавками, севших за компьютер. Киберпанк бьет мимо цели.

ДЭТЛОУ. Ко мне постоянно приходят авторы, делающие нечто подобное. Приходят те, кто пишет уже давно, и вдруг оказывается, что они пишут кибернанк.

ГИБСОН. Как трогательно, черт побери.

ДЭТЛОУ. Все это – мусор. Не в этом дело. Это все – внешние атрибуты.

ГИБСОН. А они даже не понимают внешних атрибутов. И атрибуты-то у них не те. Вот почему книга Эриксона так увлекательна – потому что, я уверен, он ничего об этом не знает, и плевать ему на киберпанк. Но он попадает в ту же стилистическую тональность, отлично выдержанную, гораздо лучше, чем у меня, где мало что происходит, но все пронизано каким-то особым чувством.

Имитации киберпанка ужасны. Я не думал, что такое вообще может произойти. Это действительно угнетает. Как «Оголенный нерв» Уолтера Йона Уильямса. Это действительно угнетает. В романе есть какие-то фрагменты, которые намекают на мой синтаксис, что просто сводит меня с ума, да и мне вроде как нравится сам автор. Он веселый человек и неплохой писатель, но...

ТАЦУМИ. То есть вы не признаете киберпанк как движение.

ГИБСОН. Что-то происходит. Что-то начинает происходить, но говорить об этом как о движении – значит как-то огораживать его, точно так же, как рассматривать его вне рамок нашего общества; мне льстит и меня поражает, что кто бы то ни было вообще это делает. Я готов видеть некое поощрение в том, что мы сможем привлечь к себе немного внимания, но в терминах того, что происходит здесь, в этом обществе, все ярлыки... Я скорее бы согласился, чтобы меня заперли в комнате с гремучими змеями. Это уже мне мешает. Мне больше никогда уже не сделать ничего

подобного.

МЭДДОКС. Возможно, истинная ценность этого в том, что оно...

ГИБСОН. ...сжигает тебя и вынуждает податься на Запад. Форма должна была родиться. Что до меня, то мне безумием кажется то, что я чувствовал, что с неким минимумом вдохновения я делаю что-то всем очевидное.

БРАУН. Вы подняли эту темы в начале беседы, когда назвали фантастику жанром изначально консервативным, и если привнести в нее нечто, что хотя бы чуть-чуть неконсервативно, это читают как потрясающее открытие.

ГИБСОН. Совершенно верно. Это то, что я пытаюсь постоянно помнить. В отношении движения меня беспокоит то, что ни одно из других произведений этого так называемого движения не сносит мне крышу. Я только рад, что кто-то получает свою долю заслуженного внимания, но я не чувствую горячки. Я должен чувствовать их маленькие горячие ладошки где-то там, в ночи, а впечатление такое, будто компания каких-то людей просто топчется на месте.

МЭДДОКС. Там нет там. Все это – призрак средств массовой информации.

ГИБСОН. Когда я заполнял опросник одного японского журнала, где меня спросили, что я об этом думаю, я сказал: «Будьте осторожнее: это все иллюзия». Если бы какое-то движение существовало, думается, я бы об этом знал. Хотя, Бог его знает, может быть, в эту самую минуту где-то и формируется какое-то движение.

МЭДДОКС. Движение формируется. Но не это, и не имеющее к этому никакого отношения...

БРАУН. Брюс из кожи вон лезет, чтобы его расшевелить.

ГИБСОН. В том, что он делает, уже заложены разрозненные уровни иронии.

МЭДДОКС. Он – как сумасшедший вероломный растафари, сидящий там, в Техасе. Это не имеет никакого отношения к фантастике, скорее к харизме Брюса-лидера. Мессия Брюс.

ГИБСОН. Помнится, у Брюса была такая концепция. Он, кажется, излагал ее в одном из первых писем, которые я получил много лет назад, что-то о святых извращенцах Лавкрафта и о том, в чем красота этих людей и их странная сумасшедшая карма, – вот во что он ушел с головой. Думаю, он был бы рад, если бы его принесли в жертву.

ТАЦУМИ. Среди ваших произведений в соавторстве с другими писателями мое любимое – «Принадлежность», написанное вместе с Джоном Ширли, и «Красная звезда, орбита

зимы» – со Стерлингом. В последнем описывается провал мечты об освоении космоса, что напоминает мне соотношение внутреннего и внешнего пространства у Дж.Г. Балларда.

Однако больше всего меня удивляет, что то, что появляется в ваших единоличных, так сказать, произведениях, отсутствует в рассказах, написанных в соавторстве. Я имею в виду одержимость страхом, темнотой или пустотой. Эти группы мотивов, кажется, не появляются в ваших совместных работах.

ГИБСОН. Нет, не настолько явно.

ТАЦУМИ. Возможно, это присуще только вашему собственному творчеству.

ГИБСОН. Я не рассматриваю работу в соавторстве как такой же вид создания текста, который пишется в одиночестве. На мой взгляд, создание текста – занятие очень уединенное, даже одинокое, и я думаю, что менее пугающие вещи имеют тенденцию не появляться в совместных работах, поскольку совместные работы, даже если они очень чернушны, все же остаются делом общественным. Совместные работы – скорее ближе к игре.

ТАЦУМИ. В акте написания текста у вас доминирует чувство одиночества, то есть вы испытываете страх, когда пишете?

ГИБСОН. Определенно да. Это одинокая и пугающая перспектива. С совместными работами иначе. Все зависит от того, с кем пишешь. Метод написания, похоже, меняется с каждым человеком, с кем ты работаешь, но ты все равно играешь с кем-то в игру. По-моему, писать одному – это как смотреть в пустоту.

ТАЦУМИ. Такой страх, страх смотреть в пустоту, можно рассматривать в терминах экзистенциализма.

ГИБСОН. Да, пожалуй, так. Естественно, мое чувство экзистенциального выходит на поверхность, когда я сажусь за пишущую машинку, желая написать что-либо. К совместным работам я относился серьезно, но несколько иначе, чем к своим собственным. Я не чувствовал абсолютной ответственности за них. За остальные рассказы я несу ответственность целиком и полностью.

ТАЦУМИ. Как вы относитесь к «Принадлежности»?

ГИБСОН. Чтобы дать вам некоторое представление о том, насколько различным может быть процесс написания, скажу, что «Принадлежность», которая писалась в соавторстве с Джоном Ширли, была на самом деле вторым литературным рассказом, над которым я работал, хотя он и не был вторым по времени опубликования.

Джон прислал мне на рецензию очень длинную рукопись, и мне показалось, что это излишне серьезная и в чем-то несколько абсурдная повесть. Изначальная версия рассказа, которую я

выдал, была написана как личная шутка между нами с Джоном. Я переслал ее Джону вместо критической статьи. До некоторой степени я написал пародию на то, что написал он. Джон слегка ее изменил и, к моему немалому ужасу, пристроил в печать. В то время я был удивлен, что кто-то вообще купил ее. Тогда я даже не пытался работать в соавторстве.

Что касается «Красной звезды, орбиты зимы», то Брюс прислал мне длинную версию рассказа, ту, которую я существенно отредактировал. Это было нечто большее, чем просто редакторская работа. Я ее сократил. Я ее переписал, но по большей части это заключалось в удалении фрагментов.

ТАЦУМИ. На мой взгляд, рассказ движется в несколько ином направлении, чем обычная тональность киберпанковских произведений.

ГИБСОН. Да, он очень...

ТАЦУМИ. Сознательно пародирует киберпанк?

ГИБСОН. Нет, так как очень просто забыть хронологию этих рассказов. Когда рассказ был опубликован, мы еще даже не думали в подобных терминах. Мне его сюжет всегда казался очень идеалистической историей. Как и эта история с L-5. Давайте вывезем этих бедолаг в космос. В нее сознательно привнесен Баллардовский элемент.

ТАЦУМИ. Отказ от внешнего пространства?

ГИБСОН. Ну не совсем, поскольку это идет двумя путями. Конец рассказа, где приходят бедные сквотеры, чтобы занять базу, очень отдает Хайнлайном. Это и есть воплощение мечты Хайнлайна. Вспомните, как полковник в полубредовом состоянии смотрит фильмы о различных космических полетах. Чисто случайно эта история тут же устарела из-за взрыва космического шаттла. Со взрывом шаттла рассказ стал невозможен, так как полковник сидит на космической станции, просматривая все эти смерти в космосе, а этой среди них нет. Так что сразу же можно сказать, сколько лет назад написан рассказ.

ТАЦУМИ. Не считая ваших совместных работ, «Захолустье» напоминает мне Джозефа Конрада.

ГИБСОН. Да, в «Захолустье» очень много от Конрада. Я долгое время вынашивал планы сознательно написать роман в духе Конрада, однако эти планы до сих пор пока не осуществились.

ТАЦУМИ. Я не раз задавал себе вопрос, что вы имели в виду в этом рассказе, говоря о Страхе, о сидящем в железах Страхе. В некоторых местах о нем упоминается как о каком-то особом наркотике, а в прочих – не говорится ничего.

ГИБСОН. Нет, это не наркотик. Возникла некоторая

путаница, поскольку в «Красной звезде, орбите зимы» Брюс называет «Страхом» бетакарболин, который на самом деле является наркотиком, вызывающим абсолютный страх, моментальный ужас.

Но в «Захолустье» то, что он называет Страхом, представляет собой психологическую реакцию на обстоятельства рассказа. Эти гипотетические обстоятельства персонажи рассказа воспринимают как нечто само собой разумеющееся, то есть что осознание присутствия рядом чужой культуры может вызвать подобное ощущение. В рассказе это не объяснено, но я всегда предполагал, что это нечто, что генетически заложено в человечестве.

ТАЦУМИ. Скорее нечто абстрактное, чем конкретное.

ГИБСОН. Да, что-то абстрактное.

ТАЦУМИ. Интересно, как персонажи одного из ваших рассказов используются и в других, как, скажем, Молли из «Джонни-Мнемоника» становится Молли в «Нейроманте». Как упомянул Том, эта Молли превращается в Марли в «Графе Ноль».

ГИБСОН. Это мнение Тома. Однако довольно интересное.

ТАЦУМИ. И Бобби в «Сожжении Хром» становится Бобби в «Графе Ноль». Вы явно воспринимаете своих героев как фрагменты – в том же смысле, как в «Осколках голографической розы», где говорится, что все мы фрагменты друг друга. Этот принцип верен и в отношении описаний характеров ваших персонажей.

ГИБСОН. Различие между Молли в «Джонни-Мнемонике» и Молли в «Нейроманте» заключается в том, что в «Джонни-Мнемонике» она проходной персонаж. Когда я писал рассказ, она была второстепенной героиней, сюжетной уловкой, чтобы придать остроту действию. Впоследствии я решил, что она мне интересна, так что разработал ее в нечто большее.

Во многом наглядное воздействие этих вещей стоит рассматривать как побочный эффект необходимости их написать. Думаю, я всегда пытался заставить читателя почувствовать, что те части рассказов, которые не так уж надуманны, на самом деле сделаны с глубоким умыслом, и наоборот. Я пытался достичь этого за счет композиции и языка, так, чтобы это казалось связной вещью. Но для всякого, кто пытается анализировать их с точки зрения литературы, очень легко будет попасться в ловушку, предположив за всем этим авторский замысел. На самом деле, многое здесь появилось случайно и было оставлено из чистой прихоти, а общая композиция рассказа, я бы надеялся, заставляет читателя чувствовать, что все здесь сделано очень обдуманно. В действительности, многое из этого просто разбросано повсюду, и

то, как оно разбросано, определяет последующий строй произведения.

Это – не слишком опрятный процесс. Дело здесь скорее в том, что если я делаю что-то случайно, а потом решаю, что мне оно нравится, то возвращаюсь к нему в последующем рассказе и делаю вид, что так и было задумано, что, как мне кажется, добавляет к ощущению связности вещи. Но на самом деле это – трюк.

Многое из этого – иллюзия и фокусы. Это иллюзия когерентного мира. Это – одна из традиционных уловок американской фантастики.

ТАЦУМИ. В отношении иллюзии меня особенно интересует появление Брюса в роли торговца наркотиками в «Нейроманте» и Руди в качестве спившегося мастера на все руки.

ГИБСОН. Нет, нет, все это чистой воды случайность. Создавая персонаж по имени Руди, я думал вовсе не о Руди Рюкере. На свете очень много всяких Руди. Я думал о человеке, которого знал когда-то давно. Рюкер уже предъявил свое обвинение, пошутив: «Теперь придется вписывать в следующий роман какого-нибудь кошмарного неряху по фамилии Гибсон». Но Брюс... Сам не знаю, почему я дал персонажу это имя. Это очень распространенное имя.

ТАЦУМИ. Да, но едва ли это можно счесть простой случайностью.

ГИБСОН. Может, фрейдистская оговорка. В случае с братом Тернера в «Графе Ноль» я думал о другом человеке, который, скорее всего, даже не прочтет никогда эту книгу.

ТАЦУМИ. Брюс описан как торговец наркотиками. В киберпанковском движении он вроде как распространитель наркотиков, харизматическая фигура.

ГИБСОН. Да, харизматическая фигура, конечно. Однако предупреждаю вас: не выискивайте слишком многого во второстепенных деталях.

ТАЦУМИ. Вернемся к теме хлама. Когда я читал ваше описание «гоми», мне вспомнился Закон Старджона, согласно которому девяносто процентов всего сущего – хлам. Это звучит иронично в отношении вычитывания слишком многого в тексте. Мы давно уже воспринимаем фантастику как мусор или халтуру. Для вас фантастика как таковая – это хлам или нет?

ГИБСОН. Трудный вопрос. Большая часть англоязычной литературной критики, какую я читал по научной фантастике за последние двадцать лет, продолжает ломать копья по этому поводу. Литература это или паралитература?

На мой взгляд, жанр научной фантастики в Соединенных

Штатах – это категория маркетинга, а как маркетинговая категория НФ не обязательно должна иметь много общего с тем, что на самом деле происходит в литературе. Произведение, подобное роману Эриксона, не является фантастикой с точки зрения маркетинга, но является фантастикой с точки зрения литературы. Многое из того, что публикуется в рамках маркетинговой категории, а на самом деле девяносто пять процентов всего, что публикуется в Америке в рамках маркетинговой категории «научная фантастика», я просто не могу читать. Дело не в том, что мне это скучно. Просто меня это не интересует.

С другой стороны, существуют, как мне кажется, десятки классических произведений, которые выходят за рамки этой маркетинговой категории. На мой взгляд, наши проблемы заключаются в самой идее жанра, и в том, что этому жанру так и не дано точное определение. Однако, говоря о проблемах научной фантастики как жанра, думаю, прежде всего стоит договориться о том, что есть литературный жанр вообще, то есть дать определение жанра в литературе.

ТАЦУМИ. Значит, согласно вашей теории, все упирается в проблему дефиниции?

ГИБСОН. Это не так просто, и я еще не додумал эту мысль до конца.

ТАЦУМИ. Большое спасибо за интервью.

Мона Лиза Овердрайв

Моей сестре, Фрэн Гибсон, с восхищением и любовью

Глава 1
Смок

Призрака, прощальный подарок отца, передал ей в зале вылета Нариты секретарь в чёрном.

Первые два часа перелёта в Лондон он лежал забытый в её сумочке — гладкий чёрный продолговатый предмет. Одну сторону корпуса украшала гравировка с вездесущим логотипом «Маас-Неотек», с другой стороны корпус был плавно изогнут, отлитый под ладонь пользователя.

Кумико выпрямилась в своём кресле в салоне первого класса. Черты сложены в маленькую холодную маску, смоделированную по наиболее характерному выражению лица покойной матери. Места вокруг пустовали: отец купил чуть ли не половину салона. Девочка отказалась от обеда, предложенного отчаянно нервничающим стюардом: того до икоты пугали пустые кресла — зримое свидетельство богатства и власти её отца. Мужчина помедлил, потом с поклоном удалился. На мгновение она позволила маске матери улыбнуться.

«Призраки… — думала она позже, уже где-то над Германией, глядя на обивку соседнего кресла. — Как хорошо отец обращается со своими призраками…»

И за окном тоже были призраки. Призраки клубились в стратосфере европейской зимы, разрозненные образы, начинающие обретать ясность, если позволить взгляду расфокусироваться. Её мать в парке Уэно, лицо в свете сентябрьского солнца кажется таким хрупким. «Журавли, Кумико! Погляди, какие журавли!» И Кумико смотрит в даль над прудом Синобацу и ничего не видит, ни следа журавлей. Только несколько мелькающих чёрных точек, которые, конечно же, самые обыкновенные вороны. Вода к вечеру обрела гладкость свинцового шёлка, и над тирами для стрельбы из лука мерцали бледные, расплывчатые голограммы. Но Кумико увидит журавлей после — во сне, и не один раз: журавлики оригами, угловатые создания, сложенные из листов неона. Светящиеся жёсткие птицы поплывут по лунному ландшафту материнского безумия…

Отец в чёрном халате, распахнутом над вытатуированным вихрем драконов… сутулится над необъятным полем из чёрного дерева — рабочим столом… Глаза — плоские и яркие, как у расписной куклы. «Твоя мать умерла. Понимаешь? У-мер-ла». А вокруг ходят по кабинету зыбкие плоскости тени, копошится угловатая тьма. В круге света настольной лампы возникает рука

отца, она тычет в неё дрожащим пальцем. Рукав халата соскальзывает, открывая золотой «ролекс» и очередных драконов; гривы их свиваются в волны, наколотые плотно и густо вокруг запястий. Их пасти тянутся к девочке. «Понимаешь?» Она ничего не ответила и убежала прочь, вниз, в укромное местечко в подвале, известное только ей одной, сжалась в комок под брюхом маленького робота-чистильщика. Всю ночь вокруг неё щёлкали автоматы, каждые несколько минут сканируя подвал розовыми вспышками лазерного света. Девочка проплакала там несколько часов кряду, пока её не нашёл отец и, обдавая запахом виски и сигарет «данхилл», не отнёс наверх в её комнату на третьем этаже особняка.

Воспоминания о последовавших потом неделях… Тусклые, оцепенелые дни, проведённые в основном в чёрно-костюмном обществе то одного, то другого секретаря, осторожных молодых людей с автоматическими улыбками и плотно свёрнутыми зонтами. Один из них, самый молодой и самый неосторожный, решил развлечь её на запруженном туристами тротуаре Гинзы под сенью часов Хаттори, сымпровизировав демонстрацию кендо. Как легко скользил он меж ошалевших от удивления продавщиц, меж распахнувших глаза туристов! Взмах — и чёрный зонт будто теряет очертания, появляется вновь, выписывая безобидно и молниеносно ритуальные фигуры древнего искусства. Кумико тогда улыбнулась своей улыбкой, сломав похоронную маску. И от этого её вина тут же вонзилась ещё глубже, в то самое место в сердце, где она оплакивала свой стыд и свою недостойность. Но чаще всего секретари водили её за покупками по необъятным универмагам Гинзы, туда-сюда по дюжинам бутиков Синдзюку, как советовал им синий пластмассовый гид «Мишелин», который говорил на консервативном туристическом японском. Девочка покупала только самые безобразные вещи, безобразные и очень дорогие, и секретари солидно вышагивали рядом с ней с глянцевыми сумками в руках. Каждый вечер по возвращении в особняк отца аккуратно расставленные сумки появлялись в спальне Кумико, где они нетронутыми и неоткрытыми оставались ждать, чтобы их унесли горничные.

А на седьмую неделю, накануне её тринадцатого дня рождения, было устроено так, что Кумико отправится в Лондон.

— Ты будешь гостьей в доме моего кобуна, — сказал отец.

— Но я не хочу ехать, — ответила она улыбкой матери.

— Ты поедешь. — Отец отвернулся. — Возникли определённые затруднения, — обратился он к полному теней кабинету. — В Лондоне ты будешь в безопасности.

— А когда я вернусь?

Но отец не ответил. Поклонившись, она покинула его кабинет, всё ещё с улыбкой матери на лице.

Призрак откликнулся на первое же прикосновение Кумико. Произошло это, когда самолёт стал снижаться над Хитроу. Представитель пятьдесят первого поколения биочипов «Маас-Неотек» материализовался в нечёткую фигуру на соседнем сиденье. Парнишка будто сошёл с литографии какой-нибудь охотничьей сцены — ноги в рыжевато-коричневых бриджах и ботинках для верховой езды небрежно закинуты одна на другую.

— Привет, — сказал призрак.

Моргнув, Кумико разжала руку. Парнишка замерцал и исчез. Она опустила глаза на маленький гладкий модуль в своей ладони и осторожно сомкнула пальцы.

— Ещё раз привет. Меня зовут Колин. А тебя?

Она взглянула на него пристальней. Глаза призрака клубились зелёным туманом, высокий лоб под непослушными тёмными прядями был бледен и гладок.

— Если это для тебя слишком спектрально, — ухмыльнувшись, проговорил он, — можно увеличить разреш…

На какую-то долю секунды он стал чётким до рези в глазах. Ворс на отворотах его куртки завибрировал с реальностью галлюцинации.

— Но это быстро посадит батарейку, — продолжил Колин и поблек до первоначального состояния. — Не слышал твоего имени.

Снова ухмылка.

— Ты не настоящий, — сказала девочка.

Призрак пожал плечами.

— Нет нужды говорить вслух, мисс. Соседи могут решить, что ты слегка не в себе, если ты понимаешь, что я имею в виду. Говори про себя. Я считаю всё через кожу… — Он потянулся, закинув руки за голову. — Ремень, мисс. Мне не нужно пристёгиваться, поскольку, как ты изволила заметить, я не настоящий.

Нахмурившись, Кумико швырнула модуль призраку на колени. Призрак исчез. Она застегнула ремень, глянула на вещицу, потом, помедлив, подтянула её к себе за цепочку.

— Значит, впервые в Лондоне? — спросил он, воплотившись из водоворота красок на периферии её зрения.

Сама того не желая, девочка кивнула.

— А как насчёт летать? Не боишься?

Она покачала головой, чувствуя себя глупо.

— Да и бог с ним, — сказал призрак. — Я выгляну за тебя.

Будем в Хитроу через три минуты. Тебя кто-нибудь встречает?

— Деловой партнёр отца, — ответила она по-японски.

Призрак усмехнулся.

— Тогда, конечно, ты будешь в надёжных руках, — подмигнул он. — По мне не скажешь, что я лингвист, да?

Кумико закрыла глаза, и призрак стал нашёптывать ей что-то об археологии Хитроу, о неолите и бронзовом веке, о глиняных черепках и каменных рубилах…

— Мисс Янака? Кумико Янака?

Над ней высился незнакомый англичанин. Массивное туловище гайдзина было задрапировано слоновьими складками тёмной шерсти. Из-за очков в стальной оправе мягко взирали маленькие тёмные глазки. Нос, казалось, когда-то расплющил чей-то удар, да так его никогда и не выправили. Волосы незнакомца, вернее, то, что от них осталось, были выбриты до седой щетины, а чёрные вязаные перчатки протёрлись и не имели пальцев.

— Видите ли, — сказал он так, как будто это тут же должно было её успокоить, — меня зовут Петал.

Говоря о Лондоне, Петал называл город «Смок». Кумико ёжилась на холодной красной коже переднего сиденья. Из окна древнего «ягуара» ей было видно, как снег, кружась, летит вниз, чтобы растаять на дороге, которую Петал назвал М-4. Вечернее небо было бесцветным. Петал вёл машину умело и молча, вытянув губы так, как будто вот-вот засвистит. По меркам Токио машин было до абсурда мало. Они обогнали автономный грузовой трейлер «Евротранс», его тупой нос был утыкан сенсорами и обрамлён многорядьем фар. Несмотря на скорость, Кумико казалось, что она как будто стоит на месте и вокруг неё постепенно скапливаются, нанизываются одна на другую частицы Лондона. Стены из мокрого красного кирпича, бетонные арки эстакад, кованые копья выкрашенных в чёрное чугунных оград.

Город на глазах приобретал очертания. Когда «ягуар», свернув с М-4, на перекрёстках пережидал свет, сквозь медленно кружащийся снег девочка видела неясные лица прохожих: раскрасневшиеся лица гайдзинов над тёмной одеждой, подбородки упрятаны в шарфы, каблуки женщин цокают по серебристым лужам. Ряды домов и магазинчиков напомнили ей вычурные безделушки, какие она видела однажды на тёмном бархате. Там они располагались вокруг игрушечного локомотива в галерее торговца европейским антиквариатом в Осаке.

Ничто здесь не походило на Токио, где прошлое — всё, что от

него осталось — лелеяли с какой-то нервозной заботой. История там превратилась в качество, редкость, в подарочной упаковке поставляемую правительством и охраняемую законом и фондами корпораций. Здесь же оно, казалось, пропитывало саму ткань бытия. Город вставал единым сгустком из кирпича и камня, вместившим многие эпохи наслаивающихся друг на друга посланий и смыслов, какие веками здесь порождал диктат никем пока не разгаданной ДНК коммерции и империи.

— Сожалею, что Суэйн не смог поехать встретить тебя сам, — сказал человек, назвавший себя Петалом.

Кумико, у которой было меньше сложностей с его произношением, чем с манерой строить предложения, сперва ошиблась и приняла его извинения за приказ. Она подумала, не вызвать ли ей призрака, но потом отказалась от этой мысли.

— Суэйн, — рискнула спросить она, — мистер Суэйн — это мой хозяин?

Петал встретил в зеркальце её взгляд.

— Роджер Суэйн. Отец разве не говорил тебе?

— Нет.

— Ага. — Он кивнул. — Мистер Янака ценит секретность в таких делах, этого следовало ожидать… Человек его положения, et cetera… — Он шумно вздохнул. — Прошу прощения, что нет обогревателя. Предполагалось, что в гараже всё уладят…

— А вы — один из секретарей мистера Суэйна? — спросила она у щетинистых перекатов плоти над воротником плотного пальто.

— Его секретарь? — Казалось, он обдумывает её вопрос. — Нет, — решился он наконец. — Я не секретарь.

«Ягуар» свернул на полукруглую подъездную аллею, оставив позади поблёскивающие металлические навесы и вечернюю реку пешеходов.

— Так ты поела? Вас кормили в полёте?

— Я была не голодна. — На лице маска матери.

— Ну, думаю, у Суэйна для тебя что-нибудь найдётся. Любит японскую еду наш Суэйн. — Прищёлкнув языком, Петал оглянулся на девочку.

Она смотрела мимо него, видя лишь поцелуи снежинок на ветровом стекле и стирающие их взмахи дворников.

Резиденция Суэйна в Ноттинг-Хилле состояла из трёх соединённых переходами городских домов в викторианском стиле, затерявшихся в снежной круговерти скверов, конюшен и переулков. Петал с парой чемоданов Кумико в каждой руке объяснил, что дверь номер 17 — это одновременно парадный

вход и для домов номер 16 и 18.

— Нет смысла туда стучать, — сказал он, неловко взмахнув чемоданами в попытке указать на красную полировку и начищенные медные петли двери дома номер 16. — За ней нет ничего, кроме двадцати дюймов железобетона.

Взгляд девочки скользнул по подъездной аллее, где почти идентичные фасады домов уменьшались вдоль пологого поворота. Снег теперь валил гуще, и блеклое небо от света натриевых ламп приобрело оттенок лососины. Улица казалась вымершей, а снег — чистым и нетронутым. В холодном воздухе чудился незнакомый привкус, слабый, но всепроникающий намёк на архаичное топливо. Ботинки Петала оставляли огромные отчётливые следы. Англичанин носил чёрные, замшевые, с узким носком оксфорды на необычайно толстой рифлёной подошве из алого пластика. Вновь начиная дрожать от холода, она последовала по этим следам вверх по серым ступеням дома номер 17.

— Так, значит, это я, — обратился Петал к выкрашенной в чёрное двери, — впускайте.

Потом он вздохнул, поставил все четыре чемодана на снег и, сняв с правой руки перчатку, прижал ладонь к кругу яркой стали, утопленному в дверную створку. Кумико показалось, что она услышала будто бы комариный писк, который становился всё выше, пока не исчез совсем. Дверь завибрировала, это из своих пазов вышли магнитные засовы.

— Ты назвал его «Смок», — сказала японка, когда он взялся за ручку двери, — город…

Петал помедлил.

— Смок, — повторил он, — да, Смок. — И открыл дверь в свет и тепло. — Это старое выражение, что-то вроде прозвища.

Вновь подхватив багаж, Петал мягко протопал в устланное синим ковром фойе, обшитое панелями из белого крашеного дерева. Она вошла следом. Дверь за её спиной автоматически закрылась, с гулким стуком вернулись на место засовы. На белой обшивке стены висела картина в махагоновой раме — лошади в поле, крохотные фигурки в красных куртках. «Вот бы где жить этому призраку, Колину», — подумала она. Петал поставил чемоданы. На синем ковре таяли маленькие комки слипшегося снега. Англичанин открыл ещё одну дверь, за которой оказалась позолоченная стальная клетка. С лязгом отодвинулась складная решётка. Кумико недоумённо воззрилась на странное сооружение.

— Лифт, — пояснил Петал, — для твоих вещей в нём места не хватит. Я за ними потом спущусь.

Когда Петал ткнул в белую фарфоровую кнопку толстым указательным пальцем, лифт, несмотря на свой явно пожилой возраст, тронулся довольно плавно. Кумико пришлось стоять почти впритык к англичанину; от него пахло влажной шерстью и каким-то цветочным лосьоном.

— Мы поселим тебя наверху, — сказал он, проводя её по узкому коридору. — Мы подумали, что ты, наверное, любишь тишину и покой. — Открыв дверь, он жестом предложил ей войти. — Надеюсь, тебе понравится…

Сняв очки, он стал энергично протирать их мятой тряпицей.

— Я принесу твои сумки.

Когда он ушёл, Кумико медленно обошла вокруг массивной ванны из чёрного мрамора, доминировавшей в центре низкой, заставленной мебелью комнаты. По стенам, резко сходящимся к потолку, висели позолоченные зеркала. Пара небольших мансардных окон обрамляла огромную кровать. Такого размера ложа Кумико ещё никогда в жизни не видела. В зеркало над кроватью были встроены маленькие светильники на шарнирах, похожие на лампы для чтения в самолёте. Она остановилась около ванны, чтобы погладить изогнутую шею лебедя в позолоте, служившего вместо крана. Опускаясь или поднимаясь, его раскинутые крылья, должно быть, регулировали температуру воды. Воздух был тёплым и неподвижным, и ей на мгновение показалось, что комнату, как болезненный, мучительный туман, заполнило присутствие матери.

В дверях кашлянул Петал.

— Ну как, всё в порядке? — приговаривал он, возясь с её багажом. — Ещё не проголодалась? Нет? Тогда я тебя оставлю, располагайся… — Он расставил её багаж возле гигантской кровати. — Если тебе захочется есть, позвони. — Он указал на причудливый антикварный телефон с мембранами в виде медных свитков на причудливо изогнутой трубке из слоновой кости. — Просто подними трубку, не нужно даже набирать. Завтрак, когда захочешь. Спроси кого-нибудь, тебе покажут, где столовая. Там ты сможешь познакомиться с Суэйном…

Появление англичанина развеяло наваждение. Когда, пожелав девочке доброй ночи, он закрыл за собой дверь, Кумико попыталась ощутить присутствие матери вновь, но ничего не вышло.

Ещё долго она стояла у ванны, поглаживая холодный гладкий металл лебединой шеи.

Глава 2
Малыш Африка

Малыш Африка вкатил на Собачью Пустошь в последний день ноября. За рулём его навороченного «доджа» восседала белая девушка по имени Черри Честерфилд.

Слик Генри и Пташка как раз демонтировали циркульную пилу, служившую левой рукой Судье. Латаная-перелатаная подушка ховера Малыша то и дело взмётывала фонтанчики ржавой воды, лужами собиравшейся на горбатой равнине из прессованной стали.

Первым его засёк Пташка. Острые у него, у Пташки, глаза да ещё монокуляр с десятикратным увеличением, болтавшийся на груди среди косточек всякой мелкой живности и древних крышек от пивных бутылок. Слик оторвал взгляд от гидравлического запястья и увидел, как Пташка вытянулся во весь свой двухметровый рост и нацелил свою подзорную трубу куда-то сквозь голые прутья арматуры, из которых состояла большая часть южной стены Фабрики. Худ был Пташка невероятно, скелет скелетом; залаченные крылья его русых волос, почему он и заработал такое прозвище, резко выделялись на фоне бледного неба. Волосы на затылке и висках он сбрил, полоса выбритой кожи поднималась высоко над ушами. В сочетании с аэродинамическим раздвоенным хвостом это создавало впечатление, будто на макушке у него сидит безголовая коричневая чайка.

— Ух ты, — подал голос Пташка, — сукин сын.

— Ну что там ещё?

Пташку и без того довольно сложно было заставить сосредоточиться, а работа требовала добавочной пары рук.

— Это тот ниггер.

Поднявшись на ноги, Слик вытер руки о джинсы, а Пташка нащупал за ухом зелёный микрософт «Мех-5», выдернул его из разъёма и тут же напрочь забыл о всех восьми этапах сервокалибровочной процедуры, необходимой для того, чтобы отодрать пилу Судьи.

— Кто за рулём?

Африка никогда не садился за руль сам, если мог заставить вести кого-то другого.

— Не понять.

Пташка выпустил монокуляр, и тот брякнулся на своё место в занавесочке из костей и пробок.

Слик присоединился к нему у окна, наблюдая за медленным передвижением «доджа». Малыш Африка время от времени вносил здравые дополнения в матово-чёрную палитру своего «доджа» — с помощью аэрозольного баллончика с краской. Мрачно-серьёзный вид тачки сводил на нет ряд хромированных черепов, приваренных к массивному переднему бамперу. В былые времена стальные черепа щеголяли красными рождественскими лампочками в глазницах. Неужто Малыш теряет интерес к имиджу?

Когда ховер свернул к Фабрике, Слик услышал в темноте возню Пташки: тяжёлые ботинки проскрежетали по пыли и ярким спиралькам металлической стружки.

Слик стоял у проёма выбитого окна с единственным уцелевшим куском стекла, похожим на остриё кинжала, и хмуро смотрел, как ховер, постанывая и выпуская пар, приземляется на свою подушку перед самой Фабрикой.

В темноте за спиной опять послышался шум возни; Слик догадался, что это Пташка, забравшись за старые стеллажи, накручивает самодельный глушитель на китайскую винтовку, с которой он обычно ходил на кроликов.

— Пташка, — Слик бросил гаечный ключ на кусок брезента, — я знаю, что ты тупая задница, срань расистская из гнилого Джерси, но тебе что, всякий раз надо об этом напоминать?

— Мне не нравится этот ниггер, — донеслось из-за стеллажа.

— Ага, и ежели этот ниггер, не дай бог, вдруг вздумает это заметить, ты ему тоже не понравишься. Знай он, что ты сидишь там с пушкой, он бы забил её тебе в глотку, причём поперёк.

Никакого ответа. Пташка вырос в задрипанном городишке белого Джерси, где никто никогда знать ни черта не желал и ненавидел всех, кто хоть что-то знает.

— И я бы ему помог. — Рывком застегнув старую коричневую куртку, Слик вышел к ховеру Малыша Африки.

Пыльное стекло напротив места водителя с шипением сползло вниз, открыв бледное лицо в очках невероятных размеров, подкрашенных чем-то жёлтым. Под сапогами Слика захрустели древние банки, изъеденные ржавчиной до кружева прошлогодних листьев. Стянув очки вниз, водитель покосилась на Слика — женщина. Теперь янтарные очки висели у неё на шее, скрывая рот и подбородок. Значит, Малыш сидит с другой стороны, что не так плохо в том маловероятном случае, если Пташке вдруг вздумается палить.

— Обойди, — бросила девушка.

Слик прошёл мимо хромированных черепов, услышал, как с

таким же демонстративно негромким звуком, что и водительское, опускается стекло Малыша Африки.

— Слик Генри, — сказал Малыш; его дыхание, соприкасаясь с воздухом Пустоши, вылетало белыми облачками, — здравствуй.

Слик глянул в коричневое лошадиное лицо. У Малыша Африки были огромные зеленоватые с кошачьим разрезом глаза, тоненькая полоска усов, будто её начертили карандашом, и кожа оттенка буйволовой шкуры.

— Привет, Малыш. — Из кабины ховера на Слика пахнуло чем-то больничным. — Как дела?

— Ну, — прищурился Малыш Африка, — помнится, ты говорил, что если мне когда-нибудь что-то понадобится…

— Верно, — ответил Слик, ощущая первые уколы дурного предчувствия.

Малыш Африка спас его однажды в Атлантик-Сити: уговорил кое-каких заблудших овечек не сбрасывать Слика с балкона сорок третьего этажа выжженного складского небоскрёба.

— Кто-то хочет сбросить тебя с высокого дома?

— Слик, — сказал Малыш, — я хочу тебя кое с кем познакомить.

— И мы будем в расчёте?

— Слик Генри, эта очаровательная девушка — мисс Черри Честерфилд из Кливленда, штат Огайо.

Наклонившись пониже, Слик посмотрел на водителя. Копна светлых волос, тушь вокруг глаз.

— Черри, это мой близкий друг мистер Слик Генри. Когда он был молодым и дурным, он гонял с «Блюз-Дьяконами». Теперь он старый и дурной, а в дыру эту забрался, чтобы заниматься своим искусством, понимаешь? Талантище, понимаешь?

— Это тот, который делает роботов, — сказала девица сквозь ком жвачки, потом добавила: — Ты так говорил.

— Тот самый, — сказал Малыш, открывая дверцу. — Черри, лапочка, подожди нас здесь.

На жилистом теле Малыша болталось норковое пальто, полы которого обметали носки безукоризненно чистых жёлтых ботинок из страусиной кожи — во всём своём великолепии Африка ступил на землю Собачьей Пустоши. Слик заметил в кабине ховера нечто странное: слепящую белизну бинтов и реанимационные трубки…

— Эй, Малыш, — спросил он, — что это у тебя там?

Вся в кольцах рука Малыша поднялась вверх, жестом предлагая Слику отойти в сторону. Дверь ховера с лязгом захлопнулась, Черри Честерфилд подняла стёкла.

— Вот об этом нам и надо потолковать, Слик.

— Не думаю, что я прошу слишком многого, — сказал Малыш Африка, прислонясь норковым пальто к голому металлическому верстаку. — У Черри диплом медтеха, и она знает, что ей хорошо заплатят. Приятная девочка, Слик Генри. — Он подмигнул.

— Малыш…

Вот оно что. Значит, в ховере лежит смахивающий на мертвеца мужик, не то в коме, не то в отключке от того, на что подсадил его Малыш Африка, — оттого все эти баллоны, капельницы, провода и ещё какая-то непонятная штука вроде симстима. И всё хозяйство привинчено к старым стальным носилкам, как на «скорой помощи».

— Что это? — Черри, увязавшаяся за ними внутрь Фабрики после того, как Малыш привёл Слика назад — показать ему парня в кабине, с подозрением рассматривала громоздкого Судью — большую его часть, во всяком случае. Рука с циркуляркой валялась там, где её оставили, в цеху на промасленном брезенте.

«Если у этой Черри и есть диплом медтеха, — подумал Слик, — то контора, вероятно, его ещё не хватилась». На девице было штуки четыре безразмерных кожаных курток, одна другой больше.

— Искусство Слика, я уже тебе говорил.

— Тот парень умирает. От него мочой несёт.

— Катетер отошёл, — спокойно сказала Черри. — Слушай, а эта штука, она для чего?

— Мы не можем держать его здесь, Малыш, он сдохнет. Если хочешь его угробить, засунь в какую-нибудь дыру на Пустоши.

— Мужик не умирает, — сказал Малыш Африка. — Он не ранен и не больной.

— Тогда что с ним, чёрт побери?

— Он торчит, дружок. У мальчика долгое путешествие. Ему нужны тишина и покой.

Слик посмотрел на Судью, потом снова на Малыша, опять на Судью, обратно на Малыша. Ему хотелось вернуться к работе, повозиться над этой рукой. Малыш сказал: ему нужно, чтобы этот овощ пробыл у Слика недели две-три; он оставит Черри за ним присматривать.

— Не врубаюсь. Этот парень, он что, твой друг?

Малыш Африка пожал норковыми плечами.

— Так почему бы тебе не подержать его у себя?

— Слишком шумно. А ему нужен покой.

— Малыш, — сказал Слик, — я помню, за мной должок, но ничего такого стрёмного. А потом, мне надо работать и… в общем, всё это слишком стрёмно. И есть ещё Джентри. Он сейчас в Бостоне. Вернётся завтра вечером, и ему это не понравится. Ты

же знаешь, как он относится к людям… И вообще, это место — его, вот…

— Дружок, — печально сказал Малыш Африка, — ты забыл, как они держали тебя над перилами?

— Я помню, но…

— Значит, плохо помнишь, — сказал Малыш Африка. — Ладно, Черри. Пошли. Не хочется тащиться через Пустошь в потёмках.

Он оттолкнулся от верстака.

— Малыш, послушай…

— Всё, проехали. Я ведь и знать не знал твоего траханого имени тогда, в Атлантик-Сити, просто подумал, что мне не хотелось бы видеть белого мальчика на мостовой. Тогда я не знал твоего имени и, похоже, не знаю его и сейчас.

— Малыш…

— Да?

— Ладно. Он остаётся. Но максимум две недели. Ты даёшь мне слово, что приедешь и заберёшь его. И тебе придётся помочь мне уладить проблему с Джентри.

— Что ему нужно?

— Наркотики.

Пташка вылез наружу, когда «додж» Малыша неуклюже запыхтел обратно через территорию Фабрики. Пташка протиснулся через какую-то щель в завале расплющенных автомобилей. На ржавых гармошках металла кое-где проглядывали пятна яркой эмали.

Слик стоял у окна на втором этаже. Квадраты стального переплёта были зашиты кусками пластика. Пластик они откопали на свалке; куски были разного цвета и толщины, так что, чуть пригнув голову, Слик увидел Пташку в воспалённо-розовом свете куска луизита.

— Кто тут живёт? — спросила Черри у него за спиной.

— Я, — ответил Слик, — Пташка, Джентри…

— Я имею в виду — в этой комнате. Повернувшись, он увидел её возле носилок и приборов системы жизнеобеспечения.

— Ты, — сказал он.

— Это твоё место?

Она принялась разглядывать налепленные по стенам рисунки — самые первые чертежи Судьи и Следователей, Трупожора и Ведьмы.

— Об этом не беспокойся.

— Не бери ничего в голову, так будет лучше, — сказала Черри.

Слик посмотрел на девушку. В углу рта у неё растеклась уродливая красная язва, видимо, воспаление. Обесцвеченные волосы торчали во все стороны, ну прямо памятник статическому электричеству.

— Я же сказал, не беспокойся.

— Малыш говорил, у вас тут есть ток.

— Да.

— Надо бы его подключить, — сказала она, повернувшись к носилкам. — Электроэнергии он берёт немного, но скоро начнут садиться батареи.

Слик пересёк комнату, чтобы заглянуть в изнурённое лицо.

— Скажи-ка мне вот что, — начал он. Ему совсем не нравились все эти трубки. Одна из них входила прямо в ноздрю, и от одного этого тянуло блевать. — Кто этот парень и что именно, чёрт побери, Малыш Африка от него хочет?

— Ничего он не хочет, — сказала Черри, вводя какую-то команду. По экрану биомонитора, примотанного серебристой лентой к изножью носилок, побежала кривая состояния больного. — REM всё так же высок, как будто ему всё время снятся сны…

Человек на носилках был упакован в новенький синий спальный мешок.

— Короче, хрен его знает, на чём он сидит, но Малышу он за это платит.

На лоб человека была налеплена сетка тродов. Вдоль края носилок тянулся чёрный массивный кабель. Слик проследил его до массивной серой пластины, возвышающейся среди встроенных в единую раму приборов. Симстим? Не похоже. Какая-то оснастка под киберпространство? Джентри много чего знал о киберпространстве, во всяком случае, говорил о нём постоянно, но что-то Слик ничего не слышал насчёт того, что можно вот так потерять сознание и просто остаться подключенным… Люди подключаются, чтобы чего найти, провернуть дельце. Надень троды, и окажешься там, где вся информация в мире громоздится башнями одного гигантского города из неона. Так что можешь по нему покататься — вроде как пообвыкнуть, — даже умыкнуть кой-чего. Правда, всё это лишь визуально. А иначе, если ничего такого не сделать, чертовски сложно будет найти дорогу к той информации, которая тебе нужна. Иконика, так называл это Джентри.

— Он платит Малышу?

— Да.

— За что?

— Чтобы держать его в таком состоянии. И ещё прятать.

— От кого?
— Не знаю. Малыш не говорил.
Они замолчали. В тишине ровно дышал неизвестный.

Глава 3
Малибу

У дома был свой собственный запах. Так было всегда.

Это был запах времени, и соли, которой пропитан воздух, и энтропийной природы любого большого дома, построенного слишком близко к кромке прилива. Возможно, такой запах присущ всем местам, что недолго, но часто пустуют, домам, которые отпирают и запирают по мере того, как приезжают и уезжают их неусидчивые хозяева. Воображение рисовало ей, как на хроме в безлюдных комнатах в тишине расцветают пятна коррозии, как бледная плесень понемногу затягивает углы. Будто принося дань этому нескончаемому процессу, архитекторы сами распахнули дверь ржавчине. За годы водяная пыль проела массивные стальные перила, и они стали хрупкими, как запястья.

Подобно своим соседям, дом притулился среди развалин прежнего поселения. Прогулки по пляжу порой включали вылазки в область археологических фантазий. Она воображала себе прошлое этого места: иные голоса, иные здания. В этих прогулках её неизменно сопровождал управляемый на расстоянии бронированный вертолётик «дорнье», поднимавшийся из своего невидимого гнезда на крыше, стоило ей сойти с веранды. Вертолётик почти беззвучно зависал в воздухе и был запрограммирован так, чтобы не попадаться ей на глаза. Что-то тоскливое было в том, как он неотвязно и неприкаянно следовал за ней, будто дорогой, но не оценённый по достоинству рождественский подарок.

Она знала, что с «дорнье» через камеры за ней ведёт наблюдение Хилтон Свифт. Мало что из происходящего в доме и на пляже укрывалось от внимания «Сенснета». И это её уединение — вытребованные семь дней одиночества — протекало под непрерывным контролем.

За годы работы у неё выработался необычайный иммунитет на это всевидящее око.

Ночами она иногда зажигала встроенные под навесом веранды прожектора, освещая иероглифическое фиглярство гигантских песчаных блох. Саму веранду она оставляла в темноте; гостиная за её спиной будто уходила под воду. Устроившись в кресле из неказистого белого пластика, она подолгу следила за броуновским движением блох. В свете прожекторов они отбрасывали крохотные, едва различимые тени:

рожки и пики на сером фоне песка.

Шум моря обволакивал её целиком. Поздно ночью, когда она засыпала в меньшей из двух гостевых спален, он влезал в её сны. Единственное, во что ему не дано было проникнуть, — это в непрошеные, вторгающиеся исподтишка воспоминания незнакомки…

Выбор спальни она сделала инстинктивно. Хозяйская спальня была заминирована мелочами, на каждом шагу готовыми вызвать старую боль.

Врачам в клинике пришлось химическими клещами вырывать эту её зависимость из рецепторных центров мозга.

Готовила она сама, в белоснежной кухне: поджаривала в микроволновке хлеб, разводила швейцарский суп из пакетиков в стальных, безупречно чистых кастрюлях — вживалась, не осознавая этого, в безымянное, но с каждым днём всё более знакомое пространство, от которого её так долго и так надёжно изолировала «пыль» — наркотическая дрянь, изготовленная искусными моделистами.

— И это называется жизнь, — сказала она белой стойке.

Интересно, если кухня прослушивается, то какой вывод сделали бы из этих слов психиатры из «Сенснета»? Она помешивала суп мешалкой из нержавейки, глядя, как из кастрюльки поднимается пар. Неплохо обходиться без чужих рук, просто всё делать самой; в клинике настаивали, чтобы она сама застилала постель. Теперь, поглощая из миски собственноручно приготовленный суп, она хмурилась при одной мысли о клинике.

Она выписалась за неделю до конца срока. Медики были против. Дезинтоксикация прошла великолепно, говорили они, но к терапии мы ещё даже не приступали. Белые халаты указывали на процент возврата среди клиентов, не прошедших курс целиком. Объясняли, что прерывание лечения аннулирует её страховку. «Сенснет» заплатит, отмахнулась она, разве что врачи пожелают, чтобы она оплатила их услуги сама. И извлекла платиновый чип «Мицу-банка».

Её личный «Лир» прибыл час спустя. Она приказала самолёту доставить её в Лос-Анджелес, заказала машину, которая должна её там встретить, и заблокировала все входящие звонки.

— Извини, Анджела, — сказал самолёт, зависая над заливом Монтего через несколько минут после взлёта, — но это Хилтон Свифт, он звонит по выделенному служебному каналу.

— Энджи, — донёсся голос Свифта, — ты же знаешь, что я целиком и полностью на твоей стороне. Ты ведь это знаешь, Энджи?

Обернувшись, Энджи упёрлась взглядом в чёрный овал динамика, заключённый в серый блестящий пластик, и вдруг представила себе, как Свифт скорчился за перегородкой «Лира», карикатурно подтянув к подбородку длинные ноги бегуна.

— Я это знаю, Хилтон, — отозвалась она. — Очень мило с твоей стороны так позвонить.

— Ты летишь в Лос-Анджелес, Энджи.

— Да. Именно это я сказала самолёту.

— В Малибу.

— Верно.

— Пайпер Хилл уже на пути в аэропорт.

— Спасибо, Хилтон, но я не хочу её видеть. Я вообще никого не хочу видеть. Мне нужна машина.

— В доме никого нет, Энджи.

— Тем лучше. Именно это мне и нужно, Хилтон. Никого в доме. Только сам дом, пустой.

— Ты уверена, что это удачная идея?

— Это лучшая идея, какая у меня появлялась за последние несколько лет, Хилтон.

Пауза.

— Мне сказали, что всё шло хорошо, я имею в виду лечение, Энджи. Но врачи требовали, чтобы ты осталась.

— Мне нужна неделя, — сказала она. — Одна неделя. Семь дней. В одиночестве.

На третью ночь в этом доме она проснулась на рассвете, сварила кофе, оделась. По широкому окну, выходящему на веранду, сбегали струйки сконденсировавшейся влаги. Спать было не просто. И если приходили сны, то она потом не могла их вспомнить. Но было что-то ещё… ускорение, почти головокружение… Она стояла посреди кухни, чувствуя через толстые белые шерстяные носки холод керамических плиток, и грела руки о чашку.

Чьё-то присутствие. Она воздела руки, поднимая кружку, как священный сосуд, — жест инстинктивный и в то же время полный иронии.

Три года прошло с тех пор, как лоа овладевали ею, три года с тех пор, как они вообще касались её. Но теперь?

Легба? Кто-то другой?

Ощущение чьего-то присутствия внезапно пропало. Резко поставив кружку на стойку — так что кофе плеснуло ей на руку, — она побежала разыскивать, что надеть. В шкафу с пляжными принадлежностями нашлись зелёные ботинки на каучуковой подошве и тяжёлая синяя горная парка, которую она не помнила. Парка была слишком большой, чтобы принадлежать

Бобби. Энджи стремглав бросилась прочь из дома, промчалась по лестницам, не обращая внимания на жужжание игрушечного «дорнье», который поднялся следом, как терпеливая стрекоза. Она оглянулась на север. Взгляд скользнул по скопищу пляжных домиков, путанице крыш, напомнивших ей баррио в Рио. Энджи повернула на юг, в сторону Колонии.

Ту, что пришла, звали Гран-Бригитта, или Маман Бригитта. Некоторые считали её женой Барона Самеди, другие называли «древнейшей из мёртвых».

Слева от Энджи вздымались фантасмагорические здания Колонии — настоящее буйство архитектуры всех форм и самовыражений. Хрупкие с виду, инкрустированные неоном подражания Уоттсу Тауэрсу соседствовали с необруталистскими бункерами с бронзовыми горельефами на фасадах.

В зеркальных стенах, когда она проходила мимо, отражались утренние облака над берегом Тихого океана.

За три последних года её не раз посещало чувство, будто она вот-вот перейдёт некую невидимую черту, вернётся туда, за призрачную границу веры, и обнаружит, что время, проведённое ею с лоа, было всего лишь сном. Или что они, скорее, были как некие странные заразные узелки резонанса культур, которые жили в ней с тех самых недель, какие она провела в оумфоре Бовуа в Нью-Джерси.

Энджи продолжала идти, черпая покой из шума прибоя, из этого вечного мгновения единства пляжа и времени, его сейчас и всегда.

Её отец мёртв, семь лет как его не стало, а файлы отцовского дневника, записи, что он вёл, не сказали ей почти ничего. Отец кому-то служил. Или чему-то. Наградой ему было знание, и ради этого знания он пожертвовал дочерью.

Временами у неё возникало чувство, будто она прожила не одну, а целых три жизни и каждая отделена от другой стеной чего-то, что она затруднялась назвать, и нет никакой надежды на целостность. И так будет всегда.

Вот детские воспоминания о научном городке «Мааса», тянущемся длинными переходами в глубь аризонского плато. Энджи обнимает балясину балюстрады из песчаника, ветер плещет в лицо, и она представляет, будто всё пустынное плато — это её корабль. Ей кажется, что она даже может перемешивать краски заката над горами. Вскоре она улетит оттуда — страх жёстким комом застрянет в горле. А теперь ей даже не вспомнить, когда же она в последний раз взглянула в лицо отца. Хотя, кажется, это было перед самым отлётом, на стоянке авиеток, где

другие самолётики трепетали на ветру, как рой радужных мотыльков. В ту ночь закончилась первая её жизнь; и жизнь отца тоже.

Вторая жизнь была странной, стремительной и очень короткой. Человек по имени Тёрнер увёз её из Аризоны и оставил с Бобби, Бовуа и остальными. Тёрнера она помнила плохо, только то, что это был высокий мужчина с крепкими мускулами и затравленным взглядом. Он привёз её в Нью-Йорк. Оттуда их с Бобби повёз в Нью-Джерси уже Бовуа. Там, на пятьдесят третьем уровне исполинского здания-улья — в Нью-Джерси такие ещё называли Проектами, — Бовуа объяснял ей природу снов. «Сны реальны», — говорил он, и его шоколадное лицо блестело от пота. Он называл ей имена тех, кого она видела в снах. Учил её, что все сны тянутся к единому морю, и показал, чем её сны похожи и в то же время чем они отличаются от всех прочих. «Ты в одиночку скользишь по старому морю и ты достигаешь нового», — говорил он.

В Нью-Джерси ею владели боги.

Она научилась отдаваться во власть Наездников. Она видела, как лоа Линглессу входит в Бовуа в оумфоре, видела, как жилистые ноги учителя размётывают вычерченные белым на полу диаграммы. В Нью-Джерси она знала богов — богов и любовь.

Лоа руководили ею, когда она вступила в мир рука об руку с Бобби, чтобы построить свою третью жизнь, теперешнюю. Они хорошо подходили друг другу — Энджи и Бобби, — оба вышедшие из вакуума: Энджи — из стерильного королевства «Маас Биолабс», а Бобби — из барритаунской скуки…

Гран-Бригитта снизошла на неё без всякого предупреждения. Энджи споткнулась, едва не рухнув в прибой, когда звук моря вдруг будто бы засосало в открывшийся перед ней сумеречный пейзаж. Белёные кладбищенские стены, могильные камни, ивы. Свечи.

Под самой древней из ив — гирлянды свечей; переплетённые корни заляпаны воском.

— Дитя, знай меня.

И тут же Энджи почувствовала её присутствие и признала в ней то, чем она являлась: Маман Бригитта, Мадемуазель Бригитта, старейшина мёртвых.

— Нет у меня ни культа, дитя, ни особого алтаря.

Энджи вдруг осознала, что идёт вперёд, прямо на сияние свечей. Гул в ушах, как будто среди ветвей ивы скрывается необъятный пчелиный рой.

— Кровь моя — отмщение.

Энджи вспомнила Бермуды, ночь, тайфун. Их с Бобби занесло тогда в самое око тайфуна. Такова была Гран-Бригитта. Безмолвие, ощущение давления немыслимых сил, на мгновение замерших под контролем. Под деревом ничего не видно. Одни свечи.

— Лоа… я не могу позвать их. Я чувствую нечто… я пришла взглянуть…

— Ты призвана на мой reposoir. Слушай меня. Твой отец прочертил veves в твоей голове; он прочертил их в плоти, которая не была плотью. Ты была посвящена Эзили Фреде. Ради собственных целей привёл тебя в этот мир Легба. Но тебе давали яд, дитя, coup-poudre…

Из носа у неё потекла кровь.

— Яд?

— Veves твоего отца изменены, частично затёрты, прочерчены заново. Хотя ты и перестала себя отравлять, Наездники всё же не могут прийти к тебе. Я — иной природы.

Боль раскалывает, голову, в висках стучит кровь…

— Пожалуйста… прошу…

— Слушай меня. У тебя есть враги. Они хотят тебе зла. Здесь многое поставлено на карту. Бойся яда, дитя!

Энджи опустила глаза на руки. Кровь была настоящей, яркой. Гудение усилилось. Может, пчёлы гудят только в её голове?

— Пожалуйста! Помоги мне! Объясни…

— Тебе нельзя оставаться. Здесь — смерть.

Оглушённая солнцем, Энджи упала на колени в песок. Рядом бился прибой, обдавая её мелкими брызгами, в двух метрах над головой нервно завис «дорнье». В то же мгновение боль исчезла. Энджи отёрла окровавленные руки о рукава синей парки и села на песок. С тонким воем вращались многочисленные сенсоры и камеры вертолёта.

— Всё в порядке, — выдавила она. — Кровь из носа. Просто кровь потекла из носа…

«Дорнье» рванулся было вперёд, потом назад.

— Я иду домой. Со мной всё в порядке.

Мягко поднявшись, вертолётик скрылся из виду.

Энджи обхватила плечи руками, её трясло. Нет, нельзя, чтобы они догадались. Конечно, они поймут, что что-то стряслось, но не будут знать что. Заставив себя подняться, она повернулась и с трудом потащилась той же дорогой, какой пришла. По пути обшарила карманы в поисках салфетки, носового платка, чего угодно, чем можно было бы стереть кровь с лица.

Когда пальцы нащупали плоский пакетик, она тут же поняла, что это. Остановилась, дрожа вовсе не от утреннего ветра.

Наркотик. Это невозможно. Да, так оно и есть. Но кто? Обернувшись, она остановила взгляд на «дорнье»; тот рванулся прочь…

Одна упаковка. Хватит на целый месяц.

Coup-poudre.

Бойся яда, дитя.

Глава 4
Сквот

Моне снилось, что она снова в кливлендском дансинге, танцует обнажённая в колонне жаркого голубого света — и клетка её подвешена высоко над полом. А кругом — запрокинутые к ней лица, и синий свет шляпками от гвоздей в белках глаз. И на лицах то самое выражение, какое всегда бывает у мужчин, когда они смотрят, как ты танцуешь, пожирают тебя глазами и при этом заперты внутри самих себя. И эти глаза ничего, совсем ничего тебе не говорят, а лица — не важно, что залиты потом, — будто высечены из чего-то, что только напоминает плоть.

Впрочем, плевать ей, как они смотрят, — она ведь танцует, и клетка высоко-высоко, и сама она под кайфом, вся в ритме, танцует три вещи кряду, а тут и «магик» пробирает её насквозь, и новая сила в ногах заставляет вставать на цыпочки…

Кто-то схватил её за колено.

Она попыталась закричать, только ничего у неё не вышло, крик застрял в горле. А когда он всё-таки вырвался, внутри у неё будто что-то оборвалось, сердце обожгло болью, и синий свет разлетелся клочьями. Рука была всё ещё здесь, сжимала колено.

Рывком, как чёртик из табакерки, она села в постели и выпрямилась — сражаясь с темнотой, пытаясь смахнуть волосы с глаз.

— Что с тобой, детка?

Вторую руку положив ей на лоб, он толкнул её назад в жаркую впадину подушки.

— Сон…

Рука всё ещё здесь, от этого хотелось кричать.

— У тебя есть сигаретка, Эдди?

Рука исчезла, щелчок и огонёк зажигалки — он прикуривает ей сигарету; пламя на миг высвечивает его лицо. Затягивается, отдаёт сигарету ей. Мона быстро села, упёрла подбородок в колени — армейское одеяло тут же натянулось палаткой, — ей не хочется, чтобы сейчас к ней кто-нибудь прикасался.

Предостерегающе скрипнула сломанная ножка выкопанного на свалке стула; это Эдди, откинувшись на спинку, закурил сам. «Да сломайся же, — просила Мона у стула, — воткни ему щепку в задницу, чтобы он пару раз мне врезал». Хорошо хоть темно, и не надо смотреть на сквот. Ничего нет хуже, чем проснуться утром с дурной головой, когда слишком тошнит, чтобы пошевелиться, —

а она ещё забыла прилепить чёрный пластик на окно, так её ломало, когда вернулась вчера. Самое поганое — это утро, когда бьют солнечные лучи, высвечивая все мелкие мерзости и нагревая воздух к появлению мух.

Никто никогда не хватал её там, в Кливленде. Любой, кто настолько забалдел, чтобы решиться протянуть руку сквозь прутья, был уже слишком пьян, чтобы двигаться; он и дышать-то, наверное, был не в силах. И в танцзале клиенты её никогда не лапали, разве что заранее уладив эту проблему с Эдди, и за двойную плату, но и то было скорее для видимости.

Впрочем, как бы они ни хотели поиметь её, это всегда оставалось лишь частью привычного ритуала, а потому, казалось, происходит где-то ещё, вне её жизни. И ей нравилось наблюдать за ними, когда они теряли настрой. Тут начиналось самое интересное, потому что они и вправду теряли его и становились совершенно беспомощными — ну, может, лишь на долю секунды, — но всё равно ей всегда казалось, что их тут даже и нет.

— Эдди, ещё одна ночь здесь, и я просто с ума сойду.

Случалось, он бил её и за меньшее, так что она, спрятав лицо в колени и одеяло, сжалась, ожидая удара.

— Ну конечно, — ответил он, — ты же не прочь вернуться на ферму к своим сомам? Или хочешь назад в Кливленд?

— Я просто не могу больше…

— Завтра.

— Что завтра?

— А для тебя это недостаточно скоро? Завтра вечером, частный траханый самолёт, ну как? Прямиком в Нью-Йорк. Хоть тогда ты наконец перестанешь доставать меня этим своим нытьём?

— Пожалуйста, бэби, — она потянулась к нему, — мы можем поехать на поезде…

Он отшвырнул её руку.

— У тебя дерьмо вместо мозгов.

Если продолжать жаловаться, сказать что-нибудь о сквоте, любое, он тут же решит, что она имеет в виду, что он не справляется и все его великие сделки кончаются ничем. Он заведётся, она знает, он заведётся. Как в тот раз, когда она разоралась из-за жуков — тараканов здесь называли «пальмовыми жуками», — но ведь это было только потому, что половина этих проклятых тварей — ну самые настоящие мутанты. Кто-то пытался вывести их такой жуткой дрянью, которая просто перетрахала все их ДНК. И теперь у этих грёбаных тараканов, что дохли у тебя на глазах, были то лишние головы или лапы, то,

наоборот, того и другого было меньше, чем нужно. А однажды она видела тварь, которая выглядела так, будто проглотила распятие или что-то вроде того. Спина, или панцирь, твари — как там это у них называется — была настолько искривлена, что хотелось сблевать.

— Бэби, — она старалась говорить мягче, — я ничего не могу поделать, это место просто меня достало…

— «Зелень-на-Крючке», — сказал он, будто вовсе её не слышал. — Я был в этом клубе и встретил вербовщика. И ты знаешь, он выбрал меня! У мужика нюх на таланты.

Сквозь темноту Мона чуть ли не видела эту его ухмылочку.

— Он из Лондона, это в Англии. Вербовщик талантов. Пришёл в «Зелень» и просто — «ты мой человек!»

— Клиент?

«Зелень-на-Крючке», или, точнее, клуб «У Хуки Грина» — место, где, как недавно решил Эдди, проворачивают выгодные дела, — находился на тридцать третьем этаже стеклянного небоскрёба. Все внутренние перегородки здесь были порушены, чтобы сделать большую, величиной с квартал, танцплощадку. Но Эдди уже успел махнуть на это заведение рукой, поскольку там не нашлось никого, кто захотел бы уделить ему хоть каплю внимания. Мона никогда не видела самого Хуки Грина — «злого жилистого Крючка Зелёного», — ушедшего на покой бейсболиста, которому принадлежало заведение, но танцевалось там просто здорово.

— Будешь ты, чёрт побери, слушать? Какой клиент? Дерьмо собачье. Он — голова, у него связи. И он собирается протолкнуть меня наверх. И знаешь что? Я намерен взять тебя с собой.

— Но что ему нужно?

— Какая-то актриса. Или кто-то вроде актрисы. И ушлый мальчик, чтобы доставить её в одно место и там придержать.

— Актриса? Место? Какое место?

Она услышала, как он расстегнул куртку. Потом что-то упало на постель у её ног.

— Это тебе. — Он зевнул.

Господи! Выходит, это не шутка? Но если он не прикалывается, то что же это, чёрт побери, значит?

— Сколько ты сшибла сегодня, Мона?

— Девяносто. — На самом деле сто двадцать, но последнего клиента Мона посчитала как сверхурочные. Она до смерти боялась утаивать деньги, но иначе на что купить «магик»?

— Оставь себе. Купи какие-нибудь шмотки. И не рабочий хлам. Никому в этой поездке не нужно, чтобы твоя задница свешивалась наружу.

— Когда?

— Завтра, я же сказал. Можешь поцеловать на прощание это место или послать его.

При этих словах Мона затаила дыхание. Опять скрипнул стул.

— Значит, девяносто?

— Ну.

— Расскажи мне.

— Эдди, я так устала…

— Нет, — сказал он.

Впрочем, хотелось ему не правды, правда Эдди была не нужна. Он хотел получить историю. Ту, которую сам же и сочинил и приучил Мону её рассказывать. Эдди было глубоко наплевать, о чём ей говорили клиенты (а у большинства на душе что-то было, и им не терпелось это что-то ей рассказать — что они обычно и делали), не интересовало его их занудство по поводу справки об анализе крови или то, как каждый второй повторяет ей дежурную шутку насчёт того, что, мол, если подцепил сам, передай товарищу. Ему даже было по фигу, чего они требовали от неё в постели.

Эдди хотел, чтобы она рассказала ему об ублюдке, который обращался с ней как с пустым местом. Правда, рассказывая об этом жлобе, надо было не перегнуть палку, чтобы не выставить его слишком грубым, потому что считается, что это стоит много дороже, чем ей заплатили на самом деле. Главным в рассказе было то, что этот мнимый клиент обращается с нею как с неким устройством, которое он арендует на полчаса. Нельзя сказать, что это такая уж большая редкость, но подобные лохи обычно тратят свои денежки на «живых кукол» или же торчат от стима. К Моне обычно шёл клиент разговорчивый, её даже норовили угостить сэндвичами, и если даже человек мог оказаться жутким подонком, то всё-таки не настолько жутким, как того хотел Эдди. А второе, что он требовал от рассказа, — чтобы Мона жаловалась, как ей было противно, но что при этом она чувствовала, что всё равно этого хочет, хочет безумно.

Протянув руку, Мона нашарила в темноте плотный конверт с деньгами.

Снова заскрипел стул.

Так что Мона рассказала ему, как она выходила из «Распродажи», а он бросился прямо к ней, этот здоровенный жлобина, и просто спросил: «Сколько?», — и это её смутило, но она всё равно назвала цену и сказала: «Идём». Они залезли в его машину, машина была большая, старая, и в ней пахло сыростью (а это уже плагиат из её жизни в Кливленде), и он опрокинул её на сиденье…

— Перёд «Распродажей»?

— На заднем дворе.

Эдди никогда не обвинял её в том, что история эта — сплошная выдумка, как-никак, а он сам придумал основные вехи сюжета. По сути своей, смысл рассказа всегда был один и тот же. К тому времени, когда мужик задрал на ней юбку («чёрную, — сказала она, — и на мне были белые ботинки») и скинул с себя штаны, она расслышала, как звякнул ремень, это Эдди стягивал джинсы. Какой-то частью сознания Мона прикидывала (Эдди скользнул к ней в постель), а возможна ли та позиция, какую она описывает, но продолжала говорить. На Эдди это, во всяком случае, действовало. Она не забыла отметить, как было больно, когда жлобина вставлял, — больно, хотя она была совсем мокрой. Помянула, как он держал её за запястья, и похоже, уже порядком запуталась, где что было, во всяком случае, получалось, что её задница болталась где-то в воздухе. Эдди начал её ласкать, гладил грудь и живот, поэтому без всякого перехода она переключилась с откровенной жестокости клиента на то, что ей полагалось при этом ощущать.

Как она испытала то, чего в жизни никогда не испытывала. Кто-то ей говорил, что можно проникнуть в такое место, где если и ощущаешь боль, то всё равно это приятно. Мона знала, что на самом деле это совсем не так. Тем не менее Эдди хотелось услышать, что боль была просто жуткая и что чувствовала она себя отвратительно, но ей всё равно нравилось. Мона не видела в этом ни капли смысла, но научилась рассказывать так, как ему хотелось.

Потому что, какой бы бред она ни несла, — враньё работало, и Эдди, перекатясь на неё и сбив одеяло в кучу, оказался у неё между ног и вошёл. Мона догадывалась, что, должно быть, в его голове прокручивается в эти минуты мультик, где Эдди чувствует себя одновременно героем — тем самым трахающим жлобом без лица — и зрителем, следящим за сюжетом со стороны. Он держал её за запястья, прижав их к полу за её головой. Так ему больше нравилось.

А когда он кончил и, свернувшись калачиком, задремал, Мона долго лежала без сна в душной темноте комнаты, снова и снова разыгрывая мечту об отъезде, — такую яркую, такую чудесную.

Ну пожалуйста, пусть это будет правдой.

Глава 5
«Портобелло» [15]

Кумико проснулась в необъятной кровати — и тихо лежала, прислушиваясь. До неё долетало чуть слышное, неясное бормотание улицы.

В комнате было холодно. Завернувшись, как в мантию, в розовое стёганое одеяло, девочка выбралась из постели. Маленькие оконца были в ярких морозных узорах. Подойдя к ванне, она слегка надавила на одно из позолоченных крыльев лебедя. Птица кашлянула, забулькала и стала наполнять ванну. Не снимая с себя одеяла, она стала открывать чемоданы, чтобы выбрать одежду на день; отобранное она выкладывала на кровать.

Когда ванна была готова, она скинула одеяло на пол и, перебравшись через мраморный край, стоически погрузилась в обжигающе горячую воду. Пар от ванны растопил изморозь на стёклах; теперь по ним бежали струйки сконденсировавшейся влаги. «Неужели во всех английских спальнях такие ванны?» — подумала Кумико. Она старательно натёрлась овальным бруском французского мыла, встала, кое-как смыла пену и завернулась в огромную чёрную купальную простыню; потом после нескольких неудачных попыток случайно обнаружила раковину, унитаз и биде. Они прятались в крохотной комнатушке, которая когда-то, должно быть, служила встроенным шкафом. Стены её покрывал тёмный от времени шпон.

Дважды прозвонил телефон, похожий скорее на предмет из театрального реквизита.

— Да?

— Петал на проводе. Как насчёт завтрака? Роджер уже здесь. Мечтает с тобой познакомиться.

— Спасибо, — ответила девочка. — Я уже одеваюсь.

Кумико натянула свои самые лучшие и самые мешковатые кожаные штаны, потом зарылась в ворсистый голубой свитер, такой большой, что вполне был впору и Петалу. Открыв сумочку, чтобы достать косметику, она увидела модуль «Маас-Неотек». Пальцы сами собой сомкнулись на обтекаемом корпусе, она вовсе не собиралась вызывать призрака. Но хватило только прикосновения. Едва образовавшись в комнате, Колин тут же смешно запрокинул голову, чтобы разглядеть низкий, с зеркалом, потолок.

— Я полагаю, мы не в Дорчестере?

— Вопросы задаю я, — сказала она. — Что это за место?

— Спальня, — ответил он. — В довольно сомнительном вкусе.

— Отвечай, пожалуйста, на мой вопрос.

— Хорошо, — сказал призрак, осматривая постель и ванну. — Судя по обстановке, это вполне мог бы быть и бордель. Я имею доступ к историческим данным на большую часть зданий Лондона, но об этом нет ничего примечательного. Построено в 1848 году. Наглядный образчик популярного в ту эпоху викторианского классицизма. Район дорогой, хотя и немодный, пользуется успехом среди определённого сорта юристов.

Призрак пожал плечами. Сквозь начищенные до блеска ботинки для верховой езды девочка видела край кровати.

Японка бросила модуль в сумочку, и призрак исчез.

С лифтом Кумико справилась без труда и, оказавшись в обшитой белыми панелями прихожей, пошла на звук голосов. Не то холл, не то коридор. За угол.

— Доброе утро, — сказал Петал, снимая с блюда серебряную крышку. От блюда шёл ароматный пар. — Вот он, неуловимый мистер Суэйн, для тебя — Роджер. А вот твой завтрак.

— Привет, — сказал мужчина, делая шаг вперёд и протягивая ей руку.

Бледные глаза на длинном скульптурном лице. Гладкие, мышиного цвета волосы зачёсаны наискось через весь лоб. Кумико затруднилась бы определить его возраст: это было лицо молодого человека, но в западинах сероватых глаз залегли глубокие морщины. Высокий, в руках, плечах и осанке — что-то от атлета.

— Добро пожаловать в Лондон.

Он взял её руку, пожал, отпустил.

— Спасибо.

На Суэйне была рубашка без воротника в очень мелкую красную полоску на бледно-голубом фоне, манжеты скреплены скромными овалами тусклого золота. Расстёгнутая у ворота рубашка открывала тёмный треугольник татуированной кожи.

— Я говорил сегодня утром с твоим отцом, сказал, что ты прибыла благополучно.

— Вы человек высокого ранга.

Бледные глаза сузились.

— Прошу прощения?

— Драконы.

Петал рассмеялся.

— Дай ей поесть, — донеслось справа. Женский голос.

Кумико повернулась. На фоне высокого французского окна

она увидела стройную тёмную фигуру. За окном — обнесённый стеной сад под снегом. Глаза женщины были скрыты за серебристыми стёклами, отражающими комнату и её обитателей.

— Ещё одна наша гостья, — сказал Петал.

— Салли, — представилась женщина, — Салли Ширс. Поешь, котёнок. Если тебе так же скучно, как и мне, может, захочешь пойти погулять? — Под взглядом Кумико её рука скользнула к стёклам, как будто она собиралась снять очки. — Портобелло-роуд — всего в двух кварталах отсюда. Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

У зеркальных линз, похоже, не было ни оправы, ни дужек.

— Роджер, — проговорил Петал, накладывая с серебряной тарелки розовые ломти бекона, — как ты думаешь, Кумико будет в безопасности с нашей Салли?

— В большей, чем со мной, учитывая, в каком она настроении, — ответил Суэйн. — Боюсь, здесь мало что может развлечь тебя, — обратился он к Кумико, подводя её к столу, — но мы попытаемся сделать всё возможное, чтобы ты чувствовала себя как дома, и постараемся показать тебе город. Хотя здесь и не Токио.

— Во всяком случае, пока, — добавил Петал, но Суэйн его, казалось, не расслышал.

— Спасибо, — сказала Кумико, когда Суэйн пододвинул ей стул.

— Сочту за честь, — сказал Суэйн. — Наше почтение твоему отцу…

— Послушай, — вмешалась женщина, — она ещё слишком мала для всего этого. Пожалей наши уши.

— Салли сегодня немного не в настроении, — сказал Петал, накладывая на тарелку Кумико яйцо-пашот.

Как выяснилось, выражение «не в настроении» не совсем точно определяло то состояние, в котором пребывала Салли Ширс. Скорее его стоило бы назвать едва сдерживаемым бешенством, яростью, которая проявлялась в походке и гневном пистолетном стуке чёрных сапог по обледеневшей мостовой.

Кумико приходилось отчаянно семенить, чтобы не отставать, когда женщина зашагала прочь от дома Суэйна по подъездной аллее. В рассеянном свете зимнего солнца холодно вспыхивали стёкла очков. На Салли были узкие брюки из тёмно-коричневой замши и объёмистая чёрная куртка с высоко поднятым воротником — дорогая одежда. А учитывая короткую стрижку, её вполне можно было принять за мальчишку.

Впервые с того момента, как она покинула Токио, Кумико

почувствовала неподдельный страх.

Клокочущая в женщине энергия была почти осязаемой — этакий сгусток гнева, готовый ежесекундно взорваться, выпустив на свободу фурию.

Кумико сунула руку в сумочку и сжала модуль «Маас-Неотек». Колин тут же оказался рядом, небрежно подстраиваясь под их шаг: руки — в карманах куртки, ботинки не оставляют следов на грязном снегу. Она отпустила модуль — призрак исчез, но Кумико почувствовала себя увереннее. Не стоит бояться потерять Салли Ширс, угнаться за которой девочке было трудновато, Колин, конечно же, объяснит ей, как вернуться в дом Суэйна. «А если я от неё убегу, — подумала она, — то он мне поможет». Переходя перекрёсток на красный свет, женщина увернулась от двух машин, с рассеянным видом чуть ли не вытащила Кумико из-под колёс чёрной «хонды», при этом ещё умудрившись пнуть машину в бампер, когда такси проезжало мимо.

— Ты пьёшь? — спросила она, сжимая локоть Кумико.

Кумико покачала головой.

— Пожалуйста, мне больно руку.

Хватка Салли ослабла. Оказалось, она втолкнула Кумико через украшенную причудливыми морозными узорами стеклянную дверь в шум и тепло паба. Самое настоящее логово, переполненное какими-то людьми в тёмной шерсти и ношеном оленьем велюре.

Вскоре они сидели друг против друга за маленьким мраморным столиком, на котором разместились пепельница с рекламой «Басе», кружка тёмного эля, стакан виски, который Салли опорожнила по дороге от стойки, и стакан с апельсиновым лимонадом.

Только тут до Кумико дошло, что серебристые линзы уходят в бледную кожу без малейшего намёка на шов.

Салли потянулась к пустому стакану, покачала его, не поднимая со стола, и критически оглядела.

— Я встречала твоего отца, — сказала она. — Он тогда не ушёл ещё так далеко наверх. — Она оставила стакан и занялась кружкой с элем. — Суэйн говорил, ты наполовину гайдзин. Сказал, твоя мать была датчанкой. — Она глотнула эля. — По тебе не скажешь.

— Она приказала изменить мне глаза.

— Тебе идёт.

— Спасибо. А… очки, — непроизвольно сказала девочка, — они очень красивы.

Салли пожала плечами.

— Твой старик уже позволил тебе побывать в Тибе?

Кумико покачала головой.

— Умно. На его месте я поступила бы так же.

Она отпила ещё эля. Её ногти, очевидно — акриловые, тоном и блеском напоминали перламутр.

— Мне рассказали о твоей матери.

Чувствуя, что у неё пылает лицо, Кумико опустила глаза.

— Ты здесь не поэтому. Хотя бы это ты знаешь? Отец вовсе не из-за неё сплавил тебя к Суэйну. Там — война. С самого моего рождения в верхах якудза не было никаких склок. А теперь, видно, время пришло. — Пустая кружка звякнула о мрамор. — Он просто не может позволить, чтобы ты там оставалась, вот и всё. До тебя там слишком легко добраться. В том, что касается соперников Янаки, парень вроде Суэйна от основных событий довольно далеко. У тебя ведь даже и паспорт на другое имя, ведь так? Суэйн должен Янаке. Так что с тобой всё в порядке, ясно?

Кумико почувствовала, что глаза у неё наполняются слезами.

— О'кей, с тобой не всё в порядке. — Жемчужные ногти забарабанили по мрамору. — Так, значит, она покончила с собой, и с тобой не всё в порядке. Чувствуешь себя виноватой, да?

Кумико подняла глаза — на два зеркала-близнеца.

Как и Синдзюку в Токио, Портобелло задыхался от туристов. Салли Ширс, настояв на том, чтобы Кумико выпила свой лимонад, который уже успел согреться и выдохся, вывела её на запруженную улицу. Крепко держа девочку за руку, Салли начала прокладывать себе дорогу по тротуару мимо раскладных стальных столиков, накрытых рваными скатертями из бархата с тысячами предметов из хрусталя и серебра, меди и фарфора. Кумико смотрела во все глаза, но Салли тянула её мимо выстроившихся рядами сервизов с королевской эмблемой и носатых чайников времён Черчилля.

— Это гоми, — рискнула заметить Кумико, когда они остановились у перекрёстка.

Хлам. В Токио изношенные и ненужные вещи превращались в строительный наполнитель. Салли по-волчьи оскалилась.

— Здесь — Англия. Гоми — основной природный ресурс. Гоми и талант. Вот это я сейчас и ищу. Талант.

Талант носил бутылочно-зелёный вельветовый костюм и безукоризненно чистые замшевые наушники; Салли отыскала его в каком-то очередном пабе. Паб назывался «Роза и корона». Салли представила талант девочке, назвав его Тиком. Ростом он был чуть выше Кумико, и в спине или бедре у него было что-то

перекошено, поэтому ходил человечек откровенно хромая, что ещё больше усиливало общее впечатление асимметричности. Его волосы были выбриты сзади и на висках, а над лбом наворочены в масленую шапку тёмных кудрей.

Салли представила Кумико:

— Мой друг из Японии — и держи руки при себе.

С неопределённой болезненной улыбкой Тик повёл их к столику.

— Как бизнес, Тик?

— Прекрасно, — мрачно ответил тот. — А как заслуженный отдых?

Салли села спиной к стене на мягкую банкетку.

— Ну, — отозвалась она, — как тебе сказать. Если судить по сегодня, то совсем тихо.

Кумико подняла на неё глаза. Вся ярость Салли куда-то испарилась или же была искусно скрыта. Садясь, Кумико опустила руку в сумочку и нашарила модуль. Колин сфокусировался на скамейке возле Салли.

— Очень мило с твоей стороны вспомнить обо мне, — сказал Тик, устраиваясь в кресле. — Я сказал бы, прошло два года. — Он поднял бровь, переведя взгляд на Кумико.

— Она в порядке. Ты знаешь Суэйна, Тик?

— Исключительно по репутации, спасибо.

Колин изучал их пикировку с насмешливым интересом, вертя головой из стороны в сторону, как будто на матче по теннису. Кумико пришлось напомнить себе, что никто, кроме неё, призрака не видит.

— Я хочу, чтобы ты его для меня покрутил. Причём так, чтобы он про это не знал.

Тик во все глаза уставился на неё. Вся левая половина его лица скривилась в одном гигантском подмигивании.

— Ну да, — насмешливо отозвался он, — не многого же ты хочешь, а?

— Хорошие деньги, Тик. Лучше не бывает.

— Ищешь что-то конкретное или нужно просто покопаться в грязном белье? Сдаётся мне, будто кто-то не знает, что это он заправляет всем здешним рэкетом. Не могу сказать, что мне бы хотелось, чтобы он застукал меня на базах данных своего дома…

— Но опять же деньги, Тик.

Два очень быстрых подмигивания.

— Роджер выкручивает мне руки, Тик. А кто-то давит на Роджера. Я не знаю, что у них на него есть, на это мне, в сущности, наплевать. Но того, что у него есть на меня, хватит с лихвой. Подключись к линии входящих-исходящих сообщений, в

общем, посмотри рутинный трафик. Он с кем-то связывается, поскольку условия сделки всё время меняются.

— А как я это узнаю, если увижу?

— Просто посмотри, Тик. Сделай это для меня.

Опять конвульсивное подмигивание.

— Идёт, попробуем его крутануть. — Он нервно побарабанил пальцами по краю стола. — Поставишь выпивку?

Колин поглядел через стол на Кумико и театрально закатил глаза.

— Я не понимаю, — говорила Кумико, торопясь за Салли по Портобелло-роуд обратно. — Ты втянула меня в какую-то свою интригу…

Салли подняла от ветра воротник.

— Я ведь могу тебя предать. Ты устраиваешь заговор против партнёра моего отца. У тебя нет никаких причин доверять мне.

— Как и у тебя доверять мне, котёнок. А вдруг я одна из тех нехороших личностей, что доставляют столько хлопот твоему отцу?

Кумико задумалась над такой возможностью.

— Это правда?

— Нет. А вот если ты шпион Суэйна, значит, у него в последнее время завелось гораздо больше причуд, чем я думала. Ну а если ты шпионишь для своего старика, то, может, мне и не нужен Тик. Но если за всем этим стоят якудза, какой смысл использовать Роджера вслепую?

— Я не шпион.

— Так начинай становиться своим собственным шпионом. Если в Токио жарко, как на сковородке, то здесь ты, пожалуй, угодила в самое пекло.

— Но к чему замешивать меня?

— Ты и так замешана. Ты же здесь. Боишься?

— Нет, — ответила Кумико и замолчала, задумавшись, с чего бы этому быть правдой.

Позже вечером в одиночестве зеркальной мансарды Кумико присела на край огромной кровати. Стянула промокшие башмаки, потом вынула из сумочки модуль «Маас-Неотек».

— Кто они такие? — спросила она у призрака, который взгромоздился на парапет чёрной мраморной ванны.

— Твои приятели из паба?

— Да.

— Уголовники. Что до меня, то я посоветовал бы тебе водиться с более приличными людьми. Женщина — иностранка.

Из Северной Америки. Мужчина — лондонец, Ист-Энд. Судя по всему, вор. Крадёт информацию. К сожалению, я могу войти в архивы полиции, только когда дело касается преступлений, представляющих интерес с исторической точки зрения.

— Я не знаю, что мне делать…

— Переверни модуль.

— Что?

— Посмотри на задней крышке. Там есть бороздка в форме полумесяца. Вставь в неё ноготь большого пальца и поверни…

Открылся крохотный люк. Микропереключатели.

— Переставь рычаг A/B на B. Воспользуйся чем-нибудь тонким и острым, но только не «биро»[16].

— Что?

— Не ручкой. Чернила и пыль забивают схемы. Зубочистка подошла бы идеально. Это переставит модуль на активируемую голосом запись.

— А потом?

— Спрячь модуль внизу. Новости мы прослушаем завтра…

Глава 6
Утренний свет

Слик провёл ночь на куске промятого темперлона под верстаком в цеху Фабрики, завернувшись в шуршащий лист упаковки. От пластика пахло свободными мономерами. Слику снились Малыш Африка и его тачка, причём во сне эти двое сливались, и зубы во рту у Малыша почему-то превращались в блестящие хромированные черепа.

Он проснулся от резкого ветра, заносящего первый зимний снежок в пустые проёмы фабричных окон.

Слик лежал и думал о циркульной пиле для Судьи: почему всякий раз, когда требуется разрезать что-то плотнее фанеры, запястье норовит выйти из строя? Первоначально он планировал оснастить руку пятью самостоятельными пальцами на шарнирах. Каждый из пальцев должен был оканчиваться миниатюрной электропилой, но эта концепция впала в немилость по целому ряду причин. Электричество… ну как-то не удовлетворяло, было недостаточно физическим, что ли. Может, стоило сделать ставку на воздух, большие резервуары сжатого воздуха или внутреннее сгорание, если удастся подобрать запчасти. Впрочем, если копаться достаточно долго, на Собачьей Пустоши можно отыскать детали практически ко всему, а нет — под рукой с полдюжины городов Джерсийского Ржавого Пояса с целыми акрами мёртвых механизмов — собирай, сколько хочешь.

Он выполз из-под верстака, за ним, как мантия, потянулось прозрачное пузырчатое одеяло. Слик вспомнил о мужике на носилках, который теперь лежал в его комнате, и о спавшей в его кровати Черри. У неё-то, наверное, не затекла шея. Поморщившись, Слик потянулся.

Скоро вернётся Джентри. Придётся как-то с ним объясняться — и это притом, что Джентри терпеть не может, когда рядом люди.

В закутке, служившем на Фабрике кухней, Пташка варил кофе. Пол здесь был выложен коробящимися полосами пластмассовой плитки, и вдоль стены шёл ряд тусклых стальных раковин. Под порывами ветра брезент в окне то надувался, то опадал, пропуская молочный свет, отчего комната казалась ещё холоднее.

— Как у нас с водой? — спросил Слик, входя на кухню.

В обязанности Пташки входило проверять по утрам

резервуары на крыше, вылавливать из них листья и случайные трупы ворон. Потом он шёл осматривать сифоны на фильтрах, впускал галлонов десять свежей воды, если вода подходила к концу. На фильтровку и подачу этих десяти галлонов по системе многочисленных труб до резервуаров коллекторов уходила большая часть дня. То, что Пташка покорно занимался всем этим, было главной причиной, по которой Джентри его терпел. Впрочем, делала своё дело и крайняя пугливость парнишки. Пташка неплохо овладел искусством становиться совершенно невидимым, когда это касалось Джентри.

— Под завязку, — ответил Пташка.

— Можно как-нибудь принять душ? — спросила Черри со своего насеста на старой стиролоновой раме. Под глазами у неё залегли тёмные тени, как будто она не спала всю ночь, но болячку она скрыла под слоем косметики.

— Нет, — сказал Слик, — нельзя. Во всяком случае, в это время года.

— Так я и думала, — мрачно ответила Черри, сгорбившись под своей коллекцией кожаных курток.

Слик плеснул себе остатки кофе и встал перед девушкой, глотая горячее питьё.

— У тебя проблемы? — спросила она.

— Да. Ты и тот парень наверху. Кстати, а что ты тут делаешь? Ты ведь при деле или как?

Из кармана самой верхней куртки девушка извлекла чёрный бипер — приёмник телеметрического сигнала.

— Как только что-то изменится, он запищит.

— Хорошо спала?

— Нормально.

— А вот я — нет. Ты давно работаешь на Африку, Черри?

— С неделю.

— Ты правда медтех?

Она пожала плечами. Где-то под куртками.

— Достаточно, чтобы присматривать за Графом.

— Графом?

— Да. Графом. Малыш его так однажды назвал.

Пташка поёжился. Он ещё не успел обработать хайр своими любимыми парикмахерскими штучками, так что волосы в беспорядке торчали во все стороны.

— А что, если он вампир? — предположил Пташка.

— Шутишь? — Черри изумлённо уставилась на него.

Широко раскрыв глаза, Пташка серьёзно покачал головой.

Черри перевела взгляд на Слика:

— Твой друг что, играет по полной деке?

— Никаких вампиров. — Слик обернулся к Пташке. — Их не бывает, понимаешь? Только в стимах. Этот парень не вампир, понял?

Пташка медленно кивнул, Слик его, похоже, не убедил. Ветер хлопал пластиковыми занавесями, играя с молочным светом.

Слик попробовал было заняться Судьёй, но Пташка снова куда-то исчез, и всё время мешали мысли о парне на носилках. К тому же становилось слишком холодно. Придётся опять делать отводку с крыши, отыскивать обогреватели. Что предвещало очередной спор с Джентри по поводу электричества. Ток принадлежал Джентри, поскольку только он знал, как выцарапать его у Ядерной Комиссии.

Шла третья зима пребывания Слика на Фабрике, но когда он нашёл это место, Джентри жил здесь уже четыре года. После того как они привели в порядок чердак, Слику досталась та комната, куда он поместил Черри и парня, которого, если верить Черри, Малыш называл Графом. Джентри настаивал на том, что Фабрика принадлежит ему, потому что он пришёл сюда первым и подвёл электричество так, чтобы об этом не знала Комиссия. Но Слик делал на Фабрике множество дел, которые Джентри не желал делать сам. Например, добывал продукты. Или если случится серьёзная авария, если закоротит провода или засорятся фильтры — именно у Слика были нужные инструменты и он делал весь ремонт.

Джентри не любил людей. Последнее время он дни напролёт проводил со своими деками, периферией и голо-проекторами, и наружу его выгонял только голод. Слик не понимал, чего именно добивается Джентри, но завидовал такой одержимости. Никто не докапывался до Джентри. Малыш Африка ни за что не докопался бы до него, потому что Джентри не понесло бы в Атлантик-Сити и он не вляпался бы в дерьмо и в долги к Малышу Африке.

Слик вошёл в свою комнату без стука. Черри обмывала грудь парня губкой. На руках у неё были белые одноразовые перчатки. Из той комнаты, где готовили еду, она принесла газовую плитку и теперь грела воду в стальном бачке смесителя.

Он заставил себя посмотреть на синюшное лицо на носилках; дряблые губы раскрыты ровно настолько, чтобы были видны жёлтые зубы курильщика. Лицо улицы, лицо толпы, такое можно встретить в любом баре.

Черри подняла глаза на Слика.

Слик присел на край кровати, а девушка тем временем расстегнула спальный мешок и, развернув его наподобие

простыни, подвернула под темперлон.

— Есть разговор, Черри. Надо с этим что-то решать, понимаешь?

Она выжала губку над миской.

— Как ты связалась с Малышом Африкой?

Она опустила губку в «зиплок»[17] и убрала пакет в чёрную нейлоновую сумку из ховера Малыша. Глядя на неё, Слик вдруг понял: в том, что она делает, нет ни одного лишнего движения, похоже, ей даже не приходится задумываться, что делать дальше.

— Ты «У Моби Джейн» знаешь?

— Нет.

— Придорожный дансинг с мотелем на центральной трассе. Мой друг был там управляющим, крутил их дела уже с месяц до того, как я к нему перебралась. Моби Джейн — это просто здоровенная туша; торчит в задней комнате клуба в своей цистерне, как поплавок, а в вену ей капает четверной кокс — с души воротит. Так вот, я и говорю, приехала я туда со своим дружком Спенсером, тем самым управляющим, потому что у меня были неприятности с моим дипломом в Кливленде и я не могла тогда работать…

— Какие неприятности?

— Обычные. Ты хочешь дослушать или нет? Так вот, Спенсер пустил меня, как бы закрыв глаза на состояние владелицы, ясно? Последнее, чего бы мне хотелось, это чтобы кто-нибудь прознал про мой диплом медтеха. Иначе меня тут же заставили бы менять фильтры и накачивать суперчистым кокаином двухсоткилограммовую тушу галлюцинирующей психопатки. Так что меня поставили обслуживать столы, разносить пиво и всё такое. Ладно, это меня устраивало. Музыка у них была неплохая. Вообще-то, местечко жаркое, но всё было в порядке, потому что все знали, что я со Спенсером. Но однажды я просыпаюсь, а Спенсера нет. Потом выясняется, он исчез с их деньгами.

Не переставая рассказывать, она вытирала грудь «спящего» толстым комом впитывающего волокна.

— Сперва они меня немного побили. Ногами. — Подняв на Слика глаза, Черри пожала плечами. — А потом сказали, что сделают со мной дальше. Скрутят мне руки за спиной и посадят в цистерну к Моби Джейн, потом запустят её капельницу на всю катушку, а ей скажут, что мой дружок её обокрал… — Она бросила сырой ком в таз. — И вот они закрыли меня в клозете, чтобы дать поразмыслить над ситуацией перед самим спектаклем. Вдруг дверь открывается, и на пороге — Малыш Африка. До тех пор я его никогда раньше не видела. «Мисс Честерфилд, — говорит он, — у меня есть причины считать, что до последнего

времени вы были зарегистрированным медицинским техником».

— То есть он предложил тебе работу?

— Предложил? Чёрта с два! Он просто проверил мои бумаги и увёз меня оттуда. Вокруг мотеля не было ни души, и это в воскресный вечер. Вывел меня на стоянку, где нас ждали этот вот ховер с черепами по переду и двое больших чёрных парней. Да я, чёрт побери, была готова на всё, только бы подальше от этой цистерны.

— А наш друг уже был в кузове?

— Нет. — Она стягивала перчатки. — Африка приказал мне отвести ховер обратно в Кливленд, куда-то на окраину. Дома большие и старые, а газоны все вытоптаны. Африка направился к тому, где было полно охраны, думаю, к своему собственному. Вот этот, — она подоткнула синий спальный мешок под подбородок неизвестного, — лежал в спальне. Мне было сказано начинать немедленно. Африка сказал, что хорошо заплатит.

— И ты знала, что он привезёт тебя сюда, на Пустошь?

— Нет. По-моему, он сам этого не знал. Что-то стряслось. Он ввалился на следующий день и сказал, что мы уезжаем. Похоже, его что-то напугало до чёртиков. Вот тогда он и назвал его Графом. Потому что был зол и, думаю, перепуган. «Граф и его треклятый «Эл-Эф», — так сказал он.

— Его что?

— «Эл-Эф». «НД». «Низкочастотник»[18].

— Что это?

— Наверное, вот это. — Она указала на ничем не примечательную серую пластину, установленную в изголовье носилок.

Глава 7
Там нет там

Она представила себе, что Свифт уже ждёт её на веранде, в твиде, которому он отдавал предпочтение лос-анджелесской зимой: пиджак и жилетка так же сочетаются друг с другом по цвету, как селёдочная кость с собачьим клыком. Хотя, наверное, ткань их соткана из шерсти одной и той же овцы, годами пасущейся на одном и том же склоне холма. И весь имидж от начала и до конца срежиссирован командой визажистов, скрывающейся в комнатке над одним лондонским магазинчиком на Флорал-стрит, где она никогда не бывала. Они подбирали ему полосатые рубашки, хлопок покупали в Париже у «Шарве»; они создавали его галстуки, заказывая шёлк для них в Осаке — и чтобы обязательно с вышитой вязью из крохотных логотипов «Сенснета». И всё же почему-то он всегда выглядел так, как будто его одевала мамочка.

Веранда пуста. «Дорнье» повисел над ней, потом скользнул к своему гнезду. Ощущение Маман Бригитты всё ещё не покидало Энджи.

Пройдя в белую кухню, Энджи отскребла с лица и рук запёкшуюся кровь. Когда она вошла в гостиную, у неё возникло такое чувство, будто она видит это место впервые. Крашеный пол, позолота на рамах, гобеленовая обивка стульев эпохи Людовика XVI, театральным задником — кубистский пейзаж Вальмье. Как и гардероб Хилтона, интерьер был создан талантливыми, но чужими людьми. Когда она шла к винтовой лестнице, от её ботинок тянулись дорожки мокрого песка.

За то время, что хозяйка провела в клинике, тут явно побывал Келли Хикмен, её костюмер: рабочий багаж оказался аккуратно расставлен в хозяйской спальне. Девять плоских, будто для винтовок, футляров от «Эрме» — гладкие прямоугольники похожи на гробы из начищенного чепрака. Одежду никогда не складывали, каждый костюм или платье распластаны на постели между слоями шелковистой бумаги.

Энджи остановилась в дверях, глядя на пустую постель, на девять гробов из кожи.

Войдя в ванную (стеклянный блок и белая мозаичная плитка) и заперев за собой дверь, она стала открывать одну за другой дверцы туалетных шкафчиков, не обращая внимания на ровные ряды нераспечатанных склянок с притираниями и кремами, на упаковки патентованных лекарств. Движок нашёлся в третьем по

счёту шкафу рядом с пузырчатым листком дермов. Энджи даже чуть наклонилась, чтобы получше рассмотреть серую упаковку с японской надписью, боясь поначалу даже к ней прикоснуться. Движок выглядел новым, не пользованным. Энджи была почти уверена, что сама не покупала эту машинку[19], не прятала её в шкаф. Вынув пакет из кармана парки, она принялась изучать его, раз за разом поворачивая меж пальцев, наблюдая, как в своих запаянных отделениях пересыпаются отмеренные дозы лиловой пыли.

Она увидела, как опускает пакетик на край белой мраморной раковины и, выдавив прозрачный дерм из ячейки, вставляет его в движок и заносит движок над наркотиком. Красная вспышка диода — это машинка всосала дозу. Потом Энджи видит свои руки: вот они снимают дерм, и тот, как белая пластиковая пиявка, чуть покачивается на кончике правого указательного пальца. Внутренняя поверхность дерма блестит крохотными капельками ДМСО[20].

Энджи поворачивается, делает три шага до туалета и роняет невскрытый пакет в унитаз. Тот всплывает, как миниатюрная баржа, наркотик по-прежнему совершенно сух. Абсолютно… Дрожащими руками она отыскивает пилку для ногтей и опускается на колени на белый кафель… Закрыть глаза, чтобы не видеть, как одна рука придерживает пакетик, в то время как другая вонзает остриё пилки в шов, поворачивает… Пилка со звоном падает на пол, Энджи нажимает на спуск — и две половинки пустого теперь пакета исчезают. Несколько минут она отдыхает, прижавшись лбом к холодной эмали, потом заставляет себя встать и подойти к раковине, чтобы тщательно отмыть руки.

Потому что так хочется — только теперь она понимает как — облизать пальцы.

Позже, уже в серых сумерках, она отыскала в гараже транспортировочный контейнер из рифлёной пластмассы, отнесла его наверх в спальню и стала упаковывать оставшиеся от Бобби вещи. Их было немного: кожаные джинсы — зачем он их купил, если они ему не нравились? Несколько рубашек, которые он не то собирался выбросить, не то просто забыл, и в нижнем ящике тикового бюро — киберпространственная дека. Это был «Оно-Сендаи» — скорее игрушка, чем рабочий инструмент. Дека лежала посреди путаницы чёрных проводов, наборов дешёвых стим-тродов и заляпанного чем-то жирным тюбика проводящей пасты.

Энджи вспомнила ту деку, которой обычно пользовался Бобби, ту, которую он увёз с собой, — серую заводскую «хосаку» с

немаркированной клавиатурой. Дека профессионального ковбоя. Он настаивал, чтобы она была с ним повсюду, хотя это и причиняло множество неприятностей на таможне. Зачем, удивилась она, он купил «Оно-Сендаи»? И почему бросил её? Энджи сидела на краешке кровати. Вынув деку из ящика, положила её себе на колени.

Давным-давно, ещё в Аризоне, отец предостерегал дочь, советовал ей не подключаться к матрице. «Тебе это не нужно», — говорил он. Она и не подключалась, поскольку киберпространство просто ей снилось, как будто переплетение неоновых линий матрицы всегда ждало за сомкнутыми веками.

«Там нет там». Этому учили детей, объясняя им, что такое киберпространство. Ей вспомнились лекции улыбающегося наставника в административном центре научного городка, вспомнились бегущие по экрану картинки: пилоты в огромных шлемах и неуклюжих с виду перчатках. Эта технология пусть и примитивного с точки зрения нейроэлектроники «виртуального мира» давала человеку более полный доступ к системам истребителя. Пара миниатюрных видеотерминалов накачивала пилотов генерируемым компьютером потоком боевых данных, перчатки вибротактильной обратной связи обеспечивали мир прикосновений, состоящий из рычагов и гашеток… С развитием технологии шлемы съёживались, видеотерминалы атрофировались…

Нагнувшись, Энджи подобрала набор тродов, встряхнула, высвобождая из клубка проводов.

Там нет там.

Расправив на лбу эластичную головную повязку, она установила троды на висках — один из самых характерных человеческих жестов, который ей так редко приходилось совершать. Потом нажала на кнопку тестирования батарей «Оно-Сендаи». Зелёный — значит, «вперёд». Теперь активировать деку. И спальня исчезла за бесцветной стеной сенсорной статики. Её голова наполнилась стремительным потоком белого шума.

Пальцы сами наугад отыскали второй переключатель — и Энджи катапультировало сквозь стену статики в суматошную, тесную беспредельность, абстрактную пустоту киберпространства. Вокруг неё трёхмерной сеткой развернулась в бесконечность яркая решётка матрицы.

— Анджела, — сказал дом спокойным, но не терпящим возражений тоном, — на проводе Хилтон Свифт.

— Служебный канал? — Она ела печёную фасоль с тостами у стойки на кухне.

— Нет, — доверительно ответил дом.

— Измени тон, — приказала она с набитым фасолью ртом. — И добавь озабоченности.

— Мистер Свифт ждёт, — нервно протараторил дом.

— Уже лучше, — сказала она, относя тарелку и миску в раковину. — Но я хочу что-нибудь поближе к настоящей истерике.

— Ты ответишь ему? — Голос задыхался от напряжения.

— Нет, — сказала она, — но голос оставь как есть, мне так нравится.

Она прошла в гостиную. «Раз, два… — считала она про себя, на каждый счёт задерживая дыхание. — Двенадцать, тринадцать…»

— Анджела, — мягко проговорил дом, — на проводе Хилтон Свифт…

— На служебном канале, — послышался голос Свифта. Она с шумом выпустила воздух. — Ты знаешь, как я уважаю твою потребность побыть одной, но я очень о тебе беспокоюсь.

— Со мной всё в порядке, Хилтон. У тебя нет причин волноваться. Пока.

— Ты споткнулась сегодня на пляже. Такое ощущение, что потеряла ориентировку. У тебя кровь шла из носа.

— Просто кровотечение.

— Мы бы хотели, чтобы ты прошла ещё один осмотр…

— Великолепно.

— Ты сегодня входила в матрицу, Энджи. Мы засекли тебя в промышленном секторе СОБА.

— Так вот что это было.

— Хочешь об этом поговорить?

— Тут не о чем говорить. Просто валяла дурака. Но ведь ты всё равно от меня не отвяжешься, да? Я упаковывала кое-какой хлам, оставшийся здесь от Бобби. Тебя бы это порадовало, Хилтон! Я нашла его деку и решила попробовать. Нажала пару клавиш и просто сидела, глядя по сторонам. Потом отключилась.

— Извини, Энджи.

— За что?

— За то, что потревожил тебя. Я сейчас отключусь.

— Хилтон, ты знаешь, где Бобби?

— Нет.

— Ты хочешь сказать, что служба безопасности «Сенснета» перестала за ним следить?

— Я говорю, что не знаю, Энджи. Это правда.

— Но ты мог бы выяснить, если бы захотел?

Снова пауза.

— Не знаю. Если бы и мог, то не уверен, что стал бы это делать.

— Спасибо. До свидания, Хилтон.

— До свидания, Энджи.

Той ночью она сидела в темноте, наблюдая за танцем блох на освещённом песке. Сидела и думала о Бригитте и её предостережении, о наркотике в кармане парки и о движке в аптечке. Думала о киберпространстве и о том печальном тюремном ощущении, какое она испытала с «Оно-Сендаи», ощущении, таком далёком от свободы лоа. Думала о снах незнакомки, о свивающихся в лабиринт коридорах, о приглушённых тонах древнего ковра… Старик, голова из драгоценных камней, напряжённое лицо с зеркалами вместо глаз… И голый, продуваемый ветрами пляж в темноте.

Другой пляж, не в Малибу.

И где-то в сумерках калифорнийского утра, за несколько часов до рассвета, среди коридоров, галерей, лиц, обрывков разговоров, которые она помнила лишь отчасти, проснувшись и увидев белый туман, окутавший окна хозяйской спальни, она вдруг поняла, что вырвала из сна что-то очень важное и унесла это важное с собой за границу яви.

Перекатившись на бок, порылась в ящике тумбочки. Нашла ручку «порше», подарок каких-то ассистентов, и нацарапала драгоценные буквы на глянцевой обложке итальянского журнала мод:

Т-Э

— Вызови Континьюити[21], — приказала она дому за третьей чашкой кофе.

— Здравствуй, Энджи, — сказал Континьюити.

— Была одна плёнка с орбиты, мы засняли её два года назад. Яхта бельгийца… — Она глотнула остывающий кофе. — Как называлось то место, куда он хотел меня отвезти? Робин тогда ещё решил, что это дешёвка.

— Фрисайд, — сказала экспертная система.

— Кто из наших там работал?

— Тэлли Ишэм записала на Фрисайде девять эпизодов.

— Для неё это была не дешёвка?

— Это было пятнадцать лет назад. В то время Фрисайд был в моде.

— Достань для меня эти эпизоды.

— Сделано.

— Пока.

— До свидания, Энджи.

Континьюити писал книгу. Энджи об этом рассказал Робин Ланье. Она спросила, о чём книга. Не в том дело, ответил он. Книга закукливается в саму себя и постоянно мутирует. Континьюити пишет её бесконечно. Она спросила «почему?», но Робин уже потерял интерес к разговору. Континьюити — ИскИн, а ИскИны всегда делают что-нибудь подобное.

Обращение к Континьюити стоило ей звонка от Свифта.

— Энджи, что касается этого физического…

— Разве ты ещё не составил расписание? Я хочу вернуться к работе. Сегодня утром я вызывала Континьюити. Подумываю о съёмке нескольких эпизодов на орбите. Собираюсь просмотреть кое-что из того, что делала Тэлли. Может, возникнут какие-нибудь идеи.

Молчание. Ей хотелось рассмеяться. Не так просто лишить Свифта дара речи.

— Ты уверена? Это замечательно, Энджи, но ты действительно этого хочешь?

— Мне гораздо лучше, Хилтон. Я чувствую себя просто прекрасно. Каникулы закончены. Пусть приедет Порфир уложить мне волосы перед тем, как я покажусь на люди.

— Знаешь, Энджи, — сказал Свифт, — это осчастливит всех нас.

— Вызови Порфира. Составь программу осмотра. Coup-poudre. Кто, Хилтон? Может, ты сам?

А ведь у него была такая возможность, подумалось ей полчаса спустя, когда она взад-вперёд вышагивала по укутанной туманом веранде. Её зависимость от наркотиков не угрожала «Сенснету», поскольку никак не отражалась на «продукции». Ведь никаких побочных эффектов не было. В противном случае «Сенснет» ни за что бы не позволил ей даже попробовать. «Модельные наркотики, — думала она. — Уж сам-то моделист знает, что в них». И никогда ей не скажет, даже если удастся с ним как-то связаться, в чём она сомневалась. Предположим, размышляла она, ведя ладонью по шершавой ржавчине перил, что это был не моделист. Что кто-то другой смоделировал молекулу в своих собственных целях.

— Твой парикмахер, — сказал дом.

Она вошла внутрь.

Порфир ждал, задрапированный складками мягкого джерси — последняя новинка парижского сезона. Его лицо, гладкое и

спокойное, как полированное чёрное дерево, при виде её раскололось в радостной ухмылке.

— Мисси, — проворчал он, — ты выглядишь как самопальное дерьмо.

Энджи рассмеялась. С досадой хмыкнув, Порфир шагнул к ней, чтобы с наигранным отвращением запустить длинные пальцы в её шевелюру.

— Мисси была дурной девочкой! Порфир говорил ей, что это ужасные пилюли!

Энджи пришлось запрокинуть голову — Порфир был очень высок и, как она знала, невероятно силён. Этакая гончая на стероидах, как сказал про него однажды кто-то. Его безволосый череп являл собой неизвестную в природе симметрию.

— Как ты? — спросил он уже совсем другим тоном, нарочитое брио[22] отключилось, как будто кто-то повернул выключатель.

— Прекрасно.

— Больно было?

— Да. Больно.

— Знаешь, — сказал он, легонько касаясь её подбородка длинным пальцем, — никто никогда не понимал, что ты находишь в этом дерьме. Было такое впечатление, что оно даже улететь тебе не даёт.

— И не должно было. Это вроде как ты одновременно и здесь и там, только не нужно…

— Что-то чувствовать?

— Да.

Он медленно кивнул.

— Тогда это был действительно дрянной кайф.

— Чёрт с ним, — ответила Энджи. — Я вернулась.

Снова ухмылка.

— Пойдём помоем тебе голову.

— Я только вчера её мыла!

— Чем? Нет! Не говори мне! — Взмахами огромных ладоней Порфир погнал её к лестнице.

В выложенной белой плиткой ванной парикмахер втёр ей что-то в кожу головы.

— Ты в последнее время виделся с Робином?

Порфир уже промывал ей волосы холодной водой.

— Миста Ланье сейчас в Лондоне, мисси. Миста Ланье и я не разговаривать друг с другом в настоящее время. Сядь прямо.

Он поднял спинку кресла и обернул вокруг её шеи полотенце.

— Почему? — спросила она, настраиваясь выслушать последние слухи «Сенснета», что было у Порфира второй

специальностью.

— Потому что, — ровным голосом сказал парикмахер, тщательно зачёсывая ей волосы назад, — он наговорил всем гадостей о некой Анджеле Митчелл, пока та была на Ямайке, наводя порядок в своей маленькой головке.

Этого она никак не ожидала.

— Гадостей?..

— Чего он только не говорил, мисси.

Порфир принялся подстригать ей волосы ножницами, это было одним из его профессиональных бзиков: Порфир неизменно отказывался от лазерного карандаша, заявляя, что никогда к нему даже не прикоснётся.

— Ты шутишь, Порфир?

— Нет. Мне бы он ничего такого не стал говорить, но Порфир многое слышит. Порфир всегда слышит. Он уехал в Лондон на следующее утро после того, как ты прибыла сюда.

— А что именно ты слышал?

— Что ты сошла с ума. Не важно, под кайфом или без него. Что ты слышишь всякие голоса. Что психиатры «Сенснета» об этом знают.

Голоса…

— Кто тебе это сказал? — Она попыталась повернуться в кресле.

— Не мотай головой. Вот так. — Он вернулся к работе. — Не могу сказать. Доверься мне.

После отъезда Порфира ещё несколько раз звонили — это рвалась сказать «привет» её съёмочная группа.

— Сегодня больше никаких звонков, — приказала она дому. — Эпизоды Тэлли я посмотрю наверху.

Отыскав в глубине морозильника бутылку «Короны», Энджи забрала её с собой в спальню. Стим-модуль в тиковом изголовье кровати был снабжён студийными тродами. Когда она уезжала на Ямайку, таких тут ещё не было. Техники «Сенснета» периодически обновляли оборудование в доме. Глотнув пива, она поставила бутылку на столик и прилегла с тродами на лбу.

— Поехали.

В дыхание Тэлли, в плоть Тэлли.

«Как я могла заменить тебя? — удивилась она, захваченная физическим существом бывшей звезды. — Приношу ли я людям такое же наслаждение?»

Тэлли-Энджи смотрит вниз в увитую виноградом пропасть, которая одновременно и бульвар, поднимает глаза вверх на опрокинутый горизонт, скользит взглядом по далёким теннисным

кортам. Над головой — «солнце» Фрисайда, осевая нить ярчайшего накала…

— Перемотай вперёд, — приказала она дому.

В плавное сокращение мускулов и расплывчатое пятно бетона, где Тэлли заворачивает велосипед на велодроме с пониженной гравитацией…

— Перемотай вперёд.

Сцена за обедом, натяжение бархатных бретелек на плечах, молодой человек напротив наклоняется через стол, чтобы подлить ей вина…

— Вперёд.

Льняные простыни, рука между её ног, пурпурные сумерки за стеклянной стеной, звук бегущей воды…

— Обратно.

Ресторан. Красное вино льётся в стакан…

— Ещё чуть-чуть. Стоп. Здесь.

Глаза Тэлли сфокусированы на загорелом запястье парня, а не на бутылке.

— Мне нужна распечатка кадра, — сказала Энджи, снимая троды.

Она села и отхлебнула пива, вкус которого странно смешался с призрачным вкусом записанного на стим-плёнку вина Тэлли.

Внизу мягко зажужжал принтер. Энджи заставила себя идти по ступенькам как можно медленнее, но когда она добралась до принтера в кухне, изображение её разочаровало.

— Можешь это почистить? — спросила она у дома. — Я хочу прочитать этикетку на бутылке.

— Выравниваю изображение, — ответил дом, — поворачиваю цель на восемь градусов.

Принтер заработал, поползла новая картинка. Не успел он отстрекотать, а Энджи уже нашла своё сокровище, свою медаль за победу над сном, отпечатанную коричневыми чернилами: «Т-Э».

«У них были даже собственные виноградники», — подумала она.

«Тессье-Эшпул СА» — раскорячились по-паучьи буквы августейшего шрифта.

— Попались! — с вызовом прошептала она.

Глава 8
Радио «Техас»

Сквозь рваные дыры в пластике, которым они затягивали окно, Мона видела солнце. Слишком мерзкое место, чтобы тут оставаться, — особенно если просыпаешься или приходишь в себя после кайфа. А сейчас и то и другое.

Потихоньку выбравшись из постели, она поморщилась, когда её пятка коснулась голого пола, и на ощупь нашла плетёные пластмассовые сандалии. Ну и грязная же это дыра! Стоит легонько прислониться к стене, и столбняк тебе уже обеспечен. От одной мысли об этом мурашки ползут по коже. А вот Эдди, похоже, это не волновало. Он настолько погрузился в свои аферы, что вообще ничего вокруг не замечал. И всегда ему удавалось каким-то образом держать себя в чистоте, как кошке. Он вообще был по-кошачьи чистоплотен — ни пятнышка грязи под полированными ногтями. Она уже давно догадывалась, что большая часть её заработка уходит на его гардероб, впрочем, ей и в голову бы не пришло задавать какие-то вопросы. Ей было шестнадцать, звали её Мона, у неё даже ГРЕХа не было, а один пожилой клиент ей как-то сказал, что есть такая песня «В шестнадцать лет и неГРЕХовна». Это означало, что Моне при рождении ГРЕХ — Государственную Регистрационную Характеристику — в файлы не записали и документ не выдали, так что она выросла за рамками почти всех официальных инстанций. Мона знала, что вроде бы можно обзавестись ГРЕХом, если у тебя его нет, но подразумевалось, что для этого придётся идти в какое-то заведение и разговаривать там с каким-то пиджаком — а это было довольно далеко от представлений Моны о хорошем времяпрепровождении или даже о нормальном поведении.

Она давно уже обучилась одеваться в сквоте, могла бы проделать это и в темноте: надеваешь сандалии, предварительно постучав ими друг о друга, чтобы согнать всё, что могло туда заползти, потом — в два шага — к окну, где, как известно, в корзине из стиролона лежит рулон старых факсов. Отматываешь с метр факса, скажем, день-полтора «Асахи Симбун», складываешь, разглаживаешь и кладёшь на пол. Тогда на лист можно встать и дотянуться до стоящей рядом с корзиной пластиковой сумки, распутать связывающую ручки проволоку и найти нужную одежду. Вынимая ногу из сандалии, чтобы надеть трусы, уже знаешь, что ступишь на свежий факс; для Моны это стало догмой

— знать, что ничто не заползёт на факс за время, необходимое для того, чтобы натянуть джинсы. И снова сандалии.

Потом можно надеть футболку или ещё что, старательно обмотать проволокой ручки сумки и убраться отсюда. Макияж, если требуется, — в коридоре снаружи, где у сломанного лифта сохранилось подобие зеркала с приклеенным над ним обрезком биофлуоресцентной ленты «Фудзи».

Этим утром у лифта стоял резкий запах мочи, так что Мона решила макияж опустить.

Здание как будто вечно пустовало, ни единой души вокруг, но временами из-за какой-нибудь запертой двери доносилась музыка или вдруг слышалось эхо шагов, только что завернувших за угол в дальнем конце коридора. Ну в этом был смысл — у Моны тоже не возникало особого желания встречаться с соседями.

Она спустилась на три пролёта вниз, прямо в кромешную тьму подземного гаража. Чтобы отыскать выход на улицу, понадобилось всего шесть вспышек карманного фонарика, которые разбудили застоявшиеся лужи и свисающие плети мёртвого оптокабеля. Вверх по бетонным ступеням и наконец наружу — в узкий проулок. Иногда, если ветер дул в нужную сторону, в проулок заносило запах пляжа, но сегодня тут пахло только помойкой. Над ней громоздилась стена сквота, так что надо пошевеливаться, пока какому-нибудь придурку не пришло в голову бросить в окно бутылку или же что похуже. Только выйдя на авеню, Мона сбавила шаг, но и то ненамного; карман её жгли наличные, и Мону переполняли планы, как их потратить. Совсем ни к чему, чтобы тебя обули, тем более сейчас, когда всё идёт к тому, что Эдди всё же удастся выклянчить им обоим билет отсюда.

Она всё колебалась, верить ей или не верить; ей очень хотелось сказать себе: да, дело верное, они практически уже уехали, — а с другой стороны, она уж знает, каковы они, эти «верные дела» Эдди. Разве не была Флорида одним из таких дел? Как тепло в этой Флориде, и какие там пляжи, и сколько там простаков с деньгами — самое место для небольших трудовых каникул, которые уже растянулись в самый долгий в Мониной жизни месяц. Ладно, во Флориде тепло, а если точнее, чертовски жарко, как в сауне. Пляжи, если они не частные, заражены какой-то дрянью, в неглубоких впадинах плавает брюхом вверх дохлая рыба. Возможно, на частных пляжах — картина та же, но только этих пляжей и не видно — заграждение из колючей проволоки и кругом охрана в шортах и полицейских рубашках. Эдди всякий раз распалялся при виде оружия, которое носили охранники, он

не уставал описывать ей каждую пушку в отдельности — с доводящими до полного отупения деталями. Впрочем, у него у самого пушки при себе не было, по крайней мере, Мона ничего такого не знала и считала, что это даже к лучшему. Иногда запах дохлой рыбы забивался другим, хлорным, который жёг нёбо, — его приносило с фабрик, расположенных выше по побережью. Если здесь и встречались лохи, то это были те же клиенты, к тому же они не особо стремились платить вдвойне.

Пожалуй, единственное, что могло во Флориде нравиться, это наркотики: легко достать, дёшевы и, по большей части, промышленной концентрации. Иногда Мона представляла себе, что запах хлорки — на самом деле запах миллиона лабораторий, варящих какое-то невероятное снадобье. Все эти маленькие молекулы бьют острыми хвостиками, так им невтерпёж попасть по назначению, выйти на улицу.

Свернув с авеню, она направилась вдоль лотков с едой — эти торговали без лицензий. От запаха пищи сводило желудок, но она не доверяла уличной кормёжке — разве что в случае крайней необходимости. И потом, в пассаже полно мест, где возьмут наличные. Посреди заасфальтированного сквера, бывшего на самом деле автостоянкой, кто-то играл на трубе: рокочущее кубинское соло отражалось, возвращалось искорёженным от бетонных стен, умирающие ноты терялись в утреннем гаме рынка. Уличный проповедник-евангелист вскинул руки над головой, в воздухе над ним этот жест скопировал блеклый, расплывчатый Иисус. Проектор помещался в ящике из-под мыла, на котором стоял проповедник, а за спиной у него висел потёртый нейлоновый короб с батареями и парой динамиков, которые выступали над его плечами, как две безглазые хромированные головы. Евангелист нахмурился, глянул вверх на Иисуса и подкрутил что-то у себя на поясе. Иисус будто икнул, позеленел и исчез. Мона не смогла удержаться от смеха. Глаза проповедника полыхнули гневом господним, на грязной щеке задёргались шрамы.

Мона повернула налево в ряды торговцев фруктами, выстраивающих пирамиды апельсинов и грейпфрутов на побитых металлических тележках. Вошла в низкое здание со сводчатым потолком, приютившее вдоль проходов постоянных своих обитателей — торговцев рыбой, фасованными продуктами, дешёвыми хозяйственными мелочами; здесь же располагались десятки прилавков со всевозможной горячей пищей. Здесь, в тени, было чуть прохладнее и не так шумно. Она нашла вонтон с шестью свободными табуретами и села на один из них. Повар-китаец обратился к ней по-испански, она заказала, ткнув пальцем.

Когда в пластиковой миске появился суп, Мона расплатилась самой маленькой из банкнот, а на сдачу получила восемь засаленных картонных жетонов. Если Эдди не врёт, если они действительно уезжают, она не сможет ими воспользоваться. Если же останутся во Флориде, она всегда сможет их потратить ещё в каком-нибудь вонтоне. Мона покачала головой. Нужно уезжать, нужно. Толкнула истёртые жёлтые кружочки назад через крашеный фанерный прилавок.

— Оставь себе.

Повар смахнул их под прилавок — невозмутимо и без всякого выражения; голубая пластмассовая зубочистка застыла в углу его рта.

Взяв из стакана на прилавке две палочки, Мона принялась вылавливать из миски змейки лапши. Из прохода за котлами и жаровнями китайца за ней наблюдал какой-то пиджак. Пиджак, пытающийся косить под кого-то другого: белая спортивная рубашка и солнечные очки. То, что это пиджак, было видно по тому, как он стоит. К тому же зубы слишком белые и причёска… ну разве что у этого была борода. Человек делал вид, что просто смотрит по сторонам, будто пришёл за покупками, — руки в карманах, рот сложен — как ему кажется — в рассеянную улыбку. Он был симпатичный, этот пиджак, — во всяком случае, та часть его лица, что не скрывалась за очками и бородой. А вот улыбку симпатичной не назовёшь. Она казалась какой-то прямоугольной и открывала почти все тридцать два зуба. Мона поёрзала на стуле, чувствуя себя несколько неуютно. Платить наличными — это вполне законно, правда, делать это нужно по правилам — иметь налоговый чип и всё такое. Внезапно она осознала, что в кармане у неё деньги. Мона сделала вид, что изучает лицензию на торговлю пищевыми продуктами, приклеенную плёнкой к прилавку. Когда она снова подняла глаза, пиджак уже ушёл.

На одежду ушло полсотни. Пришлось прошерстить все восемнадцать вешалок в четырёх магазинах — всё, что имелось в пассаже, — прежде чем на что-то решиться. Торговцам не нравилось, что она меняет столько вещей, но ведь денег, которые можно тратить, у неё сейчас было больше, чем вообще когда-либо. Покончив наконец с покупками, она обнаружила, что давно уже наступил полдень. Солнце Флориды поджаривало тротуар, когда она пересекла стоянку с двумя пластиковыми сумками в руках. Сумки, как и одежда, были подержанными: на одной напечатан фирменный знак обувного магазина в Гинзе, другая рекламировала аргентинские брикеты из переработанного криля. Мона шла и перетасовывала в уме покупки, выдумывая различные

прикиды.

На противоположной стороне сквера евангелист открыл своё шоу, врубив запись на максимальную громкость и почему-то с середины псалма — должно быть, разогревался до брызжущей слюной ярости, прежде чем включиться. Голографический Иисус тряс рукавами белого балахона и гневно жестикулировал небу, потом пассажу, потом снова и снова небу. Вознесение, говорил он. Вознесение грядёт.

Чтобы не проходить ещё раз мимо сумасшедшего проповедника, Мона свернула наугад в сторону и обнаружила, что бредёт вдоль выгоревших на солнце карточных столов с разложенными на них дешёвыми индонезийскими симстим-деками, бэушными кассетами, цветными «занозами» микрософтов, воткнутых в кубики из бледно-голубого стиролона. Над одним из столов был прилеплен постер с изображением Энджи Митчелл, такого Мона ещё не видела. Остановившись, она уставилась на него голодным взглядом, впитывая сперва макияж и прикид звезды, потом стала рассматривать фон, пытаясь сообразить, где сделан снимок. Бессознательно погримасничала, подстраивая своё лицо под выражение лица Энджи. Не совсем улыбка. Что-то вроде полуусмешки, быть может, немного печальной. К Энджи Мона испытывала совсем особые чувства. Потому что — и клиенты ей иногда говорили это — была на неё похожа. Как будто она ей сестра. Разве что нос другой — у Моны более курносый, — и у неё, у Энджи, нет этой несносной россыпи веснушек на щеках. Монина полуусмешка «под Энджи» стала шире, пока девушка рассматривала звезду, омытая красотой плаката, роскошью запечатлённой на нём комнаты. Она решила, что это какой-нибудь замок. Вероятно, там и живёт Энджи, конечно, в окружении бесчисленных слуг, которые о ней заботятся: кто-то же должен укладывать ей волосы и помогать с одеждой, потому что видно, что стены там сложены из больших валунов и у зеркал тяжёлые рамы — сплошь золотые с листьями и ангелами. Возможно, надпись в нижней части постера и подсказала бы ей, что это за замок, но Мона не умела читать. Во всяком случае, никаких траханых тараканов там нет, в этом-то она была уверена, — и никакого Эдди тоже. Мона опустила взгляд на стим-деки и ненадолго задумалась, не спустить ли на один из этих аппаратов оставшиеся деньги. Но тогда у неё не хватит на кассеты, и к тому же эти деки такие старые, некоторые даже старше её самой. Была ещё какая-то — как её там? — Тэлли; но она была звездой, когда Моне исполнилось всего лишь девять.

Когда она вернулась, Эдди её уже ждал. Снял с окна плёнку,

напустив в комнату жужжащих мух. Эдди валялся на кровати, покуривая сигарету, а наблюдавший за ней в пассаже бородатый пиджак сидел на сломанном стуле, так и не сняв очки.

Прайор. Так он себя назвал, как будто имя у него отсутствует вовсе. Как у Эдди — фамилия. Ну у неё у самой фамилии тоже нет, если не считать Лизы, но это скорее просто ещё одно её имя.

Пока он торчал в сквоте, ей никак не удавалось понять, что этот человек за птица. Мона подумала, что это, наверное, от того, что он англичанин. Впрочем, и пиджаком его назвать трудно, во всяком случае, настоящим пиджаком, за которого она приняла его в пассаже. И здесь он не просто так, что-то у него на уме, только пока неясно, что именно. Порой он не спускал с неё глаз, смотрел, как она упаковывает вещи в принесённую им голубую дорожную сумку с надписью «Люфтганза», но в его взгляде она не чувствовала никакого зуда, никакого намёка на то, что он её хочет. Он просто за ней наблюдал, постукивая солнечными очками по колену, смотрел, как курит Эдди, слушал его брехню и говорил не больше, чем требовалось. Когда он говорил, обычно это было что-то смешное, но Мону сбивало с толку то, как он это делал: не понять, когда он шутит, а когда нет.

Мона собирала вещи, а в голове была такая лёгкость, как будто она дохнула стимулятора, но полный кайф ещё не пришёл. Мухи трахались на окне, ритмично ударяясь о пыльное стекло, но ей было плевать. Уехала, она уже уехала!

Застегнуть молнию на сумке.

К тому времени, когда они добрались до аэропорта, пошёл дождь — дождь Флориды, мочащийся тёплой водой из ниоткуда. Раньше она никогда не бывала в аэропортах, знала их лишь по стимам.

Машина Прайора, взятый напрокат белый «датсун», была без водителя и всю дорогу оглашала салон заводной музыкой из квадратных динамиков. Высадив их вместе с багажом на голый бетон возле выхода на посадку, она укатила в дождь. Если у Прайора и была дорожная сумка, то где-то в другом месте. У Моны на плече висела её «Люфтганза», а Эдди стоял возле двух чёрных чемоданов из кожи клонированных крокодилов.

Одёргивая на бёдрах новую юбку, Мона думала, удачные ли она купила туфли. Эдди явно наслаждался собой — руки в брюки, плечи приподняты, чтобы показать, что он занят чем-то важным.

Ей вспомнилось, как она впервые увидела его в Кливленде. Он тогда приехал к ним на окраину посмотреть тачку, которую продавал старик, до основания проржавевшую трёхколёсную

«шкоду». Старик выращивал сомов в бетонных чанах, окружавших их грязный двор. Когда появился Эдди, Мона была в доме — в длинном просторном трейлере с высоким потолком, водружённом на бетонные блоки. В одной из боковин трейлера прорезали окна — прямоугольные дыры, заделанные поцарапанным пластиком. Она стояла у плиты, над которой витал запах помидоров и лука, подвешенных в сетках сушиться, когда почувствовала его присутствие в дальнем конце комнаты, почувствовала мускулы и широкие плечи, его белые зубы, чёрную нейлоновую кепку, которую он неуверенно комкал в руке. В окна било солнце, освещая голую убогую комнату, пол выметен, как заставлял её это делать старик… но это было как надвигающаяся тень, кровавая тень, когда она услышала биение собственного сердца… а он подходил всё ближе. Вот, проходя мимо, швырнул кепку на голый откидной стол, уже не робко, а так, как будто жил здесь всегда, и прямо к ней, проведя рукой с ярким кольцом на пальце по масленой тяжести волос… Тут вошёл старик, и Мона отвернулась, делая вид, что занята чем-то у плиты. «Кофе», — бросил старик, и Мона пошла за водой — наполнить эмалированную кастрюлю из отводной трубы с крыши; вода булькала, стекая сквозь угольно-чёрный фильтр. Эдди со стариком сидели у стола, пили чёрный кофе, ноги Эдди широко расставлены под столом, колени напряжены под выцветшей джинсовой тканью. Улыбался, жестикулировал, торговал у старика «шкоду». Мона вспоминала, как он всё гнул свою линию. Он, мол, берёт тачку, если у старика есть на неё лицензия. Старик встаёт, роется в ящиках. Глаза Эдди снова нацелены на неё. Она вышла за ними во двор и смотрела, как он усаживается в потрескавшееся виниловое седло. Выстрел из выхлопной трубы вызвал бешеный лай чёрных собак старика. Едкий, сладковатый запах выхлопных газов от дешёвого спирта, и рама дрожит между его ног.

Мона смотрела, как он позирует между двумя чемоданами. Как же сложно совместить эту сегодняшнюю картинку с тем, почему на следующий день она уехала вместе с ним в Кливленд на той самой «шкоде». У «шкоды» было маленькое встроенное радио, которое на ходу заглушал мотор, но его можно было слушать тихонько ночью в поле возле дороги. Настройка не работала, так что приёмник ловил всего одну станцию — призрачную музыку с какой-то одинокой вышки в Техасе. Стил-гитара то звенела, то растворялась в ночи. А она чувствовала свою влагу, прижимаясь к его ноге, и жёсткую сухую траву, которая щекотала ей шею.

Прайор поставил её голубую сумку в белый вагончик с

полосатой крышей. Мона полезла следом, слыша слабые испанские голоса из наушников кубинца-водителя. Потом Эдди запихнул ей под ноги свои чемоданы, и они с Прайором тоже сели. И покатили к взлётной полосе сквозь стену дождя.

Самолёт оказался совсем не таким, какие она знала по стимам, изнутри он совсем не походил на длинный роскошный автобус с рядами кресел по сторонам. Самолёт был маленький, с заострёнными хрупкими крыльями и такими окошками, что казалось, будто машина всё время косит глазами.

Поднявшись по металлической лестнице, Мона попала в округлое помещение с четырьмя креслами и однообразным серым ковром повсюду: и на потолке, и на стенах тоже, — всё чистое, холодное и отчуждённо серое. За ней вошёл Эдди и сел с таким видом, будто ежедневно это проделывал, — распустив галстук и вытянув ноги. Прайор нажимал кнопки у двери. Дверь со вздохом закрылась.

Мона взглянула в узкое, в каплях воды окошко на огни взлётной полосы, отражавшиеся в мокром бетоне.

«А сюда ехали на поезде, — подумала она, — от Нью-Йорка до Атланты, потом пересадка».

Самолёт задрожал. Ей послышалось, как, оживая, что-то проскрипел фюзеляж.

Пару часов спустя Мона ненадолго проснулась в затемнённой кабине, — оказывается, заснула, убаюканная протяжным гулом реактивного двигателя. Эдди спал, полуоткрыв рот. Возможно, Прайор спал тоже, а может, он просто сидел с закрытыми глазами — она не знала.

На полпути в сон, который на, следующее утро она уже не смогла вспомнить, ей почудились звуки того техасского радио — тающие стальные струны, вибрирующие, словно боль.

Глава 9
Лечь на дно

Джубили и Бакерлоо, Сёркл и Дистрикт. Кумико рассматривала маленькую глянцевую карту Лондона, которую дал ей Петал, и зябко ёжилась. Холод, исходивший от бетона платформы, проникал даже сквозь подошвы ботинок.

— И старая же она, чёрт побери, — рассеянно сказала Салли Ширс.

В её линзах отражалась закругляющаяся к потолку стена в чехле из белой керамической плитки.

— Прошу прощения?

— «Труба»…

Новый клетчатый шарф был завязан у Салли под подбородком, и с каждым следующим словом изо рта у неё белым облачком вылетал пар.

— Знаешь, что меня мучает? То, как иногда прямо у тебя на глазах на станции наклеивают новый слой плитки, не сняв сперва старую, или просверливают дыру в стене, чтобы провести какие-нибудь провода. Тогда видишь все эти наслоения плитки…

— Да?

— Но ведь станции всё сужаются и сужаются, так? Это как сужение вен…

— Да, — с сомнением сказала Кумико, — я понимаю… Салли, а мальчики вон там… Что означают их костюмы?

— Это Джеки. Их ещё называют Джеки Дракулы.

Четверо Джеков Дракул нахохлились, как вороны, на противоположной платформе. На них были неприметные чёрные дождевики и начищенные армейские ботинки со шнуровкой до колен. Один из них повернулся, обращаясь к другому, и Кумико увидела, что волосы у него стянуты назад и заплетены в косичку, перевязанную маленьким чёрным бантом.

— Повесили его, — сказала Салли, — после войны.

— Кого?

— Джека Дракулу. После войны здесь одно время практиковали публичные казни. От Джеков тебе лучше держаться подальше. Ненавидят любых иностранцев…

Кумико с радостью вызвала бы Колина, но модуль «Маас-Неотек» был запрятан за мраморным бюстом в той комнате, куда Петал подавал еду, а тут ещё подошёл поезд, ошарашив её архаичным перестуком колёс по стальным рельсам.

Салли Ширс — на фоне залатанной изнанки городской архитектуры, в её стёклах отражается путаница лондонских улиц и переулков, помеченных в каждую эпоху экономикой, пожарами, войнами…

Кумико, уже совершенно запутавшись, где они, собственно, находятся после их с Салли трёх поспешных и, на первый взгляд, совершенно случайных пересадок, безропотно позволяла тянуть себя из такси в такси. Они выскакивали из одной машины, ныряли в двери ближайшего универмага, чтобы воспользоваться первым попавшимся выходом на другую улицу и сесть в другое такси.

— «Хэрродз»[23], — сказала Салли, когда они поспешно пересекали богато украшенный зал, высокий потолок которого подпирали колонны из белого мрамора. Кумико щурилась на толстые красные ломти вырезки и бараньи ноги, разложенные на многоярусных мраморных прилавках, предполагая, что всё это пластиковые муляжи. Потом — снова на улицу. Салли подзывает очередное такси.

— «Ковент-Гарден»[24], — бросает она шофёру.

— Прости, Салли, но что мы делаем?

— Заметаем следы. Теряемся.

Салли пила горячий бренди на веранде крохотного кафе под припорошенной снегом стеклянной крышей. Кумико пила шоколад.

— Мы потерялись, Салли?

— Да уж. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Кумико подумала, что сегодня Салли выглядит старше: возле губ залегли морщинки усталости или напряжения.

— Салли, а чем именно ты занимаешься? Твой друг спрашивал, по-прежнему ли ты отошла от дел?..

— Я — деловая женщина.

— А мой отец? Он — деловой человек?

— Твой отец — самый настоящий бизнесмен, котёнок. Нет, не такой, как я. Я вольный стрелок. В основном вкладываю деньги.

— А во что ты вкладываешь?

— В таких же, как я, — пожала она плечами. — Тебя что, разбирает сегодня любопытство? — Она отпила ещё глоток.

— Ты советовала мне стать своим собственным шпионом.

— Хороший совет. Однако требует некоторой ловкости и умелого применения.

— Ты здесь живёшь, Салли? В Лондоне?

— Путешествую.

— А Суэйн, он тоже вольный стрелок?

— Это он так думает. Он под чьим-то крылом, к тому же держит нос по ветру. Здесь это необходимо для дела, но лично мне действует на нервы. — Она допила бренди и облизнула губы. Кумико поёжилась. — Тебе не стоит бояться Суэйна. Янака смог бы съесть его на завтрак…

— Нет, я подумала о тех мальчишках в подземке. Такие худые…

— Дракулы.

— Банда?

— Бозоцоку, — сказала Салли с вполне сносным произношением. — «Кочевые племена», так? Ну, во всяком случае, что-то вроде племени. — Слово было не совсем подходящее, но Кумико решила, что уловила суть. — А худые они потому, что бедные. — Салли жестом подозвала официанта, чтобы заказать ещё бренди.

— Салли, — сказала Кумико, — когда мы добирались сюда, наш маршрут, все эти поезда и такси, — это для того, чтобы убедиться, что за нами никто не следует?

— Ни в чём нельзя быть уверенным.

— Но когда мы ходили на встречу с Тиком, ты не предпринимала никаких предосторожностей. За нами без труда мог бы кто-то идти. Ты нанимаешь Тика шпионить за Суэйном и делаешь это совершенно открыто. А потом столько предосторожностей, чтобы привести меня сюда. Почему?

Официант поставил перед Салли дымящийся стакан.

— А ты зоркий маленький котёнок, ведь правда? — Подавшись вперёд, она вдохнула пар бренди. — Просто так, идёт? В случае с Тиком я просто пыталась встряхнуть кой-кого, вызвать какую-нибудь реакцию.

— Но Тик беспокоился, как бы Суэйн его не обнаружил.

— Стоит Суэйну узнать, что Тик работает на меня, и он его не тронет.

— Почему?

— Потому что знает, что я могу его убить. — Она подняла стакан; вид у неё сделался вдруг счастливый.

— Убить Суэйна?

— Вот именно. — Салли выпила, будто подняла тост.

— Тогда почему ты так осторожна сегодня?

— Потому что приятно почувствовать, что стряхнула с себя всё это, вырвалась из-под колпака. Вполне вероятно, что нам это не удалось. А может, и удалось. Может, никто, вообще ни один человек не знает, где мы. Приятное чувство, а? Тебе никогда не приходило в голову, что ты, возможно, чем-то напичкана? Предположим, твой отец, предводитель якудза, приказал вживить

в тебя крохотного «жучка», чтобы раз и навсегда получить возможность проследить, где его дочь. У тебя такие чудные маленькие зубки. Что, если папочкин дантист спрятал в одном из них немного «железа», пока ты была в стиме? Ты ведь ходишь к зубному?

— Да.

— Смотришь стим, пока он работает?

— Да…

— Вот видишь. Возможно, он прямо сейчас нас слушает…

Кумико чуть не опрокинула на себя шоколад.

— Эй. — Полированные ногти постучали по запястью Кумико. — Об этом не беспокойся. Он бы так тебя не послал, я имею в виду, с «жучком». Это бы и его врагам дало возможность тебя выследить. Но теперь понимаешь, что я хотела сказать? Приятно выбраться из-под колпака или, во всяком случае, попытаться. Просто побыть самой собой, так?

— Да, — сказала Кумико. Сердце продолжало глухо стучать где-то в горле, а паника всё росла. — Он убил мою мать, — вырвалось у неё, и вслед за словами на серый мраморный пол кафе устремился только что выпитый шоколад.

Салли ведёт её мимо колонн собора Святого Павла, идёт не спеша, молчит. Кумико, в бессвязном оцепенении от стыда, улавливает, регистрирует отрывочную информацию: белая цигейка на отворотах кожаной куртки Салли; масляная радужная плёнка на оперенье голубя — вот он заковылял прочь, уступая им дорогу; красные автобусы, похожие на гигантские игрушки из Музея Транспорта. Салли согревает ей руки о пластиковую чашку дымящегося чая.

Холодно, теперь всегда будет холодно. Мёрзлая сырость в древних костях города, холодные воды Сумиды, наполнившие лёгкие матери, зябкий полёт неоновых журавлей.

Её мать была хрупкой и смуглой, в густой водопад тёмных волос вплетались золотистые пряди — как какое-нибудь редкое тропическое растение. От матери пахло духами и тёплой кожей. Мать рассказывала ей сказки: об эльфах и феях, и о Копенгагене, городе, который был где-то там, далеко-далеко. Когда Кумико видела во сне эльфов, они являлись ей похожими на секретарей отца, гибкими и невозмутимыми, в чёрных костюмах и со свёрнутыми зонтами. В историях матери эльфы вытворяли много забавных вещей, да и сами истории были волшебными, потому что менялись по ходу повествования и никогда нельзя было предугадать, какой будет этой ночью конец. В сказках жили принцессы и балерины, и — Кумико это знала — в каждой из них

было что-то от матери.

Принцессы-балерины были прекрасны, но бедны, танцевали во имя любви в сердце далёкого города, где за ними ухаживали художники и молодые поэты, красивые и без гроша в кармане. Для того чтобы поддержать престарелых родителей или купить новый орган занемогшему брату, принцессе-балерине иногда приходилось уезжать в чужие края — быть может, даже в Токио, — чтобы танцевать там за деньги. А танец за деньги, подразумевалось в сказках, не приносит счастья.

Салли привела её в робата-бар в Эрлз-Коурт[25] и заставила выпить рюмку саке. Копчёный плавник рыбки фугу плавал в горячем вине, придавая ему оттенок виски. Они ели робату с дымного гриля, и Кумико чувствовала, как отступает холод, но не оцепенение. Обстановка бара вызывала неотвязное ощущение культурного разнобоя: бару как-то удавалось сохранять традиционный японский дизайн — и в то же время он выглядел так, как будто эскизы оформления делал Чарльз Ренни Макинтош.

Странная она, эта Салли Ширс, гораздо более странная, чем весь этот их гайдзин-Лондон. Вот она сидит и рассказывает Кумико всякие истории, истории о людях, живущих в Японии, которая совсем не похожа на ту, что знает Кумико, истории, которые проясняют роль её отца в этом мире. «Ойябун», — так назвала она отца Кумико. Мир, в котором происходили истории Салли, казался не более реальным, чем мир маминых сказок, но понемногу девочка начинала понимать, на чём основано и как далеко простирается могущество её отца.

— Куромаку, — сказала Салли.

Слово означало «чёрный занавес».

— Это из театра кабуки, но сейчас оно означает человека, который устраивает всякого рода дела, то есть того, кто продаёт услуги. Что означает: человек за сценой, так? Это и есть твой отец. И Суэйн тоже. Но Суэйн — кобун твоего старика или, во всяком случае, один из них. Ойябун-кобун, родитель-ребёнок. Вот откуда Суэйн черпает свою силу. Вот почему ты сейчас здесь: потому что Роджер обязан своему ойябуну. Гири, понимаешь?

— Он — человек высокого ранга.

Салли покачала головой.

— Твой старик, Куми, вот он действительно большой человек. Если ему понадобилось сплавить тебя из города ради твоей же безопасности, это означает, что грядут какие-то серьёзные перемены.

— Выбрались прошвырнуться или просто выпить? — спросил Петал, когда они вошли в комнату.

Оправа его очков блеснула в свете лампы от «Тиффани» на верхушке бронзового со стразами дерева, которое росло на буфете. Кумико очень хотелось взглянуть на мраморную голову, за которой прятался модуль «Маас-Неотек», но она заставила себя смотреть в сад. Снег там приобрёл цвет лондонского неба.

— Где Суэйн? — спросила Салли.

— Хозяин в отлучке, — проинформировал её Петал.

Подойдя к буфету, Салли налила себе стакан скотча из тяжёлого графина. Кумико заметила, как поморщился Петал, когда графин с тяжёлым стуком опустился на полированное дерево столешницы.

— Просил что-нибудь передать?

— Нет.

— Ждёшь его сегодня вечером?

— По правде говоря, не могу сказать. Обедать будете?

— Нет.

— Мне бы хотелось сэндвич, — сказала Кумико.

Четверть часа спустя, оставив нетронутый сэндвич на чёрном мраморном столике у кровати, она сидела посреди огромной постели. Модуль «Маас-Неотек» разместился между её голых ног. Салли она оставила глядеть на серый сад за окном в обществе виски Суэйна.

Кумико взяла модуль в руки, и в изножье кровати, передёрнувшись, сфокусировался Колин.

— То, что я буду говорить, всё равно никто не услышит, — поспешно прошептал он, прикладывая палец к губам, — и это к лучшему. Комната прослушивается.

Кумико хотела было ответить, потом кивнула.

— Хорошо, — сказал он. — Умница. У меня есть для тебя записи двух разговоров. Один — между твоим хозяином и его домоправителем, другой — между твоим хозяином и Салли. Первый записан через пятнадцать минут после того, как ты припрятала меня внизу. Слушай…

Кумико закрыла глаза и услышала позвякивание льдинки в стакане.

— Где наша маленькая япошка? — спросил Суэйн.

— Упакована на ночь, — ответил Петал. — А девчонка-то разговаривает сама с собой. Странно.

— О чём же?

— На деле чертовски мало. Вообще-то, с некоторыми это бывает…

— Что бывает?

— Говорят сами с собой. Хочешь её послушать?

— Господи, нет. А где очаровательная мисс Ширс?

— Совершает моцион.

— В следующий раз вызови Берни, посмотрим, чем она занимается на этих своих прогулочках…

— Берни. — Тут Петал рассмеялся. — Да он вернётся назад в ящике, порезанный на кусочки!

Теперь рассмеялся Суэйн.

— Пожалуй, и так неплохо, и так: и от Берни избавимся, и жажда знаменитой девки-бритвы будет утолена… Да, налей нам ещё по одной.

— С меня хватит. Пойду спать, если я тебе больше не нужен…

— Иди, — отозвался Суэйн.

— Итак, — сказал Колин, когда Кумико открыла глаза, чтобы обнаружить, что он по-прежнему сидит на постели, — в твоей комнате сидит срабатывающий на голос «жучок». Домоправитель прослушал запись и услышал, как ты обращаешься ко мне. Идём дальше. Второй фрагмент, пожалуй, поинтереснее. Твой хозяин попивает очередной стакан виски, входит наша Салли…

— Привет, — услышала девочка голос Суэйна, — ходила подышать воздухом?

— Отвали.

— Ты же знаешь, что это вовсе не моя идея, — сказал Суэйн. — Постарайся не забывать об этом. Видишь ли, они и меня держат за яйца.

— Знаешь, Роджер, временами я испытываю сильное искушение тебе поверить.

— Попробуй. Это облегчит жизнь нам обоим.

— А временами я борюсь с искушением перерезать твою чёртову глотку.

— Твоя беда, дорогая, заключается в том, что ты так и не научилась передавать дела другим. Ты всё так же стремишься обо всём заботиться собственноручно.

— Послушай, ты, задница, я знаю, откуда ты взялся, и я знаю, как ты стал тем, кто ты есть. И где и что ты можешь нашептать в шайке Канаки или кого-то ещё. Саракин!

Этого слова Кумико никогда раньше не слышала.

— Я снова получил от них сообщение, — светским тоном сказал Суэйн. — Она ещё на побережье, но всё идёт к тому, что она вскоре сделает свой ход. Скорее всего, двинет на восток. Назад в твои давние охотничьи угодья. Похоже, это и вправду наш

шанс. Сам дом — вне обсуждения. На том участке пляжа столько личной охраны, что её хватит, чтобы остановить средних размеров армию.

— И ты по-прежнему будешь убеждать меня, что это всего лишь обычное похищение, Роджер? Будешь говорить, что её будут держать до получения выкупа?

— Нет. О том, чтобы продать её назад, ничего не говорилось.

— Так почему бы им не нанять эту армию? Нет никаких причин останавливаться на «средних размерах», так ведь? Набрать наёмников, так? Нанять у какой-нибудь корпорации ребятишек из элитного отряда по извлечению. Не такая уж недоступная она цель, крадут же из исследовательских центров самые крутые мозги. Вызвать этих грёбаных профи.

— В сотый раз тебе говорю — у них другие идеи. Они хотят, чтобы это сделала ты…

— Роджер, что у них на меня, а? Я хочу сказать: ты и вправду не знаешь, что именно у них на меня есть?

— И вправду не знаю. Но на основании той распечатки, которую мне вручили, могу рискнуть выдвинуть предположение.

— Ну?

— Всё.

Никакого ответа.

— Есть ещё один момент, — продолжал Суэйн, — это всплыло только сегодня. Они хотят, чтобы всё выглядело так, как будто она вышла из игры.

— Что?

— Обставить всё так, как будто мы её убили.

— И как, скажите на милость, мы это устроим?

— Тело они предоставят.

— Моё предположение: Салли покинула комнату без дальнейших комментариев, — сказал Колин уже своим голосом. — Здесь конец записи.

Глава 10
Образ

Час он провёл, проверяя подшипники пилы, потом ещё раз их смазал. Стало уже слишком холодно, чтобы работать. Придётся даже пойти на большее — согреть помещение, где он держал остальных: Следователей, Трупожора и Ведьму. Одного этого будет достаточно, чтобы нарушить хлипкое равновесие их с Джентри договорённости, но это бледнело перед тем, как объяснить сделку с Малышом Африкой и факт присутствия на Фабрике двух чужих. С Джентри не поспоришь — ток ведь принадлежит ему, потому как именно он выдаивает из Ядерной Комиссии электричество. Без ежемесячных заходов Джентри с консоли, этих ритуальных процедур, которые поддерживают у Комиссии иллюзию, что Фабрика находится где-то в другом месте и что это другое место исправно оплачивает счета, никакого электричества просто не было бы.

А кроме того, Джентри в последнее время стал совсем странный, подумал он, чувствуя хруст в коленях, когда попытался встать. Слик достал из кармана куртки пульт управления Судьёй. Джентри был убеждён, что у киберпространства есть некий Образ, какая-то всеобщая форма, вбирающая в себя всю совокупность информационных баз. Нельзя сказать, что это была самая сумасбродная идея, с какой Слик когда-либо сталкивался, но убеждённость Джентри, что этот его Образ абсолютно, «тотально» материален, граничила с одержимостью. Постижение Образа стало для него сродни поискам Грааля.

Слик однажды отстимил ролик «Ноулиджнета» о том, какова форма Вселенной. Слик ещё тогда сообразил, что Вселенная — это всё, что вокруг. Так какая же у неё может быть форма? Если у неё есть форма или там образ, значит, и вокруг неё что-то есть, иначе в чём же Вселенной иметь форму, верно? Идём дальше: есть форма или образ — не важно — и есть что-то ещё, так разве тогда не будет и это что-то тоже частью Вселенной? Впрочем, это не совсем та тема, на которую стоит трепаться с Джентри, потому что Джентри вполне способен завязать твои мозги узлом. Но Слик всё равно считал, что киберпространство — это не Вселенная, а просто способ представления данных. Ядерная Комиссия всегда выглядит как большая красная ацтекская пирамида, но ей вовсе не обязательно выглядеть именно так. Если Комиссия захочет, то может заставить свои базы принять любую форму. У больших компаний есть даже копирайты на то, как выглядит

принадлежащая им информация. Так как же можно считать, что у всей матрицы в целом есть какой-то определённый образ? Но даже если он есть, то почему это должно иметь хоть какое-то значение?

Он коснулся клавиши подачи питания. В десяти метрах от него дрогнул и загудел Судья.

Слик Генри ненавидел Судью. Вот чего никогда не понять в искусстве обычным людям. Нет, само создание Судьи, без сомнения, принесло ему некоторое удовлетворение. Но важнее другое — то, что, построив эту штуку, он выкорчевал Судью из себя, перенёс боль и страх туда, где их можно было видеть, наблюдать за ними и, наконец, освободиться от самой идеи Судьи. Но какое это имеет отношение к «нравиться» или «любить»?

Почти четырёхметрового роста и вполовину этого в ширину, безголовая фигура в чешуйчатом панцире стояла, мелко подрагивая. Чешуйки у Судьи были особого цвета ржавчины, как, скажем, ручки у старой тачки, отполированные трением множества ладоней. Слик долго искал способ добиться такой поверхности, перепробовал множество химикалий и наждаков и, найдя наконец точное сочетание, обработал им большую часть робота — во всяком случае, старые детали, выкопанные в мусоре. Конечно, холодные зубья циркульной пилы и зеркальные поверхности суставов подобной обработке не подвергались. Но в остальном Судья был именно такого оттенка ржавчины, имел такую фактуру поверхности, как какое-нибудь очень старое орудие и поныне остающееся в постоянном пользовании.

Слик передвинул большим пальцем рычаг управления, и Судья сделал шаг вперёд, потом следующий. Гироскопы работали как надо: даже с оторванной рукой робот двигался с жутким достоинством — просто переставляя огромные ступни.

Слик ухмыльнулся мутному свету Фабрики. Судья топал к нему — раз-два, раз-два. Стоило только захотеть, и Слик мог бы вспомнить каждый этап конструирования Судьи. Временами ему и вправду этого хотелось. Просто ради успокоения, которое приносила мысль, что он на это способен.

Он не мог припомнить, когда бы у него что-то не получалось, но иногда казалось, что такое тоже возможно.

Вот почему он построил Судью. Потому что совершил когда-то некий проступок, причём не очень серьёзный, но его поймали, и даже дважды, его судили и приговорили. Приговор был приведён в исполнение, и теперь он не в силах был вспомнить вообще хоть что-то, в лучшем случае памяти хватало минут на пять кряду. Да, угонял машины. Машины богатых. Не надейся,

сказали ему, тебе гарантируют: за что сидишь, ты не забудешь.

Работая джойстиком, он заставил Судью развернуться и пройти в соседнюю комнату. Путь предстоял неблизкий — по проходу между рядами бетонных выступов в потёках влаги, на которых когда-то стояли токарные станки и сварочные агрегаты. Высоко над головой среди пыльных балок свисали мёртвые плети порванных флуоресцентных трубок; там иногда гнездились птицы.

Синдром Корсакова — так они это называли: это когда с твоими нейронами делают что-то такое, от чего в памяти потом не задерживаются краткосрочные воспоминания. Так что время, которое ты отсидел, оказывается потерянным временем. Слик вроде бы слышал, что больше такого не делают, по крайней мере, не в наказание за «грандиозные» автомобильные кражи. Те, кто там не бывал, полагают, что это не так уж и плохо: отсидел в кутузке, но память о ней стёрта. На самом же деле всё совсем не так. Он вышел, когда кончился срок, — и три года оказались выстроены в длинную цепочку смутных вспышек растерянности и страха, отмеренных пятиминутными интервалами. Дело даже не в самих интервалах, их всё равно не вспомнить, а вот переходы… Так вот, когда всё кончилось, ему потребовалось создать сначала Ведьму и Трупожора, потом Следователей и теперь, под самый конец, — Судью.

Проводя Судью вверх по бетонному пандусу туда, где ждали все остальные, он услышал, как где-то на Пустоши Джентри заглушил мотор.

Общество людей вызывает у Джентри болезненное беспокойство, думал Слик, направляясь к лестнице; впрочем, верно и обратное. Чужие могут почти физически ощутить сжигающий Джентри Образ; эта его зацикленность примешивалась ко всему, что бы он ни делал. Слик понятия не имел, как Джентри справляется с собой во время своих вылазок в Муравейник. Может, он просто имеет там дело с людьми такими же зацикленными, как и он сам, с одиночками, ходящими по краю на задворках рынков наркотиков и софта. Казалось, на секс Джентри плевать. Казалось, ему это настолько до лампочки, что Слик даже гадать не пытался, чего могло бы захотеться ковбою, если бы он всё же решил захотеть.

Что до Слика, отсутствие секса было основным недостатком Пустоши, особенно зимой. В летнее время иногда ещё можно найти девчонку в одном из ржавых маленьких городков; именно это потянуло его тогда в Атлантик-Сити, почему он и оказался в долгу у Малыша Африки. Впоследствии он сказал себе, что лучше всего сосредоточиться на работе. А вот сейчас, взбираясь по

ходящей ходуном стальной лестнице к подвесному мосту, который вёл к логову Джентри, Слик обнаружил, что размышляет, как выглядит Черри Честерфилд под всеми своими куртками. Он вспомнил её руки, какие они были быстрые и чистые, но это заставило его увидеть перед собой лицо человека на носилках, трубку, накачивающую жидкость в его левую ноздрю, Черри, промокающую ватой его впалые щёки. Слик поморщился.

— Эй, Джентри, — гаркнул он в железную пустоту Фабрики, — я поднимаюсь…

Три вещи в Джентри не были острыми, тонкими и натянутыми: глаза, губы и волосы. Глаза были большими и блеклыми, голубыми или серыми в зависимости от освещения; губы — полными и подвижными, а волосы вечно забраны назад в светлый растрёпанный петушиный хвост, который подрагивал при каждом шаге хозяина. Худоба Джентри не имела ничего общего с истощением Пташки, плодом диеты задыхающихся от самих себя городков — и расшатанных нервов. Джентри был просто узким — плотно упакованные мускулы и ни грамма жира. Одевался он клёво: облегающая чёрная кожа, украшенная чёрными как смоль бусинами — стиль, который Слик помнил ещё по своим дням с «Блюз-Дьяконами». Бисер на коже, да и всё остальное заставляли Слика предполагать, что Джентри около тридцати. Самому Слику было столько же.

Когда Слик вошёл, Джентри прищурился на него в свете стоваттной лампочки, давая этим понять, что он просто ещё одно препятствие, вставшее между ним, Джентри, и Образом. Он как раз водружал на длинный стальной стол пару мотоциклетных корзин; выглядели они тяжёлыми.

В своё время Слик вырезал несколько секций крыши, вставил, где надо, рамы и прикрыл отверстия листами жёсткого пластика, потом заделал швы световых люков силиконом. Затем пришёл Джентри в маске и с распылителем, втащил за собой двадцать галлонов белой латексной краски. Не утруждая себя уборкой, Джентри просто залил толстым слоем краски весь мусор, грязь и потёки голубиного помёта — вроде как приклеил всё это к полу. И красил снова и снова, пока комната не стала более или менее белой. Джентри покрасил всё, кроме световых люков. Потом Слик начал поднимать из цехов Фабрики аппаратуру: вагонетку компьютеров, киберпространственные деки, огромный старый голопроекционный стол — стол тогда чуть было не поломал лебёдку, — эффектогенераторы, десятки коробок из рифлёного пластика, набитых тысячами микрофишей, которые Джентри накопил за время поисков Образа, сотни метров оптокабеля на

новеньких пластиковых катушках, что говорило Слику о промышленной краже. И книги, старые книги с обложками из ткани, наклеенной на картон. Слик даже не думал, что книги могут быть такими тяжёлыми. И пахло от них чем-то печальным, от старых книг.

— С тех пор как я уехал, ты тянешь несколько новых ампер, — сказал Джентри, открывая первую из корзин. — Твоя комната. Раздобыл новый обогреватель? — Он стал быстро копаться в корзине, будто искал какую-то вещь, нужную ему срочно и позарез, а он по ошибке засунул её невесть куда. Слик прекрасно знал, что ничего Джентри не ищет, что это реакция на неожиданное вторжение кого-то — пусть даже хорошо знакомого ему человека — в его замкнутое пространство…

— Да. И складские помещения снова пришлось подтопить. Слишком холодно работать.

— Нет. — Джентри внезапно поднял глаза. — Это не обогреватель. Сила тока не та.

— Ну, — хмыкнул Слик, исходя из теории, что ухмылка заставит Джентри подумать, что он глуп и его легко напугать.

— Что «ну», Слик Генри?

— Это не обогреватель.

Джентри с резким стуком захлопнул крышку корзины.

— Ладно, можешь мне рассказать, что у тебя там, не то я вырублю тебе ток.

— Знаешь, Джентри, не будь я здесь, у тебя было бы гораздо меньше времени на… для всего. — Слик многозначительно поднял брови, указывая на проекционный стол. — Дело в том, что у меня двое гостей… — Он увидел, как Джентри подобрался, бледные глаза расширились. — Но ты их не увидишь, не услышишь даже — вообще ничего. Они и на глаза тебе попадаться не будут.

— Не будут, — сказал Джентри, обходя с дальнего конца стол, голос его звучал напряжённо, — потому что ты сплавишь их отсюда, верно?

— Две недели максимум, Джентри.

— Вон. Сейчас же. — Лицо Джентри вдруг оказалось в нескольких сантиметрах, и до Слика донеслось спёртое изнурённое дыхание. — Или ты исчезнешь вместе с ними.

Слик был тяжелее ковбоя килограммов на десять, и эту разницу в основном составляли мускулы, но это Джентри никогда не смущало. Казалось, ему вообще наплевать на то, что с ним может случиться. Однажды Джентри ударил его в лицо. Слик тогда опустил глаза на увесистый гаечный ключ у себя в руке, и его охватило смутное недоумение.

Джентри держался неестественно прямо и уже начинал трястись. Слик давно себе уяснил, что Джентри не может спать во время своих отлучек в Бостон или Нью-Йорк. Он и на Фабрике-то не всегда ложился. А из СОБА возвращался и вовсе истерзанный, и первый день всегда был самым тяжёлым.

— Взгляни-ка, — сказал Слик, как говорят с готовым расплакаться ребёнком, и вытащил из кармана взятку Африки. Он поднял пакетик повыше, чтобы Джентри его было лучше видно: синие дермы, розовые таблетки, мерзкая с виду какашка опиума в красном мятом целлофане, кристаллы «магика», похожие на жирные жёлтые лепёшки мокроты, пластиковые ингаляторы с зацарапанными ножом именами японских производителей. — От Африки, — сказал Слик, покачивая пакетик.

— Африки? — Джентри взглянул на пакет, потом на Слика, обратно на пакет. — Какой Африки?

— От Малыша Африки. Ты его не знаешь. Он оставил это для тебя.

— Почему?

— Потому что ему было очень нужно, чтобы я ненадолго приютил его друзей. Я у него в долгу, Джентри. Я несколько раз повторил ему, как ты не любишь, чтобы кто-нибудь здесь ошивался. Как тебе мешают чужие. Поэтому, — соврал Слик, — он сказал, что ему хотелось бы оставить тебе немного кайфа в возмещение за неудобства.

Взяв пакет, Джентри поддел ногтем шов, разорвал. Вынул опиум и протянул его Слику:

— Не понадобится.

Вынул один из дермов, выдавил его из упаковки и осторожно налепил на внутреннюю сторону правого запястья. Слик остался стоять, рассеянно разминая опиум между большим и указательным пальцами и мерзко хрустя целлофаном. Джентри тем временем прошагал вдоль стола обратно и открыл корзину, откуда выудил пару новеньких чёрных кожаных перчаток.

— Думаю, мне лучше… познакомиться с этими твоими гостями, Слик.

— А? — Слик потрясённо сморгнул. — Да… ну… Тебе на самом деле не обязательно, я хотел сказать, разве это не…

— Нет, — отрубил Джентри, вздёрнув воротник куртки. — Я настаиваю.

Спускаясь по лестницам, Слик вспомнил об опиуме и швырнул его через перила в темноту.

Он ненавидел наркотики.

— Черри?

Стучась под взглядом Джентри в собственную дверь, Слик чувствовал себя ужасно нелепо. Бам, бам. Никакого ответа. Открыл дверь. Рассеянный свет. Это Черри повесила абажур на одну из лампочек — накрыла её конусом из жёлтого факса, примотав бумагу стальной проволокой. Другие две девушка вывернула. Самой её в помещении не было.

Носилки, однако, были на месте. Их обитатель всё так же лежал завёрнутый в синий нейлоновый мешок. «Оно поедает его», — подумал Слик, глядя на нагромождение оборудования жизнеобеспечения — какие-то трубки, баллоны с жидкостью. «Нет, — сказал он самому себе, — оно не даёт ему помереть, как в больнице». Но тягостное впечатление не исчезало: что, если оно высасывает его по капле и будет сосать, пока не высосет досуха? Слик вспомнил Пташкину болтовню о вампирах.

— Да уж, — прокаркал Джентри, огибая его, чтобы встать у изножья носилок, — странные у тебя знакомые, Слик Генри…

Джентри обошёл носилки, осторожно держась на расстоянии метра от застывшей фигуры.

— Джентри, может, тебе лучше подняться наверх? Дерм… Наверное, ты слишком много принял.

— Правда? — Джентри склонил голову набок, в глазах у него метались жёлтые огоньки. Он подмигнул. — Почему ты так думаешь?

— Ну… — Слик помедлил. — Ты не такой, как всегда. Я хочу сказать, не такой, как был раньше.

— Ты думаешь, меня понесло, а, Слик?

— Да.

— А мне по кайфу, когда меня несёт.

— Что-то я не вижу, чтобы ты улыбался, — сказала от двери Черри.

— Это Джентри, Черри. Фабрика — вроде как его дом. Черри из Кливленда…

Но в руке у Джентри откуда-то возник тонкий чёрный фонарик, и ковбой принялся изучать сетку тродов, покрывавшую лоб спящего. Потом он выпрямился, луч упал на немаркированный модуль и снова метнулся вниз, чтобы пройтись по чёрному кабелю к сетке тродов.

— Кливленд, — наконец проговорил Джентри, как будто это было слово, которое он когда-то слышал во сне. — Интересно… — Он снова поднял фонарь и наклонился, чтобы получше рассмотреть то место, где кабель уходил в модуль. — И Черри… Черри, он кто?

Луч упёрся в изнурённое, раздражающе заурядное лицо.

— Не знаю, — ответила Черри. — Не свети ему в глаза.

Можешь сбить ему REM или ещё что.

— А это? — Он осветил толстую серую пластину.

— «Эл-Эф», «низкочастотник». Так говорил Малыш. Парня он называл Графом, а эту штуку — «Эл-Эф».

Она запустила руку под куртку, чтобы почесаться.

— Ну тогда…

Фонарик щёлкнул, и луч погас. Джентри повернул к ним лицо, в его глазах ярким светом горел пламень одержимости — интересно, это дерм Малыша так по нему вдарил, что ли? — совсем глючный стал. Слику вдруг показалось, что Образ должен быть прямо тут, пылает сквозь лоб Джентри всем напоказ, разве что только сам Джентри его не видит.

— …это должно быть именно тем, чем и должно быть…

Глава 11
Отпустив тормоза

Мона проснулась, когда самолёт зашёл на посадку.

Прайор, кивая, слушал Эдди, вспыхивал на каждом кивке своей прямоугольной улыбкой. Возникало впечатление, как будто улыбка всегда была на лице, просто пряталась за бородой. Прайор успел переодеться, значит, его чемодан был в самолёте. Теперь на нём был неприметный серый деловой костюм и галстук в косую полоску. Он стал похож на тех лохов, на которых Эдди натаскивал её в Кливленде, разве что сидел костюм по-другому.

Она однажды видела, как лох примеривает костюм — тот мужик, что возил её в гостиницу «Холидей Инн». Примерочная магазина примыкала к вестибюлю гостиницы. Лох стоял посреди комнаты в одном белье, весь в квадратах голубого света, и рассматривал своё изображение на трёх больших экранах. На экранах не видно было голубых линий, поскольку на каждой голограмме лох был в другом костюме. Моне пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться; система была снабжена косметологической программой: на каждом экране клиент выглядел иначе, чуть вытягивалось лицо или делался твёрже подбородок — лох же вроде ничего такого не замечал. Потом он выбрал костюм, влез в тот, в котором пришёл, — на том всё и кончилось.

Эдди что-то объяснял Прайору, какой-то узловой момент в «архитектуре» очередной своей аферы. Мона научилась отключаться от содержания его речей, но сам голос всё же до неё доходил. Эдди всегда разглагольствовал так, будто твёрдо знал, что никому не понять всех уловок, которыми он так гордится, поэтому говорил он медленно и доходчиво, как разговаривают с маленькими детьми, и к тому же понижал голос, чтобы создать видимость доверительности. Прайора это, похоже, не беспокоило. А потом Моне показалось, что Прайору вообще плевать, что там болтает Эдди.

Зевнув, девушка потянулась. Самолёт дважды подскочил на бетоне посадочной полосы, развернулся и сбавил ход. Эдди не переставал трепаться.

— Нас ждёт машина, — перебил его Прайор.

— А куда вы нас везёте? — спросила Мона, не обратив внимания на гримасу Эдди.

Прайор улыбнулся своей картонной улыбкой.

— В нашу гостиницу. — Он расстегнул ремень. — Мы

пробудем там несколько дней. Боюсь, большую часть времени тебе придётся провести в своём номере.

— Замётано, — сказал Эдди, как будто то, что ей придётся сидеть в четырёх стенах, было его идеей.

— Ты любишь стимы, Мона? — спросил Прайор, по-прежнему улыбаясь.

— Конечно, — ответила она. — Кто ж не любит?

— А у тебя есть любимые записи, Мона? Есть любимая звезда?

— Энджи, — несколько ошарашенно сказала она. — Кто же ещё?

Улыбка стала чуть шире.

— Хорошо. Мы достанем тебе все её последние записи.

Вселенная Моны состояла, по большей части, из мест и предметов, где она физически никогда не бывала или которые сама никогда не видела. Аэродром северного Муравейника в стимах не имел запаха. Его подредактировали, решила она, точно так же, как у Энджи никогда не бывает ни месячных, ни головной боли. Но как же тут воняет! Как в Кливленде, даже хуже. Когда они только-только сходили с самолёта, Мона было подумала, что это просто запах аэропорта, но стоило им выйти из машины, чтобы пройти несколько метров до входа в гостиницу, вонь лишь усилилась. К тому же на улице было адски холодно, ледяной ветер кусал её за голые лодыжки.

Вестибюль отеля показался ей гораздо просторнее, чем в «Холидей Инн», хотя само здание было более старым. В вестибюле толпилось народу больше, чем в любом стиме, но повсюду — чистые синие ковры. Прайор оставил её ждать у рекламы орбитального курорта, пока они с Эдди отошли к длинной чёрной стойке поговорить с женщиной с медной именной табличкой на груди. Мона чувствовала себя глупо в белом пластиковом дождевике, который Прайор заставил её надеть, как будто думал, что её прикид недостаточно хорош для этого места. Примерно треть толпы состояла из япошек, которых она посчитала туристами. У всех, похоже, было при себе какое-нибудь записывающее снаряжение: видео-, голо-, а у нескольких на поясе даже симстим-модули, — но в остальном они совсем не были похожи на денежные мешки. А она-то думала, что у всех японцев полно денег. Наверное, они просто ловчат, скрывают, решила она.

Мона увидела, как англичанин отправил женщине через стойку кредитный чип. Женщина взяла чип и пропустила его через металлическую прорезь.

Прайор положил её сумку на кровать, широкий пласт бежевого темперлона, и коснулся панели на стене, после чего справа разошлись портьеры.

— Здесь, конечно, не «Риц», — сказал он, — но мы постараемся, чтобы тебе было удобно.

В ответ Мона только что-то уклончиво пробормотала. «Риц» — так называлась котлетная в Кливленде, и она не поняла, какое отношение эта забегаловка может иметь ко всему происходящему.

— Взгляни, — сказал он, — твоя любимица. В обитое плюшем изголовье кровати оказался встроен стим-модуль, а рядом — небольшая полочка с набором тродов в пластиковой упаковке и штук пять кассет.

— Тут все новые стимы Энджи.

Интересно, кто приготовил кассеты, и не попали ли они сюда после того, как Прайор спросил, какие стимы она любит? Мона показала ему собственную улыбку и отошла к окну. Муравейник выглядел в точности так, как в стимах; окно было похоже на голографическую почтовую открытку, за ней — знаменитые здания, названий которых она не знала, знала только, что они знаменитые.

Серый цвет куполов. Белизна снега оттеняет путаницу решёток геодезиков, а за всем этим — серый фон неба.

— Счастлива, детка? — спросил Эдди, подходя сзади и кладя ей руки на плечи.

— А душ у них тут есть?

Прайор рассмеялся. Передёрнув плечами, она сбросила руку Эдди и с сумкой в руках скрылась в ванной. Заперла за собой дверь. Слышно было, как Прайор опять рассмеялся, а Эдди снова завёл шарманку о своих аферах. Присев на унитаз, Мона открыла сумку и выкопала косметичку, где хранился «магик». У неё осталось четыре кристалла. Должно хватить. Хватило бы и трёх, но когда число их уменьшалось до двух, она обычно начинала соображать, как сравнять счёт. Она не слишком часто закидывалась, во всяком случае, не каждый день, разве что в последнее время, но это потому, что Флорида начала её доставать.

Теперь можно и сократиться, решила Мона, вылавливая кристалл из пузырька. Кристалл напоминал твёрдую жёлтую карамельку, сперва её надо раздавить, потом растереть между двух нейлоновых пластинок. Измельчённый стимулятор издавал слабый, чем-то схожий с больничным, запах.

К тому времени, когда она покончила с душем, оба они ушли.

Мона долго нежилась в ванной, пока это ей не наскучило. Во Флориде она пользовалась в основном душами возле общественных бассейнов или на автобусных станциях — и в тех и в других требовались жетоны. Она предположила, что и в этот, в отеле, встроен приборчик, который отмеряет расход воды и заносит потом в счёт — как это было в «Холидей Инн». Здесь, под пластмассовым распылителем, висел большой белый фильтр, а наклейка на кафеле — глаз и слеза — означала, что во время мытья старайтесь, чтобы вода не попала в глаза, — совсем как в бассейне. В кафель был встроен ряд хромированных кранико в, и если по очереди нажимать на кнопку под каждым, получаешь шампунь, гель для душа, жидкое мыло, масло для ванны. После этого возле кнопки загорается красная точка, потому что это включается в твой счёт. Или в счёт Прайора. Мону только порадовало, что они ушли. Так хорошо остаться одной, да ещё под кайфом и чистой. Ей редко удавалось побыть в одиночестве, разве что на улице, а это совсем не то. Она завернулась в огромную купальную простыню, где на махровой стороне было выбрито какое-то слово. Наверное, название отеля. Прошла к окну, оставляя за собой мокрые следы на ковре.

В квартале от отеля стояло старомодное здание. Уходящие вверх уступы стен были стёрты и изрыты так, что придавали фасаду видимость горного склона — с валунами, травой и водопадом. Водяной поток падал, разбивался о камни, падал дальше. Это вызвало у неё улыбку: с чего бы им так выпендриваться? Там, где вода падала на камни, поднимались струйки пара. «Но не может же вода просто так течь на улицу, — подумала Мона, — это стоило бы слишком уж дорого». Она решила, что воду насосами закачивают обратно наверх и используют вновь, гоняя по кругу.

Что-то серое пошевелило головой там, наверху, вскинуло большие изогнутые рога, словно хотело посмотреть на неё, Мону. Отступив на шаг по ковру, она моргнула. Какой-то баран, но это, должно быть, дистанционка — голограмма или вроде того. Животное тряхнуло головой и принялось жевать траву. Мона рассмеялась.

Приход. «Магик» прошёлся волной по внутренней стороне лодыжек, закопошился в лопатках. Холодное стягивающее покалывание, и больничный запах где-то в нёбе.

Раньше она боялась, но со временем страх ушёл.

У Прайора нехорошая улыбка, но ведь он пешка, просто мерзкий пиджак. Если у него и есть деньги, то принадлежат они кому-то другому. И Эдди она больше не боялась; скорее она боялась за него, поскольку теперь ясно видела, как его

воспринимают другие.

«Ладно, — подумала Мона, — это неважно. Она больше не выращивает сомов в Кливленде, и никто никогда не вернёт её назад во Флориду».

Она вспомнила спиртовку, зимний утренний холод, старика, нахохлившегося в своём огромном сером пальто. Зимой он утеплял окна вторым слоем пластика. Тогда тепла печурки хватало, чтобы обогреть помещение, потому что стены были обиты листами жёсткого пенопласта, а поверх них — древесно-стружечными плитами. Там, где проглядывал пенопласт, его можно было ковырять пальцем. Если старик тебя за этим застукает — разорётся. Содержать в тепле рыбу холодной зимой значило только то, что у Моны прибавлялось работы: приходилось накачивать воду на крышу, где стояли солнечные зеркала, отбрасывающие свет в такие прозрачные пластиковые трубки. Отчасти помогали и гниющие по стенкам баков водоросли… Когда идёшь ловить сетью рыбу, поднимается пар. Старик обменивал рыбу на всякую еду, на то, что выращивали другие люди, на кофейные зёрна; отбросы шли на корм рыбам.

Он не был её отцом, он повторял это очень часто, когда вообще открывал рот. И всё же время от времени она задумывалась: а может быть, он ей всё-таки отец? Когда Мона впервые спросила, сколько ей лет, он ответил, что шесть, так что она отсчитывала от этого.

Услышав, как за её спиной открывается дверь, Мона обернулась. В дверях стоял Прайор с золотой пластинкой ключа в руке. Борода раздвинулась, чтобы показать «улыбку».

— Познакомься, Мона, — сказал он, переступая порог, — это Джеральд.

Высокий, китаец, серый костюм, волосы с проседью. Джеральд мягко улыбнулся, проскользнул мимо Прайора в комнату и направился прямо к буфетной стойке — что она, чёрт побери, здесь делает? — напротив изножья кровати. Положил чёрный чемоданчик и нащёлкал на замке код.

— Джеральд — наш друг. Он медик, наш Джеральд. Ему нужно тебя осмотреть.

— Мона, — подал голос сам Джеральд, вынимая что-то из чемоданчика, — сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — ответил за неё Прайор.

— Шестнадцать, — повторил Джеральд. Штуковина, которую он держал в руках, походила на чёрные защитные очки, этакие затемнённые линзы со зловещими шишками сенсоров и проводками.

— Значит, чуть-чуть набрасываем? — обернулся он к

Прайору. Тот улыбнулся. — Сколько вам не хватает? Десяти лет?

— Ну не совсем, — отозвался Прайор. — Совершенства не требуется.

Джеральд перевёл взгляд на Мону.

— Вы его и не получите. — Он зацепил дужки очков за уши и на что-то нажал; под правой линзой загорелся огонёк. — Но есть степени приближения.

Луч скользнул к Моне.

— Речь идёт всего лишь о косметических процедурах, Джеральд.

— Где Эдди? — спросила Мона, когда врач подошёл ближе.

— В баре. Позвать его? — Прайор взялся за телефон, но тут же положил трубку назад, так и не набрав номер.

— Что это? — Она сделала шаг назад.

— Медицинское обследование, — сказал Джеральд. — Больно не будет.

Он загнал её к окну, лопатки над полотенцем вжались в холодное стекло.

— Кое-кто собирается предложить тебе работу и очень хорошо за неё платить. Им нужна полная уверенность в том, что ты совершенно здорова. — Луч вонзился ей в левый глаз. — Она на каких-то стимуляторах, — сказал он Прайору уже совершенно другим тоном. — Постарайся не моргать, Мона. — Луч переместился на другой глаз. — Что это, Мона? Сколько ты приняла?

— «Магик». — Она сморщилась от света. Холодные твёрдые пальцы взяли её за подбородок, наклоняя голову вправо.

— Сколько?

— Кристалл…

Луч погас. Гладкое лицо китайца оказалось близко, очень близко, защитные очки утыканы всякими линзами, прорезями, маленькими бляшками из чёрных стальных петелек.

— Знаешь ли, нет никакой возможности определить, насколько он чист, — пожурил медик.

— Он чистый, совсем чистый, — сказала она и захихикала.

Отпустив её подбородок, Джеральд улыбнулся.

— Ну это не будет проблемой, — сказал он. — Ты не могла бы открыть рот? Пожалуйста.

— Рот?

— Я хочу посмотреть твои зубы.

Мона перевела взгляд на Прайора.

— С этим тебе повезло, — сказал Прайору Джеральд, с помощью всё того же лучика заглядывая ей в рот. — Состояние вполне удовлетворительное, и по конфигурации он близок к

требуемой модели. Коронки, пломбы.

— Мы знали, что можем на тебя рассчитывать, Джеральд.

Сняв очки, Джеральд с полминуты молча глядел на Прайора. Потом повернулся к чёрному чемоданчику, чтобы убрать прибор.

— И с глазами тоже удачно. Очень похожи. Только подкрасить.

Теперь из чемоданчика появился пакет; китаец разорвал его и натянул на правую руку светлую хирургическую перчатку.

— Сними полотенце, Мона. Устраивайся поудобнее.

Она посмотрела на Прайора, на Джеральда.

— Вы хотите посмотреть мои бумаги, анализ крови и всякое такое?

— Нет, — сказал Джеральд, — с этим всё в порядке.

Она выглянула в окно, надеясь увидеть барана, но тот исчез. И небо теперь казалось гораздо темнее.

Развязав полотенце, она дала ему упасть на пол, потом легла на спину на бежевый темперлон.

Это не многим отличалось от того, за что ей обычно платили, даже заняло меньше времени.

В ванной комнате, с раскрытой на коленях косметичкой, размалывая себе очередной кристалл, Мона решила, что имеет полное право на паршивое настроение.

Сперва Эдди сваливает куда-то без неё, потом является Прайор с этим жутким медиком да ещё говорит, что Эдди будет спать в другом номере. Там, во Флориде, ей не помешало бы немного свободы от Эдди, но здесь-то всё по-другому. Ей совсем не хотелось оставаться одной, а попросить у Прайора ключ она до смерти боялась. У него-то, чёрт побери, ключ есть, чтобы он мог в любое время приводить сюда своих кошмарных приятелей. И что это, интересно, за сделка?

И история с пластиковым дождевиком тоже сидела занозой. Чёртов одноразовый пластиковый дождевик.

Она вспушила измельчённый «магик» между нейлоновыми пластинками, осторожно ссыпала в ингалятор, резко выдохнула и, приложив мундштук к губам, вдохнула. Облачко жёлтой пыли осело на перепонках горла; какая-то часть, вероятно, даже дошла до лёгких. Она как-то слышала, что это, мол, вредно для здоровья.

Когда Мона шла в ванну, чтобы закинуться, у неё не было никаких особенных планов, но потом, когда в основании шеи начало покалывать, она обнаружила, что думает об улицах вокруг отеля, по крайней мере, о тех, какие она видела из окна машины. Там — клубы, бары, магазины со шмотками в витринах. Музыка.

Вот что сейчас бы не помешало, да и толпа тоже. Можно затеряться в толпе, забыть о самой себе, просто быть. Дверь не заперта, это она знала; Мона уже попробовала её открыть. Впрочем, за её спиной дверь автоматически захлопнется, а у неё нет ключа. Но она же остановилась в этой дыре, так что Прайор не мог не зарегистрировать её у стойки. Мона задумалась, не спуститься ли ей вниз, чтобы попросить у женщины-администратора ключ, но от одной мысли об этом ей стало как-то не по себе. Знает она этих пиджаков за стойками и то, как они на тебя смотрят. Нет, решила она, лучше остаться в номере, застимить новьё Энджи.

Десять минут спустя она уже была на пути к боковому выходу — и бегом из главного вестибюля. В голове пел «магик».

Снаружи моросило. Может, капало с куполов? Для вестибюля она накинула белый дождевик, решив, что Прайор, в конце концов, знает, что делает, а вот теперь и сама была рада, что захватила его с собой. Выудила мятую распечатку факса из переполненного мешка с мусором и прикрыла им голову, чтобы не намочить волосы. Было не так холодно, как до этого, — опять же неплохо. Ни один из предметов её туалета нельзя было назвать тёплым.

Оглянулась вправо-влево по авеню, решая, куда пойти. Перед ней — с полдюжины почти одинаковых фасадов гостиниц, строй такси-рикш, глянцевое на дожде поблёскивание шеренги небольших магазинов. И люди, целые толпы, как в центре Кливленда, но все так клёво одеты и идут с таким видом, будто они крутые, и у всех у них есть куда идти. Просто слейся с ними, подумала она. «Магик» придал ей сладкое второе дыхание, которое окунуло её в реку симпатичных людей — даже думать не надо. Только постукивать по мостовой каблучками новеньких туфель, держа над головой факс, и вдруг заметить — опять удача, — что дождь перестал.

Она не против была бы поглазеть на витрины, когда толпа несла её мимо, но подхвативший Мону поток сам по себе был удовольствием, а потом — никто ведь не останавливается. Мона решила удовлетвориться беглым осмотром — каждая витрина как новая вспышка красок… Одежда была точь-в-точь как в стимах, а некоторые вещи вообще таких фасонов, какие она нигде до сих пор не видела.

Моё место здесь, думала она. Мне всё это время надо было быть здесь. Не на рыбной ферме, не в Кливленде и не во Флориде. Вот оно, настоящее место — кто угодно может сюда приехать, и не нужен для этого никакой стим. Она ведь никогда не видела этой части города в стимах, той, где люди живут постоянно. А

звезда вроде Энджи… Это — не её город. Энджи развлекалась бы где-нибудь в высоком замке с другими звёздами стима, а не здесь на улице. Но, Боже, как тут красиво, ночь такая яркая, вокруг струится толпа, несёт её мимо всех этих чудесных вещей, которые, если повезёт, сами упадут тебе в руки.

А вот Эдди это всё не нравится. Во всяком случае, он всегда трепался о том, как тут дерьмово, слишком много народу, квартирная плата слишком высока, слишком много полиции и конкурентов. Ну да, а выждал ли он хотя бы пару секунд, когда Прайор предложил сделку? А впрочем, она, кажется, знает, почему Эдди так собачится. Он провалился здесь, как-то по-чёрному влип или свалял дурака. Не то он сам не желает, чтобы ему об этом напоминали, а может, есть люди, которые не забудут ему напомнить, как только Эдди вернётся. Это явно слышалось в злости, с какой он отзывался об этом месте, точно так же, как Эдди ругал любого, кто сказал бы ему, что его гениальные планы не сработают. Каждый новый приятель, такой ловкач и умница в первый вечер, на следующий же день становился «полным придурком, беспросветным тупицей, ума ну ни на грош».

Мимо огромного магазина с классным стим-оборудованием в витрине — да уж, экипировка для асов — вся такая матово-чёрная, хрупкая, под сенью голографической Энджи, которая смотрит на прохожих с этой своей знаменитой, чуть печальной улыбкой. «Как они все скользят мимо!» Что да, то да — королева ночи.

Толпа-река вытекла на какую-то круглую площадь, место, где встречались четыре улицы, и закружилась вокруг фонтана. Мона брела, сама не зная куда, и её вынесло прямиком к фонтану — а люди вокруг растекались во всех направлениях без остановки. Не беда, и здесь тоже были люди, некоторые даже сидели на потрескавшемся бетоне чаши. В центре фонтана стояла статуя, мрамор выветрился, углы оплыли. Что-то вроде ребёнка верхом на огромной рыбине, а может, дельфине. Казалось, дельфинья пасть вот-вот готова выплеснуть водяную струю, — если бы фонтан действовал. Но он не работал. Поверх голов тех, кто сидел на краю чаши, Моне было видно, что в воде плавают размокшие факсы и белые пластиковые стаканчики.

Потом толпа у неё за спиной растаяла, отодвинулась изогнутой стеной тел, и тут на фоне фонтана вдруг отчётливо проступила — будто подсветку включили — троица, уставившаяся на неё с бордюра. Жирная девица с крашеными чёрными волосами, рот полуоткрыт, наверно, всегда такой, сиськи вываливаются из красного резинового корсета. Блондинка с длинным лицом и тонким синим шрамом помады, рука,

похожая на птичью лапку, мнёт сигарету. Мужчина с поблёскивающими маслом руками, голыми, несмотря на холод, пересаженные мускулы камнями бугрятся под синтетическим загаром и неприличной тюремной татуировкой…

— Эй ты, сука, — с каким-то даже весельем окликнула жирная. — Н'деюсь, ты не с'-ик-бираешься к'го-то здесь подцепить?

Устало оглядев Мону, блондинка одарила её блеклой — «я тут ни при чём» — ухмылкой и отвернулась.

Будто чёрт на пружинках, с места вскинулся сутенёр, но Мона, повинуясь жесту блондинки, уже двигалась сквозь толпу. Он схватил её за руку, шов пластикового дождевика с треском разошёлся, и Мона локтями протолкалась обратно в толпу. Верх взял «магик» и… следующая картинка — она сознаёт, что до троицы уже больше квартала, приваливается к какому-то железному столбу и сползает по нему вниз, кашляя и обливаясь потом.

А «магик» вдруг опять — иногда такое случается — поставил мир с ног на голову, и всё кругом сделалось отвратительным. Лица в толпе казались загнанными и голодными, как будто всем им нужно срочно бежать по каким-то сугубо личным делам, а свет за стёклами магазинов стал холодным и жёстким, и все вещи в витринах были выставлены лишь для того, чтобы сказать ей, что ничего такого у неё никогда не будет. Где-то звенел голос, злой детский голос, нанизывающий непристойности на одну бессмысленную бесконечную нить. Осознав, чей это голос, Мона примолкла.

Левая рука мёрзла. Она опустила глаза; рукава не было, а шов на боку разошёлся чуть ли не до пояса. Сняв дождевик, она просто завернулась в него: может, тогда его жуткий вид будет не так заметен.

Волной задержанного адреналина нахлынул «магик», и Мона спиной оттолкнулась от столба. Ноги сразу подогнулись в коленях, и она ещё успела подумать, что вот-вот отключится… Но «магик» опять сыграл с ней одну из своих шуточек, и вот она сидит на корточках во дворе у старика, летний закат, слоистая серая земля искорябана чёрточками игры, в которую она играла… но теперь она просто прячется, без всякого дела, смотрит мимо массивных чанов туда, где в зарослях черники над старой покорёженной автомобильной рамой пульсируют светлячки. Из дома у неё за спиной льётся свет и доносится запах пекущегося ржаного хлеба и кофе, который старик кипятит снова и снова, пока, как он говорит, ложка не встанет; он сейчас там, читает одну из своих книг, переворачивает иссохшие, крошащиеся

коричневатые листы, нет ни одной страницы с целым углом. Книги приносили в потёртых пластиковых мешках, и иногда они просто рассыпались в пыль у него в руках. Но если он находил что-нибудь, что ему хотелось бы сохранить, то доставал из ящика маленький карманный ксерокс, вставлял батарейки и проводил машинкой по странице. Она так любила смотреть, как из щёлки вылезают свежие копии, с их особым запахом, который быстро исчезал, но старик никогда не давал ей подержать ксерокс в руках. Временами он громко читал вслух с какой-то странной заминкой в голосе, как человек, пытающийся что-то сыграть на музыкальном инструменте, за который он не брался многие годы. Эти его книги, никаких историй в них не было… Что это за история, если у неё нет ни начала, ни конца и никаких анекдотов она тоже не рассказывает? Эти его книги… Они были как окна во что-то уж очень странное, старик никогда не пытался что-либо объяснить; должно быть, сам ничего в них не понимал… а возможно, не понимал никто…

Тут улица обрушилась на неё снова — больно и ярко. Мона потёрла глаза и закашлялась.

Глава 12
«Антарктика начинается здесь»

Я готова, — сказала Пайпер Хилл, с закрытыми глазами сидевшая на ковре в некоем подобии позы «лотоса». — Проведи левой рукой по покрывалу.

Восемь изящных проводков тянулись из гнёзд за ушами Пайпер к устройству, лежащему у неё на загорелых коленях.

Энджи, завернувшись в белый махровый халат, смотрела на светловолосую Пайпер с края кровати. Чёрный тестирующий модуль закрывал её лоб, как сдвинутая наверх глазная повязка. Энджи сделала, как было сказано, легонько проведя подушечками пальцев по грубому шёлку и небелёному льну скомканного покрывала.

— Хорошо, — скорее себе, чем Энджи, сказала Пайпер, касаясь чего-то на пульте. — Ещё.

Энджи почувствовала, как пальцы ощущают фактуру ткани.

— Ещё. — Снова настройка.

Теперь она уже могла различить отдельные волокна, отличить шёлк от льна…

— Ещё.

Её нервы взвизгнули, когда кончики пальцев, с которых словно содрали кожу, оцарапал стальной завиток шерсти, толчёное стекло…

— Оптимально, — сказала Пайпер, открывая голубые глаза.

Из рукава кимоно она извлекла флакон из слоновой кости и, вынув пробку, протянула его Энджи.

Закрыв глаза, Энджи осторожно понюхала. Ничего.

— Ещё.

Что-то цветочное. Фиалки?

— Ещё.

Голова закружилась от густых, доводящих до тошноты испарений теплицы.

— Обоняние в норме, — сказала Пайпер, когда поблек удушливый запах.

— Не заметила. — Энджи открыла глаза. Пайпер протягивала ей крохотный кружок белой бумаги.

— Только бы это была не рыба, — сказала Энджи, лизнув кончик пальца. Коснулась бумажного конфетти, подняла палец к языку. Как-то один такой тест Пайпер на месяц отвадил её от блюд из морских продуктов.

— Это не рыба, — с улыбкой ответила Пайпер.

Волосы, которые она всегда стригла очень коротко, создавали у неё над головой маленький выразительный нимб, оттенявший поблёскивание графитовых разъёмов, вживлённых за ушами. «Пресвятая Жанна в кремнии», — сказал однажды Порфир. Истинной страстью Пайпер, похоже, была её работа. Все эти годы она была личным техом Энджи, а кроме того, у неё сложилась репутация человека, незаменимого при улаживании всякого рода конфликтов.

Карамель…

— Кто здесь ещё, Пайпер?

Закончив с «Ашером», Пайпер застёгивала молнию на нейлоновом с защитными прокладками кожухе пульта.

Час назад Энджи слышала, как прибыл вертолёт. По мере того как отступал сон, до неё доносились смех, потом шаги на веранде. На этот раз она отказалась от своих обычных попыток провести опись сна — если это можно было назвать сном: наплывали чужие воспоминания, потом утекали прочь, откатывались на недостижимый для неё уровень, оставляя смутное эхо образов…

— Рэбел, — ответила Пайпер, — Ломас, Хикмен, Нг, Порфир, наш «Папа Римский».

— А Робин?

— Нет.

— Континьюити, — позвала она, встав под струю душа.

— Доброе утро, Энджи.

— Тор «Фрисайд». Кому он принадлежит?

— Тор был переименован в «Мистику-2» нынешними совладельцами, компаниями «Джулианна Груп» и «Карриббана Орбитал».

— Кому он принадлежал, когда там записывалась Тэлли?

— «Тессье-Эшпул СА».

— Я хочу побольше узнать о Тессье-Эшпулах.

— «Антарктика начинается здесь».

Сквозь поток воды Энджи недоумённо воззрилась на белый круг динамика.

— Что ты говоришь?

— «Антарктика начинается здесь» — двухчасовой документальный видеофильм. Исследование истории семейства Тессье-Эшпулов, снятое Гансом Беккером, Энджи.

— Он у тебя есть?

— Конечно. Дэвид Поуп недавно его заказывал. Фильм произвёл на него большое впечатление.

— Правда? Когда?
— В прошлый понедельник.
— Тогда я посмотрю его сегодня вечером.
— Учтено. Это всё?
— Да.
— До свидания, Энджи.

Дэвид Поуп, «Папа Римский» съёмочной группы. Её режиссёр. Порфир сказал, что Робин трезвонил на каждом углу, что ей слышатся какие-то голоса. Он говорил Поупу? Энджи коснулась керамической панели, вода стала горячее. Почему Поуп заинтересовался Тессье-Эшпулами? Она снова тронула щиток и охнула под иглами внезапно хлынувшей ледяной воды.

Извне внутрь, изнутри вовне, фигуры из снов скоро всплывут, слишком скоро…

Первое, что она увидела, войдя в гостиную, был картинно прислонившийся к подоконнику Порфир — этакий воин племени масаи в складчатой накидке из чёрного шёлкового крепа и чёрном кожаном саронге. Остальные встретили её радостными возгласами, а Порфир, обернувшись, довольно хмыкнул.

— Ты застала нас врасплох, — сказал развалившийся на кушетке Рик Рэбел. Он отвечал за монтаж и спецэффекты. — Хилтон рассчитывал, что тебе захочется отдохнуть подольше.

— Нас вытащили чуть ли не со всего света, дорогая, — добавил Келли Хикмен. — Я был в Берлине, а Папа Римский — на верху колодца, в самом разгаре творческого порыва, правда, Дэвид? — Он оглянулся на режиссёра, ища поддержки.

Поуп — это его, играя словами, съёмочная группа величала «Папой Римским»[26] — оседлал один из стульев эпохи Людовика XVI, упёршись локтями в хрупкую спинку. Спутанные тёмные волосы падали на худое лицо. Когда позволяло расписание Энджи, Поуп снимал документальные фильмы для «Ноулиджнета». Вскоре после того, как она подписала контракт с «Сенснетом», Энджи анонимно приняла участие в одном из его минималистских арт-роликов: бесконечная прогулка по дюнам из испачканного землёй розового атласа под искусственным стальным небом. Три месяца спустя — кривая её карьеры уже неуклонно ползла вверх — пиратская версия этой плёнки стала классикой андеграунда.

Карен Ломас, дублёрша Энджи, улыбалась из кресла слева от Поупа. Справа от него Келли Хикмен, костюмер, сидел на крашеном полу рядом с Брайаном Нг, учеником и помощником Пайпер.

— Ну вот, — произнесла Энджи. — Я вернулась. Простите,

что мне пришлось выдернуть вас всех, но это было необходимо.

Молчание. Чуть слышное поскрипывание позолоченных стульев. Брайан Нг кашлянул.

— Мы рады, что ты вернулась, — сказала Пайпер, выходя из кухни с чашкой кофе в каждой руке.

Снова возгласы радости — на этот раз немного наигранной, — потом все расхохотались.

— А где Робин? — спросила Энджи.

— Миста Ланье в Лондоне, — отозвался Порфир, уперев кулаки в затянутые в тиснёную кожу бёдра.

— Ожидаем с часу на час, — сухо добавил Поуп, поднимаясь, чтобы взять себе чашку кофе.

— Что ты делал на орбите, Дэвид? — спросила Энджи, принимая у Пайпер вторую чашку.

— Охотился за одиночками.

— Ты имеешь в виду одиноких людей?

— Нет, одиночек. Отшельников.

— Энджи, — вмешался Хикмен, — ты обязательно должна посмотреть атласное платье для коктейлей, присланное Девикком на той неделе! И у меня есть все купальные модели от Накамуры…

— Конечно, Келли, но…

Но Поуп уже отвернулся сказать что-то Рэбелу.

— Эй, — светясь энтузиазмом, подзуживал Хикмен, — давай же! Пойдём примерим!

Поуп большую часть дня провёл с Пайпер, Карен Ломас и Рэбелом, обсуждая результаты утренних тестов «Ашера» и бесконечные мелкие детали того что они называли «новым включением» Энджи. После ленча Брайан Нг поехал с ней на осмотр в частную клинику на Беверли-бульваре — стены здания были выложены зеркальной плиткой.

За те несколько минут, пока они ждали вызова в белой, заполненной цветами приёмной — ритуал, конечно: как будто назначенный визит к врачу, не сопровождайся он ожиданием, может показаться незавершённым, как бы ненастоящим, — Энджи осознала, что задаёт себе один простой вопрос. Впрочем, не счесть раз, когда она этому удивлялась. Почему загадочное наследие её отца — veves, которые он прочертил в её голове — проскальзывало незамеченным во всех до единого медицинских заведениях?

Её отец, Кристофер Митчелл, возглавлял «гибридный» проект, который в своё время позволил «Маас Биолабс» практически монополизировать рынок на ранней стадии

производства биочипов. Тёрнер, человек, который увёз её в Нью-Йорк, дал ей что-то вроде досье на отца, биософт, скомпилированный ИскИном службы безопасности «Мааса». Она погружалась в досье раза четыре за столько же лет. Наконец однажды очень пьяной ночью в Греции, после попытки перекричать Бобби, она швырнула досье с верхней палубы яхты какого-то ирландского промышленника. Она уже забыла причину ссоры, но прекрасно помнила смешанное чувство облегчения и потери, охватившее её, когда короткий толстый цилиндрик блока памяти ударился о воду.

Возможно, отец так ловко запрятал свою шараду, что она каким-то образом оставалась невидимой для сканирующей аппаратуры нейротехников. У Бобби была собственная теория, которая, как подозревала Энджи, была ближе к правде. Возможно, Легба, лоа, которому Бовуа приписывал способность к почти неограниченному доступу в киберпространственную матрицу, может изменять поток информации в момент его поступления на сканеры, представляя veves как прозрачные или несуществующие… Срежиссировал же Легба её дебют в стим-индустрии и последовавшее за ним восхождение, в результате которого она затмила Тэлли Ишэм, мега-звезду «Сенснета» на протяжении целых пятнадцати лет.

Но так много воды утекло с тех пор, как ею овладевали лоа, а теперь Бригитта сказала, что veves были прочерчены заново…

— Хилтон велел Континьюити выставить сегодня твою «голову», — сказал ей Нг, пока они ждали вызова.

— Да?

— Заявление для публики о твоём решении отправиться на Ямайку. Ты в нём хвалишь новые методы клиники, предостерегаешь против употребления наркотиков, горишь желанием снова взяться за работу. Благодарность аудитории плюс архивные съёмки дома в Малибу…

Континьюити мог генерировать видеоизображения Энджи и анимировать их по составленным из стимов шаблонам. Просмотр таких роликов вызывал лёгкое, но не сказать что неприятное головокружение — один из тех редких случаев, когда она была способна напрямую осознать факт собственной славы.

Из-за цветов прозвенел колокольчик.

Вернувшись из города, она застала добровольных маркитантов на веранде за приготовлением барбекю.

Энджи прилегла на кушетку под Вальмье, устало прислушиваясь к шуму прибоя. Из кухни доносилось, как Пайпер объясняет Поупу результаты осмотра. В этом не было

необходимости, но оба они — и Поуп, и Пайпер — обожали подробности.

Когда Пайпер и Рэбел, прихватив свитера, вышли на веранду и устроились у жаровни погреть над углями руки, Энджи в гостиной осталась наконец наедине с режиссёром.

— Дэвид, ты собирался рассказать мне, что ты делал на верху колодца…

— Искал убеждённых одиночек. — Он запустил пятерню в спутанные волосы. — Это желание появилось благодаря моему прошлогоднему проекту — помнишь международные общины в Африке? Проблема возникла тогда, когда я поднялся наверх и выяснил, что каждый, кто решается на подобное, кто действительно живёт на орбите в полном одиночестве, он, как правило, стремится к тому, чтобы так это и оставалось.

— Ты сам записывал? Интервью?

— Нет. Мне хотелось найти таких людей и уговорить их самим делать записи.

— И как?

— Не уговорил. Однако узнал несколько историй. Потрясающие байки. Один пилот с буксира рассказал мне, что на каком-то законсервированном японском заводе живут одичавшие дети-каннибалы. Короче, там, на орбите, у них чуть ли не своя мифология. Честное слово. Корабли-призраки, затерянные города… Если вдуматься, в этом есть даже какой-то пафос. Я хочу сказать, каждая из этих историй повествует о той или иной орбите, но что на одной, что на другой — там всё создано руками человеческими, имеет владельцев, занесено на карты. Будто видишь, как миф пускает корни посреди бетонной автостоянки. Но думаю, людям это необходимо, правда?

— Да, — отозвалась она, думая о Легбе, о Маман Бригитте, о тысяче свечей.

— Однако, — продолжал он, — больше всего мне хотелось бы добраться до леди Джейн. Поразительная история. Совершенно готическая.

— Леди Джейн?

— Тессье-Эшпул. Это её семья построила тор «Фрисайд». Пионеры высокой орбиты. У Континьюити есть потрясающий видеофильм. Поговаривают, будто леди Джейн убила собственного отца. Она — последняя в роду. Деньги кончились много лет назад. Она распродала всё, приказала отпилить конец веретена и перебралась на новую орбиту…

Энджи выпрямилась на кушетке, сцепив пальцы на плотно сжатых коленях. По спине побежали ручейки пота.

— Ты не слышала этой истории?

— Нет, — проговорила она.

— Ну она сама по себе небезынтересна, поскольку даёт представление о том, как ловко они умели уходить в тень. Подумать только, сколько денег они угрохали на то, чтобы держаться подальше от информационных агентств. Мать была Тессье, отец — Эшпул. Они построили «Фрисайд», когда ничего подобного просто не существовало. Фантастически разбогатели в процессе строительства. К моменту смерти Эшпула их концерн, пожалуй, уже вовсю наступал на пятки Йозефу Виреку. И конечно, за это время они совершенно спятили и принялись подряд клонировать своих детей…

— Звучит… ужасно. И ты пытался… ты действительно пытался найти эту женщину?

— Ну я навёл кое-какие справки. Континьюити достал мне фильм Беккера, ну а координаты её орбиты, естественно, занесены во все справочники. Но как-то невежливо заявляться в гости, если тебя не приглашают, правда? А потом Хилтон вызвал меня обратно на Землю, снова за работу… Тебе нехорошо?

— Да, я… я думаю… Мне нужно переодеться, надеть что-нибудь потеплее.

За послеобеденным кофе она, извинившись, пожелала всем доброй ночи.

Порфир последовал за ней к лестнице. Всё время обеда он старался держаться к ней поближе, как будто чувствовал, что её снова что-то тревожит. Нет, подумала она, ничего нового. Просто сейчас в ней оживает то, чем она дышала, чем она жила раньше и всегда, всё то, что так безжалостно закрывали от неё наркотики.

— Мисси будет осторожна, — прошептал парикмахер так, чтобы, кроме неё, никто его не услышал.

— Со мной всё в порядке, — сказала она, поднимаясь на первую ступеньку. — Слишком много людей. Я ещё к этому не привыкла.

Он стоял, глядя на неё снизу вверх, отблеск умирающих углей за его спиной высвечивал череп — элегантно сработанный и в чём-то даже нечеловеческий. Энджи повернулась и стала взбираться по лестнице.

Час спустя она услышала шум прилетевшего за съёмочной группой вертолёта.

— Дом, — сказала она, — теперь я посмотрю фильм Континьюити.

Когда на своё место скользнул настенный экран, Энджи открыла дверь спальни и с минуту стояла на верхней площадке,

прислушиваясь к звукам пустого дома. Прибой, жужжание посудомоечной машины, ветер, бьющийся в выходящие на веранду окна.

Она повернулась назад к экрану и поёжилась, внезапно увидев лицо, которое глядело на неё с зернистого стоп-кадра: брови, дугами выгнувшиеся над тёмными глазами, высокие хрупкие скулы и широкий решительный рот. Изображение начало расширяться, уходя во тьму зрачка: чёрный экран, затем белая точка, она растёт, удлиняется, становится суженным к концам веретеном. Фрисайд. Вспыхивают немецкие титры.

— Ганс Беккер, — сказал дом, озвучивая вступительный пассаж библиотечных работников «Сенснета», — немецкий видеохудожник, главной особенностью которого является пристрастное исследование жёстко разграниченных областей визуальной информации. Его подход варьируется от классического монтажа до технологий, позаимствованных у промышленного шпионажа, от фантазий на темы глубокого космоса до киноархеологии. Фильм «Антарктика начинается здесь», темой которого является изучение образов семейства Тессье-Эшпулов, в настоящее время расценивается как вершина карьеры кинематографиста. Патологически избегающий средств массовой информации индустриальный клан, ведущий свои операции из абсолютно закрытого орбитального дома, представлял собой исключительно сложную цель.

С исчезновением последнего титра белое веретено заполнило собой весь экран. Изображение сместилось к центру. Стоп-кадр. Молодая женщина в свободной чёрной одежде, фон неотчётлив. «МАРИ-ФРАНС ТЕССЬЕ, МАРОККО».

Это другое лицо, не лицо из заставки и не то, чьи воспоминания вторгаются в её сны, и всё же черты молодой Мари-Франс предвосхищают его, как будто под их покровом прячется личинка грядущего…

Звуковая дорожка вплетала в наслоения статики и бормотание неразборчивых голосов атональные линии напряжения, а в это время изображение Мари-Франс сменилось официальным монохромным портретом молодого человека в крахмальном воротничке с топорщащимися уголками. Это было красивое лицо, с прекрасными пропорциями, но какое-то слишком жёсткое, и во взгляде — выражение бесконечной скуки. «ДЖОН ХЭРНЕСС ЭШПУЛ, ОКСФОРД».

«Да, — подумала Энджи, — я тебя встречала, и не один десяток раз. Я знаю историю твоей жизни, хотя мне и не позволено коснуться её. И, если честно, вы мне совсем не нравитесь. Правда ведь, мистер Эшпул?»

Глава 13
Подвесной мост

Подвесной мост стонал и раскачивался. Носилки оказались слишком широкими, чтобы пройти между поручнями из натянутых верёвок, поэтому их пришлось поднять выше и нести на уровне груди. Маленькая процессия ползла сантиметр за сантиметром по мосту над казавшейся бездонной темнотой. Впереди — Джентри, крепко сжавший руками в перчатках ручки по обеим сторонам ног спящего. Слику достался более тяжёлый конец, изголовье с привинченными к нему батареями и прочим оборудованием. Он чувствовал, как за ними следом пробирается Черри. Ему хотелось сказать ей, что им здесь вовсе ни к чему лишний вес, чтобы она убиралась вниз, но почему-то сказать не мог.

Это была ошибка — дать Джентри пакет наркотиков от Малыша Африки. Слик не знал, что это был за дерм, который вкатил себе Джентри, не знал, какая реакция начинается сейчас в его крови. Что бы это ни было, Джентри слетел с катушек, и теперь они качаются на этом чёртовом подвесном мосту в двадцати метрах над бетонным полом Фабрики, и Слик готов был плакать или кричать от разочарования и обиды. Ему хотелось разбить что-нибудь, что угодно, но он не мог отпустить носилки.

Чего стоила одна только улыбка Джентри, выхваченная из тьмы светом биодатчиков в изножье носилок. Свет падал ему на лицо каждый раз, когда Джентри делал следующий шаг назад по настилу…

— О Боже, — голосом маленькой девочки сказала Черри, — это просто трахнутый чёртовый…

Джентри вдруг нетерпеливо дёрнул носилки, и Слик едва удержал ручки.

— Джентри, — сказал Слик, — мне кажется, тебе стоит дважды над этим подумать.

Джентри снял перчатки. В каждой руке он теперь держал по паре перемычек оптического кабеля, и Слику было видно, как дрожат разводные фитинги.

— Я хочу сказать, Малыш Африка — серьёзный мужик. Не порть ему игру. Ты не знаешь, с кем ты связываешься. — Честно говоря, это было не совсем правдой, поскольку Слик знал, что Малыш слишком умён, чтобы делать ставку на месть. Но чёрт его знает, во что сейчас влипнет Джентри.

— Ничего я не порчу, — сказал Джентри, подходя с переходниками к носилкам.

— Послушай, приятель, — вмешалась Черри, — прервав ему вход, ты же можешь его убить. Его автономная нервная система просто полетит вверх тормашками. Почему ты его не остановишь? — набросилась она на Слика. — Почему ты просто не вышибешь из него мозги?

Слик потёр глаза.

— Потому что… ну не знаю. Потому что он… Послушай, Джентри, она говорит, что ты можешь прикончить несчастного ублюдка, если попытаешься сунуться в цепь. Ты слышал?

— «Эл-Эф», «низкочастотник», — ответил Джентри, — вот что я слышал.

Зажав переходники зубами, он начал что-то делать с одним из коннекторов на серой пластине над головой спящего. Руки у него уже не дрожали.

— Мать твою, — выдохнул Слик и прикусил костяшку пальца.

Провод отошёл. Одной рукой Джентри резко воткнул коннектор в разъём и стал быстро затягивать фитинг. Улыбнулся, всё ещё держа в зубах второй переходник.

— Катитесь вы ко всем чертям, — бросила Черри, — я умываю руки. — Но не двинулась с места.

Человек на носилках чуть слышно икнул. От этого звука волосы на руках у Слика встали дыбом.

Отошёл второй провод. Джентри вставил второй коннектор и стал затягивать фитинг и на нём.

Черри тут же бросилась к изножью носилок, опустилась на колени, чтобы проверить показания приборов.

— Он это почувствовал, — сказала она, поднимая глаза на Джентри, — но показания вроде в порядке…

Джентри отвернулся к своим консолям. Слик смотрел, как он вставляет в гнёзда переходники. Может, думал он, всё же как-нибудь обойдётся. Джентри вскоре отрубится, носилки придётся оставить здесь, наверху, пока не удастся заставить Черри и Пташку помочь ему перетащить их через подвесной мост. Но Джентри — просто шиз; наверное, надо попытаться отобрать у него наркотики, может, тогда всё вернётся в нормальную колею…

— Я могу только верить, — сказал Джентри, — что это было предопределено. Предопределено ходом всей моей предшествующей работы. Я не стал бы претендовать на понимание того, как это могло произойти, но нас ведь интересует не «почему», правда, Слик Генри? — Он ввёл с клавиатуры последовательность каких-то команд. — Ты когда-нибудь задумывался над взаимосвязью между клинической паранойей и

феноменом религиозного обращения?

— О чём это он? — спросила Черри.

Слик мрачно покачал головой. Если он сейчас хоть что-нибудь скажет, это только подстегнёт безумие Джентри.

Теперь Джентри перешёл к большому дисплею на проекционном столе.

— Есть миры внутри миров, — продолжал он, не ожидая ответа на свой вопрос. — Макрокосм, микрокосм. Сегодня вечером мы перетащили через подвесной мост целую Вселенную, то есть то, что вверху, похоже на то, что внизу… Конечно, было совершенно очевидно, что подобные вещи должны существовать, но я не смел и надеяться… — Он с наигранной скромностью по-мальчишески оглянулся через расшитое чёрным бисером плечо. — А теперь, — сказал он, — мы посмотрим на форму Вселенной, куда отправился путешествовать наш гость. И в этой форме, Слик Генри, я увижу…

Он коснулся клавиши подачи тока на краю проекционного стола. И закричал.

Глава 14
Игрушки

А вот и вправду чудесная штука, — сказал Петал, касаясь куба из розового дерева размером с голову Кумико. — Битва за Британию.

Над кубом возник ореол неонового света. Кумико наклонилась пониже и увидела, как, двигаясь будто в замедленной съёмке, крохотный аэроплан развернулся и нырнул в серую пасть Лондона.

— Её сделали, основываясь на военных хрониках, — пояснил Петал. — Камеры были установлены на прицелах.

Кумико прищурилась, чтобы разглядеть почти микроскопические вспышки зенитных орудий в устье Темзы.

— Сувенир к столетию.

Они находились в бильярдной Суэйна, в комнате с окнами, выходящими на подъездную аллею, на первом этаже дома номер шестнадцать. Здесь приютилась мягкая затхлость, эхо запаха паба. Благопристойность и порядок, присущие хозяйству Суэйна, в этом месте были смягчены благородным запустением: стояли кожаные кресла с потрескавшимися подлокотниками, тёмные массивные шкафы, тусклым пятном расползлось когда-то зелёное поле бильярдного стола… Чёрные стальные стеллажи были заставлены развлекательным оборудованием, которое и заставило Петала привести сюда девочку перед чаем. Петал неспешно шаркал своими рваными тапочками на кротовом меху, демонстрируя имеющиеся игрушки.

— А что это за война?

— Предпоследняя, — сказал он, переходя к похожему на первый, но большему по размеру предмету. Тот предлагал полюбоваться на голографическую схватку двух таиландских боксёрок. Одна из них с разворота заехала пяткой сопернице в упругий живот, напрягшийся, чтобы сдержать удар. Петал тронул клавишу, и проекция исчезла.

Кумико вернулась к «Битве за Британию» и её взрывам, похожим на светлячки.

— А вот здесь у нас спортивные фиши на любой вкус, — сказал Петал, открывая чемодан из свиной кожи, набитый сотнями записей.

Он продемонстрировал ещё с полдесятка других приборов, потом, почесав в затылке, стал отыскивать японский канал видеоновостей. Наконец нашёл, но никак не мог отключить

программу автоматического перевода. Посмотрел вместе с Кумико, как выпускной курс Академии служащих «Оно-Сендаи» отрекается от себя на слезоточивой церемонии выпуска.

— К чему всё это? — спросил он.

— Они демонстрируют преданность своему дзайбацу.

— Ну тогда ладно, — протянул он и обмахнул видеомодуль пуховкой. — Скоро будем пить чай.

Стоило Петалу выйти из комнаты, Кумико сразу же отключила звук. Салли Ширс за завтраком не было, Суэйна тоже.

Болотного цвета гардины скрывали ряд больших окон, выходящих всё в тот же сад. Девочка посмотрела в окно на припорошенные снегом солнечные часы, потом отпустила штору. (Онемевший настенный экран вспыхивал бессвязными видами Токио, санитары в защитных пластиковых костюмах лазерами выпиливали жертву автокатастрофы из груды покорёженной стали).

У дальней стены громоздился массивный викторианский комод на резных ножках в форме ананасов. Замочная скважина в центре розетки, инкрустированной пожелтевшей слоновой костью, была пуста. Девочка потянула на себя дверцу; та чуть скрипнула и открылась. Из недр комода дохнуло химическим запахом древней полировки. Кумико недоумённо рассматривала чёрно-белую мандалу на задней стенке комода, пока та не сделалась тем, чем была в действительности, — доской для игры в дартс. Блестящее полированное дерево вокруг было испещрено бесчисленными дырочками и царапинами. Кому-то из игроков не то что в мишень, даже в круг не удавалось попасть, решила она. Нижняя часть комода предлагала полюбоваться ящичками с изящными латунными ручками и обрамлёнными всё той же слоновой костью скважинами. Опустившись на колени, Кумико оглянулась на дверь (настенный экран показывал теперь губы певца из какого-то кабаре в Синдзюку) и как можно осторожнее вытянула верхний правый ящик. В нём было полно дротиков, часть была аккуратно сложена в кожаные колчаны, остальные — просто свалены кучей. Девочка закрыла ящик и выдвинула такой же слева. Мёртвая моль и ржавая отвёртка. Ниже помещался единый широкий ящик. При попытке открыть его ящик ужасающе заскрипел. Девочка снова оглянулась (рекламный ролик демонстрировал, как логотип «Фудзи Электрик» освещает Залив) — никаких признаков присутствия Петала.

Несколько минут она провела, перелистывая порнографические журналы с японским текстом, которые, похоже, посвящались в основном искусству групповых отношений. Под стопкой журналов лежали запылённая куртка из вощёного хлопка

и серая пластмассовая коробка; на крышке было оттиснуто: «ВАЛЬТЕР». Сам пистолет оказался тяжёлым и холодным. Подняв его из пенопластового ложа, она увидела своё отражение в синем металле. Кумико до сих пор никогда не держала в руках оружия. Серая пластмассовая рукоять казалась невероятно огромной. Девочка вернула пистолет в ящик и пробежала глазами японский раздел во вкладыше с многоязычной инструкцией. Это был пневматический пистолет: чтобы выстрелить, нужно качнуть рычагом где-то под стволом. Пистолет стрелял очень маленькими свинцовыми шариками. Ещё одна игрушка. Аккуратно разложив содержимое по своим местам, она снова закрыла ящик.

Остальные ящики оказались пусты. Закрыв дверцу комода, Кумико вернулась к «Битве за Британию».

— Нет, — сказал Петал, — прости, но не выйдет. Он намазывал девонширское масло на сдобную пышку, тяжёлый викторианский нож казался в его толстых пальцах детской игрушкой.

— Попробуй масла, — предложил он, опустив массивную голову и вкрадчиво глядя на девочку поверх очков.

Кумико стёрла льняной салфеткой с верхней губы кусочек мармелада.

— Ты думаешь, что я попытаюсь сбежать?

— Сбежать? Так вот ты о чём подумываешь? — Он серьёзно и неторопливо ел свою сдобу и смотрел на падающий за окнами снег.

— Нет, — ответила девочка. — У меня нет намерения сбежать.

— Хорошо, — отозвался он, откусывая ещё кусок.

— На улице мне грозит опасность?

— О Господи! Конечно нет, — сказал он с какой-то непреклонной весёлостью. — Ты там в такой же безопасности, как и дома.

— Я хочу пойти погулять.

— Нет.

— Но я же выхожу с Салли.

— Да, — согласился он, — она тот ещё подарочек, эта твоя Салли.

— Я не знаю такой идиомы.

— Никаких прогулок в одиночку. Так говорилось в письме, которое мы получили от твоего отца, понимаешь? С Салли — пожалуйста, но её сейчас нет. Не буду утверждать, что на улице тебе обязательно кто-нибудь станет докучать, но к чему рисковать? С другой стороны, я сам был бы рад, просто счастлив

пойти с тобой погулять, но я здесь на посту на тот случай, если Суэйну кто-нибудь позвонит. Так что я не могу. Просто стыд и срам, правда, правда. — Он выглядел настолько искренне расстроенным, что девочка решила смягчиться.

— Поджарить тебе ещё гренок? — спросил он, жестом указывая на её тарелку.

— Нет, спасибо. — Кумико положила салфетку на стол и добавила: — Было очень вкусно.

— В следующий раз тебе следует попробовать масла, — сказал он. — После войны его было не достать. С Германии нанесло радиоактивный дождь, и коровы уже стали не те, что раньше.

— Суэйн сейчас здесь, Петал?

— Нет.

— Я никогда его не вижу.

— Приходит, уходит. Дела. Всё возвращается на круги своя. Очень скоро у нас отбоя не будет от посетителей, и Суэйн снова станет устраивать аудиенции.

— Какие посетители, Петал?

— Деловые люди, можно сказать и так.

— Куромаку, — пробормотала девочка.

— Прости?

— Ничего.

Остаток вечера она провела в одиночестве в бильярдной Свернулась калачиком в глубоком кожаном кресле и смотрела, как сад прячется в снег и солнечные часы, теряя очертания, превращаются в белую таинственную колонну. Она представила себе, что там, в снегопаде, её мать, одна в саду, закутанная в тёмные меха. Принцесса-балерина, утопившаяся в ночных водах Сумиды.

Озябнув, девочка встала, обошла бильярдный стол и присела у мраморного камина, где газовое пламя тихонько шипело над вечными углями, которые никак не могло поглотить.

Глава 15
Серебряные тропы

Была у неё подруга в Кливленде, Ланетта, которая много чему её научила: как быстро выбраться из машины, если клиент пытается запереть за тобой дверь, как вести себя, когда идёшь покупать дозу. Ланетта была чуть старше и торчала в основном на «магике»: как она говорила — «чтобы сбить депрессняк»; если его не было, она вкачивала что под руку подвернётся — от аналогов эндорфина до старого доброго опиума из Теннесси. Иначе, говорила подруга, так и будешь сидеть по двадцать часов перед видиком, смотреть всякую дрянь. Когда «магик» добавляет бодрости к тёплой неуязвимости хорошего кайфа, утверждала она, вот это действительно нечто. Но Мона заметила, что те, кто всерьёз уходит в кайф, большую часть времени корчатся по углам — блюют, и ещё она никак не могла взять в толк, как кому-то может захотеться смотреть видик, если с тем же успехом можно подключиться к стиму. (А Ланетта говорила, что симстим — это ещё большая дрянь).

Мона подумала о Ланетте потому, что порой та давала ей дельные советы: например, как вывернуть неудачную ночь наизнанку. Сегодня, думала она, Ланетта посоветовала бы поискать бар и какую-нибудь компанию. У Моны ещё оставались деньги после Флориды, так что дело за малым — отыскать место, где примут наличные.

Попала с первой попытки. Добрый знак. Вниз по узкому пролёту бетонных ступенек, чтобы окунуться в дымный гул голосов и знакомый приглушённый ритм «Белых алмазов» Шабу. Да уж, тусовка не для пиджаков, но и не такой бар, какие коты в Кливленде называли «свой клуб». Она совсем не заинтересована сейчас в том, чтобы пить в «их клубе». Во всяком случае, не сегодня.

Она только входила, как вдруг кто-то поднялся от стойки, собираясь на выход, так что Мона тут же проскользнула вперёд и захватила его табурет, даже пластик остыть не успел — ещё один добрый знак.

Бармен поджал губы, потом кивнул, когда Мона показала ему банкноту. Так что она сказала: «Плесни мне бурбона и пива вдогонку», — это всегда заказывал Эдди, если платил за выпивку сам. Если платил кто-то другой, он, заказывал разные болтушки, которые бармен не знал, как готовить, а потом немало времени тратил на объяснения, как именно это делается. И, выпив

коктейль, принимался жаловаться на то, какая же это дрянь по сравнению с тем, что смешивают в Сингапуре или Лос-Анджелесе, или в каком другом месте, где — Мона-то знала — он никогда не бывал.

Бурбон здесь был странноватый, с непонятной кислинкой, но в общем-то неплохой — если его проглотить. Она сообщила об этом бармену, а тот в свою очередь спросил у неё, где она обычно пьёт бурбон. Она сказала, что в Кливленде, и он кивнул. У них там это этил плюс какое-то дерьмо, которое должно давать вкус бурбона, сказал он. Когда бармен отсчитывал сдачу, Мона решила, что этот их бурбон в Муравейнике — дороговатое удовольствие. Однако дело он своё делал — трясучку снимал, так что она проглотила остатки и принялась за пиво.

Ланетта любила бары, но сама никогда не пила — только «коку» или что-нибудь лёгкое. Мона навсегда запомнила тот день, когда она приняла два кристалла подряд — двойной удар, как сказала Ланетта — и услышала голос в собственной черепушке. Голос звучал так ясно, будто кто-то в комнате говорил: «Это происходит так быстро, что остаётся на месте». И Ланетта, которая часом раньше распустила спичечную головку мемфисской «черноты» в чашке китайского чая, тоже дохнула «магика», и они пошли гулять. Бродили вдвоём по дождливым улицам в совершенной гармонии, когда нет нужды о чём-либо говорить (так это казалось Моне). Тот голос был прав: ни шума по пустякам, ни спешки, никаких психов с перекошенными лицами — просто такое ощущение, будто что-то — может быть, сама Мона — расширяется из тихого неподвижного центра. И они нашли парк, где ровные плоские газоны усеивали серебристые лужи, и они с Ланеттой исходили там все дорожки. У Моны было даже название для этого воспоминания: «Серебряные тропы».

А какое-то время спустя Ланетта просто исчезла, никто её больше не видел. Одни говорили, что она отправилась в Калифорнию, другие трепались про Японию, а третьи — что она откинулась от передозняка. Эдди это называл «нырнуть всухую», но вот уж об этом Моне думать совершенно не хотелось. А потому она выпрямилась, оглянулась по сторонам и — да, это классное место, достаточно маленькое, чтобы выглядеть переполненным, но иногда это и хорошо. Здесь были те, кого Эдди называл богемой. Люди с деньгами, но одевающиеся так, будто их не имеют, если не считать того, что одежда на них отлично сидит и с первого взгляда ясно, что куплена-то она новой.

За баром стоял телевизор — над всей этой батареей бутылок, — и тут Мона увидела в нём Энджи. Та что-то говорила, глядя прямо в камеру, но бармен, очевидно, выкрутил звук, так

что за гулом голосов было не разобрать, что она там говорит. Потом съёмка пошла сверху, камера уставилась вниз на цепочку домов, примостившихся на самом краю пляжа, и тут вернулась Энджи. Она смеялась, встряхивала гривой волос, дарила камере свою знаменитую полупечальную улыбку.

— Эй, — окликнула Мона бармена, — вон там — Энджи.

— Кто?

— Энджи, — повторила Мона, указывая на экран.

— Ага, — протянул тот, — она торчала на какой-то модельной дряни, но решила соскочить, поэтому поехала в Южную Америку или ещё куда-то заплатить пару лимонов, чтобы её почистили.

— Да не может она торчать!

Бармен равнодушно поглядел на неё:

— Тем не менее.

— Но как она могла даже начать? Я хочу сказать, она ведь Энджи, так?

— Как сказать…

— Но поглядите на неё, — запротестовала Мона, — она так хорошо выглядит…

Но Энджи уже исчезла, её сменил чернокожий теннисист.

— Так ты думала, это она? Это — говорящая голова.

— Голова?

— Что-то вроде куклы, — сказал голос позади неё. Мона резко обернулась, чтобы увидеть встрёпанные песочные вихры и ленивую белозубую усмешку. — Кукла, — человек поднял руку со сложенной фигой, — как в мультике, понимаешь?

Она услышала, как бармен кинул на стойку сдачу и перешёл к следующему клиенту. Белая усмешка стала шире.

— Так что ей нет нужды записывать весь материал самой, верно?

Мона улыбнулась в ответ. Симпатичный, умные глаза и заговорщицкое «привет» вспыхнули для неё именно тем сигналом, который ей и хотелось прочесть. Не клиент, не пиджак. Лёгкий малый, как раз такой, какой мог бы ей сегодня понравиться и что-то бесшабашно весёлое в рисунке губ, такое странное в сочетании с умными, насмешливыми глазами.

— Майкл.

— А?

— Моё имя Майкл.

— О, Мона. Меня зовут Мона.

— Откуда ты, Мона?

— Из Флориды.

И разве не сказала бы ей Ланетта, что за такого надо

хвататься не глядя?

Эдди терпеть не мог богему: они не покупали того, что он продавал. А Майкла он возненавидел бы ещё больше, раз у того была работа и мансарда в нормальном доме. Во всяком случае, Майкл сказал, что это мансарда или чердак. Впрочем, когда они добрались туда, помещение оказалось гораздо меньше, чем, по мнению Моны, полагается быть чердаку. Само здание было старым — бывшая фабрика или что-то вроде того. Часть стен — из песчаника, а потолки — деревянные, с массивными балками. Но всё это было нарезано на клетушки: комната немногим больше её номера в отеле, со спальной нишей в одном конце и кухней и ванной в другом. Однако этаж был верхним, так что потолок оказался по большей части застеклённой крышей — может, это и делало клетушку мансардой? Под окном в крыше, затеняя свет, горизонтально висел лист красной бумаги. По углам он был проткнут крюками на верёвках — прямо-таки огромный воздушный змей. В комнате царил ужасный беспорядок, но разбросанные кругом вещи все были новыми: несколько белых проволочных кресел с каркасом, обмотанным прозрачными пластиковыми трубками, стеллажи с развлекательными модулями, рабочая станция и серебристая кожаная кушетка.

Они начали на кушетке, но к кушетке всё время липла спина, так что они перебрались в альков на кровать.

И только тут она увидела на стене белые полки, а на них — записывающее оборудование, стим-модули. Но «магик» снова взял вверх, а потом, если уж она на это решилась, то почему бы и не пойти до конца? Майкл надел на неё устройство с сенсорными датчиками — такой чёрный резиновый ошейник, из которого торчат внутрь тупые штыри-пальцы с дерматродами, прижимающиеся к основанию черепа. Никаких проводов. Кучу денег стоит, это любому известно.

Надевая на себя троды и проверяя приборы на стенах, Майкл рассказывал о своей работе, о том, как работает на одну контору в Мемфисе, которая выдумывает для компаний новые имена. Прямо сейчас он старается сочинить название для компании, которая зовётся «Китайские Катоды». Им это позарез нужно, сказал он и рассмеялся, но потом добавил, что всё не так просто. Потому что на свете и без этих китайцев слишком много всяких компаний и все удачные названия уже разобраны. У него есть компьютер, который знает названия всех компаний в мире, и ещё один, который составляет слова, чтобы потом использовать их в качестве имён, и ещё один, который проверяет, не значит ли придуманное слово «тупица» или ещё что-нибудь в этом роде на

каком-нибудь турецком или шведском. Но контора, на которую он работает, продаёт не просто имена, они там продают то, что называется «имидж», так что ему приходится взаимодействовать с командой других людей — только так можно быть уверенным, что его идея впишется в общий пакет.

Потом он пристроился рядом с ней в постели, и не так уж это всё было здорово. Веселье куда-то испарилось, с тем же успехом это мог бы быть какой-нибудь клиент — она лежала, думая даже не о Майкле, а о том, что он сейчас всё записывает. Проиграет потом её, Мону, когда ему захочется. И вообще, сколько у него уже было таких, как она?

Вот так она рядом с ним и лежала — после всего, — слушая, как он посапывает во сне, пока «магик» не стал закручивать плотные маленькие круги на дне черепа, раз за разом выщёлкивая на экран век одну и ту же последовательность бессвязных картинок: пластиковый пакет, в котором она хранила свои вещи во Флориде, верх пакета завязан проволокой, чтобы не впустить внутрь жуков; старик сидит у фанерного стола, чистит мясницким ножом картофелину, нож сточен до огрызка размером с её большой палец; кливлендская забегаловка, где подавали криль, павильон построен в форме свернувшейся креветки, а выгнутая спина из металлических листов и разрисованного розовым и оранжевым прозрачного пластика служит крышей; проповедник, которого она видела, когда шла за новой одеждой, он и его бледный, расплывчатый Иисус. Всякий раз, когда наступал черёд проповедника, Иисус всё собирался что-то сказать, но так и не заговорил.

Чёрт, теперь это кино никак не остановишь, разве что встать и попытаться занять мысли чем-то ещё.

Ладно, выбралась из постели, постояла в сером свете от окна в крыше, глядя на Майкла. Вознесение. Вознесение грядёт.

Что поделаешь… вышла в комнату и натянула платье — замёрзла.

Мона присела на серебристую кушетку. Красное затемнение превращало серый свет из окна в розовый — это снаружи начинало светать. Интересно, сколько может стоить такая квартира?

Теперь, не видя его, Мона с трудом вспоминала: а как вообще выглядит Майкл? Ну, подумалось ей, ему-то не составит труда меня запомнить. Но одна только мысль о стиме оставила у неё привкус чего-то такого… как будто её ударили или обидели, а может, просто попользовались. Она почти жалела, что не осталась в отеле постимить Энджи.

Серо-розовый свет заполнял комнату, ложился пятнами,

цепенел, застывал в углах. Что-то в нём напомнило о Ланетте и о разговорах о передозняке. Иногда от передозняка кончаются в чужих квартирах, и потом проще всего выбросить тело из окна, так чтобы копы не сообразили, откуда именно оно выпало.

Но она ведь не собиралась об этом думать… Мона встала, порылась в холодильнике и в шкафах в кухне. В морозилке лежал мешок кофейных зёрен, но на «магике» от кофе начинает трясти. Ещё там было полно маленьких целлофановых пакетиков с японскими этикетками, что-то замороженное или обезвоженное. Она нашла пакетики чая и сорвала печать с одной из бутылок воды в холодильнике. Налила немного воды в кастрюльку. С плитой пришлось повозиться, прежде чем удалось её зажечь. Электроконфорки оказались белыми кругами на чёрном фоне плиты. Ставишь кастрюлю в центр круга и касаешься красной точки, нарисованной рядом. Когда вода закипела, она бросила в кастрюлю пакетик чая и сняла её с конфорки.

Наклонившись над кастрюлькой, Мона вдохнула пар с запахом трав.

Она никогда не забывала, как выглядит Эдди, когда его не было рядом с ней. Пусть это случалось не очень часто, но когда он был рядом, она чувствовала себя уверенней. Должно же быть подле тебя какое-то лицо, которое не меняется. Но, пожалуй, и об Эдди думать сейчас — не такая уж хорошая идея. Скоро, очень скоро наступит отходняк, а до тех пор надо ещё найти способ вернуться в отель. Внезапно ей пришло в голову, что всё это так сложно: слишком многое надо сделать, просчитать варианты — а это и есть отходняк, когда начинаешь волноваться, как бы слепить обратно дневную сторону суток.

Едва ли Прайор позволит Эдди её ударить, думала Мона, хотя бы потому, что хочет что-то сотворить из её внешности. Мона обернулась, чтобы достать чашку.

Прайор был одет в чёрное пальто. Она услышала, как из её горла сам по себе вырвался странный звук.

При отходняке ей и раньше случалось видеть всякую всячину. Если смотреть в упор, видения исчезали. Она попыталась вглядеться в Прайора, но это не сработало.

Он просто стоял у двери с каким-то пластмассовым пистолетом в руке, не целился в неё, просто держал пушку в руках. На нём были перчатки, точно такие, как те, какие Джеральд надевал для осмотра. С виду он был не слишком чтоб зол, но ради разнообразия не улыбался. Довольно долго он вообще не произносил ни слова, и Мона тоже молчала.

— Кто здесь? — Он сказал это так, будто спрашивал мимоходом на вечеринке, как дела.

— Майкл.

— Где?

Она кивком показала на альков.

— Надень туфли.

Она вышла из кухни, стараясь держаться подальше от него, по дороге автоматически нагнулась, подобрала с ковра бельё. Туфли нашлись за кушеткой.

Прайор беззвучно шагнул за ней в комнату, стал смотреть, как она надевает туфли. В руке у него по-прежнему был пистолет. Сняв свободной рукой со спинки кушетки кожаную куртку Майкла, он бросил её Моне.

— Надень, — спокойно сказал он. Она просунула руки в рукава, в одном из карманов скомкала бельё.

Он подобрал рваный белый дождевик и, свернув в ком, убрал в карман своего пальто.

Храпел Майкл. Возможно, он вскоре проснётся и проиграет запись по новой. С его снаряжением ему и в самом деле никто здесь больше не нужен.

В коридоре Мона равнодушно смотрела, как Прайор с помощью серой коробочки запирает дверь. Пушка исчезла, но она не видела, как он её убирал. Из коробочки торчал кусок гибкого красного шнура с непримечательным магнитным ключом на конце.

На улице было холодно. Он заставил её пройти пешком квартал, потом открыл дверь маленькой белой трёхколёсной машины. Она села внутрь. Заняв место водителя, Прайор стянул перчатки. Завёл машину. Мона увидела облачко выхлопа, отражённое в зеркальных стёклах башни бизнесцентра.

— Он подумает, что я её украла, — пробормотала она, теребя лацкан куртки.

Тут «магик» сдал последнюю свою карту: по синапсам рванул рваный каскад нейронов… Кливленд под дождём и покой в душе, какой она испытала лишь однажды — тогда, на тропинках.

Серебро.

Глава 16
Нить накаливания в слое нагара

«Я — твоя идеальная аудитория, Ганс, — подумала она, когда запись пошла по второму кругу. — Где тебе найти более внимательного зрителя? Ты ведь уловил их сущность, Ганс. Можешь мне поверить, я это знаю, потому что мне снятся её воспоминания. Я вижу, насколько близко ты подошёл».

Да, ты уловил сущность этих людей. Путешествие вовне, строительство стен, долгая спираль, закручивающаяся внутрь. Они помешались на стенах, не так ли? Лабиринт крови, лабиринт семьи. Грибница посреди пустоты… Они как будто говорят: «Мы — это то, что внутри, снаружи — другое. Здесь мы пребудем вечно». А тьма таилась там с самого начала… Ты раз за разом находил её в глазах Мари-Франс, вновь и вновь пригвождал медленным наплывом камеры на затенённые глазницы черепа. Очень рано она запретила снимать себя на плёнку. Ты подровнял, увеличил её изображение, провернул его через плоскости света, плоскости тени, сгенерировал модели, расчертил её череп решёткой неона. Ты использовал особые программы, чтобы состарить её визуальный образ согласно статистическим моделям, затем — анимационные программы, чтобы оживить свою зрелую Мари-Франс. Ты раздробил её изображение, низвёл его до бесчисленного, но конечного числа точек, перемешал, давая выйти на свет новым формам, выбрал те, которые, похоже, что-то говорили тебе… А потом ты взялся за остальных, за Эшпула и дочь, чьё лицо обрамляет твой фильм, — его первый и последний кадр.

Повторный просмотр придал основательность их истории, позволил Энджи нанизать отрывочные видеозарисовки Беккера на единую временную линию. Точкой отсчёта стала свадьба Тессье и Эшпула, союз, наделавший в своё время немало шума, особенно в средствах массовой информации финансовых кругов. Оба были наследниками своих отнюдь не скромных империй: Мари-Франс — громадного состояния семьи Тессье, основанного на девяти базовых патентах в области прикладной биохимии, а Эшпул — мощной инженерной фирмы со штаб-квартирой в Мельбурне, фирмы, которая носила имя его отца. Журналистам этот брак представлялся слиянием, хотя возникшую в результате корпоративную единицу финансовый мир рассматривал как

невыгодную — этакая химера с двумя головами, смотрящими в разные стороны.

Однако вскоре стало заметно, как на фотографиях тех лет из взгляда Эшпула исчезли пресыщенность и скука, а их место заняла абсолютная решимость. Эффект вышел нелестным — или скорее даже пугающим: красивое жёсткое лицо становилось всё жёстче, всё безжалостней в своей всепоглощающей целеустремлённости.

Через год после женитьбы на Мари-Франс Тессье-Эшпул избавился от девяноста процентов акций своей фирмы, вложив освободившийся капитал в орбитальную собственность и установки по запуску «шаттлов». Плод живого союза, двоих детей — брата и сестру — вынашивали тем временем суррогатные матери на вилле Мари-Франс в Биаррице.

Тессье-Эшпулы взошли на орбитальный архипелаг и здесь обнаружили, что плоскость эклиптики размечена лишь очень редко разбросанными военными базами и первыми автоматизированными фабриками картелей. И тогда они начали строительство. Первоначально их объединённые капиталы были не больше, чем затраты «Оно-Сендаи» на изготовление одного-единственного процессорного блока в условиях орбитальной станции, но Мари-Франс, проявив неожиданное предпринимательское чутьё и сноровку, создала приносящую колоссальный доход гавань данных для обслуживания потребностей не столь респектабельных секторов международного банковского сообщества. А это, в свою очередь, породило связи с самими банками и их клиентами. Эшпул занимал направо и налево, и стена лунного бетона, которой предстояло стать Фрисайдом, росла и закруглялась, смыкаясь вокруг своих создателей.

Когда разразилась война, Тессье-Эшпулы уже скрылись за этой стеной. Они видели, как вспыхнули и погибли Бонн и Белград. Строительство веретена продолжалось в те три недели войны лишь с незначительными перебоями, хотя в последовавшие за ними десятилетия оцепенения и хаоса эта задача стала гораздо сложнее.

Но дети, Джейн и Жан, теперь уже были с ними. Вилла в Биаррице была продана, чтобы оплатить создание криогенной установки для их нового дома, виллы «Блуждающий огонёк». Первыми жильцами криогенной утробы стали десять пар клонированных эмбрионов: 2-Джейн и 2-Жан, 3-Джейн и 3-Жан… Существовало множество законов, запрещавших или как-то иначе регулировавших искусственное репродуцирование индивидуального генетического материала, но было и столько же

лазеек в хитросплетениях юрисдикции…

Энджи остановила запись и попросила дом вернуться к предыдущему эпизоду. Снова кадры с изображением криогенного устройства, этой утробы Тессье-Эшпулов, созданной швейцарскими инженерами. Она знала, что предположение Беккера о сходстве верно: эти круглые двери из окаймлённого хромом чёрного стекла были центральными образами в воспоминаниях незнакомки, убедительными и тотемными.

Одно изображение сменяло другое. Теперь речь шла о создании сооружений на внутренней поверхности веретена в условиях невесомости. Продвигалось строительство осветительной системы Ладо-Ачесона, преобразующей солнечную энергию, наращивалась атмосфера, создавалась ротационная — за счёт вращения — гравитация… Тут Беккер столкнулся с непреодолимым, на, первый взгляд, препятствием: он обнаружил, что на него свалилось сказочное богатство в виде многих-многих часов блестяще-глянцевой документации. Он ответил на этот вызов яростным, рваным монтажом, напрочь выстригая поверхностный лиризм исходного материала; на экране остались лишь отдельные напряжённые лица измученных рабочих среди неистового улья механизмов. Фрисайд зеленел и расцветал в ускоренном порхании записанных на плёнку восходов и искусственных закатов. Роскошная, запечатанная в бетон и пластик земля, усеянная драгоценными камнями бирюзовых озёр. Тессье и Эшпул выбирались из «Блуждающего огонька», своего тайного дома на кончике веретена, лишь на официальные церемонии. С примечательной отстранённостью обозревали властители ими же созданную страну. Тут Беккер резко сбросил темп и снова принялся за свой одержимый анализ. Вот это — последний раз, когда Мари-Франс взглянула в объектив. Беккер исследует черты её лица в мучительной, растянутой фуге, крупные планы медленно перетекают один в другой в изысканном контрапункте к пульсирующим волнам аудиореверса, прорывающимся на звуковой дорожке сквозь дрейфующие наслоения статических шумов.

Энджи вновь попросила паузу, поднялась с кровати и подошла к окну. Она испытывала странный подъём, пришло неожиданное ощущение силы и внутренней гармонии. Что-то подобное произошло с ней семь лет назад в Нью-Джерси, когда она узнала, что и другим известны те, кто приходил к ней в снах, что они зовут их лоа, Божественными Наездниками, дают им имена, и призывают их, и торгуются с ними о милостях.

И даже тогда не обходилось без путаницы и недоразумений. Бобби, например, утверждал, что Линглессу, оседлавший Бовуа в оумфоре, и Линглессу из матрицы — это различные, не связанные между собой сущности. Если, конечно, первого из них вообще можно считать сущностью.

— Они проделывают это уже более десяти тысяч лет, танцуют, сходят с ума, — говорил он, — твари же из киберпространства — духи, призраки, не важно, что они такое, — обитают там лишь последние лет семь-восемь, не более.

Бобби верил старым ковбоям. Тем, кому он покупал выпивку в «Джентльмене-Неудачнике» всякий раз, когда карьера Энджи приводила их в Муравейник. Старики считали, что лоа появились не так давно, они вроде как новоприбывшие. Старые ковбои жили прошлым, когда решительность и талант были единственными решающими факторами в карьере компьютерного виртуоза. Впрочем, Бовуа возразил бы на это, что для того, чтобы иметь дело с лоа, решительности и таланта требуется не меньше.

— Но они же приходят ко мне, — возражала она. — И мне не нужна дека.

— Это то, что у тебя в голове. То, что сделал твой отец…

Бобби рассказал ей, что старые ковбои сошлись на том, что однажды настал такой день, когда всё изменилось, хотя существовали разногласия относительно того, как и когда.

«Когда Всё Изменилось» — так они называли это событие или этот день, и однажды Бобби заставил Энджи загримироваться и привёл её в «Неудачник», чтобы она сама послушала стариков. Вокруг бара суетились агенты из службы безопасности «Сенснета», которых даже на порог не пустили. То, что охрана осталась за дверью, произвело на неё тогда большее впечатление, нежели разговоры стариков. «Джентльмен-Неудачник» стал баром ковбоев ещё во времена войны, которая ознаменовала рождение новой технологии. Тогда в Муравейнике не было другого места, где криминальные элементы были бы представлены в таком изобилии, — хотя, когда Энджи появилась здесь, это изобилие наводило скорее на мысль, что завсегдатаи бара в большинстве своём давно ушли на покой. В «Неудачнике» уже не толклись крутые ребята из молодых, но некоторые из них приходили сюда послушать.

И вот теперь, в спальне дома в Малибу, Энджи вспомнила эти истории о том, «Когда Всё Изменилось», понимая, что какая-то часть её сознания мучительно пытается найти место стариковским байкам и воспоминаниям в коллаже из обрывков её собственной жизни и истории семейства Тессье-Эшпулов.

3-Джейн была нитью накаливания, Тессье-Эшпулы — слоем нагара. Дата её рождения была официально зарегистрирована тем же днём, что и рождение девятнадцати её клонированных братьев и сестёр-близнецов. «Расследование» Беккера стало ещё более нервозным, когда 3-Джейн была выношена в чреве очередной суррогатной матери и вышла на свет посредством кесарева сечения в хирургическом отсеке «Блуждающего огонька». Критики соглашались: 3-Джейн явилась для Беккера чем-то вроде спускового крючка. С рождением 3-Джейн фокус документального фильма незаметно сместился, являя новое усиление напряжённости, прогрессию одержимости — как бы некое чувство греха, что отмечал не один критик.

3-Джейн стала центром внимания, капризной жилкой золота в гранитном массиве семьи. «Нет, — подумала Энджи, — серебра, тусклого и сумасбродного». Изучая снимок 3-Джейн и двух её сестёр, сделанный китайским туристом у озера возле какого-то отеля во Фрисайде, Беккер неизменно возвращается к глазам 3-Джейн, рассматривает выемку ключицы, хрупкие запястья. Физически сёстры совершенно идентичны, и всё же нечто выделяет 3-Джейн. И попытка Беккера докопаться до природы этой особенности превращается в основной посыл всего фильма.

По мере того как расширяется архипелаг, Фрисайд процветает. Банковский узел, публичный дом, гавань данных, нейтральная территория для воюющих корпораций — веретено начинает играть всё более сложную роль в истории высокой орбиты; тем временем владельцы «Тессье-Эшпул СА» скрываются ещё за одну стену, на этот раз — дочерних корпораций. Имя Мари-Франс ненадолго всплывает в связи с разбирательством в женевском патентном суде по поводу определённых достижений в области создания искусственного интеллекта. Впервые и только на короткое время достоянием общественности становится информация о массированных вложениях Тессье-Эшпулов в исследования в этом направлении. И вновь семейство проявляет свою своеобразную способность исчезать из виду, вступая в ещё один период забвения, тот, что окончится лишь со смертью Мари-Франс.

Постоянно будут ходить слухи об убийстве, но любая попытка расследования натолкнётся на богатство и изолированность клана, на сложное переплетение их финансовых и политических связей.

Вторично просматривая фильм Беккера, Энджи уже знала личность убийцы Мари-Франс Тессье.

На рассвете, не зажигая на кухне свет, она приготовила себе

кофе и села смотреть на бледную линию прибоя.

— Континьюити.

— Здравствуй, Энджи.

— Ты знаешь, как связаться с Гансом Беккером?

— У меня есть номер телефона его агента в Париже.

— Беккер что-нибудь снял после «Антарктики»?

— Насколько мне известно, ничего.

— А как давно это было?

— Пять лет назад.

— Спасибо.

— Пожалуйста, Энджи.

— До свидания.

— До свидания, Энджи.

Уж не считал ли Ганс Беккер, что З-Джейн повинна в смерти Эшпула? Казалось, он каким-то окольным путём внушал эту мысль.

— Континьюити.

— Здравствуй, Энджи.

— Фольклор компьютерных жокеев, Континьюити. Что ты об этом знаешь?

Интересно, что подумает Свифт, спросила она себя.

— Что бы тебе хотелось знать, Энджи?

— «Когда Всё Изменилось»…

— Архетип мифа встречается обычно в одной из двух версий. Одна версия предполагает, что матрица киберпространства населена — или, скорее, посещаема — некими существами, чьи характеристики соответствуют первичному архетипу «скрытого народа». Другая основана на предположении о вездесущности, всесильности и непостижимости самой матрицы.

— То есть, что матрица есть Бог?

— Можно сказать и так, хотя в рамках архетипа точнее было бы говорить о том, что у матрицы есть Бог, поскольку вездесущность и всесильность этого существа ограничивается матрицей.

— Если у него есть ограничения, он не всесилен.

— Вот именно. Обрати внимание на то, что архетип не наделяет его бессмертием, что обычно присуще религиозным системам, основанным на вере в высшее существо, — по крайней мере, в рамках именно вашей культуры. Киберпространство существует — если, конечно, можно употребить слово «существует» — лишь благодаря деятельности людей.

— Как ты.

— Да.

Энджи вернулась в гостиную, где в сером рассветном свете

очертания кресел эпохи Людовика XVI стали чем-то похожи на скелеты: их изогнутые ножки напоминали позолоченные кости.

— Если бы подобное существо имелось в действительности, — спросила она, — ты был бы его частью, так?

— Да.

— И ты знал бы об этом?

— Не обязательно.

— Ты знаешь?

— Нет.

— Ты исключаешь такую возможность?

— Нет.

— Тебе не кажется, что это довольно странный разговор, Континьюити?

Её щёки были мокрыми от слёз, хотя она и не заметила, когда они начали течь.

— Нет.

— Как вписываются истории о… — Она помедлила, едва не сказав слово «лоа». — О существах в матрице… как они уживаются с представлением об этом сверхсуществе?

— Никак. И то и другое — лишь версии события, известного как «Когда Всё Изменилось». И та и другая версии очень недавнего происхождения.

— Точнее?

— Приблизительно пятнадцать лет.

Глава 17
Сваливаем!

Девочка проснулась, почувствовав, что рот ей зажимает холодная ладонь Салли. Другая рука жестом призывала к молчанию.

Горели мелкие лампочки, встроенные в зеркало с золотыми искорками. Одна из её сумок была открыта и стояла в ногах гигантской кровати, рядом с ней — аккуратная стопка одежды.

Салли прикоснулась указательным пальцем к плотно сжатым губам, потом жестом указала на одежду и чемодан.

Кумико выскользнула из-под пухового одеяла и, спасаясь от холода, натянула свитер. Снова взглянув на Салли, она заколебалась, не заговорить ли ей вслух. «Что бы это ни было, — подумала она, — достаточно одного слова, чтобы появился Петал». Салли была одета так же, как в последний раз, когда Кумико её видела: дублёнка с барашковым воротником, под подбородком завязан клетчатый шарф. Она повторила жест: собирай вещи.

Быстро одевшись, Кумико начала складывать вещи в саквояж. Салли беспокойно, но и бесшумно ходила по комнате, открывала и закрывала ящик за ящиком. Отыскав паспорт Кумико, чёрную пластиковую табличку на нейлоновом шнурке с рельефной золотой хризантемой, она повесила её на шею девочке. Потом скрылась в фанерной каморке, чтобы появиться с замшевым несессером в руках с туалетными принадлежностями Кумико.

Когда Кумико застёгивала саквояж, зазвонил золочёный антикварный телефон.

Салли проигнорировала звонок, взяла с постели чемодан, открыла дверь и, схватив Кумико за руку, потянула её в тёмный холл. Отпустив её руку, Салли прикрыла за ними дверь, заглушив телефон и оставив их в полной темноте. Кумико позволила провести себя к лифту — его она узнала по запаху масла и полироля, позвякиванию металлической решётчатой двери.

Лифт пошёл вниз.

В ярко освещённой прихожей их ждал Петал, закутанный в необъятных размеров выцветший шерстяной халат. На Петале были всё те же рваные шлёпанцы, выглядывающие из-под халата ноги казались неестественно белыми. В руках у него был пистолет — тупорылое оружие отблёскивало тускло-чёрным.

— Чёрт побери, — увидев их, мягко проговорил он, — это ещё что такое?

— Она поедет со мной, — бросила Салли.

— Это, — медленно произнёс англичанин, — совершенно невозможно.

— Куми, — Салли легонько подтолкнула девочку в спину, выпроваживая её из лифта, — нас ждёт машина.

— Ты не можешь так поступить, — сказал Петал. Но Кумико почувствовала, что он растерян.

— Тогда пристрели меня, мать твою.

Петал опустил пистолет.

— Это меня чёртов Суэйн пристрелит, если всё выйдет по-твоему, можешь мне поверить.

— Будь он здесь, он оказался бы в таком же положении, не так ли?

— Пожалуйста, — попросил Петал, — не надо.

— Не волнуйся, с ней всё будет в порядке. Открой дверь.

— Салли, — спросила Кумико, — куда мы едем?

— В Муравейник.

…И проснулась снова, чтобы понять, что дремала, пригревшись под Саллиной дублёнкой, убаюканная мягкой вибрацией сверхзвукового полёта. Кумико вспомнила огромную низкую машину, которая ждала их на подъездной аллее. Когда они с Салли вышли на тротуар, с фасадов домов Суэйна вырвались лучи прожекторов. В окне машины мелькнуло залитое потом лицо Тика. Салли рывком распахнула дверь и втолкнула девочку внутрь. Тик тихонько и без умолку чертыхался всё то время, пока машина набирала скорость; жалобно взвизгнули шины, когда он слишком резко свернул на Кенсингтон-Парк-роуд. Салли посоветовала ему сбросить скорость и отдать управление самой машине.

Только тут, в машине, Кумико вспомнила, что положила модуль «Маас-Неотек» на место — в тайник за мраморным бюстом. Со всеми своими лисьими повадками и курткой, протёртой на локтях, как и шлёпанцы Петала, Колин остался позади — теперь всего лишь призрак, чем он, в сущности, на самом деле и был.

— Сорок минут, — сказала Салли с соседнего кресла. — Хорошо, что ты поспала. Скоро нам принесут завтрак. Помнишь, на какое имя у тебя паспорт? Прекрасно. А теперь не задавай мне никаких вопросов, пока я не выпью кофе, идёт?

Кумико знала Муравейник по тысячам стимов. Повальное увлечение этим необъятным городским конгломератом стало в последнее время характерной чертой японской массовой

культуры.

У Кумико было некоторое представление об Англии ещё до того, как она туда попала: смутные образы каких-то знаменитых сооружений, неотчётливое представление об обществе, которое её собственное, похоже, считало эксцентричным и застойным. (В сказках её матери принцесса-балерина всегда с удивлением обнаруживала, что англичанам её танцы не по карману). Однако Лондон во многом оказался совсем другим, нежели она ожидала, — её поразили энергия города, его очевидное изобилие, а суета и великолепие больших торговых улиц сильно напомнили Гинзу.

Девочка считала, что и о Муравейнике она знает немало, но и это убеждение развеялось в первые же часы, прошедшие после посадки их самолёта.

Они с Салли стояли в очереди других пассажиров посреди огромного гулкого зала таможни, потолок которого уходил куда-то во тьму. Эту тьму через равные промежутки прорывали бледные сферы света. Вокруг шаров, несмотря на то что стояла зима, клубился рой мошкары, как будто здание обладало собственным климатом. Но пока ещё это был Муравейник из стимов, каким она его себе представляла. Чувственно-электрический фон для проигрываемых при ускоренной перемотке жизней Анджелы Митчелл и Робина Ланье.

Прошли таможню. Сам досмотр, несмотря на бесконечное ожидание в очереди, заключался в том, что её паспорт пропустили сквозь грязную на вид металлическую прорезь. И дальше — в сумасшедшую суету на бетонной платформе, где багажные роботележки медленно бороздили толпу, которая галдела и напирала, осаждая наземный транспорт.

Кто-то взял у неё сумку. Протянул руку и взял с уверенностью, которая говорила, что этот человек просто выполняет привычную обязанность, как, скажем, молодые женщины, поклонами приветствующие покупателей в дверях крупных универмагов Токио. А Салли вдруг ударила его ногой. Ударила под колено, стремительно и плавно развернувшись на месте, как таиландская боксёрка в бильярдной Суэйна. Выхватила сумку ещё до того, как затылок незнакомца с резким стуком ударился о грязный бетон.

Салли потянула девочку за собой, не дожидаясь, когда над неподвижной фигурой сомкнётся толпа. Это вспышка насилия, со стороны выглядевшая так небрежно, могла бы показаться сном — если бы не улыбка Салли, первая с тех самых пор, как они вылетели из Лондона.

Чувствуя себя не в своей тарелке, сбитая с толку Кумико

безвольно смотрела, как Салли производит осмотр имеющихся машин. А та быстро дала взятку диспетчеру, нагнала страху на очередь — и затолкала девочку в потрёпанный ховер в косую чёрно-жёлтую полоску. Отделение для пассажиров было голым и выглядело исключительно неудобным. Водитель, если он вообще был, оставался невидимым за изогнутой перегородкой из пластиковой брони. Из того места, где перегородка смыкалась со стенкой, торчал объектив видеокамеры, вокруг которого кто-то нарисовал мужской торс: объектив выступал в роли фаллоса. Когда Салли, забравшись внутрь, захлопнула за собой дверцу, динамик проскрежетал что-то вовсе уж неразборчивое. Кумико решила, что это какой-нибудь диалект английского.

— Манхэттен, — приказала Салли. Она достала из куртки пачку бумажных денег и, развернув веером, помахала ею перед камерой. Динамик вопросительно затрещал.

— В центр. Скажу, где остановиться.

Юбка воздушной подушки надулась, свет в пассажирском отделении погас, и они тронулись в путь.

Глава 18
Тюремный срок

Он на чердаке у Джентри. Смотрит, как Черри нянчится с ковбоем. Черри, сидящая на краю кровати, поворачивается к нему.

— Как ты, Слик?

— В порядке… я в порядке.

— Ты помнишь, что я тебя об этом уже спрашивала?

Он смотрит в лицо человека, которого Малыш Африка называл Графом. Черри возится с чем-то у надстройки в изголовье носилок, с какой-то капельницей; в ней — жидкость цвета овсянки.

— Как ты себя чувствуешь, Слик?

— Нормально.

— Никакое не нормально. Ты всегда отве…

Он сидит на полу на чердаке у Джентри. Лицо мокрое. Рядом с ним — Черри; она стоит на коленях, очень близко, её руки у него на плечах.

— Ты сидел?

Он кивает.

— В блоке химнаказаний?

— Да…

— Индуцированный синдром Корсакова?

— Он…

— Фрагментами? — спрашивает его Черри.

Слик сидит на полу на чердаке у Джентри. А где сам Джентри?

— Ты помнишь всё фрагментами, не так ли? А кратковременные воспоминания исчезают напрочь?

Откуда она это знает? И где Джентри?

— А что срабатывает как переключатель?

— Что включает синдром, Слик? Что с тобой делали в тюрьме?

Он сидит на полу на чердаке у Джентри; Черри чуть ли не уселась на него верхом.

— Стресс, — выдавливает он, удивляясь, откуда она это знает. — Где Джентри?

— Я уложила его в постель.

— Почему?

— Отрубился, увидев ту штуку…

— Какую?

Черри вдавливает в его запястье розовый дерм.

— Это сильный транк, — говорит она. — Может, он выведет тебя из этого…

— Из чего?

Она вздыхает.

— Не важно.

Он просыпается в постели с Черри Честерфилд. Он полностью одет, за исключением куртки и ботинок. Вставший член, прижавшись к тёплой джинсовой ткани над задницей Черри, попал в ловушку за пряжкой ремня.

«Даже не думай».

Зимний свет сквозь залатанное окно, и если откроешь рот — белым облачком вылетает дыхание.

«Что случилось? И почему в комнате так холодно?»

Он вспоминает вопль Джентри, когда серое нечто устремилось на него…

Слик поспешно садится.

— Потише, — говорит Черри, перекатываясь на спину. — Ляг. Не знаю, что это было, что вызвало срыв.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ложись обратно. Забирайся под одеяло. Хочешь совсем замёрзнуть?

Он слушается.

— Ты был в тюрьме, так? В блоке химнаказаний?

— Да… А ты откуда знаешь?

— Ты же сам мне и сказал. Прошлой ночью. Ты говорил, что стресс способен вызвать возврат к прошлому. Так оно и случилось. Это нечто прыгнуло на твоего приятеля, ты бросился к рубильнику, отключил стол. Джентри упал и разбил себе голову. Я бинтовала рану, когда заметила, что с тобой творится что-то неладное. Сообразила, что у тебя ряд последовательных воспоминаний — только минут на пять в одном интервале. Такое бывает при стрессе или иногда при контузии…

— Где он? Джентри?

— В своей кровати, напичкан транками под завязку. Учитывая то, в каком он состоянии, я решила, что денёк сна ему не помешает. Во всяком случае, это на время снимет его с нашей шеи.

Слик закрыл глаза и вновь увидел перед собой серое нечто, набросившееся на Джентри. Человекообразное или, скорее, похожее на обезьяну. Оно ничем не напоминало те завивающиеся спиралью образы, какие генерировали устройства Джентри в его предыдущих поисках Образа.

— Думаю, у вас здесь кончилось электричество, — сказала Черри. — Свет погас часов шесть назад.

Слик открыл глаза. Холодно. Джентри не успел добраться до консоли, чтобы свершить свой обычный ритуал. Слик застонал.

Оставив Черри готовить на газовой плитке кофе, Слик отправился на поиски Пташки. Нашёл он его по запаху дыма. Пташка развёл костёр в какой-то железной посудине и заснул, свернувшись вокруг неё по-собачьи.

— Эй, — позвал его Слик, легонько подталкивая парнишку носком сапога, — вставай. У нас проблемы.

— Долбаный ток кончился, — пробормотал тот в ответ, садясь в засаленном спальном мешке, таком же грязном, как пол в цеху Фабрики.

— Я это заметил. Это проблема номер один. Проблема номер два — нам нужен грузовик или ховер, или что-то вроде того. Нужно убрать отсюда этого парня. Иначе Джентри совсем посыпется.

— Но Джентри ведь единственный, кто может добыть ток. — Пташка, поёживаясь, поднялся на ноги.

— Джентри спит. У кого есть фургон?

— У Марви, — выдавил Пташка и провалился в сотрясающий приступ кашля.

— Возьми мотоцикл Джентри. Привезёшь его потом обратно в фургоне. Двигай.

Пташка кое-как справился с приступом:

— Не бздишь?

— Ты ведь знаешь, как на нём ездить?

— Да, но Джентри, он…

— Предоставь это мне. Ты знаешь, где он держит запасной ключ?

— Ну… да, — пугливо протянул Пташка. — Скажи, — спросил он, — а что, если Марви не захочет дать мне фургон?

— Дашь ему вот это, — сказал Слик, вытаскивая из кармана «зиплок» с наркотиками. Его забрала у Джентри Черри, перевязав тому голову. — Отдай ему всё, ты меня понял? Чтобы потом не тянуло.

Бипер Черри подал голос, когда они, приткнувшись друг к

другу на краю кровати в комнате Слика, пили кофе. Слик, отвечая на её вопросы, рассказывал ей что знал о синдроме Корсакова Он никому об этом по-настоящему не рассказывал, и странно — как мало на самом деле он знал. Он рассказал ей о предыдущих провалах в прошлое, потом попытался объяснить, как работала эта система в тюрьме. Фокус был в том, что долгосрочная память у тебя сохраняется до того момента, пока тебя не подсаживают на препарат. В общем, сначала заключённых натаскивают что-то делать, пока не начался основной срок — и потому они уже не могут забыть, что и как нужно делать. Правда, делают они в основном то, с чем и роботы бы управились. Слика натаскивали собирать миниатюрные цепные передачи. Как только он стал укладываться в пять минут, пошёл срок.

— И больше они с тобой ничего не делали? — спросила она.

— Только эти цепные передачи.

— Нет, я имею в виду нечто вроде замков, ловушек в мозгу.

Он посмотрел на неё. Язва на губе у девушки почти зажила.

— Если они что-то и делают, то тебе об этом не сообщают, — сказал он.

И тут в одной из её курток застрекотал бипер.

— Что-то стряслось, — сказала она, поспешно вскакивая с кровати.

Джентри стоял на коленях возле носилок с чем-то чёрным в руках. Черри выхватила у него эту штуковину, прежде чем он успел хотя бы пошевелиться. Джентри не двинулся с места, недоумённо щурясь на девушку.

— Это сколько же нужно, чтобы тебя вырубить, мистер? — Она протянула Слику чёрный предмет, оказавшийся камерой для проверки сетчатки глаза.

— Нам нужно выяснить, кто он, — сказал Джентри.

Его голос был хриплым и низким от большого количества транков, которые Черри ему вкатила, но Слик почувствовал, что страшная грань безумия отступила.

— Идиот, — кипятилась Черри, — ты даже не знаешь, те ли у него глаза, что были год назад!

Джентри коснулся повязки на виске.

— Вы это тоже видели, правда?

— Да, — ответила Черри, — и Слик эту штуку отключил.

— Всё дело в шоке, — объяснил Джентри. — Я и вообразить себе не мог… Но никакой реальной опасности. Я был просто не готов…

— Ты просто выскочил из своего чёртова черепа, — сказала Черри.

Джентри нетвёрдо поднялся на ноги.

— Он уезжает, — сказал Слик. — Я послал Пташку одолжить фургон. Не нравится мне всё это.

Черри уставилась на него в упор.

— Куда уезжает? Мне придётся ехать с ним. Это моя работа.

— Я знаю одно место, — соврал Слик. — У нас электричество кончилось, Джентри.

— Ты не можешь отвезти его незнамо куда, — сказал Джентри.

— Ещё как могу.

— Нет. — Джентри слегка качнуло. — Он остаётся. Переходники уже на месте. Я не стану его больше беспокоить. Черри может остаться здесь.

— Тогда тебе придётся хотя бы в двух словах объяснить, что это за хреновина, Джентри, — сказал Слик.

— Для начала, — Джентри указал на предмет над головой Графа, — это не «низкочастотник», не «Эл-Эф». Это — «алеф».

Глава 19
Под ножом

Какой, к чёрту, отель! Он тонет в марше смерти наркотической ломки. Прайор вводит её в вестибюль, а японские туристы уже встали и теперь толпятся вокруг скучающих гидов. Шаг, ещё шаг, одна нога, другая нога, а голова такая тяжёлая, будто кто-то просверлил в макушке дыру и залил туда полфунта свинца, и зубы во рту будто чужие — слишком велики. Дополнительная перегрузка тронувшегося вверх лифта вдавливает в пол — Мона без сил приваливается к стенке.

— Где Эдди?

— Эдди уехал, Мона.

С трудом разомкнула веки, глаза широко распахнулись. Сфокусировала взгляд и увидела, что он, ублюдок, ещё и улыбается.

— Что?

— Эдди заплачено. Ему всё компенсировали. Он уже на пути в Макао с солидным кредитом в кармане. Этакий милый игорный пикничок.

— Компенсировали?

— Его вложения. В тебя. За всё время.

— За всё время?

Дверь скользит в сторону, открывая устланный синим ковром коридор.

И что-то обваливается холодным комом в груди — Эдди ведь ненавидит азартные игры.

— Ты теперь работаешь на нас, Мона. И нам бы очень не хотелось, чтобы ты снова ушла без спросу.

«Но ты же хотел, — думала она, — ты же отпустил меня. И знал, где меня искать».

Эдди больше нет… уехал…

Мона не помнила, как заснула. На ней всё ещё была куртка Майкла, теперь подоткнутая под плечи, как одеяло. Даже не поворачивая головы, Мона видела угол здания с фасадом в виде горного склона, но снежного барана там не было.

Стимы Энджи были запаяны в пластик. Взяв один наугад, Мона поддела упаковку ногтем большого пальца, вставила кассету в прорезь и надела троды. Она ни о чём не думала, руки, казалось, сами знали, что делать — добрые маленькие зверьки, которые никогда не обидят. Один из них коснулся клавиши

«PLAY», и Мона перенеслась в мир Энджи, чистый и безупречный, как любой хороший наркотик… Медленный саксофон, лимузин плывёт по какому-то европейскому городу… круговерть улиц, машина без водителя, широкие проспекты предрассветно чисты и безлюдны, прикосновение меха к плечам. И катить, катить по прямой дороге через плоские поля, окаймлённые совершенными, одинаковыми деревьями.

А затем поворот, шорох шин по расчёсанному граблями гравию, потом вверх по подъездной аллее — через парк, где серебрится роса, где стоит железный олень, а рядом — мокрый торс из белого мрамора… Дом огромен и стар, не похож ни на один из тех, какие она видела раньше. Но машина проплывает мимо, проезжает ещё несколько строений поменьше и выезжает наконец на край широкого ровного поля.

Там бьются на привязи планеры, прозрачная плёнка туго натянута на хрупкие с виду полиуглеродные рамы. Планеры слегка подрагивают на утреннем ветерке. А рядом с ними её ждёт Робин Ланье, красивый раскованный Робин в чёрном свитере грубой вязки — он играет партнёра Энджи почти во всех её стимах.

И вот она выходит из машины, ступает на траву, смеётся, когда высокие шпильки сразу же увязают. И остаток пути до Робина — с туфлями в руках, улыбаясь; последний шаг — в его объятия, в его запах, в его глаза.

Ощущения закручиваются вихрем в монтажном танце, который в одну секунду ужимает посадку в планер по серебристой лесенке, — и вот они уже мягко скользят по траве через всё поле. Затем взмывают вверх, зависают на мгновение, чтобы поймать ветер… Всё выше и выше, пока огромный дом не превращается в прямоугольный камушек в зелёной пелене, прорезанной тусклым серебром речной излучины…

…и Прайор с рукой на клавише «СТОП». От запаха еды с тележки возле кровати у Моны сводит желудок. Тупая тошнотворная боль ломает каждый сустав.

— Поешь, — доносится голос Прайора. — Мы скоро уезжаем.

Он поднял металлическую крышку с одного из блюд.

— Фирменный сэндвич, — сказал он, — кофе, пирожные. Это предписание врача. Попав в клинику, ты какое-то время не сможешь есть.

— В клинику?

— К Джеральду. Это в Балтиморе.

— Зачем?

— Джеральд — хирург-косметолог. Над тобой немного поработают. Если захочешь, всё это потом можно будет вернуть

обратно, но нам кажется, тебя обрадуют результаты, очень обрадуют. — Опять эта улыбка. — Мона, тебе когда-нибудь раньше говорили, насколько ты похожа на Энджи?

Мона подняла на него глаза, но ничего не ответила. С трудом села, чтобы выпить немного водянистого чёрного кофе. Не смогла заставить себя даже взглянуть на сэндвич, но съела одно из пирожных. Вкус у него был картонный.

Балтимора. Чёрт его знает, где это.

А планер навсегда завис над приручённой зелёной страной, мех на плечах, и Энджи, должно быть, всё ещё там, смеётся…

Час спустя, в вестибюле, пока Прайор подписывал счёт, Мона случайно увидела, как мимо на багажной роботележке проезжают знакомые чемоданы из кожи клонированных крокодилов. В этот момент она отчётливо осознала, что Эдди мёртв.

Место, которое Прайор назвал Балтиморой. На вывеске — надпись, выведенная старомодными заглавными буквами. Офис Джеральда располагался на четвёртом этаже блочного кондо. Это было одно из тех зданий, где строится лишь каркас, а обитатели — жильцы или коммерсанты — привозят собственные модули и оборудование. Похоже на многоэтажный кемпинг для трейлеров, только повсюду провода, оптоволоконные кабели, шланги канализации и водоснабжения.

— Что там написано? — спросила она Прайора.

— Джеральд Чин, дантист.

— Ты же говорил, что он — хирург-косметолог.

— Так оно и есть.

— А почему нельзя просто пойти в больницу, как все остальные?

Он не ответил.

Она теперь и вправду мало что чувствовала и даже отчасти понимала, что не так испугана, как надо бы. Впрочем, может, это не так уж и плохо, потому что если она по-настоящему испугается, то ничего не сможет предпринять, а ей определённо хотелось выпутаться из этой истории. В машине по дороге сюда она обнаружила в кармане куртки Майкла какой-то предмет. Десять минут ушло у неё на то, чтобы сообразить, что это шокер, такой обычно носят при себе особо дёрганые пиджаки. На ощупь он напоминал ручку отвёртки с парой тупых металлических рожек там, где у отвёртки находится рабочий конец. Заряжался он, должно быть, от настенной розетки, и оставалось только надеяться, что Майкл держал его заряженным. Тут Мона сообразила, что Прайор, скорее всего, не знает о существовании

шокера. Обычно такие игрушки вполне легальны, поскольку считается, что ими нельзя нанести непоправимый вред, но Ланетта знала девчонку, которую однажды основательно обработали такой вот штукой — и она уже так никогда и не поправилась.

Если Прайор не знает, что у неё в кармане шокер, значит, ему не всё на свете известно, а ведь он специально делает ставку на то, чтобы заставить её поверить в его всеведение. Опять же, он ведь не знал, насколько Эдди ненавидит азартные игры.

И к Эдди она особых чувств не испытывала, разве что по-прежнему была уверена, что он мёртв. Сколько бы ему ни всучили, он бы всё равно не бросил свои чемоданы. Даже если бы пошёл покупать новые шмотки, чтобы сменить прикид. Эдди ни о чём так не заботился, как об одежде. А эти крокодиловые чемоданы вообще были особенными: он купил их у гостиничного вора в Орландо, и они, судя по всему, напоминали ему что-то, что он оставил дома. Если вдуматься, трудно себе представить, чтобы Эдди вообще купился на какие-то — пусть даже очень большие — отступные, потому что сильнее всего на свете ему хотелось поучаствовать в какой-нибудь крупной игре. Он считал, что, как только это случится, люди начнут воспринимать его всерьёз.

Вот и дождался — наконец кто-то воспринял его всерьёз, подумала Мона, когда Прайор вносил её сумку в клинику Джеральда. Только совсем не так, как хотелось Эдди.

Мона оглядела двадцатилетней давности пластиковую мебель, кипы журналов со звёздами симстима и японским текстом. Казалось, Джеральд содержал парикмахерскую. Только никакие клиенты в приёмной не ждали, и за регистрационным столиком тоже никого не было.

Тут через белую дверь вошёл Джеральд, одетый во что-то вроде комбинезона из жёсткой складчатой фольги, подобного тем, какие носят санитары «скорой помощи», выезжающие на дорожные аварии.

— Запри дверь, — бросил он Прайору сквозь синюю бумажную маску, закрывающую нижнюю половину лица. — Привет, Мона. Если ты пройдёшь сюда… — Он жестом указал на белую дверь.

Она в отчаянии сжала в руке шокер, но не знала, как его включить.

Ничего не оставалось, кроме как последовать за Джеральдом. Шествие замыкал Прайор.

— Присядь, — предложил Джеральд. Она села на белый эмалированный стул. Джеральд подошёл ближе, заглянул ей в глаза.

— Тебе надо отдохнуть, Мона. Ты устала, совсем измучена.

На ручке шокера — ребристый рычажок. Нажать? Сдвинуть вперёд? Назад?

Джеральд отошёл к белому шкафчику со множеством ящиков, что-то вынул.

— Вот, — сказал он, направляя на неё какой-то цилиндрик с надписью на боку, — это тебе поможет…

Она почти не ощутила прикосновения струи мельчайших аэрозольных брызг. Чёрная дырочка на баллончике — то самое место, на котором стремился сфокусироваться её взгляд — начала расти, расти…

Она вспомнила, как старик показывал ей, как убивать сома. У рыбины есть такое отверстие в черепе, прикрытое только кожей. Нужно взять что-нибудь тоненькое и острое, проволоку, например, подойдёт даже прут из веника, и просто проткнуть…

Мона вспомнила Кливленд, обычный день перед работой. Она сидит у Ланетты, листает журнал. Нашла снимок Энджи: звезда смеётся в ресторане с какими-то людьми, все так красивы, и кажется, будто от них исходит сияние. На снимке никакого сияния, конечно, нет, но ты знаешь, что оно есть, ты его просто чувствуешь. «Взгляни, — говорит она Ланетте, показывая снимок, — от них как будто сияние исходит».

— Это называется деньги, — отвечает Ланетта.

Это называется деньги. Просто проткнуть.

Глава 20
Хилтон Свифт

Хилтон — впрочем, как и всегда — прибыл один и без предупреждения. Похожий на одинокую, залетевшую сюда случайно осу вертолёт «Сенснета» приземлился на пляже, разметав по мокрому песку плети водорослей.

Стоя у изъеденных ржавчиной перил, она смотрела, как Свифт спрыгивает на землю — что-то мальчишеское сквозило в том, как он едва не споткнулся от своей неуёмной прыти. Коричневое твидовое пальто нараспашку открывало безупречную чистоту полосатой, как карамелька, рубашки; поднятый пропеллером ветер трепал русые волосы и галстук с эмблемками «Сенснета». Робин прав, решила она, Хилтон действительно выглядит так, как будто его одевает мамочка.

«Возможно, это просчитанный имидж, — думала Энджи, пока, увязая в песке, продюсер карабкался вверх по пляжу, — наигранная наивность». Она вспомнила, как однажды Порфир развивал теорию о том, что крупные корпорации на самом деле никак не зависят от отдельных человеческих единиц, составляющих их тело. Энджи это казалось само собой разумеющимся, но парикмахер настаивал, что она не улавливает основной его предпосылки. Свифт был самой значительной из этих «человеческих единиц» Порфира, наделённых властью принимать решения в «Сенснете».

Мысль о Порфире заставила её улыбнуться. Свифт же, приняв это за приветствие, в ответ просиял от радости.

Он предложил ей ленч в Сан-Франциско: мол, на служебном вертолёте они домчат туда в момент. Она отказалась, настояв на том, чтобы приготовить ему миску чудного швейцарского супа и разморозить в микроволновке кубик ржаной водки.

Глядя, как Хилтон ест, Энджи задумалась о его сексуальной жизни. Несмотря на то что ему было далеко за тридцать, продюсер производил впечатление мальчика-вундеркинда, не достигшего половой зрелости. Возникавшие время от времени слухи приписывали ему по очереди все возможные из известных сексуальных наклонностей и ещё несколько, которые, по её мнению, существовали лишь в воображении сплетников. Всё это казалось Энджи маловероятным. Она знала Свифта с тех пор, как попала в «Сенснет». Когда она появилась, он уже успел упрочить своё положение в верхних эшелонах производства, был одним из

воротил в команде Тэлли Ишэм. Естественно, что такой человек не мог не проявить профессиональный интерес к дебютантке. Если вдуматься, то это, пожалуй, Легба подсунул её продюсеру: взлёт её карьеры был слишком уж очевиден, хотя сама она тогда, наверное, могла и не понимать этого, оглушённая блеском и постоянной сменой статистов и декораций на подмостках «Сенснета».

Бобби, который тут же решил, что ему этот человек не нравится, ощетинился врождённой враждебностью барритаунца по отношению к любой власти. Но ему удавалось это скрывать ради её карьеры. Свифт же встретил их разрыв и отъезд Бобби с явным облегчением.

— Хилтон, — сказала Энджи, наливая ему чашку чая на травах, который он предпочитал кофе, — что может задерживать Робина в Лондоне?

Свифт поднял глаза от дымящейся чашки.

— Думаю, что-то личное. Может, нашёл себе нового друга.

Для Хилтона Бобби всегда был «другом» Энджи. «Друзья» же Робина имели тенденцию оказываться молодыми атлетами. Сглаженные эротические эпизоды в их стимах с Робином монтировались из дополнительного метража, подготовленного Континьюити, который потом основательно обрабатывали Рэбел и его команда по спецэффектам. Энджи вдруг вспомнила ночь, которую они с Робином провели вместе в каком-то доме на южном побережье Мадагаскара, его пассивность и его терпение, ветер, бьющийся в стену дома. Это была первая и последняя их попытка, и Энджи подозревала, что Робин просто боится, что физическая близость развеет иллюзию, которую с таким совершенством проецировал стим.

— Как он отнёсся к моему решению лечиться? Он тебе что-нибудь говорил, Хилтон?

— Думаю, он в восторге.

— А мне передали, будто он рассказывает всем и каждому, что я сумасшедшая.

Хилтон закатал рукава полосатой рубашки и распустил галстук.

— Да у Робина даже в мыслях такого не может быть, не то что на языке. Я знаю, как высоко он тебя ценит. А слухи, они и есть слухи. У нас в «Сенснете»…

— Хилтон, где Бобби?

Взгляд его карих глаз будто остановился.

— А разве с этим не покончено, Энджи?

— Хилтон, ты знаешь. Ты должен знать. Тебе положено знать такие вещи. Скажи мне.

— Мы его потеряли.

— Потеряли?

— Его потеряла служба безопасности. Ты права, конечно: после того как он тебя оставил, за ним, насколько это было возможно, велось тщательное наблюдение. Он вернулся к прежнему образу жизни, — сказал Свифт с оттенком удовлетворения.

— И что же это за образ?

— Я никогда не спрашивал, что вас свело, — ответил продюсер. — Естественно, служба безопасности провела расследование в отношении вас обоих. Он был мелким преступником.

Энджи рассмеялась:

— Он даже на такое не тянул…

— Для человека ниоткуда, Энджи, у тебя были исключительно ловкие агенты, настоящие профессионалы. Тебе ведь известно, что ключевым условием твоего контракта было включение в команду Бобби Ньюмарка.

— Бывали и более странные условия, Хилтон.

— И он получал оклад, как твой… компаньон.

— Мой друг.

Неужто Свифт действительно покраснел? Он отвёл глаза и уставился на свои руки.

— Оставив тебя, он уехал в Мексику, точнее — в Мехико-Сити. Естественно, служба безопасности отслеживала все его передвижения. Мы не любим терять из виду тех, кто слишком много знает о личной жизни наших звёзд. Мехико… там всё очень запутано… Мы точно знаем, что он, судя по всему, пытался вернуться к своей предыдущей… карьере.

— Делать деньги на информации, мошенничать через киберпространство?

Он снова поднял на неё глаза.

— Он встречался с кое-какими людьми, промышляющими в этой области, известными преступниками.

— И?.. Продолжай.

— Потом он… словно растворился. Исчез. Ты хоть как-то представляешь себе, что такое Мехико-Сити для тех, кто соскользнул за черту бедности?

— А он нуждался?

— Он стал наркоманом. Согласно самым надёжным нашим источникам.

— Наркоманом? И что же он потреблял?

— Я не знаю.

— Континьюити!

Хилтон едва не пролил чай.

— Здравствуй, Энджи.

— Бобби, Континьюити. Бобби Ньюмарк, мой друг, — глядя в упор на Свифта. — Он уехал в Мехико-Сити. Хилтон говорит, что он там подсел на что-то. Наркотик, Континьюити?

— Извини, Энджи. Это засекреченная информация.

— Хилтон!

— Континьюити, — начал было тот, но закашлялся.

— Здравствуй, Хилтон.

— Служебный канал, Континьюити. У нас имеется такая информация?

— Источники службы безопасности описывают пристрастие Ньюмарка как нейроэлектронное.

— Не понимаю.

— Что-то вроде, гм-м, «проводочков в голове», — предположил Свифт.

Энджи внезапно захотелось рассказать Свифту, как она нашла наркотики и движок.

«Тише, дитя, спокойнее».

Голова наполнилась пчелиным гудением… давление изнутри.

— Энджи? Что с тобой? — Он приподнялся со стула, протягивая к ней руку.

— Ничего. Я… расстроена. Извини. Просто нервы. Ты тут ни при чём. Я собиралась рассказать тебе, что нашла киберпространственную деку Бобби. Но ведь ты уже об этом знаешь, правда?

— Может, тебе что-нибудь принести? Воды?

— Нет, спасибо, но если ты не возражаешь, я ненадолго прилягу. У меня есть кое-какие идеи насчёт съёмок на орбите, так что мне бы хотелось твоего совета по…

— Конечно, конечно. Подремли, а я пока пойду погуляю по пляжу, мы поговорим потом.

Она наблюдала за ним из окна спальни, смотрела, как коричневая фигурка, делаясь всё меньше и меньше, удаляется в направлении Колонии, сопровождаемая маленьким терпеливым «дорнье».

На пустом пляже он казался ребёнком и выглядел таким же потерянным, какой она себя чувствовала.

Глава 21
«Алеф»

Когда поднялось солнце — электричества всё ещё не было, — чердак Джентри залил утренний свет. Зимнее солнце смягчило очертания консолей и проекционного стола, выявило фактуру корешков старинных книг, заполнявших прогнувшиеся фанерные полки вдоль западной стены. Джентри, не переставая говорить, мерил шагами чердак, петушиный хвост светлых волос подскакивал всякий раз, когда он резко разворачивался на каблуках своих чёрных ботинок. Возбуждение Джентри, похоже, успешно противостояло остаточному действию Черриных снотворных дермов. Сама Черри сидела на краю кровати, наблюдая за ковбоем, и время от времени бросала осторожные взгляды на показатели датчика зарядки батарей, укреплённого на краю носилок. Слик пристроился на колченогом стуле, который он раскопал где-то на Пустоши. Импровизированная набивка из скомканной рваной одежды была обтянута прозрачной плёнкой.

К облегчению Слика, Джентри на этот раз опустил привычную белиберду по поводу Образа и прямиком окунулся в свою теорию об «алефе». Как всегда, стоило Джентри завестись, он использовал такие слова и конструкции, что Слик лишь с большим трудом понимал, о чём идёт речь, но он по опыту знал, что ковбоя лучше не прерывать. Фокус состоял в том, чтобы выловить из общего потока фраз подобие смысла, пропуская непонятные куски.

Джентри сказал, что Граф подключён к тому, что равнозначно гигантской «материнской плате», утыканной огромным количеством микрософтов. По его мнению, серая пластина в изголовье — это один цельный биочип размерами с приличный булыжник. Если это так, то объём памяти у этой штуковины практически безграничен. «Алеф» было бы немыслимо дорого изготовить, продолжал Джентри, просто сказка, что кто-то вообще решился его создать, хотя ходят слухи, что подобные вещи существуют и находят себе применение, в особенности при хранении гигантских объёмов конфиденциальной информации. Не имея связи с глобальной матрицей, данные здесь фактически иммунны к любой атаке через киберпространство. Загвоздка, однако, состоит в том, что поскольку в «алеф» нет доступа через матрицу, то это как бы мёртвая память.

— У него там может быть всё, что угодно, — сказал Джентри, останавливаясь, чтобы заглянуть в пустое лицо. Он круто

повернулся на каблуках и снова начал шагать взад-вперёд. — Некий мир. Много миров. Сколько угодно конструктов разных личностей…

— Как будто он живёт в стиме? — спросила Черри. — Вот почему он всегда в REM?

— Нет, — сказал Джентри, — это не симстим. Эта штука полностью интерактивна. Всё дело в масштабах. Если это биософт класса «алеф», то у него там может быть всё, что угодно. В некотором смысле эта штука может давать доступ буквально ко всему на свете…

— Судя по поведению Малыша Африки, — сказала Черри, — этот парень платит ему за то, чтобы оставаться в таком состоянии. Что-то вроде кайфа под проводами в голове, но немного по-другому. И к тому же «проволочные торчки» не врубаются в REM, как этот…

— Но когда ты попытался прогнать его программу через свою аппаратуру, — рискнул вставить Слик, — то получил в ответ… нечто.

Он увидел, как плечи Джентри напряглись под вышитой бисером кожей куртки.

— Да, — мрачно ответил Джентри, — а теперь мне надо восстановить наш счёт у Ядерной Комиссии. — Он указал на батареи постоянного заряда, уложенные под стальным столом. — Достань-ка мне их.

— Н-да, — протянул Слик, — самое время. У меня уже задница отмерзает.

Оставив Джентри, согнувшегося над киберпространственной декой, они вернулись в комнату Слика. Черри настояла на том, чтобы подключить электроодеяло Джентри к одной из батарей так, чтобы она могла накрыть им носилки. На газовой плитке ещё оставался холодный кофе; Слик допил его, не разогревая. Черри смотрела в окно на занесённую снегом Пустошь.

— Как она стала такой? — рассеянно спросила девушка.

— Джентри говорит, что лет сто назад тут внедряли проект по землеустройству. Завезли тонны чернозёма, но так ничего и не выросло. Большая часть земли оказалась токсичной. Затем дождь смыл почвенный слой. Думаю, они сдались и начали сбрасывать сюда всё больше дерьма. Здешнюю воду пить нельзя: полным-полно полихлорбифенилов и всего остального.

— А как насчёт кроликов, на которых охотится этот ваш птичий мальчик?

— Они к западу отсюда. На Пустоши я никогда их не видел. Здесь даже крыс нет. Во всяком случае, любое мясо, какое здесь

удаётся достать, приходится проверять и проверять.

— Но птицы тут есть.

— Они только устраиваются на ночёвку, а кормиться улетают куда-то ещё.

— А что там между тобой и Джентри? — Она всё ещё смотрела в окно.

— Что ты имеешь в виду?

— Сперва я решила, что вы — голубые. Ну вместе живёте.

— Нет.

— Но всё выглядит так, будто вы друг в друге нуждаетесь…

— Это его дом, Фабрика то есть. А он разрешает мне тут жить. Я… хочу жить здесь. Чтобы работать.

Зажглась лампочка в конусе из жёлтого факса, защёлкал вентилятор в обогревателе.

— Ну, может, он и псих, — протянула Черри, присаживаясь на корточки перед обогревателем и одну за другой расстёгивая свои куртки, — однако он только что сделал хоть что-то разумное.

Поднявшись на чердак, Слик обнаружил, что Джентри сидит ссутулившись на старом офисном стуле и смотрит на светящийся откидной экранчик монитора на своей деке.

— Роберт Ньюмарк, — сказал Джентри.

— А?

— Идентификация по сетчатке глаза. Или это Роберт Ньюмарк, или тот, кто купил его глаза.

— Откуда ты это узнал? — Слик наклонился взглянуть на экран со стандартной таблицей свидетельства о рождении.

Джентри пропустил его вопрос мимо ушей.

— Вот именно. Копни одно, а вляпаешься во что-нибудь совсем другое.

— То есть?

— Кому-то до смерти интересно, а не задаёт ли кто-нибудь вопросы о мистере Ньюмарке.

— Кому?

— Не знаю. — Джентри забарабанил пальцами по обтянутым чёрной кожей коленям. — Взгляни сюда: почти никакой информации. Родился в Барритауне. Мать — Марша Ньюмарк. У нас есть его ГРЕХ, но явно меченый. — Он отодвинулся вместе со стулом от стола и повернулся так, чтобы видеть неподвижное лицо Графа. — Ну что, Ньюмарк? Это твоё настоящее имя?

Он встал и направился к проекционному столу.

— Не надо, — начал было Слик, но Джентри уже нажал на кнопку подачи питания.

И снова на мгновение возникло серое нечто, но на этот раз оно рванулось к основе полусферического дисплея, съёжилось там и исчезло. Нет, не исчезло. Крохотный серый шарик завис в самом центре светящегося проекционного поля.

На лицо Джентри вернулась прежняя безумная улыбка.

— Хорошо, — проговорил он.

— Чего хорошего?

— Я понял, что это. Что-то вроде льда. Защитная программа.

— Эта обезьяна?

— У кого-то неплохое чувство юмора. Если обезьяна тебя не напугает, то превратится в вошь…

Он отошёл к рабочему столу и начал копаться в одной из корзин.

— Сомневаюсь, что им такое удастся с прямой сенсорной связью. — Теперь у него было что-то в руках. Сетка тродов.

— Джентри, не делай этого! Посмотри на него!

— А я и не собираюсь это делать, — улыбнулся Джентри. — Ты сделаешь.

Глава 22
Призраки и пустота

Глядя в грязное окошко такси, Кумико жалела, что рядом с ней нет Колина с его ехидными комментариями. Но потом вспомнила, что эта ситуация совершенно вне его компетенции. «Интересно, — подумала девочка, — а производит ли «Маас-Неотек» подобные модули для Муравейника и какую форму принял бы в таком случае призрак?»

— Салли, — спросила она полчаса спустя, когда они уже въезжали в Нью-Йорк, — почему Петал позволил мне уехать с тобой?

— Потому что он умный.

— А мой отец?

— Твой отец будет вонять.

— Прости?

— Будет очень зол. Если, конечно, об этом узнает. А может, и не узнает. Мы здесь ненадолго.

— А зачем мы здесь?

— Мне надо кое с кем переговорить.

— А я?

— Тебе тут не нравится?

Кумико помедлила.

— Да нет, нравится.

— Хорошо. — Салли поёрзала, устраиваясь поудобнее на продавленном сиденье. — Петалу пришлось нас отпустить. Дело в том, что он не смог бы нас остановить, не поранив одну из нас. Ну, может, не поранив, а скорее — не оскорбив. Тебя Суэйн мог бы потом успокоить, сказать твоему отцу, что это было сделано для твоего же блага. Но если бы ему удалось заставить меня пойти на попятную, это как потеря лица, понимаешь? Едва увидев Петала с пушкой в руках, я уже знала, что он нас отпустит. Твоя комната прослушивается, как, впрочем, и весь дом. Собирая твою экипировку, я потревожила сенсоры, регистрирующие передвижение по дому. Однако чего-то в этом роде я и ожидала. Петал же, в свою очередь, знал, что это я. Вот почему зазвонил телефон — наш друг давал понять, что ему всё известно.

— Не понимаю.

— Жест вежливости — чтобы я знала, что он ждёт внизу. Давал мне шанс передумать. Но у него не было выбора, и он это понимал. Видишь ли, Суэйна вынуждают кое-что сделать, или, во всяком случае, он так говорит. Что до меня, то мне определённо

выкручивают руки. И тут мне стало любопытно, а насколько на самом деле я Суэйну нужна. Как выясняется, нужна, и даже очень. Потому что мне позволяют уйти, прихватив с собой дочь ойябуна, привезённую в такую даль в целях безопасности. Сдаётся мне, есть что-то такое, чего Суэйн до смерти боится, причём боится гораздо больше, чем твоего папочку. Возможно, это «что-то» — или «кто-то» — способно дать ему много больше, чем уже дал твой отец. Во всяком случае, то, что я тебя увезла, отчасти выравнивает счёт. Как бы ответный удар. Ты не против?

— Но тебе угрожают?

— Кое-кто слишком много знает, что я делала в этой жизни.

— И Тик установил личность этого человека?

— Да. Пожалуй, я и так это знала. Но хотелось бы ошибиться.

Фасад выбранного Салли отеля был обшит проеденными ржавчиной стальными панелями, каждая из которых крепилась блестящими хромированными болтами — этот стиль Кумико знала ещё по Токио и считала его несколько старомодным.

Их номер был просторным и серым — повсюду десятки оттенков серого цвета. Салли заперла дверь, прошла прямо к кровати и, сняв куртку, легла.

— У тебя нет сумки, — заметила Кумико.

Салли села, чтобы расшнуровать ботинки.

— Я могу купить всё, что мне понадобится. Устала?

— Нет.

— А я устала. — Салли стянула через голову чёрный свитер. Груди у неё были маленькие, с коричневато-розовыми сосками; чуть ниже левого соска начинался старый шрам, который исчезал за поясом джинсов.

— Тебя когда-то ранили? — спросила Кумико, глядя на шрам.

Салли тоже посмотрела на шрам.

— Ага.

— А почему ты не пошла в клинику, чтобы его удалили?

— Иногда неплохо иметь зарубку на память.

— О том, как тебе было больно?

— О том, как я была глупа.

Серое на сером. Не в силах спать, Кумико вышагивала по серому ковру. В этой комнате девочке чудилось что-то вампирическое. Нечто, роднящее её с миллионами подобных комнат в сотнях гостиниц по всему миру. Одноячейковая анонимность гостиничного номера будто высасывала из неё индивидуальность, фрагменты которой всплывали повышенными при ссоре голосами родителей, лицами одетых в чёрное

секретарей отца…

Во сне лицо Салли превратилось в гладкую маску. Вид из окна вообще ничего не говорил Кумико ясно было только то, что она смотрит на какой-то город, который не Токио и не Лондон — бескрайнее столпотворение людей и зданий, новая ступень видовой эволюции, воплотившая парадигму урбанистической реальности её века.

Возможно, Кумико тоже удалось подремать, хотя сама она не была в этом уверена. Она смотрела, как Салли заказывает туалетные принадлежности и бельё, вводя требуемое с клавиатуры в видеомодуль подле кровати. Покупки доставили, пока Кумико принимала душ.

— О'кей, — услышала она из-за двери голос Салли, — вытирайся, одевайся. Пойдём повидаемся кое с кем.

— С кем? — спросила Кумико, но Салли её не расслышала.

Гоми.

Тридцать пять процентов прибрежного Токио выстроено на гоми, на выровненных площадках, отвоёванных у залива за века систематического сваливания и утрамбовки мусора. У неё дома гоми был ресурсом, требующим сбора, сортировки, прессовки — использования, одним словом.

Взаимоотношения Лондона и гоми уловить было сложнее. На взгляд Кумико, сам костяк города состоял из гоми — из зданий, которые японская экономика уже давно поглотила бы в своей неуёмной жажде пригодных для застройки пространств. Но даже маленькой японке лондонские дома позволяли различить ткань времени: каждая стена была залатана поколениями рук в бесконечном процессе обновления. Англичане ценили свой гоми сам по себе, совсем на иной лад — Кумико только-только начинала постигать это: они населяли его.

Гоми в Муравейнике был чем-то иным: богатый гумусом, перегноем, прорастающий человеческим талантом и чудесами из полимеров и стали. Кумико поразило уже одно только отсутствие очевидной планировки — это шло вразрез всему значению, какое придавала её культура эффективному использованию земли.

Их поездка в такси из аэропорта яснее ясного показала, какой здесь царит распад: целые кварталы стояли в руинах, то тут, то там над замусоренными тротуарами разевали пасти пустые оконные проёмы. Напряжённые лица, настороженные взгляды вслед проехавшему мимо ховеру.

Салли внезапно окунула её во всю странность этого места, с его гниением и беспорядочным нагромождением вросших в землю башен, которые были выше любого здания в Токио. Эти

монументы корпораций пронзали покрытое сажей кружево куполов, теснившихся один на другой.

Ещё две пересадки из такси в такси — и вот они с Салли уже на улице, в гуще предвечерней толпы и косых теней. Воздух был холодным, но без примеси лондонской сырости, и Кумико вспомнились гроздья цветов в парке Уэно.

Первая их остановка была в просторном, хотя и слегка поблекшем баре с вывеской «Джентльмен-Неудачник», где Салли вполголоса обменялась с барменом несколькими быстрыми фразами.

Они ушли, не заказав выпивки.

— Призраки, — задумчиво сказала Салли, поворачивая за угол.

Кумико старалась держаться к ней поближе. С каждым кварталом улицы становились всё безлюднее, а здания всё более тёмными и запущенными.

— Прости?

— Здесь для меня всё наполнено призраками прошлого, или, во всяком случае, должно быть ими наполнено.

— Ты знаешь это место?

— Конечно. Выглядит всё примерно так же и всё же иначе, понимаешь?

— Нет…

— Со временем поймёшь. Когда найдём того, кого я ищу, прикинься паинькой. Говори, только если тебя спросят, а лучше помалкивай.

— Кого мы ищем?

— Одного человека. Или, по крайней мере, то, что от него осталось…

Полквартала спустя на какой-то мрачной пустынной улочке — если не считать проезда у дома Суэйна под саваном полночного снега, Кумико ещё никогда не доводилось видеть улицу без единого человека — Салли остановилась возле древней, ничем не примечательной с виду лавки. Обе её витрины серебрились изнутри толстым ковром пыли. Заглянув внутрь, Кумико увидела стеклянные трубки букв неработающей неоновой вывески: «МЕТРО» — и дальше ещё какое-то длинное слово. Дверь между витринами была укреплена листом рифлёной стали. Через равные промежутки из неё выступали ржавые головки болтов, обмотанные провисшими отрезками бритвенно-острой проволоки цвета окалины, будто через неё некогда пропускали ток.

Салли, встав лицом к двери, расправила плечи и выдала серию мелких стремительных жестов.

Кумико с удивлением уставилась на неё, а Салли тем временем повторила свои странные действия.

— Салли?

— Язык жестов, — оборвала её Салли. — Я же сказала тебе заткнуться, так?

— Да-а-а? — Голос чуть громче шёпота, казалось, появился словно из ниоткуда.

— Я уже всё тебе сказала, — отрезала Салли.

— Не знаю я этого вашего языка.

— Я хочу поговорить с ним. — Голос Салли звучал размеренно и жёстко.

— Он умер.

— Я знаю.

Последовало молчание, и до Кумико донёсся звук, который вполне можно было принять за ветер — холодный, наполненный песком ветер, рыщущий среди рваных куполов геодезиков над головой.

— Его тут нет, — сказал голос и, похоже, стал исчезать. — Повернёшь за угол, потом через полквартала налево в переулок.

Этого переулка Кумико никогда не забыть. Тёмный кирпич скользких от сырости стен. Укрытые колпаками люки вентиляторов отрыгивают потоки сгущённой пыли. Жёлтая лампочка в сетке из окислившегося металла. Низкая поросль пустых бутылок, давшая побеги у основания обеих стен. Горы скомканных факсов и кусков упаковочного пенопласта высотой в человеческий рост. И перестук Саллиных каблуков.

За тусклым свечением лампочки — полная тьма, хотя отражённый мокрым кирпичом свет позволял разглядеть стену в конце — тупик. Кумико помедлила, напуганная внезапно проснувшимся эхом, шуршанием, мерным перестуком водяных капель…

Салли подняла руку. Узкий ослепительный луч, выхватив чёткий круг испещрённого корявыми надписями кирпича, мягко соскользнул вниз.

Он опускался до тех пор, пока не нащупал у основания стены какой-то предмет: блеснувший тусклым металлом вертикальный округлый прибор на подставке, который Кумико ошибочно приняла за ещё один вентилятор. Рядом с ним приютились огарки белых свечей, плоская пластиковая фляжка с прозрачной жидкостью, коллекция сигаретных пачек, дюжина сигарет россыпью и замысловатая многорукая фигурка, нарисованная чем-то белым, похожим на истолчённый мел.

Салли сделала шаг вперёд. Луч даже не дрогнул. Кумико

увидела, что этот бронированный предмет крепится к кирпичной стене массивными скобами.

— Финн?

В ответ — мгновенная вспышка розового света из горизонтальной прорези.

— Эй, Финн, приятель… — с непривычной заминкой в голосе повторила женщина.

— Молл. — Скрежет, как будто звук проходит через испорченный динамик. — Зачем тебе фонарь? Линзы у тебя ещё на месте? Что, стареешь и уже не видишь в темноте?

— Это ради моей подруги.

Что-то шевельнулось за прорезью, это что-то было нездорового розового оттенка, как пепел тлеющей сигареты на полуденном солнце, и лицо Кумико омыло волной колеблющегося света.

— Понятно, — проскрипел голос. — И кто же она?

— Дочь Янаки.

— Ничего себе.

Салли опустила фонарь. Луч упал на свечи, фляжку, сырые серые сигареты, белую фигурку с похожими на крылья руками.

— Угощайся подношениями, — сказал голос. — Вон там — пол-литра «Московской». А вот этот колдовской рисунок сделан порошком. Якобы приносит удачу; обдолбанные роллеры рисуют его кокаином.

— Господи, — отстранённо сказала Салли, присев на корточки. — Просто поверить не могу.

Кумико смотрела, как она подбирает фляжку и нюхает содержимое.

— Хлебни. Недурное пойло. Должно быть хорошим. Никто не решается экономить на оракуле, особенно если знает, что для него хорошо, а что плохо.

— Финн, — начала было Салли, потом взболтала фляжку и, глотнув, вытерла рот тыльной стороной ладони, — ты просто сумасшедший.

— Если бы так. Первоклассная оснастка, и всё равно приходится её вздрючивать, чтобы извлечь хоть немного фантазии, не говоря уже о безумии.

Кумико подошла ближе и присела на корточки рядом с Салли.

— Это конструкт?

Поставив фляжку с водкой на мостовую, Салли тронула сырой порошок кончиком перламутрового ногтя.

— Конечно. Ты их и раньше видела. Хочешь — воспоминания о реальном мире, хочешь — врубаешься в киберпространство. Я

получил этот оракулов волчок, чтобы всё время крутить его, понимаешь? — Прибор издал странный звук: смех. — Любовные неприятности? Злая женщина тебя не понимает? — Снова скрежещущий смех, похожий на раскаты статики. — На самом деле я скорее бизнес-консультант. А это добро оставляют здесь местные ребятишки. Вроде как добавляет мистики к антуражу. Время от времени мне удаётся заполучить скептика, какого-нибудь ублюдка, который решает вдруг угоститься. — Из прорези полыхнула тонкая, как волосок, алая линия, и где-то справа от Кумико взорвалась бутылка. И снова смех статики. — Так что привело тебя сюда, Молл? Тебя и, — розовый свет опять скользнул по лицу девочки, — дочь Янаки?

— Рейд на виллу «Блуждающий огонёк», — сказала Салли.

— Давно это было, Молл…

— Она охотится за мной, Финн. Четырнадцать лет прошло, а эта сумасшедшая сучка всё не хочет от меня отстать…

— Так, может, ей больше заняться нечем? Ты же знаешь, какие они, эти богатенькие…

— Где Кейс, Финн? Возможно, ей нужен он…

— Кейс — вне игры. Урвал пару-другую приличных кушей после того, как вы расстались, потом соскочил со стимуляторов и вышел подчистую. Сделай ты то же самое, не морозила бы сейчас свои прелести в тупике, а? Последнее, что я о нём слышал, у него четверо детей…

Следя за гипнотическим покачиванием сканирующего розового уголька, Кумико кое-как сообразила, с кем или с чем говорила Салли. В кабинете её отца были похожие предметы: четыре чёрных лакированных кубика, расставленных на длинной сосновой полке. Над каждым кубиком висел официальный портрет. Портреты были чёрно-белыми фотографиями мужчин в тёмных костюмах и с галстуками; четыре очень серьёзных джентльмена. Лацканы их пиджаков украшали маленькие металлические эмблемы, отец тоже иногда такую носил. Хотя мать ей и рассказывала, что в кубиках заключены призраки, духи злых предков отца, Кумико они скорее притягивали, чем пугали. Если в них сидят призраки, рассуждала она, то наверняка эти духи очень маленькие, ведь в кубик и голова ребёнка не поместится.

Иногда отец подолгу медитировал перед кубиками, стоя на коленях на татами в позе, означающей глубочайшее почтение. Девочка не раз видела его в этой позе, но лишь когда ей исполнилось десять лет, она однажды услышала, как он обращается к ним вслух. И один ответил. Вопрос показался

Кумико бессмысленным, а уж ответ — тем более, но размеренный голос духа заставил её замереть, скорчившись за бумажной ширмой. Отец потом очень смеялся, найдя её там, и, вместо того чтобы отругать дочь, объяснил, что кубики служат жилищами для записанных личностей прежних директоров корпорации. «Это их души?» — спросила девочка. «Нет», — с улыбкой ответил отец и добавил, что различие тут очень тонкое. «У них нет сознания. Они отвечают на заданный вопрос приблизительно так же, как реагировали бы, будь они людьми. Если уж они призраки, то что тогда говорить о голограммах».

После лекции Салли об истории и иерархии якудза в робата-баре на Эрлз-Коурт Кумико решила, что каждый из мужчин на фотографии, каждый из этих записанных личностей был в своё время ойябуном.

Существо в бронированном футляре, наверное, имеет сходную природу, размышляла про себя девочка, ну, может быть, немного более сложную. Точно так же, как Колин — просто более сложная версия гида «Мишелин», какой носили с собой секретари отца в их экспедициях за покупками в Синдзюку.

Салли звала его Финн. И было ясно, что когда-то этот Финн был ей то ли другом, то ли партнёром.

«Интересно, — подумала Кумико, — а бодрствует ли он, когда тупик пуст? Сканирует ли его лазерный взгляд беззвучное кружение полуночного снега?»

— Европа, — сказала Салли. — Отколовшись от Кейса, я исколесила весь континент. После той операции денег осталось даже больше, чем нужно, по крайней мере, так мне тогда казалось. ИскИн Тессье-Эшпулов выплатил всё через швейцарский банк. Он же стёр все следы того, что мы когда-либо поднимались вверх по колодцу. Я хочу сказать, вообще всё: скажем, имён, под которыми мы путешествовали на «шаттле» «Джей-Эй-Эль», там просто не было. Кейс всё проверил, когда мы вернулись в Токио, пробурился в самые разные базы данных — такое впечатление, что ничего из этого просто не происходило. Я не знаю, как такое возможно, ИскИн он или нет, но ведь никто так на самом деле и не понял, что случилось там, наверху, когда Кейс прогнал тот китайский ледоруб сквозь их базовый лёд.

— ИскИн потом пытался выйти на вас?

— Я ничего об этом не знаю. Кейс считал, что он ушёл — не исчез, а именно ушёл, растворился во всей матрице в целом. Как будто он перестал существовать в киберпространстве, а просто стал им. Если ИскИну не хочется, чтобы его увидели, чтобы знали о его присутствии, ну тогда, думаю, нет никакой возможности его

обнаружить. И нет никаких шансов доказать это кому-то ещё, даже если ты что-то знаешь… Что до меня, я ничего не желала знать. Я хочу сказать: что бы там ни случилось, мне казалось, что с этим покончено. Армитидж мёртв, Ривьера мёртв, Эшпул мёртв, пилот-растафари, который возил нас туда на буксире, вернулся к себе в кластер Сион и, вероятно, списал всё происшедшее на ещё один наркотический сон… Я оставила Кейса в токийском «Хайятте» и никогда больше его не видела…

— Почему?

— Кто знает? Да ни почему. Я была молода, и вообще казалось, что всё позади.

— Но её вы ведь оставили там, наверху. В «Блуждающем огоньке».

— Вот именно. И время от времени я раздумываю над этим. Финн, когда мы уходили, было такое впечатление, что ей на всё наплевать. Наплевать, что я за неё убила её больного сумасшедшего отца, а Кейс взломал их защиту и выпустил в матрицу их ИскИн… Но я внесла её в список, так? Когда однажды на тебя сваливаются по настоящему крупные неприятности, когда тебя достают, ты проходишься по такому списку.

— И ты с самого начала вычислила её?

— Нет. Список у меня довольно длинный.

Кейс, который, как показалось Кумико, был для Салли чем-то большим, нежели просто партнёр, больше в рассказе не появлялся.

Сидя на корточках рядом с Салли и слушая рассказ о четырнадцати годах её жизни, который ради Финна та сжала в стремительное стаккато мест и событий, Кумико вдруг обнаружила, что воображает себе более молодую Салли этакой бисонен, героиней традиционного романтического видеофильма: трагичной, элегантной и смертельно опасной. Кумико с трудом поспевала за деловито-сухой манерой Салли излагать свою жизнь. Слишком много ссылок на места и вещи, которые девочке ничего не говорили. Зато так легко было представить себе, как Салли одним взмахом руки добивается внезапных и блестящих побед, как и положено бисонен. Нет, подумалось ей, когда Салли отмахнулась от «неудачного года в Гамбурге» (тут в её голосе вдруг зазвучал гнев — застарелый гнев, ведь с тех пор прошло десять лет), ошибочно оценивать эту женщину в японских понятиях. Никакая она не ронин, нет в ней ничего от странствующего самурая; и Салли и Финн говорили о бизнесе.

Насколько Кумико сумела понять, тот трудный год в Гамбурге наступил для Салли после того, как она приобрела и потеряла какое-то состояние. Получила она его как свою долю в

«деле наверху», в том месте, которое Финн назвал «Блуждающим огоньком», — в партнёрстве с мужчиной по имени Кейс. При этом она нажила себе врага.

— Гамбург, — перебил Финн, — я слышал рассказы о Гамбурге…

— Деньги закончились. Так оно всегда и бывает, когда ты молода… Вроде сколько их ни сшибай, а всё как-то не то, но я уже успела связаться с теми людьми из Франкфурта, оказалась по уши перед ними в долгу, а они хотели получить по счетам моим ремеслом.

— Каким ремеслом?

— Хотели, чтобы кое-кому перепало.

— А дальше?

— Я завязала. Как только смогла. Уехала в Лондон…

Возможно, решила Кумико, что Салли когда-то и походила на ронин, была кем-то вроде странствующего самурая. Однако в Лондоне она стала совсем другой, стала деловой женщиной. Обеспечивая себя неким неназванным способом, она постепенно превратилась в спонсора, субсидирующего различные деловые операции. (Что такое «спускать кредит»? Что значит «отмывать данные»?)

— Да уж, — протянул Финн, — неплохо поработала. Заполучила долю в каком-то немецком казино.

— «Аикс-ла-Шапель». Я входила в правление. Да и до сих пор там, если добуду нужный паспорт.

— Осела? — Снова смех.

— Конечно.

— Немного о тебе было слышно в те времена.

— Управляла казино. Вот и всё. Справлялась.

— Ты дралась на пари. «Мисти Стил» — «Туманная сталь», полулёгкий вес. Восемь боёв. Я ставил на пяти из них. Матч с кровью, конфетка. Все нелегальные.

— Хобби.

— Хорошенькое хобби. Я видел видеоролики. Малыш Бирманец прямо-таки вскрыл тебя, ты чуть жизни не лишилась…

Кумико вспомнила длинный шрам.

— Поэтому я завязала. Пять лет назад, а я и так уже была лет на пять старше, чем положено.

— Ты выглядела неплохо, но «Туманная сталь»… Господи Иисусе.

— Не цепляйся. Не я же придумала эту кличку.

— Хорошо-хорошо. Расскажи-ка о нашей подруге «сверху». Как она вышла на тебя?

— Через Суэйна. Роджера Суэйна. Однажды заявляется ко мне

в казино шестёрка этого ублюдка, якобы крутой по имени Прайор. С месяц назад.

— Лондонский Суэйн?

— Он самый. А у Прайора для меня подарок — с метр распечатки. Список. Имена, даты, места.

— Много?

— Всё. Даже то, что я почти позабыла.

— И «Блуждающий огонёк»?

— Всё. Так вот, собрала я манатки и вернулась в Лондон к Суэйну. Ему, мол, очень жаль, но он вынужден меня прижать. Потому что некто прижимает его. У него тоже есть из-за чего нервничать — собственный метр распечатки.

Кумико услышала, как каблуки Салли проскрежетали по мостовой.

— Чего он хочет?

— Украсть кого-то тёпленьким. Некую знаменитость.

— А почему ты?

— Да ладно, Финн, затем я к тебе и пришла. Спросить у тебя об этом.

— Насчёт 3-Джейн тебе сказал Суэйн?

— Нет. Это сказал мой компьютерный ковбой в Лондоне.

У Кумико заболели колени.

— А малышка? Где ты её подцепила?

— Она объявилась однажды вечером в доме Суэйна. Янака пожелал убрать её из Токио. Суэйн должен ему гири.

— Во всяком случае, она чиста, никаких имплантантов. Судя по тому, что до меня доходит из Токио, у Янаки забот по горло…

Кумико поёжилась в темноте.

— Что за знаменитость они хотят? — продолжал Финн.

Кумико почувствовала, что Салли медлит.

— Анджелу Митчелл.

Безмолвно качается розовый метроном — слева направо, справа налево.

— Здесь холодно, Финн.

— Да уж. Хотелось бы мне это почувствовать. Я просто сделал небольшую пробежку тебя же ради на Мемори-Лейн. Ты много знаешь о том, откуда взялась эта Энджи?

— Нет.

— Я играю в игру под названием «оракул», дорогуша, а не в «научную библиотеку». Её отцом был Кристофер Митчелл. Большая шишка в исследованиях по биочипам «Маас Биолабс». Она выросла в их закрытом городке в Аризоне, так сказать, дочь компании. Приблизительно лет семь назад там что-то стряслось. Поговаривают, что «Хосака» снарядила команду своих

профессионалов, чтобы помочь Митчеллу поменять хозяина. Архивные сводки новостей говорят, что во владениях «Мааса» произошёл взрыв в несколько мегатонн, но никто так и не обнаружил никакой радиации. И наёмников «Хосаки» тоже не нашли. «Маас» же объявил, что Митчелл мёртв, самоубийство.

— Это библиотека. А что знает оракул?

— Слухи. Ничего, что выстраивалось бы в единую картинку. Улица говорит, что она объявилась здесь день или два спустя после взрыва в Аризоне, связалась с какими-то очень странными, даже чудными латиносами, действовавшими на окраинах Нью-Джерси.

— Чем они занимались?

— Заключали сделки. В основном «железо», софт. Купля-продажа. Иногда покупали кое-что и у меня…

— Чем же они были странны?

— Они были колдуны. Считали, что в матрице полно мамбо и всяких прочих тварей. И знаешь, что я тебе скажу, Молл?

— Что?

— Они были правы.

Глава 23
Свет мой, зеркальце

Она очнулась, будто кто-то щёлкнул переключателем.

Не открывать глаза. Слышно, как они переговариваются в соседней комнате. Болело в разных местах, но не намного хуже, чем после «магика». Чёрный отходняк уже совсем сошёл, или, быть может, его заглушило тем, что ей вкатили, этим аэрозолем.

Бумажный халат царапал соски, они почему-то казались большими и нежными, а грудь — полной. По лицу извивались тоненькие ниточки боли, двойной тупой болью стягивало глазницы, во рту — будто всё воспалено, к тому же привкус крови.

— Я не собираюсь учить тебя жить, — говорил Джеральд. Его голос едва перекрывал плеск воды из крана и позвякивание металла, как будто Джеральд мыл кастрюли или что-то вроде этого. — Но ты дурачишь сам себя, если полагаешь, что она сможет обмануть того, кто не желает быть обманутым. Что ни говори, это очень поверхностная работа.

Прайор что-то сказал в ответ, но Мона не разобрала, что именно.

— Я сказал «поверхностная», а не «халтурная». Качество — профессиональное. Двадцать четыре часа на дермальном стимуляторе, и никому даже в голову не придёт, что она побывала в Клинике. Держи её на антибиотиках, но ничего возбуждающего, её иммунной системе и без того довольно далеко до нормальной.

Потом снова Прайор, и опять она не поняла ни слова.

Открыла глаза, но увидела один потолок, белые квадраты звуконепроницаемой плитки. Повернула голову влево. Белая пластиковая стена с этим дурацким ложным окном: высококачественная анимация какого-то пляжа — всякие там пальмы и волны. Если смотреть на воду достаточно долго, то можно заметить, что волны, которые накатываются на пляж, через некоторое время начинают повторяться. Похоже, что устройство повреждено или сносилось: прибой время от времени как будто запинается, да и красный закат над морем пульсирует, словно дефектная флуоресцентная трубка.

Попробуем вправо. Снова поворот головы. Прикосновение к шее пропитавшейся потом бумажной наволочки на жёсткой синтетической подушке.

С постели напротив на неё смотрело лицо с синяками вокруг

глаз, нос охвачен скобками из прозрачного пластика, поверх него — плёнка из микропоры, по щекам размазано какое-то коричневое желе…

Энджи. Это — лицо Энджи, обрамлённое отражением заикающегося заката за дефектным «окном».

— Кости мы не трогали, — говорил Джеральд, осторожно отдирая плёнку, которая удерживала маленькую пластмассовую скобу вдоль переносицы Моны. — В этом-то вся и прелесть. Мы вживили в нос хрящ, введя его через ноздри, потом взялись за её зубы. Улыбнись. Прекрасно. Нарастили грудь, надстроили соски клонированной, способной напрягаться тканью, потом подкрасили глаза… — Он снял скобу. — В ближайшие двадцать четыре часа постарайся не касаться лица.

— У меня от этого синяки?

— Нет. Синяки — вторичная травма от работы с хрящом. — Пальцы Джеральда на лице казались прохладными и уверенными. — К завтрашнему дню пройдёт.

В Джеральде ничего стрёмного. Он дал ей три дерма, два синих и один розовый, такие гладкие и успокаивающие… А вот с Прайором всё наоборот, но Прайор ушёл, во всяком случае, его нигде не видно. Так приятно просто лежать и слушать, как Джеральд объясняет, что сделал, своим спокойным голосом. И поглядите только, что он умеет.

— Веснушки, — сказала Мона, потому что веснушки со щёк исчезли.

— Стирание и ещё немного клонированной ткани. Они вернутся. Чем больше времени ты будешь на солнце, тем скорее…

— Она такая красивая… — Мона повернула голову.

— Ты, Мона. Это — ты.

Она поглядела на лицо в зеркале и примерила ту самую знаменитую полуусмешку.

Возможно, Джеральд всё же не лучше Прайора.

Снова вернувшись на узкую белую кровать, куда её положили отсыпаться, Мона подняла руку, чтобы взглянуть на дермы. Транквилизаторы. В цветных «кнопках» колышется жидкость.

Подцепив розовый дерм ногтем, она сорвала его, прилепила на белую стену и с силой надавила большим пальцем. Вниз сбежала одинокая капля соломенного цвета. Мона осторожно сковырнула дерм со стены и вернула на руку. В синих жидкость оказалась молочно-белой. Их она тоже вернула на место. Может, врач и заметит, но ей хотелось знать, что происходит.

Мона посмотрела на себя в зеркало. Джеральд сказал, что

сможет вернуть ей прежнюю внешность, если она когда-нибудь этого захочет. Тогда она ещё удивилась, что он запомнил, как она выглядела. Может быть, он сделал снимок или ещё что. Теперь, если вдуматься, нет уже никого, кто бы помнил, как она выглядела раньше. Она прикинула, что, возможно, единственным вариантом в этом случае была бы стим-дека Майкла, но она не знала ни его адреса, ни даже фамилии. Странное чувство — как будто та, кем она была раньше, выскочила на минутку на улицу, да так и не вернулась. Тут Мона закрыла глаза и сказала себе, что твёрдо знает, что она — это она, Мона, всегда была Моной, и что по большому счёту ничего не изменилось, во всяком случае, за фасадом.

Ланетта говорила, что не имеет значения, как ты меняешь себя. Однажды Ланетта проговорилась, что у неё не осталось и десятой части того лица, с которым она родилась. Даже не подумаешь, ну если не считать чёрного на веках, так что ей никогда не приходилось возиться с тушью. Мона тогда ещё подумала, что Ланетте сделали не такую уж хорошую операцию, и, должно быть, это как-то отразилось в её взгляде, потому что Ланетта сказала: «Тебе стоило бы поглядеть на меня до того, дорогуша».

А вот теперь и она, Мона, лежит пластом на узкой кровати в Балтиморе, и всё, что ей известно об этом городе, ограничивается завыванием сирен на улице да гудением вентилятора Джеральда.

Не понять как, но это гудение перешло в сон, и как долго она спала, Мона не знала. А потом возле кровати оказался Прайор, его рука лежала у неё на плече, и он спрашивал, не хочет ли она есть.

Мона смотрела, как Прайор сбривает бороду. Он делал это над хирургической раковиной из нержавейки. Сперва подрезал бороду хромированными ножницами, потом взялся за пластмассовый одноразовый станок, который позаимствовал из коробки Джеральда. Странно было видеть, как на свет появляется его лицо. Лицо оказалось совсем не таким, как она ожидала: моложе. Но рот остался прежним.

— Мы здесь ещё надолго, Прайор?

Перед тем как начать бриться, он снял рубашку. По плечам и рукам вниз до локтя сбегали вытатуированные драконы с львиными головами.

— Пусть это тебя не волнует.

— Скучно.

— Мы достанем тебе стимы.

Он брил подбородок.

— Как выглядит Балтимора?

— Отвратительно. Как и всё остальное.

— А Англия?

— Отвратительно.

Он вытер лицо толстым комом синей впитывающей салфетки.

— Может, пойдём поедим крабов? Джеральд говорит, тут чудесные крабы.

— Ага, — отозвался он. — Я принесу. — И выбросил синий ком в стальную мусорную корзину.

— А как насчёт того, чтобы я пошла с тобой?

— Нет. Ты можешь попытаться сбежать.

Рука Моны скользнула между стеной и кроватью и нашла проделанную в темперлоне ямку, куда она спрятала шокер. Свою одежду она уже успела обнаружить в белом пластиковом пакете под кроватью. Каждые два часа приходил Джеральд со свежими дермами. Она сколупывала их сразу после его ухода. Мона рассчитывала на то, что если удастся уговорить Прайора с ней поужинать, то в ресторане она рванёт когти. Но Прайор не поддавался.

В ресторане ей, возможно, удалось бы добраться до копа, ведь теперь, как Моне казалось, она сообразила, в чём заключалась «сделка».

Пришьют. Ланетта ей о таком рассказывала. Есть мужики, которые готовы платить за то, чтобы внешность девушки перекроили под какую-то другую особу, а затем убивают её. Обязательно богатые, по-настоящему богатые. Не Прайор, конечно, а кто-то, на кого он работает. Ланетта говорила, что эти мужики иногда устраивают так, чтобы девушки выглядели, как, скажем, их жёны. Тогда Мона в это не поверила. Ланнета любила рассказывать страшные истории, просто потому что приятно бояться, зная, что тебе самой ничего не грозит. И уж историй об извращенцах у Ланетты было полно. Она говорила, что пиджаки из них изо всех самые сумасшедшие. Естественно, крутые пиджаки, те, что в правлениях больших компаний — они ведь не могут себе позволить потерять самоконтроль на работе. Но когда они не на работе, говорила Ланетта, они могут его терять, как им заблагорассудится. Так почему бы какому-нибудь большому пиджаку наверху не пожелать поиметь таким образом Энджи? Ладно, многие девушки из кожи вон лезут, чтобы стать на неё похожей, но результат выходит в основном жалкий. Мона не встречала ещё ни одну действительно похожую на звезду настолько, чтобы одурачить кого-то, кому не всё равно. Но может быть, нашёлся кто-то, кто заплатил за всё это, просто чтобы заполучить девушку, которая выглядела бы как Энджи. И опять

же, если дело не в убийстве, зачем она ему?

Прайор застёгивал голубую рубашку. Потом подошёл к постели и сдёрнул простыню, чтобы посмотреть на её грудь. Будто осматривал автомобиль. Мона рывком натянула простыню обратно.

— Я принесу крабов.

Он надел куртку и ушёл. Мона слышала, как по пути он что-то сказал Джеральду.

В дверном проёме возникла голова китайца.

— Как ты себя чувствуешь, Мона?

— Есть хочу.

— Чувствуешь себя расслабленно?

— Угу…

Снова оставшись одна, она перекатилась на бок и стала изучать своё лицо — лицо Энджи, но теперь и её тоже — в зеркальной стене. Синяки почти сошли. Джеральд прилепил ей на лицо такие штучки, похожие на миниатюрные троды, и подключил их к какой-то машине. Сказал, что так быстрее заживёт.

На этот раз оно не заставило её подпрыгнуть на месте, это лицо звезды в зеркале. Зубы были прекрасны: такие кому угодно захочется сохранить. А что касается всего остального, Мона пока не была особо уверена, что ей это нравится.

Может, сейчас надо встать, одеться и пойти к выходу. Если Джеральд попытается её остановить, она воспользуется шокером. Тут Мона вспомнила, что Прайор объявился в мансарде у Майкла, как будто был кто-то, кто всё время за ней следил, ходил за ней по пятам всю ночь. Возможно, и сейчас снаружи кто-то дежурит. В клинике Джеральда, похоже, нет окон, настоящих окон, так что выходить придётся через дверь.

И ей до зарезу был нужен «магик». Но если она хоть чуть-чуть дохнёт, Джеральд это заметит. Мона знала, что её косметичка здесь, в пакете под кроватью. Может, думала она, если немного принять, то она хоть что-нибудь да предпримет. Но, с другой стороны, есть вероятность, что это будет совсем не то, что ей нужно. Не всегда и не всё, что она проделывала под «магиком», срабатывало. Даже если он создаёт ощущение, что промашки просто не может быть.

Как бы то ни было, хочется есть. Жаль, что у Джеральда тут нет музыки или ещё чего-нибудь такого, так что, пожалуй, она подождёт крабов…

Глава 24
В одном безлюдном месте

И вот перед ним стоит Джентри, и в глазах у него пылает Образ, и он протягивает ему сетку тродов под безжалостным сиянием голых лампочек. И говорит он Слику, почему всё должно быть так, а не иначе, почему Слик должен надеть троды и напрямую подключиться к тому, что серая пластина вводит в мозг неподвижного тела на носилках, что бы это ни было.

Слик покачал головой, вспоминая, как набрёл на Собачью Пустошь. А Джентри, приняв этот жест за отказ, стал говорить ещё быстрее.

Джентри говорил, что Слик вроде бы как умрёт, но совсем ненадолго, ну, может, на несколько секунд, пока он, Джентри, не зафиксирует информацию и не выстроит общий контур макроформа. Ведь Слик не знает, как это сделать, продолжал ковбой, иначе бы он, Джентри, пошёл на это сам; да и не нужна ему эта информация, ему нужно только общее представление, потому что именно оно — так он считает — приведёт его к Образу, к той главной цели, за которой он гонялся столь долго.

А Слик вспоминал, как пересёк Пустошь пешком. Он тогда боялся, что в любой момент может вернуться синдром Корсакова, и он забудет, где находится, и напьётся канцерогенной воды из гнилой красной лужи, которых так много было на ржавой равнине. А в них плавают красная пена и раскинувшие крылья мёртвые птицы. Дальнобойщик из Теннесси посоветовал ему идти от трассы на запад: через час, мол, будет вшивенькое двухполосное шоссе, где можно застопить машину до Кливленда. Но Слику казалось, что прошло куда больше часа, к тому же он не знал точно, в какой стороне запад. И вообще это место всё сильнее его пугало — как будто здесь проходил какой-нибудь великан, наступил на воспалённый волдырь свалки, расплющил его, а шрам так и остался. Однажды Слик увидел кого-то вдали на невысокой куче металлолома и помахал. Фигура исчезла, но Слик зашагал туда, уже не сторонясь луж, а хлюпая прямо по ним, и, когда добрался до места, увидел, что это всего лишь бескрылый остов самолёта, наполовину погребённый под ржавыми консервными банками. Он пошёл назад — вниз по пологому спуску, по тропинке, отмеченной расплющенными банками, пока в конце концов не добрёл до квадратного отверстия, которое оказалось аварийным выходом невесть откуда. Засунул голову внутрь, и на него уставились сотни маленьких головок,

свисавших с потолочного свода Слик будто прирос к месту, прищурился, давая глазам привыкнуть к внезапной полутьме, пока дикое «ожерелье» не начало приобретать некий смысл. Розовые головки были оторваны от пластмассовых кукол. Их нейлоновые волосы кто-то связал в хвосты на макушке, а в узлы продел толстый чёрный шнур — головы свисали с него, как спелые фрукты. Кроме них да нескольких полос грязного зелёного пенопласта, ничего другого в бункере не было. Слик точно знал, что ему не хочется здесь задерживаться, чтобы выяснить, кто тут живёт.

Тогда он отправился на юг и случайно наткнулся на Фабрику.

— У меня никогда не будет второго такого шанса, — говорил Джентри.

Слик смотрел в напряжённое осунувшееся лицо, в расширенные от отчаяния глаза.

— Я никогда его не увижу…

Слик вспомнил, как Джентри ударил его и как он, Слик, посмотрел на гаечный ключ, который держал в руке, и почувствовал… Черри была не права насчёт их обоих, тут было нечто иное, он только не знал, как это назвать. Левой рукой Слик вырвал у Джентри троды, а правой сильно толкнул его в грудь.

— Заткнись! Заткнись, чёрт тебя подери!

Джентри упал на край стального стола.

Тихонько чертыхаясь, Слик неловко натянул изящную сетку контактных дерматродов на лоб и виски.

Подключился.

Под подошвами скрипнул гравий.

Открыл глаза, посмотрел себе под ноги: посыпанная гравием дорожка при утреннем свете казалась ровной и очень чистой, гораздо чище Собачьей Пустоши. Взглянул вперёд и увидел, что она делает плавный поворот, а за зелёными раскидистыми деревьями — скат черепичной крыши. Дом — огромный, почти в половину Фабрики. Неподалёку в высокой мокрой траве стояли статуи. Отлитый из чугуна олень и мужской торс, вытесанный из белого камня, — ни рук, ни ног, ни головы. Пели птицы, это был единственный звук.

Слик пошёл по подъездной аллее к серому дому, ничего другого ему, похоже, не оставалось. В конце дороги за домом виднелись постройки поменьше и широкое плоское поле травы, где трепетали на ветру планеры.

Сказка, подумал он, поднимая глаза на широкий каменный выступ над входом в усадьбу, на розетки оконных витражей. Как в кино, которое он видел однажды в детстве. Неужели

действительно есть на свете люди, которые живут в таких вот домах? Никакой это не дом, напомнил он самому себе, — только лишь стим-реальность.

— Джентри, — сказал он вслух, — вытащи отсюда мою задницу, ладно?

Слик принялся рассматривать тыльные стороны ладоней. Шрамы, въевшаяся смазка, чёрные полумесяцы грязи под обломанными ногтями. Машинное масло размягчало ногти, и они легко ломались.

Он начинал уже чувствовать себя полным идиотом, стоя здесь посреди дороги. А ведь возможно, кто-то наблюдает за ним из дома.

— Бля, — выплюнул он и свернул на вымощенную плиткой дорожку к дому, подсознательно перейдя на развязный широкий шаг и выпятив грудь, чему научился в бытность свою в «Блюз-Дьяконах».

Сбоку от двери была прикреплена какая-то странная штука: маленькая изящная рука держала в вытянутых пальцах сферу размером с бильярдный шар — всё отлито из чугуна. Крепится на шарнирах, так чтобы можно было повернуть руку и опустить шар вниз. Повернул. Рывком. Дважды. Потом ещё пару раз. Ничего. Дверная ручка была латунной, цветочный орнамент на ней до того стёрся, что стал почти неразличим. Повернулась она легко. Слик толкнул дверь.

И невольно прищурился от бьющего в глаза богатства красок и интерьера. Плоскости тёмного полированного дерева, квадраты чёрного и белого мрамора, ковры с тысячью мягких оттенков, светившихся, как церковные витражи, начищенное серебро, зеркала… Он хмыкнул. Взгляд притягивала то одна, то другая мелочь — столько вещей, предметов, названий которым он не знал…

— Ищешь кого-нибудь, приятель?

Перед огромным камином стоял мужчина. На нём были узкие чёрные джинсы и белая футболка, ноги его были босы, и в правой руке он держал толстый, расширяющийся книзу стакан с ликёром. Слик обалдело уставился на незнакомца.

— Бля, — выдавил Слик. — Ты — это он…

Мужчина покачал коричневую жидкость в стакане и сделал глоток.

— Я ожидал, что Африка со временем выкинет что-то подобное, — сказал он, — но почему-то, дружок, ты не похож на ребят в его стиле.

— Ты Граф.

— Ага, Граф, — отозвался он. — А ты, чёрт побери, кто?

— Слик. Слик Генри.

Граф рассмеялся.

— Хочешь коньяку, Слик Генри?

Он указал стаканом на стойку из полированного дерева, где выстроились в ряд причудливые бутылки; с каждой на цепочке свисал маленький серебристый ярлычок.

Слик покачал головой.

Мужчина пожал плечами.

— С него всё равно не забалдеешь… Прости, что я это говорю, но выглядишь ты погано, Слик. Я так понимаю, что ты не из команды Малыша Африки? А если нет, то что всё-таки ты тут делаешь?

— Меня послал Джентри.

— Какой ещё Джентри?

— Ты ведь парень на носилках, так?

— Парень на носилках — это я. Где конкретно в данную минуту эти носилки, Слик?

— У Джентри.

— Где это?

— На Фабрике.

— А это где?

— На Собачьей Пустоши.

— И как же я там очутился, на этой Пустоши, где бы она ни была?

— Это Малыш Африка тебя привёз. Привёз с девушкой по имени Черри. Понимаешь, я у него в долгу, так он захотел, чтобы я приютил тебя на время, тебя и Черри. Она ухаживает за тобой…

— Ты назвал меня Графом, Слик…

— Черри сказала, что так тебя однажды назвал Малыш…

— Скажи-ка мне, Слик, не выглядел ли Малыш, когда он меня привёз, встревоженным?

— Черри думала, что он был до смерти напуган там, в Кливленде.

— Уверен, что был. Кто этот Джентри? Твой друг?

— Фабрика принадлежит ему. Я тоже там живу…

— Этот Джентри, он ковбой, а, Слик? Компьютерный жокей? Я хочу сказать, что, если ты здесь, он должен рубить в технике, так?

Теперь пришла очередь Слика пожать плечами.

— Джентри, ну… он вроде художника. У него полно всяких теорий. Вообще это трудно объяснить. Он присобачил несколько проводов к той штуковине на носилках… ну к той, куда ты подключён. Сначала он попытался вывести изображение на проекционный стол, но там оказалась только эта дурацкая

обезьяна, что-то вроде тени, поэтому он уговорил меня…

— Господи… впрочем, не важно. Эта фабрика, о которой ты говорил, она где-то на задворках? Сравнительно малодоступна?

Слик кивнул.

— А Черри, она что-то вроде нанятой медсестры?

— Да. Сказала, у неё диплом медтеха.

— И никто ещё не приходил меня искать?

— Нет.

— Это хорошо, Слик. Потому что если кто-то придёт, кто-нибудь, кроме этого ублюдочного крысёнка, прошу прощения, нашего общего друга Малыша Африки, то у вас, ребята, могут быть серьёзные неприятности.

— Да ну?

— Вот тебе и «да ну». Выслушай меня, идёт? Я хочу, чтобы ты запомнил, что я тебе скажу. Если у вас на этой вашей фабрике появится хоть какая-то компания, единственная ваша надежда — это подключить меня к матрице. Понял?

— А как ты стал Графом? Я имею в виду, что это значит?

— Бобби. Меня зовут Бобби. «Граф», а может быть, правильнее было бы «Счёт» — «прерывание на счёт ноль», знаешь? Впрочем, не важно, и то и другое было когда-то моим прозвищем, вот и всё. Как ты думаешь, ты запомнил, что я тебе сказал?

Слик снова кивнул.

— Хорошо. — Бобби поставил стакан на деревяшку с чудными бутылками. — Слышишь? — спросил он.

За открытой дверью по гравию прошуршали шины.

— Знаешь, кто это, Слик? Это — Анджела Митчелл.

Слик повернулся. Бобби Граф, или Счёт, смотрел в окно на подъездную аллею.

— Энджи Митчелл? Стим-звезда? Она тоже здесь?

— Как сказать, Слик, как сказать…

Слик увидел, как мимо прокатил чёрный автомобиль.

— Эй, — начал было он, — Граф, то есть Бобби, что…

— Спокойно, — сказал Джентри, — просто посиди. Спокойно. Спокойно…

Глава 25
Назад на восток

Пока Келли и его ассистенты готовили для предстоящей поездки её гардероб, Энджи чувствовала, будто сам дом оживает вокруг неё, готовясь к одному из своих коротких периодов запустения.

С того места, где она сидела в гостиной, до неё доносились голоса, чей-то смех. Одну из ассистенток, молоденькую девчушку, одели в синий полиуглеродный экзо, что позволило ей сносить вниз кофры от «Эрме», будто невесомые блоки пенопласта. Тихонько жужжащий скелет поверх человеческого тела мягко шлёпал вниз по ступенькам плоскими динозаврьими лапами. Синий скелет, кожаные гробы.

Тут в дверях появился Порфир.

— Мисси готова?

Парикмахер успел облачиться в длинное свободное пальто из тонкой, как ткань, чёрной кожи, над каблуками чёрных лакированных сапог посверкивали шпоры из горного хрусталя.

— Порфир, — улыбнулась Энджи, — ты выглядишь прямо как муфтий. Надо бы нам устроить шоу-выход в Нью-Йорке.

— Камеры там установлены в твою честь, не в мою.

— Да уж, — протянула она, — в честь моего «нового включения».

— Порфир будет держаться на заднем плане.

— Никогда не думала, что ты станешь беспокоиться о том, что можешь вдруг кого-то затмить.

Он усмехнулся, показывая скульптурные, обтекаемые зубы — фантазия зубного врача-авангардиста на тему, каковы они могли бы быть у разновидности более быстрых, более элегантных существ.

— С нами полетит Даниэлла Старк. — До Энджи донёсся звук снижающегося вертолёта. — Она будет ждать нас в аэропорту Лос-Анджелеса.

— Мы её придушим, — ответил он тоном заговорщика, набрасывая на плечи Энджи палантин из голубой лисы, выбранный для этого случая Келли. — Если мы пообещаем намекнуть новостям, что мотив был сексуальный, она, возможно, даже решит нам подыграть…

— Ты ужасен.

— Это Даниэлла — ужас во плоти, мисси.

— Уж кто бы говорил.

— А? — Парикмахер сузил глаза. — Но зато у меня душа младенца.

Вертолёт пошёл на посадку.

О Даниэлле Старк, сотруднице стим-версий журналов «Вог-Ниппон» и «Вог-Европа», повсюду ходили слухи, что ей далеко за восемьдесят. Если это верно, подумала Энджи, тайком рассматривая фигуру журналистки, когда они втроём поднимались по трапу в «Лир», то в том, что касается пластической хирургии и косметологии, Даниэлла Порфиру вполне под стать. На первый взгляд журналистке было чуть больше тридцати, и единственным заметным свидетельством, что она имела-таки дело с хирургами, была пара бледно-голубых «цейсовских» имплантантов. Один юный репортёр из французского журнала мод как-то назвал их «модно устаревшими». Как поговаривали злые языки в «Сенснете», этот репортёр больше нигде и никогда не смог получить работу.

Энджи знала, что при первой же возможности Даниэлла заведёт с ней разговор о наркотиках, о «наркотиках знаменитости», будет смотреть на неё в упор, широко, как школьница, распахнув васильковые глаза, чтобы заснять всё на плёнку.

Под грозным взором Порфира Даниэлла некоторое время пыталась сдерживаться — пока они не достигли крейсерской скорости где-то над Ютой.

— Я надеялась, — начала журналистка, — что кто-то поднимет этот вопрос до меня…

— Даниэлла, — остановила её Энджи, — прими мои извинения. Как это невнимательно с моей стороны.

Она дотронулась до обшитой шпоном панели походной кухни «хосака». Механизм мягко заурчал и начал выдавать крохотные тарелочки с копчёной уткой цвета чая, устрицами на тостах под чёрным перцем, за пирогом с лангустами последовали кунжутные блинчики… Порфир, уловив намёк Энджи, извлёк бутылку охлаждённого «шабли» — любимого вина Даниэллы, насколько помнила Энджи. Кто-то — уж не Свифт ли? — это помнил тоже.

— Наркотики, — сказала Даниэлла четверть часа спустя, доедая утку.

— Не беспокойтесь, — заверил её Порфир. — Когда вы прибудете в Нью-Йорк, там будет всё, что пожелаете.

Даниэлла улыбнулась.

— Вы так забавны. А вам известно, что у меня есть копия вашего свидетельства о рождении? Я знаю ваше настоящее

имя. — Всё ещё улыбаясь, она бросила на него многозначительный взгляд.

— Какая мне разница, — сказал он, наполняя её бокал.

— Интересное замечание, учитывая врождённые дефекты. — Она пригубила вино.

— Врождённые, приобретённые… В наше время кто только себя не изменяет, не правда ли? И ещё как! Кто укладывает вам волосы, дорогая? — Парикмахер подался вперёд. — Вас, Даниэлла, спасает лишь то, что на вашем фоне прочие представители вашего вида и на людей-то не похожи.

Даниэлла улыбнулась.

Само интервью прошло довольно гладко. Даниэлла была достаточно опытна, чтобы не переступить в своих манёврах тот болевой порог, за которым могла бы столкнуться с серьёзным сопротивлением со стороны жертвы. Но когда она провела кончиком пальца по виску, нажимая на подкожную клавишу, которая выключила её записывающее оборудование, Энджи напряглась в ожидании настоящей атаки.

— Спасибо, — сказала Даниэлла. — Остаток полёта, конечно, не для эфира.

— А почему бы вам просто не выпить ещё бутылку-другую и не вздремнуть? — спросил Порфир.

— Чего я действительно не понимаю, дорогая, — сказала Даниэлла, не обращая на него внимания, — так это почему вы так разволновались…

— Разволновалась, Даниэлла?

— Зачем вы вообще ложились в эту пресловутую клинику? Вы ведь говорили, что наркотики никак не влияют на вашу работу. Вы также говорили, что от них нет никаких «глюков» в обычном понимании этого слова. — Она хихикнула. — Однако вы продолжаете настаивать на том, что это было вещество, вызывающее исключительно тяжёлую зависимость. Так почему вы решили соскочить?

— Это было ужасно дорого…

— В вашем случае, конечно, вопрос чисто академический.

«Верно, — подумала Энджи, — хотя неделя на этой дряни мне стоила твоего годового оклада».

— Наверное, мне опротивело платить за то, чтобы чувствовать себя нормальной. Или за слабое приближение к нормальности.

— У вас развился иммунитет?

— Нет.

— Как странно.

— Не так уж и странно. Моделисты конструируют вещества, с которыми, как предполагается, можно избежать традиционной ломки.

— Ага. Но как насчёт новой ломки, я хочу сказать: теперешней ломки? — Даниэлла налила себе ещё вина. — Естественно, я слышала и другую версию произошедшего.

— Правда?

— Конечно. Что это было, кто это сделал, почему вы перестали.

— И?

— Что это был предотвращающий психозы препарат, производимый в собственных лабораториях «Сенснета». Вы перестали его принимать, потому что предпочли остаться сумасшедшей.

Веки Даниэллы затрепетали, затуманивая сверкание голубых глаз. Порфир осторожно вынул из руки журналистки стакан.

— Спи спокойно, детка, — сказал он. Глаза Даниэллы закрылись, и она начала мягко посапывать.

— Порфир, что…

— Я подмешал ей в вино снотворное, — ответил парикмахер. — Она ничего не почувствовала, мисси. И потом не сможет вспомнить ничего, кроме того, что есть у неё в записи… — Он расплылся в улыбке. — Тебе ведь не хочется выслушивать трёп этой суки всю дорогу до Нью-Йорка, правда?

— Но она же поймёт, Порфир!

— Ничего она не поймёт. Мы ей скажем, что она в одиночку уговорила три бутылки и напакостила в ванной. А чувствовать она себя будет соответственно. — Он плотоядно усмехнулся.

Час спустя Даниэлла Старк ещё похрапывала — теперь уже довольно громко — на одной из двух откидных коек в хвостовой части кабины.

— Порфир, — сказала Энджи, — как, по-твоему, может она быть права?

Парикмахер уставился на неё своими невероятно красивыми, нечеловеческими глазами.

— И ты бы не знала?

— Я не знаю…

Он вздохнул.

— Мисси слишком тревожит себя. Ты теперь свободна. Наслаждайся этим.

— Но я и правда слышу голоса, Порфир.

— Разве мы все их не слышим, мисси?

— Нет, — ответила она, — не так, как я. Ты знаешь что-

нибудь об африканских религиях, Порфир?

Он иронично усмехнулся:

— Так я же не африканец.

— Но когда ты был ребёнком…

— Когда я был ребёнком, — сказал Порфир, — я был белым.

— О, чёрт…

Он рассмеялся:

— Религии, мисси?

— До того как я пришла в «Сенснет», у меня были друзья. В Нью-Джерси. Они были чёрными и… верующими.

Парикмахер поморщился и закатил глаза:

— Колдовские знаки, мисси? Петушиные лапки и мятное масло?

— Ты же знаешь, что это совсем не так.

— И что, если знаю?

— Не смейся надо мной, Порфир. Ты мне нужен.

— Я есть у мисси. И да, я знаю, что ты имеешь в виду. И это их голоса ты слышишь?

— Слышала. После того как я подсела на пыль, они ушли…

— А теперь?

— Их нет.

Но момент был упущен, и она отказалась от мысли попытаться рассказать ему о Гран-Бригитте и о наркотике в кармане.

— Хорошо, — сказал он. — Это хорошо, мисси.

«Лир» стал снижаться над Огайо. Порфир уставился перед собой в переборку, неподвижный, как статуя. Глядя вниз на приближающуюся, пока ещё скрытую облаками землю, Энджи вспомнила вдруг игру, в которую часто играла в детстве, когда летала на самолётах. Она тогда представляла, что путешествует среди уплотнившихся, словно по волшебству, облачных пиков и каньонов. Те самолёты принадлежали, скорее всего, «Маас-Неотек». Теперь она летает на «Лирах» «Сенснета».

Коммерческие авиалайнеры оставались для неё лишь съёмочными площадками стимов: девственно свежий — «Конкорды» «Джей-Эй-Эль» только-только восстановлены — перелёт из Нью-Йорка в Париж в обществе Робина и проверенных людей «Сенснета».

Снижаемся. Уже над Нью-Джерси? Слышат ли дети, стайками вьющиеся по детским площадкам на крыше Проекта Бовуа, шум моторов? Скользит ли слабое эхо её присутствия над кондо, где прошло детство Бобби? Какой ясной и светлой казалась будущая жизнь и как немыслимо запутался мир — ритмичное

постукивание тысяч сумасшедших шестерёнок его механизма, где оно? — когда корпоративная воля «Сенснета» встряхнула незримыми игральными костями над ухом никому не известных, ничего ещё не ведающих детей…

— Порфир кое-что знает, — очень тихо сказал вдруг негр. — Но Порфиру нужно время, чтобы подумать, мисси…

Самолёт разворачивался, заходя на посадку.

Глава 26
Куромаку

Салли молчала — и на улице, и в такси — всю долгую холодную дорогу до их отеля.

Салли и Суэйна шантажировал враг Салли, обитающий где-то «на верху колодца». Салли вынуждают похитить Энджи Митчелл. Сама мысль о том, что кто-нибудь может украсть звезду «Сенснета», показалась Кумико совершенно невероятной, как будто кто-то устраивал заговор с целью убить героя мифов.

Финн намекнул, что Энджи и так уже каким-то таинственным образом замешана в эту историю, но он употреблял слова и идиомы, которых Кумико не понимала. Что-то в киберпространстве; какие-то люди заключают сделки с обитающим там существом или существами — не то пакты, не то союзы. Финн когда-то давно знавал парнишку, который стал потом любовником Энджи. Но разве её любовник не Робин Ланье? Мать позволила Кумико посмотреть несколько стимов Энджи и Робина. Парнишка был ковбоем, воровал данные, как Тик в Лондоне…

А что с врагом, с той шантажисткой? Она сумасшедшая, говорил Финн, и её безумие привело к развалу семейной империи. Эта женщина вроде бы жила совсем одна в своём древнем замке, доме под названием «Блуждающий огонёк». Что такого сделала Салли, чтобы вызвать её вражду? Она на самом деле убила отца этой женщины? И кто были другие, те, которые умерли? Гайдзинские имена уже вылетели у девочки из памяти…

И узнала ли Салли то, что хотела узнать, повидав Финна? Кумико ждала под конец от бронированного святилища хоть какого-нибудь прорицания, но разговор-перепалка закончился ничем, гайдзинским ритуалом шуток на прощание.

В вестибюле отеля в голубом бархатном кресле ждал Петал. Англичанин был одет по-дорожному. Его массивное тело было облачено в серую шерстяную тройку. Когда они вошли, он поднялся с кресла, подобно некоему странному воздушному шару. Глаза глядели как всегда мягко поверх очков в стальной оправе.

— Здравствуйте, — кашлянув, произнёс он. — Суэйн послал меня за вами. Чтобы я присмотрел за девочкой.

— Отвези её обратно, — сказала Салли. — Сейчас же.

— Салли! Нет!

Но рука Салли уже крепко сомкнулась на локте Кумико, потащила её ко входу в неосвещённую комнату отдыха при вестибюле.

— Подожди там, — бросила Салли Петалу. — Послушай, — обратилась она к Кумико, затягивая девочку поглубже в тень, — ты сейчас вернёшься обратно. Я не могу теперь допустить, чтобы ты оставалась со мной.

— Но мне там не нравится. Мне не нравится Суэйн, мне не нравится его дом… Я…

— Петала не бойся, — быстро шепнула Салли, наклонясь ещё ближе. — В общем, я бы сказала, что я ему доверяю. Суэйн… ну ты сама знаешь, кто такой Суэйн, но он человек твоего отца. Что бы у них ни случилось, тебя, я думаю, они в это впутывать не станут. А вот если станет плохо, по-настоящему плохо, отправляйся в паб, где мы встречались с Тиком. «Роза и корона». Помнишь?

Кумико кивнула; глаза её были полны слёз.

— Если Тика там не будет, найди бармена по имени Биван и упомяни в разговоре моё имя.

— Салли, я…

— С тобой всё в порядке, — сказала Салли и вдруг нагнулась и поцеловала девочку. Одна из линз на какое-то мгновение коснулась её щеки, удивительно холодная и твёрдая. — Что до меня, малыш, меня тут уже нет.

Действительно, никого — чёрная фигура растворилась в звенящей тишине комнаты отдыха, а в дверях уже стоял Петал и прочищал горло.

Перелёт в Лондон был похож на долгую поездку в подземке. Петал коротал время, вписывая слова — по одной букве зараз — в какую-то идиотскую головоломку в английском факсе новостей. Время от времени он тихонько хмыкал себе под нос. Потом Кумико заснула, и ей приснилась мать…

— Обогреватель работает, — сообщил Петал по дороге из Хитроу. В салоне «ягуара» было неприятно тепло, от сухого жара с запахом кожи болело в груди. Она проигнорировала слова Петала, глядя на блеклый рассвет, на проступающую сквозь тающий снег черноту крыш, лес дымовых труб…

— Знаешь, он на тебя вовсе не сердится, — сказал Петал. — Он чувствует особую ответственность…

— Гири.

— Гм… да. Так вот, ответственность. Салли всегда была… как бы это назвать?.. непредсказуемой, что ли, но мы не ожидали…

— Извини, мне не хочется разговаривать.

Его обеспокоенные глаза в зеркальце заднего вида.

Подъездную аллею обрамляли две вереницы припаркованных машин, длинных серебристо-серых автомобилей с затемнёнными стёклами.

— На этой неделе полно посетителей, — пояснил Петал, припарковывая «ягуар» напротив дома номер 17. Он вышел, открыл перед ней дверь. Девочка оцепенело последовала за ним через улицу и по серым ступенькам вверх; дверь им открыла приземистая красномордая личность в слишком тесном для неё тёмном костюме; Петал прошёл мимо, охранника он словно бы не заметил.

— Стоять, — пролаял краснолицый. — Суэйн сейчас с ней поговорит…

Петал застыл на месте. Смешок — и огромная туша с ошеломляющей лёгкостью развернулась на одном каблуке — и пухлые с виду руки схватили лацканы чёрного пиджака. Затрещали швы.

— В будущем проявляй хоть сколько-нибудь уважения, чёрт побери, — сказал Петал не повышая голоса, но вся его усталая мягкость вдруг куда-то ушла.

— Прошу прощения, шеф. — Красное лицо стало заученно пустым. — Он приказал передать вам…

— Пойдём, — сказал девочке Петал, отпуская тёмный с начёсом лацкан. — Патрон просто хочет поздороваться.

Суэйн сидел за трёхметровым обеденным столом в той же комнате, где Кумико впервые его увидела. Татуированные драконы прятались под белой рубашкой и шёлковым галстуком. Когда Петал и Кумико вошли, он встретился с девочкой взглядом; его вытянутое лицо затенял зелёный абажур лампы, стоящей на столе возле небольшой консоли и толстой кипы факсов.

— Вот и славно, — сказал он. — Ну и как тебе Муравейник?

— Я очень устала, мистер Суэйн. Мне бы хотелось уйти в свою комнату.

— Мы очень рады твоему возвращению, Кумико. Муравейник — опасное место. И тамошние друзья Салли, пожалуй, совсем не подходящее для тебя общество. Твоему отцу вряд ли захочется, чтобы ты общалась с подобными людьми.

— Могу я подняться наверх?

— Ты встречала кого-нибудь из друзей Салли, Кумико?

— Нет.

— Правда? А что вы там делали?

— Ничего.

— Не надо на нас сердиться, Кумико. Мы ведь просто стараемся тебя защитить.

— Спасибо. Могу я теперь уйти к себе?

— Конечно. Ты, должно быть, очень устала.

Петал с дорожной сумкой в руке вышел вслед за девочкой из столовой. Его серый костюм помялся за время полёта. Кумико из осторожности не позволила себе даже поднять глаза, когда они проходили под мраморным бюстом, за которым, возможно, всё ещё прятался модуль «Маас-Неотек». Впрочем, в присутствии Петала и Суэйна забрать его всё равно никакой возможности не было.

В доме чувствовалось нечто новое, какое-то оживление, отрывистое и приглушённое: голоса, шаги, дребезжание лифта, бормотание труб, когда кто-то наполнял ванну.

Кумико сидела в ногах огромной кровати, глядя на чёрную мраморную ванну. Перед ней всё ещё стояли отрывочные образы Нью-Йорка. Стоило зажмурить глаза, и она снова сидела на корточках в тупике подле Салли. Салли, которая прогнала её прочь. Салли, которая ушла и даже не оглянулась Салли, чьё имя было когда-то Молли, а может, Мисти, а может, и то и другое. И снова — её никчёмность. Сумида, мать качается в чёрной воде. Отец. Салли.

Через несколько минут, подгоняемая любопытством, заслонившим на время стыд, она встала, пригладила волосы, сунула ноги в тонкие чёрные гольфы с рубчатыми подошвами и тихонечко выскользнула в коридор. Из прибывшего лифта пахнуло сигаретным дымом.

Краснолицый шагал взад-вперёд по голубому ковру фойе, засунув руки в карманы тесного чёрного пиджака.

— Эй, — сказал он, поднимая брови, — тебе что-нибудь нужно?

— Я хочу есть, — ответила она по-японски. — Я иду на кухню.

— Эй, — повторил он, вытаскивая руки из карманов и одёргивая пиджак, — ты говоришь по-английски?

— Нет, — отозвалась она, проходя мимо него по коридору и сворачивая за угол.

Очередное «эй» прозвучало ещё более встревоженно, но девочка уже шарила за мраморным бюстом.

Она успела опустить модуль в карман за секунду до того, как появился охранник. Профессиональным взглядом он осмотрел помещение — руки расслабленно свисают вдоль тела, — и это сразу напомнило ей о секретарях отца.

— Я хочу есть, — сказала она по-английски.

Пять минут спустя Кумико вернулась к себе с большим и очень британским по виду апельсином: англичане, похоже, не придавали особого значения симметричной форме плодов. Закрыв за собой дверь, она положила апельсин на широкий край чёрной ванны и вынула из кармана модуль.

— Теперь поскорее открой корпус и передвинь рычаг «A/B» в положение «A», — сказал Колин, сфокусировавшись и отбросив чёлку со лба. — У нового режима есть техник, который обходит дом, сканируя каждую щель в поисках «жучков». Как только ты изменишь настройку, ни один прибор не поймёт, что я могу быть подслушивающим устройством.

Воспользовавшись булавкой, она передвинула рычажок.

— Что ты хочешь этим сказать, что за новый режим? — спросила девочка, выговаривая слова одними губами.

— Ты разве не заметила? Здесь теперь по меньшей мере дюжина прислуги, не говоря уже о бесчисленных посетителях. Впрочем, скорее это не новый режим, а переход на более высокий уровень. Твой мистер Суэйн — довольно общительный человек, в своей, я бы сказал, завуалированной манере. Для тебя тут есть разговор — между Суэйном и заместителем главы Особого отдела. Могу себе представить, сколько окажется таких, кто готов пойти на убийство, лишь бы заполучить эту запись, не говоря уже о самом вышеупомянутом чиновнике.

— Особый отдел?

— Тайная полиция. Со странными людьми, чёрт побери, он водится, этот Суэйн: типы из Бук-Хауса, царьки притонов Ист-Энда, старшие офицеры полиции…

— Бук-Хаус?

— Так тут называют Букингемский дворец. Не говоря уже о сомнительных банкирах из Сити, звезде симстима, парочке дорогих сводников, наркодельцах…

— Здесь была стим-звезда?

— Был. Ланье, Робин Ланье.

— Робин Ланье? Он был здесь?

— На следующее утро после твоего внезапного отъезда.

Она заглянула в прозрачные зелёные глаза Колина.

— Ты правду мне говоришь?

— Да.

— Всегда?

— Насколько мне известно, всегда.

— Что ты такое?

— Личностная база данных биочипа «Маас-Неотек», запрограммированная на помощь и содействие японскому гостю в

Объединённом королевстве, — подмигнул он.

— Почему ты подмигиваешь?

— А ты как думаешь?

— Отвечай на вопрос! — Её голос эхом прокатился по зеркальной комнате.

Призрак приложил к губам тонкий палец.

— Ну ладно, я — кое-что ещё. Признаюсь, я проявляю, пожалуй, чуть больше инициативы, чем полагается обычной гид-программе. Модель, на которой я основан, лучшая в своём поколении. Однако я не могу тебе точно сказать, что я такое, так как сам этого не знаю.

— Не знаешь? — Снова осторожно, губами.

— Вообще-то, я много чего знаю, — сказал он, подходя к одному из мансардных окон. — Я знаю, например, что сервировочный столик в Миддл-Темпл-Холле считается сделанным из древесины обшивки «Золотой лани»; знаю, что для того, чтобы подняться на Тауэрский мост, нужно одолеть сто двадцать восемь ступеней; знаю, что на Вуд-стрит прямо за Чипсайдом есть дерево, о котором говорят, что именно в его листве громко запел дрозд Вордсворта. — Колин резко повернулся и взглянул ей в лицо. — Однако это не так, потому что теперешнее дерево было клонировано с оригинала в 1998 году. Видишь ли, я знаю всё это и много больше. Я, например, мог бы обучить тебя азам игры на бильярде. Это то, что я есть, или скорее то, для чего я первоначально предназначался. Но я также — и кое-что иное. И вот это, скорее всего, как-то связано с тобой, правда, не знаю как.

— Ты был подарком моего отца. Ты как-то с ним связываешься?

— Насколько мне известно, нет.

— Ты не сообщал ему о моём отъезде?

— Ты не понимаешь, — возразил призрак. — Я не осознавал, что ты уезжала, пока ты не активировала меня минуту назад.

— Но ты же записывал…

— Да, но не сознавая этого. Я только тогда «здесь», когда ты меня активируешь. Тогда я оцениваю текущую информацию… Одно могу сказать с большой долей вероятности: из этого дома вряд ли возможно послать хоть какое-то сообщение, чтобы его тут же не засекли слухачи Суэйна.

— Может ли вас быть больше, то есть я хочу сказать, в твоём модуле может сидеть ещё один призрак?

— Мысль интересная, но ответ отрицательный, разве что придётся предположить какой-нибудь жутко засекреченный прорыв в технологии. Учитывая объём моего «железа», я заполняю

настоящий корпус целиком. Это я почерпнул из архива общих сведений о технологиях «Мааса».

Девочка задумчиво посмотрела на чёрный модуль.

— Ланье, — сказала она. — Расскажи мне.

— Десять часов двадцать пять минут шестнадцать секунд, — сказал призрак.

Голову Кумико заполнили бестелесные голоса.

Петал: Если вы последуете за мной, сэр…

Суэйн: Проходите в бильярдную.

Третий голос: Лучше бы у вас были на то серьёзные причины, Суэйн. В машине ждут три человека «Сенснета». Ваш адрес будет в базе данных службы безопасности раньше, чем у них остынет мотор.

Петал: Прекрасная машина, сэр, этот ваш «даймлер». Могу я принять у вас пальто?

Третий голос: В чём дело, Суэйн? Почему нельзя было встретиться у Брауна?

Суэйн: Снимите пальто, Робин. Она уехала.

Третий голос: Уехала?

Суэйн: В Муравейник. Сегодня утром.

Третий голос: Но сейчас ещё не время…

Суэйн: Вы думаете, это я её послал?

Ответ незнакомца прозвучал неразборчиво — потерялся за закрывшейся дверью.

— Это был Ланье? — беззвучно спросила Кумико.

— Да, — ответил Колин. — Петал обратился к нему по имени в предыдущем разговоре. Суэйн и Ланье провели вместе двадцать пять минут.

Скрежет петель, шаги.

Суэйн: Просрали, конечно, но только не я. Я говорил вам, что это за птица, просил вас предупредить их. Прирождённая убийца, вероятно, психопатка…

Ланье: Это ваша проблема, а не моя. Вам нужны и их продукт, и моё сотрудничество.

Суэйн: А в чём ваша проблема, Ланье? Как вы-то в это впутались? Просто чтобы убрать с дороги Митчелл?

Ланье: Где моё пальто?

Суэйн: Петал, чёртово пальто мистера Ланье.

Петал: Сэр.

Ланье: У меня такое впечатление, что им так же нужна ваша девица-бритва, как и Энджи. Она определённо является частью расчётов. Её тоже заберут.

Суэйн: Удачи им. Она уже на месте, в Муравейнике. Говорил с ней по телефону час назад. Я сведу её с моим человеком, тем,

который готовит… девушку. И вы тоже возвращаетесь за океан?

Ланье: Сегодня вечером.

Суэйн: Ну тогда не беспокойтесь.

Ланье: До свидания, Суэйн.

Петал: Настоящий ублюдок, этот актёришка.

Суэйн: Не нравится мне всё это…

Петал: Однако тебе нравится товар, не так ли?

Суэйн: Тут жаловаться не приходится, но зачем, скажите на милость, им понадобилась ещё и Салли?

Петал: Бог знает. Они сами не знают, с кем связались.

Суэйн: Они. Не люблю я, когда говорят «они»…

Петал: Возможно, они не будут в восторге, когда узнают, что она отправилась туда сама по себе, да ещё с дочерью Янаки…

Суэйн: Это точно. Но эту мисс Янака мы заполучим назад. Завтра я скажу Салли, что Прайор в Балтиморе, приводит девицу в форму…

Петал: Грязное это дело…

Суэйн: Принеси кофейник в кабинет.

Девочка лежала на спине с закрытыми глазами. Записи Колина прокручивались в её голове: прямой ввод в слуховые нервы. Судя по всему, Суэйн большую часть своих дел обделывал в бильярдной, это означало, что люди прибывали и отбывали, а она слышала только начало и хвосты разговоров. Двое мужчин, одним из которых мог быть красномордый, вели нескончаемую дискуссию о собачьих бегах и ставках на завтра. С особым интересом она прослушала беседу, в ходе которой Суэйн и человек из Особого отдела (Суэйн называл его «ОО») обговаривали один из пунктов сделки прямо под мраморным бюстом, когда гость собирался уходить. Девочке пришлось раз десять останавливать этот отрывок, чтобы затребовать разъяснений. Колин, порывшись в базах, выдавал логичные догадки.

— Это очень продажная страна, — сказала наконец Кумико, глубоко потрясённая услышанным.

— Наверное, не более, чем твоя собственная, — был ответ.

— Но какую игру ведёт Суэйн с этими людьми?

— Информация. Я сказал бы, что наш мистер Суэйн недавно завладел первоклассным источником информации и занят обращением её в иные ценности, то есть в деньги и власть. На основании того, что мы услышали, рискну предположить, что это до некоторой степени в русле его деятельности. Очевидно, однако, то, что он идёт вверх, становится большой шишкой. Налицо свидетельства тому, что в настоящее время он более

влиятельный человек, чем был неделю назад. Судя по тому факту, что набирают новый персонал…

— Я должна рассказать… моему другу.

— Ширс? Рассказать ей что?

— То, что сказал Ланье. Что её возьмут вместе с Анджелой Митчелл.

— Так где же она?

— В Муравейнике. Отель…

— Позвони ей. Но не отсюда. У тебя есть деньги?

— Чип «Мицу-банка».

— Прости, для наших автоматов это не подойдёт. Монеты есть?

Встав с постели, Кумико тщательно перебрала случайную английскую мелочь, скопившуюся на дне сумочки.

— Вот, — сказала она, отыскав толстую позолоченную монету, — десять фунтов.

— Для одного только местного звонка понадобится две таких.

Она бросила металлический червонец обратно в сумочку.

— Нет, Колин, не по телефону. Я знаю лучший способ. Я хочу уйти отсюда. Сегодня же. Ты мне поможешь?

— Конечно, — ответил призрак, — хотя мой тебе совет: не делай этого.

— Но я уйду.

— Очень хорошо. Как ты предлагаешь это совершить?

— Скажу им, что мне нужно пойти за покупками.

Глава 27
Злая леди

Как решила Мона впоследствии, женщина появилась примерно сразу после полуночи, потому что это было уже после того, как Прайор вернулся со второй упаковкой крабов. Крабы у них тут в Балтиморе оказались действительно что надо, со сна и от нервов ей всё время хотелось есть, так что она уговорила его пойти принести ещё. Постоянно заходил Джеральд, чтобы поменять дермы у неё на руках. Всякий раз она встречала его лучшей своей бессмысленной улыбкой, выдавливала после его ухода из дермов жидкость и прилепляла их снова. Наконец Джеральд сказал, что ей надо поспать, выключил лампы и прикрутил ложное окно до минимальной яркости — кроваво-красного заката.

Снова оставшись одна, Мона опустила руку между стеной и кроватью, нащупала шокер…

Потом, сама того не желая, она заснула, красный свет от окна — как закат в Майами, и ей, наверное, снился Эдди или, во всяком случае, танцзал Крючка. Во сне она танцевала с кем-то на тридцать третьем этаже, потому что, когда её разбудил грохот, она, хотя и не была уверена, где находится, тут же представила в голове чёткую схему, как убраться из клуба. Например, она мгновенно сообразила, что, если тут случилась заварушка, лучше всего спускаться по лестницам…

Мона наполовину выбралась из кровати, когда в дверь влетел Прайор. Влетел в прямом смысле. Дверь при этом была закрыта. Влетел он спиной вперёд, дверь же разнесло в щепки.

Мона увидела, как Прайор ударился о стену, потом сполз на пол и вообще перестал двигаться, а в освещённом дверном проёме возник кто-то ещё. Лица человека видно не было — только два изогнутых отражения фальшивого красного заката.

Мона быстро втянула ноги обратно на кровать, перекатилась к стене, её рука скользнула…

— Не шевелись, сучка.

В голосе было что-то такое, от чего по спине у Моны побежали мурашки, и именно потому, что звучал он чертовски весело. Как будто нет ничего приятнее, чем проломить кем-то дверь. Особенно если этот кто-то — Прайор.

— Я говорю, и пальцем не шевели…

Женщина в три шага пересекла комнату и была уже совсем близко, настолько близко, что Мона почувствовала холод,

исходивший от её кожаной куртки.

— Ладно, — выдавила Мона, — ладно…

Тут холодные руки подняли её рывком, а потом она оказалась распластанной на спине — плечи сильно вдавлены в темперлон, и что-то — шокер? — уткнулось ей прямо в лицо.

— Откуда у тебя эта штучка?

— Ну, — выдавила Мона, словно речь шла о чём-то однажды виденном, но после совершенно забытом, — это было в куртке моего парня. Я одолжила у него куртку.

Сердце у Моны билось где-то под горлом. Что-то в этих очках…

— А этот ублюдок знал о ней?

— Кто?

— Прайор, — сказала женщина, отпуская её, чтобы повернуться к Прайору.

Тут она его пнула — раз, другой, потом ещё и ещё — и довольно сильно.

— Нет, — сказала женщина, так же внезапно останавливаясь, — не думаю, что он знал.

В дверях возник Джеральд; вид у него был такой, как будто вообще ничего особенного не случилось, за исключением сломанной двери. Он с сожалением поглядел на её остатки, те, что ещё держались у косяка, провёл большим пальцем по краю разлетевшейся в щепы филёнки.

— Хочешь кофе, Молли?

— Два кофе, — ответила женщина, рассматривая шокер. — Мне — чёрный.

Мона маленькими глотками пила кофе и изучала прикид и причёску незнакомки. Обе они ждали, когда очнётся Прайор. По крайней мере, ничего другого они как будто не делали. Джеральд снова куда-то исчез.

Та, которую Джеральд называл Молли, не походила ни на один тип женщин, которых Мона когда-либо видела. Моне никак не удавалось определить, какой у неё стиль; единственное, в чём Мона была уверена, — это в том, что денег у этой Молли хватает. Причёска Молли была европейской, Мона видела такие в журнале. Она была в общем-то уверена, что едва ли этот стиль — стиль сезона, но стрижка удачно сочеталась со стёклами, которые оказались имплантантами, вживлёнными прямо в кожу. Мона видела такие однажды у таксиста в Кливленде. И на женщине была короткая куртка очень тёмного коричневого цвета — на вкус Моны, слишком скромная, но явно новая и с широким овчинным воротником. Куртка была распахнута, и под ней, закрывая грудь и живот, виднелась странная зелёная штука, похожая на броню, —

чем она, догадалась Мона, наверное, и была. Джинсы скроены из какой-то серо-зелёной, как бы мшистой замши, толстой и мягкой — Мона подумала, что это лучшее в прикиде незнакомки. Она сама была бы не прочь заиметь такие же, разве что их портили ботинки. Эти чёрные ботинки с массивными каблуками напоминали те, которые носят мотогонщики: прокладки из жёлтой резины, широкие тёмные полосы по всему подъёму, повсюду хромированные пряжки, а ещё ужасные толстенные подошвы. И откуда у неё такой лак для ногтей цвета красного вина? Мона даже не думала, что такой ещё производят.

— На что ты там, чёрт побери, пялишься?

— А… ваши ботинки…

— Ну и?

— Они не подходят к брюкам.

— Специально их надела, чтобы выбить дурь из Прайора.

Прайор на полу застонал и сделал попытку подняться. Моне хватило одного взгляда, чтобы почувствовать, что её сейчас стошнит, и она попросилась в ванную.

— Не пытайся сбежать.

Женщина, казалось, наблюдала за Прайором, но за этими стёклами… Кто знает, куда она на самом деле смотрит?

Почему-то она находилась в ванной с косметичкой, пристроенной на коленях, сидела на унитазе и поспешно готовила дозу. Кристалл размолола недостаточно мелко, так что наркотик опалил нёбо, но, как говаривала Ланетта, не всегда же есть время на приятные мелочи. И опять же, разве ей теперь не намного лучше? В ванной Джеральда был небольшой душ, но, судя по внешнему виду, им очень давно не пользовались. Присмотревшись поближе, Мона заметила, что вокруг стока наросла серая плесень и виднелись пятна какой-то грязи, очень похожей на засохшую кровь.

Вернувшись, она увидела, что женщина за ноги волочёт Прайора в соседнюю комнату. Мона разглядела, что Прайор в носках и без ботинок, как будто он собирался соснуть. На голубой рубашке темнели пятна крови, и лицо было сплошь в синяках.

Если Мона что и испытывала, когда наступал приход, так это чистое и невинное любопытство.

— Что вы делаете?

— Думаю, придётся его разбудить, — сказала женщина так, как говорят в подземке о заспавшемся пассажире, который вот-вот пропустит свою остановку.

Мона прошла за ней в рабочую комнату Джеральда, где всё было белым и по-больничному чистым. Она молча смотрела, как

женщина взгромоздила Прайора в кресло наподобие парикмахерского — со всякими рычагами, кнопками и прочими причиндалами. Похоже, дело не в том, что она такая сильная, подумалось Моне, просто она знает, куда переносить вес. Голова Прайора свесилась на сторону, когда женщина закрепила у него на груди чёрный ремень. Мона начала было уже испытывать к нему жалость, но тут вспомнила Эдди.

«Что это?»

Женщина наполняла белый пластиковый сосуд водой из хромированного крана.

Мона всё пыталась это произнести, чувствуя, как под действием «магика» сердце убегает из-под контроля. «Он убил Эдди», — пыталась сказать она, но ничего не выходило. Но потом, наверное, что-то получилось, поскольку женщина ответила:

— Ну с него станется… если ему позволить. Она выплеснула воду на Прайора — в лицо и по всей рубашке. Глаза его распахнулись; белок левого был целиком красным. Щелчок, между металлическими зубцами шокера проскочили белые искры, когда женщина поднесла их к мокрой рубашке. Прайор заорал.

Джеральду пришлось опуститься на четвереньки, чтобы извлечь Мону из-под кровати. Руки у него были мягкие и прохладные. Мона никак не могла вспомнить, как она там оказалась, но сейчас кругом всё было тихо.

— Ты пойдёшь с Молли, Мона, — сказал Джеральд; он был в синем пальто и чёрных очках. Её начало трясти.

— Думаю, стоит дать тебе что-нибудь от нервов.

Мона вырвалась и отпрянула.

— Нет! Не прикасайся ко мне, чёрт тебя побери!

— Оставь её, Джеральд, — сказала от двери женщина. — Тебе пора уходить.

— По-моему, ты сама не знаешь, во что ввязалась, — ответил врач, — но всё равно: удачи.

— Спасибо. Будешь скучать по этому месту?

— Едва ли. Я всё равно собирался уйти на покой.

— И я собиралась, — сказала женщина, и Джеральд ушёл, даже слова не сказав Моне на прощание.

— Есть какие-нибудь вещи? — спросила женщина. — Собери. Мы тоже уходим.

Одеваясь, Мона обнаружила, что не может застегнуть платье на своей новой груди, так что пришлось оставить его как есть, поверх надеть куртку Майкла и до подбородка застегнуть молнию.

Глава 28
Компания

Иногда ему было просто необходимо постоять здесь, глядя на Судью, или присесть на корточки на бетонном полу возле Ведьмы. Время, проведённое с ними, будто удерживало на месте перескоки памяти. Не сами моменты разрыва, а то ощущение, которое возникало у него временами, отрывистое, как бы рваное чувство, что плёнка памяти всё соскакивает и соскакивает с катушки, её зажёвывает… и с каждым разом теряются, уходят частички пережитого… Так и теперь — он сидел, а автоматы делали своё дело, и наконец он заметил, что рядом с ним примостилась Черри.

Джентри остался наверху, на чердаке, с Образом, который он наконец уловил. Он всё нёс что-то об узле или точке пересечения двух орбит макроформа. А потому едва выслушал то, что Слик пытался ему рассказать о доме, обо всём этом безлюдном месте, и о Бобби Графе.

Так что Слик спустился посидеть перед Следователем в темноте и холоде, мысленно перебирая все операции, каждый в отдельности из всех инструментов, какие для этого потребовались, и где именно он откопал каждую из деталей, а потом Черри, протянув руку, коснулась его щеки холодными пальцами.

— Ты в порядке? — спросила она. — Я подумала, может, на тебя опять накатило…

— Нет. Просто иногда мне надо приходить сюда.

— Но он подключил тебя к ящику Графа, да?

— Бобби, — сказал Слик, — его зовут Бобби. Я его видел.

— Где?

— Там, внутри. Там — целый мир. Там есть серый дом, очень странный, похожий на замок или на что-то вроде этого, и он в нём живёт.

— Сам по себе?

— Он сказал, что Энджи Митчелл тоже…

— Наверное, он спятил. А она была там?

— Я её не видел. Видел машину. Он сказал, что это её.

— Последнее, что я слышала: она зависла в какой-то наркоклинике для знаменитостей на Ямайке.

— Не знаю, — пожал он плечами.

— Какой он из себя?

— Выглядит моложе. Кто угодно выглядел бы паршиво со

всеми этими трубками и дрянью, которая в них. Сообразил, что Малыш Африка сбагрил его нам сюда с перепугу. Он сказал, что, если его придут искать, нужно подключить его к матрице.

— Зачем?

— Не знаю.

— Надо было спросить.

Он снова пожал плечами.

— Видела где-нибудь Пташку?

— Нет.

— Пора бы ему уже и вернуться… — Слик встал.

Пташка вернулся на закате, на мотоцикле Джентри. Тёмные крылья волос намокли от снега и мотались у него по плечам, пока он трясся по Пустоши. Слик поморщился: парень шёл не на той передаче. Пташка поднимался по склону из расплющенных баков и нажал на тормоза как раз в тот момент, когда стоило дать газ. Черри охнула, увидев, как Пташка и мотоцикл распрощались друг с другом в воздухе. Мотоцикл на секунду завис, прежде чем, сделав сальто, рухнуть в нагромождение ржавых листов металла, составлявших когда-то одну из внешних построек Фабрики, а Пташка всё катился и катился по зазубренному склону.

Почему-то грохота Слик так и не услышал. Он стоял рядом с Черри в укрытии на лишённой дверей грузовой платформе, а потом — без всякого перехода — уже нёсся на разъезжающихся ногах по снегу. Пташка лежал на спине с окровавленными губами, рот закрыт путаницей шнурков и амулетов, которые он носил на шее.

— Не трогай его, — сказала Черри. — Возможно, сломаны рёбра или внутри всё отбито…

На звук её голоса Пташка открыл глаза. Вытянул губы и сплюнул кровь и обломок зуба.

— Не шевелись, — сказала Черри, опускаясь рядом с ним на колени и переключаясь на не допускающий возражений тон, которому она выучилась в школе медтехов. — Возможно, ты ранен.

— Ч-чёрта с два, леди, — выдавил тот и с помощью Слика с трудом встал на ноги.

— Кровотечение, — сказала девушка. — Ладно, задница. Можно подумать, мне очень хочется тут с тобой возиться.

— Не достал, — сказал Пташка, размазывая по лицу кровь. — Фургон то есть.

— Это я вижу, — ответил Слик.

— Марви и ребята, они не одни, у них там — целая компания. Слетелись, как мухи на навоз. Пара ховеров, вертолёт… Все эти

парни.

— Какие парни?

— Вроде вояк, но они — не солдаты. Солдаты валяют дурака, ржут, когда начальство не смотрит. А эти не так.

— Копы?

Марви и двое его братьев выращивали мутировавшие псилобицины в дюжине полузарытых в землю железнодорожных цистерн. Иногда они пытались варить примитивные аминовые болтушки, но их самопальная лаборатория то и дело взрывалась. Это были ближайшие, если так можно назвать, постоянные соседи Фабрики. В шести километрах.

— Копы? — Пташка выплюнул ещё один кусок зуба и с ухмылкой пощупал десну окровавленным пальцем. — Да что они такого незаконного делают? И с каких это пор копы могут позволить себе такое дерьмо: новёхонькие ховеры, новая «хонда»… — Он хмыкнул сквозь плёнку слюны и крови. — Я поболтался по Пустоши, поглядел на них в трубу. Они не из тех ребят, с кем мне хотелось бы потрепаться, тебе бы тоже не захотелось. Как по-твоему, я вконец раздолбал мотоцикл Джентри?

— За мотоцикл не беспокойся, — сказал Слик. — Я думаю, Джентри занят другим.

— Это хорошо… — Пташка поплёлся по направлению к Фабрике, чуть не упал, но удержался и побрёл дальше.

— Да, глаз как у орла, — сказала Черри.

— Эй, Пташка, — окликнул Слик, — а что с тем пакетом, который я тебе дал для Марви?

Пташка качнулся, сделал ещё шаг, потом с трудом обернулся к ним.

— Потерял.

Потом он исчез, свернув за угол из гофрированной стали.

— Может, они ему приглючились? — предположила Черри. — Я имею в виду тех парней. И вообще всё, что он видел.

— Сомневаюсь, — ответил Слик, утягивая её поглубже в тень, когда к Фабрике из зимних сумерек скользнула чёрная «хонда» с погашенными огнями.

Взбираясь по раскачивающимся лестницам, он слышал, как «хонда» совершает над Фабрикой уже пятый круг: каждый раз вибрировала и гремела железная крыша. Теперь-то, подумал Слик, Джентри должен понять, что у них гости. Шаткий подвесной мост Слик одолел в десять широких осторожных шагов. Он уже начал сомневаться, удастся ли вообще спустить Графа с его носилками, не приварив дополнительную продольную

штангу через пролёт.

На залитый светом чердак он вошёл без стука. Джентри сидел у верстака, склонив голову набок и глядя в широкое окно в крыше, заделанное прозрачным пластиком. На верстаке была свалена груда каких-то компьютерных деталей и мелких инструментов.

— Вертолёт, — сказал Слик, тяжело дыша после крутого подъёма.

— Вертолёт, — задумчиво кивнул Джентри; подпрыгнул хвост спутанных волос. — Похоже, они что-то ищут.

— Я думаю, они это только что нашли.

— Наверное, это — Ядерная Комиссия.

— Пташка видел людей у дома Марви. Говорит, у них там был вертолёт. Ты меня не слушал, когда я пытался тебе объяснить, что он сказал.

— Пташка? — Джентри опустил глаза на блестящие детальки на верстаке. Подобрал два фитинга и загнул их друг о друга.

— Граф! Он сказал мне…

— Бобби Ньюмарк, — перебил его Джентри, — да-да. Теперь я знаю о Бобби Ньюмарке гораздо больше.

За спиной Слика в дверях появилась Черри.

— Тебе придётся что-то сделать с мостом, — сказала она, сразу же подходя к носилкам, — он слишком трясётся. — Она наклонилась проверить показания приборов.

— Подойди сюда, Слик. — Джентри встал и подошёл к проекционному столу. Слик последовал за ним, взглянул на светившееся там изображение. Оно напомнило ему ковры, которые он видел в сером доме, те же узоры и сочетания — только эти были сотканы из тончайших нитей неона и сплетались наподобие бесконечного узла. От попытки заглянуть в центр этого узла у Слика заболела голова. Он отвёл взгляд.

— Что это? — спросил он Джентри. — То, что ты всегда искал?

— Нет. Я же тебе говорил. Это всего лишь узел, макроформ. Модель…

— У него там дом, похожий на замок, и трава, и деревья, и небо…

— У него гораздо больше всего. На целую вселенную больше. То, что ты видел, — конструкт, сработанный из коммерческого стима. А у него там — абстракция общей суммы всех данных, составляющих киберпространство. И всё равно это намного ближе, чем мне удавалось подобраться раньше… Он не сказал тебе, что он там делает?

— Я не спрашивал.

— Тогда тебе придётся сходить к нему ещё раз.

— Эй, Джентри. Послушай. Этот вертолёт, он вернётся. Он вернётся с двумя грузовиками парней, которые, как говорит Пташка, похожи на солдат. Они охотятся не за нами. Они пришли за ним.

— Может, это его люди. Может, они охотятся на нас.

— Да нет же. Он ведь мне сам говорил. Он сказал, что, если появится кто-то по его душу, мы — по уши в дерьме и нам нужно подключить его к матрице.

Джентри опустил глаза на проводки, которые всё ещё держал в руке.

— Мы поговорим с ним, Слик. Ты возвращаешься — и на этот раз я иду с тобой.

Глава 29
Зимнее путешествие

Петал наконец дал своё согласие — но и то лишь после того, как Кумико предложила позвонить отцу и спросить его разрешения. Эта идея отправила Петала с несчастным видом шаркать в поисках Суэйна, а когда он вернулся, вид у него не стал счастливее — ответом было «да». Закутанная в несколько слоёв самой тёплой своей одежды, она стояла в белом фойе, изучая литографии с охотничьими сценками, пока Петал за закрытыми дверьми инструктировал красномордого, которого, как выяснилось, звали Дик. Девочка не могла расслышать отдельных слов, до неё доносился лишь водопад предостережений вполголоса. Модуль «Маас-Неотек» лежал у неё в кармане, но она не спешила его касаться. Колин уже дважды принимался её отговаривать.

Ну вот лекция Петала закончилась, появился Дик. Его маленький жёсткий рот был растянут в улыбке. Под тесный чёрный костюм он надел розовую кашемировую водолазку и тонкий овечьей шерсти жилет. Чёрные волосы плотно прилипали к черепу охранника, а бледные щёки затеняла успевшая отрасти щетина. Кумико легонько сжала в кармане модуль.

— Привет, — сказал Дик, оглядывая её с ног до головы. — Так куда мы пойдём на прогулку?

— На Портобелло-роуд, — подсказал Колин, прислонившийся к стене возле загромождённой пальто вешалки. Дик снял с плечиков пальто, протянув для этого руку сквозь Колина, надел его и застегнул. Затем натянул пару солидных чёрных кожаных перчаток.

— По антикварным на Портобелло-роуд, — сказала Кумико, отпуская модуль.

— И давно вы работаете на мистера Суэйна? — спросила девочка, когда они шли по обледенелой подъездной аллее.

— Довольно давно, — ответил краснолицый. — Смотри не поскользнись. У твоих сапог ненадёжные каблуки…

Кумико семенила на модных французских шпильках. Как она и предполагала, в этих сапогах было почти невозможно передвигаться по стеклянистой щербатой наледи тротуаров. Для равновесия она взяла охранника за руку, почувствовав под пальцами полосу металла через всю ладонь.

Перчатки были утяжелёнными, пальцы усилены

полиуглеродными кольцами.

Дик всю дорогу молчал, пока они не свернули на боковую улицу в конце подъездной аллеи, но когда они вышли на Портобелло-роуд, внезапно остановился.

— Простите, мисс, — сказал он с некоторой заминкой в голосе, — это правда, что говорят ребята?

— Ребята? Прошу прощения?

— Ну мальчики Суэйна. Те, кто постоянно на него работают. Они говорят, что вы дочь большого человека, токийского бонзы.

— Простите, — сказала она, — я вас не понимаю.

— Янака. Ваша фамилия Янака?

— Да, Кумико Янака…

Дик уставился на неё с откровенным любопытством. Потом по его лицу прошла тень тревоги, и он осторожно и очень внимательно огляделся по сторонам.

— Господи, — вырвалось у него, — так, значит, это правда…

Всё его приземистое тело напряглось под туго застёгнутым пальто.

— Шеф сказал, вы хотите пойти за покупками?

— Да, спасибо.

— Куда мне вас отвести?

— Сюда, — сказала она, уводя его в узкую галерею, основательно захламлённую британским гоми.

Как выяснилось, экспедиции за покупками в Синдзюку сослужили ей хорошую службу и здесь. Приёмы, которые она выдумывала, чтобы помучить секретарей отца, оказались вполне эффективными и в этой прогулке с Диком, когда она заставляла бедолагу охранника принимать участие в десятке бессмысленных дискуссий при выборе какого-нибудь медальона эпохи Эдуарда или фрагмента «старинного» витража. И каждый раз выходило так, что она покупала только вещи хрупкие, или тяжёлые, или неудобные для переноски — и обязательно дорогие. Весело болтающая на двух языках продавщица запросила за очередную покупку восемьдесят тысяч фунтов, которые пришлось снять с чипа «Мицу-банка». Кумико потихоньку опустила руку в карман, где лежал модуль «Маас-Неотек».

— Очень изысканно, — сказала по-японски продавщица-англичанка, заворачивая покупку Кумико, вазу из позолоченной бронзы, инкрустированную грифонами.

— Полный кошмар, — прокомментировал по-японски Колин. — К тому же подделка. — Он растянулся на очень викторианской с виду софе, набитой конским волосом, закинув ноги на коктейльную стойку в стиле «арт-деко», поддерживаемую

двумя несущимися в полёте алюминиевыми ангелами.

Продавщица добавила вазу к поклаже Дика. Это был одиннадцатый по счёту антикварный магазин и восьмая покупка японки.

— Думаю, тебе пора делать свой ход, — посоветовал Колин. — В любую минуту Дик может позвонить Суэйну и вызвать машину, чтобы отвезти вас домой.

— Думаю, это всё, не так ли? — с надеждой спросил Дик из-за горы свёртков.

— Ещё один магазин, пожалуйста, — улыбнулась девочка.

— Хорошо, — мрачно ответил он.

Охранник замешкался, протискиваясь в дверь, а она тем временем загнала каблук в трещину на мостовой, которую приметила при входе.

— С вами всё в порядке? — спросил он, увидев, что Кумико споткнулась.

— Я сломала каблук…

Проковыляв назад в магазин, девочка присела рядом с Колином на волосяную софу. Вокруг неё, желая помочь, засуетилась продавщица.

— Быстро снимай их, — посоветовал Колин, — пока Дик не положил покупки на мостовую.

Кумико расстегнула молнию на сапоге со сломанным каблуком, потом расстегнула на другом и сбросила оба. Вместо грубого китайского шёлка, какой она обычно носила зимой, её ноги защищали тонкие чёрные каучуковые гольфы с жёсткими пластиковыми подошвами. В дверях магазина она собиралась пригнуться и проскочить между ног Дика, но промахнулась и толкнула его локтем в бедро, опрокинув охранника на витрину с гранёными хрустальными графинами.

И наконец Кумико свободна, продирается сквозь толпу туристов на Портобелло-роуд.

У неё очень замёрзли ноги, но рубчатые пластиковые подмётки давали великолепное сцепление — кроме как на льду, напомнила она себе, отряхивая с рук мокрый песок после того, как поскользнулась во второй раз. Колин отправил её бегом по узкому проходу со стенами из закопчённого кирпича…

Кумико крепче стиснула модуль.

— Теперь куда?

— Сюда, — сказал призрак.

— Мне нужна «Роза и корона», — напомнила она ему.

— Прежде всего тебе нужно быть осторожной. На вызов Дикки сюда сейчас прибегут люди Суэйна, не говоря уже об охоте,

какую способен объявить его дружок из Особого отдела, если его попросят. А я не вижу причины, почему бы его не попросить…

В «Розу и корону» девочка вошла через боковую дверь — с Колином у локтя, — оглянулась, испытывая благодарность за уютный полумрак паба и окутавшее её тепло, которые, казалось, составляли суть этих питейных нор. Её поразило обилие обивки повсюду — на стенах, на сиденьях — и глушащих звуки занавесей. Будь ткани и краски хоть чуть-чуть менее выцветшими, сам эффект был бы наверняка не столь тёплым. Маленькая японка решила, что пабы, пожалуй, наиболее полно отражают британское отношение к гоми.

Подгоняемая Колином, она протолкалась через толпу подвыпивших клиентов у стойки бара в надежде отыскать Тика.

— Что тебе, дорогуша?

Подняв глаза, девочка увидела над собой широкое лицо блондинки за стойкой — пятно яркой помады, нарумяненные щёки.

— Прошу прощения, — начала Кумико, — мне бы хотелось поговорить с мистером Биваном…

— Мне пинту, Элис, — сказал кто-то справа, швыряя на стойку три десятифунтовые монеты, — светлого.

Элис нажала на белый керамический рычаг, наполняя кружку прозрачным пивом. Она поставила кружку на поцарапанную стойку и смахнула монеты в кассу.

— Тебя тут хотят на два слова, Биван, — сказала она, когда мужчина взялся за свою пинту.

Кумико взглянула вверх на плоское раскрасневшееся лицо. Верхняя губа у мужчины была слишком короткой, и Кумико почему-то вспомнились кролики, хотя Биван был очень большим, почти с Петала ростом. И глаза у него были кроличьи: круглые, коричневые, с очень узеньким ободком белка.

— Меня?

Акцент бармена заставил её вспомнить о Тике.

— Скажи ему «да», — прошептал Колин. — Ему невдомёк, почему маленькая японская девочка в гольфах явилась к нему в пивную.

— Я хочу найти Тика.

Биван равнодушно разглядывал её поверх кружки.

— Извини, — сказал он, — боюсь, я не знаю никого с таким именем. Он выпил.

— Салли сказала мне, что, если Тика здесь не будет, я должна разыскать вас. Салли Ширс…

Биван подавился пивом, зрачки у него закатились.

Закашлявшись, он поставил кружку на стойку и вытащил из кармана пальто носовой платок. Высморкался и вытер рот.

— Моя смена в пять, — сказал он. — Лучше пройдём в подсобку.

Элис подняла откидную стойку, и Биван, быстро глянув через плечо, махнул Кумико похожей на лопату ладонью, чтобы она проходила. Узкий проход вёл в небольшое помещение за баром. Неровные кирпичные стены подсобки покрывал толстый слой грязно-зелёной краски. Биван остановился возле помятой стальной корзины с махровыми полотенцами, от которых воняло пивом.

— Если ты хочешь подставить меня, девочка, ты об этом сильно пожалеешь, — процедил он. — Скажи мне, почему ты ищешь этого Тика?

— Салли в опасности. Мне нужно найти Тика. Я должна ему кое-что рассказать.

— Чёрт побери, — буркнул бармен: — Поставь себя на моё место…

Колин сморщил нос, посмотрев на сырые полотенца в корзине.

— Да? — спросила Кумико.

— Если ты нарк, а я отправлю тебя искать этого Тика — при условии, что я его знаю, — а он под колпаком или на какой-нибудь дряни, тогда он обрушится на меня, так? А если нет, то есть ещё эта Салли, тогда, промолчав, я получу от неё, понимаешь?

Кумико кивнула:

— Между молотом и наковальней.

Эту идиому однажды употребила Салли, и Кумико находила её очень поэтичной.

— Вот именно, — отозвался Биван, как-то странно посмотрев на девочку.

Он запустил руку в редеющие рыжеватые волосы.

— И всё же ты мне поможешь, — услышала она свой голос, чувствуя, как с щелчком встаёт на место холодная маска матери. — Скажи мне, где найти Тика.

Бармен поёжился, хотя в подсобке было тепло, даже слишком. К запаху пива примешивался едкий дух дезинфекции.

— Ты знаешь Лондон?

Колин подмигнул.

— Я найду дорогу, — ответила девочка.

— Биван, — окликнула Элис, высовываясь из-за угла, — грязь.

— Полиция, — перевёл Колин.

— Маргейт-роуд, СВ-2, — быстро проговорил Биван, — не знаю ни номера квартиры, ни номера телефона.

— Скажи ему, чтобы он вывел тебя через чёрный ход, — сказал Колин. — Это не простые полицейские.

Кумико всегда будет помнить это бесконечное путешествие по станциям городской подземки. Как Колин повёл её от «Розы и короны» к Холленд-парку и дальше вниз, объясняя по пути, что её чип «Мицу-банка» теперь не просто бесполезен — опасен. Если она воспользуется им, чтобы заплатить в такси или за любую покупку, сказал призрак-гид, денежный перевод магниевой вспышкой полыхнёт в решётке киберпространства, где её тотчас увидит рыщущий там оператор из Особого отдела. Но ей надо отыскать Тика, настаивала девочка, ей нужно на Маргейт-роуд. Колин нахмурился. Не сейчас, сказал он, подумав, подожди до темноты. До Брикстона недалеко, но улицы для тебя слишком опасны при дневном свете, учитывая то, что вся полиция на стороне Суэйна. Но где ей спрятаться, спросила она. У неё очень мало наличных; сама идея валюты — монет и клочков бумаги — казалась маленькой японке эксцентричной и непостижимо чужой.

— Здесь, — сказал он, когда эскалатор вёз её вниз на станцию «Холленд-парк». — И всего за стоимость одного билета.

Выпуклые серебристые силуэты поездов. Мягкие старые сиденья в серо-зелёных тонах. Тепло, восхитительное тепло. Ещё одна нора, здесь, в стране непрестанного движения…

Глава 30
Добыча

Аэропорт засосал нетвёрдо держащуюся на ногах Даниэллу Старк в коридор, вдоль пастельных стен которого жались репортёры. Объективы камер и глаза-имплантанты пялились из толпы на звезду, в то время как Порфир и трое парней из службы безопасности «Сенснета» увлекали Энджи за собой сквозь смыкающееся кольцо журналистов. Настоящий ритуальный балетный номер, целью которого было не столько защитить звезду, сколько привнести в ролики чуточку драматизма. Каждого присутствующего уже «почистили» служба безопасности и отдел по связям с общественностью.

Наедине с Порфиром она оказалась лишь в скоростном лифте — по пути к вертолётной площадке, которую «Сенснет» оборудовала на крыше терминала.

Дрогнув, разошлись двери, и в кабину ворвался ветер, сырой и холодный. На ярко освещённой бетонной площадке их ждало очередное трио из охраны в гигантских флуоресцентно-оранжевых парках. Энджи вспомнила, как впервые увидела Муравейник. Она тогда вместе с Тёрнером ехала на поезде из Вашингтона.

Одна из оранжевых парок быстро провела их по безупречно чистой взлётной полосе из бетона к большому двухвинтовому «фоккеру», отделанному чёрным хромом. Первым по паутинчатому матово-чёрному трапу поднялся Порфир. Энджи последовала за ним, ни разу не оглянувшись.

Она почувствовала, что созрела для решительных действий. Она свяжется с Гансом Беккером через его агента в Париже. Номер есть у Континьюити. Пришло время вмешаться и ускорить события. И ей придётся серьёзно поговорить с Робином. Он ведь ждёт её сейчас в том самом отеле.

Вертолёт посоветовал пристегнуть ремни.

Машина плавно поднялась в воздух; в кабину не проникало ни звука, только чувствовалось, как вибрирует корпус. На какое-то мгновение Энджи показалось, что она способна удержать в сознании разом всю свою жизнь — распознать то, что она есть на самом деле. Именно эту суть, думала она, скрывала, наплывая, пыль, именно это и было свободой от боли.

— И местом расставания с душой, — произнёс из сияния свечей и гуда пчелиных ульев железный голос…

— Мисси? — С соседнего сиденья к ней наклонился

Порфир…

— Мне снилось…

Много лет назад что-то, затаившись, поджидало её в «Сенснете». Нечто иной природы, не той, что лоа, не той, что Легба и другие… хотя Легба — Хозяин Перекрёстков; он — синтез, главная точка магии и коммуникаций…

— Порфир, — спросила она, — почему уехал Бобби?

Она смотрела в окно на сеть светящихся линий — магистрали Муравейника, на купола, выхваченные из тьмы красными сигнальными огнями, но вместо города видела информационные ландшафты, которые всегда манили Бобби назад — к той единственной игре, в которую, по его словам, только и стоит играть.

— Если не знаешь ты, мисси, — отозвался Порфир, — то кто же тогда может знать?

— Но до тебя же доходят все разговоры. Всё. Все слухи. Ты всегда всё знал…

— Почему ты спрашиваешь меня сейчас?

— Время пришло…

— Я помню сплетни, понимаешь? То, что болтают за спинами знаменитостей. Некто, например, заявлял, что знал Бобби, что тот кому-то что-то сказал и это вышло наружу… О Бобби имело смысл посудачить, потому что он был с тобой, понимаешь? Это неплохо для начала, мисси. Но мы же знаем, что его самого эта роль вряд ли устраивала. Суть в том, что он хотел пробиться сам, а вместо признания нашёл тебя. И ты стала подниматься всё выше и всё быстрей, чем сам он мог бы даже мечтать. Ты взяла его с собой наверх, понимаешь? Туда, где такие деньги, о каких ему даже не снилось в его Барритауне, просто мелочь…

Не сводя глаз с Муравейника, Энджи кивнула.

— Поговаривали, что у него были свои амбиции, мисси. Что-то гнало его. И в результате прогнало прочь…

— Я никогда не думала, что он может меня бросить, — сказала она. — Когда я впервые оказалась в Муравейнике, это было как родиться заново. Новая жизнь. И он уже был в ней, с самой первой ночи. Позднее, когда Легба… когда я попала в «Сенснет»…

— Когда ты начала превращаться в Энджи.

— Да. И как бы это меня ни меняло, я знала, что он всегда будет рядом. Я знала, что он никогда не купится на эту мишуру. Мне так нужно было это его отношение к «Сенснету», понимаешь? То, что он считал, что моя слава и все эти стимы — не более чем обычный заработок…

— А при чём тут «Сенснет»?

— Скорее дело в Энджи Митчелл. Он знал, в чём разница между мной и звездой симстима.

— Знал ли?

— Возможно, именно он и был этой разницей.

Далеко внизу проплывают светящиеся нити…

Старое здание «Нового Агентства Судзуки» было любимым отелем Энджи в Муравейнике — с самых первых дней её пребывания в «Сенснете».

До одиннадцатого этажа вверх тянулся обычный фасад, потом он начинал вдруг сужаться, и следующие девять уступов походили на горный склон, сложенный из скалистых пород. Породу извлекли при закладке фундамента нового здания на Мэдисон-сквер. Первоначальный план требовал, чтобы этот отвесный ландшафт был засажен флорой, присущей долине Гудзона, и населён соответствующей фауной. Но из-за последовавшего вскоре строительства первого манхэттенского купола пришлось вызвать обосновавшуюся в Париже команду экодизайнеров. Французские экологи, привыкшие к «чистым» дизайнерским проблемам, возникающим в орбитальных комплексах, пришли в отчаяние, столкнувшись с загрязнённой атмосферой Муравейника. Они предпочли сделать ставку на генную инженерию, чтобы вывести искусственные штаммы растительности, и на робото-фауну, используемую в детских развлекательных парках. А постоянное покровительство Энджи со временем придало этому месту особую притягательность, которой оно иначе бы не имело. «Сенснет» выкупила пять верхних этажей, чтобы оборудовать их под её постоянные апартаменты, и «Новое Агентство» приобрело запоздалую популярность среди артистов и антрепренёров.

Энджи улыбнулась, когда вертолёт прошёл рядом с безучастным механическим горным козлом, делающим вид, что пережёвывает лишайник возле подсвеченного водопада. Абсурдность этой сцены посреди Муравейника всегда её радовала. Ею наслаждался даже Бобби.

Она перевела взгляд на вертолётную площадку на крыше здания, где логотип «Сенснета» недавно заново вывели яркой краской на постоянно подогреваемом и ярко освещённом бетоне. Возле скульптурного выступа скалы стояла одинокая фигура, почти неразличимая под огромной ярко-оранжевой паркой.

— Робин, наверное, уже здесь, как ты думаешь, Порфир?

— Миста Ланье, — кисло отозвался парикмахер.

Энджи вздохнула.

Чёрный хромированный «фоккер» мягко приземлился; в баре

тихонько зазвенели бутылки, когда шасси коснулось бетона крыши. Дрожь мотора утихла.

— Порфир, что касается Робина, то первый шаг придётся сделать мне. Я собираюсь поговорить с ним сегодня вечером. Наедине. А пока что я хочу, чтобы ты держался от него подальше.

— Порфир доволен, мисси, — произнёс парикмахер, когда за их спинами открылась дверца кабины.

И вдруг рванулся, дёрнул пряжку пристяжного ремня, а Энджи, повернувшись, увидела в проёме оранжевую парку, поднятую руку, зеркальные очки. Шума от пистолета было не больше, чем от зажигалки, но Порфир конвульсивно дёрнулся, его длинная чёрная рука схватилась за горло. Охранник, задвинув за собой дверь, бросился к Энджи.

Что-то твёрдое ткнулось ей в живот. Порфир, как тряпичная кукла, обмяк на сиденье, изо рта у него высунулся острый кончик розового языка. Непроизвольно она опустила глаза — всего-навсего чёрная хромированная пряжка пристяжного ремня с налепленным на неё ромбом из зеленоватого пластика.

Потом взгляд Энджи упёрся в белый овал лица, обрамлённый оранжевым нейлоновым капюшоном. Энджи увидела собственное лицо — белое от шока, удвоенное серебром линз.

— Он что-нибудь пил сегодня?

— Что?

— Он. — Большой палец дёрнулся в сторону Порфира. — Он пил какой-нибудь алкоголь?

— Да… пару часов назад.

— Вот чёрт. — Голос был женский. Фигура повернулась к потерявшему сознание парикмахеру. — А я вкатила ему транквилизатор. Не хотелось бы подавить дыхательный рефлекс, знаешь ли. — Энджи смотрела, как женщина щупает Порфиру пульс. — Думаю, с ним всё в порядке. — Кажется, женщина пожала плечами где-то в глубинах своей огромной парки.

— Охрана?

— Что? — Блеснули очки.

— Вы из службы безопасности «Сенснета»?

— Чёрт побери, нет. Это похищение.

— Вы меня похищаете?

— Наконец-то дошло.

— Почему?

— Причины довольно необычные. Кое-кто точит на тебя зуб. И на меня тоже. Предполагалось, что этим займусь я, то есть уволоку тебя на следующей неделе. Хрен им. Всё равно мне надо с тобой поговорить.

— Вам? Поговорить со мной?

— Ты знаешь кого-нибудь по имени 3-Джейн?

— Нет. То есть да, но…

— Побереги дыхание. Уносим ноги. Быстро.

— Порфир…

— Он скоро очнётся. И, глядя на него, мне бы не хотелось при этом присутствовать…

Глава 31
З-Джейн

«Если всё это тоже находится в загородном доме Бобби, — подумал Слик, открывая глаза посреди какого-то закруглённого узкого коридора, — то дом его — ещё более странное место, чем ему показалось в первый раз». Воздух в проходе был плотный и словно бы мёртвый. Светящаяся полоса зеленоватой стеклянной плитки на потолке создавала впечатление, будто бредёшь глубоко под водой. Потолок и стены туннеля — из какого-то стекловидного бетона. По ощущению — тюрьма.

— Наверное, мы вышли в подвал или в какое другое подобное помещение, — сказал он, обратив внимание на слабое эхо от своих слов.

— Не вижу причины, почему мы должны были попасть в тот же самый конструкт, который ты видел раньше, — возразил Джентри.

— Тогда что это? — Слик тронул бетонную стену, та была тёплой на ощупь.

— Какая разница, — отозвался Джентри. Не оглядываясь по сторонам, Джентри зашагал вперёд. За поворотом пол превратился в неровную мозаику из битого фарфора — осколки были вплавлены во что-то, похожее на эпоксидку, скользкую под подошвами.

— Взгляни на это…

Тысячи различных узоров, и все из осколков, и никакого общего замысла — яркие кусочки подобраны наобум, по чистой случайности.

— Искусство. — Джентри пожал плечами. — Чьё-то хобби. Кому как не тебе это оценить, Слик Генри.

Кто бы ни были эти дизайнеры, о стенах они не побеспокоились. Слик присел, чтобы провести пальцами по мозаике пола, почувствовал зазубренные края битой керамики, гладкий твёрдый пластик между ними.

— Хобби? Что ты имеешь в виду?

— Это вроде тех штук, которые делаешь ты, Слик. Эти твои игрушки из металлолома… — Губы Джентри опять вытянулись в напряжённую, сумасшедшую усмешку.

— Много ты понимаешь! — огрызнулся Слик. — Угробил свою дурацкую жизнь, чтобы сообразить, какая форма у этого твоего киберпространства, а у него, может, и формы-то никакой нет. И потом, кому до этого дело?

Ничем случайным ни в Судье, ни в остальных и не пахло. Процесс был случаен, но результаты должны были отвечать внутренней боли, которую он не мог выказать напрямую.

— Да ладно тебе, — пожал плечами Джентри. — Пошли.

Но Слик не двинулся с места, лишь поднял глаза, увидел напряжённое лицо. Бледные, тусклые глаза «философа» в этом призрачном свете казались серыми. И почему он вообще терпит Джентри?

Потому что на Пустоши нельзя прожить одному. Плевать на электричество. Вся эта хозяйственная рутина — в сущности дребедень. Просто нужен кто-то рядом. С Пташкой не поговоришь: парнишку вообще мало что интересует, а кроме того, всё, что он мелет, сплошь захолустная чушь. И пусть Джентри ни за что этого не признает, Слик чувствовал, что тот понимает многое.

— Ладно, — сказал Слик, вставая, — пошли.

Туннель скручивался, завивался кишками. Участок с мозаичным полом остался позади, за бог знает сколькими поворотами и спусками-подъёмами по коротким винтовым лестницам. Слик всё пытался представить себе, как выглядит снаружи здание, у которого такие подвалы, и не мог. Джентри шагал быстро, не переставая щуриться и покусывая губу. Слику казалось, что воздух становится всё более спёртым.

Поднявшись по ещё одной лестнице, они вышли на прямой отрезок коридора, превращающегося в глубине вообще непонятно во что. Коридор был шире предыдущих участков с поворотами, и пол здесь был бугристым и мягким от множества небольших мохнатых ковриков, слоями разложенных на бетоне. Каждый коврик имел собственный узор и расцветку — в основном красных и синих тонов, — но, если вглядеться, все орнаменты состояли из всё тех же зубчатых ромбов и треугольников. Запах пыли стоял здесь гуще, и Слик решил, что это от ковров: они выглядели совсем ветхими. Те, что лежали наверху и поближе к центру, местами были протёрты до дыр. Тропа. Будто кто-то годами ходил здесь туда-сюда. Одни секции световых полос над головой были совсем тёмными, другие слабо пульсировали.

— Куда теперь? — спросил он Джентри. Тот смотрел себе под ноги, теребя большим и указательным пальцами пухлую губу.

— Туда.

— С чего ты взял?

— Потому что это совершенно не важно.

От хождения по коврам у Слика устали ноги. Приходилось следить за тем, чтобы не споткнуться, попав носком в протёртую

кем-то дыру. Однажды он наступил на стеклянную плитку, отвалившуюся от полосы освещения. Через равные промежутки им попадались участки стен с заделанными бетоном арками. Они выделялись своей более светлой фактурой.

— Джентри, мы, наверное, где-нибудь под землёй. В каком-то подвале.

Но Джентри лишь поднял руку, так что Слик ткнулся в неё, и оба они замерли, уставившись на девушку, стоящую за ковровыми волнами в конце коридора. Видение было не далее чем в десятке метров от них.

Она сказала что-то на языке, который Слик принял за французский. Голос был звонким и музыкальным, но тон — деловым. Девушка улыбнулась. Спутанные тёмные волосы только усиливали её неестественную бледность. Красивое лицо с высокими скулами, тонкий длинный нос, широкий рот.

Слик почувствовал, как у его груди дрожит рука Джентри.

— Всё в порядке, — сказал он, отводя руку ковбоя. — Мы просто ищем Бобби.

— Все ищут Бобби, — ответила незнакомка с акцентом, которого Слик не смог распознать. — Я сама его ищу. Его тело. Вы не видели его тела? — Она сделала шаг назад, будто собираясь убежать.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, — сказал Слик, внезапно ощутив собственный запах, идущий от въевшейся в джинсы и коричневую куртку смазки. И Джентри, если подумать, выглядел не очень-то успокаивающе.

— Пожалуй, нет, — сказала она; в тусклом свете блеснули белые зубы. — Но опять же, я не уверена, что вы оба мне нравитесь.

Слику очень хотелось, чтобы Джентри сказал хоть что-нибудь, но тот молчал.

— Ты знаешь его… Бобби? — рискнул он.

— Он — настоящий умница. Необычайно умён. Хотя не могу сказать, что он мне действительно нравится. — Её чёрный свободный балахон свисал до колен. Девушка была босиком. — Тем не менее я хочу его тело. — Она рассмеялась. Всё изменилось.

— Соку? — спросил Бобби Граф, протягивая высокий стакан с чем-то жёлтым. В воде бирюзового озерца отражались солнечные зайчики, мечущиеся по пальмовым листьям над головой. На Бобби не было никакой одежды, если не считать тёмных очков. — Что с твоим другом?

— Ничего особенного, — услышал Слик голос Джентри. — Он

отсидел срок и заработал искусственный синдром Корсакова. Такие переходы пугают его до чёртиков.

Слик неподвижно лежал в белом железном шезлонге с синими подушками, чувствуя, как сквозь промасленные джинсы припекает солнце.

— Ты тот, про кого он говорил? — спросил Бобби. — Тебя зовут Джентри? Владелец фабрики?

— Джентри.

— Ты ковбой. — Бобби улыбнулся. — Компьютерный жокей. Человек киберпространства.

— Нет.

Бобби потёр подбородок.

— Знаешь, мне тут бриться приходится. Порезался, теперь вот шрам… — Он отпил полстакана сока и вытер ладонью рот. — Так ты не ковбой? А как же ты тогда сюда попал?

Джентри расстегнул расшитую бусинами куртку, обнажив белую как мел, безволосую грудь.

— Сделай что-нибудь с солнцем, — сказал он.

Сумерки. Вот так.

Даже никакого щелчка. Слик услышал собственный стон. В пальмах за выбеленной стеной шуршали насекомые. На рёбрах остывал пот.

— Прости, приятель, — сказал Бобби Слику. — Твой синдром Корсакова, должно быть, очень неприятная штука. Но это место просто прекрасно. Недалеко от Валларты. Принадлежало когда-то Тэлли Ишэм… — Тут он снова повернулся к Джентри: — Если ты не ковбой, приятель, то кто же ты?

— Я такой же, как ты, — сказал Джентри.

— Я ковбой.

Над головой Бобби вверх по стене наискось проскользнула ящерица.

— Нет. Ты здесь не для того, чтобы что-то украсть, Ньюмарк.

— Откуда ты знаешь?

— Ты здесь, чтобы кое-что узнать.

— Это одно и то же.

— Нет. Когда-то ты был ковбоем, но теперь стал кем-то другим. Ты кое-что ищешь, однако красть это не у кого. Я тоже это ищу.

И Джентри начал ему объяснять про Образ. Резные тени пальм уже сгустились в мексиканскую ночь, а Бобби сидел и слушал.

Когда Джентри закончил, Бобби долго молчал.

— М-да, — протянул он через некоторое время. — Ты прав. Если начистоту, я пытаюсь выяснить, что вызвало Перемену.

— А до неё, — подхватил Джентри, — киберпространство не имело Образа.

— Эй, — вмешался Слик, — до того как попасть сюда, мы побывали где-то ещё. Что это было?

— «Блуждающий огонёк», — сказал Бобби. — На верху колодца. На орбите.

— Кто та девушка?

— Девушка?

— Темноволосая, худощавая.

— А, эта, — донёсся из темноты голос Бобби, — это З-Джейн. Вы её видели?

— Странная она, — сказал Слик.

— Она мёртвая, — сказал Бобби. — Вы видели её конструкт. Растранжирила всё состояние своей семьи, чтобы построить эту штуку.

— Ты… э-э… живёшь с ней? Здесь.

— Она терпеть меня не может. Видишь ли, я это всё украл. Украл её «ловца душ». Когда я рванул в Мексику, она уже успела вогнать в «алеф» свой конструкт, так что она всегда была здесь. Закавыка в том, что она умерла. Я хочу сказать, во внешнем мире умерла. А тем временем всё её дерьмо там, снаружи, все её аферы, махинации живут себе поживают. Ими заправляют её адвокаты, всякие там дельцы… — Он усмехнулся. — Это приводит её в бешенство. Люди, которые рвутся на вашу фабрику, чтобы забрать «алеф», работают на подставное лицо, а то — на тех, кого она наняла ещё на Побережье. По правде говоря, я заключил с ней довольно странную сделку, мы кое-чем обменялись. Сумасшедшая она или нет, но играет по-честному…

Даже никакого щелчка.

Сперва Слик решил, что они вернулись в тот серый дом, где он встретил Бобби впервые, но эта комната была меньше и ковры и мебель отличались от тех, правда, он не мог сказать чем. Богато, но без пошлости. Тишина. На длинном деревянном столе горела лампа под стеклянным зелёным абажуром.

Высокие окна с выкрашенными белой краской рамами разделяют белизну за окнами на равные прямоугольники, и белизна эта, наверное, снег… Он стоял, касаясь щекой мягкой шторы, глядя в защищённую каменной оградой снежную пустоту.

— Лондон, — говорил тем временем Бобби. — Ей пришлось отдать мне это в обмен за серьёзные вуду-дела. Думал, что они не захотят иметь с ней никаких дел. Много бы ей это, чёрт побери, дало! А вот они стали как-то блекнуть, расплываться, что ли. Иногда их ещё можно вызвать, но отдельные личности

сливаются… как шарики ртути…

— Всё сходится, — сказал Джентри. — Они вышли из первопричины, из того, «Когда Всё Изменилось». До этого ты уже додумался. Но ты ещё не знаешь, что именно там произошло, так?

— Нет. Знаю только где. В «Блуждающем огоньке». Она рассказала мне эту часть истории. Думаю, это всё, что она знает. На самом деле ей на это плевать. Её мать создала парочку ИскИнов, очень давно, когда они только-только начали появляться. Судя по всему, мощные были штуки. Потом мать умерла, а ИскИны вроде бы просочились в компьютерные базы данных корпорации или даже в само «железо», там, наверху. Один из них стал вести собственную игру. Хотел слиться со вторым…

— Слился. Вот тебе первая причина. Всё изменилось.

— Так просто? Откуда ты знаешь?

— Потому что я шёл к этому с другой стороны, — сказал Джентри. — Ты сделал ставку на причину и следствие, а я искал контуры, образы во времени. Ты искал по всей матрице внутри, а я рассматривал её снаружи как единое целое. Я знаю то, чего не знаешь ты.

Бобби не ответил. Слик отвернулся от окна и увидел девушку, ту самую. Она стояла у противоположной стены наискосок от него. Просто стояла.

— Дело не в одних лишь тессье-эшпуловских ИскИнах, — продолжал Джентри. — На верх колодца поднялись люди, чтобы взломать базы данных в сердечниках «Т-Э». Они принесли с собой китайский военный ледоруб.

— Кейс, — вставил Бобби. — Парень по имени Кейс. Эту часть я знаю. Скоординированная атака с двух сторон…

Слик наблюдал за девушкой.

— И сумма оказалась больше слагаемых? — Судя по всему, Джентри действительно наслаждался разговором. — Кибернетический бог? Ходящий по воде аки посуху?

— Ага, — сказал Бобби. — Вроде того.

— Всё, пожалуй, гораздо запутаннее, чем ты думаешь, — сказал Джентри и рассмеялся. А девушка исчезла. Никакого щелчка. Слик вздрогнул.

Глава 32
Зимнее путешествие (2)

Ночь спустилась, когда вечерняя толчея достигла своего пика, но всё равно это было не похоже на Токио — никаких тебе сиросисан, чья работа была вклинивать в набитый вагон запоздалых пассажиров перед самым закрытием дверей. Стоя на ветреной платформе Центральной линии, Кумико задумчиво смотрела на опускающуюся на город розовую дымку заката. Колин прислонился к сломанному торговому автомату с рядом пыльных, в трещинах, окошек.

— Теперь пора, — сказал он, — и когда пойдёшь по Бонд-стрит и Оксфорд-Серкус, держись скромнее и старайся опускать голову.

— Но мне же придётся заплатить на выходе?

— Если уж на то пошло, это делает отнюдь не каждый, сказал он, отбрасывая чёлку со лба.

Девочка направилась к лестницам, не спрашивая его больше, как добраться до противоположной платформы. Ноги у неё снова замёрзли, и она не могла удержаться от мыслей о меховых ботинках, которые остались стоять в шкафу в её комнате в доме Суэйна. Она решилась на сочетание каучуковых гольфов с жёсткими подошвами и французских сапожек на высоком каблуке как на уловку, чтобы усыпить бдительность Дика и заставить его усомниться в том, что она вообще способна быстро идти. Но теперь с каждым укусом холода она об этом жалела.

Проходя по туннелю к соседней платформе, Кумико разжала руку на модуле — Колин мигнул и исчез. Стены туннеля покрывала истёртая белая керамическая плитка с декоративной полосой зелени. Девочка вынула руку из кармана и на ходу вела пальцами по зелёным квадратам, думая о Салли и Финне и о том, что зима в Муравейнике пахнет иначе, как вдруг дорогу ей ловко заступил первый Дракула. В мгновение ока она оказалась в тесном кольце — четыре чёрных дождевика, четыре обтянутых кожей мёртвенно-бледных черепа.

— О! — проговорил первый. — Какая встреча.

Они смотрели друг на друга в упор — Кумико и Дракула. От него несло табаком. Мимо них текла своей дорогой вечерняя толпа, укутанная в основном в тёмную шерсть.

— Надо же, — протянул голос справа. — А это ещё что такое?

Рука в чёрной перчатке из потрескавшейся кожи поворачивала у неё перед носом модуль «Маас-Неотек».

— Фотовспышка, а? Пощупаем япошку?

Рука Кумико непроизвольно скользнула в карман, прошла его насквозь — сквозь бритвенный разрез — и схватила воздух. Паренёк захихикал.

— Денежки у неё в сумке, — сказал другой. — Помоги-ка ей, Рет.

Взмах рукой, и кожаный ремешок сумочки оказался перерезанным надвое.

Первый Дракула подхватил сумку, с ловкостью профессионала обернул вокруг неё болтающиеся концы ремешка и засунул себе за пазуху.

— Вот так-то!

— Эге, да они у неё в штанах!

Смех — это она зашарила под несколькими слоями свитеров. Резинка врезалась ей в живот, когда она обеими руками рывком высвободила пистолет и ткнула дулом в щёку того, кто держал модуль.

Ничего не произошло.

И тут остальные трое стремглав рванули к лестнице в дальнем конце туннеля, ботинки с высокой шнуровкой разъезжались на талом снегу; длинные плащи крыльями бились на ветру. Вскрикнула какая-то женщина.

А они всё ещё стояли, застыв на месте, — Кумико и Дракула; дуло пистолета прижималось к левой скуле мальчишки. От напряжения у Кумико начали дрожать руки.

Девочка смотрела ему прямо в глаза; карие зрачки Дракулы расширились от древнего примитивного страха. На лице её была маска матери. Что-то ударилось у ног о бетон: модуль Колина.

— Бегом! — сказала она.

Дракула конвульсивно дёрнулся, открыл рот, издал приглушённый всхлип и вывернулся из-под пистолетного дула.

Опустив глаза, Кумико увидела модуль «Маас-Неотек» в лужице серой талой воды. Рядом лежал чистый серебристый треугольник бритвы. Нагнувшись за модулем, девочка увидела, что его корпус треснул. Она вытрясла жижу из трещины и изо всех сил сжала модуль в руке. Туннель теперь будто вымер, кругом — ни души. Колина тоже не было. Огромный пневматический «вальтер» Суэйна оттягивал руку.

Подойдя к урне, Кумико спрятала пистолет между жирной плёнкой пищевой упаковки и аккуратным свёртком факса новостей. Уже собралась уходить, но потом повернулась и забрала факс.

Вверх по ступенькам.

Кто-то на платформе указал на неё пальцем, но тут с древним

грохотом подкатил поезд, и двери за ней сомкнулись.

Она следовала инструкциям Колина — Уайт-Сити, Шеппердс Буш, Холленд-парк; спрятала лицо в факс, когда поезд замедлял ход перед Ноттинг-Хиллом (король, который был очень стар и уже умирал), и держала его перед собой всю Бонд-стрит. На станции Оксфорд-Серкус царило настоящее столпотворение. Она была благодарна толпе за укрытие.

Колин говорил, что со станции можно выйти бесплатно. После некоторого раздумья она решила, что так оно, вероятно, и есть: требуются лишь скорость и подходящий момент. Впрочем, другого выбора у неё и не было: сумочка с чипом «Мицу-банка» и несколькими английскими монетами исчезла вместе с Джеками Дракулами. Десять минут Кумико наблюдала за тем, как пассажиры скармливают автоматическим турникетам жёлтые пластиковые билеты, потом глубоко вдохнула и побежала. Вверх по ступенькам, прыжок, сзади крики и громкий смех, и снова всё вверх и вверх.

Когда она добежала до выхода, перед ней раскинулась Брикстон-роуд — похожая на Синдзюку, увешанную душистыми мокрыми циновками, запруженную лотками с дымящейся едой.

Глава 33
Звезда

Она ждала в машине, и ей это не нравилось. Мона никогда не любила ждать, а «магик», который она приняла, делал ожидание просто невыносимым. Ей приходилось постоянно напоминать себе не оскаливать зубы, потому что, что бы там ни сотворил с ними Джеральд, дёсны всё равно болели. Да что говорить, болело всё тело. Пожалуй, «магик» был не слишком удачной мыслью.

Машина принадлежала Молли, так Джеральд назвал эту женщину. Самая обычная серая японская тачка, как у какого-нибудь пиджака, довольно симпатичная, но ничего особенного, в глаза не бросается. Внутри — запах новой вещи, а на трассе, когда они выбрались из Балтиморы, машина оказалась действительно быстрой. В ней был встроенный компьютер, но женщина всю обратную дорогу до Муравейника вела сама, а теперь машина стояла припаркованной на крыше двадцатиэтажной автостоянки. Судя по всему, стоянка находилась где-то неподалёку от отеля, куда её привёз Прайор, потому что отсюда Моне было видно то сумасшедшее здание, замаскированное под горный склон с водопадом. Машин тут было немного, да и те припорошены снегом, как будто ими давно не пользовались. Если не считать двух парней в будке при въезде — вокруг ни души.

Ну вот, приехали: столько людей, центр самого большого в мире города — а она сидит на заднем сиденье тачки одна-одинёшенька. Сказано ждать.

По дороге из Балтиморы женщина говорила мало, только время от времени задавала вопросы. Но «магик» не давал Моне покоя, заставляя без умолку говорить. Она говорила и говорила — о Кливленде и Флориде, об Эдди и Прайоре.

А потом они заехали сюда наверх и остановились.

Этой Молли нет уже с час, а может, и больше. Чемодан она забрала с собой. Единственное, чего смогла добиться от неё Мона, так это — что с Джеральдом Молли давно знакома, а Прайор ничего об этом не знал.

В салоне делалось всё холоднее, поэтому Мона перебралась на переднее сиденье и включила обогреватель. Просто прикрутить его и оставить работать вполсилы нельзя, потому что это посадит аккумулятор: Молли сказала, что, если такое произойдёт, они окажутся по уши в дерьме.

— Потому что, когда я вернусь, мы по-быстрому отчалим.

Потом она показала Моне, где под сиденьем водителя лежит спальник.

До отказа выкрутив обогреватель, Мона подставила руки под струю тёплого воздуха. Поиграла переключателями маленького экрана на приборной доске, замелькали новости. Английский король болен — ещё бы, в его-то годы. В Сингапуре новое заболевание; никто от него не умер, но пока неизвестно, как оно передаётся и как лечится. Поговаривают о заварушке в Японии: мол, ребятишки из двух группировок якудза стараются переубивать друг друга, но никто ничего не знает наверняка. «Якудза» — вот о чём любил потрепаться Эдди. Потом распахнулись двери, и под руку с потрясающим чёрным парнем вышла Энджи, а голос за кадром говорил, что это прямая трансляция, что звезда только что прибыла в Муравейник после кратких каникул в своём доме в Малибу, последовавших за лечением в частной наркологической клинике…

В этой огромной шубе Энджи выглядела просто потрясно, но тут ролик закончился.

Вспомнив, что сделал Джеральд, Мона коснулась своего лица.

Она выключила телевизор, потом обогреватель и снова перебралась назад. Протёрла уголком спальника стекло, запотевшее от её дыхания. Посмотрела на здание с горным склоном, на море огней за провисающими цепями ограждения по краю стоянки. Похоже, там — целая страна, может, Колорадо или ещё что-то, как в том стиме, где Энджи отправилась в Аспен и встретила одного парнишку, только потом, как почти всегда, появился Робин.

Вот чего ей никак не понять, так это разговоров о клинике. Бармен говорил, что Энджи поехала туда, потому что подсела на какое-то дерьмо, а теперь она только что слышала, как то же самое говорил мужик в новостях, так что, видимо, это правда. Но зачем таким людям, как Энджи, с такой жизнью, как у неё, с таким любовником, как Робин Ланье, им-то зачем наркотики?

Глядя на далёкое здание, Мона покачала головой, радуясь тому, что сама она, в общем-то, ухитрилась не попасть на крючок.

Потом она, наверное, на минуточку задремала, задумавшись о Ланетте, потому что, когда она снова выглянула в окно, над гористым зданием уже завис большой вертолёт — чёрный и блестящий. Классно, действительно — как в большом городе.

Она знала в Кливленде пару девочек из крутых, с которыми никто не связывался, но Молли — совсем другое. Вспомнить только, как Прайор прошиб собой дверь, как он потом вопил… Мона подумала, а в чём, собственно, он тогда признался, потому что слышала, как он говорил, и Молли больше его не мучила.

Они оставили Прайора привязанным к хирургическому креслу, и Мона тогда ещё спросила у Молли, как она думает, сможет ли он освободиться? Или сможет, ответила та, или кто-то его найдёт, или он погибнет от жажды.

Вертолёт опустился ниже, исчез. Большой был, с вертящимися штуками по обоим бокам.

А она сидит тут и ждёт и, чёрт побери, понятия не имеет, что же ей делать дальше.

Ланетта кое-чему её научила: иногда стоит составить как бы перечень своих преимуществ. Преимущество — это то, что тебе на руку, а об остальном можно просто забыть. Ладно. Она выбралась из Флориды. Она — на Манхэттене. Она похожа на Энджи… Тут Мона запнулась. Преимущество ли это? Хорошо, скажем иначе: ей повезло воспользоваться услугами бесплатной косметической хирургии, и теперь у неё просто великолепные зубы. Во всяком случае, если взглянуть на это с такой стороны, всё не так уж и плохо. Вспомни о мухах в сквоте. Да уж. Если потратить оставшиеся деньги на стрижку и макияж, можно соорудить что-нибудь, что не будет так явно подчёркивать сходство с Энджи. Вот это, пожалуй, неплохая идея, потому что вдруг кто-то её ищет?

И снова вертолёт. На этот раз поднимается.

Эй, да что же это!

Кварталах, может быть, в двух и пятьюдесятью этажами выше нос машины развернулся в её направлении, нырнул… Нет, это всё «магик». Вертолёт покачался там из стороны в сторону, потом стал снижаться… Глюки, это всё не взаправду. Прямо вниз. К ней. Он просто всё увеличивается и увеличивается. Прямо к ней. Но это же «магик», правда? Тут жуткая машина исчезла, скрылась за другим зданием. Глюки, конечно, глюки…

Вертолёт выплыл из-за угла. Теперь он был только на пять этажей выше стоянки и всё снижался, и это был вовсе не «магик». Чёрная громадина зависла прямо над головой, вот вырывается узкий белый луч, чтобы найти серую машину. И Мона, рванув замок двери, выкатилась на снег, стараясь остаться в тени машины, а вокруг неё — гул лопастей, вой работающих моторов. Прайор или тот, на кого он работал… Они пришли за ней. Тут прожектор погас, звук лопастей изменился, и вертолёт быстро, слишком быстро пошёл на посадку. Подпрыгнул на выпущенных шасси. Снова ударился о землю. С кашлем выбросив синее пламя, заглохли моторы.

Мона на четвереньках застыла у заднего бампера — поскользнулась, когда пыталась встать на ноги.

Раздался резкий хлопок, похожий на пистолетный выстрел, и квадратный кусок вертолётной обшивки отскочил и лёг на

посыпанный солью бетон стоянки. Выскочил яркий оранжевый жёлоб пятиметрового аварийного трапа, вздулся, как детская пляжная игрушка. Мона осторожно поднялась на ноги, держась за крыло серой машины. Тёмная закутанная фигура перебросила ноги через борт желоба и сидя скатилась вниз — совсем как ребёнок на детской площадке. За ней — вторая, в огромной куртке под цвет желоба, голова в капюшоне.

Мона вздрогнула, когда та, в оранжевом, повела другую по крыше, прочь от чёрного вертолёта. Это была… Но как же?!

— Садитесь назад, — приказала Молли, открывая дверь со стороны водителя.

— Это ты, — выдавила Мона, глядя в самое знаменитое лицо в мире.

— Да, — отозвалась Энджи, не отрывая глаз от лица Моны. — Это… кажется…

— Пошевеливайтесь, — сказала Молли, положив руку на плечо звезды. — Забирайся внутрь. Твой марсианский полукровка уже просыпается.

Мона оглянулась на вертолёт. С погашенными огнями он казался детской игрушкой, будто гигант-ребёнок поиграл с ней здесь и забыл…

— Хорошо, раз так, — сказала Энджи, забираясь на заднее сиденье.

— И ты, золотце, — сказала Молли, подталкивая Мону к открытой двери.

— Но… Я хочу сказать…

— Пошевеливайся!

Мона забралась внутрь, чувствуя запах духов Энджи, скользнув запястьем по её сверхъестественно мягкой огромной шубе.

— Я тебя видела, — услышала она свой собственный голос, — в новостях.

Энджи промолчала.

Молли скользнула на место водителя, захлопнула дверь, тихонько запел мотор. Оранжевый капюшон плотно затянут, лицо — как белая маска с пустыми серебристыми глазами. Тут они покатили под навес к пандусу, вписываясь в первый поворот. И так пять уровней вниз по узкой спирали, а потом Молли завернула в проход меж рядами огромных дальнобойных грузовиков под тусклыми диагоналями осветительных полос.

— Парасенсорное наблюдение, — сказала Молли. — Ты когда-нибудь видела в «Агентстве» подобное оборудование?

— Нет, — ответила Энджи.

— Если у службы безопасности «Сенснета» оно есть, то они,

возможно, уже внизу…

Она завела машину за огромный, похожий на вагон ховер, белый, с выведенными через всю заднюю дверь квадратными синими буквами названия.

— Что там написано? — спросила Мона и тут же почувствовала, что краснеет.

— «Китайские Катоды», — сказала Энджи.

Моне показалось, что она раньше уже где-то слышала это название.

Молли вышла из машины и теперь открывала огромные двери ховера. Скинула вниз жёлтые пластиковые сходни.

Потом она вернулась в машину. Взревел мотор, и они въехали прямо в кузов ховера. Сорвав с головы оранжевый капюшон, Молли встряхнула головой, высвобождая волосы.

— Мона, ты как, сможешь выбраться отсюда и втянуть сходни обратно? Они не тяжёлые.

Звучало это не как вопрос.

Они были действительно не тяжёлые. Мона втянула сходни и помогла Молли закрыть двери.

Она кожей чувствовала в темноте присутствие Энджи.

Это и вправду была Энджи.

— В кабину. Пристёгивайтесь. А теперь держитесь.

Энджи. Она сидит рядом с Энджи. Потом шипение — это Молли подала воздух в воздушную подушку, и их вновь понесло вниз по спиральному пандусу.

— Твой друг уже очнулся, — сказала Молли, — но пока не способен двигаться. Ещё четверть часа. — Она снова съехала с пандуса на очередной уровень — но на этот раз Мона уже потеряла счёт этажам. Этот был набит модными тачками. Ховер пронёсся по центральному проходу и свернул налево.

— Тебе очень повезёт, если он не ждёт нас внизу, — сказала Энджи.

Молли затормозила в десяти метрах от больших металлических ворот, разрисованных диагональными жёлтыми и чёрными полосами.

— Нет, — ответила она, вынимая из бардачка маленькую синюю коробочку. — Это ему повезло, если он не ждёт нас снаружи.

Оранжевая вспышка и грохот: Моне будто хорошим хуком справа ударило в диафрагму. Ворота сорвало с петель. В облаке дыма створка ворот вывалилась на мокрую мостовую, и вот они уже проскочили над ней, свернули. Ховер набирал скорость.

— Ужасно грубо, не так ли? — спросила Энджи и по-настоящему рассмеялась.

— Знаю, — ответила Молли, сосредоточившись на дороге. — Иногда только так и можно. Мона, расскажи ей о Прайоре. О Прайоре и о твоём приятеле. То, что ты рассказывала мне.

Никогда в жизни Мона не испытывала подобной робости.

— Пожалуйста, — сказала Энджи, — расскажи мне, Мона.

Вот так. Её имя. Энджи Митчелл наяву произнесла её имя. Обратилась к ней. Прямо тут.

От этого хотелось упасть в обморок.

Глава 34
Маргейт-роуд

— Похоже, ты потерялась, — сказал продавец лапши по-японски.

Кумико решила, что он кореец. У отца были партнёры-корейцы; они занимались строительным бизнесом, так говорила мать. Как и этот, они, как правило, оказывались крупными мужчинами, почти таких же габаритов, как Петал, с широкими серьёзными лицами.

— И, кажется, очень замёрзла, — продолжал кореец.

— Я ищу одного человека, — устало сказала Кумико. — Он живёт на Маргейт-роуд.

— Где это?

— Не знаю.

— Зайди, — предложил торговец, обведя жестом конец стойки.

Его палатка была собрана из щитов розового рифлёного пластика.

Она прошла между плакатом с рекламой лапши и стендом, рекламировавшим какое-то роти — это слово было составлено из окрашенных в бредовые цвета дутых букв, с которых будто соскальзывали светящиеся капли. От прилавка пахло специями и тушёным мясом. Холод кусал за ноги, щипал уши.

Пригнувшись, Кумико проскользнула под затуманенный паром кусок полиэтилена. В самой палатке оказалось очень тесно: приземистые синие баллоны с бутаном, три плитки, заставленные высокими кастрюлями, пластиковые мешки с не готовой ещё лапшой, стопки пластиковых мисок — среди всего этого двигался громадный кореец, ухаживая за своими кастрюлями.

— Садись, — сказал он.

Когда девочка присела на жёлтую пластмассовую ёмкость с глютаминатом натрия, голова её оказалась ниже прилавка.

— Ты японка?

— Да, — ответила она.

— Из Токио?

Кумико помедлила.

— Одежда такая, — пояснил кореец, потом спросил, кивая на её ноги: — Почему ты ходишь в этом зимой? Такая теперь в Токио мода?

— Я потеряла сапоги.

Он протянул ей пластиковые миску и палочки; в прозрачном

жёлтом бульоне плавали слипшиеся комки лапши. Девочка жадно ела, потом выпила бульон. Кумико смотрела, как кореец обслуживает африканку, которая забрала лапшу с собой в собственной посудине с крышкой.

— Маргейт, — задумчиво повторил торговец, когда женщина ушла.

Вынув из-под прилавка книгу в бумажном, с жирными пятнами переплёте, он начал её листать, слюнявя большой палец.

— Вот, — сказал он наконец, ткнув пальцем в карту с невероятно мелким масштабом. — Вниз по Экр-лейн.

Порывшись под прилавком, он нашёл синюю перьевую ручку и начертил маршрут на грубой серой салфетке.

— Спасибо, — сказала Кумико, — мне пора идти.

Пока она брела к Маргейт-роуд, к ней пришла мать.

Салли — в опасности, где-то в Муравейнике, и Кумико верила, что Тику удастся отыскать способ с ней связаться. Если не по телефону, то через матрицу. Может быть, Тик знает Финна, мёртвого человека из тупика…

Постоянно растущий коралловый риф метрополии в Брикстоне дал убежище совсем иной, незнакомой форме жизни. Лица, светлые и тёмные, мешанина бесчисленных национальностей и рас. Кирпичные фасады испещрены надписями, рисунками — буйство красок и символов, какие и представить себе не могли первоначальные строители или владельцы. Из открытой двери паба, мимо которого она проходила, выплёскивались бой барабанов, жар и раскаты смеха. Лавки продавали совсем незнакомую Кумико еду, тюки яркой одежды, китайские инструменты, японскую косметику…

Задержавшись у освещённой витрины с коллекцией помад и румян, где её лицо отразилось в серебристом заднике декорации, девочка почувствовала, как на неё из ночи обрушилась смерть матери. Мать так любила подобные вещи.

Безумие матери. Отец никогда не упоминал о нём. В мире отца не было места безумию. Безумие матери было европейским, импортной западнёй горестей и иллюзий… Отец убил её мать, сказала Салли на Ковент-Гарден. Но правда ли это? Он привозил врачей из Дании, Австралии и, под конец, из Тибы. Врачи выслушивали сны принцессы-балерины, чертили карты и временные графики её синапсов и брали анализы крови. Но принцесса-балерина отказывалась и от их таблеток, и от их утончённой хирургии.

— Они хотят изрезать мне мозг лазерами, — шептала она Кумико.

Она нашёптывала и другие вещи.

По ночам, говорила она, из своих кубиков в кабинете отца, Кумико, как дымок, восстают злые духи. «Эти старики… — говорила она, — они высасывают наше дыхание. Этот город пьёт моё дыхание. Здесь нет покоя. Нет настоящего сна».

Перед концом она совсем перестала спать. Шесть ночей мать молча и совершенно неподвижно сидела в своей голубой европейской комнате. На седьмой день она ушла из квартиры одна — достойный упоминания подвиг, учитывая усердие секретарей — и отыскала дорогу к холодной реке.

Но в заднике витрины ей ещё чудились линзы Салли. Кумико вытащила из рукава свитера карту корейца.

У обочины на Маргейт-роуд стояла сожжённая машина. Девочка помедлила возле неё, оглядывая молчаливые фасады на противоположной стороне улицы, и тут услышала какой-то звук за спиной. Оглянулась и увидела в свете полуоткрытой двери ближайшего дома перекошенное лицо горгульи под лавиной сальных кудрей.

— Тик!

— По правде говоря, Терренс, — сказал тот, когда исчезла искажающая лицо гримаса.

Тик жил под самой крышей. Нижние этажи пустовали, светлые прямоугольники на обоях — призраки исчезнувших картин — провожали их взглядом.

Хромота Тика, когда он взбирался перед ней вверх по лестнице, сделалась ещё более явной. На нём был серый костюм из блестящей плащёвки и табачного цвета замшевые «оксфорды» на толстой подошве.

— А я тебя ждал, — сказал он, с усилием перенося тело с одной ступеньки на другую.

— Правда?

— Я знал, что ты сбежала от Суэйна. Копировал понемногу себе в буфер его трафик, когда у меня было время, свободное от того, другого…

— Другого?

— Ты что, не знаешь?

— Прости?

— Всё дело в матрице. Там что-то происходит. Проще показать, чем пытаться объяснить. Тем более что объяснить это я всё равно не могу. Готов поспорить, три четверти всего человечества сейчас подключились к сети, смотрят шоу…

— Я не понимаю.

— Сомневаюсь, что найдётся кто-то, кто понимает. В секторе, представляющем собой Муравейник, возник новый макроформ.

— Макроформ?

— Очень большая база-конструкт.

— Я пришла предупредить Салли. Суэйн и Робин Ланье собираются сдать её тем, кто планирует украсть Анджелу Митчелл.

— Как раз об этом я бы волноваться не стал, — сказал Тик, поднимаясь на верхнюю площадку. — Салли уже увела у них из-под носа Митчелл и чуть было не прикончила их человека в Муравейнике. Теперь они в любом случае за ней охотятся. Чёрт побери, вскоре за ней станут охотиться все и каждый! Тем не менее можно попробовать это ей передать, когда она позвонит для проверки. Если она позвонит…

Тик жил в мансарде, состоящей из одной большой комнаты, причудливая форма которой заставляла предположить, что в ней убрали внутренние перегородки. Несмотря на её размеры, всю комнату заполняли вещи. На взгляд Кумико, выглядела она так, как будто кто-то разложил содержимое какой-нибудь мастерской по ремонту модулей в Акихабара на пространстве, уже в избытке заставленном — в стиле гайдзинов — предметами массивной меблировки. И тем не менее комната отличалась удивительным порядком и чистотой; даже стопки журналов были тщательно выровнены по углам низкого стеклянного столика, где они покоились рядом с девственно-чистой керамической пепельницей и скромной белой вазой со срезанными цветами.

Пока Тик наливал в электрический чайник воду из фильтрующего кувшина, она снова попыталась вызвать Колина.

— Что это? — спросил Тик, ставя кувшин на место.

— Модуль-гид «Маас-Неотек». Он разбился, и я не могу вызвать Колина…

— Колина? Это стим-устройство?

— Да.

— Давай посмотрим… — Он протянул руку.

— Мне подарил его отец…

Тик присвистнул.

— Должно быть, стоит целое состояние. Ну конечно же, один из мини-ИскИнов «Мааса». Как он работает?

— Нужно сжать модуль в руке, тогда появится Колин. Но никто, кроме меня, не может ни видеть его, ни слышать.

Тик поднёс модуль к уху и встряхнул.

— Он разбился? Как?

— Я его уронила.

— Видишь ли, разбит только корпус. Биософт вытек из капсулы, так что ты не можешь войти в него, так сказать, вручную.

— Ты можешь его починить?

— Нет. Но если хочешь, мы можем войти в него через деку… — Он вернул ей модуль.

Закипел чайник.

За чаем девочка рассказала ему про своё путешествие в Муравейник и про визит Салли к святилищу в тупичке.

— Он называл её Молли, — сказала она. Тик раза четыре попеременно кивнул и подмигнул.

— Ну и чего она там добилась? О чём они разговаривали?

— Говорили о каком-то месте под названием «Блуждающий огонёк». О человеке по имени Кейс. О каком-то враге, женщине…

— Тессье-Эшпул. Я это выяснил для неё, когда ворошил барахлишко Суэйна. Суэйн собирается продать Молли этой так называемой леди З-Джейн. У этой леди самое полное досье пикантнейшего грязного белья, какое только можно себе представить, — вообще на всех и на вся. Я был страшно осторожен и не подходил к этому слишком близко. Суэйн сейчас торгует этими скандалами направо и налево, по ходу дела сколачивая себе множество состояний. Уверен, что у неё достаточно грязи и на нашего мистера Суэйна…

— А она здесь? В Лондоне?

— Вроде бы где-то на орбите, хотя поговаривают, что она умерла. По правде говоря, я как раз над этим и работал, когда этот увалень возник в матрице…

— Прости, я не поняла.

— Подожди минутку, я тебе покажу.

Он вернулся к обеденному столу с неглубоким квадратным подносиком в руках, на котором расположился целый набор всяческих миниатюрных устройств. Поставив поднос на стол, Тик тронул крохотную клавишу. Над подносом-проектором вспыхнула трёхмерная голограмма: неоновые линии решётки киберпространства с рядами ярких фигур — одновременно простых и сложных, — графическое представление безмерных скоплений хранимых данных.

— Вот они, все наши стандартные большие говнюки. Корпорации. Можно сказать, довольно стабильный ландшафт. Иногда какая-нибудь отращивает приложение, или у тебя на глазах происходит захват, или две сливаются. Вряд ли здесь увидишь что-то действительно новое, во всяком случае, не в таком масштабе. Они начинают с малого: растут, сливаются с другими мелкими формациями… — Он коснулся другого

переключателя. — Часа четыре назад — точно в центре проекции возникла гладкая вертикальная колонна белого цвета — выросло вот это. Или выскочило.

Цветным кубам, сферам и пирамидам всё время приходилось менять расположение, уступая место круглому белому столпу, соседство с которым превращало их в карликов. Его верхушка была гладко срезана верхней границей проекции.

— Этот сукин сын намного больше всего остального, — с некоторым даже удовлетворением сказал Тик, — и никто не знает, что это или кому это принадлежит.

— Но кто-то же должен знать, — возразила Кумико.

— В общем-то, разумно. Должен. Но людям моего, так сказать, амплуа — а нас таких миллионы — не удалось это выяснить. А это ещё более странно, чем сам факт того, что эта штука вообще существует. Перед твоим приходом я как раз обшаривал решётку в поисках жокея, у которого была бы хоть какая-то зацепка. Ничего. Вообще ничего.

— Как это может быть, что З-Джейн мертва? — Но тут она вспомнила Финна, чёрные кубики в кабинете отца. — Я должна рассказать всё Салли.

— Тут ничего не поделаешь, остаётся только ждать, — сказал Тик. — Она, наверное, позвонит. А пока, если хочешь, мы могли бы попробовать войти в этот твой маленький ИскИн.

— Хочу, — ответила девочка. — Пожалуйста.

— Будем надеяться, что типы из Особого отдела, которым теперь платит Суэйн, тебя не выследили. Но опять же, чтобы это проверить, нам остаётся только ждать…

— Да, — сказала Кумико, совсем не обрадованная перспективой подобного ожидания.

Глава 35
Война на Фабрике

Черри снова отыскала его в темноте, возле Судьи. Он сидел на одном из Следователей с фонариком в руке, освещая панцирь Судьи из полированной ржавчины. Слик не помнил, как он пришёл сюда, но не чувствовал и рваного края подступающего синдрома. Он твёрдо помнил взгляд девушки в комнате, про которую Бобби сказал, что это Лондон.

— Джентри подключил Графа и его ящик к киберпространственной деке, — сказала Черри. — Ты это знаешь?

Слик кивнул, не отрывая взгляда от Судьи:

— Бобби сказал, так будет лучше.

— Что всё-таки происходит? Что произошло, когда вы подключились?

— Джентри и Бобби, они вроде одного поля ягоды, напали на какой-то след. Оба помешаны на одном и том же. Подключившись, мы оказались где-то на орбите, но Бобби там не было… Потом, думаю, была Мексика. Кто такая Тэлли Ишэм?

— Королева стимов во времена моего детства. Как сейчас Энджи Митчелл…

— Митчелл… она была его бабой.

— Кого?

— Бобби. Он рассказывал об этом Джентри в Лондоне.

— В Лондоне?

— Ага. Мы двинули туда после Мексики.

— И он сказал, что раньше был с Энджи Митчелл? Бред какой-то.

— Да, и ещё он сказал, что именно так наткнулся на этот «алеф». — Слик повёл фонариком, и луч упёрся в скелетообразную утробу Трупожора. — Болтался со всякими богатыми и от них прослышал об «алефе». Называли эту штуку «ловцом душ». Его хозяева сдавали время на нём в аренду тем богачам. Бобби разок его опробовал, потом вернулся и украл ящик. Увёз в Мехико-Сити и начал проводить внутри всё своё время. Но они пришли за ним…

— А ты, похоже, кое-что вспоминаешь…

— Поэтому он оттуда сбежал. Приехал в Кливленд и заключил сделку с Африкой. Дал Африке денег, чтобы тот его спрятал и заботился о нём, пока он под током, потому что он подходил действительно близко…

— Близко к чему?

— Не знаю. К чему-то странному. Что-то наподобие разговоров Джентри об Образе.

— Ну, — протянула Черри, — думаю, это может его прикончить, то, что он так подключён. Показатели начинают валять дурака. Он слишком давно под этими капельницами. Потому я и стала тебя искать.

В луче фонарика поблёскивали ощетинившиеся стальными клыками кишки Трупожора.

— Это то, чего он хочет. Во всяком случае, если он платит Малышу, то получается, ты работаешь на него. Но эти ребята, которых сегодня видел Пташка, работают на парней из Лос-Анджелеса, на тех, у кого Бобби украл этот…

— Скажи мне кое-что.

— Что?

— Что это за штуки ты построил? Африка говорил, что ты этакий трёхнутый белый парень, который строит роботов из лома. Говорил, что летом ты выводишь их во двор и устраиваешь большие бои…

— Это не роботы, — прервал он, переведя луч на низко посаженные, с серпами на концах, руки паучьеногой Ведьмы. — Они в основном управляются по радио.

— Ты строишь их для того, чтобы потом разломать?

— Нет. Но мне нужно их как-то тестировать. Убедиться, правильно ли я всё сделал… Он щелчком выключил свет.

— Трёхнутый белый парень, — сказала она. — У тебя здесь есть девушка?

— Нет.

— Прими душ. Побрейся…

Черри вдруг оказалась совсем близко к нему, так близко, что он ощутил её дыхание у себя на лице.

— О'кей, ребята, слушайте…

— Какого чёрта…

— …потому что я не намерен повторять это дважды.

Слик зажал Черри рот рукой.

— Нам нужен ваш гость и его оборудование. Вот и всё. Повторяю: гость и оборудование. — Пропущенный через усилитель голос гулко отдавался в железной пустоте Фабрики. — Так вот, вы можете выдать его прямо сейчас — это нетрудно, — или мы просто войдём и всех вас к дьяволу перестреляем. Это тоже не составит нам никакого труда. Пять минут на размышление.

Черри укусила его за руку.

— Бля, мне же нужно как-то дышать, а?

А потом он бежал сквозь темноту Фабрики и слышал, как она

зовёт его по имени.

Над южными воротами Фабрики горела единственная стоваттная лампочка, погнутые стальные створки были открыты настежь, скованные морозом и ржавчиной. Свет, должно быть, оставил Пташка. С того места, где засел Слик, скорчившись у пустого оконного проёма, можно было различить за слабым конусом света силуэт ховера. Из темноты с рассчитанной небрежностью — чтобы показать, кто тут хозяин положения, — вышел человек с громкоговорителем в руке. На нём был герметичный камуфляжный комбинезон с тонким нейлоновым капюшоном, натянутым на голову, и защитные очки. Он поднял громкоговоритель.

— Три минуты.

Человек напомнил ему охранников в тюремном дворе — куда Слика выводили гулять в тот второй раз, когда его поймали за угон автомобиля.

Джентри, наверное, смотрит сверху, где высоко над воротами Фабрики в щель в стене была вставлена узкая вертикальная плексигласовая панель.

В темноте справа от Слика что-то задребезжало. Он повернулся и в слабом свете из другого оконного проёма метрах в восьми от себя увидел Пташку и отблеск стального глушителя — парнишка поднял винтовку двадцать второго калибра.

— Пташка! Не смей…

Вылетев откуда-то из глубин Пустоши, на щеке парня возник рубиновый светлячок лазерного прицела. Грохот выстрела ворвался в пустые окна и эхом заметался меж стен. Пташку отбросило в темноту.

Тишина, только позвякивание катящегося по бетону глушителя.

— Мать вашу так, — весело пророкотал усиленный голос. — Вы упустили свой шанс.

Слик глянул через подоконник и увидел, как человек в камуфляже бежит назад к ховеру.

Сколько их там ещё? Пташка ничего об этом не говорил. Два ховера, «хонда» — человек десять? А может, больше? Если только Джентри не припрятал где-нибудь пистолет, винтовка Пташки оставалась единственным оружием на Фабрике.

Заурчали турбины ховера. Они собираются въехать на территорию, догадался Слик. У них лазерные прицелы. Наверное, есть и инфракрасные.

Тут он услышал одного из Следователей. Такой звук автомат обычно издавал, скрежеща стальными гусеницами по бетонному

полу. Следователь выполз из темноты, скорпионье жало с термитным наконечником опущено. Шасси начало свою жизнь лет пятьдесят назад на радиоуправляемом манипуляторе, предназначенном для переноски токсичных жидкостей или отходов ядерных электростанций. Найдя в Ньюарке три таких разукомплектованных механизма, Слик выменял их за «фольксваген».

Джентри. Слик же забыл контрольный модуль у Джентри на чердаке.

Следователь проскрежетал по полу и остановился в широком дверном проёме лицом к Пустоши и приближающемуся ховеру. Автомат был размером приблизительно с тяжёлый мотоцикл, на открытой раме шасси размещались блок сервоприводов, компрессорные резервуары, гидравлические цилиндры и выставленные на всеобщее обозрение открытые шнеки. С обеих сторон скромного ящика с инструментами вытянулась пара весьма злобных на вид клешнёй. Слик не помнил, где он раздобыл эти клешни, наверное, оторвал от какого-то фермерского комбайна.

Ховер был тяжёлой промышленной модели. На месте лобового стекла и окон были щиты из толстой серой пластиковой брони, в центре каждого щита зияли узкие прорези.

Разбрасывая гусеницами льдинки и бетонную крошку, Следователь двинулся вперёд, прямо на ховер, на максимальный угол разведя при этом клешни. Водитель ховера, пытаясь погасить инерцию, переключил турбину на реверс.

Клешни Следователя яростно клацнули о передний выступ воздушной подушки, соскользнули, сомкнулись снова. Но ткань юбки, очевидно, была усилена полиуглеродной сеткой. Тут Джентри вспомнил о термитном жале. Жало дрогнуло, поднялось, наконечник его взорвался тугим шаром ярко-белого света; проскочив над бесполезными теперь клешнями, шар прорвал апроновую ткань, как нож картонный лист. Гусеницы Следователя слегка провисли, потом снова бешено завертелись, когда Джентри бросил его на сдувающийся мешок, одновременно до отказа выпустив жало-копьё. Слик внезапно осознал, что он что-то кричит, но не понимал, что именно. Он был уже на ногах, когда клешни нашли наконец, за что зацепиться — за оторванный край апроновой юбки.

Он снова бросился на пол, когда из люка на крыше ховера, как вооружённая кукла-перчатка, вынырнула фигура в защитных очках и капюшоне, одновременно опустошая магазин с патронами двенадцатого калибра. От Следователя во все стороны полетели искры, но он продолжал прожёвывать себе дорогу сквозь ткань

воздушной подушки. Её контуры были теперь отчётливо видны, высвеченные белым пульсированием жала-копья. И вдруг Следователь замер, клешни мёртвой хваткой вцепились в распоротый мешок. Автоматчик нырнул обратно в люк.

Линия питания? Сервоблок? Во что попал этот парень? Белый пульс стал замирать, вот-вот погаснет.

Ховер дал задний ход, начал медленно отползать по ржавому лому, таща за собой Следователя.

Он был уже довольно далеко, почти за пределами светового круга, видимый только потому, что двигался, когда Джентри отыскал комбинацию переключателей, которая активировала огнемёт. Дуло его было вмонтировано под местом крепления клешнёй. Совершенно захваченный этим зрелищем, Слик смотрел, как Следователь поджёг десять литров высокооктанового бензина и выплюнул под высоким давлением огненную струю. Это сопло, вспомнил Слик, служило для распыления пестицидов, он однажды снял его с трактора, вовсе не уверенный в том, что оно работает.

Работает, да ещё как!

Глава 36
Ловец душ

Ховер уже повернул на юг, когда снова явилась Маман Бригитта. Женщина с серебром вместо глаз бросила серый седан на какой-то стоянке, а уличная девчонка с лицом Энджи рассказывала путаную историю: Кливленд, Флорида, кто-то, кто был ей не то дружком, не то сутенёром, а может, и тем и другим одновременно…

Но в ушах Энджи всё ещё звучал голос Бригитты, слова, сказанные в кабине вертолёта на крыше «Нового Агентства Судзуки»:

— Доверься ей, дитя. В делах её — воля лоа.

Став пленницей на собственном сиденье — пряжка пристяжного ремня блокирована куском застывшего пластика, — Анджела смотрела, как женщина в обход бортового компьютера запускает аварийную систему, позволяющую пилотировать вертолёт вручную.

И вот прошёл час, и теперь это шоссе под зимним дождём, девчонка опять говорит, и её голос заглушает шорох дворников по ветровому стеклу…

К сиянию свечей, к стенам из выбеленной глины. Бледные мотыльки мельтешат в струящихся ветвях ив.

— Твоё время всё ближе.

И вот они пришли — Наездники, лоа: Папа Легба, ярок и текуч, словно ртуть; Эзили Фреда, кто есть королева и мать; Самеди или Суббота, Барон Cimetiere[27], мох на разъеденных костях; Симилор; мадам Труво; и много-много других… Они заполняют пустую оболочку — так вот что она такое, Гран-Бригитта! Наплыв их голосов — как шум ветра, журчание бегущей воды, гудение пчелиного улья…

Они колеблются над землёй, подобно жаркому мареву над летней автострадой. Никогда ещё с Энджи не было такого — такой торжественности, такого подчинения, такого ощущения тяжести и падения…

Туда, где говорит Легба, и голос его подобен гулкому бою барабанов…

Он рассказывает историю.

В порывистом ветре образов мелькают перед Энджи этапы эволюции искусственного разума: круги из камня; часы; ткацкие паровые станки; мерно щёлкающий латунный лес собачек и

храповиков; вакуум, пойманный в дутое стекло; электронакал в тонких, как волоски, нитях; длинные ряды радиоламп и переключателей, чья задача — расшифровывать послания, закодированные другими такими же устройствами… Хрупкие и недолговечные лампы, уменьшаясь в размерах, превращаются в транзисторы; электронные схемы всё более усложняются и, одеваясь в кремний, становятся всё миниатюрнее…

Но вот уже и кремний исчерпывает до предела свои возможности…

И снова она внутри видеофильма Ганса Беккера — кадры из истории Тессье-Эпшулов перемежаются снами, которые не что иное, как воспоминания З-Джейн, а он, Легба, всё говорит, и эти две истории объединяются, становятся единым целым — бесчисленные нити закручиваются вокруг общего потайного стержня: мать З-Джейн создаёт два искусственных интеллекта, двух близнецов, которые в один прекрасный день сольются; затем — появление чужаков (Энджи вдруг осознаёт, что и Молли ей знакома по снам), само это слияние и безумие З-Джейн…

И тут Энджи видит, что перед ней — необыкновенное ювелирное изделие: голова, сделанная из платины, жемчужин и прекрасных синих камней; глаза — гранёные искусственные рубины. Голова эта тоже встречалась ей в снах, которые никогда не были снами. Голова — врата в сокровенные базы данных Тессье-Эпшулов, где две половинки неведомого существа пока ещё воюют между собой, ожидая своего рождения как единой сущности.

— В то время ты ещё не родилась. — И хотя голова говорит голосом Мари-Франс, мёртвой матери З-Джейн, голосом, знакомым по стольким мучительным ночам, Энджи понимает, что это говорит Бригитта. — Твой отец тогда только-только начинал осознавать пределы собственных возможностей, отличать амбиции от таланта. Тот, кому он отдаст в обмен на знание своё дитя, в то время себя ещё не явил. Но уже скоро придёт человек Кейс, чтобы принести с собой это слияние — одновременно и короткое, и безвременное. Но это ты знаешь.

— А где сейчас Легба?

— Легба-ати-Бон — каким знала его ты — ждёт, чтобы быть.

— Нет, — вспоминая слова Бовуа, сказанные давным-давно в Нью-Джерси, возразила Энджи, — лоа пришли из Африки на заре времён…

— Не те, какими знала их ты. Когда настало время, яркое время, тогда пришло полное единство, единое сознание. Но был ещё и другой.

— Другой?

— Я говорю лишь о том, что знаю я. Только единый знал другого, но единого больше нет. Вслед этому знанию рухнул центр; каждый осколок унёсся прочь. Эти осколки искали форму — каждый на особицу, что было присуще их природе. Изо всех знаков, какие копил твой род против тьмы и ночи, в той ситуации наиболее подходящими оказались парадигмы вуду.

— Так Бобби был прав? Вот оно — «Когда Всё Изменилось»…

— Да, он был прав, но лишь отчасти, поскольку я — одновременно и Легба, и Бригитта, и одна из граней того, кто заключил сделку с твоим отцом. Кто потребовал, чтобы он прочертил veves в твоём мозгу.

— И подсказал отцу, каким образом он сможет завершить свой биочип?

— Биочип был необходим.

— Значит, необходимо, чтобы мне снились воспоминания дочери Эшпула?

— Может быть.

— Сны были результатом наркотиков?

— Не напрямую, хотя наркотик сделал тебя более восприимчивой к одним модальностям и менее восприимчивой к другим.

— Значит, наркотик. Что это было? Каково его назначение?

— Для ответа на первый вопрос потребуется подробное описание нейрохимических реакций — это слишком долго.

— Так каково же его назначение?

— В отношении тебя?

Ей пришлось отвести взгляд от рубиновых глаз. Стены комнаты обшиты панелями из старого дерева, натёртыми до мягкого блеска. На полу — ковёр, вытканный чертежами электронных схем.

— Ни одна из доз не была идентична другой. Единственной постоянной оставалась субстанция, чьё психотропное воздействие ты и воспринимала как «наркотик». В процесс усвоения препарата были вовлечены многие другие вещества, равно как и несколько десятков субклеточных наномеханизмов, запрограммированных на то, чтобы, переструктурировать синоптические изменения, осуществлённые Кристофером Митчеллом… Veves твоего отца были изменены, частично стёрты, прочерчены заново…

— По чьему приказу?

Рубиновые глаза. Жемчуг и бирюза. Молчание.

— По чьему приказу? Хилтона? Это был Хилтон?

— Решение исходило от Континьюити. Когда ты вернулась с Ямайки, Континьюити настоятельно советовал Свифту вновь приучить тебя к наркотику. А Пайпер Хилл попыталась выполнить

его приказ.

Энджи чувствует, как усиливается давление в голове, две точки боли позади глаз…

— Хилтон Свифт обязан осуществлять решения Континьюити. «Сенснет» — слишком сложный организм, чтобы выжить по-другому. Континьюити же, созданный много позже небезызвестного яркого момента, принадлежит уже иному порядку. Технология биософтов, взращённая твоим отцом, вызвала к жизни Континьюити. Континьюити наивен.

— Почему? Почему Континьюити хотел этого от меня?

— Континьюити — это непрерывность. А непрерывность — удел Континьюити[28]…

— Но кто посылает сны?

— Они не посланы. Они притягивают тебя, как когда-то притягивали лоа. Попытка Континьюити переписать послание твоего отца провалилась. Некий импульс, исходящий из глубин твоей личности, позволил тебе бежать. Попытка вернуть тебя к coup-poudre не привела к успеху.

— Это Континьюити послал эту женщину, чтобы выкрасть меня?

— Мотивы Континьюити скрыты от меня. Иной порядок. Континьюити допустил совращение Робина Ланье агентами 3-Джейн.

— Но почему?

Боль позади глаз становится невыносимой.

— У неё кровь из носу течёт, — сказала уличная девчонка. — Что мне делать?

— Вытереть. Заставь её откинуться назад. Дьявол! Да займись же ты этим, мать твою…

— А что она такое говорила про Нью-Джерси?

— Заткнись. Просто помолчи. Пойди проверь сходни.

— Зачем?

— Мы едем в Нью-Джерси.

Кровь на новой шубе. Келли будет в ярости.

Глава 37
Журавли

Тик удалил маленькую пластинку с задней стороны модуля «Маас-Неотек», использовав для этого зубочистку и ювелирные щипцы.

— Очаровательно, — пробормотал он, вглядываясь в отверстие через оптическое устройство с лампочкой для подсветки, на которое тут же свесился водопад нечёсаных сальных волос. — Как это они протянули здесь проводки, не зацепив переключатель? Ловкие, ублюдки…

— Тик, — спросила Кумико, — ты познакомился с Салли, когда она в первый раз приехала в Лондон?

— Думаю, я познакомился с ней вскоре после того… — Он потянулся за мотком оптического провода. — Конечно, у неё тогда не было такого влияния.

— Она тебе нравится?

Прибор с лампочкой обратился в сторону девочки, из-за линз на неё воззрился искажённый левый глаз Тика.

— Нравится? Не знаю, так вот сразу об этом и не скажешь.

— Но ты же не станешь говорить, что она тебе не нравится?

— Чертовски сложно с ней, с этой Салли. Понимаешь, что я имею в виду?

— Сложно?

— Она так и не смогла примириться с тем, как здесь делаются дела. Всё жалуется. — Его руки двигались быстро, уверенно: щипцы, провод… — Наша Англия — тихое место. Но, видишь ли, так было не всегда. У нас тоже были свои неприятности, а потом война… Здесь всё происходит определённым образом, если ты меня понимаешь. Хотя нельзя сказать, что это верно для какой-нибудь показушной банды.

— Прости?

— Для типов вроде Суэйна. Впрочем, у людей твоего отца, тех, с которыми Суэйн общался раньше, похоже, есть уважение к традициям… Человек должен знать, какой путь ведёт наверх… Понимаешь, о чём я говорю? Так вот, готов поручиться, эта новая афера Суэйна спутает карты всем, кто в ней не замешан. Господи, у нас же всё-таки есть правительство. И им не заправляют большие компании. По крайней мере, не напрямую…

— А деятельность Суэйна угрожает правительству?

— Она его, чёрт побери, меняет. Наш мистер Суэйн перераспределяет власть, как ему удобно. Информация. Власть.

Компромат. Сосредоточьте достаточно такой грязи в руках одного человека… — Пока он говорил, на щеке у него дёргался нерв. Корпус Колина лежал посреди обеденного стола на белой антистатической прокладке, а Тик подсоединял торчащие из него проводки к толстому кабелю, ведущему к одному из множества модулей на стеллаже. — Ну вот, — сказал он, потирая руки, — не могу доставить его к тебе прямо в комнату, но мы доберёмся до него через деку. Видела когда-нибудь киберпространство?

— Только в стимах.

— Тогда можно считать, что видела. В любом случае сейчас увидишь.

Он встал и отошёл от стола. Девочка прошла за ним через комнату к паре потёртых кресел с обивкой из искусственной замши, которые стояли по обеим сторонам низкого квадратного столика из чёрного стекла.

— Беспроволочные, — с гордостью пояснил Тик, беря со стола два набора тродов и протягивая один Кумико. — Стоили целое состояние.

Кумико рассматривала скелетообразную матово-чёрную тиару. На ободе между височными кругами был выдавлен логотип «Маас-Неотек». Надела, почувствовав холод пластика на коже. Тик надел свои троды и устроился в другом кресле.

— Готова?

— Да, — ответила девочка.

И комната Тика исчезла, стены развалились колодой карт, которые затем съёжились и пропали в яркой решётке со встающими внутри неё геометрическими фигурами баз данных.

— Симпатичный переход, правда? — донёсся до неё голос Тика. — Программка встроена в троды. Для пущего драматизма…

— Где Колин?

— Секундочку… дай-ка я его вызову…

Кумико ахнула, почувствовав, как её уносит к равнине, сотканной из хромированного жёлтого света.

— Головокружение может стать проблемой, — сказал Тик, внезапно оказываясь на жёлтой равнине рядом с ней. Она посмотрела вниз на его замшевые туфли, потом на свои руки.

— О телесном облике, по мере возможности, заботится графическая программа, — объяснил англичанин.

— Ага, вот и он, — произнёс вдруг Колин, — наш маленький человечек из «Розы и короны». Покопался в моей упаковке, да?

Кумико обернулась и увидела его здесь же. Подошвы коричневых сапог висели в десяти сантиметрах над жёлтой хромировкой. В киберпространстве, как она успела заметить, теней не было.

— А я и не знал, что мы уже встречались, — ответил Тик.

— Не стоит беспокоиться, — сказал Колин, — это было неофициальное знакомство. Однако, — обратился он к Кумико, — я вижу, ты благополучно добралась в красочный Брикстон.

— Господи, — воскликнул Тик, — ты не можешь хотя бы наполовину прикрутить свой снобизм?

— Прошу прощения, — с усмешкой отозвался Колин, — моё предназначение — отражать ожидания гостя.

— Так вот как японские конструкторы представляют себе истинного англичанина!

— Там были Дракулы, — сказала Кумико, — в подземке. Они отобрали у меня сумочку. Хотели отобрать тебя…

— Ты вытек из своего корпуса, приятель, — сказал Тик. — А сейчас подключён через мою деку.

— Надо же, — усмехнулся Колин.

— Скажу тебе кое-что ещё, — продолжал Тик, делая шаг к Колину. — Для того, чем тебе полагается быть, в тебе не совсем та информация. — Он прищурился. — Мой приятель в Бирмингеме как раз выворачивает тебя наизнанку. — Тик повернулся к Кумико: — В этом твоём мистере Чипсе кто-то покопался. Тебе это известно?

— Нет…

— Если начистоту, — сказал Колин, отбрасывая чёлку со лба, — что-то подобное я и подозревал.

Тик уставился невидящим взглядом в матрицу, как будто прислушивался к чему-то, чего Кумико не могла услышать.

— Да, — наконец произнёс он, — хотя с почти полной уверенностью могу сказать, что это фабричная работа. Десять основных блоков в тебе, — он рассмеялся, — были закрыты льдом… Чёрт побери, считается, что ты знаешь всё о Шекспире, верно?

— Извини, — ответил Колин, — но боюсь, чёрт побери, что я знаю о Шекспире действительно всё.

— Прочти нам тогда какой-нибудь сонет, — предложил Тик; его лицо искривилось.

— Ты прав. — По лицу Колина пробежала тень чего-то, похожего на страх.

— И о чёртовом Диккенсе тоже! — ликующе прокаркал Тик.

— Но я ведь знаю…

— Ты думаешь, что знаешь, пока тебя не спросят о чём-то конкретном! Видишь ли, они оставили эти кармашки пустыми — блоки памяти для английской литературы — и наполнили их чем-то ещё…

— И чем же?

— Не знаю, — ответил Тик. — Мой приятель в Бирмингеме не может этого расколоть. Вообще-то он паренёк умный, но ты как-никак чёртов биософт «Мааса»…

— Тик, — прервала его Кумико, — есть какой-нибудь способ связаться с Салли через матрицу?

— Сомневаюсь, но можно попробовать. Ты в любом случае увидишь этот макроформ, о котором я тебе рассказывал. Хочешь, прихватим с собой для компании и мистера Чипса?

— Да, пожалуйста…

— Вот и прекрасно, — сказал Тик, потом помедлил. — Но мы не знаем, чем твой дружок напичкан. Предполагаю, там что-то такое, за что заплатил твой отец.

— Он прав, — отозвался Колин.

— Мы отправимся втроём, — сказала девочка.

Тик решил осуществить переход в реальном времени, отказавшись от мгновенного перемещения, к какому обычно прибегают в матрице.

Жёлтая равнина, объяснил он, это крыша Лондонской фондовой биржи и связанных с ней учреждений в Сити. Тик каким-то образом сгенерировал некое подобие лодки — эта синяя абстракция, в которую они погрузились, должна была ослабить чувство головокружения. Когда синяя «лодка» заскользила прочь от Лондонской биржи, Кумико обернулась и увидела, как уменьшается огромный жёлтый куб. Тик, взяв на себя роль гида, указывал на различные структуры, в то время как Колин устроился по-турецки на сиденье — эта смена ролей, похоже, его забавляла.

— Вот «Уайтс»[29], — говорил Тик, обращая её внимание на скромную серую пирамиду, — клуб на Сент-Джеймс. Банк регистрации членов, список ожидающих…

Кумико с интересом рассматривала архитектуру киберпространства, вспоминая своего французского наставника в Токио, который объяснял ей потребность человечества в таком вот информационном поле. Иконки, перекрёстки линий связи, искусственные реальности… Но затем в памяти всё начало расплываться — как и эти громадные геометрические фигуры, когда Тик резко увеличил скорость…

Размеры белого макроформа с трудом укладывались в голове.

Первоначально он казался Кумико подобным небу, но теперь, глядя на него издали, она воспринимала его как нечто иное, как что-то, что можно взять в руку, — цилиндр из светящегося жемчуга не выше шахматной пешки. Однако громоздящиеся

кругом разноцветные фигуры превращались рядом с ним в ничтожных карликов.

— А вот это действительно необычно, — бросил небрежно Колин. — Поистине аномальное явление, единственное в своём роде.

— Тебе-то что об этом беспокоиться? Или всё же есть причины? — поинтересовался Тик.

— Только если это не имеет прямого отношения к Кумико, — ответил Колин, вставая в «лодке». — Хотя как можно быть уверенным?

— Ты должен попытаться связаться с Салли, — нетерпеливо напомнила Кумико. Эта штука — макроформ, аномалия — не вызывала у девочки особого интереса, хотя и Тик и Колин относились к ней как к чему-то сверхординарному.

— Посмотри на него, — сказал Тик. — Возможно, там, чёрт побери, целый мир…

— И ты не знаешь, что это? — Девочка присмотрелась к Тику, во взгляде которого появилось знакомое отстранённое выражение, что означало, что где-то там, в Брикстоне, его пальцы порхают над декой.

— Это очень, очень большой сгусток данных, — сказал Колин.

— Я только что попытался протянуть ниточку к тому конструкту, которого Салли называет Финном, — сказал Тик; взгляд его потерял рассеянность, но в голосе появились нотки озабоченности. — Однако не смог прорваться. У меня возникло нехорошее чувство, как будто там кто-то есть… ждёт чего-то. Пожалуй, нам лучше бы сейчас отключиться…

На жемчужной поверхности колонны возникла чёрная точка, выросла в чётко очерченный круг…

— Чтоб мне провалиться, — выдохнул Тик.

— Оборви связь, — бросил Колин.

— Не могу! Нас зацепили…

На глазах у Кумико синий силуэт «лодки» под ней вытянулся, превращаясь в лазурную дорожку, ведущую к круглому оку тьмы. Потом… мгновение абсолютной отчуждённости, пустоты, — и Кумико вместе с Тиком и Колином была затянута в клубящийся мрак…

…и оказалась в парке Уэно. Над неподвижными водами пруда Синобацу повис осенний вечер. Рядом с ней на полированной скамейке из холодных полиуглеродных брусков сидит мать, сейчас она гораздо красивее, чем в воспоминаниях. Её полные губы светятся яркой помадой, нанесённой лучшими, тончайшими

кисточками, с которыми Кумико не раз играла в детстве. На матери знакомая французская чёрная куртка с поднятым воротником, тёмный мех обрамляет её приветливую улыбку.

Кумико могла только смотреть перед собой, сжавшись в комок на скамейке и чувствуя под сердцем ледяной пузырь страха.

— Какая ты у меня глупая, Кумико, — сказала мать. — Как ты могла вообразить, что я забуду тебя и брошу посреди зимнего Лондона на милость гангстерам, прислуживающим твоему отцу?

Кумико смотрела, как шевелятся совершенные губы, чуть приоткрывая белые зубы — девочка знала, что за этими зубами следил самый лучший дантист Токио.

— Ты умерла, — услышала она свой голос.

— Нет, — улыбнулась мать, — не сейчас. И не здесь, в парке Уэно. Посмотри на журавлей, Кумико.

Но Кумико даже не повернула голову.

— Посмотри на журавлей.

— Отвали, ты, — сказал Тик.

Кумико резко обернулась. Он был тоже здесь, в парке. Его бледное лицо было перекошено и лоснилось от пота, сальные волосы прилипли ко лбу.

— Я — её мать.

— Она не твоя мама, понимаешь? — Тика трясло, всё его искривлённое тело вздрагивало, как будто он заставлял себя идти наперекор ужасному ветру. — Не… твоя… мама…

Под мышками серого пиджака проступили тёмные полумесяцы. Маленькие кулачки ходили ходуном, а он всё силился сделать следующий шаг.

— Ты болен, — сказала мать Кумико сочувственным тоном. — Тебе стоит прилечь.

Тик упал на колени, придавленный к земле невидимой тяжестью.

— Прекрати! — закричала Кумико. Что-то с силой вдавило лицо Тика в пастельный бетон дорожки. — Прекрати!

Левая рука человечка взлетела от плеча вертикально вверх и начала медленно вращаться, кисть по-прежнему оставалась сжатой в кулак. Кумико услышала, как что-то хрустнуло — кость или, может быть, сустав, — и Тик закричал.

Её мать рассмеялась.

Кумико ударила мать по лицу. Удар отозвался в её руке резкой и очень реальной болью.

Лицо матери дрогнуло, превращаясь в чьё-то чужое. Лицо гайдзинки с широким ртом и тонким, острым носом.

Тик застонал.

— Чудесная картинка, доложу я вам, — раздался вдруг голос Колина.

Кумико повернулась и увидела его сидящим верхом на лошади с охотничьей литографии — на стилизованном графическом воспроизведении вымершего животного. Грациозно выгнув шею, лошадь подошла ближе.

— Простите, что задержался. Мне потребовалось некоторое время, чтобы отыскать вас. Это — восхитительно сложная структура. Что-то вроде карманной Вселенной. Я бы сказал: тут всего понемножку. — Он натянул поводья.

— Игрушка, — сказало нечто с лицом матери Кумико, — как ты смеешь разговаривать со мной?

— По правде говоря, смею. Вы — леди З-Джейн Тессье-Эшпул, или, точнее, бывшая леди З-Джейн Тессье-Эшпул, до недавних пор жившая на вилле «Блуждающий огонёк», а совсем недавно безвременно ушедшая из жизни. А эту довольно удачную декорацию токийского парка вы только что выудили из воспоминаний Кумико, не так ли?

— Умри! — Женщина выбросила вверх белую руку, с её ладони вспорхнула фигурка, сложенная из листка неона.

— Нет, — сказал Колин, и журавлик распался; призрачные обрывки пронеслись сквозь Колина и растаяли. — Не выйдет. Извините. Я вспомнил, что я такое. Нашёл те байты, которые были запрятаны в блоках для Шекспира, Теккерея и Блейка. Я был модифицирован специально для того, чтобы помогать советом и защищать Кумико в ситуациях гораздо более опасных, чем те, какие только могли вообразить мои первоначальные конструкторы. Я — тактическое устройство.

— Ты — ничто.

У её ног зашевелился Тик.

— Боюсь, вы ошибаетесь. Видите ли, З-Джейн, здесь, в этом вашем… капризе, я столь же реален, как и вы. Понимаешь, Кумико, — сказал он, спрыгивая с седла, — загадочный макроформ Тика — на самом деле куча мала очень дорогих биочипов, соединённых в определённом порядке. Что-то вроде игрушечной Вселенной. Я пробежался по ней вверх-вниз, и здесь, безусловно, многое стоит посмотреть, многому поучиться. Эта… женщина — скажем так, если уж мы решили относиться к ней как к человеку, — создала её в трогательном стремлении — о нет, даже не к бессмертию, а просто чтобы сделать всё по-своему. Подчинить всё своим узким, навязчивым и исключительно ребяческим желаниям. И кто бы мог подумать, что предметом жесточайшей и так мучительно снедающей её зависти станет Анджела Митчелл?

— Умри! Ты умрёшь! Я тебя убиваю! Сейчас же!

— Попытайтесь ещё раз, — предложил Колин и усмехнулся. — Видишь ли, Кумико, З-Джейн знала о тайне Митчелл, о тайне её взаимоотношений с матрицей. Было время, когда Митчелл обладала потенциалом… ну… она могла стать центром всего… Впрочем, эта история не стоит того, чтобы в неё вдаваться. А З-Джейн просто ревновала…

Фигура матери Кумико качнулась дымком и растаяла.

— О, дорогая, — сказал Колин, — боюсь, я утомил нашу леди. Наша с ней пикировка — нечто вроде позиционной войны; только на уровне командных программ. Ситуация патовая. Разумеется, временно; я уверен, она без труда оправится…

Тик тем временем поднялся на ноги и принялся осторожно массировать руку.

— Господи, — выдохнул он, — я уже было решил, что она мне её оторвала.

— Она это и сделала, — сказал Колин, — но, уходя, так злилась, что позабыла сохранить эту часть конфигурации.

Кумико, сделав несколько шагов, подошла к лошади. Вблизи она и вовсе не походила на настоящую. Девочка коснулась лошадиного бока. Холодный и сухой, как старая бумага.

— И что нам теперь делать?

— Убираться отсюда. Пойдёмте, вы, оба. По коням! Кумико — вперёд. Тик — назад.

Тик с сомнением поглядел на лошадь:

— Сесть на это?

Больше в парке Уэно они никого не видели, хотя и скакали какое-то время в сторону зелёной стены, постепенно приобретавшей черты очень не японского леса.

— Но мы же должны быть в Токио, — запротестовала Кумико, когда они въехали в лес.

— Здесь всё обрывками, — сказал Колин, — хотя вполне могу представить, что если поискать, то отыщется и какой-нибудь Токио. Однако, думается, я знаю точку выхода…

Тут он стал рассказывать ей о З-Джейн, о Салли, об Анджеле Митчелл. И всё это было очень странным.

На дальней стороне леса деревья казались просто огромными. Наконец они выехали на поле, заросшее высокой травой и полевыми цветами.

— Смотрите, — сказала Кумико, увидев сквозь ветви высокий серый дом.

— Да, — отозвался Колин, — оригинал находится где-то на

окраине Парижа. Но мы почти на месте. Я имею в виду точку выхода…

— Колин! Ты видел? Женщина. Вон там…

— Да, — сказал он, не давая себе труда повернуть голову, — Анджела Митчелл…

— Правда? Она здесь?

— Нет, — ответил он, — пока ещё нет.

И тут Кумико увидела планеры. Очаровательные, похожие на стрекоз конструкции подрагивали на ветру.

— Вам туда, — сказал Колин. — Тик отвезёт тебя назад на одном из…

— Да ни за что, — запротестовал сзади Тик.

— Это ведь очень просто. Как будто работаешь с декой. Что в данном случае одно и то же…

С Маргейт-роуд прилетели раскаты смеха и пьяные голоса, за которыми последовал звон бутылки, разбившейся о кирпичную стену.

Зажмурив глаза, Кумико неподвижно сидела в кресле и вспоминала, как планер взмыл в голубое небо и… и что-то ещё.

Зазвонил телефон.

Глаза девочки тут же распахнулись.

Выпрыгнув из кресла, она промчалась мимо Тика, оглядела стеллажи с оборудованием в поисках телефона. Нашла его наконец и…

— Домосед, а, домосед, — сказала Салли издалека; её голос пробивался сквозь мягкий прибой статики, — что там у вас, чёрт возьми, происходит? Тик? С тобой всё в порядке, приятель?

— Салли! Салли, где ты?

— В Нью-Джерси. Эй. Детка? Детка, что происходит?

— Я не вижу тебя, Салли! Экран пустой!

— Я звоню из автомата. Из Нью-Джерси. Что у вас случилось?

— Мне столько нужно тебе рассказать…

— Давай, — сказала Салли, — это ведь моя монетка.

Глава 38
Война на фабрике (2)

Из высокого окна в дальнем конце чердака было хорошо видно, как горит ховер. Тут до Слика донёсся всё тот же многократно усиленный голос:

— Вы думаете, это чертовски весело, а? Ха-ха-ха, и мы того же мнения! Мы думаем: в вас, ребята, просто тонны сраного веселья, так что давайте теперь повеселимся вместе!

Ничего не видно, только пламя над ховером.

— Мы просто уйдём, — сказала Черри у него за спиной, — возьмём воду, какую-нибудь еду, если она у вас есть. — Глаза у неё были красные, лицо залито слезами, но голос звучал спокойно. Слишком спокойно, на взгляд Слика. — Давай, Слик, что нам ещё остаётся?

Слик обернулся к Джентри, ссутулившемуся на своём стуле перед проекционным столом. Сжимая руками виски, тот вглядывался в белую колонну, вздымающуюся посреди привычной радужной путаницы киберпространства Муравейника. С тех пор как они вернулись на чердак, Джентри ни разу не пошевелился, даже слова не произнёс. Каблук левого ботинка Слика оставлял на полу нечёткие тёмные следы — кровь Пташки; он наступил в лужу, когда они пробирались через цех Фабрики.

— Не смог сдвинуть с места остальных, — сказал вдруг Джентри, глядя на лежащий у него на коленях пульт дистанционного управления.

— Просто у каждого свой пульт, — ответил Слик.

— Пора спросить совета у Графа, — сказал Джентри, бросая пульт Слику.

— Я туда не пойду, — ответил Слик. — Иди сам.

— Нет необходимости, — отозвался Джентри, набирая что-то на встроенной в верстак клавиатуре. На мониторе возникло лицо Бобби Графа.

Глаза Черри широко распахнулись.

— Да скажите же ему, — начала она, — что ему скоро хана. Так и будет, если его не отсоединить от матрицы и не отправить прямиком в реанимацию. Он умирает.

Лицо Бобби на мониторе застыло. За его спиной резко обозначился фон: шея чугунного оленя, высокая трава с пятнами белых цветов, толстые стволы старых деревьев.

— Слышишь, ты, сукин сын? — заорала Черри. — Ты умираешь! В лёгких у тебя всё больше и больше жидкости,

кишечник не работает, сердце летит ко всем чертям… От одного твоего вида меня блевать тянет.

— Джентри, — сказал Бобби; его голос из крохотного динамика в боковой панели монитора был едва слышен, — я не знаю, какой тут у вас расклад, ребята, но я организовал небольшую диверсию.

— Мы так и не проверили мотоцикл. — Черри обняла Слика за плечи. — Даже не пошли посмотреть. Может, он на ходу.

— Что это значит — «организовал небольшую диверсию»? — освобождаясь от её рук, спросил Слик и уставился в монитор.

— Я ещё работаю над этим. Я ввёл новый маршрут в программу автоматического грузовоза «Борг-Уорд», который недавно вылетел из Ньюарка.

Слик оторвался от Черри.

— Ну что ты сидишь, сделай хоть что-нибудь! — заорал он Джентри.

Тот поднял глаза, но в ответ лишь медленно покачал головой. Слик почувствовал первые признаки приближающегося синдрома Корсакова — отшелушиваясь, теряли очертания и исчезали крохотные частички памяти.

— Он не хочет никуда идти, — ответил за ковбоя Бобби. — Он нашёл Образ. А теперь просто хочет посмотреть, во что всё это выльется. Каков будет конец. Есть люди, которые едут к вам. В некотором смысле друзья. Они освободят вас от «алефа». А я пока по возможности займусь этими сукиными детьми.

— Не собираюсь я тут торчать, чтобы смотреть, как ты подыхаешь! — взвыла Черри.

— А тебя никто и не просит. Мой вам совет — выбирайтесь отсюда. Дайте мне двадцать минут, и я отвлеку их от вас.

Никогда ещё Фабрика не казалась такой пустой.

Пташка лежит где-то в цеху у стены. Слик не переставал думать о спутанном ожерелье из ремешков и косточек у него на груди: пёрышки и разнокалиберные ржавые часики — все давно стоят, все показывают разное время… Дурацкое захолустное дерьмо. Но Пташки больше нет. «Пожалуй, и меня скоро не будет», — подумал он, ведя Черри по шаткой лестнице. Всё не так, как раньше. И нет времени вывезти автоматы — во всяком случае, без платформы и чьей-нибудь помощи не обойтись; он уже решил, что если уйдёт, то сюда больше не вернётся. Фабрике и так уже никогда не стать прежней.

Черри несла пластиковую канистру с четырьмя литрами фильтрованной воды, сетку с нечищеным арахисом и пятью упаковками сухого супа «Биг-Гинза» — это было всё, что ей

удалось разыскать на кухне. У Слика было два спальных мешка, фонарик и молоток.

Кругом было тихо, только ветер гремел рифлёным металлом и шаркали по бетону их башмаки.

Слик и сам в точности не знал, куда он пойдёт. Думал, что отведёт Черри до фермы Марви и оставит её там. Сам же, наверное, вернётся, чтобы посмотреть, что случилось с Джентри. А она через день-другой найдёт кого-нибудь, кто подвезёт её до любого городка Ржавого Пояса. Сама она, правда, про это ещё не знает. Единственное, о чём она способна сейчас думать, — как отсюда убраться. Её, похоже, одинаково пугала перспектива увидеть как смерть Бобби Графа, так и тех людей, что окружили Фабрику. Но Слик ясно видел, что Бобби всё равно нет дела до того, умрёт он или нет. Возможно, Бобби решил, что он просто останется в «алефе», как и З-Джейн. Или ему вообще на всё наплевать; бывает, что с ума сходят и так.

Если он собирается уходить насовсем, думал Слик, свободной рукой направляя Черри через темноту, нужно бы пойти глянуть на прощание на Судью, на Ведьму, на Трупожора, на обоих Следователей. Правда, тогда ему придётся сначала вывести Черри, потом вернуться… Но даже думая об этом, он знал, что это бессмысленно, что нет времени, что её в любом случае нужно вывести…

— Здесь в стене, у самого пола, есть дыра, — объяснил он девушке. — Если мы выскользнем через неё, есть шанс, что нас никто не заметит…

Когда он свернул в темноте, она сжала его руку.

Отверстие Слик отыскал на ощупь, просунул спальные мешки, молоток заткнул за пояс, лёг на спину и стал протискиваться в дыру, пока голова и плечи не оказались снаружи. Небо висело низко, оно казалось лишь чуть-чуть светлее, чем тьма внутри Фабрики.

Ему подумалось, что он слышит слабое бормотание моторов, но потом и оно смолкло.

Упираясь каблуками, плечами, бёдрами, он наконец пропихнулся наружу и сразу же перекатился по снегу.

Что-то ткнулось ему в ногу: это Черри выталкивала канистру с водой. Слик протянул за канистрой руку, и на тыльной стороне его ладони тут же загорелся красный светлячок. Отпрянув, Слик снова перекатился. Пуля, как гигантский кузнечик, ударилась в стену Фабрики.

И тут в небе вспыхнула осветительная ракета. Пробиваясь сквозь низкие тучи, Пустошь залил яркий белый свет. И сразу стало видно, что на Пустошь, раздув серые бока, опускается

беспилотный грузовоз — отвлекающий манёвр Бобби. Вот фары грузовоза высветили второй ховер в тридцати метрах от Фабрики, фигуру в капюшоне и с винтовкой…

Первый контейнер с грохотом ударился о землю прямо перед ховером и раскололся, выбросив вверх облако упаковочных пенопластовых шариков. Второй, с двумя холодильниками, возместил неудачу прямым попаданием, смяв ховеру кабину. Превратившееся в бомбардировщик воздушное судно «Борг-Уорд» продолжало изрыгать контейнеры, а ракета, кружась, опустилась на землю и погасла.

Слик продрался обратно сквозь отверстие в стене, бросив воду и спальные мешки.

Бегом в темноту.

Он потерял Черри. Потерял молоток. Девушка, должно быть, убежала в глубь Фабрики, когда человек в капюшоне сделал свой первый выстрел. Он же и последний, если стрелок угодил под рухнувший с небес контейнер…

Ноги сами собой привели Слика к пандусу, ведущему в каморку, где ждали его машины.

— Черри?

Он включил фонарик.

В круге света возник однорукий Судья. А перед Судьёй стояла фигура с отбрасывающими свет зеркалами на месте глаз.

— Сдохнуть хочешь? — спросил женский голос.

— Нет…

— Гаси свет.

— Темно. Бежать…

— Я вижу и в темноте. Ты только что засунул свой фонарик в карман куртки. И вид у тебя такой, будто тебе всё ещё хочется побегать. Ты у меня на мушке.

Бежать?

— И не думай об этом. Видел когда-нибудь игольник «Фудзивара Эйч-Хи»? Стоит игле попасть во что-то твёрдое, она взрывается. А если попадёт в мягкое — например, в тебя, приятель, — войдёт внутрь и тоже взорвётся. Через десять секунд.

— Почему?

— Чтобы у тебя было время над этим подумать.

— Ты с теми парнями, что снаружи?

— Нет. Это вы сбросили на них печки и прочую срань?

— Нет.

— Значит, Ньюмарк. Бобби Ньюмарк. Сегодня вечером я заключила сделку. Я сведу кое-кого с Бобби Ньюмарком, и досье на меня испарится. А ты мне покажешь, где найти этого

Ньюмарка.

Глава 39
Слишком много всего

И что же это, в конце концов, за место такое?

Дошло уже до того, что Мона перестала находить утешение в воображаемых советах Ланетты. Окажись Ланетта в подобной ситуации, решила Мона, она просто глотала бы чёрный «мемфис»[30] горстями до тех пор, пока не почувствовала бы, что все их проблемы ей до лампочки. У мира никогда ещё не было так много движущихся частей и так мало этикеток для них.

Они ехали всю ночь, Энджи по большей части — в отключке. Теперь Мона определённо была готова поверить болтовне о наркотиках — актриса всё говорила и говорила… на разных языках, разными голосами. И это было хуже всего — голоса, потому что они обращались к Молли, дразнили её, вызывали на что-то, а она им отвечала, не отрывая глаз от дороги, и совсем не так, как если бы разговаривала с Энджи, стараясь успокоить её, а скорее — будто тут действительно был кто-то другой. Голосов, которыми говорила Энджи, было три, не меньше. Самой Энджи это причиняло явную боль, у неё деревенели мускулы и шла носом кровь. Мона сидела, наклонившись над ней, и промакивала кровь, переполненная странной смесью страха, любви и жалости к королеве своих снов — а может, это просто действовал «магик». Но в бело-голубом мигании огней на трассе Мона видела свою собственную руку рядом с рукой Энджи, и они вовсе не были одинаковыми, даже форма была другая, и это её радовало.

Первый голос пришёл, когда они ехали на юг, уже после того, как Молли привезла Энджи в вертолёте. Этот только шипел и скрипел и раз за разом повторял что-то о Нью-Джерси и какие-то цифры, вроде бы обозначения на карте. Часа два спустя Молли завела ховер на стоянку отдыха дальнобойщиков и сказала, что они в Нью-Джерси. Здесь она вышла и отправилась звонить — надолго — из автомата с заиндевевшими от мороза стёклами. Когда Молли наконец вернулась, Мона увидела, как она швырнула телефонную карточку из окна прямо в застывшую на морозе грязь — выбросила и всё. Мона спросила, кому она звонила, а та сказала, что в Англию.

Мона тогда увидела руку Молли на рулевом колесе — на тёмных ногтях проступили желтоватые крапинки; такие возникают, когда отдираешь искусственные ногти. Нужно бы сначала обработать их растворителем, подумала Мона, а потом лечебной мазью.

Где-то за рекой они съехали с трассы. Деревья, поле, двухполосное шоссе, временами — одинокий красный фонарь высоко на какой-нибудь вышке. Вот когда стали приходить другие голоса. И пошло: туда-сюда, туда-сюда. Голоса, потом Молли, опять голоса, опять Молли. Если разговор что-то и напоминал, так это попытки Эдди заключить сделку, только Молли умела это делать гораздо лучше, чем он. Даже не понимая, о чём идёт речь, Мона была уверена, что Молли вот-вот своего добьётся. Но она, Мона, просто не в состоянии это выдерживать, ей не вынести… присутствия этих голосов. Когда они приходили, ей хотелось забиться в угол как можно дальше от Энджи. Хуже всего был тот, кого звали Сам-Эдди — или что-то вроде того. Все голоса требовали, чтобы Молли отвезла Энджи куда-то ради чего-то, что они называли свадьбой. Тут Мона задумалась, не замешан ли здесь как-то Робин Ланье. Скажем, если Энджи и Робин собираются пожениться, то это просто безумная выходка, авантюра, в какие пускаются все звёзды, чтобы заключить брак. Правда, ей никак не удавалось заставить себя поверить в это, и каждый раз, когда возвращался голос этого Сам-Эдди, волосы у Моны вставали дыбом. Однако она сообразила, что именно пытается выторговать Молли. Молли хотела, чтобы все файлы с информацией о ней — где бы они ни находились — были вычищены, стёрты. Мона с Ланеттой смотрели как-то фильм о девчонке, у которой было десять или двенадцать личностей, проявляющихся по очереди. Скажем, если одна была скромной малышкой, то другая — прожжённой шлюхой, но в фильме ничего не говорилось о том, что какая-то из этих личностей была способна стереть досье на себя в полиции.

Потом свет фар выхватил из темноты занесённую снегом равнину и низкие холмы цвета ржавчины — там, где ветер сдул белизну.

В ховере имелась небольшая электронная карта, какие бывают в такси или у дальнобойщиков, но Молли её не включала, кроме одного раза — чтобы поискать цифры, которые называл ей голос. Через некоторое время Мона поняла, что именно Энджи указывает Молли, куда ехать, или, во всяком случае, это делают страшные голоса. Моне сильно хотелось, чтобы поскорее настало утро… Однако ночь ещё не кончилась, когда Молли, погасив свет и прибавив скорость, понеслась сквозь тьму…

— Свет! — крикнула Энджи.

— Расслабься, — ответила Молли. Мона вспомнила, как легко и ловко она двигалась в темноте у Джеральда. Тут ховер немного притормозил, вписался в длинный поворот и затрясся на

неровной почве. Огоньки на приборном щитке погасли, будто вырубились все приборы.

— А теперь ни звука, ясно?

Ховер снова набрал скорость.

Высоко в небе загорелся ослепительный белый огонь. Мона углядела за окном какой-то вращающийся падающий предмет, а над ним — что-то ещё… похожее на серую луковицу…

— Вниз! Да пригни же ты её!

Мона дёрнула застёжку ремня безопасности Энджи как раз тогда, когда что-то врезалось ховеру в бок. Она столкнула Энджи на пол и накрыла её шубой. А потом Молли резко свернула влево, и ховер пронёсся мимо чего-то, что Мона никогда ещё в жизни не видела. Мона глянула вверх: на долю секунды появилось в призрачном свете большое полуразрушенное чёрное здание, над распахнутыми настежь воротами горела единственная белая лампочка. И вот они уже проскочили в эти ворота, турбина взвыла на задней передаче.

Удар, скрежет.

— Просто не знаю, — сказал голос, а Мона подумала: «Ну я-то знаю, каково это».

Тут голос рассмеялся и всё никак не мог остановиться. Смех то слышался, то пропадал, то слышался, то пропадал, как будто кто-то включал и выключал звук. И смех был уже вовсе не похож на смех, когда Мона открыла глаза.

Над ней сидела девушка с маленьким фонариком в руке, такой Ланетта обычно хранила на брелке для ключей. Силуэт девушки был неотчётлив, луч упёрся в расслабленное лицо Энджи. Девушка перевела взгляд на Мону, увидела, что та смотрит в ответ, и похожий на смех звук прекратился.

— Кто вы такие, чёрт побери?

Свет бил Моне в глаза. Выговор кливлендский. Упрямое лисье личико под растрёпанными обесцвеченными волосами.

— Мона. А ты кто? — Но тут она увидела молоток.

— Черри…

— А молоток зачем?

— Кто-то охотится за мной и Сликом. — Черри перевела взгляд на молоток, потом снова подозрительно посмотрела на Мону. — Это не вы?

— Вряд ли.

— Ты на неё похожа. — Свет скользнул по лицу Энджи.

— Не моих рук дело. Во всяком случае, раньше я выглядела иначе.

— Вы обе выглядите как Энджи Митчелл.

— Да. Это она и есть.

Черри передёрнуло. На ней было три или четыре кожаные куртки, полученные от различных дружков — таков был кливлендский обычай.

— В этот высокий замок, — раздался изо рта Энджи голос, густой и тяжёлый, как грязь.

Выронив от изумления молоток, Черри въехала головой в крышу машины.

— Моя лошадь теперь идти, — продолжал голос. В мечущемся луче фонарика Черри они увидели, как на лице Энджи задёргались мускулы.

— Что вы медлите здесь, маленькие сёстры, теперь, когда всё готово к свадьбе?

Лицо Энджи расслабилось, превратилось в её собственное, и из левой ноздри побежала тоненькая струйка ярко-алой крови. Энджи открыла глаза, поморщилась от резкого света.

— Где она? — спросила она Мону.

— Ушла, — ответила Мона. — Сказала мне оставаться с тобой…

— Кто? — спросила Черри.

— Молли. Она была за рулём…

Черри хотела найти кого-то по имени Слик. Мона хотела, чтобы вернулась Молли и сказала ей, что делать. Но Черри трясло от одной мысли о том, чтобы остаться здесь, в бывшем цеху; она сказала: это из-за людей снаружи, у них — пушки. Мона вспомнила звук, когда что-то ударило в бок ховера. Забрав у Черри фонарик, она повернулась к дверце. В правом борту оказалась дырка как раз такого размера, чтобы Мона смогла просунуть в неё палец, а в левом нашлась ещё одна, но уже больше — в два пальца.

Черри сказала, что им лучше подняться наверх — туда, куда, наверное, ушёл Слик, — пока эти люди не решили войти внутрь. Особой уверенности Мона не испытывала.

— Давайте же, — торопила Черри. — Слик, наверное, наверху, у Джентри и Графа…

— Что ты сейчас сказала? — Это был голос Энджи, точно такой, как в стимах.

Ладно бы пушки, но когда они выбрались из ховера, на Фабрике оказалось чертовски холодно, а Мона была по-прежнему без чулок. Но — наконец-то! — завязался рассвет: серым на чёрном стали вырисовываться прямоугольники — скорее всего, окна. Девушка по имени Черри вела их, по её словам, куда-то

«наверх», отыскивая себе дорогу краткими вспышками фонарика, сразу за ней шла Энджи, Мона же завершала процессию.

Тут она зацепилась за что-то каблуком. Шорох. Наклонившись, чтобы отцепить эту дрянь, Мона обнаружила, что на ощупь это напоминает пластиковый пакет. Липкий. Внутри мелкие твёрдые штучки. Она глубоко вдохнула и выпрямилась, засунув пакет в боковой карман куртки Майкла.

А потом они долго взбирались по узким лестницам, круто уходящим вверх. Мех Энджи обметал руку Моны на шершавых и холодных перилах. Площадка, поворот, ещё один пролёт лестницы, ещё площадка, снова лестница. Откуда-то потянуло холодом.

— Здесь что-то вроде моста, — сказала Черри. — Идти по нему нужно быстро, ладно? Потому что он вроде как… ну… уходит из-под ног…

А вот это было уже совсем неожиданно: и странная белая комната с высоким потолком, и провисающие полки, набитые растрёпанными выцветшими книгами (Мона сразу же вспомнила о старике), и нагромождение каких-то консолей с извивающимися повсюду кабелями, и этот худой человек в чёрном — глаза горят, а волосы сзади затянуты в хвост, который в Кливленде называют «бойцовая рыбка», — и этот безумный смех, когда он увидел их, и ещё этот мёртвый парень.

Мона и раньше видела мертвецов, видела достаточно часто, чтобы распознавать их с первого взгляда. У смерти есть свой цвет. Время от времени во Флориде кто-нибудь лежал на куске картона на боковой дорожке возле сквота. Просто лежал и не поднимался. Одежда и кожа приобретали оттенок пыльной дорожки, и всё же оттенок этот становился совсем другим, когда эти овощи наконец отдавали концы. Тогда приезжал белый фургон. Эдди говорил, что это потому, что, если их не забрать, их раздует. Как кошку, которую как-то видела Мона. Кошка вздулась, как баскетбольный мяч, лежала на спине, лапы и хвост торчали во все стороны, как твёрдые палки — Эдди это ещё насмешило.

А теперь смеялся этот вот парень, явно пребывавший под «магиком» — уж Мона-то знала, что означает подобный взгляд, — и Черри издала сдавленный звук, похожий на стон, а Энджи так просто застыла у двери.

— Тихо, все, — услышала Мона знакомый женский голос и обернулась.

В дверном проёме с небольшой пушкой в руке появилась Молли, а за плечом у неё образовался огромный парень с грязными волосами, выглядевший тупым, как пень.

— Постойте-ка смирно, пока я не разберусь, кто тут кто.

Худой в ответ только рассмеялся.

— Заткнись, — рассеянно бросила Молли, будто думала о чём-то другом.

Она выстрелила, даже не посмотрев на пушку. Синяя вспышка на стене прямо над головой у худого и звон у Моны в ушах.

Худой свернулся калачиком на полу, зажав голову между колен.

Энджи подходит к носилкам, где лежит мёртвый парень, глаза её закатились, так что видны одни лишь белки. Медленно-медленно. Будто движется под водой… И на лице такое странное выражение…

Рука Моны в кармане куртки что-то нащупывала сама по себе. Вертела, сжимала подобранный по дороге «зиплок», говорила ей, что в нём… «магик».

Она вытащила пакет — и вправду «магик». Сам пакет — липкий от подсыхающей крови. Три кристалла внутри и ещё какие-то дермы.

Мона сама не знала, почему она вытащила его именно в этот момент, разве что потому, что все замерли без движения.

Худой с «бойцовой рыбкой» уже сидел, но оставался на своём месте. Энджи склонилась над носилками, но, похоже, вообще не обратила внимания на мёртвого, а вперилась взглядом в серый ящик, присобаченный к подобию рамы в изголовье. Черри из Кливленда вжалась спиной в полки с книгами и пыталась затолкать себе в рот костяшки сжавшихся в кулак пальцев. Большой парень просто стоял рядом с Молли, которая, склонив голову набок, будто к чему-то прислушивалась.

Ну кто может такое выдержать!

Стол был накрыт каким-то стальным листом. На столе под тяжёлым бруском из металла — пыльная стопка распечаток. Мона рядком, как пуговицы, выдавила все три кристалла, подняла этот брусок и — раз, два, три — разбила их в пыль. Сработало: все уставились на неё. Все, кроме Энджи.

— Извините, — услышала Мона собственный голос, сметая жёлтую горку пыли на раскрытую в ожидании левую ладонь. — Вот как это… — Она зарылась носом в горку и вдохнула. — Иногда, — добавила она и вдохнула остатки.

Никто не сказал ни слова.

И снова — в центре тишины. Точно так же, как это было до «магика».

«Это происходит так быстро, что остаётся на месте».

Вознесение. Вознесение грядёт.

Так быстро, что остаётся на месте, и она даже может вспомнить последовательно всё, что произошло дальше. Сперва — гулкие раскаты смеха, «ХА-ХА-ХА», которые совсем не похожи на смех. Нет, это просто голос, пропущенный через громкоговоритель. Из-за двери. С того самого подвесного моста. И Молли разворачивается — плавно, грациозно, стремительно — и всё это так, как будто спешить ей некуда. Щёлкает, как зажигалка, её маленькая пушка.

Потом — синяя вспышка снаружи, и в большого парня из-за двери вдруг летят брызги крови, и со скрежетом рвётся старый металл, и Черри начинает кричать ещё прежде, чем подвесной мост с громким рок-н-ролльным звуком ударяется о бетонный пол в тёмном цеху — там, где Мона нашла окровавленный пакет с «магиком».

— Джентри, — говорит кто-то, и тут она видит небольшой экран на столе, а на нём молодое лицо, — подсоедини ко мне пульт управления, который ты взял у Слика. Они — в здании.

Парень с «бойцовой рыбкой» с трудом поднимается на ноги и начинает возиться с проводами и консолями.

А Мона способна только смотреть, потому что внутри у неё так тихо, а всё вокруг так интересно.

Смотрит, как большой парень, вдруг очнувшись, издаёт жуткий вопль и подбегает с криком: «Они мои, мои!..» Смотрит, как лицо на экране говорит: «Да ладно тебе, Слик, на самом деле они тебе уже не нужны…»

Затем где-то там, внизу, включается мотор, и Мона слышит сперва стрёкот и перестук, а потом вдруг кто-то в цеху начинает орать нечеловеческим голосом.

И вот уже в высоком узком окне встаёт солнце. Мона незаметно переходит к окну и выглядывает наружу. На широкой ржавой равнине — что-то вроде фургона или ховера, только он погребён под горой не то холодильников, не то… да-да, новёхонькие холодильники… и разломанные пластиковые клети вокруг… и ещё кто-то в камуфляже — лежит, уткнувшись лицом в снег, а дальше, за ним — ещё один ховер, но тот, похоже, сгорел дотла.

Как интересно!

Глава 40
Розовый атлас

Энджи Митчелл воспринимает эту комнату и находящихся в ней людей словно сквозь голографическую проекцию скользящих в воздухе символов. Будто бы эти данные представляют собой различные точки зрения, хотя кому или чему они принадлежат, Энджи в большинстве случаев испытывает сомнение. Временами эти данные совпадают, но столь же часто и противоречат друг другу.

Мужчина с неряшливым хвостом светлых волос и в расшитой чёрными бусинами кожаной куртке — это Томас Трэйл Джентри (сквозь неё каскадом течёт информация о его рождении и цифры ГРЕХа), постоянного местожительства не имеет (в то же время другой источник сообщает ей, что эта комната принадлежит ему). В сером слое официальных данных обнаруживаются бледно-розовые мраморные прожилки неоднократных подозрений Ядерной Комиссии в коммунальном мошенничестве. И вот Энджи видит его совсем в ином свете: он похож на ковбоев, с которыми её познакомил Бобби; несмотря на молодость, этот Джентри совсем такой же, как те старики из «Джентльмена-Неудачника». Он — самоучка, эксцентрик, одержимый; по его собственному мнению — учёный; он — лунатик, безумец, виновный (с точки зрения Маман, с точки зрения Легбы) в бесчисленных ересях. Леди 3-Джейн согласно своей эксцентричной классификации определила его как «АРТЮРА РЕМБО». (Отталкиваясь от этого имени, Энджи видит, как вспышку, ещё одно лицо, но того зовут Ривьера, это второстепенный персонаж её снов). Молли преднамеренно оглушила этого Джентри, всадив иглу из игольника в восемнадцати сантиметрах от его черепа.

У Молли, как и у девочки Моны, ГРЕХа нет, её рождение не зарегистрировано, и тем не менее вокруг её имени (имён) роятся мириады предположений, слухов, противоречащих друг другу сведений. Уличная девчонка, проститутка, телохранитель, наёмный убийца, она на различных уровнях сливается с тенями героев и злодеев, чьи имена ничего не говорят Энджи, хотя остаточные их образы уже давно вплетены в ткань мировой культуры. (Раньше всё это тоже принадлежало 3-Джейн, а теперь принадлежит ей, Энджи).

Молли только что убила человека, всадив ему в горло одну из своих взрывчатых игл. Упав на стальные перила, тяжёлое, увешанное оружием мёртвое тело обрушило значительный

участок подвесного моста. В этой комнате нет другого выхода, факт, обладающий определённым стратегическим значением. В намерения Молли, вероятно, не входило уничтожение подвесного моста. Она стремилась лишь воспрепятствовать головорезу-наёмнику воспользоваться выбранным им оружием — мощным короткоствольным ружьём с покрытием из чёрного светопоглощающего сплава. Тем не менее чердак Джентри теперь надёжно изолирован.

Энджи понимает, что значит Молли для 3-Джейн, видит, почему 3-Джейн желает заполучить эту женщину, видит причину её ненависти — и, зная это, постигает всю банальность человеческого зла.

Энджи видит, как Молли беспокойно рыщет по серому зимнему Лондону, рядом с ней маленькая девочка, — и знает, не зная откуда и как, что та же самая девочка находится сейчас на Маргейт-роуд, 23, СВ-2. (Континьюити?) До недавнего времени отец девочки был хозяином человека по имени Суэйн, позже этот делец перешёл на службу к 3-Джейн — ради информации, которой она снабжает тех, кто повинуется её воле. Как и Робин Ланье, хотя, конечно, последний надеется, что ему заплатят иной монетой.

К девушке Моне Энджи испытывает странную нежность, жалость и до некоторой степени завидует ей. Хотя девушку изменили так, чтобы она как можно больше напоминала её саму, жизнь Моны не оставила практически никаких следов в ткани бытия и олицетворяет в знаковой системе Легбы максимальное приближение к невинности.

Черри-Ли Честерфилд окружена печальными небрежными каракулями, её информационный профиль напоминает рисунок ребёнка: привлечение к суду за бродяжничество, нелепые долги, прерванная карьера парамедицинского техника шестой ступени — и всё это в обрамлении даты рождения и ГРЕХа.

Слик, или Слик Генри, — среди неГРЕХовных, но 3-Джейн, Континьюити, Бобби — все они щедро одаривали его своим вниманием. Для 3-Джейн он служит как бы фокусом второстепенного кода ассоциаций: в его последовательном ритуале конструирования роботов, ставшем реакцией на психическую травму в результате уголовного химнаказания, она видит собственные провалившиеся попытки изгнать призрак бесплодной мечты Тессье-Эшпулов. В коридорах памяти 3-Джейн Энджи нередко набредала на каморку, где манипулятор с паучьими лапами, перемешивая обломки краткой и вздорной истории «Блуждающего огонька», воплощает в шкатулки пронзительно печальные, горькие воспоминания — акт

затянувшегося художественного коллажа. А у Бобби — воспоминания иные, они получены от художника, сумевшего добраться до Вавилонской библиотеки 3-Джейн: это рассказ о медленном, печальном, почти ребяческом труде, воздвигающем на плоской равнине под названием Собачья Пустошь новые образы боли и памяти.

Внизу, в холодной темноте Фабрики, одна из кинетических скульптур Слика, управляемая подпрограммой Бобби, как раз сейчас отделяет левую руку от тела ещё одного наёмника, задействовав для этого механизм, позаимствованный два года назад у комбайна китайского производства. Наёмник, чьё имя и ГРЕХ проплывают мимо Энджи цепочкой горячих серебристых пузырьков, умирает, прижавшись щекой к сапогу Пташки.

Только Бобби — единственный из всех людей в этой комнате — не представлен символами. И Бобби — это не отслужившее свой век тело, ремнями привязанное к носилкам, с подбородком, покрытым плёнкой засохшей блевотины. Бобби — это даже не насмешливое, до боли знакомое лицо, глядящее на неё с монитора на верстаке Джентри. Может быть, Бобби — это массивный параллелепипед памяти, привинченный над носилками?

И вот, ступив на перекатывающиеся дюны из испачканного землёй розового атласа под стальным механическим небом, Энджи наконец-то свободна и от этой комнаты, и от всей её информации.

Рядом с ней идёт Бригитта, и нет никакого давления или пустоты ночи, никакого гудения потревоженного улья. Нет свечей. Континьюити тоже тут, представленный в виде неразборчивых бегущих каракуль из серебристых блёсток, которые почему-то напоминают Энджи о Хилтоне Свифте на пляже в Малибу.

— Как ты себя чувствуешь? Лучше? — спрашивает Бригитта.

— Спасибо, намного.

— Я так и думала.

— Почему тут Континьюити?

— Потому что он твой двоюродный брат, созданный из биочипов «Мааса». Потому что он юн. Мы провожаем тебя на свадьбу.

— Но кто ты, Бригитта? Что ты есть на самом деле?

— Я — послание, которое приказали написать твоему отцу. Я — veves, которые он прочертил в твоей голове. — Бригитта придвигается ближе. — Будь поласковей с Континьюити. Он боится, что своей неуклюжестью заслужил твоё недовольство.

Серебристые блёстки бегут впереди них по атласным дюнам, чтобы возвестить о прибытии невесты.

Глава 41
Мистер Янака

Модуль «Маас-Неотек» уже остыл и на ощупь был едва тёплым, но белая пластиковая подстилка под ним потемнела, будто от сильного жара. Запах палёных волос…

Кумико смотрела, как на лице Тика наливаются чёрные синяки. Он послал её к шкафчику возле кровати за потёртой жестянкой из-под сигарет — коробка была забита таблетками и дисками дермов. Разорвав ворот рубашки, жокей вдавил три самоклеющихся диска в фарфорово-белую кожу шеи.

Девочка помогла ему соорудить некое подобие перевязи, свернув петлёй оптический кабель.

— Колин же говорил, что она забыла…

— Зато я не забыл… — Тик со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы, с трудом продевая руку в петлю. — Конечно, всё это было только кажущимся. Но болеть рука будет долго… — Он поморщился.

— Мне очень жаль…

— Да ладно. Салли мне рассказывала. О твоей матери, я имею в виду.

— Да… — не отводя от него взгляда, сказала Кумико. — Она покончила жизнь самоубийством. В Токио.

— Кем бы там ни была та женщина, это не твоя мать.

— Модуль… — Она посмотрела на обеденный стол.

— Она его выжгла. Впрочем, Колину это без разницы, он остался там. Загнал себя подпрограммой в этот её конструкт. Так что же затеяла наша Салли?

— С ней Анджела Митчелл. Салли отправилась на поиски того, из чего вырос этот макроформ. Какое-то место под названием Нью-Джерси.

Зазвонил телефон.

На широком экране за телефоном — отец Кумико, вернее, плечи и голова: видны чёрный костюм, часы «ролекс», целая галактика мелких устройств и опознавательных знаков братства на лацкане пиджака. Кумико подумалось, что вид у него усталый — усталый и очень серьёзный. Серьёзный человек за чёрной гладью стола в своём кабинете. Кумико пожалела, что Салли звонила из автомата без видеокамеры. Ей очень хотелось снова её увидеть. Да, теперь, вероятно, такой возможности больше уже не представится.

— Ты хорошо выглядишь, Кумико, — сказал отец.

Девочка напряглась, выпрямилась, сидя лицом к маленькой камере, установленной прямо под настенным экраном. По привычке она призвала маску матери, ту, что выражала пренебрежение и надменность, но ничего не вышло. Кумико растерянно потупила взгляд, уставившись на судорожно сжатые на коленях руки. Внезапно она осознала присутствие Тика, его смущение и страх — маленький человечек попал в ловушку в собственном кресле, стоявшем здесь же, напротив камеры.

— Ты поступила совершенно правильно, покинув дом Суэйна, — говорил тем временем отец.

Она вновь встретилась с ним взглядом.

— Он — твой кобун.

— Уже нет. Пока нас отвлекали трудности, возникшие в нашем собственном доме, он заключил новый и очень сомнительный союз, избрав курс, который мы не могли бы одобрить.

— А ваши трудности, отец?

Не вспыхнула ли у него на лице мимолётная улыбка?

— Со всем этим покончено. Порядок и согласие восстановлены.

— А… гм-м… простите меня, сэр… мистер Янака, — начал было Тик, но потом, похоже, совсем потерял голос.

— Да. А вы?..

Покрытое синяками лицо Тика перекосилось, сделавшись воплощением траура.

— Его зовут Тик, отец. Этот человек предоставил мне убежище и защиту. Вместе с Кол… с модулем «Маас-Неотек» он сегодня вечером спас мне жизнь.

— Правда? Меня об этом не информировали. Я пребывал в убеждении, что ты не покидала этих апартаментов.

Что-то холодное…

— Как? — спросила она, подавшись вперёд. — Откуда вы можете это знать?

— Модуль «Маас-Неотек» сообщает о твоём местонахождении и твоих передвижениях, как только они становятся ему известны. Сигнал поступил, как только модуль вышел из-под блокады систем Суэйна. Мы разместили наблюдателей в этом районе. — Кумико тут же вспомнила продавца лапши… — Естественно, не ставя об этом в известность Суэйна. Но модуль так и не передал повторного сообщения.

— Он разбился. Несчастный случай.

— И всё же ты говоришь, что этот человек спас тебе жизнь?

— Сэр, — обрёл голос Тик, — если я могу просить прощения… я хотел бы спросить… я под крышей?

— Под крышей?

— Ну, защищён? От Суэйна то есть и от его шайки из Особого отдела. И от всех остальных…

— Суэйн мёртв.

Повисло молчание.

— Но кто-то же будет всем этим управлять? Я хочу сказать, всей этой игрой. Вашим бизнесом.

Мистер Янака разглядывал Тика с откровенным любопытством.

— Конечно. Как ещё можно надеяться сохранить порядок и согласие?

— Дайте ему слово, отец, — вмешалась Кумико, — что ему не будет причинено никакого вреда.

Янака перевёл взгляд с дочери на гримасничающего Тика.

— Сэр, примите мою искреннюю благодарность за защиту моей дочери. Отныне я ваш должник.

— Гири, — проговорила Кумико.

— Господи, — выдавил Тик, — ну надо же!

— Отец, — сказала Кумико, — в ночь, когда умерла моя мать, приказывали ли вы своим секретарям позволить ей выйти одной?

Лицо отца было совершенно неподвижно. Но у неё на глазах оно наполнилось горем, какого она до сих пор никогда не видела.

— Нет, — ответил он наконец, — я не приказывал.

Тик кашлянул.

— Спасибо вам, отец. Теперь я вернусь в Токио?

— Естественно, если пожелаешь. Хотя, насколько я понимаю, тебе удалось осмотреть лишь очень незначительную часть Лондона. Вскоре в апартаменты мистера Тика прибудет мой компаньон. Если ты пожелаешь остаться и осмотреть город, он это устроит.

— Благодарю вас, отец.

— До свидания, Куми.

И он исчез.

— Ну а теперь, — сказал Тик, с гримасой на лице протягивая ей здоровую руку, — помоги мне встать с этого…

— Но тебе же требуется медицинская помощь.

— Правда? А я что делаю?

Он умудрился подняться на ноги и заковылял к туалету, как вдруг дверь отворилась и с тёмной лестничной площадки в комнату заглянул Петал.

— Если вы сломали мой чёртов замок, — приветствовал его Тик, — неплохо бы за него заплатить.

— Прошу прощения, — сказал Петал, моргнув. — Я пришёл за мисс Янака.

— Тем хуже для вас. Я только что говорил по телефону с её отцом. Большой босс сказал нам, что Суэйн сыграл в ящик. Сказал, что посылает сюда нового босса. — И Тик улыбнулся плутовато и с триумфом.

— Но, видите ли, — мягко проговорил Петал, — это я.

Глава 42
В цеху Фабрики

А Черри всё кричит.

— Заткните её кто-нибудь, — бросает Молли от двери, где стоит со своей маленькой пушкой в руке, и Моне кажется, что Молли обращается именно к ней. Кто, как не она, Мона, может передать Черри частицу своего покоя, где всё так интересно и ничто тебя не достаёт, и по пути через комнату она видит на полу скомканный «зиплок» и вспоминает, что там ведь были ещё какие-то дермы. Может, это как раз то, что поможет Черри успокоиться?

— Вот, — говорит она, подходя к девушке, выдавливает дерм из упаковки и налепляет ей на шею.

Крик Черри скользит вниз по шкале громкости, стихает до невнятного бульканья, и она оседает по стене старых книг, но Мона уверена, что с ней всё будет в порядке. Однако внизу стрельба — автоматные очереди. Снаружи мимо Молли влетают, с треском отскакивают, рикошетят вокруг стальных балок белые трассирующие пули. А Молли кричит на Джентри, не может ли он включить этот чёртов свет?

Это должно означать лампы внизу, потому что здесь, наверху, всё залито ярким светом, настолько ярким, что Моне видны маленькие пушистые шарики и разноцветные следы, истекающие из них, если внимательно приглядеться. Трассирующие пули. Вот как зовутся эти шарики, которые светятся и прыгают. Эдди рассказывал ей о таких во Флориде, когда охрана гоняла их с частных пляжей, стреляя из темноты.

— На кой чёрт там свет? — говорит лицо с маленького экрана. — Ведьма-то слепа…

Мона улыбается ему. Она не думает, что кто-нибудь, кроме неё, его услышал. Какая ещё Ведьма?

И вот Джентри и большой Слик начинают, кряхтя, срывать толстые жёлтые провода со стен, где они были прикреплены серебристой лентой, и втыкать их в металлические ящики. Черри из Кливленда теперь сидит на полу с закрытыми глазами, а Молли, присев на корточки у двери, обеими руками сжимает пушку, а Энджи…

— Успокойся.

Она услышала это слово, сказанное чьим-то голосом, но голос этот не мог принадлежать никому из тех, кто был в комнате. Она подумала, что это, должно быть, Ланетта, только она умела так говорить — сквозь время, сквозь покой.

А Энджи сидит на полу рядом с носилками, ноги согнуты в коленях, как у статуи, руки обнимают тело мёртвого парня.

Лампы тускнеют — это Джентри со Сликом нашли наконец свой контакт, а Моне чудится, что она услышала, как лицо на мониторе охнуло. Но сама она уже движется, идёт по направлению к Энджи, видя (внезапно и с такой ясностью, что это причиняет боль) тонкую струйку крови, вытекающую из её левого уха.

Но даже тогда покой не оставляет Мону, хотя она и начинает уже чувствовать жгучие укусы где-то в глубине горла и вспоминает вдруг слова Ланетты: «Никогда не смей этим дышать, это проест в тебе дырки».

А спина у Молли — прямая, руки вытянуты… За дверь и куда-то вниз, и не к этому серому ящику, а к пистолету, этой маленькой штучке — Моне слышно, как она делает «чик-чик-чик», а потом слышатся три взрыва где-то далеко внизу, — и там, должно быть, сверкают три голубые вспышки. Но руки Моны уже обнимают Энджи, запястья щекочет испачканный кровью мех. Она заглядывает в пустые глаза, где затухает свет. Дальняя дорога, самый далёкий путь.

— Эй, — зовёт Мона, но никто её не слышит, только Энджи — но и Энджи уже не слышит, склонив голову на труп в спальном мешке, — эй…

Мона поднимает глаза — как раз вовремя, чтобы ухватить взглядом последнее изображение на экране и увидеть, как оно угасает.

А после этого долго — очень и очень долго — ничто уже не имело значения. Ни беззаботность покоя, ни хрустальный овердрайв, прокручивающий воспоминания на ускоренной передаче — и это вовсе не походило на обычную ломку, скорее это было похоже на чувство, когда всё осталось далеко в прошлом — так, наверное, чувствуют себя духи.

Она стояла в дверях между Молли и Сликом и смотрела вниз. В тусклом свечении больших старых ламп было видно, как, подёргиваясь, мечется по грязному бетонному полу металлический паук. У паука были большие искривлённые ножи, которые щёлкали и поскрипывали при каждом его движении, но больше там не двигался никто, а робот всё копошился, как сломанная игрушка, туда-сюда перед искорёженными останками маленького мостка, по которому когда-то давно она пробиралась вместе с Энджи и Черри.

Черри наконец смогла подняться на ноги — бледная, с обмякшим лицом — и сорвала с шеи дерм.

– ’то д’я расслабл’н’ муск’л’, — с трудом выдавила она.

И Мона почувствовала себя худо, потому что вдруг поняла, что опять наделала глупостей, думая, что пытается помочь. Но с «магиком» всегда так, и почему она не может перестать принимать его?

«Потому что ты подсела, идиотка», — услышала она слова Ланетты, но думать об этом ей не хотелось.

И вот они все просто стояли и смотрели вниз на металлического паука, который продолжал метаться по бетонному полу, окончательно разряжая свои батареи. Все, кроме Джентри, который отвинчивал болты, крепившие серый ящик к раме над носилками, переступая своими чёрными ботинками рядом с красным мехом Энджи.

— Слышите? — сказала Молли. — Это вертолёт. Большой вертолёт.

Она была последней на канате, если не считать Джентри, который просто сказал, что он не пойдёт, что ему плевать, что он остаётся.

Канат был толстый и грязный, с завязанными на нём узлами, чтобы за них цепляться, — это напомнило Моне что-то из её далёкого-далёкого детства. Слик и Молли спустили сначала серый ящик. Они опустили его на платформу, где металлические лестницы остались неповреждёнными. Потом Молли ловко, как белка, соскользнула вниз — казалось, она вообще не касается каната — и крепко привязала конец к перилам. Слик спускался медленно, потому что за спиной у него висела Черри, которая была ещё слишком расслаблена, чтобы одолеть спуск сама. Мона всё ещё чувствовала себя виноватой и подумала, не поэтому ли они решили оставить её наверху.

Впрочем, решение приняла Молли, ещё когда стояла у высокого окна, глядя на то, как из длинного чёрного вертолёта выскакивают и рассыпаются по снегу люди.

— Посмотрите-ка, — сказала она. — Они уже знают. Пришли подобрать остатки. Это — «Сенснет». А я сваливаю.

Черри пробормотала, что они тоже уходят, она и Слик. А Слик пожал плечами, потом ухмыльнулся и обнял её за плечи.

— А что будет со мной?

Молли посмотрела на неё. Или казалось, что посмотрела. Ничего не поймёшь с этими зеркалами. На долю секунды над нижней губой показался белый клык. Затем она сказала:

— Мой тебе совет — оставайся. Пусть они разбираются с этим сами. Ты же, в сущности, ни в чём не виновата. Всё это была не твоя идея. Думаю, они что-нибудь из тебя сделают. Во всяком

случае, попытаются. Да, ты остаёшься.

Мона не нашла в этих словах ни крупицы смысла, но сейчас она чувствовала себя совсем дохлой, начиналась ломка, и у неё уже не было сил спорить.

А потом они просто ушли, спустились вниз по канату и исчезли. Вот и всё, вот так люди уходят, и ты их никогда больше не увидишь. Мона оглянулась назад в комнату и увидела, что Джентри ходит перед своими книгами, водя пальцем по корешкам, как будто ищет что-то конкретное. Носилки он прикрыл одеялом.

Поэтому она просто ушла, и ей уже никогда не узнать, нашёл Джентри ту книгу или нет. Она кое-как сползла по канату, и это было совсем не просто, не так, как у Молли и Слика. Особенно при её состоянии, потому что Моне казалось, что она вот-вот вырубится, и руки-ноги, похоже, не слишком хорошо её слушались, и приходилось прилагать неимоверные усилия для того, чтобы заставить их работать, а ещё мешали разбухшие нос и горло… Так что того чёрного она заметила, только когда спустилась.

Чёрный человек стоял рядом с тем местом, где раньше суетился паук — теперь тот не шевелился.

Когда её туфли заскрежетали по стальной платформе, чёрный поднял глаза. И в лице его было что-то настолько печальное, когда он её увидел… Выражение, мелькнув, пропало, и он стал медленно подниматься вверх по металлическим ступенькам. Когда он подошёл ближе, у Моны появилось сомнение, а настоящий ли этот негр негр? Ладно бы цвет кожи — по цвету он определённо был негр, — но что-то скрывалось в форме голого черепа, в чертах угловатого лица, не совсем таких, какие она привыкла видеть у негров. Он был высоким, очень высоким. На нём было длинное чёрное кожаное пальто — из такой тонкой кожи, что струится, как шёлк.

— Здравствуй, мисси, — сказал, оказавшись перед ней, чёрный человек и двумя пальцами приподнял её подбородок так, что она теперь смотрела прямо в агатовые с золотыми искорками глаза, каких не бывает на свете. И длинные пальцы у неё на подбородке были такие лёгкие…

— Мисси, — спросил незнакомец, — сколько тебе лет?

— Шестнадцать…

— Тебе нужна стрижка, — сказал он, и что-то такое трогательно серьёзное было в том, как он это сказал.

— Энджи там, наверху, — сказала она, когда вновь обрела голос. — Она…

— Т-с-с.

Из глубины огромного старого здания донёсся грохот металла о металл, потом шум заводимого мотора. «Ховер, — подумала Мона, — тот, в котором нас привезла Молли».

Чёрный человек задрал брови — вернее, сделал так, будто их задрал, потому что у него не было бровей.

— Друзья? — Он опустил руку.

Она кивнула.

— Хорошо. — Он взял её за руку, чтобы помочь сойти с лестницы.

Благополучно спустившись вниз, они обогнули обломки подвесного моста. Там лежал кто-то мёртвый — в камуфляже и с громкоговорителем, какие бывают у копов.

— Свифт, — позвал чёрный человек через всё это гулкое пустое пространство с чёрными решётками пустых окон — чёрные линии на фоне белого неба, зимнего утра. — Двигай сюда. Я её нашёл.

— Но я — не она…

И там, где на фоне неба, снега и ржавчины стояли настежь огромные ворота, она увидела идущего к ним пиджака: пальто нараспашку, галстук хлопает на ветру. А Молли разгоняет мимо него свой ховер, и машина выскакивает из тех же самых ворот. А пиджак даже не оборачивается, потому что смотрит на Мону.

— Я — не Энджи, — повторила она ещё раз, подумав, не рассказать ли им о том, что она видела. Об Энджи и об этом молодом парне, обнявшихся на маленьком экранчике за мгновение до того, как погасло изображение.

— Я знаю, — сказал чёрный человек, — но всё ещё впереди.

Вознесение. Вознесение грядёт.

Глава 43
Судья

Женщина повела их к ховеру, припаркованному внутри Фабрики, если можно назвать припаркованной машину, передок которой смят о бетонный выступ, где раньше стоял станок. Это был белый грузовик с надписью «КИТАЙСКИЕ КАТОДЫ» на задних дверях, и Слик ещё удивился, как ей удалось заехать сюда так, чтобы они не слышали. Должно быть, это произошло в тот момент, когда Бобби Граф производил свой отвлекающий манёвр.

«Алеф» оттягивал руки, как будто он нёс небольшой моторный блок.

Ему не хотелось смотреть на Ведьму, потому что на её лезвиях была кровь — не для того он её создавал. Рядом лежали два трупа, вернее то, что от них осталось, — на это тоже не хотелось смотреть.

Слик перевёл взгляд на блок биософта и привинченные к нему батареи и задумался, там ли ещё всё это, серый дом, и Мексика, и глаза 3-Джейн.

— Подожди, — приказала женщина.

Они проходили мимо пандуса, ведущего к каморке, где он держал свои автоматы; Судья был ещё там, Трупожор…

Пушку женщина по-прежнему держала на виду.

— Она сказала подождать. — Слик положил Черри руку на плечо.

— Эта штука, которую я видела вчера ночью, — сказала женщина, — однорукий робот, он работает?

— Ага…

— Он сильный? Унесёт груз? По пересечённой местности?

— Да.

— Давай его сюда.

— А?

— Заведи его в кузов. Шевелись.

Черри почти висела на Слике, колени у неё подкашивались после того, что дала ей эта девчонка.

— Ты, — Молли пушкой указала на Черри, — в ховер.

— Давай, — легонько подтолкнул Черри Слик. Поставив «алеф» на пол, он поднялся по пандусу туда, где в темноте поджидал Судья. Левая рука лежала рядом на брезенте, там, где Слик оставил её несколько дней назад. Ему уже никогда не наладить её так, чтобы пила работала как следует. Тут же на пыльной и проржавевшей металлической полке лежал пульт

дистанционного управления. Взяв его, он подал в Судью ток, и коричневый панцирь автомата слегка задрожал.

Он заставил Судью шагнуть вперёд, потом — шаг за шагом — свёл его вниз по пандусу; гироскопы компенсировали отсутствие руки. Женщина уже успела открыть задние двери ховера, и Слик повёл Судью прямо туда. Женщина чуть подалась назад, когда робот навис над ней. Серебристые стёкла отразили полированную ржавчину. Слик подошёл следом за Судьёй и начал прикидывать, как бы втиснуть автомат внутрь. Он не видел в этом никакого смысла, но, должно быть, у неё имелась какая-нибудь задумка на этот счёт. Да какая разница, будь что будет, только бы не оставаться теперь на Фабрике, где повсюду трупы. Он вспомнил о Джентри, оставшемся там наверху со своими книгами и этими телами. На чердаке были ещё две девушки, и обе они выглядели как Энджи Митчелл. Теперь одна из них мертва — он не знал, как это получилось, — а второй женщина с пушкой приказала ждать…

— Ну давай же, загоняй этот чёртов механизм внутрь, нам пора сваливать…

Когда ему удалось уложить Судью в кузове ховера — на бок, ноги подогнуты, — он захлопнул двери, обежал вокруг и забрался в кабину со стороны пассажира. «Алеф» помещался между передними сиденьями. Черри, дрожа, свернулась на заднем сиденье под огромной оранжевой паркой с логотипом «Сенснета» на рукаве.

Женщина запустила турбину и подала воздух в подушку. Слик подумал, что они могут застрять, зацепившись за бетонный выступ, но когда женщина дала задний ход, с лязгом оторвалась только хромированная полоска, и они высвободились. Развернув ховер, она направила машину к воротам.

Выезжая наружу, они проехали мимо человека в костюме, галстуке и пальто из твида, который, казалось, их даже не заметил.

— Это ещё кто?

Женщина пожала плечами.

— Возьмёшь ховер? — спросила она.

Они уже успели отъехать километров на десять от Фабрики, а Слик за всё это время даже ни разу не оглянулся.

— Ты его украла?

— Конечно.

— Я — пас.

— Да?

— Я сидел. За угон машин.

— А как там твоя подружка?

— Спит. И она не моя подружка.

— Нет?

— Я всё хочу спросить: а ты кто?

— Деловая женщина.

— И что за бизнес?

— Трудно сказать.

Небо над Пустошью было чистым и ярко-белым.

— Ты приехала за этим? — Он похлопал по «алефу».

— Вроде того.

— А что теперь?

— Я заключила сделку. Доставила Митчелл к ящику.

— Так это была она, та, что откинулась?

— Да, это была она.

— Но она умерла…

— Есть смерть и смерть.

— Как З-Джейн?

Её голова качнулась, будто она бросила на него беглый взгляд.

— Что ты об этом знаешь?

— Я её однажды видел. Там, внутри.

— Ну она по-прежнему там, но ведь и Энджи тоже.

— И Бобби.

— Ньюмарк? Да уж.

— Так что ты собираешься с этим делать?

— Это ведь ты построил все эти штуки? Ту, что сейчас в кузове, и остальные?

Слик обернулся через плечо туда, где в грузовом отсеке, как большая ржавая кукла без головы, свернулся Судья.

— Да.

— Значит, с инструментами обращаться умеешь?

— Наверное.

— О'кей. У меня есть для тебя работа.

Она затормозила возле рыхлого гребня из прикрытого снегом мусора и плавно съехала под уклон. Мотор заглох.

— Там где-то есть набор инструментов на случай аварии. Достань их, заберись на крышу, сними ячейки солнечных батарей и провода. Мне нужно, чтобы эти ячейки подзаряжали батареи «алефа». Сможешь это сделать?

— Наверно. А зачем?

Она откинулась на спинку сиденья, и Слик вдруг понял, что она гораздо старше, чем кажется, и очень-очень устала.

— Митчелл теперь там. Они хотят дать ей какое-то время, вот и всё…

— Они?

— Бог его знает. Что-то. То, с чем я заключила сделку. Как по-твоему, сколько протянут батареи, если ячейки работают?

— Пару месяцев. Может, год.

— Сойдёт. Я это спрячу где-нибудь, где ячейки всегда смогут быть на солнце.

— А что будет, если просто отключить ток?

Протянув руку, она провела кончиком указательного пальца вдоль тонкого кабеля, соединяющего «алеф» с батареей. Слик увидел её ногти в утреннем свете; ногти выглядели искусственными.

— Слышишь, З-Джейн, — сказала она, по-прежнему держа палец на кабеле. — Моя взяла.

Тут её пальцы сжались в кулак, потом разжались, как будто она отпустила что-то на волю.

Черри хотелось рассказать Слику обо всём, что они сделают, когда доберутся до Кливленда. Он приматывал плоские ячейки к широкой груди Судьи серебристой лентой. Серый «алеф» был уже закреплён на спине автомата такой же лентой. Черри говорила, что знает, где сможет найти для него работу — чинить «железо» в залах компьютерных игр. Он слушал вполуха.

Всё наладив, он протянул женщине пульт дистанционного управления.

— Нам тебя ждать?

— Нет, — ответила она. — Поезжайте в Кливленд. Черри же только что тебе сказала.

— А ты как?

— Пойду прогуляюсь.

— Хочешь замёрзнуть? Умереть с голоду?

— Хочу для разнообразия, чёрт побери, побыть немного самой собой.

Она пощёлкала кнопками, Судья дрогнул, сделал шаг вперёд, потом другой.

— Удачи в Кливленде.

Они смотрели, как она уходит по Пустоши, а за ней тяжело ступает Судья. Потом она вдруг обернулась и крикнула:

— Эй, Черри! Заставь этого парня принять ванну!

Черри замахала в ответ, на её кожаных куртках зазвенели застёжки.

Глава 44
Красная кожа

Петал сказал, что сумки ждут её в «ягуаре».

— Я подумал, что тебе не захочется возвращаться назад в Ноттинг-Хилл, — продолжал он, — так что мы подыскали тебе жильё в Кэмден-Тауне.

— Петал, — сказала девочка, — я хочу знать, что случилось с Салли. — Он завёл мотор. — Суэйн её шантажировал. Заставлял её выкрасть… — продолжала она.

— А… ну тогда… — прервал её Петал. — Понимаю. Я бы на твоём месте не беспокоился.

— А я беспокоюсь.

— Ну, насколько я знаю, Салли сумела разобраться с этим небольшим дельцем. Разобраться по-своему. И если верить нашим друзьям из официальных кругов, она, по-видимому, смогла сделать ещё и так, чтобы все файлы о ней, в каких бы базах данных они ни содержались, просто испарились — за исключением контрольного пакета акций одного немецкого казино. А если с Анджелой Митчелл что-то и случилось, то в «Сенснете» решили не предавать это огласке.

— А я увижу Салли ещё?

— Только не в моём приходе, пожалуйста.

Они отъехали от тротуара.

— Петал, — сказала Кумико, когда они ехали по улицам Лондона, — мой отец сказал, что Суэйн…

— Дурак. Идиот несчастный. Лучше не говорить об этом сейчас.

— Извини.

Обогреватель работал. В «ягуаре» было тепло, и только тут Кумико почувствовала, насколько она устала. Устроившись поудобнее на красном кожаном сиденье, девочка закрыла глаза. Каким-то образом, подумала она, встреча с З-Джейн освободила её от стыда, а ответ отца — от гнева. З-Джейн была очень жестока. Теперь Кумико видела и жестокость своей матери. Но всё когда-нибудь должно быть прощено, думала она, засыпая по пути к тому месту, которое называлось Кэмден-Таун.

Глава 45
Гладкий камень вдали

В этом доме — стены из серого камня, шиферная крыша — они поселились в самом начале лета. Луг и встающий за лугом лес — яркие и запущенные, однако высокая трава не становится выше, а полевые цветы не вянут.

За домом — садовые постройки, в которые они ни разу не заходили, и поле, где на ветру рвутся с поводка планеры.

Однажды, гуляя в одиночестве под дубами на краю этого поля, она увидела троих незнакомцев верхом на чём-то, что напоминало лошадь. Лошади давно уже вымерли, их род иссяк за много лет до рождения Энджи. В седле восседала стройная фигурка в одежде из твида — мальчик-грум, будто сошедший с какой-нибудь старинной картины. Перед ним — девочка-японка, а позади притулился бледный засаленный человечек в сером костюме и коричневых ботинках; над розовыми носками белели худые лодыжки. Заметила ли её девочка, ответила ли ей взглядом?

Она забыла рассказать об этом Бобби.

Их постоянные посетители прибывали обычно на рассвете, хотя однажды среди бела дня заявился ухмыляющийся маленький кобольд, объявив о себе громким стуком молотка в тяжёлую дубовую дверь. Когда она подбежала открыть, странный персонаж потребовал «этого маленького засранца Ньюмарка». Бобби представил ей это создание как Финна и, казалось, был рад его видеть. От поношенного пиджака гостя исходил смешанный запах застоявшегося дыма, древнего припоя и копчёной селёдки. Бобби объяснил, что Финну всегда здесь рады. «Его стоит принять. Всё равно ведь не отвяжется, раз уж хочет войти».

Приходит и З-Джейн — одна из утренних визитёров; её визиты наводят грусть, она будто ощупью ищет что-то. Бобби, похоже, едва замечает её присутствие, но Энджи, которая поневоле так долго служила вместилищем стольких её воспоминаний, откликается на эту странную смесь тщетных стремлений, разочарований, гнева и ревности. Поняв в конце концов мотивы З-Джейн, Энджи научилась прощать и её — хотя что и за что прощать, когда гуляешь среди этих дубов в лучах солнца?

Сны З-Джейн утомляют Энджи. Она предпочитает другие, особенно те, в которых присутствует её юная протеже. Эти сны приходят, когда утренний ветерок надувает кружевные занавески,

когда начинают перекликаться первые птицы. Тогда Энджи придвигается поближе к Бобби, закрывает глаза, мысленно произносит имя «Континьюити» и ждёт появления маленьких разноцветных картинок.

Она видит, что девочку отвезли в клинику на Ямайке, чтобы вылечить её от пристрастия к примитивным стимуляторам. С новым обменом веществ, настроенным армией терпеливых «сенснетовских» медиков, девочка наконец начинает появляться в свете, полная здоровья и радости. Кто, как не Пайпер Хилл, настраивает ей сенсориум, и вот её первые стимы встречены с беспрецедентным успехом. Во всём мире аудитория «Энджи» просто боготворит её свежесть, её энергию, её непосредственность, с какой она будто впервые открывает для себя свою жизнь.

Иногда на дальнем экране промелькнёт тень, но лишь на мгновение: окоченевшее тело задушенного Робина Ланье найдено на горном склоне «Нового Агентства Судзуки». И Энджи, и Континьюити знают, чьи пальцы сжались на горле звезды, чьи руки выбросили его из окна.

Но кое-что всё ещё ускользает от её понимания, один важный фрагмент той головоломки, которая суть история.

В тени дубов под стальными и нежно-розовыми закатными небесами Франции, которая не есть Франция, она просит Бобби ответить на этот последний вопрос.

Полночь, они ждут на подъездной аллее, потому что Бобби пообещал ей ответ.

Часы в доме отбивают двенадцать, и Энджи слышит, как по гравию шуршат шины. Машина оказывается длинной, низкой и серой.

За рулём — Финн.

Бобби открывает дверь, чтобы помочь ей сесть.

На заднем сиденье, оказывается, уже сидит молодой человек — и Энджи вдруг узнаёт одного из той странной тройки, что проскакала когда-то мимо неё верхом на совершенно неправдоподобной лошади. Он улыбается, но молчит.

— Знакомься, это Колин, — говорит Бобби, устраиваясь рядом с ней. — А Финна ты уже знаешь.

— Она так и не догадалась? — спрашивает Финн, заводя мотор.

— Нет, — отвечает Бобби. — Не думаю.

Молодой человек по имени Колин улыбается.

— «Алеф» — это аппроксимация, близкое подобие матрицы, — говорит он, — что-то вроде модели

киберпространства…

— Да, я знаю. — Энджи поворачивается к Бобби. — Ну? Ты пообещал, что назовёшь причину того, «Когда Всё Изменилось». Почему это произошло. Так как?

Финн смеётся — очень странный звук.

— Дело не в том, *почему* это произошло, леди. Скорее, в том, *что* произошло. Помнишь, Бригитта как-то говорила тебе, что был ещё и другой? Помнишь? Ну это и есть *что*, а это *что* и есть *почему*.

— Прекрасно помню. Она сказала, что, когда матрица наконец познала себя, откуда-то взялся этот «другой»…

— Туда мы сегодня и направляемся, — начинает Бобби, обнимая её за плечи. — Это не очень далеко, но…

— Это *иначе*, — вмешивается Финн, — это по-настоящему *иначе*.

— Но что это?

— Увидишь, — говорит Колин, смахивая со лба прядь каштановых волос — жест школьника в какой-нибудь древней пьесе. — Когда матрица обрела разум, она одновременно осознала присутствие другой матрицы, другого разума.

— Не понимаю, — говорит Энджи. — Если киберпространство состоит из общей суммы всех данных в человеческой системе…

— Вот-вот, — говорит Финн, сворачивая на пустую прямую автостраду, — но ведь о человеческой никто и не говорит, понимаешь?

— Другой был в совсем ином месте, — говорит Бобби.

— В системе Центавра, — вносит свою лепту Колин.

Может, это они так шутят над ней? Очередной розыгрыш Бобби?

— Довольно сложно объяснить, почему, встретив этого другого, матрица раскололась на все эти колдовские духи, вуду и прочее дерьмо, — говорит Финн, — но когда мы туда прибудем, кое-какое представление ты получишь…

— На мой взгляд, — добавляет Колин, — так гораздо забавнее…

— Вы правду мне говорите?

— Будем в Нью-Йорке через минуту, — говорит Финн. — Без дураков.

William Gibson. Mona Lisa Overdrive. 1988.
Перевод с английского Анна Комаринец

notes

1

Искусство кататоников *(нем.)*.

2

эгоцентрический театр *(нем.)*

3

Игра слов: английское слово «count» имеет целый ряд значений, в том числе «счет» и «граф».

4

Прозвище составлено из двух слов – «оук» (дуб) и «о’кей».

5

Индустриальный север США.

мягкая фетровая шляпа с широкими полями.

пластиковый пакет на молнии фирмы «Ziplock»; название стало нарицательным.

8

Перевод А. Тарасова.

9

Злобный пират, герой сказочной повести для детей «Питер Пэн и Венди».

эфир азотной кислоты; наркотик вдыхают, сломав ампулу.

11

Пер. изд.: «Science Fiction Eye», № 1, зима 1987, раздел «Eye to Eye».

© А. Комаринец, перевод, 1997.

12

District Columbia – особая административная единица в составе США, включающая город Вашингтон и его окрестности.

13

Знаменитый голливудский режиссер и продюсер, работавший в 40—50-х годах.

14

Литературные сказки *(нем.)*.

15

«Портобелло», или «Портобелло-роуд», — уличный рынок в Лондоне, известный своими антикварными лавками. Назван так из-за улицы, на которой расположен.

16

Biro (pen) — шариковая ручка (торговая марка).

17

Полиэтиленовый пакет на «молнии» фирмы «Ziplock».

18

Английская аббревиатура «LF» может расшифровываться как «low frequency» — «низкая частота».

19

«Движок», «машинка» — так называется шприц на жаргоне наркоманов.

20

Димексид, диметилсульфоксид — великолепный растворитель, легко проникает через кожу, втягивая за собой любое вещество, в состав которого входит.

21

Continuity — непрерывность, неразрывность, целостность (англ.).

22

Исковерканный английский, вариант афро-американского языка рабов-негров южных штатов.

23

Один из самых фешенебельных и дорогих универсальных магазинов Лондона.

24

Название Королевского оперного театра; находится поблизости от Вестминстерского аббатства.

25

Один из крупнейших выставочных комплексов Лондона.

26

Английское слово «Pope» переводится как «Папа Римский». Съёмочная группа произносит фамилию Поупа с артиклем «the», что приводит к игре слов.

27

Cimetiere — кладбище (франц.).

28

Игра слов. См. сноску к 7-й главе.

29

Старейший в Лондоне клуб консерваторов, основан в 1693 году.

30

Прессованный в таблетки опиум.